

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ВИЗАНТИЙСКИЙ
ВРЕМЕННОК

XXV

1964

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ВИЗАНТИЙСКИЙ ВРЕМЕННОК

Том XXV

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1964

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

академик *М. Н. Тихомиров* (отв. редактор),
Б. Т. Горянов, член-корреспондент АН СССР *П. Б. Ернштедт*,
член-корреспондент АН СССР *В. Н. Лавров*, *Е. А. Липшиц*,
Г. Г. Литаврин, *Р. А. Наследова* (отв. секретарь),
член-корреспондент АН СССР *Н. В. Пигулевская*,
Е. Ч. Скржинская, *М. Я. Сюзюмов*, *Э. В. Удальцова* (зам. отв. редактора)

СТАТЬИ

З. В. УДАЛЬЦОВА

ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЕ В СССР ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1917—1934 гг.)*

В первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции среди историков-византинистов нашей страны еще не было представителей марксистской исторической школы. Подавляющее большинство византинистов старшего и среднего поколения принадлежало к буржуазно-позитивистскому направлению в исторической науке. Но несмотря на то, что значительная часть византинистов примыкала по своим политическим взглядам к правому крылу русской буржуазно-дворянской историографии, почти все наиболее крупные ученые-византиноведы приняли Октябрьскую революцию и стали сотрудничать с Советской властью. Лишь отдельные лица покинули страну и окончили свои дни за пределами родины.

Уже с первых дней Советской власти центром византиноведческих исследований в стране снова становится Академия наук. По инициативе и настоянию акад. Ф. И. Успенского в 1918 г. при Академии наук была создана комиссия для изучения трудов Константина Порфирородного¹. Комиссия ставила своей задачей критическое освоение научного наследия Константина Порфирородного и на этой основе изучение отношений Византии в X в. с Русью, странами Причерноморья, Балкан, Кавказа, Ближнего Востока. Одновременно русские византинисты включились в международное византиноведческое предприятие по переизданию среднегреческого словаря Дюканжа. В 1923 г. комиссия «Константин Порфирородный» была превращена в «Русско-византийскую историко-словарную комиссию». В 1925 г. из нее выделилась особая «Русско-византийская комиссия», занимавшаяся разысканиями в области русско-византийских связей². Все эти византиноведческие комиссии возглавлял акад. Ф. И. Успенский.

* В сборе материалов для статьи и в ее написании принимали участие З. Г. Самодурова и Н. М. Меньшова.

¹ Возглавил эту комиссию акад. Ф. И. Успенский. Кроме него, в нее вошли академики В. В. Латышев, А. А. Шахматов, Н. Я. Марр, В. В. Бартольд, А. В. Никитский и М. И. Ростовцев. См. Ф. И. Успенский. Хроника византиноведения. — ВВ, XXIII (1917—1922). Пг., 1923, стр. 134—141.

² См. В. Н. Бенешевич. Русско-византийская комиссия. Glossarium Graecitatis. — ВВ, XXIV. Л., 1926, стр. 115—130. Эта комиссия провела большую работу по подготовке для нового словаря Дюканжа толкования ряда важных греческих терминов (см. там же, стр. 130—140). В ее работе принимали участие видные византинисты и эллинисты — всего около 40 человек. См. В. Н. Бенешевич. Русско-византийская историко-словарная комиссия в 1926—1927 гг. — ВВ, XXV. Л., 1928, стр. 165—171.

В Академии истории материальной культуры в Ленинграде при секторе археологии было создано отделение христианской и византийской археологии. С 1917 по 1928 г. вышло в свет три тома (XXIII, XXIV и XXV) «Византийского временника». Византиноведческие работы, кроме того, публиковались в таких журналах, как «Анналы», «Христианский Восток» и «Новый Восток», в «Известиях АН СССР» и других периодических изданиях.

Деятельность русских византистов в первые годы Советской власти получала в советской историографии разноречивую оценку, во многом отражавшую борьбу мнений по вопросу об отношении к наследству буржуазных ученых. Можно наметить две точки зрения в оценке политической направленности и научной значимости трудов буржуазных византистов, продолжавших свои исследования в послеоктябрьский период. Представители старой академической науки, преимущественно сами византисты, стремились не только панегирически оценить заслуги русских буржуазных византистов, но и подчеркнуть «потери» и «трудности», которые принесла революция византиноведению³. С другой стороны, все чаще стали раздаваться голоса, критиковавшие политические и методологические позиции старого русского византиноведения и требовавшие создания новой марксистской советской византистики.

В конце 20-х — начале 30-х годов марксистская наука, уже окрепшая и успешно развивающаяся, пыталась произвести «переоценку ценностей» во всех сферах исторического знания, в частности и в византиноведении. Для этого необходимо было не только критически переосмыслить наследие буржуазного византиноведения, но и выяснить, что полезного можно взять из буржуазной византистики для развития новой марксистской науки о Византии. Такую задачу поставили авторы историографических обзоров Г. Н. Лозовик и Ф. И. Шмит, в работах которых наряду с резкой, порою даже излишне нигилистической, но по существу политически правильной критикой наследия буржуазной византистики намечались и пути создания марксистского византиноведения⁴. И Г. Н. Лозовик и Ф. И. Шмит убедительно показали непосредственную связь византиноведения в дооктябрьский период с политическими задачами русского царизма⁵. Вместе с тем Г. Н. Лозовик подчеркивал необходимость коренной перестройки старого византиноведения. «Разбитое корыто русской византологии, унаследованное революцией, — писал он, — продолжало давать новые и новые трещины... Новое содержание не могло сразу влиться в устаревшие мехи...»⁶ С этим вполне соглашался и Ф. И. Шмит, утверждавший: «Политически византиноведение у нас было полностью скомпро-

³ См. Ф. И. Успенский. Хроника византиноведения, стр. 134, 138 и др.; он же. Из истории византиноведения в России. — «Анналы», № 1. Пг., 1922, стр. 110—127; В. Н. Бенешевич. Скорбная летопись. — «Русский исторический журнал», 1921, кн. 7, стр. 229—261; И. И. Соколов. Русская литература по византиноведению с 1914 по 1927 г. — «Slavia», 1928, год. 7, № 2, стр. 413—426; № 3, стр. 682—700.

⁴ Г. Н. Лозовик. Десять лет русской византологии (1917—1927 гг.). — «Историк-марксист», 1928, № 7, стр. 228—238; Ф. И. Шмит. Политика и византиноведение. — «Сообщения ГАИМК», 1932, № 7-8, стр. 6—23.

⁵ Г. Н. Лозовик. Указ. соч., стр. 228. Г. Лозовик прямолинейно утверждает, что «концепция Милюкова Дарданельского имела прекрасную идеологическую базу в лице византиноведов всех мастей» (см. Ф. И. Шмит. Указ. соч., стр. 18 и сл.).

⁶ Г. Н. Лозовик. Указ. соч., стр. 231. «И у идеологов Октябрьской революции, — продолжает он, — во всяком случае не было оснований проявить особенное внимание к этой отрасли знаний. Скорее наоборот: поклонники шапки Мономаха и наследства Палеологов должны были иметь в глазах борцов за Октябрь несколько подозрительный вид, должны были пахнуть историческим мусором Четы-Миней и Домостроя, если еще не хуже» (там же).

метировано»⁷. Однако в отличие от Г. Лозовика, давшего лишь негативную оценку положения византиноведения после 1917 г., Ф. И. Шмит уже наметил позитивные задачи дальнейшего развития этой отрасли науки на основе новой марксистской методологии⁸. В дальнейшем советские византинисты в оценке научного наследия русского буржуазного византиноведения, и в частности в оценке послеоктябрьского периода, исходили из необходимости отбросить все ошибочное, методологически и политически нам чуждое, но критически переработать то ценное в трудах буржуазных византинистов, что могло бы способствовать развитию новой марксистской науки.

И после 1917 г. некоторое время главой русского византиноведения оставался акад. Ф. И. Успенский (1845—1928).

В послеоктябрьский период Ф. И. Успенский опубликовал, несмотря на свой преклонный возраст, около 40 работ. Естественно, что эти работы были далеко не равнозначны по своей научной ценности: среди них мы находим обобщающие труды и исследования на частные темы, публикации источников и небольшие этюды⁹.

Центральное место в научном наследии Ф. И. Успенского занимает его фундаментальный труд «История Византийской империи». Эта обобщающая работа была целиком написана еще до Октябрьской революции и полностью отражает позитивистскую методологию и весьма реакционные политические взгляды автора¹⁰. При жизни Ф. И. Успенского были опубликованы первый том (в 1913 г.) и первая половина второго тома (в 1927 г.)¹¹. В первой половине второго тома «Истории Византийской империи» дается подробное изложение преимущественно политической истории Византии в VIII—IX столетиях. В центре внимания автора находятся три крупные проблемы: иконоборческое движение и взаимоотношения Византии с арабами, Византия и Запад при Каролингах и кирилло-мефодиевский вопрос. Иконоборческий период в истории Византии трактуется Ф. И. Успенским как время смелых реформ, глубоких и разнообразных перемен в политической, административной, социально-экономической и религиозной жизни византийского общества. Все реформы приписываются исключительно воле иконоборческих императоров, особенно Льва III Исавра, Константина V, Льва IV, Никифора I, деятельность которых крайне идеализируется. По словам Ф. И. Успенского, тон всей государственной жизни периода иконоборчества задавала борьба партий иконопочитателей и иконоборцев. Основными причинами этой борьбы автор считает столкновения религиозного и идейного характера.

Вместе с тем, следуя позитивистской теории равноправных факторов, Ф. И. Успенский не отбрасывает и социально-экономических и полити-

⁷ Ф. И. Шмит. Указ. соч., стр. 18.

⁸ Там же, стр. 20—23. Г. Н. Лозовик, понимая необходимость создания новых кадров византинистов, усматривал, правда, ошибочно, признаки грядущей переоценки ценностей в трудах К. Н. Успенского и А. А. Васильева (Г. Н. Лозовик. Указ. соч., стр. 238).

⁹ См. библиографию трудов Ф. И. Успенского: С. Н. Каптерев. *Bibliographia Uspenskiana* (хронологический указатель трудов Ф. И. Успенского).— ВВ, I, 1947, стр. 270—314; С. А. Жебелев и В. Н. Бенешевич. Федор Иванович Успенский. I. Канва жизни. II. Список ученых трудов.— Сб. «Памяти академика Ф. И. Успенского (1848—1928)». Л., 1929, стр. 1—23.

¹⁰ З. В. Удальцова. К вопросу об оценке трудов ак. Ф. И. Успенского.— «Вопросы истории», 1949, № 6, стр. 116—127; М. В. Левченко. Византиноведение в СССР.— «Уч. зап. ЛГУ», № 14, 1949, стр. 220.

¹¹ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. II, ч. 1. Л., 1927; ч. 2 второго тома труда Ф. И. Успенского еще не опубликована, третий же том был напечатан в 1948 г.

ческих причин иконоборческого движения, в частности борьбу светских и духовных землевладельцев за церковные земли. Он считает, что программой иконоборцев было укрепление единой светской власти, подчиняющей себе и церковь, создание сильного государства путем борьбы с мусульманской опасностью, реорганизация внутреннего управления, проведение социальных реформ (наступление на монашество с целью привлечения на службу государству всех способных к труду), перестройка судопроизводства и включение в армию империи новых поселенцев из различных племен, в первую очередь славян. Все эти реформы иконоборческих императоров, по мнению Ф. И. Успенского, должны были в конечном счете привести к торжеству греческого «византизма» над арабским мусульманством. При рассмотрении иконоборчества Ф. И. Успенский оставляет в стороне такой важный вопрос, как роль народных масс в этой борьбе. Павликиане для него остаются лишь замкнутой религиозной сектой, а восстание Фомы Славянина трактуется как мятеж честолюбивого авантюриста, сумевшего сыграть на социальном недовольстве широких масс населения империи¹².

Второй главной проблемой, занимающей большое место в труде Ф. И. Успенского, был вопрос об образовании Западной Римской империи Каролингов и об ухудшении отношений Византии и Запада в период иконоборчества. Иконоборческие реформы оттолкнули от Византии римских пап и во многом, по мнению автора, подготовили разрыв между западной и восточной церквями. Для Византии образование Западной Римской империи Карла Великого было чревато очень тяжелыми последствиями: Восточная империя не только потеряла свои владения в Италии, но и свое влияние на западных и часть южных славян. Столкновение двух империй изображается Ф. И. Успенским как борьба неких отвлеченных начал: «романо-германской идеи» и греческого «византизма». Автор полагает, что «империя Карла Великого выдвинула в европейской истории романо-германскую идею», придав ей всемирное значение. Романо-германский мир, объединенный в политическом отношении под эгидой Каролингов, а в церковном — под властью католического престола, стал могущественной политической и военной силой. Византия, теснимая арабами на Востоке, естественно, не могла противостоять Западной империи и должна была уступить ей главенствующее положение в Европе¹³. Яблоком раздора между двумя империями долгое время оставались славянские племена Центральной и Юго-Восточной Европы. В этом аспекте рассматривается Ф. И. Успенским третья большая проблема, связанная с просветительской миссией Кирилла и Мефодия в Моравии. Большой знаток истории славян Ф. И. Успенский дает интересный очерк деятельности Солунских братьев¹⁴. Он показывает роль кирилло-мефодиевской миссии для «культурного самоопределения» славян в IX в. и всемирно-историческое значение кирилло-мефодиевского вопроса¹⁵. Однако вся проблема трактуется автором в ярко выраженном конфессиональном духе и церковные вопросы выдвигаются на первый план. Под тем же конфессиональным углом зрения рассматривает Ф. И. Успенский и разрыв между

¹² Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. II, ч. 1, стр. 280 и сл. Не отрицая участия народных масс в восстании Фомы Славянина, Ф. И. Успенский считает, что «успех возмущения Фомы столько же зависел от социальных мотивов, сколько от религиозных, так как Фома являлся выразителем протеста против иконоборческого направления» (там же, стр. 292).

¹³ Там же, стр. 110—136, 157—174, 175—202, 218—249.

¹⁴ Там же, стр. 388—408.

¹⁵ Там же, стр. 506 и сл.

константинопольским патриархатом и папским престолом при патриархе Фотии¹⁶.

Большим недостатком синтетического труда Ф. И. Успенского является крайне суммарное изложение социально-экономической истории Византии в VIII—IX вв. Бледнее, чем политическая история, освещена в книге и история культуры. Для современного читателя труд Ф. И. Успенского сохраняет свой интерес преимущественно как обширная сводка богатейшего фактического материала по истории Византии и соседних с ней народов в VIII—IX вв.¹⁷

Другие работы Ф. И. Успенского, написанные им после 1917 г., по своей тематике распадаются на три большие группы: 1) история Трапезундской империи в XIII — середине XV в.; 2) монгольское завоевание и его значение для народов Европы; 3) византино-славянские, и в частности византино-русские, отношения, преимущественно в IX—X вв. Наиболее значительный след в историографии оставили исследования Ф. И. Успенского по истории Трапезундской империи. Все они были основаны на новых ценных материалах, добытых при личном изучении автором архивов и исторических памятников Трапезунда. Когда во время первой мировой войны русские войска в 1916 г. заняли Трапезунд, Ф. И. Успенский возглавил научную экспедицию, отправившуюся туда для изучения трапезундских древностей и среди них — многочисленных памятников византийской эпохи. Работы экспедиции, в том числе археологические раскопки, дали ценные результаты¹⁸, хотя и не были завершены из-за срочной эвакуации из Трапезунда русских войск в 1917 г. В последующие годы Ф. И. Успенский занялся обработкой и публикацией привезенных из Трапезунда материалов.

Ценным вкладом в византиноведческую науку была публикация в 1917 г. Ф. И. Успенским совместно с В. Н. Бенешевичем «Вазелонских актов»¹⁹. Вместе с тем «Вазелонские акты» легли в основу большинства исследований Ф. И. Успенского по истории Трапезундской империи. Издание актов Вазелонского монастыря Иоанна Предтечи, близ Трапезунда, было осуществлено по рукописи, хранящейся в Государственной публичной библиотеке в Ленинграде²⁰. Оно, по существу, стало уникальным, ибо подлинные Вазелонские акты погибли при пожаре этого монастыря, разрушенного во время первой мировой войны. Издание «Вазелонских актов» было сделано очень тщательно и получило положительную оценку

¹⁶ Там же, стр. 435 и сл.]

¹⁷ Книга Ф. И. Успенского в свое время получила многочисленные, в целом положительные отзывы в печати. См. И. И. Соколов. — ВВ, XXV. Л., 1928, стр. 154—157; он же. — «Slavia», 1928, год. 7, № 2, стр. 422—423; он же. — «Slavia», 1931, год. 10, № 3, стр. 586—599 (основная рецензия); V. Grumel. — «Echos d'Orient», Paris, t. 31, 1928, p. 504—506; Gy. Moravcsik. — ВЗ, 1928, Bd. 28, S. 404—407; A. Vogt. — «Revue des questions historiques», Paris, 1929, № 10, p. 483—485.

¹⁸ О работе научной экспедиции в Трапезунде в 1916—1917 гг. публиковались отчеты Ф. И. Успенского в различных периодических изданиях. См. «Сообщение и отчет о командировке в Трапезунд Ф. И. Успенского». — «Известия императорской Академии наук», сер. VI, т. XI, № 16, 1916, стр. 1464—1480, 1490—1492, 1657—1663; Ф. И. Успенский. Отчет о занятиях в Трапезунде летом 1917 г. — «Известия Российской Академии наук», сер. VI, № 5, 1918, стр. 207—238.

¹⁹ Ф. И. Успенский и В. Н. Бенешевич. Вазелонские акты. Материалы для истории крестьянского и монастырского землевладения в Византии XIII—XV веков. Л., 1927, предисловие +124, СЛII стр. + 11 табл.

²⁰ Эта рукопись представляет собой копию актов, написанную в XV в. Она была привезена в Россию А. И. Пападопуло-Керамевсом и частично подготовлена им к печати, однако опубликовать это издание он не успел. См. Ф. И. Успенский. Монастырские акты Иоанна Предтечи Вазелон (Греческая рукопись Публичной библиотеки в Петрограде, № 743). — «Известия Российской Академии наук», сер. VI, т. XIII, № 16-18, 1919, стр. 1007—1022.

со стороны многих крупных византинистов различных стран²¹. Собрание Вазелонских актов включает в свой состав около 190 документов: купчие, завещания, пожалования и другие дарственные грамоты XIII—XV вв., тяжбы из-за земли с соседями и совладельцами, свидетельствующие о переходе земельной собственности крестьян в руки крупных светских и церковных землевладельцев, и в первую очередь в руки самого Вазелонского монастыря. Ф. И. Успенский дал оценку этих грамот как в комментарии к изданию памятника, так и в других своих работах, посвященных социально-экономической истории Трапезундской империи. Акты Вазелонского монастыря дают возможность проследить на протяжении двух с лишним столетий на одной и той же территории движение земельной собственности, ее концентрацию в руках крупных землевладельцев. Они помогают выяснить судьбы одних и тех же родов и семей как служилой аристократии, так и беднеющих свободных крестьян, владельцев мелких «родовых» участков земли. Акты позволяют поставить вопрос о социальной эволюции в Трапезундской империи XIII — начала XV в., выразившейся в переходе земли крестьян в руки знати, распродаже земельных участков мелкими долями, появлении владений зависимых крестьян — париков²². По мнению Ф. И. Успенского, Вазелонские акты — непревзойденный материал, ибо он вводит в существо крестьянских земельных отношений, знакомит с продажной ценой земли, системой обложения крестьян налогами. Отличительной особенностью этих актов является то, что с их страниц веет подлинной жизнью, передаются «настроения, желания, цели маленького обывателя, нигде иным образом не оставившего на свете следов своего существования»²³. В актах рисуются страшные картины «агарянского полона»: очень часто свои земли Вазелонскому монастырю отдают вдовы и матери, у которых мужья и сыновья попали в плен к туркам. Дарение, как правило, производится с условием возврата этих земель в случае освобождения родственников дарительниц из плена. По словам издателей Вазелонских актов, среди этих документов «попадают иногда такие трогательные, горькими слезами написанные факты из семейной истории маленького человечка, сельского обывателя»²⁴, что перед читателем возникают полные живых красок картины быта трапезундских крестьян в XIII—XV вв. Вазелонские акты, подкупающие своей свежестью и непосредственностью, рисуют «интимную жизнь сельского обывателя со всеми ее заботами и ежедневными мелочами...»²⁵

Вазелонские акты проливают свет на состав сельского населения, на происхождение и национальность свободных и зависимых крестьян, показывают характер взаимоотношений крестьян с монастырем. Они дают возможность определить значение таких терминов, как «хорафий», «стась», «проастий», чрезвычайно важных для понимания внутренней жизни как

²¹ См. рецензии: И. И. Соколов. — «Україна», 1930, стр. 177—180; он же. — «Slavia», 1928, год. 7, № 2, стр. 413—426; Е. А. Черноусов. Новинки по экономической истории Византии. — «Груды Северо-Кавказской ассоциации научно-исследовательских институтов», № 43, вып. 4. Ростов-на-Дону, 1928, стр. 206—209; К. А. Шап-тос. — «Ελληνικά», 1928, № 1, σελ. 444—446; F. Dölger. — BZ, 1929—1930, Bd. 29, S. 329—344; G. Ostrogorski j. — BNJ, 1928, Bd. 6, Hf. 3—4, S. 580—586.

²² Ф. И. Успенский. Социальная эволюция и феодализация Византии. — «Анналы», № 2, 1922, стр. 95—115. В огромном большинстве случаев акты говорят о разорении свободных крестьян и концентрации земли в руках светских магнатов и Вазелонского монастыря. В документах зафиксирован лишь один редкий случай, когда крестьянин Цимирик разбогател и перешел в сословие архонтов (там же, стр. 110).

²³ Там же, стр. 102.

²⁴ Там же.

²⁵ Ф. И. Успенский и В. Н. Бенешевич. Вазелонские акты..., предисловие.

деревни, так и поместья²⁶. Для разрешения важных вопросов о характере парического права, о формах аренды издатели Вазелонских актов в своем комментарии опубликовали еще один памятник, давно известный, но мало изученный, рукопись которого находится также в Публичной библиотеке в Ленинграде, — две небольшие заметки юриста X в. магистра Косьмы. Заметки эти дают возможность, по мнению издателей, «бросить взгляд на крестьянский вопрос в Византии с таких сторон, которые до сих пор не подвергались рассмотрению»²⁷.

На основании анализа как Вазелонских актов, так и некоторых других источников Ф. И. Успенский приходит к определенным выводам относительно землевладения в Трапезундской империи XIII — середины XV в., распространяя иногда эти выводы на все Византийское государство. Прежде всего он выступает против теории Б. А. Панченко об исчезновении в Византии после X в. свободного крестьянского сословия. Он утверждает, в согласии со своей общей концепцией аграрных отношений в Византии²⁸, что свободное крестьянство и крестьянская община как в Трапезунде, так и в самой Византии сохранились вплоть до турецкого завоевания и даже пережили его²⁹. Второй важный вывод, сделанный Ф. И. Успенским в его работах по истории Трапезундской империи, это признание процесса социальной эволюции в поземельных отношениях XIII — середины XV в. Эволюция эта состояла в разрушении мелкой земельной собственности и образовании крупных усадеб. По Вазелонским актам можно проследить происхождение больших вотчин, образовавшихся в результате скупки мелких участков свободных крестьян³⁰. Иными словами, в Трапезунде с конца XIII и по начало XV в. наблюдаются

²⁶ Ф. И. Успенский в комментарии к Вазелонским актам и в других работах дает свое толкование этих терминов. По мнению Ф. И. Успенского, хорафий — это организованный в хозяйственном отношении земельный участок, находящийся в обработке, усадьба — как крестьянская, так и помещичья. Хорафий — часть особой социально-экономической организации — стаии. Стась не обозначает индивидуального хозяйства, и в нее входит много хозяйств разных лиц. Проастиий — это господская вотчина и усадьба, разделенная на земельные участки, занятые зависимыми от помещика крестьянами (Ф. И. Успенский и В. Н. Бенешевич. Вазелонские акты..., стр. LX, LXI, LVIII, LXXXI—LXXXII; Ф. И. Успенский. Социальная эволюция..., стр. 97, 112). Интересно произведенное автором сравнение таких институтов, как хорафий, стась, проастиий, с западноевропейскими феодальными поземельными институтами.

²⁷ Ф. И. Успенский и В. Н. Бенешевич. Вазелонские акты..., стр. XXXVII. На основании анализа определений магистра Косьмы Ф. И. Успенский приходит к выводу о существовании в Византии трех видов аренды: 1) эмфитевсиса — долгосрочной аренды, 2) *μίσθωσις* или *λαχτων* — аренды по найму и 3) сдачи земли на особых условиях, вытекающих из парического (присельнического) права (*δίκαιον λαχομηών*) (там же).

²⁸ См. более ранние работы Ф. И. Успенского, в которых проводится та же теория, например: Ф. И. Успенский. К истории крестьянского землевладения в Византии. — ЖМНП, ч. 223, 1883, № 1, отд. II, стр. 30—87; № 2, стр. 301—360.

²⁹ Ф. И. Успенский. К истории крестьянского землевладения..., стр. 308—313. Ср. о н же. Значение византийской и южнославянской пронии. — «Сб. статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского по случаю 25 лет его ученой и профессорской деятельности». СПб., 1883, стр. 1—32. Основным аргументом в пользу своей теории Ф. И. Успенский считает данные Вазелонских актов, свидетельствующие о «передвижении» земельной собственности из одних рук в другие, причем продавцами являются свободные крестьяне, владельцы свободной родовой (*γενικήν*) собственности (Ф. И. Успенский и В. Н. Бенешевич. Вазелонские акты..., стр. XXXIX; ср. Ф. И. Успенский. Социальная эволюция..., стр. 107 и сл.). Наличие же сельской общины подтверждается, по его мнению, сохранением вплоть до XV в. обычая передела земельных участков между совладельцами, дробления владений на доли. Система переделов предполагает одновременное существование общественных неподеленных земель (что находит аналогию в Земледельческом законе) (Ф. И. Успенский. Социальная эволюция..., стр. 113).

³⁰ Ф. И. Успенский. Социальная эволюция..., стр. 107 и сл.

ся те же самые явления, что и во всей Византии (да и на Западе): оскудение свободной, так называемой родовой собственности крестьян и как естественное последствие — увеличение числа зависимого от помещика населения, занимающегося обработкой чужой земли³¹. Самым важным наблюдением, вытекающим из изучения Вазелонских актов, Ф. И. Успенский считает то, что с X по XV в. и даже далее прослеживается одинаковый тип социальной и экономической эволюции во всех областях Византийской империи³².

Сама постановка вопроса о социальной и экономической эволюции в Византии весьма плодотворна, однако в разрешении этого вопроса Ф. И. Успенский остановился на полпути. Оставаясь всегда на позициях позитивистской методологии, Ф. И. Успенский был очень далек от марксистского понимания феодализма³³ и видел в нем лишь рассеяние суверенитета и децентрализацию³⁴. Поэтому-то он сделал столь неожиданные выводы из материала, наглядно показывающего существование развитых феодальных отношений в Трапезунде в XIII — середине XV в. Сравнительная социальную эволюцию, происходившую на Западе и в Византии, автор полагает, что на Западе на почве борьбы крупных землевладельцев с верховной властью расцвел «пышный цветок феодализма». «На Востоке все ограничилось первичной стадией, добрыми желаниями, неудачными попытками»³⁵. По мнению Ф. И. Успенского, Вазелонские акты отражают лишь первичную стадию феодализации³⁶.

Этот же тезис отстаивает Ф. И. Успенский и в своем обобщающем труде по истории Трапезундской империи³⁷. Давая подробный очерк политической истории Трапезунда, Ф. И. Успенский самым важным явлением в ней считает борьбу служилой поземельной аристократии с императорской властью: «... трапезундская служилая аристократия в смысле сословного, замкнутого в себе и стремящегося к определенным целям класса... была на верном пути к феодализации империи и образованию отдельных и независимых от царской власти сеньорий..., и тем не менее феодальным государством Трапезунд не был»³⁸.

Таким образом, по кардинальному вопросу аграрной истории Византии Ф. И. Успенский стоял на чуждых марксизму позициях. Далек от марксизма он был и в трактовке вопросов классовой борьбы. Так, в своем обобщающем труде, как бы подводящем итоги всей его работы в области

³¹ Ф. И. Успенский и В. Н. Бенешевич. Вазелонские акты..., стр. LXXXIX.

³² Там же, стр. С. Другим интересным наблюдением автор считает наличие, по данным актов, остатков родового строя в Трапезунде XIII — середины XV в. Обращает на себя внимание также дробность земельных участков или полос, принадлежащих одному и тому же владельцу, и чересполосность мелких владений (там же, стр. CI—CII).

³³ В этой связи нельзя согласиться с утверждением Г. Н. Лозовика, что Ф. И. Успенский более, чем иные «маститые» ученые, прислушивался к идеям, порожденным революцией, и, не сознавая этого, в трактовке вопросов землевладения был близок к марксизму. Г. Н. Лозовик дошел даже до такого совершенно неприемлемого тезиса, будто Ф. И. Успенский «не догадывался, что он еще 40 лет назад „говорил прозой“ в стиле марксизма» (Г. Н. Лозовик. Ф. И. Успенский... 1845—1928. Некролог. — «Историк-марксист», 1928, № 9, стр. 114).

³⁴ Ф. И. Успенский. Центробежные и центростремительные силы в истории Византии. — ИАН СССР, отдел. обществ. наук, 1931, сер. VII, № 4, стр. 457.

³⁵ Ф. И. Успенский. Социальная эволюция..., стр. 113.

³⁶ Там же, стр. 114. Подтверждением этого автор считает тот факт, что после завоевания Трапезунда турки ввели тимариотскую систему, во многом основанную на византийских поземельных отношениях (там же, стр. 114).

³⁷ Ф. И. Успенский. Очерки по истории Трапезундской империи. Л., 1929, стр. 1—158. Эта книга была издана уже после смерти автора под редакцией и с предисловием акад. С. А. Жебелева.

³⁸ Ф. И. Успенский. Очерки по истории Трапезундской империи, стр. 113.

истории Трапезунда, Ф. И. Успенский совершенно игнорирует классовую борьбу народных масс и все социальные столкновения сводит или к борьбе внутри господствующего класса, или к национальной розни. Так, например, рассматривая ожесточенную социально-политическую борьбу в Трапезунде в середине XIV в., Ф. И. Успенский трактует ее исключительно как конфликт двух партий господствующего класса. В одной партии объединились земельные магнаты туземного происхождения, лазская, грузинская и армянская аристократия, в другой — греческие вельможи, связанные с Константинополем и династией Палеологов³⁹. Императорская власть лавировала между этими партиями, Великие Комнины ориентировались в своей политике то на Византию, то на Грузию.

«В среде трапезундской аристократии, — пишет автор, — не доставало единства и организации. Местные дворянские роды грузинского и армянского происхождения вели борьбу с константинопольскими греками, постоянно выслаемыми из Константинополя для усиления эллинских тенденций в политике Трапезундской империи»⁴⁰. Однако, пишет он далее, «бурная вспышка ожесточенной борьбы трапезундской земельной и служилой аристократии, падающая на половину XIV в., была потушена императорской властью и сопровождалась ослаблением многих дворянских родов»⁴¹. Поражение аристократии в борьбе с императорской властью, знаменующее для Ф. И. Успенского победу сил централизации над децентрализацией, и является, по его мнению, важнейшим показателем слабого развития феодализма в Трапезунде. Внимание автора привлекает лишь лежащая на поверхности борьба внутри господствующего класса, позиция же народных масс его не интересует. Так, упоминая данные хроники Панарета об активном участии в борьбе партий городского дима Трапезунда, Ф. И. Успенский оставляет в стороне вопрос о его социальном составе и роли народных масс в социально-политической борьбе XIV в.⁴²

Вместе с тем нельзя отрицать положительный вклад в науку, внесенный трудами Ф. И. Успенского по истории Трапезундской империи. В обобщающем труде и этюдах к нему Ф. И. Успенский очень убедительно показал пестроту этнического состава населения Трапезундской империи: империю населяли местные племена и народы: лазы, халды, халивы, армяне, грузины, в горах — кочевые племена курдов. Греки отнюдь не составляли большинства. Более того, по предположению Ф. И. Успенского, свыше половины населения состояло из негреческих элементов⁴³. До первой четверти XIV в. политическое преобладание было явно на стороне грузин и армян, и лишь после кровавых междоусобиц середины XIV в. руководящую роль в стране стали играть греки⁴⁴. Любопытно наблюде-

³⁹ Там же, стр. 108 и сл. Правда, сами источники — Вазелонские акты, хроника Панарета и др. — наталкивали автора на правильные выводы о характере и происхождении земельной аристократии Трапезунда. Автор отмечает процесс сращивания земельной аристократии со служилой, показывает, что все высшие гражданские и военные должности передавались по наследству и удерживались из поколения в поколение за знатными родами земельных магнатов (там же, стр. 112 и сл.). Источники с очевидностью рисуют картину развитых феодальных отношений, показывая самостоятельность крупных феодалов, их большие земельные владения; замки и поместья, населенные крепостными париками и рабами или сдаваемые в аренду крестьянам. Однако от вывода о развитии феодализма в Трапезунде в XIII — середине XV в. автор упорно отказывается (там же, стр. 113 сл.).

⁴⁰ Ф. И. Успенский. Социальная эволюция..., стр. 114.

⁴¹ Там же, стр. 113.

⁴² Ф. И. Успенский. Очерки по истории Трапезундской империи, стр. 78 и сл.

⁴³ Там же, стр. 32 и сл.; он же. Трапезундская империя. — «Анналы», № 4, 1924, стр. 25.

⁴⁴ Ф. И. Успенский. Трапезундская империя; стр. 25 и сл.

ние Ф. И. Успенского о том, что в актах Вазелонского монастыря среди крестьян встречаются русские или юго-славянские имена⁴⁵. Разноплеменность не только верхов, но и широких крестьянских масс объясняет, по Ф. И. Успенскому, недостаток местного патриотизма, пагубно сказавшийся на судьбах страны в трагический период завоевания Трапезунда в 1461 г. войсками турецкого султана Мехмета II⁴⁶.

Ценны разыскания Ф. И. Успенского в области восстановления топографии древнего Трапезунда. На основе археологических, эпиграфических топонимических данных, добытых во время экспедиции в Трапезунд в 1916—1917 гг., ему удалось воспроизвести план города Трапезунда византийской эпохи и дать интересное, вытекающее из личных наблюдений описание таких замечательных памятников, как трапезундский кремль, три главных византийских храма⁴⁷, гробница трапезундского императора Алексея IV Комнина⁴⁸ и др. В «Очерках из истории Трапезундской империи», кроме того, дается хорошая сводка всей политической истории Трапезунда, краткий очерк административного и военного устройства империи Великих Комнинов. Яркими красками нарисовано тяжелое международное положение Трапезундской империи, принужденной постоянно лавировать между Византией, турками-сельджуками, монголами, позднее османами. Много усилий прилагает автор к выяснению взаимоотношений Трапезунда с Крымом и Кавказом. По его мнению, «эта империя в своем происхождении и существовании опиралась как на грузинскую народность, так и на весьма мало еще выясненные связи — экономические и торгово-промышленные — с Крымом и Кавказом. Эти последние соображения приводят нас к заключению, что история Трапезундской империи входит некоторой частью в задачи, принадлежащие истории России»⁴⁹. К сожалению, внутренней истории Трапезундской империи в этом труде, подводящем итоги многолетних исследований автора, уделяется очень мало внимания⁵⁰.

Полезны, кроме того, публикации Ф. И. Успенским некоторых изданных памятников, связанных с историей Трапезунда и Константинополя⁵¹.

* * *

В последние годы жизни Ф. И. Успенский занялся изучением важной проблемы роли монгольского завоевания в судьбах Европы, в частности

⁴⁵ Ф. И. Успенский. Трапезундская империя, стр. 30.

⁴⁶ Там же, стр. 31.

⁴⁷ Ф. И. Успенский. Очерки по истории Трапезундской империи, стр. 4—26, 140—158. Автор детально обследовал такие византийские храмы, как храм св. Софии, церковь Евгения и храм Папагии Златоглавой.

⁴⁸ Там же, стр. 130. См. Ф. И. Успенский. Усыпальница царя Алексея IV в Трапезунде.— ВВ, XXIII. Пг., 1923, стр. 1—14. Летом 1916 г. во время пребывания в Трапезунде Ф. И. Успенский обнаружил под турецким тюрье близ храма Богородицы Златоглавой усыпальницу византийской эпохи и, сопоставив все данные письменных источников, установил, что это гробница трапезундского императора Алексея IV Комнина, убитого по приказу его сына Калоюна в 1446 г. Из археологических изысканий Ф. И. Успенского следует отметить изучение им древней крепости Гония близ Батуми. См. Ф. И. Успенский. Старинная крепость на устье Чороха.— Известия Российской Академии наук, 1917, сер. VI, т. XI, № 2, стр. 163—169.

⁴⁹ Ф. И. Успенский. Очерки по истории Трапезундской империи, стр. 2; ср. он же. Выделение Трапезунда из состава Византийской империи.— *Seminarium Kondakovianum*, I (1927), стр. 21—34.

⁵⁰ Ф. И. Успенский. Очерки по истории Трапезундской империи, стр. 86—87.

⁵¹ Ф. И. Успенский. Трапезундская рукопись в Публичной библиотеке (№ 69).— *Известия Российской Академии наук*, 1917, т. XI, № 10, стр. 719—724; он же. Константинопольская Серальская рукописная псалтырь с толкованиями.— ВВ, XXIII. Пг., 1923, стр. 118—133.

в истории стран Средиземноморья. Ф. И. Успенский сам довольно откровенно объясняет причину своего интереса к монгольскому завоеванию. Он считает XIII век переломным моментом в истории Европы, когда «создавались мировые события и подготовлялись катастрофы мирового масштаба». «Для мыслителя этот период XIII века так же важен и интересен, как недавно пережитый нами период Великой Европейской войны»⁵². Подобная аналогия между нашествием монголов и первой мировой войной показывает политическую подоплеку пристального внимания Ф. И. Успенского к истории монголов. Явно преувеличивая историческое значение монгольского завоевания, Ф. И. Успенский считает, что нашествие монголов было событием всемирного масштаба и что оно изменило весь ход мировой истории. В истории средневековья, по его мнению, нельзя указать более глубокого и в такой же степени сильно затронувшего все стороны социальной и государственной жизни народов перелома, как вступление монголов в Персию, Малую Азию, Юго-Восточную Европу⁵³. Монгольское завоевание трактуется Ф. И. Успенским в плане извечной борьбы двух миров — мусульманского и христианского. Успехи монголов он объясняет отсутствием единства среди европейских народов, которые даже перед лицом общей опасности продолжали борьбу между собой из-за торговых путей на Восток⁵⁴. Автор одновременно показывает значение монгольского завоевания для истории Руси и Южного Кавказа⁵⁵.

Анализируя данные византийских историков Георгия Пахимера и Никифора Григоры о сложном переплетении политических отношений между Византией, египетскими султанами и монголами в XIII в., автор полагает, что византийское правительство совершило большую ошибку, заключив договор с Египтом и пропустив корабли египетских султанов через проливы в Черное море. Это дало возможность египетским султанам создать сильную армию мамлюков из добровольцев и рабов, вывезенных из областей Северного Причерноморья. Тем самым Византия сама способствовала созданию новой угрозы для христианских стран Средиземноморья со стороны армии мамлюков и усилению египетских турок, потенциальных союзников монголов⁵⁶.

Для общеметодологических взглядов Ф. И. Успенского весьма характерно преувеличение роли географического фактора в истории, которое чрезвычайно ярко сказалось в данной работе. Анализируя сообщение Пахимера о влиянии географической среды на народы Севера и Юга, автор подчеркивает огромное значение географического фактора как для средневековья, так и для современного общества⁵⁷.

В последующих своих работах Ф. И. Успенский выходит за рамки изучения лишь монгольского завоевания и ставит проблему в еще более широком плане. Предметом его исследования становятся взаимоотношения между Западом и Востоком в XI—XIV вв. В этом аспекте он разрабатывает вопрос о значении для Европы, в частности и для Византии, появления на мировой арене турок и монголов. По его мнению, ни история монголов, ни характер господства монголов на Руси не могут быть выяснены без учета событий, происходивших в этот период в странах Средиземноморья⁵⁸.

⁵² Ф. И. Успенский. Византийские историки о монголах и египетских мамлюках. — ВВ, XXIV. Л., 1926, стр. 10.

⁵³ Там же, стр. 11.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же, стр. 11—12.

⁵⁶ Там же, стр. 3 сл.

⁵⁷ Там же, стр. 4 сл.

⁵⁸ Эта проблема рассматривалась в следующих работах: «Конкуренция народов на Ближнем Востоке». — «Сообщения Российского палестинского общества» т. 29. Л.,

Проблема взаимоотношений Византии и Руси рассматривается Ф. И. Успенским в отдельных небольших этюдах, связанных преимущественно с работой комиссии «Константин Порфирородный»⁵⁹. Еще при жизни Ф. И. Успенского были опубликованы ранее написанные им главы из второй части II тома «Истории Византийской империи». Две из них касаются взаимоотношений Византии и славян. Наибольший интерес представляет статья «Значение походов Святослава в Болгарию»⁶⁰. Автор доказывает на основании критического анализа известий русских и византийских писателей, что как победа, так и поражение Святослава имели огромные последствия для Болгарии и Византии. Окончательное поражение Святослава привело к усилению греческого элемента на Балканах и к ослаблению славян и албанцев.

Очень показательной для мировоззрения Ф. И. Успенского является глава из неопубликованного II тома «Истории Византийской империи» — «Последние Комнины. Начало реакции»⁶¹. В главе собран ценный материал о правлении византийского императора Андроника Комнина, портрет этого «авантюриста» на императорском троне написан живо, широкими мазками. Однако глава буквально пронизана ненавистью и презрением к народным массам, к «константинопольской черни». Восстания народных масс для Ф. И. Успенского — страшные, анархические бунты, поднимающие на поверхность «самые темные элементы», разжигающие «необузданные инстинкты черни»⁶². Гибель Андроника Комнина, по мнению Ф. И. Успенского, была предопределена тем, что он хотел казаться «крестьянским царем» и восстал против себя аристократию. «Популярность среди уличной толпы, к чему, по-видимому, так стремился Андроник, была ненадежной порукой на будущее»⁶³. Реакционность политических взглядов Ф. И. Успенского в этой работе проявилась с особой силой и в незавуалированном виде.

Несколько особняком стоит еще одна работа Ф. И. Успенского, посвященная рассмотрению важного памятника второй половины XII в. — путевых записок Вениамина из Туделы⁶⁴.

Вениамин из Туделы, испанский еврей, во второй половине XII в. совершил большое путешествие по многим странам Европы и Востока. Повсюду Вениамин собирал сведения о положении еврейских общин и вы-

1926, стр. 1—27; «Восточная политика Мануила Комнина: турки-сельджуки и христианские государства Сирии, Палестины». — Там же, стр. 111—138. Статья «Движение народов из Центральной Азии в Европу (турки и монголы)» увидела свет после смерти автора (ВВ, I, 1947, стр. 9—28). Ф. И. Успенский сделал на эти темы в Академии наук ряд докладов, которые остались неопубликованными. Они хранятся в Архиве Академии наук в Ленинграде. Среди них можно отметить следующие этюды: «Морское и сухопутное движение из Центральной Азии и обратно в XIII—XIV вв.», «Монголы и мусульманство во второй половине XIII в.», «Ближайшие годы по смерти Чингисхана», «Значение выступления монголов в общеевропейской истории», «Джугиды. Образование Кипчака, или Золотой Орды» (см. Н. С. Лебедев. Научное рукописное наследство академика Ф. И. Успенского. — ВВ, I, 1947, стр. 109—113).

⁵⁹ Эти доклады, посвященные литературной деятельности Константина Порфирородного, договорам Руси с греками, путешествию княгини Ольги в Царьград, представляют интерес для византинистов. Однако они так и остались неопубликованными.

⁶⁰ Ф. И. Успенский. Греция и эллинизм в конце VIII и начале IX в. (Из XI главы неизданного II тома «Истории Византийской империи»). — Сб. статей в честь С. А. Жебелева. Л., 1926 (машиннописный текст), стр. 184—200; Ф. И. Успенский. Значение походов Святослава в Болгарию. — ВДИ, 1939, № 4, стр. 91—97.

⁶¹ ВВ, XXV. Л., 1928, стр. 1—24.

⁶² Там же, стр. 8—9, 18—23.

⁶³ Там же, стр. 22.

⁶⁴ Ф. И. Успенский. Путевые записки Вениамина из Туделы. — «Анналы», 1923, № 3, стр. 5—21.

яснял численность еврейского населения многих городов и стран. Попутно он описывал все виденное им на пути. Записки Вениамина из Туделы содержат интересное описание Галлии, Италии, Византии, Арабского халифата. Особенно красочно рисует Вениамин Тудельский такие города, как Иерусалим, Багдад, Константинополь. В своей статье Ф. И. Успенский поставил задачу проверить достоверность сообщений Вениамина Тудельского о Византии, в особенности о Константинополе. Для этого он сопоставил рассказ Вениамина с византийскими источниками и пришел к выводу, что известия этого путешественника весьма неточны, особенно много ошибок допущено им при описании административного устройства Византии. Одновременно Ф. И. Успенский пытается выяснить цель путешествия Вениамина Тудельского и в конечном счете присоединяется к выдвинутой ранее гипотезе, что Вениамину было поручено собрать сведения об еврейском населении различных стран в связи с проектом переселения евреев из Европы в Аравию⁶⁵.

В деятельности Ф. И. Успенского, главы русского буржуазного византиноведения, как в фокусе отразились как некоторые положительные, так и отрицательные черты буржуазной византистики. В оценке научных трудов Ф. И. Успенского в послереволюционной историографии наметились две точки зрения. Представители старой, «академической» науки высоко оценили научное наследие Ф. И. Успенского. В панегирических тонах написаны, например, все статьи сборника памяти Ф. И. Успенского⁶⁶. Акад. С. А. Жебелев (1867—1941), считая Ф. И. Успенского, наряду с В. Г. Васильевским (1838—1899) и Н. П. Кондаковым (1844—1925), одним из трех столпов русского византиноведения, полагает, что труды русских буржуазных византистов не устарели и никогда не устареют и что по ним будут учиться поколения молодых византистов⁶⁷. К этой высокой оценке творчества Ф. И. Успенского присоединяется и М. А. Шангин, выделяя особо вклад Ф. И. Успенского в развитие не только византиноведения, но и славистики⁶⁸. Позднее с восторженными похвалами Ф. И. Успенскому выступил Б. Т. Горянов⁶⁹.

Вместе с тем в конце 20-х — начале 30-х годов XX в. в византиноведении появилась новая струя, и естественно, что историки-марксисты начали иначе оценивать труды буржуазных византистов, в первую очередь Ф. И. Успенского. Украинский профессор Г. Н. Лозовик, не отрицая

⁶⁵ Там же, стр. 20.

⁶⁶ Сб. «Памяти академика Ф. И. Успенского (1848—1928)». Л. 1929. Там напечатаны статьи: С. А. Жебелев и В. Н. Бенешевич. Федор Иванович Успенский..., стр. 1—23; В. П. Бузескул. Общий очерк научной деятельности Ф. И. Успенского, стр. 25—52; С. А. Жебелев. Ф. И. Успенский и Русский археологический институт в Константинополе, стр. 53—66; В. Н. Бенешевич. Ф. И. Успенский как основатель и руководитель Русско-византийской комиссии Академии наук, стр. 67—74; А. И. Малеин. Ф. И. Успенский как основатель и руководитель кружка друзей греческого языка и литературы, стр. 75—78.

⁶⁷ С. А. Жебелев. Русское византиноведение, его прошлое, его задачи в советской науке.— ВДИ, 1938, № 4(5), стр. 13—22.

⁶⁸ М. А. Шангин. История славян в трудах русских византистов.— «Исторический журнал», 1941, № 12, стр. 134—137.

⁶⁹ Б. Т. Горянов. Ф. И. Успенский и его значение в византиноведении.— ВВ, I, 1947, стр. 29—108. Статья Б. Т. Горянова, как и другие работы, помещенные в этом томе, подверглась резкой критике со стороны научной общественности за идеализацию дореволюционного буржуазного византиноведения. См. М. В. Левченко. Византиноведение в СССР..., стр. 234—235. Панегирическим духом по отношению к Успенскому проникнуты и другие статьи, напечатанные в I (XXVI) томе «Византийского временника». См. Н. С. Лебедев. Научное рукописное наследство академика Ф. И. Успенского, стр. 109—113; А. Г. Готалов-Готлиб. Ф. И. Успенский как профессор и научный руководитель, стр. 114—126.

научных заслуг Ф. И. Успенского, резко критиковал его политические взгляды и взгляды других буржуазных византинистов. Он показал, насколько тесной была связь мировоззрения Ф. И. Успенского с политической царского правительства и насколько ярко она отражала реакционную идеологию, покоящуюся на принципах самодержавия, православия и народности⁷⁰.

Известный византинист Ф. И. Шмит в своем очерке «Политика и византиноведение» еще прямее и резче выступил против политических основ русского буржуазного византиноведения. «Для Ф. И. Успенского, — писал он, — византиноведение так прочно связалось с определенной политической системой, что он его не представляет в иной связи, не может оценить его подлинно научной ценности, как науки, изучающей особую характерную разновидность феодальной формации, во многом отличную от западноевропейской...»⁷¹

И Г. Н. Лозовик и Ф. И. Шмит признавали, что Ф. И. Успенский немало сделал для налаживания исследовательской работы по византиноведению в Академии наук СССР. Но он хотел возродить там старые традиции буржуазной византиноведческой науки. Передовые византинисты в начале 30-х годов уже прекрасно понимали, что надо создать новое, марксистское византиноведение, а не укреплять старое, буржуазное. По этому поводу Ф. И. Шмит писал: «Если бы мы вздумали, как этого хотел Ф. И. Успенский, вновь „утвердить“ в СССР старые традиции византиноведения, как оно процветало у нас до 1917 г. в университетах и духовных академиях, утеря времени была бы смерти невозвратной подобна. Но в утверждении этих старых традиций никакой надобности нет...»⁷²

Если византинисты 30-х годов критиковали буржуазную науку, и в том числе Ф. И. Успенского, прежде всего за реакционные политические взгляды, оставляя в стороне методологию, то позднее советские ученые подвергли критике уже методологические основы буржуазного византиноведения⁷³. Было наглядно показано, что в научной деятельности Ф. И. Успенский и в послеоктябрьский период оставался в замкнутом кругу буржуазной позитивистской методологии. М. В. Левченко (1890—1955) особенно резко выступал против объективистского подхода к оценке трудов буржуазных византинистов⁷⁴.

В первые годы после революции процесс становления советской византистики крайне осложнялся из-за отсутствия марксистских кадров византиноведов. Предстояло пройти еще долгий путь для того, чтобы прео-

⁷⁰ Г. Н. Л о з о в и к. Десять лет русской византологии (1917—1927). — «Историк-марксист», 1928, № 7, стр. 228—238.

⁷¹ Ф. И. Ш м и т. Политика и византиноведение. — «Сообщения ГАИМК», 1932, № 7-8, стр. 18. Ф. И. Шмит там же писал: «Основные проблемы византиноведения, подлинно научного (будучи тоже, разумеется, сугубо политическим), лежат в совершенно иной плоскости, чем грызня империалистических хищников из-за византийских территориальных лохмотьев или чем все известия Константина Порфирородного „О приеме великой княгини Ольги и ее свиты в Константинопольском дворце“... и все те частные вопросы, которые только и умеет перечислить акад. Ф. И. Успенский» (там же, стр. 19).

⁷² Там же, стр. 20.

⁷³ См. М. В. Л е в ч е н к о. Византиноведение в СССР, стр. 224—235; З. В. У д а л ь ц о в а. К вопросу об оценке трудов академика Ф. И. Успенского. — ВИ, 1949, № 6, стр. 116—127; А. П. К а ж д а н. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 6 сл.

⁷⁴ М. В. Левченко, критикуя Б. Т. Горянова, писал: «Работа Горянова, однако, не отмечает принципиальную разницу между старым русским византиноведением, стоящим в основном на позициях позитивистской буржуазной науки, и советским византиноведением, которое ставит своей целью разработку истории на основе марксистско-ленинской методологии» (указ. соч., стр. 234—235).

долеть влияние старых традиций буржуазной науки и построить здание советского византиноведения.

Влияние марксистской методологии, однако, начало сказываться в византиноведении уже с конца 20-х — начала 30-х годов. Проявлялось это влияние прежде всего в изменении тематики научных исследований. Некоторые византицисты старой школы от разысканий в замкнутой сфере церковных вопросов стали переходить к исследованию социально-экономических проблем.

Наиболее наглядно об этом свидетельствует эволюция научного творчества ученика Ф. И. Успенского профессора И. И. Соколова.

Длительное время И. И. Соколов посвящал свои научные занятия изучению истории греко-православной церкви в византийскую эпоху и в новое время ⁷⁵. Знаток канонического права и литургики, он, казалось, был очень далек от социально-экономической истории Византии. Но в середине 20-х годов тематика его работ резко меняется, и он целиком погружается в разыскания в области поземельных отношений в поздней Византии и Турции ⁷⁶.

В статье, посвященной поземельным отношениям в Фессалии в правление Палеологов, И. И. Соколов приходит к четкому выводу, основанному на анализе большого актового материала, о наличии в этой области империи в XIV в. крупного землевладения фессалийских феодалов-властелей.

Знатные роды греческих властелей в XIV в. уже объединяли в своих руках громадные земельные владения, и тем не менее рост их поместий неуклонно продолжался. Не отставали от светских феодалов и монастыри. Быстрый рост феодального (светского и церковного) землевладения в Фессалии происходил как за счет раздачи в пронию Михаилом VIII Палеологом императорских земель, так и в результате захвата участков мелких свободных земледельцев. Не менее ярко, чем рост феодального землевладения, автор показал сопутствующий ему процесс оскудения мелкой крестьянской собственности. Лишь в отдельных горных местностях Фессалии сохранялась крестьянская собственность и сельская община вплоть до турецкого завоевания Византии и даже в эпоху владычества турок ⁷⁷. Считая поземельные отношения Фессалии XIV в. типичными для всей Византии, И. И. Соколов распространяет свой вывод о феодальном характере земельной собственности на всю империю ⁷⁸. Хороший знаток не только среднегреческого, но и новогреческого языка, И. И. Соколов поставил перед собой задачу проследить судьбы феодального землевладения, существовавшего в поздней Византии, в последующие столетия уже в Турецком государстве.

В серии своих статей по этому вопросу И. И. Соколов доказывает зависимость земельных отношений, земельного податного обложения и некоторых сторон внутреннего крестьянского быта в Турции от византийской земельной системы, которая во многом влияла на уклад сельской жизни и быта в Турецкой империи. В подтверждение своей теории о прямой преемственности аграрного строя средневековой Турции от поземельных

⁷⁵ И. И. Соколов. Избрание архиереев в Византии IX—XV вв. — ВВ, XXII (1915—1916), вып. 3—4. Пг., 1917, стр. 193—252; он же. Вселенские судьи в Византии. Казань, 1919, стр. 1—55.

⁷⁶ И. И. Соколов. Крупные и мелкие властели в Фессалии в эпоху Палеологов. — ВВ, XXIV. Л., 1926, стр. 35—44; он же. Земельные отношения в Турции до танзимата. — «Новый Восток», № 6, 1924, стр. 93—112; он же. Земельное податное обложение в Турции до танзимата. — Там же, № 8—9, 1925, стр. 82—94; он же. Быт крестьян в дореформенной Турции. — Там же, № 13—14, 1926, стр. 58—70.

⁷⁷ И. И. Соколов. Крупные и мелкие властели в Фессалии в эпоху Палеологов..., стр. 35, 39 и сл.

⁷⁸ Там же, стр. 44.

отношений Византии автор приводит значительный документальный материал, показывающий, что все виды землевладения, какие встречаются в европейских областях средневековой Турции, существовали и в византийскую эпоху. Основной материал источников, изученных автором, относится к территории Фессалии. И. И. Соколов утверждает, что Фессалия еще задолго до турецкого завоевания пережила феодализацию земельных отношений. По мнению И. И. Соколова, начало этой экономической реформы относится к XIII в., когда после завоевания Константинополя крестоносцами (во время четвертого похода 1204 г.) по всей территории Византийской империи были основаны ленные деспотаты и баронства, принадлежавшие греческим и латинским феодальным правителям, а также монастырям и императорам ⁷⁹.

Прямая преемственность, по мнению И. И. Соколова, существовала также и между византийской и средневековой турецкой системой налогового обложения. И. И. Соколов считает, что турецкое законодательство в отношении податного обложения находилось в прямой связи с аграрными законами и сельским бытом покоренной Византии. Вместе с тем И. И. Соколов не отрицает и появления некоторых новых черт в аграрном строе европейских областей средневековой Турции до реформы танзимата ⁸⁰.

Наиболее значительным исследованием И. И. Соколова по социально-экономической истории Византии является его работа «Материалы по земельно-хозяйственному быту Византии» ⁸¹. Основной задачей этого исследования было выяснение сущности важнейших феодальных институтов в Византии — таких, как харистикия, прония, экскуссия и проста-сия. Привлекая новый для его времени актовый материал, И. И. Соколов дал свое, вполне оригинальное определение каждого из упомянутых феодальных институтов ⁸².

Большим достоинством работы И. И. Соколова, по сравнению с трудами его учителя Ф. И. Успенского, является полное и безоговорочное признание существования феодальных отношений в Византии. При этом феодализм для И. И. Соколова не только юридическое и политическое понятие, он обозначает вполне реальный социально-экономический строй. Шагом вперед по сравнению с предшествующими работами И. И. Соколова, в которых он относил появление феодализма в Византии к XIII в. (к периоду после латинского завоевания), является то, что здесь он датирует появление феодальных институтов X веком, а период развитого феодализма начинает с XII в.

В этой своей работе И. И. Соколов в центр внимания ставит не феодальное поместье, а крестьянскую деревню. В большей степени, чем раньше,

⁷⁹ И. И. Соколов. Земельные отношения в Турции до танзимата, стр. 94.

⁸⁰ И. И. Соколов. Земельное податное обложение в Турции до танзимата, стр. 82—94; он же. Быт крестьян в дореформенной Турции, стр. 58—70.

⁸¹ И. И. Соколов. Материалы по земельно-хозяйственному быту Византии. — ИАН СССР, 1934, отдел. обществ. наук, сер. VII, № 6, стр. 683—712.

⁸² По мнению И. И. Соколова, харистикия — это пожалование частным лицом земли по ктиторскому праву другому лицу (светскому или духовному) без каких-либо обязательств со стороны принявшего пожалование харистикария и при сохранении за дарителем права отобрать владение в случае злоупотреблений харистикария. Прония — это царское пожалование служилым людям населенных зависимыми крестьянами земель под неперемным условием выполнения службы (чаще всего военной) в пользу государя. Экскуссия — это пожалование феодалу императором комплекса различных льгот административного, судебного и податного характера. Все три названных института защищают интересы феодалов. Последний институт, проста-сия, аналогичный патронату, первоначально должен был защищать интересы свободных крестьян, вступавших под патронат феодала, но на деле и он приводил к закабалению мелких собственников (И. И. Соколов. Материалы по земельно-хозяйственному быту Византии, стр. 691 и сл.).

его интересуют судьбы крестьянства (а не только борьба между властями за землю и привилегии). Автор убедительно показывает, что все феодальные институты не приносили никакого облегчения в положении крестьян, а наоборот, способствовали захвату феодалами земель крестьянских общин и закабалению свободного крестьянства. Однако И. И. Соколов рассматривает феодальные институты несколько статично, не вскрывая их внутренней эволюции в течение ряда веков. Классовая борьба крестьян и горожан по-прежнему остается вне поля зрения автора (лишь мимоходом упоминается восстание зилотов). В целом работы И. И. Соколова по социально-экономической истории для своего времени представляли знаменательное явление: они ясно показывали, сколь плодотворным было влияние марксистских идей даже на византинистов, вышедших из старой школы буржуазного византиноведения⁸³.

Социально-экономической историей Византии стали заниматься в конце 20—30-х годов и другие византинисты. Так, А. Ф. Вишнякова исследовала собрание актов XIII в. монастыря Лемвиотиссы близ Смирны в Малой Азии. Актовый материал с неопровержимой убедительностью показал феодальный характер хозяйства монастыря Лемвиотиссы и непрерывный рост его земельных владений, в первую очередь за счет земель свободных крестьян, а также за счет присоединения мелких бедных монастырей, вступавших под покровительство богатого и могущественного соседа. Параллельно росту богатств монастыря происходил процесс разорения свободных крестьян и исчезновения мелкой земельной собственности. Автор на основании актов XIII в. прослеживает тенденцию усиления крепостной зависимости, выражавшуюся в запрещении зависимым — парикам — покидать земли своих господ — проианаров, в возвращении беглецов на прежние места жительства, в ухудшении правового и экономического положения свободного крестьянина — эпика. Все эти процессы, как справедливо указывает автор, являлись ярким свидетельством интенсивного развития феодализма в Византии XIII в.⁸⁴

Е. А. Черноусов (род. в 1869 г., эмигрант), до революции занимавшийся преимущественно вопросами политической истории и источниковедения, в конце 20—30-х годов также обратился к изучению социально-экономической истории Византии. Его внимание привлекли два ценнейших памятника по экономической истории Византии: «Податный устав» X в. и «Вазелонские акты»⁸⁵. Высоко оценивая исследование известного византиниста Г. А. Острогорского о «Податном уставе»⁸⁶ и соглашаясь в основном с его выводами о датировке этого памятника X веком, Е. А. Черноусов присоединяется к общей характеристике «Податного устава» как инструкции для чиновников «податного ведомства» и к оценке некоторых институтов и терминов, связанных с податным обложением. Вместе с тем он резко полемизирует с Г. А. Острогорским по вопросу о генезисе свободной крестьянской общины в Византии, энергично защищая теорию

⁸³ Из других работ И. И. Соколова следует упомянуть следующие: «Новогреческая литература по византиноведению». — ВВ, XXV. Л., 1928, стр. 106—153; «Новый труд по истории Византии» (рец. на 1-ю часть II тома «Истории Византийской империи» Ф. И. Успенского). — Там же, стр. 154—157; «Афинская комиссия по составлению и изданию „Исторического Словаря Греческого Языка“». — Там же, стр. 158—165.

⁸⁴ А. Ф. Вишнякова. Хозяйственная организация монастыря Лемвиотиссы. — ВВ, XXV. Л., 1928, стр. 33—52.

⁸⁵ Е. А. Черноусов. Новинки по экономической истории Византии. — «Труды Северо-Кавказской ассоциации научно-исследовательских институтов», № 43, вып. 4. Ростов-на-Дону, 1928, стр. 201—209.

⁸⁶ G. Ostrogorski. Die ländliche Steuergemeinde des byzantinischen Reiches im X. Jahrhundert. — «Vierteljahrsschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte», 1927, Bd. XX, Hf. 1-2, S. 339—447.

славянского происхождения общины, против которой выступил Г. А. Острогорский. Е. А. Черноусов доказывает, что роль славянской колонизации Византии в разрушении латифундиального хозяйства и утверждении общины была аналогична роли германского завоевания в истории Западной Европы.

Следует отметить еще весьма критическое выступление Е. А. Черноусова против ошибочной и путаной концепции экономического строя Византии, высказанной немецким экономистом Л. Brentano⁸⁷. Он отмечает такие пороки теории Brentano, как отрицание всякого развития экономики Византии за тысячелетнюю ее историю, преувеличение роли торгового капитала и государственных монополий в торговле и ремесле, принижение роли славянской колонизации в развитии общины в Византии, непонимание развития феодализма⁸⁸.

Среди русских буржуазных византинистов, младших учеников В. Г. Васильевского и Ф. И. Успенского, видное место занимал А. А. Васильев (1867—1953). Человек широко образованный, хороший знаток источников, не лишенный литературного таланта, А. А. Васильев был и остался, однако, в течение всей жизни далек от марксистского понимания исторического процесса⁸⁹. В послеоктябрьский период А. А. Васильев опубликовал на родине общий очерк истории Византии, распадающийся на несколько небольших книг. В период между 1922 и 1925 гг. он напечатал очерки: «Византия и крестоносцы», «Латинское владычество на Востоке» и «Падение Византии. Эпоха Палеологов». Эти очерки непосредственно примыкают к изданным А. А. Васильевым в 1917 г. «Лекциям по истории Византии»⁹⁰. Эклектизм в области методологии, равнодушие к вопросам социально-экономического развития и особенно классовой борьбы, крайнее преувеличение роли церкви в истории Византии — вот отличительные черты обобщающих очерков А. А. Васильева, претендующих на полное и последовательное изложение всей тысячелетней истории Византийского государства. Особенно далек от марксизма А. А. Васильев в освещении вопроса о феодализме в Византии, который трактуется им в чисто буржуазном понимании, как политико-юридическая надстройка, да еще привнесенная в Византию с Запада⁹¹. Что же касается освещения политической истории и культуры Византии, то при всей живости изложения чувствуется

⁸⁷ Л. Brentano. Народное хозяйство Византии, русс. пер. И. И. Яковкина. Предисловие И. С. Плотникова. Л., 1924.

⁸⁸ Е. А. Черноусов. По поводу одной маленькой книжки и небольшого к ней введения. — «Известия Северо-Кавказского гос. ун-та», т. VIII. Ростов-на-Дону, 1926, стр. 137—142. Свидетельством интереса Е. А. Черноусова к проблемам экономики являются его рецензии на книгу В. Ф. Левитского «Очерки истории хозяйственного быта народов Древнего Востока» («Известия Северо-Кавказского гос. ун-та», т. I (XI), 1927, стр. 109—111) и на Большую Советскую Энциклопедию (там же, т. X, 1926, стр. 134—135).

⁸⁹ В 1926 г. А. А. Васильев покинул родину и окончил свои дни на чужбине, не вернувшись из заграничной командировки.

⁹⁰ А. А. Васильев. Лекции по истории Византии, т. I. Время до эпохи крестовых походов (до 1081 г.). Пг., 1917, стр. 1—355; о н же. Византия и крестоносцы. Пг., 1922, стр. 1—120; о н же. Латинское владычество на Востоке. Эпоха Никейской и Латинской империй (1204—1261). Пг., 1923, стр. 1—76; о н же. Падение Византии. Эпоха Палеологов (1261—1453). Л., 1925, стр. 1—143.

⁹¹ Права Е. Э. Липшиц, которая резко критиковала Г. Лозовика за приписывание А. А. Васильеву чужь ли не марксистского взгляда на историю. Г. Лозовик причисляет А. А. Васильева к марксистам и именно в его трактовке феодализма в Византии усматривает его марксистские взгляды, считая, что в этом он «вполне стоит на высоте вооруженного марксистским методом историка». См. Е. Э. Липшиц. К. Маркс и Ф. Энгельс о начале Византии. — ИГАИМК, вып. 90, 1934, стр. 543. Ср. Г. Н. Лозовик. Десять лет русской византологии (1917—1927). — «Историк-марксист», 1928, № 7, стр. 238.

явная фактологичность и поверхностность суждений автора. А. А. Васильев при этом значительно лучше владеет византийским материалом, чем источниками по истории сопредельных с Византией стран.

Так, в описании отношений Византии с арабами автор допускает ряд неточностей, касающихся внутренней истории мусульманских народов⁹². Небезынтересны сведения, собранные А. А. Васильевым, о культурных связях Руси и Византии, хотя влияние Византии на Древнерусское государство явно преувеличивается. Крестовые походы трактуются автором с провизантийских позиций, западные источники использованы значительно меньше византийских⁹³. Последний период в истории Византии (XIII — середина XV в.) рисуется автором как эпоха глубокого упадка. Причиной падения былого политического и экономического могущества Византии автор считает прежде всего разгром Византии во время IV крестового похода и установление прямых торговых связей между Западной Европой и мусульманским Востоком, после чего отпала посредническая миссия Византии, на которой основывалась транзитная торговля Византийской империи⁹⁴.

Одновременно с изданием своих очерков по истории Византии А. А. Васильев работал над сложной проблемой роли готов в истории средневекового Крыма. Плодом его разысканий явилась монография «Готы в Крыму»⁹⁵, породившая много споров среди советских историков и археологов. Основным тезисом автора является утверждение, что готы, поселившись в Крыму еще в III в., создали там так называемую Крымскую Готию, которая просуществовала в течение всего средневековья, а потомки готов сохранились в Крыму даже вплоть до XVIII в.⁹⁶ По мнению автора, крымские готы еще в III в. приняли христианство, причем всегда оставались православными, арианство же к ним так и не проникло. В конце IV — начале V в. была основана Крымская готская епископия, никогда не терявшая связей с Константинопольским патриархатом. Прослеживая на протяжении III—XIII вв. историю крымских готов, А. А. Васильев показывает смену завоевателей, вторгавшихся в Крым и сталкивавшихся с жившими там туземными племенами, а также с крымскими готами. Перед читателем проходят картины сперва гуннского завоевания в IV в. и преобладания гуннов в V—VI вв., затем появления в Крыму в 70-х годах VI в. новых кочевых орд — хазар, сохранявших свое влияние с конца VI до IX в. За ними следовали набеги печенегов и русских на Крым в IX—X вв., падение хазарского господства и установление русского протектората над Готией в X в., господство половцев в Крыму с середины XI до начала XIII в.

⁹² См. В. Бартольд. Рец. на кн.: А. А. Васильев. Лекции по истории Византии, т. I. Время до эпохи крестовых походов. Пг., 1917. В «Записках коллегии востоковедов при азиатском музее Российской АН» (т. I. Л., 1925, стр. 461—482) В. Бартольд резко критикует А. А. Васильева за ошибки в освещении истории ислама и арабов. Он особо отмечает, что вопрос о взаимном культурном влиянии Византии и арабов еще недостаточно разработан и требует дальнейших исследований.

⁹³ См. И. И. Соколов и О. А. Добнаш-Рождественская (1874—1939). Книга А. А. Васильева «Византия и крестоносцы». — «Анналы», № 4, 1924, стр. 269—273. И. И. Соколов дает весьма хвалебный отзыв о рецензируемой книге, а О. А. Добнаш-Рождественская критикует автора за неточное изложение крестовых походов с точки зрения данных западных источников. Однако сама она критикует А. А. Васильева с идеалистических позиций.

⁹⁴ Будучи за границей, А. А. Васильев переработал и дополнил свои очерки и издал их на французском и английском языках: А. А. Vasiliev. Histoire de l'empire Byzantin. Paris, 1932; А. А. Vasiliev. History of the Byzantine Empire (324—1453). Madison, 1952.

⁹⁵ А. А. Васильев. Готы в Крыму, ч. I. — ИРАИМК, I, 1921, стр. 265—344; ч. II — ИРАИМК, V, 1927, стр. 179—282.

⁹⁶ Там же, ч. II, стр. 281.

На фоне этой бесконечной смены завоевателей А. А. Васильев особо рассматривает отношения Византии и крымских готов. Он приходит к выводу, что Византия всячески стремилась привлечь крымских готов под свой протекторат, что ей и удавалось в связи с общей опасностью для византийских владений в Крыму (Херсонес) и для Крымской Готии. Особенно сильно было влияние Византии на крымских готов в VI в. при Юстиниане, когда империя построила сеть укреплений, так называемый Таврический лимес, для защиты населения Крыма от вторжения кочевников⁹⁷. Во времена иконоборчества Крым, в том числе готская епископия, стал убежищем для православных монахов-иконопочитателей, которые выступали против иконоборцев⁹⁸. Автор отмечает даже участие готов в восстании Фомы Славянина. В XI в. власть Византии над крымскими готами значительно окрепла, но в конце XII в. Крымская Готия порвала свою политическую зависимость от Византии и вступила после 1204 г. в вассальные отношения с Трапезундской империей⁹⁹.

В советской историографии работа А. А. Васильева подверглась серьезной критике за преувеличение роли готов в судьбах средневекового Крыма¹⁰⁰. Но до сего времени вопрос о готах в Крыму остается спорным и требует дальнейших археологических, топонимических, антропологических и исторических разысканий¹⁰¹.

В 20 — 30-е годы русских византинистов, историков СССР и востоковедов привлекают проблемы взаимоотношений Византии, Руси и народов Востока. В «Византийском временнике» были опубликованы ценные исследования А. Ю. Якубовского по этой проблеме. В статье «Ибн-Мискавейх о походе Русов на Бердаа в 332 г. = 943/4 г.»¹⁰² автор, изучив восточные источники, в частности труд арабского историка X—XI вв. Ибн-Мискавейха «Книга испытаний народов», содержащий подробное описание похода русских в прикаспийских области в X в., приходит к важным и вполне оригинальным выводам. Прежде всего он уточняет датировку похода, затем восстанавливает путь русских к Бердаа, дает описание географического положения этого города и его экономики, показывает торговое значение Бердаа, рассматривает военную технику русских дружин и их силу.

С этой работой А. Ю. Якубовского перекликается по тематике другая его статья — «Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. (черты из торговой жизни половецких степей)»¹⁰³. Автор тщательно анализирует ценный источник XII—

⁹⁷ А. А. Васильев. Готы в Крыму, ч. II, стр. 182 и сл.

⁹⁸ Там же, стр. 199 и сл.

⁹⁹ Там же, стр. 272—282. В другой своей работе 1923 г. на ту же тему А. А. Васильев уже намечает все главнейшие проблемы будущей монографии, причем выводы ее во многом были предвосхищены в этой ранней его статье. В ней он априорно считает доказанным существование Крымской Готии в течение всего средневековья (А. А. Васильев. Проблема средневекового Крыма. — «Новый Восток», № 3, 1923, стр. 378—386). Началом средневековья в Крыму для А. А. Васильева является принятие в IV в. христианства; окончание же средних веков для Крыма автор относит к концу XV в., когда Крым вошел в состав мусульманской Турции (там же, стр. 378). Основными проблемами истории средневекового Крыма А. А. Васильев, согласно своей позитивистской методологии, считает: религиозную, этническую и затем торгово-экономическую (там же, стр. 379 и сл.).

¹⁰⁰ См. М. В. Левченко. Византиноведение в СССР, стр. 232.

¹⁰¹ См. «История и археология средневекового Крыма». М., 1958, статьи: Е. В. Веймарн. Оборонительные сооружения Эски-Кермена, стр. 48, 52—54; В. П. Бабенчиков. Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепсень, стр. 93, 94, 145—146; К. Ф. Соколов. Антропологические материалы из раннесредневековых могильников Крыма, стр. 69, 78.

¹⁰² ВВ, XXIV. Л., 1926, стр. 63—92.

¹⁰³ ВВ, XXV. Л., 1928, стр. 53—77.

XIII вв.—«Сельджук-наме» Насир-ад-дин-Яхья-ибн-Мухаммеда, известно под прозвищем Ибн-ал-Биби и жившего в Иконийском султанате. Ибн-ал-Биби дает совершенно свежий материал о походе турок-сельджуков на Судак, половцев и русских. Его труд представляет исключительный интерес для ранней истории Руси и для выяснения торговых связей Малой Азии с Крымом и Русью. А. Ю. Якубовский разрешает ряд спорных и темных вопросов: он дает новую, хорошо аргументированную датировку похода (1221 или 1222 г.) и считает, что поход был совершен сельджуками при половецком хане Юрии Кончаковиче и русском (рязанском) князе Мстиславе. Автор полагает, что большое политическое резонанса взятие Судака сельджуками не имело, поскольку вскоре последовало монгольское завоевание и половецкую кочевую державу, которая собирала дань с Крыма, сменила Золотая Орда.

В интересном очерке, посвященном торговле Причерноморья с Востоком, которая велась при посредничестве половцев, А. Ю. Якубовский проводит мысль о том, что эта торговля была столь оживленной на суше и на море, что не прерывалась даже во время военных действий¹⁰⁴.

Большое место в трудах советских историков и в первые годы Советской власти, и в последующее время занимала разработка проблемы русско-византийских политических и культурных связей. Оживленные споры в нашей исторической литературе 20—30-х годов вызвала «загадка» местонахождения знаменитой Тмутаракани и вопрос о реальности существования Тмутараканского княжества. По этому вопросу высказывались совершенно нигилистические мнения. Например, В. Д. Смирнов утверждал, что никакого города или русского княжества с таким названием не было; этим именем якобы называлась в средние века область, простиравшаяся от Керченского пролива до реки Куры. Само же название Тмутаракань, по мнению В. Д. Смирнова, — византийского происхождения¹⁰⁵. Другие исследователи, наоборот, признавали реальное существование города Тмутаракани и особое значение в связи с этим придавали так называемому Тмутараканскому камню, на котором высечена интересная надпись, содержащая рассказ о переправе из Керчи в Тмутаракань¹⁰⁶.

Проблемой, постоянно интересовавшей русских ученых, оставались походы русских на Царьград и русско-византийские договоры¹⁰⁷. Спорным и трудноразрешимым по-прежнему был вопрос о происхождении термина «Русь»¹⁰⁸.

¹⁰⁴ А. Ю. Якубовский. Указ. соч., стр. 67 и сл. Из других работ, касающихся проблемы взаимоотношений Византии и Востока, можно назвать статью В. В. Бартольда «Христианское происхождение Омейядского царевича (о царевиче Аббасе, сыне Валида I)» (ВВ, XXIV. Л., 1926, стр. 17—26) и его историографическую работу, где затрагиваются и византиноведческие сюжеты (В. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и в России. Л., 1925).

¹⁰⁵ В. Д. Смирнов. Что такое Тмутаракань? — ВВ, XXIII. Пг., 1923, стр. 15—73.

¹⁰⁶ Н. И. Веселовский. К истории открытия тмутараканского камня. Пг., 1917; Ф. И. Шмит. О Тмутаракани. — ИТУАК, № 54, 1918, стр. 389—393; А. А. Бертье-Делагард. Заметки о тмутараканском камне. — Там же, № 55, 1918, стр. 44—96.

¹⁰⁷ В. М. Истрин. Договоры русских с греками X века. — ИОРЯС, т. XXIX, 1924, стр. 383—393; он же. Летописное повествование о походах русских князей на Царьград. — ИОРЯС, т. XXI, 1916, кн. 2, стр. 215—236; В. А. Брим. Путь из варяг в греки. — ИАН СССР, 1931, сер. VII, отдел. гуманитарных наук, № 2, стр. 201—247; П. Г. Любомиров. Торговые связи Руси с Востоком в VII—IX вв. — «Уч. зап. Саратовского гос. ун-та», т. I, вып. 3-4, 1923, стр. 5—38.

¹⁰⁸ В. А. Брим. Происхождение термина «Русь», в кн.: «Россия и Запад», I. Пб., 1923, стр. 5—10; С. Ф. Платонов. Руса. «Дела и дни», 1920, I, стр. 1—5,

Много занимались русские ученые, в том числе и византинисты, рассмотрением литературных связей древней Руси и Византии¹⁰⁹. Все эти работы хотя и прибавляли некоторый новый фактический материал, вносили интересные уточнения в отдельные детали, но коренного перелома в изучении русско-византийских отношений, с точки зрения нового метода и нового подхода к проблеме, не давали.

Такой важный раздел византиноведения, как византийская культура и искусство, занимал видное место в творчестве русских византинистов изучаемого периода.

Правда, попытки дать обобщающую работу по истории византийской культуры не увенчались успехом, и книга П. В. Безобразова (1859—1918) «Очерки византийской культуры», претендующая на подобное обобщение, оказалась неудачным собранием отдельных очерков, посвященных различным сторонам культурной жизни византийского общества и лишенных общей концепции и единой идеи¹¹⁰. Книга проникнута духом идеализации императорской власти и церкви, довольно поверхностно освещает быт и нравы Византии и, несмотря на занимательность, далека от глубокого анализа сложных явлений византийской культуры.

Несравненно большую ценность представляют исследования В. Е. Вальденберга (1871—1941) по истории политической и философской мысли в Византии. Основной идеей, которую ревностно отстаивал во всех своих трудах В. Е. Вальденберг, была идея самостоятельности развития и научной оригинальности византийской философии и политической мысли. Он открыто выступал против распространенной на Западе концепции о застойном характере византийской политической мысли и ее зависимости от западноевропейской философии. В. Е. Вальденберг горячо доказывал, что такие византийские мыслители, как Дионисий Псевдо-Ареопагит, Максим Исповедник, Анастасий Синаит, Фотий, Михаил Пселл, Иоанн Итал, Никифор Влеммид, были оригинальными философами и их философские системы для своего времени ни в чем не уступали средневековым философским учениям Запада. Более того, он проследил влияние византийской философской мысли на западную философию, а также распространение некоторых византийских философских веяний на Руси. В. Е. Вальденберг, естественно, был еще далек от марксизма, далек от того, чтобы попытаться выяснить социальные корни философских учений в Византии, проследить борьбу течений и развитие политической мысли в связи с общественными движениями их времени¹¹¹. Однако решительный отказ В. Е. Вальденберга от гиббоновского представления о косности и неподвижности византийской культуры очень выгодно отличает его работы от современных ему исследований ученых Запада. Вместе с тем В. Е. Вальденберг убедительно показывает античные истоки византийской филосо-

¹⁰⁹ В. Н. Бенешевич. Из истории переводной литературы в Новгороде конца XV столетия. Л., 1928; он же. Памятники древнерусского канонического права, ч. 1—2. СПб., 1880—1920; П. Г. Васенко. Сербские записи на греческой рукописи XV в., принадлежащей библиотеке Академии наук.— ИАН СССР, 1928, сер. VII, отдел. гуманитарных наук, № 1—10, стр. 27—44 и др.

¹¹⁰ П. В. Безобразов. Очерки византийской культуры. Пг., 1919, стр. 1—179. В книгу включено 9 очерков: цари, царицы, церкви, сановники, помещики, ремесленники, литература, зрелища и увеселения, судебные дела.

¹¹¹ Некоторые свои работы этого времени В. Е. Вальденберг опубликовал в зарубежных византиноведческих журналах. См. В. Е. Вальденберг. Об общем характере «византийской философии».— «Revue d'histoire de la philosophie», t. III, f. 3, 1929, p. 277—295; он же. Византийская философия IV—V вв.— Вуз., t. IV (1927—1928), 1929, p. 237—268; он же. Политические речи Фемистия.— Вуз., t. I, 1924, p. 557—580; он же. Политические идеи в фрагментах Петра Патрикия.— Вуз., t. II (1925), 1926, p. 55—76; он же. Никулица и современные византийские патриции.— Вуз., t. III (1926), f. 1, 1927, p. 95—121.

фии. В частности, глубоко изучив философскую систему античного философа-стоика I в. н. э. Диона Хризостома, он прослеживает влияние его идей на политическую мысль в Византии¹¹². Интересует В. Е. Вальденберга и проблема проникновения византийской политической мысли на Русь. Он показывает, как античные политические идеи и этические предостережения через посредство византийской политической литературы включались, правда, в переработанном виде, в круг идей древнерусской книжности. Так, широко популярное на Западе и на Руси «Наставление писателя VI в. Агапита императору Юстиниану» об обязанностях государя, переводы которого встречаются в русской письменности, в основе своей имеет античные образцы. Наставления, написанные в виде небольших эпиграмм, доступные для широкого читателя, пропагандировали античные идеи идеального государя лишь с некоторыми византийскими элементами. Они были переработаны русскими книжниками и приспособлены к русской действительности¹¹³. В других своих работах В. Е. Вальденберг прослеживает, как византийские политические идеи «идеального государя» и противопоставление его античному понятию тирана претерпевали эволюцию в древнерусской литературе¹¹⁴.

По истории собственно византийской литературы русскими византистами, к сожалению, было написано мало работ. Можно назвать только небольшую заметку Б. В. Варнеке (1874—1944), в которой автор доказывает, что в византийское время в театре разыгрывались пантомимы на античные сюжеты, в том числе использовались классические трагедии и комедии Менандра¹¹⁵. Серьезный пробел в изучении византийской литературы ощущался в нашем византиноведении длительное время и не восполнен еще и сейчас. Зато в области разработки истории византийского искусства русские ученые всегда занимали и занимают видное место в византиноведческой науке. Широкую известность приобрели после Октябрьской революции труды Д. В. Айналова (1862—1939), Ф. И. Шмита, Л. А. Мацулевича (1886—1959), искусствоведов младшего поколения — марксистов В. Н. Лазарева, Н. И. Брунова, М. А. Алпатов и др.

Прекрасный знаток византийского искусства, Д. В. Айналов, широко известный своей постановкой проблемы о его эллинистических основах¹¹⁶, в послеоктябрьский период продолжал свои исследования в сфере анализа взаимного влияния восточного, в частности палестинского, средневекового искусства и искусства Западной Европы¹¹⁷. Ценный вклад был внесен

¹¹² В. Е. Вальденберг. Политическая философия Диона Хризостома.— ИАН СССР, 1926, сер. VI, т. XX, № 10-11, стр. 943—974 (ч. I); 1926, № 13-14, стр. 1281—1302 (ч. II); 1926, № 15-17, стр. 1533—1554 (ч. III); 1927, сер. VI, т. XXI, № 3-4, стр. 287—306 (ч. IV). См. также В. Е. Вальденберг. К учению Диона Хризостома о рабстве.— Сб. статей в честь С. А. Жебелева, стр. 89—97.

¹¹³ В. Е. Вальденберг. Наставления писателя VI века Агапита в русской письменности.— ВВ, XXIV. Л., 1926, стр. 27—34. См. также В. Е. Вальденберг. Печатные переводы Агапита.— «Доклады АН СССР», серия В, 1928, № 13, стр. 283—290.

¹¹⁴ В. Е. Вальденберг. Речь Юстина II к Тиверии.— ИАН СССР, 1928, сер. VII, отдел гуманитарных наук, № 1-10, стр. 111—140; он же. Речь Юстина II в древнерусской литературе.— «Доклады АН СССР», серия В, 1930, № 7, стр. 121—127; он же. Понятия о тиране в древнерусской литературе в сравнении с западной.— ИОРЯС, 1929, т. II, кн. 1, стр. 214—236.

¹¹⁵ Б. В. Варнеке. Из истории византийской драмы.— «Доклады АН СССР», 1926, май-июнь, стр. 49—51.

¹¹⁶ Д. В. Айналов. Эллинистические основы византийского искусства. СПб., 1900, стр. 1—224.

¹¹⁷ Д. В. Айналов. Византийская живопись XIV ст. Пг., 1917; он же. Искусство Палестины в средние века.— ВВ, XXV. Л., 1928, стр. 77—86; он же. Пользование античными композициями и фигурами на памятниках христианского искусства.— Сб. статей в честь С. А. Жебелева, Л., 1926, стр. 107—117.

Д. В. Айналовым в исследования по истории древнерусского искусства и в выяснение его связей с византийским¹¹⁸.

Ф. И. Шмит прославил отечественную науку первоклассной публикацией замечательного памятника византийского искусства — церкви Успения в Никее. Работа Ф. И. Шмита ныне является уникальной, ибо этот памятник погиб во время греко-турецкой войны 20-х годов XX в.¹¹⁹

Всемирное признание получила также работа Л. А. Мацулевича «Византийские антики», в которой автор на основании детального обследования византийской торевтики (изделий из серебра) прослеживает процесс эволюции раннего византийского искусства, выразившийся в возрастании влияния художественных вкусов так называемых варварских народов и ослаблении античных традиций¹²⁰. Первые работы крупнейшего специалиста по византийской живописи В. Н. Лазарева относятся к 20—30-м годам¹²¹.

Видный знаток византийской архитектуры Н. И. Брунов изучал памятники византийской архитектуры на территории СССР и занимался вопросом о связях византийского и древнерусского зодчества. Его внимание привлекала также проблема восточных элементов в византийской архитектуре¹²².

Известный искусствовед М. А. Алпатов интересовался в ранний период своего научного творчества византийской миниатюрой¹²³. М. А. Алпатов и Н. И. Брунов совершили интересную поездку по Турции и дали увлекательное описание византийских памятников Константинополя и Малой Азии¹²⁴.

¹¹⁸ Д. В. Айналов. История древнерусского искусства. Киев—Царьград—Херсонес.— ИТУАК, № 57. Симферополь, 1920, стр. 136—248; он же. Живопись Бахчисарайского дворца.— «Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии». Симферополь, 1927, т. I, стр. 1—4; он же. История русского монументального искусства (издано за границей: D. Ainaloff. Geschichte der russischen Kunst. Bd. I—II. Bd. I—Geschichte der russischen Monumentalkunst der vormoskovitischen Zeit. Berlin—Leipzig, 1932—1933).

¹¹⁹ Th. Schmit. Die Koimesis-Kirche von Nikaia. Berlin und Leipzig, 1927.

¹²⁰ L. Matzulewitsch. Byzantinische Antike. Studien auf Grund des Silbergefäße der Ermitage. Berlin—Leipzig, 1929. См. другие работы Л. А. Мацулевича: «Византия и эпоха великого переселения народов» (Л., 1929); «Большая пряжка Перещинского клада и псевдопряжка» (сб. статей в честь С. А. Жебелева, стр. 216—236); «Византийские резные кости собрания М. П. Веткина» (Сб. Гос. Эрмитажа. Пб., 1923, вып. II, стр. 43—72); «Серебряная чаша из Керчи» (Л., 1926); «Погребение варварского вождя в восточной Европе» (ИГАИМК, вып. 112, 1934) и др.

¹²¹ В. Н. Лазарев. К вопросу изображения у египтян человеческих фигур на плоскостях.— «Труды секции истории искусств Ин-та археологии и искусствоведения РАНИОН», IV, 1930, стр. 3—24; i d e m. Ein byzantinisches Tafelwerk aus der Komnenepoche (совместно с М. В. Алпатовым).— «Jahrbuch der preussischen Kunstsammlungen», XLVI, 1925, S. 140—155; i d e m. Einige kritische Bemerkungen zum Chludov-Psalter.— BZ, XXIX, 1929/1930, S. 279—284; i d e m. Über eine neue Gruppe byzantinisch-venezianischer Trecento-Bilder.— «Art studies», VIII, 1931, p. 3—31; он же. Византийское искусство.— В кн.: «Государственный музей изобразительных искусств. Путеводитель по музею», вып. 3, ч. 1, М., 1934, стр. 11—15.

¹²² Н. И. Брунов. Памятник ранневизантийской архитектуры в Керчи.— ВВ, XXV. Л., 1928, стр. 87—105. В статье исследуется византийский храм Иоанна Предтечи в Керчи. Автор датирует этот памятник первой половиной VIII в., периодом иконоборчества, и прослеживает в нем влияние арабской архитектуры. См. также Н. И. Брунов. К вопросу о связях древнерусского зодчества с Херсонесом.— «Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии», т. I (58), 1927, стр. 26—27; он же. К вопросу о восточных элементах византийского зодчества.— «Труды секции истории искусств Ин-та археологии и искусствоведения РАНИОН», т. IV, 1930, стр. 21—29 и др.

¹²³ М. А. Алпатов. Царьградские миниатюры Апостола 1072 г. Университетской библиотеки в Москве.— «Труды секции искусствоведения Института археологии и искусствоведения», т. II, 1928, стр. 102—112.

¹²⁴ М. Алпатов и Н. Брунов. Краткий отчет о поездке на Восток.— ВВ, XXIV. Л., 1926, стр. 57—62; М. Алпатов и Н. Брунов. Археологи-

Велик вклад русских ученых-византистов в дело изучения и издания рукописных сокровищ, хранящихся в архивах и библиотеках нашей страны. После 1917 г., несмотря на трудности гражданской войны и разрухи, публикация важнейших византийских и византино-славянских памятников успешно продолжалась. Образцом безукоризненно тщательного и высоконаучного издания источника является публикация акад. В. М. Истриным (1865—1937) древнеславянского перевода византийской хроники Георгия Амартола¹²⁵. Не только безупречное издание текста, но и глубокое исследование происхождения рукописи и источников славянской, так называемой «болгарской», версии Георгия Амартола делает это издание незаменимым как для византистов, так и для историков древнерусской литературы¹²⁶.

Длительное время труды византийского философа XI в. Иоанна Итала были известны лишь в отрывках, что крайне затрудняло изучение всей философской системы и мировоззрения этого выдающегося мыслителя, выступавшего против господствующей церкви. Г. Ф. Церетели, известный эллинист, прекрасный знаток греческой палеографии, взял на себя огромный труд публикации неизданных произведений Иоанна Итала. Подготовленное им издание включает около 12 важнейших произведений этого философа, представляющих большой научный интерес. Подробный комментарий и интересное введение делают издание Церетели выдающимся явлением для своего времени¹²⁷.

Много и плодотворно работал в сфере издания, описания и изучения византийских и древнегреческих рукописей М. А. Шангин (1897—1942). Крупный специалист в области палеографии и эпиграфики, М. А. Шангин ввел в научный оборот немало неизвестных до него греческих текстов¹²⁸. Самым ценным вкладом его в науку была публикация собрания русских

чeskое путешествие по Турции (в 1924 г.).— «Новый Восток», № 14, 1926, стр. 251—261.

¹²⁵ В. М. Истрин. Книги временные и образные Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянонорусском переводе. Текст, исследование и словарь, т. I, Пг., 1920; т. II, Пг., 1922; т. III, Л., 1930. См. о н же. Толковая Палея и хроника Георгия Амартола.— ИОРЯС, т. XXIX, 1924, стр. 369—379. Еще ранее В. М. Истрин издал славянскую версию хроники Иоанна Малалы (В. М. Истрин. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. Одесса, 1903).

¹²⁶ В. М. Истрин был прекрасным знатоком древнерусской литературы и источников. См. В. М. Истрин. Замечания о начале русского летописания.— ИОРЯС, т. XXVI, 1921, стр. 45—102; т. XXVII, 1922, стр. 207—251; о н же. Откровение Мефодия Патарского и летопись.— ИОРЯС, т. XXIX, 1924, стр. 380—382; о н же. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (11—13 вв.).— «Наука и школа». Пг., 1922, X, стр. 1—248; о н же. Где было переведено житие Василия Нового?— ИОРЯС, т. XXII, кн. 2, 1918, стр. 320—325.

¹²⁷ G. Zereteli. Joannis Itali Opuscula selecta, t. 1—2. Tiflis, 1924—1926. Г. Ф. Церетели в послереволюционные годы много занимался историей греческой и византийской культуры. См. Г. Ф. Церетели. Этюды к Менандру (I. Fabula incerta).— ИАН СССР, 1929, сер. VII, отдел. гуманитарных наук, № 3, стр. 231—244; о н же. Новый гимн в честь Диониса.— ИАН СССР, 1918, сер. VI, № 9, стр. 873—880; № 10, стр. 971—1002; № 11, стр. 1153—1180; о н же. Архивы классической древности (Греция и Рим), т. I. Л., 1920 и др.

¹²⁸ М. А. Шангин. Фрагменты греческих рукописей из Музея палеографии, ч. I.— «Доклады АН СССР», серия В, 1927, № 7, стр. 138—142; ч. II.— Там же, № 9, стр. 200—203; о н же. Греческая астрологическая рукопись из Музея палеографии.— «Доклады АН СССР», серия В, 1928, № 11, стр. 241—246; о н же. Латинская астрологическая рукопись, принадлежавшая ак. Г. Н. Крафту.— «Доклады АН СССР», серия В, 1929, № 3, стр. 39—44; о н же. О роли греческих астрологических рукописей в истории знания.— ИАН СССР, 1930, сер. VII, № 5, стр. 307—317; о н же. К вопросу о средневековом «гадании по Пифагору».— «Доклады АН СССР», серия В, 1930, № 6, стр. 109—116; о н же. Gergis Philosophus, liber de astronomiae disciplinae peritia.— ИАН СССР, 1930, сер. VII, № 2, стр. 145—158. Из других работ М. А. Шангина 20-х годов следует указать: «Академическая рукопись Григория Назианзина».—

астрологических кодексов, вошедшего в международное издание аналогичных памятников¹²⁹.

Казанский профессор эллинист С. П. Шестаков (1864—1940) изучил малоизвестные стихотворения византийского поэта времен Комнинов Феодора Продрома и на основании сопоставления их с известиями византийских историков Иоанна Киннама и Никиты Хониата показал достоверность некоторых исторических данных, содержащихся в этих стихотворениях и помогающих уточнить события внешнеполитической и государственной жизни Византии того времени¹³⁰.

Небезынтересны для политической и церковной истории Византии времени правления Иоанна и Мануила Комнинов изданные известным византинистом В. Э. Регелем (1857—1932) византийские памятники, содержащие литературные произведения, похвальные слова, монодии, эпитафии и другие греческие тексты XII в.¹³¹

Многие годы другой известный византинист старой школы, В. Н. Бенешевич (1874—1943), занимался исследованием греческих рукописных сокровищ монастырей Синая. Изданные им описания ценнейших греческих рукописей Синая, разнообразных по своему характеру, имеют первостепенное значение как для истории византийской культуры, так и для истории православной церкви¹³².

В. Н. Бенешевич, кроме того, опубликовал «Тактикон» антиохийского монаха XI в. Никона Черногорца по греческой рукописи Синайского монастыря. Этот памятник содержит любопытный материал о положении антиохийской церкви в XI в. и о борьбе христианского населения с арабами¹³³. В. Н. Бенешевич занимался также и греческой эпиграфикой. Он издал некоторые вновь открытые греческие надписи из Армении¹³⁴. Привлекала его и историческая география Византии и Ближнего Востока¹³⁵.

ИАН СССР, 1927, сер. VI, т. XXI, № 12-14; стр. 997—1008; «Ямбическая поэма Иоанна Каматира «О круге Зодиака» по Академической рукописи». — ИАН СССР, 1927, сер. VI, т. XXI, № 5-6, стр. 425—432; «Греческий перевод Абау-Ма'шара в рукописи библиотеки Академии наук». — ИАН СССР, 1926, сер. VI, т. XX, № 10—11, стр. 907—916, и др.

¹²⁹ Codices Rossici. Catalogus codicum astrologicorum graecorum, T. XII. Bruxelles, 1936, VIII + 268 p., 6 tab.; рец.: «Antiquité classique», t. V (1936), p. 485—487.

¹³⁰ С. П. Шестаков. Заметки к стихотворениям codicis Marciiani gr. 524. — ВВ, XXIV. Л., 1926, стр. 45—56.

¹³¹ В. Регель. Fontes rerum byzantinorum sumptibus Academiae Scientiarum Rossicae. Fasc. 2. Petropoli, 1917, p. 183—399.

¹³² В. Н. Бенешевич. Описание греческих рукописей монастыря св. Екатерины на Синае, т. III, вып. 1. Рукописи № 1224—2150. Пг., 1917, IV + 354 стр. Автор в этом труде продолжал описание греческих рукописей Синая, начатое еще Порфирием Успенским; он же. Памятники Синая археологические и палеографические, вып. I. Л., 1925; он же. Номоканон Иоанна Комнина, архиепископа Ахридского. — ВВ, XXII (1915—1916), вып. 1—2. Пг., 1916, стр. 41—61; он же. Кодекс Альда Мануция в Российской Публичной библиотеке. — Сборник статей в честь С. А. Жебелева, стр. 463—472 (анализируются рукописи трагедий Софокла). Для истории православной церкви весьма полезно изданное специалистом по литургике А. А. Дмитриевским описание рукописей литургических текстов, которые были им найдены в монастырях Афона, в библиотеках Патмоса и в патриаршей библиотеке Иерусалима: А. А. Дмитриевский. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока, т. III (1-я половина), ч. II. Пг., 1917, VIII + V III + 768 + IV стр.

¹³³ В. Н. Бенешевич. Никон Черногорец. Тактикон Никона Черногорца. Греч. текст по рукописи № 441 Синайского монастыря св. Екатерины, вып. I. Пг., 1917, стр. 1—120. В русле занятий историей православной церкви находится и исследование В. Н. Бенешевича «Грузинский великий Номоканон по спискам Тифлисского церковного музея». — «Христианский Восток», т. II, вып. III. СПб., 1914, стр. 349—377; т. V, вып. II. Пг., 1917, стр. 112—127.

¹³⁴ В. Н. Бенешевич. Три Асийские надписи XI века из эпохи византийского владычества. — Гос. Изд. Пб. Акад., 1921, Асийская серия, VII.

¹³⁵ В. Н. Бенешевич. Новые данные для исторической географии Ближ

Е. А. Черноусов наряду с занятиями социально-экономической историей продолжал свои разыскания в сфере источниковедения. Он впервые в русской литературе дал анализ сирийской хроники Иешу Стилита (Иесуса Столпника) (конец V — начало VI в.). В своем исследовании он уточняет датировку памятника, относя его написание ко времени около 518 г., воссоздает биографию автора и выясняет его религиозную принадлежность. Сопоставляя данные хроники с другими источниками, он решает спорный вопрос о религиозной принадлежности Иешу Стилита в пользу православия умеренного направления и отвергает гипотезу о монофизитстве хрониста¹³⁶. По-иному расценивает Е. А. Черноусов религиозные взгляды другого хрониста VI в. — Иоанна Малалы, которого он на основании внутренней критики его хроники причисляет к монофизитам¹³⁷.

Крупнейший знаток греческой палеографии и агиографии В. В. Латышев (1855—1921) подготовил образцовое издание жития Феофана Исповедника, написанного константинопольским патриархом Мефодием. Издание было осуществлено по греческой рукописи, хранящейся в Москве в бывшей Синодальной библиотеке. Изданию греческого текста жития предпослано введение, где содержится анализ памятника, уточняется время его написания, определяется ценность московской рукописи по сравнению с другими рукописями жития¹³⁸. Внимание ученого, кроме того, привлекли письма византийского писателя и государственного деятеля первой половины X в. Феодора Дафнопата¹³⁹.

Некоторые успехи были достигнуты в изучаемый период в области развития вспомогательных дисциплин: византийской сфрагистики, эпиграфики, нумизматики¹⁴⁰. В изучении византийской сфрагистики велика заслуга акад. Н. П. Лихачева (1862—1935). Его первоклассный труд «Датированные византийские печати» получил всемирное признание. В этом труде Н. П. Лихачев на основании анализа византийских моливдовулов показал эволюцию государственного и административного управления Византии VII в.¹⁴¹ Не меньшее значение имеет его фундаментальное

него Востока (Из греко-сирийского списка отцов Никейского первого вселенского собора). — «Известия Кавказского историко-археологического института в Тифлисе», т. II (1917—1925), 1927, стр. 111—134.

¹³⁶ Е. А. Черноусов. Сирийский источник по истории Византии. — ВВ, XXV, Л., 1928, стр. 24—33. О сирийских памятниках см. также А. Дьяконов. К истории сирийского сказания о св. Мар-Евгене. — «Христианский Восток», т. VI, вып. II. Пг., 1918, стр. 107—174.

¹³⁷ Е. А. Черноусов. Из этюдов по Малале (эпоха Анастасия Дикора). — Сб. статей в честь С. А. Жебелева, стр. 18—28.

¹³⁸ В. В. Латышев. Мефодия, патриарха Константинопольского, Житие преп. Феофана Исповедника (по Московской рукописи № 159). — «Записки Российской академии наук», 1918, сер. VIII, т. XIII, № 4, стр. 1—120. См. другие работы того же автора по агиографии и литургике: «Из агиографической литературы» («Известия Российской Академии наук», 1918, сер. VI, т. XII, № 15, стр. 1579—1590); «Сборник палестинской и сирийской агиологии», вып. II («Православный Палестинский сборник», вып. 60, СПб., 1914); «Греческая литургическая рукопись библиотеки импер. Академии Наук» («Известия Российской Академии наук», 1917, сер. VI, т. XI, № 2, стр. 85—86).

¹³⁹ В. В. Латышев. Критические заметки к письмам Феодора Дафнопата. — «Известия Российской Академии наук», 1920, сер. VI, т. XIV, № 1-18, стр. 393—398.

¹⁴⁰ Ф. И. Успенский в своей статье «Новая струя, вносящая оживление в историю Византии» (ВВ, XXII (1915—1916), вып. 1—2. Пг., 1916, стр. 1—12) выдвинул как одну из очередных задач византиноведения развитие вспомогательных дисциплин и призывал использовать для изучения административной и культурной истории Византии надписи на моливдовулах, папирусы, археологический материал.

¹⁴¹ Н. П. Лихачев. Датированные византийские печати. — ИРАИМК, III, 1924, стр. 152—224. См. его другие работы по византийской сфрагистике: «Моливдовул с изображением Влахернитиссы». — Сб. ОРЯС, 1928, т. CI, № 3, стр. 143—147;

исследование «Материалы для истории византийской и русской сфрагистики». Сравнительный анализ византийских и русских печатей показал наличие тесных связей Византии и Руси в различных сферах культурной жизни¹⁴².

Академик В. В. Латышев (1855—1921), заслуживший всемирную известность своими трудами по греческой эпиграфике юга России, продолжал исследования в этой области, обогатив науку изданием еще некоторых греческих эпиграфических памятников Северного Причерноморья, в том числе публикацией надписей византийского времени из Херсонеса и Мангуца¹⁴³.

В сфере византийской нумизматики советские ученые обратились к изучению византийских монет, найденных на территории СССР, и прежде всего в Херсонесе¹⁴⁴.

В 30-х годах в византиноведении, как и в других отраслях исторической науки, явно намечается перелом в сторону постановки новых важных теоретических проблем. Этот перелом знаменовал собой значительный шаг в формировании марксистского византиноведения, рождавшегося в упорной борьбе со старой буржуазной византистикой.

Первой ласточкой, возвестившей о новых веяниях в византиноведении, была статья А. К. Бергера (1889—1962) «Демократическая революция в Византии XIV века». В этой работе А. К. Бергер расценивает восстание зилотов в Фессалонике в середине XIV в. как настоящую социальную буржуазно-демократическую революцию, а власть зилотов характеризует как диктатуру народных масс. По его мнению, программа зилотов напоминала крайнее левое направление в французской буржуазной революции XVIII в., ибо ее центральным лозунгом был аграрный закон. На примере революции зилотов автор показывает политическую и классовую сознательность народных масс Византии XIV в.¹⁴⁵ И хотя концепция А. К. Бергера была отвергнута в нашей науке, ибо он средневековое антифеодальное восстание, сложное по программе и движущим силам, выдал за демократическую революцию, самая постановка, смелая и острая, вопроса о классовой борьбе в Византии, бесспорно, была знаменательнейшим явлением своего времени.

В 30-х годах начинают создаваться новые марксистские кадры историков-византинистов. Ученые включаются в общие дискуссии, волновавшие всю нашу историческую науку: о закономерностях исторического развития, о смене социально-экономических формаций. Ленинградская византистка Е. Э. Липшиц выступила на пленуме ГАИМК в 1933 г. во время дискуссии по вопросам феодализма в Восточной Европе и России со своей концепцией генезиса феодализма в Византии. Она указала на своеобразие феодальной формации в Византии, которое выразилось в длительном со-

«Византийские эксагии». — ИАН СССР, 1925, сер. VI, т. XIX, № 1-18, стр. 519—526. Вторая часть этого труда не опубликована. Ср. А. А. Васильев. Описание византийских гирь и эксагиев, хранящихся в Академии. — ИРАИМК, II, 1922, стр. 237—240.

¹⁴² Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. I, Л., 1928.

¹⁴³ В. В. Латышев. Эпиграфические новости из Южной России. I. Херсонесские надписи; II. Мангупские надписи. — ИАК, 1918, вып. 65, стр. 9—21; он же. Новые христианские греческие надписи из Крыма. — ИТУАР, 1918, № 54, стр. 33—46; он же. Заметки по греческой эпиграфике. — ИРАИМК, II, 1922, стр. 65—83; он же. Заметки по греческой эпиграфике. — ИРАИМК, I, 1921, стр. 17—28 и др.

¹⁴⁴ А. Н. Зограф. Две группы херсонесских монет с заимствованными типами (Античные и византийские монеты). — ИРАИМК, V, 1927, стр. 379—397; М. М. Иващенко. Герзеульский клад монет Кесарии Каппадокийской. — ИГАИМК, VII, вып. 10, 1931 и др.

¹⁴⁵ А. К. Бергер. Демократическая революция в Византии XIV века. — Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, кн. V. М.—Л., 1930, стр. 447—456.

хранении рабства наряду с развивающимися феодальными формами зависимости и в сохранении под покровом феодализма сельской общины. Византийский феодализм, как и западноевропейский, по ее мнению, явился результатом взаимодействия разлагающейся античной цивилизации и варварства. Но так как силы античного государства оказались на Востоке более крепкими, чем на Западе, варвары вошли в состав Византии не как доминирующий, а как подчиненный элемент. Это определило относительную застойность феодализма в Византии ¹⁴⁶.

В те же годы Е. Э. Липшиц, основываясь на трудах К. Маркса и Ф. Энгельса, ставит вопрос о времени возникновения Византии как феодального государства. Согласно ее концепции, феодализирующие процессы на почве Византии развертываются начиная уже с III в. н. э. Решающим в процессе гибели рабовладельческого общества и возникновения феодального в Византии был период около 300 г., на который указывал Ф. Энгельс, характеризуя различия между положением мира в конце древности около 300 г. и в конце средневековья в 1453 г. ¹⁴⁷ Для работ Е. Э. Липшиц этого периода характерны острополюемический тон и резкая критика всей буржуазной историографии, энергичное отстаивание своей концепции, основанной на марксистском подходе к истории Византии. Вместе с тем веяния 30-х годов сказались на работах Е. Э. Липшиц в том, что она базировала пока свои выводы лишь на умозрительных теоретических построениях. Однако это были первые шаги подлинно марксистского византиноведения, и роль этих первых марксистских работ А. К. Бергера и Е. Э. Липшиц в борьбе с буржуазной наукой была очень велика.

¹⁴⁶ ИГАИМК, вып. 103, 1934, стр. 303—315.

¹⁴⁷ Е. Э. Л и п ш и ц. К. Маркс и Ф. Энгельс о начале Византии.— ИГАИМК, вып. 90, 1934, стр. 543—564; о н а ж е. Из мыслей К. Маркса о Византии.— «Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 3-4, стр. 51—61.

М. Я. СЮЗУМОВ

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ Б. А. ПАНЧЕНКО

В продолжение более полувека со страниц исторической литературы по византиноведению не сходит имя Панченко. Несмотря на самую резкую, казалось бы, уничтожающую критику, с концепцией Панченко, с его аргументацией считается вплоть до нынешнего времени любой исследователь внутренней истории Византии¹.

О Панченко нет специальной монографии, однако потребность разобраться в том, какова роль Панченко в историографии Византии, очевидна.

Настоящая статья не претендует на исчерпывающий анализ всех спорных вопросов, связанных с его именем: она ставит целью внести ясность в круг тех проблем, которые связаны с оценкой научной деятельности Панченко, социальной сущности и политической значимости тех концепций, которые проводил в своих трудах этот византинист.

Биографические данные о Панченко в имеющейся литературе крайне скудны.

Борис Амфианович Панченко родился в 1872 г. в Петербурге. Учился в гимназии, которую окончил с золотой медалью; в 1894 г. был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию и командирован на два года в Германию. Из Германии его направили в Константинополь, где он был принят сверхштатным сотрудником Русского археологического института.

Первая работа, к которой он приступил еще будучи студентом, начала печататься в «Византийском временнике» в 1895 г.²

В Константинополе Панченко проявил кипучую деятельность. Он участвовал в проводимых Археологическим институтом экспедициях по Турции, изучал коллекции византийских печатей³, проводил топографические исследования по исторической географии Византии.

Серьезным исследованием являлась его статья о морской торговле в Византии по морскому закону, на который до того времени обращалось мало внимания; Панченко провел сличение положений Дигест и Морского закона о навклирах и доверенных лицах в морской торговле⁴.

¹ См. новейшие труды: А. П. К а ж д а н. Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960; Е. Э. Л и ш и ц. Очерки истории византийского общества и культуры VIII — первой половины IX века. М.—Л., 1961; Б. Т. Г о р я н о в. Поздневизантийский феодализм. М.—Л., 1962.

² Б. А. П а н ч е н к о. О «Тайной истории» Прокопия.— ВВ, II, 1895, стр. 24—25, 340—371; ВВ, III, 1896, стр. 96—117, 300—316, 461—527; ВВ, IV, 1897, стр. 402—451.

³ Б. А. П а н ч е н к о. Каталог моливдовулов.— ИРАИК, т. VIII, 1902; т. IX, 1904; т. XI, 1906.

⁴ Б. А. П а н ч е н к о. Βασιλικός πειρικός.— ИРАИК, т. VII, 1901.

В то же время в круг его исследовательской деятельности вошла проблема византийского крестьянства. В отчете о деятельности института за 1903 г. отмечено: «... и. д. ученого секретаря Б. А. Панченко закончил в отчетном году диссертацию под заглавием: „Крестьянская собственность в Византии. Земледельческий Закон и монастырские документы“. В ней он ставит себе задачей доказать, что история крестьянского землевладения в Византии должна быть построена на начале личной и наследственной собственности, а не на основе общинного, притом славянского, владения, как полагали до сих пор»⁵.

Этот труд⁶ произвел сенсацию и принес Панченко мировую известность. Речь шла не только об оригинальной концепции, но и о тех аргументах, с которыми спорить можно было только на почве самого углубленного изучения внутренней истории Византии. Последовало множество рецензий — как положительных, так и отрицательных, как в России, так и в зарубежных журналах⁷. С особенной непримиримостью к концепции Панченко выступил иеромонах Михаил. Панченко не реагировал на эти выступления и больше не возвращался к проблемам крестьянской земельной собственности. Он продолжал заниматься вопросами сфрагистики и эпиграфики; все больше и больше его интересовала работа в области топографии средневекового Константинополя, он стал составлять словарь древностей Константинополя.

В представленном институту отчете-плане будущих работ Панченко писал о намерении заняться вопросом собственности на участки в Константинополе крупных константинопольских землевладельцев-«капиталистов», которые застраивали город как на свои средства, так и в порядке казенных подрядов. Видимо, Панченко планировал перейти к проблеме земельной собственности городской столичной знати, основываясь на археологических и эпиграфических данных⁸.

Деятельность Панченко в Константинополе была прервана начавшейся войной 1914 г. Археологический институт был эвакуирован. Во время революции Панченко не эмигрировал. Весной 1920 г. на одной из станций Юго-Западной железной дороги он умер в больнице около 48 лет от роду.

Первый научный труд Панченко «О „Тайной истории“ Прокопия» представлял собою крупный вклад в науку. Молодой автор проделал колоссальную работу: для доказательства подлинности «Тайной истории» он проследил достоверность всех сообщений, приведенных в этом источнике, по данным новелл Юстиниана, сообщениям Лиды и в первую очередь по материалам других подлинных трудов Прокопия. Можно сказать, что как авторство Прокопия, так и достоверность большинства сведений «Тайной истории» показаны Панченко вполне убедительно. Основой политики Юстиниана Панченко считает борьбу правительства против аристократии, против патроната, за количественное укрепление императорского землевладения. При этом, как считает Панченко, наблюдался своего рода союз низов с

⁵ ИРАИК, т. IX, 1904, стр. 420.

⁶ Б. А. Панченко. Крестьянская собственность в Византии.— ИРАИК, т. IX, 1904, вып. 1 (отдельное издание.— София, 1903, пагинация разная).

⁷ Кроме рецензии иеромонаха Михаила (ВВ, XI, 1904), наиболее интересные рецензии см. А. А. Васильев.— ЖМНП, т. 235, 1905, июнь; П. Мутафчиев. Сельское землевладение в Византии.— «Сборник за народни умотворения, наука и книжнина», т. 25, 1909. Критически анализировал концепцию Панченко и П. Безобразов в рецензии на III книгу Мутафчиева (ВВ, XVII, 1910). Благоприятно приняты были положения Панченко впоследствии зарубежными учеными (Г. Вернадским, Н. Константинеску, Г. Острогорским).

⁸ Ф. Успенский. Ученая деятельность Б. А. Панченко.— ВВ, XXIV, 1923—1926, стр. 100.

правительством против крупного землевладения⁹. В данном случае Панченко, безусловно, преувеличивал антиаристократические тенденции Юстиниана, всецело подчиняясь взглядам Прокопия. В чем же сущность антиаристократической политики Юстиниана? Панченко не вдавался в глубокий анализ, но мимоходом объяснял эту политику стремлением сокрушить силу сословных организаций. С этим можно согласиться: Юстиниан боролся с аристократией только постольку, поскольку традиционные организации аристократии препятствовали утверждению в Византии полновластия бюрократической автократии. Панченко говорил об упадке всех сословных организаций (кроме церкви) и считал, что их суррогатом стали цирковые политические партии: они заменили значение сословных организаций¹⁰.

При анализе данных «Тайной истории» Панченко обычно использовал новеллы Юстиниана и попал под влияние фразеологии этих новелл. Он (подобно Караяннопулусу в наше время)¹¹ серьезно верил в стремление правительства Юстиниана облегчить положение народных масс, плательщиков налогов (ВВ, III, стр. 492).

Однако Панченко считал, что законодательство Юстиниана вполне подтверждает обвинения «Тайной истории» в тяжести налогового обложения (там же, стр. 494). Признавая исключительную тяжесть для населения налогового обложения, Панченко стремился найти оправдание этому в колоссальных затратах, связанных с внешней политикой. В этом отношении попытки Панченко тоже созвучны с недавним трудом Караяннопулуса.

Следует отметить исключительную глубину анализа Панченко в определении смысла отдельных видов обложения. Об этом можно судить по его исследованию об «азериконе». Относительно этого побора в литературе до и после Панченко выдвигалось множество предположений. После выпуска «Вазелонских актов» все эти теории оптали, кроме теории Панченко, который смог правильно понять смысл «азерикона» как судебной пошлины, штрафа, который иногда мог переходить в постоянный побор с населения (ВВ, III, стр. 507—511). Панченко понял причину непопулярности денежной реформы при Юстиниане: вздорожание мелкой монеты тяжело отражалось на лицах, получавших жалованье золотом (там же, стр. 520).

Общий результат исследования «Тайной истории» сводится к тому, что авторство Прокопия неоспоримо и факты, приводимые Прокопием в его труде, вполне достоверны. Однако Панченко считает, что взгляды Прокопия отражали настроения оппозиционных кругов, оттесненных Юстинианом от управления империей (ВВ, III, стр. 302).

В конце своего труда, несмотря на признание достоверности основных фактов «Тайной истории» и полной осведомленности Прокопия, Панченко заключает: «Ему не уронить славную фигуру Юстиниана». Это очевидное противоречие можно вполне объяснить политическими симпатиями Панченко.

* * *

После опубликования исследований о «Тайной истории» Панченко выпустил «Каталог моливдовулов». Публикации текста моливдовулов он сопровождает краткими исследованиями, касающимися административной

⁹ В новелле Юстиниана о Каппадокии (XXX), по мнению Панченко, ясно видны общие интересы мелкого землевладельческого хозяйства и имений дворцового управления, направленные против бесчинства магнатов, захватывающих частные земли (ВВ, IV, 1897, стр. 408).

¹⁰ ВВ, IV, 1897, стр. 402.

¹¹ J. K a r a y a n n o p u l u s. Das Finanzwesen des frühbyzantinischen Staates. München, 1958.

системы Византии, печатей частных лиц (аргиропратов), корпорации хартуляриев и т. д. Большой резонанс в научном мире вызвала публикация печати начальника славянской колонии переселенцев, хотя чтение надписи, данное Панченко, спорно¹².

О политических взглядах Панченко мы не можем говорить с абсолютной точностью, однако обратим внимание на следующее. В. Г. Васильевский, признавая возможность отмены иконоборцами патроната, тем не менее писал: «Весьма невероятно, чтобы во время всеобщей неустойчивости населения... какой-либо законодатель, обладающий здравым смыслом, решился провозгласить, притом без всякого принуждения, что всякий может искать себе кров и землю, где хочет...» Панченко по этому поводу заметил: «Присоединяемся к замечанию глубокочтимого ученого о несвоевременности освободительных реформ в эпоху сильного народного передвижения, с той оговоркой, что Крестьянский закон не содержит указания на свободу перехода крестьян» («Крестьянская собственность...», стр. 52—53). В данном случае Панченко четко выразил мысль, которая стала потом характерной для умеренных консерваторов: сначала успокоение, потом реформы. Панченко не принадлежал к представителям кадетской печати, как многие ученые-историки того времени; подобно В. Г. Васильевскому и Ф. И. Успенскому, он придерживался весьма правых воззрений.

Чем объяснить направление научной деятельности Панченко?

Консервативные элементы русского общества, группировавшиеся под знаменами славянофильства, с умилением взирали на русскую общину, в которой видели оплот самодержавия, консервировавшего пассивность, забитость, культурное ничтожество народных масс. Но очевидные для всех вдумчивых наблюдателей действительности изменения в деревне свидетельствовали, что община не сможет уже оставаться оплотом самодержавия. Нужно было искать более прочную политическую социальную базу, которую и находили в кулаке. Провозглашая, что основой византийской автократии была крестьянская частная собственность, Панченко мог на примере Византии показать, что правительству нечего бояться падения общинных порядков в деревне: дескать, в Византии все время господствовала частная собственность, не было общинного землевладения, и тем не менее Византия оставалась автократическим государством. Панченко как бы историческим примером поучал консерваторов искать более прочного союзника в лице кулака. Это была позиция умеренных консерваторов, интересы которых позднее выразил Столыпин. И не случайно, что самым воинственным и непримиримым противником Панченко и сторонником сохранения общинного порядка оказался иеромонах Михаил, олицетворявший собой наиболее крайних консерваторов, которые впоследствии выступали против Столыпина с позиций черной сотни.

К революционным переворотам Панченко относился несомненно отрицательно: в них он видел прежде всего упадок законности и... культуры. Говоря об изменениях в имущественных отношениях VII в., Панченко утверждает: «Обычное право уклонялось от римского законодательства в силу упадка культуры и законности, в данном случае вследствие запустения земель и практики своевольного пользования собственностью, прежде строго охранявшейся» («Крестьянская собственность...», стр. 34—35). Поясняя положение римского права о *superficies* и отклонения от этого права в Земледельческом законе, Панченко стоит на стороне собственника, а не труженика. То, что закон стал на сторону лица, затратившего труд, Панченко считает результатом упадка культуры. Применение этого закона

¹² Б. А. П а н ч е н к о. Памятник славян в Византии.— ИРАИК, т. VIII, 1902.

могло бы, по его мнению, привести не к торжеству общинности, а к праву захвата.

Панченко очень мало останавливается на тех сведениях, которые Прокопий в «Тайной истории» сообщал о народных движениях. Это особенно бросается в глаза, поскольку некоторым данным об обложении или администрации посвящаются целые экскурсы. О восстании Фомы Славянина Панченко говорит глухо, хотя и признает, что оно носило социальный характер и что Фома поднял против императора Михаила простой народ во всей Малой Азии¹³. Но причины народных выступлений он объясняет не протестом против социального гнета, а «избытком живых сил у свежего населения на новой почве, производящим и отдельные личности незаурядных дарований, выдвигавшиеся из низших слоев населения на историческое поприще борьбы из-за власти и влияния» («Крестьянская собственность...», стр. 36). Такой взгляд характерен для Панченко как буржуазного исследователя, притом консервативных воззрений (отметим, что во время работы Панченко над изучением Прокопия русскому студенчеству хорошо были известны труды Петрушевского об Уоте Тайлере!). Монархические же симпатии Панченко обнаруживаются совершенно ясно в идеализации им личности Юстиниана.

Что касается методологического кредо Панченко, то, принимая во внимание его труды, можно полагать, что он был далек от новомодных в то время теорий Маха и Авенариуса. Как кажется, все философско-социологические теории для Панченко находились за семью замками. Он знал только документы юридические, хрисовулы, моливдовулы и памятники древности. Тем не менее мы вправе считать, что он стоял, сам того, может быть, не признавая, на позициях позитивизма. Его методы и выводы можно сопоставить скорее всего с методами и выводами Фюстель де Куланжа. Как и Фюстель де Куланж, Панченко стремится быть в стороне от существовавших в то время господствующих теорий, он ищет всегда аргументы только в прямых показаниях текста источника. В этом и сила ученого, и его слабость. Панченко старался всегда наиболее четко и возможно близко к дословному смыслу переводить источник. Когда он критикует понимание Цахариэ фон Лингенталем текстов Земледельческого закона, его аргументы убийственны. Но наряду с этим Панченко может всерьез принять, например, сообщения источников о любви париков к своим господам, побудившей их взять на себя налог, который должен был бы платить монастырь («Крестьянская собственность...», стр. 178); это выглядит поистине наивно для крупного ученого.

Содержание исследования Панченко о крестьянской собственности богатейшее: он дал объяснение целому ряду терминов, категорий крестьянства, отметил права собственности разных категорий крестьянства, соотношение податей, вносимых казне и частновладельческим господам. Им было изучено колоссальное количество грамот — все, что было опубликовано в то время. Разумеется, труд Панченко не свободен от натяжек, преувеличений, что характерно для большинства историков, выступавших с новой концепцией. Но такие же натяжки и преувеличения, даже в гораздо большем масштабе, имеются и в трудах его противников. Панченко обвиняют в «общинобязни». Но с еще большим правом можно обвинять его противников в «общиномании». Так, например, Панченко совершенно прав, не видя в приговоре, под которым подписались крестьяне-парики села Дрианувена, свидетельства того, что они будто бы «распоряжались своей землей» и были общинниками. В документе говорится только о том, что

¹³ Б. А. Панченко, Памятник славян в Вифинии VII века.— ИРАИК, т. VIII, 1902, стр. 35.

земледелец, выкупив земельный участок от одного парика, пожертвовал его монастырю, а крестьяне решили освободить монастырь от налога на этот участок и перенесли подать на себя. И больше нет ничего, что бы говорило об общинной собственности. Панченко не отвергает возможность существования в данном месте общины, но он правильно утверждает, что этот документ, к сожалению, ничего не говорит об общине: нет ни должностных лиц общины, протестов, ни выборов, ни указания, что земля принадлежит общине («Крестьянская собственность...», стр. 178).

Критические положения Панченко большей частью безукоризненны. Сторонники общинной собственности действительно видели часто в источниках то, чего на самом деле не было. Как и всякое крупное открытие (каким являлось введение изучения крестьянской общины в историю), общинная теория сделалась достоянием широкой массы историков и основой «школы» с неизбежными преувеличениями и увлечениями, характерными для всякой «модной теории». Разумеется, Панченко не первый начал выступать против общинной теории — на Западе уже давно существовала школа Фюстеля де Куланжа. В русском византиноведении общинная теория подогревалась славянофильскими традициями, но на Западе юридическая школа Монье не могла не видеть искусственности построений об общинном землевладении в Византии. Некоторые критические замечания в адрес этих теорий делались и Безобразовым¹⁴. Теория общинного землевладения возникла не в результате глубокого анализа источников, а под влиянием господствовавшего на Западе направления историографии и под сильным влиянием примера русской общины. Основоположник теории — немецкий академик (в то же время и член Российской академии наук) Карл Цахариэ фон Лингенталь не подкрепил свою гипотезу об общинности византийской деревни солидными доводами, а относительно влияния славянского права он ограничился только одной вскользь брошенной фразой. Как писал Панченко, «суждено было, что взгляды Цахариэ получили, без надлежащего противовеса, распространение в обществе, для которого после Греции византиноведение имеет наиболее жизненное значение. Не кто-либо меньший, но В. Г. Васильевский воспринял и пустил их в оборот»¹⁵. Поскольку теория общинности византийской деревни построена была исключительно на факте отличия Земледельческого закона от Юстинианова права и на гипотезе о широких социальных реформах иконоборцев, Панченко поставил себе целью подробно разобрать все доводы Цахариэ и Васильевского, в основном базируясь в первой части своего исследования только на Земледельческом законе. Вся работа Панченко носит ярко выраженный критический характер против господствующей школы, которую считали «русской»¹⁶.

Вопрос об общинном землевладении не может быть вопросом методологии; это вопрос о конкретных экономических фактах данного периода и в данной стране. По Ф. Энгельсу, общинное землевладение могло сохраниться вплоть до XIX в., но могло и очень скоро попасть под влияние римского права¹⁷.

¹⁴ См. Б. А. Панченко. Крестьянская собственность..., стр. 159, прим. 4.

¹⁵ Там же, стр. 44.

¹⁶ Именно это выступление против господствующей теории вызвало обвинение Панченко в том, что он пытался «подвергнуть ревизии прочно установившиеся взгляды» (В. Сиротенко. — Уч. зап. Пермского гос. ун-та, т. 12, вып. 4, 1959, стр. 100). Если бы в историографии не появлялись ученые, которые не боялись выступать против «прочно установившихся взглядов», историография и поныне находилась бы на позициях блаженного Августина.

¹⁷ Ср. Ф. Энгельс. Маркс. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. 49, стр. 333.

Те неправильные выводы, к которым пришел Фюстель де Куланж при анализе франкского общества, развивавшегося на почве погибшей западноримской государственности и сильного влияния вышедших из родового быта племен, ставших хозяевами страны, — те самые выводы могли быть совершенно правильными для Византии, где государственность с центральным правительством, с действующим правом, покоящимся на римском законодательстве, сохранилась и где поселившиеся на ее территории племена оказались не хозяевами страны, а подвластным, ассимилируемым крестьянством. Теория Панченко органически связана со спецификой Византии. Признание господства частнособственнических отношений в Византии имеет, по мнению Панченко, особое значение при определении специфики Византии по сравнению со странами Запада («Крестьянская собственность...», стр. 230).

Как и всем позитивистам, Панченко свойственна была тенденция объяснять политическое влияние непосредственно экономическими причинами. Например, о влиятельности императрицы Феодоры Панченко пишет: «Изучение размеров и устройства частной собственности Феодоры, управления *curatores domus Augustae* могло бы указать одну из причин могущества Феодоры, — но у нас в руках немного данных» (ВВ, III, стр. 108). И далее, коснувшись сведений об имуществе Феодоры, он утверждает: «Частное имущество ведомства *domus Augustae* и слагавшиеся на почве материальной зависимости отношения массы лиц к Феодоре составляли первое условие ее могущества» (там же, стр. 109).

Нужно отметить, что в своей терминологии Панченко отдавал дань современному ему идеалистическим концепциям. Он писал: «Основной идеей аграрной истории Византии должна быть частная собственность». Таким образом, частная собственность представляется как идея. Однако, ближе ознакомившись с содержанием труда Панченко, мы приходим к выводу, что, говоря о частной собственности в Византии, он имел в виду обычные имущественные отношения, закрепленные длительным действием римского права. Нигде он не противопоставлял и дею частной собственности идею общинной собственности. Он даже не приводил положений римского права о частной собственности, а говорил только о фактических имущественных отношениях. Можно даже прийти к выводу, что Панченко приближался к правильному пониманию происхождения идей. Он писал: «Ни одной строчкой нельзя пренебрегать, всякое невероятное известие следует объяснить как продукт известного настроения и по возможности указать, и в каких кругах общества оно исходит» (разрядка моя. — М. С.). Этот характерный для Панченко метод отмечал Ф. Успенский (ВВ, XXIV, 1923—1926, стр. 96).

Однако совершенно справедливо обвиняли Панченко в том, что он не использовал множество других источников — литературных, юридических, не дал всестороннего освещения общества, которому он приписывал как основную идею частную собственность. Это сознавал сам Панченко. В заключении к своему труду о крестьянской собственности он писал о необходимости создания с привлечением законодательных и литературных источников истории аграрного и социального строя Византии. Но к составлению такой истории Панченко так и не приступил. Эта незавершенность исследований Панченко в области аграрной истории Византии послужила причиной противоречивых оценок Панченко в советской историографии. Наряду с признанием серьезных заслуг ученого, имеется множество указаний на недостатки его основного труда о крестьянской собственности. Нужно отметить, что в связи с теми общими условиями, в которых развивалась наша византистика в 40-х и начале 50-х годов, оценка научного наследия Панченко была более критической, чем в наши дни. Это мы видим на

отношении к некоторым теориям Панченко Е. Э. Липшиц, которая отказалась поддерживать теорию переделов, и особенно А. П. Каждана, ранняя работа которого («Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв.») содержит ряд критических замечаний в адрес Панченко, в то время как в более позднем его исследовании «Деревня и город в Византии IX—X вв.» акцентируется внимание главным образом на достоинствах трудов Панченко (стр. 24—26).

Мы считаем необходимым для правильной оценки наследия Панченко разобрать те указания на недостатки его как историка, о которых писалось главным образом в работах 40-х и начала 50-х годов.

Панченко обвиняли в том, что он не применял в своих исследованиях широкого сравнительно-исторического метода. Но это неверно. В отношении крестьянского землевладения Панченко постоянно проводил сравнение византийских условий с западноевропейскими («Крестьянская собственность...», стр. 64). Однако он не соглашался прибегать для изучения византийских аграрных условий, имевших тысячелетнюю давность, к сравнениям, заимствованным из условий первобытного общества. И нужно думать, что такой подход, именно учитывая специфику Византии, является более научным, чем стремление всюду пользоваться примерами из незапамятных времен, которые для трудовой византийской деревни были давным-давно пройденным этапом.

Совершенно не аргументируются обвинения Панченко в том, что он придерживался теории «извечности капитализма»¹⁸. Ни теории извечности капитализма, ни даже теории извечности частной собственности (которая, как известно, вовсе не является признаком капитализма) у Панченко и в помине нет. Нигде Панченко не пытается доказать, что собственность у крестьян всегда была частной. Как позитивист, он не старался проникнуть в глубину вопроса о происхождении общины с незапамятных времен. Он имел в виду только византийскую общину.

По мнению А. П. Каждана, у Панченко полностью отсутствует историчность, он будто бы «не замечал никакого движения, развития византийской аграрной истории»¹⁹. Обвинение Панченко в недостатке историчности совершенно непонятно: Панченко больше всего говорит о борьбе крестьян с сеньориальными притязаниями на их частную собственность, о постепенном торжестве крепостного права, о развитии владения землей, основанного не на частной собственности («Крестьянская собственность...», стр. 220). Наоборот, мы можем заключить, что Панченко прекрасно понимал необходимость историзма в исследованиях. Он, например, обвинял Дана в том, что при изучении мировоззрения Прокопия тот не учитывал среды, в которой развились взгляды Прокопия: «Мировоззрение Прокопия получается отвлеченным от среды, в которой оно было воспитано»; Дан «не применяет исторического метода изучения, разбирая внутренний мир Прокопия как психологическую загадку» (ВВ, II, 1895, стр. 24).

Основной недостаток Панченко А. П. Каждан видел в том, что «его интересует не реальная историческая действительность, а титул собственности»²⁰. Это совершенно несправедливое обвинение: Панченко интересуется вполне реальными явлениями — фактами отчуждения земли крестьянами,

¹⁸ См. З. В. Удалцова. Из истории русского буржуазного византиноведения. — ВВ, XX, 1961, стр. 50—51; Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960, стр. 62. «Попытка Б. А. Панченко доказать извечность крестьянской частной собственности на землю» Литаврин называет «реакционной теорией». Но нет ссылки: где, на какой странице Панченко развивал такую теорию.

¹⁹ А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии в XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 24—25.

²⁰ Там же, стр. 12.

фактами наступления вотчинной собственности на права крестьянской собственности. Иначе в специальной монографии, которая посвящена крестьянской собственности, обсуждение и не может быть построено!

А. П. Каждан считал, что Панченко не понял присущего сельской общине дуализма — сочетания элементов общей и частной собственности. Но как раз об этом и пишет Панченко, утверждая, что каждое село имело в общем владении выгоны и угодья; именно это и есть сочетание частной собственности с общей.

А. П. Каждан обвинял также Панченко в том, что своим признанием наличия крестьянской частной собственности он переносил явления современности на историю прошлого. Но в таком случае гораздо более естественным было бы обвинить в этом самого Юстиниана, который «категорию современного общества» — частную собственность — перенес на Византию VI века!

Для характеристики Панченко как историка необходимо выяснить его отношение к вопросу о феодализме в Византии. Существует установившееся мнение, что Панченко не признавал наличия феодализма в Византии²¹. Это мнение кажется совершенно непонятным. Повсеместно в своем труде Панченко пользуется феодальной терминологией («ленный рыцарь Сиргарри», «сеньор», «terra indominicata» и др.); он говорит о «столкновении сеньориальных прав монастыря с личной и наследственной собственностью париков» («Крестьянская собственность...», стр. 98).

Панченко не занимался специально проблемой византийского феодализма, но он изучал институты феодального общества, пытался, хотя и мимоходом, говорить о сущности пронии и иммунитета в Византии, о правах на землю зависимых крестьян.

А. П. Каждан усматривал доказательство непризнания Панченко феодализма в Византии в его положении о том (см. там же, стр. 220), что частная собственность крестьян в поздней Византии существовала в той же форме, что и в Римской империи по римскому праву. Но если Панченко говорит, что в византийском селе были такие же формы крестьянской собственности, как и во время Римской империи, то в этом нет еще никакого отрицания феодализма: парцеллярное крестьянское землевладение могло существовать при всех формациях²². Наличие свободного мелкого земледельческого хозяйства, мелких вотчинников во времена феодализма — удостоверенный факт. Панченко считает это спецификой Византии, но далеко не абсолютизирует данную форму, не распространяет ее на всю Византию. Панченко заострял свое внимание на проблеме крестьянской собственности, но там, где его рассуждения касались феодальных институтов — пронии и иммунитета, его анализ полностью переключается с рассуждениями византинистов нашего времени.

Совершенно неприемлемо утверждение, что Панченко будто бы отрицал существование в Византии крепостного права, признавая только фискальную зависимость²³. Ничего подобного у Панченко нет. Панченко усматривает отсутствие крепостного права там, где оно еще не образовалось, и признает наличие его там, где оно уже господствовало. Можно даже сказать, что, наоборот, у Панченко мы находим самое четкое признание победы в Византии крепостного права. «Образуется класс присельников, в 14 веке составлявший главную массу крепостного населения», — пишет он

²¹ См. А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии..., стр. 13, 15.

²² См., например, К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 819.

²³ А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии..., стр. 15. В более позднем труде А. П. Каждан не повторяет этого обвинения.

(«Крестьянская собственность...», стр. 220). «Минекийские акты показывают полное господство крепостного права» (там же, стр. 192).

Мы считаем долгом историографии устранить те неправильные положения, касающиеся взглядов Панченко, которые создавали совершенно превратное представление у советской общественности об этом крупном буржуазном византинисте. Вместе с тем нужно признать, что, подобно другим буржуазным историкам, Панченко не мог понять сущности феодализма — феодального способа производства. Развитие феодальных отношений он понимал только как количественное уменьшение частной собственности крестьян под влиянием: а) пожалования земли, населенной крестьянами, пожалования поземельного налога в пользу землевладельца, пожалования права патроната над населением (прония); б) развития присельничества; в) податного обложения и прямого вмешательства администрации при переписях (там же, стр. 230).

Панченко не задавался целью проследить причины появления крепостничества в Византии и считал неясным, могли ли именно эти факторы привести к образованию крепостной общины на последнем этапе существования Византии (там же, стр. 230).

Центральным звеном труда Панченко является критика господствовавшей тогда безраздельно теории Цахариэ фон Лингентала, расширенной и развитой В. Г. Васильевским и Ф. И. Успенским. Панченко последовательно обрушивается на отдельные положения этой теории. Не желая выставлять на первый план В. Г. Васильевского, чья память была особенно дорога всем византинистам, Панченко разбирает положения Цахариэ, а Васильевского упоминает только попутно²⁴.

Главные возражения Панченко таковы.

1. Цахариэ фон Лингенталь и В. Г. Васильевский считали, что до того времени, как был произведен раздел, земля находилась в общем хозяйственном пользовании. Панченко просто «отказывается понять», что это значит. Охотно признавая, что рядом с личной собственностью могла быть и неразделенная земля, Панченко не допускает первоначального вполне общинного землепользования. Он делает вид, что ему неизвестна история возникновения общины. Разумеется, Панченко не прав, когда вообще отвергает возможность существования полностью общественного хозяйства, если речь идет о примитивной общине. Но он вправе не допускать существования такого хозяйства в Византии, где крестьянская община далеко не была примитивной, а имела тысячелетнюю историю развития.

2. И Цахариэ фон Лингенталь, и Васильевский рассматривали византийскую деревню по образцу русской, с общинным землевладением и периодическими переделами. Панченко совершенно резонно спорит с Цахариэ по поводу возможности переделов. Он указывает на то, что передаваемые Земледельческим законом участки не есть полосы, жеребья в общем поле, а являются самостоятельными хозяйствами («Крестьянская собственность...», стр. 36). Это хозяйства с долговременными культурами (виноградники). Панченко указывает на непреодолимую трудность толкования по Цахариэ ст. 8 Земледельческого закона. Как можно лишить

²⁴ Критика положений Ф. И. Успенского у Панченко еще осторожнее: например, он не критикует прямо тезис Ф. Успенского относительно понимания слова «эпика», которое тот относил только к свободному населению, но приводит яркие примеры из монастырских актов, доказывавших, что эпиками называлось население вообще — и свободное, и зависимое («Крестьянская собственность...», стр. 122, 150, 191). Это было явной критикой Успенского, но без упоминания его имени. Весь труд Панченко направлен был против концепции Успенского, но в максимально тактичной форме. Это было понятно, поскольку Успенский являлся начальником и руководителем Панченко.

массу крестьян их хозяйства по требованию одного человека? Ведь участки заняты долговременными ценными культурами, частично сданы в аренду. Совершенно правомерно Панченко считает, что ст. 8 не свидетельствует о периодических переделах, но имеет в виду случаи несправедливости при произведенном дополнительно разделе. Он полагал, что в ст. 8 речь идет о переходе неразделенной земли в полную собственность и о возможных спорах при таком переходе (там же, стр. 38).

В настоящее время никто из византинистов уже не говорит о периодических переделах в византийской деревне²⁵.

3. Основная теория Цахариэ фон Лингентала была связана с его пониманием сущности борьбы в иконоборческий период истории Византии. Земледельческий закон свидетельствует, согласно Цахариэ, о том, что иконоборческая династия произвела широкие социальные реформы: отменила закрепощение крестьянина, даровала свободу перехода, снизила ренту. Эти реформы, по мнению Цахариэ, сильно повредили интересам землевладельческой знати, чем и обусловлена сильная реакция против иконоборчества, против тех мероприятий, которые были рассчитаны на подъем крестьянского сословия. Панченко выступил против этой теории в целом и по каждому отдельному ее положению.

Панченко находил, что для отнесения Земледельческого закона ко времени правления иконоборческой династии нет никаких данных. Он справедливо требовал аргументации положения, что Земледельческий закон — акт Льва III. Все приводимые доводы могли подходить и для конца VII в. Кроме того, выдвинуто было важное соображение: если говорить о славянском влиянии на Земледельческий закон, то это свидетельствует скорее о VII в., а не об иконоборческом периоде, когда императоры обратились к традициям Малой Азии («Крестьянская собственность...», стр. 30). Вопрос этот не разрешен и в настоящее время. Если исходить из внутривосточной обстановки Византии, то Земледельческий закон с одинаковой вероятностью может быть отнесен и к первой половине VIII и к концу VII в.

Касаясь мысли Цахариэ о том, что Земледельческий закон предоставил крепостному крестьянину право перехода, Панченко утверждал, что свою теорию Цахариэ создал под влиянием господствовавших тогда в историографии учений о средневековой общине, и особенно об общинности у славян. К тому же Панченко обвинял Цахариэ, что тот намеренно пользовался текстом позднейших списков Закона, не обращая внимания на древнейшие. Попытка Цахариэ видеть в Земледельческом законе крупных землевладельцев и экономически зависимых от них крестьян глубоко и основательно раскритикована Панченко. Правоту Панченко признает и Липшиц («Очерки...», стр. 71).

Острый анализ Панченко опроверг утверждения Цахариэ о том, что крестьянин получал право перехода при условии, если он вознаграждает своего господина. Панченко резонно спрашивал: «Кто этот Gutsbauer, который получил в качестве лена verliehene Land, участок земли, и кто этот помещик?» Он совершенно справедливо замечает, что в данных статьях § 11—16 налицо простая аренда, причем землевладельцем был такой же крестьянин. В Земледельческом законе нет речи о землевладельце высшего состояния («Крестьянская собственность...», стр. 31).

Панченко выступил, таким образом, против положения Цахариэ и Папаригопулу об отмене иконоборцами крепостного права, — положения, которое получило широкое распространение. Из того, что крестьянин-аренда-

²⁵ Ср. А. П. К а ж д а н. Деревня и город..., стр. 31; Е. Э. Л и п ш и ц. Очерки..., стр. 69.

тор должен был вознаградить крестьянина—собственника земли в случае нарушения аренды, Цахаризэ делал вывод об отмене крепостного права иконоборцами-императорами (см. там же, стр. 32). Критика Панченко оказалась убийственной, и больше эта теория в солидных трудах не появлялась.

Из того, что в Земледельческом законе ничего не говорится о патронате, вовсе не следует, что иконоборцы его отменили, как думал Цахаризэ (см. там же). Положение Панченко вполне научно: уже до и з д а н и я Земледельческого закона ни крепостного права, ни патроната в тех деревнях, к которым обращен данный закон, не было (там же, стр. 33).

Панченко оставляет открытым вопрос, существовало ли зависимое состояние крестьян в Византии во время появления Земледельческого закона. Критикуя Васильевского, который признавал социальные реформы иконоборцев, Панченко писал: «Крестьянский закон вовсе не говорит, что в Византии вовсе не было зависимых, что они были освобождены законом... Они могли существовать, только закон ничего о них не говорит» (там же, стр. 46).

Безусловно прав Панченко, отвергая теорию Цахаризэ и Васильевского о том, будто введением морты — десятины—была снижена рента, что якобы принесло облегчение крестьянству, поскольку первоначально рента достигала $\frac{1}{6}$. Панченко показал, что положение об одной шестой вовсе не относится к византийской деревне.

Приступаем к центральному вопросу — об отношении Панченко к общине. В нашей литературе сложилось определенное мнение, что Панченко полностью отрицал существование общины в Византии. Однако в труде Панченко о крестьянской собственности мы вряд ли можем найти этому подтверждение. Прежде всего нужно оговориться, что такое мнение о Панченко возникло уже сразу же после появления его труда. Под общиной понимали русскую общину с миром и периодическими переделами. Существование именно такой общины в Византии действительно отрицал Панченко. Но следует ли под названием «община» понимать только такую общину, которая существовала в России? Мы знаем, что первобытная община прошла различные стадии развития, от общины с коллективным хозяйствованием до общины с индивидуальными хозяйствами частных собственников при наличии общинных лугов и выгонов, а в некоторых случаях, при соответствующих условиях, вплоть до городской общины частных собственников. Таким образом, пользуясь термином «община», нельзя смешивать понятие «община» с понятием «общинная собственность». И кроме того, чтобы уяснить позицию Панченко, необходимо четко представить, понимается ли под словами «общинная собственность» собственность общины на всю землю, входящую в территорию данной деревни, или же только на используемые всей деревней общественные выгоны, леса, луга, т. е. то, что германисты называют термином «альменда».

Общая концепция Панченко, которую он развивал в своем труде, заключалась в том, что византийскую деревню он считал совокупностью индивидуальных частнособственнических крестьянских хозяйств при наличии земли, находящейся в собственности деревни в целом и состоящей из лугов, выгонов, лесов. По Панченко, это общинное владение имело «второстепенное, служебное назначение и носило характер предварительного, временного состояния территории... Это не нераздельная, а неразделенная земля. Община оставляла за собой земли худшие, или отдаленные, выгоны и лесные угодья» («Крестьянская собственность...», стр. 84).

Если выразить это положение Панченко языком современной политической экономии, то его концепцию можно свести к признанию наличия в

Византии парцеллярного крестьянского хозяйства с необходимыми для такой системы общинными выгонами²⁶, т. е. к признанию существования своеобразной общины-«марки», с той только особенностью, что индивидуальные участки находились в полной частной собственности крестьян. Как известно, «марковый строй приспособлялся к самым изменчивым отношениям владения возделанной землей»²⁷. Мы можем считать, что Панченко имел право на выдвижение своей теории именно с точки зрения специфики византийского крестьянского хозяйства: долголетние культуры (виноградники, оливковые деревья), требующие устойчивого хозяйства и любовного ухода, влияние римского права — все это создавало условия для торжества частной собственности на землю в византийской деревне при наличии находящихся в общем пользовании выгонов и лесных угодий.

Таким образом, обвинение Панченко в том, что он отвергал вообще существование общинной собственности, является совершенно необоснованным²⁸. Панченко признавал существование неразделенных выгонов и угодий несомненным, однако он указывал, что таковые имелись не только в любой римской колонии, в любом средневековом городе, но и в большинстве современных городов, владеющих недвижимостью («Крестьянская собственность...», стр. 50). Поэтому существование такой неразделенной собственности ничего не говорит о наличии общинной собственности на участки индивидуальных хозяйств крестьян²⁹.

Еще более непонятным является утверждение, что Панченко не признавал существования общины и общинных порядков в Византии. Панченко четко определяет общину как юридическое лицо, как корпорацию, являющуюся собственником земли, пока еще не поступившей в собственность отдельных членов общины. Это можно сказать и о любой римской колонии, муниципии, имевшей *ager ad pascendum communiter vicinis* (там же, стр. 34).

Мы должны, однако, заметить, что Панченко слишком недооценивал наличие неразделенной земли в собственности деревни: он мало говорит о лугах, общинных лесах и т. д., считая эти владения второстепенными. Но без общинных пастбищ и лугов вообще не может существовать мелкое крестьянское хозяйство. Именно эта недооценка общинных неразделенных земель и вызвала представление о Панченко как историке, полностью отрицавшем общину и общинную собственность.

Большое внимание Панченко придает терминологическим изысканиям. Он считает, что термин *κοινός* равнозначен *publicus*, т. е. говорит о собственности села как юридической личности (там же, стр. 67).

²⁶ См. К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 820: «Свободная собственность крестьян, ведущих самостоятельно свое хозяйство [selbstwirtschaftend], есть очевидно самая нормальная форма земельной собственности для мелкого производства, т. е. для такого способа производства, в котором обладание землей есть условие принадлежности работнику продукта его труда... Собственность на землю так же необходима для полного развития этого способа производства, как собственность на инструмент для свободного развития ремесленного производства». Далее К. Маркс говорит об «общинной собственности, которая повсюду образует второе дополнение парцеллярного хозяйства и только и дает ему возможность содержать скот».

²⁷ Ф. Энгельс. Марка. К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. 19, стр. 337.

²⁸ Ср. БСЭ, т. 32, стр. 17: «Панченко пытался доказать отсутствие общинной собственности в византийской деревне».

²⁹ Панченко совершенно четко определил смысл слов § 32 Земледельческого закона «в неразделенном месте» (*ἐν τόπῳ ἀμερίστῳ*). Он видел в них доказательство существования как неразделенной земли, так и разделов этой неразделенной земли. Он считал, что в статье 8 говорится о превращении неразделенного пастбища или леса в индивидуальную пашню. Это — превращение неразделенной территории в территорию частной собственности.

Слово *κοινότης* Панченко понимал как *universitas*, а не как наименование общности землевладения, и поэтому *κοινότης*, по мнению Панченко, не могли служить доказательством существования общины как собственника на участки земли индивидуальных хозяйств (там же, стр. 51). Слово *οἶκός*, по мнению Панченко, выражает только понятие «земской административной единицы» и ничего о форме собственности говорить не может.

Разумеется, эти терминологические экскурсы не могут служить точным доказательством правоты теории Панченко, однако нельзя не признать возможность подобного толкования, и, таким образом, те места из Земледельческого закона, которые считались Цахариэ фон Лингенталем основой его общинной теории, не могли служить препятствием для концепции Панченко.

Можно считать, что Панченко совершенно прав, обвиняя Цахариэ в недостаточном внимании к влиянию действующего римского права (там же, стр. 39). Классики марксизма никогда не забывали о его воздействии: Ф. Энгельс в «Марке» говорит о значении того обстоятельства, что на территории римской империи «много столетий земля была частной собственностью (и притом римской, неограниченной)», и считает эту собственность «укоренившейся формой владения»³⁰. Разумеется, кое-где, в захолустьях средиземноморского мира, и могли существовать примитивные формы земледельческого права, однако Земледельческий закон относился к местности, включенной в районы влияния действующего права.

Основной целью Земледельческого закона Панченко считал охрану крестьянской мелкой собственности в тех случаях, которые не предусмотрены были в официальных кодексах (там же, стр. 58).

Панченко приписывают теорию фискального происхождения общины³¹. Однако Панченко имел в виду только то, что сельский район представлял собой податную единицу со всеми вытекающими из этого следствиями. О сельском районе как податной единице с полной четкостью говорит и «Податный устав». Что касается вопроса о происхождении общинного землевладения, то Панченко, наоборот, считал, что налоговый гнет никогда не приводит к общинной собственности. Он даже обратился к примеру куриалов позднеримской империи: податной гнет и круговая порука вовсе не привели курию к общинной собственности! («Крестьянская собственность...», стр. 52).

Но зато Панченко постоянно высказывал мысль о консервирующем характере тягла: именно не развитие общинного землевладения, а появление зависимого землевладения и крепостничества являлось результатом податного обложения. От этой теории мало отличается современная точка зрения, касающаяся роли «централизованной ренты» в деле закрепощения крестьянства. Ведь так называемая «централизованная рента» фактически является гнетом фискальным, и, следовательно, теория «централизованной ренты» созвучна со взглядом Панченко на роль «тягла» в процессе закрепощения крестьянства.

Собственно говоря, основной тезис Панченко, по сути дела, принят в настоящее время советским византиноведением.

Е. Э. Липшиц, одно время выступавшая за признание наличия в византийской деревне общинной собственности на пашню и индивидуальных посевных площадей, вплоть до возможностей периодических переделов³², в последнем своем труде фактически приблизилась к концепции Панченко.

³⁰ Ф. Энгельс. Марка. К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. 19, стр. 333.

³¹ Е. Э. Липшиц. Очерки, стр. 10, прим. 23.

³² Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация.— ВС, 1945, стр. 120.

Она говорит, что анализ данных Земледельческого закона, проделанный в последнее время советскими исследователями, показывает, что в этом памятнике нашла свое отражение лишь самая поздняя ступень в развитии общины, аналогичная той, которая известна на Западе как территориальная община-марка». В общине, известной нам по данным Земледельческого закона, от общинной собственности, бывшей некогда в родовой общине всеобъемлющей, сохранились лишь остатки в виде собственности на общинные угодья, в виде большой роли «мира» и т. д. Эти остатки общинной собственности сочетались с индивидуальной собственностью крестьян на отдельные участки³³. Чем же отличается положение Лишиц о крестьянской собственности по Земледельческому закону от соответствующих положений Панченко? Е. Э. Лишиц указывает, что в Земледельческом законе отражена лишь самая поздняя ступень в развитии общины. Безусловно, Панченко не писал о том, на какой стадии развития находилась византийская община, — он изучал только крестьянскую собственность в Византии и не ставил задачей изучение генезиса общины. Что же касается происхождения поздневизантийской крепостной общины, то Панченко не считал вполне ясными причины ее происхождения, однако он признавал «появление зависимого владения в пределах монастырской вотчины, ядра зависимой общины с наделами, обусловленными работоспособностью крестьянского двора, а не правами собственности, закрепленной казенными книгами официально» («Крестьянская собственность...», стр. 195—196).

Крупным недостатком труда Панченко является отсутствие попыток показать функцию сельского «мира». Он не привлекал агрографический материал, в котором ясно говорится о наличии в общинах *протеботес*, и т. д. Возможно, эти сведения скудны, но тем не менее их можно присоединить к данным монастырских актов о коллективном свидетельствовании, о коллективном выступлении в защиту прав крестьян данного села.

Но суть вопроса в том, имела ли община права на индивидуальные участки крестьян.

Панченко, как признает А. П. Каждан, вполне доказал на широком материале, что византийский крестьянин обладал правом распоряжаться своим наделом: мог обменять, продать или передать его по наследству³⁴. Но если деревенский житель мог законным образом, с утверждением нотариата, продавать, обменивать, дарить, отдавать в приданое, завещать свою землю, в чем же мы можем усматривать «владение общины»? Если совершенно ясно, что крестьянин имел право распоряжаться своей частной собственностью, то, наоборот, совершенно непонятно, в чем выражалось «право» общины распоряжаться земельным участком крестьянина.

Существовали определенные ограничения в отчуждении земельных участков крестьянина. Однако имеющиеся в новеллах X в. запреты продавать землю динатам вовсе не указывают на право общины распоряжаться участками крестьянина: эти запреты устанавливались не общиной, а общеимперским законодательством, отменить которое община не могла; такие же регламентирующие продажу земли правила, как *протимесис*, тоже не давали общине никаких прав распоряжаться участками. Все ограничения устанавливались законом подобно тому, как с давних времен в римском праве устанавливались различные ограничения свободы завещания. Мы должны признать, что право на полное «распоряжение» землей частным лицом в пределах законодательства, вне всякого воздействия общины, Панченко вправе был назвать *частной собственностью*.

³³ Е. Э. Л и ш и ц. Очерки..., стр. 8.

³⁴ А. П. К а ж д а н. Деревня и город..., стр. 25.

Помимо прав на неразделенную территорию, которая несомненно, по Панченко, находилась в распоряжении общины, каждый крестьянин имел некоторые права, по выражению А. П. Каждана, «на чужую землю». Однако вряд ли в данном случае можно говорить о влиянии общинной собственности — все права, касающиеся пользования чужой территорией для выпаса скота, являются обычными сервитутами по римскому праву (например, *servitus pascendi*) и никаких свидетельств о функции общины не дают. Нам думается, что для получения представления о функциях деревенской общины следует дать картину внутреннего управления римской колонии.

Панченко отрицает существование в византийской деревне круговой поруки, но выдвигает на первый план действие тяжелой для населения системы эпиболе, на основании которой законодательство привлекало соседей к обработке опустевших земель и платежу за них налогов («Крестьянская собственность...», стр. 86). При этом Панченко отмечает, что институт эпиболе построен не на началах общинного землевладения, а на основе личной собственности. Панченко напрасно, на мой взгляд, старается противопоставить круговую поруку системе эпиболе. Эпиболе и есть конкретное проявление системы круговой поруки. Обязательство восполнить налоговое обложение осуществлялось именно посредством системы эпиболе. Заставить платить крестьянина — значит дать ему для обработки больше земли. Необходимо, однако, отметить, что признание наличия или отсутствия круговой поруки или эпиболе не говорит ни за, ни против теории о наличии или отсутствии в византийской деревне общинной собственности на землю.

Более убедительно выглядит положение Панченко о том, что личная собственность на пашню в Земледельческом законе гарантирована тверже даже по сравнению с огородами и садами, которые находились всегда в полной собственности. Он подчеркивает, что крестьяне вольны распоряжаться своими пашнями на срок или навсегда без всякого участия общины, что невозможно было бы при наличии общинного землевладения (там же, стр. 75).

Панченко считает, что в Земледельческом законе наиболее четко проявляется принцип полной частной собственности — там нет никаких ограничений собственности в пользу общественных сооружений. На своей земле крестьянин-собственник может построить мельницу и не допускать никакого вмешательства односельчан в свое предприятие (ст. 79—81). Никакого отличия понятия *усадебная земля* от земли пахотной в Земледельческом законе Панченко не находит.

Термины *ἄλλότριος* и *ἴδιος* одинаково применяются и к виноградникам, и к пашням. Все ограничения частной собственности, которые встречаются в Земледельческом законе, Панченко считает относящимися к неразделенной или недавно разделенной территории («Крестьянская собственность...», стр. 71).

Соседские претензии принимаются в расчет, но, по разъяснению Панченко, это не претензии общины, а частного лица — соседа: это тоже интересы частной собственности.

В своей монографии «Деревня и город в Византии» А. П. Каждан считает недостатком Панченко то, что он не ввел в свое исследование новелл X в. Но в этих новеллах в первую очередь говорится о том, как крестьяне в массовом масштабе продавали свои участки посторонним лицам. Это самое блестящее доказательство, неопровержимый довод в пользу Панченко, а не против его теории. Безусловно, эти факты массовой продажи земель лицам, не входящим в общины, как неоспоримые свидетельства существования у крестьян частной собственности на землю, не могут быть поко-

леблены некоторыми спорными по пониманию выражениями новелл, которые иногда приводятся для поддержания теории отсутствия частной собственности на землю в византийской деревне.

В пользу теории Панченко свидетельствует и то, что новеллы не ссылаются на незаконность частной продажи общинных земель, а говорят об ограничении частной собственности крестьян на землю. Правительству, пытавшемуся сохранить свободную крестьянскую общину в интересах городской знати, тогда стоявшей у власти, важно было законодательным путем ограничить право свободного отчуждения крестьянами земель.

Документы более позднего времени также подтверждают положение Панченко если и не о повсеместном, то о частичном существовании частной собственности свободных крестьян. Много споров в литературе вызвало сохранившееся в документах дело о Гунаропулах³⁵. Попытки говорить о том, что с XIII в. земли Гунаропулов находились в общинной собственности, несмотря на то, что сохранились нотариально обставленные купчие на их землю, совершенно неосновательны. Гунаропулы продавали землю так же, как крестьяне в X в., притом продавали не своим односельчанам, а динатам — не членам сельской общины. И если возникло спорное дело о законности продажи земель, то не потому, что существовала общинная собственность, а вследствие неясности юридического статуса Гунаропулов.

По всем доводам, какие приводил Панченко в защиту своей теории, существует обширная литература, но в основном они остаются непоколебленными до настоящего времени.

* * *

Все это относится к проблеме частной собственности крестьян на землю. Но зато проблема общины как таковой, вне зависимости от форм землевладения, у Панченко разработана слабо. Он вообще не ставил целью изучать вопрос об общине, его интересовала лишь проблема собственности. Никаких попыток обрисовать функции «мира» византийского самоуправления Панченко не делал, и только в тех случаях, когда из факта присяги крестьян или жалобы сельчан некоторые историки неправомерно извлекали доказательства существования общинного землевладения, Панченко развивал острую и вполне справедливую критику.

Вопрос о внутренней сплоченности общины имеет исключительное значение при учете сопротивления византийского крестьянства процессам феодализации. Панченко весьма слабо коснулся этого вопроса. Так, он выдвинул положение о том, что в противовес римскому праву, которое прямолинейно считало, что всякое строение на чужой земле есть собственность землевладельца земли *superficies solo cedit*, Земледельческий закон фиксировал обычай, согласно которому учитывались права и труд предпринимателя на чужой территории³⁶. Совершенно не учитывал Панченко важного для утверждения обычного права влияния силы родственных уз, большесемейных отношений, которые были привнесены славянским элементом. Именно эти узы и отношения создавали особую сплоченность крестьянской общины, несмотря на то, что это были частные собственники парцелл. Их объединяла не общинная собственность (хотя наличие общинных

³⁵ ММ, IV, р. 85, 195 sq.

³⁶ Это положение Панченко развил А. П. Каждан («Деревня и город...», стр. 37, 38). Однако ни Панченко, ни Каждан, ни я («О характере и сущности византийской общины по Земледельческому закону». — ВВ, X, 1956, стр. 34) не принимали во внимание право *superficies* в целом, в частности противопоставление *superficies bona fide* — *per vim, clam, a presario*.

выгонов имело некоторую объединяющую тенденцию), но общий производственный интерес, общие интересы мелкого земледельческого хозяйства, гарантии простого воспроизводства и, в особенности, влияние не вполне забытых связей кровнородственного единства³⁷. На это не обращал внимания Панченко, который вообще мало интересовался народными массами.

Панченко полагал, что функции общины ограничивались распоряжением земельными угодьями, находившимися в общинной собственности, и что за пределами этого не было общинности. Это его глубокое заблуждение. Функции общины, всего населения села, могли быть очень значительными и разносторонними и в условиях частной собственности. Ф. Энгельс писал, что «по образцу маркового строя создавались уставы бесчисленных вольных товариществ средневековья, основанных не на общности землевладения³⁸. Средневековые цехи представляли собой сплоченные объединения мелких частных собственников. Цех, безусловно, не имел права лишить мастера его собственности — орудий производства, но у него были самые широкие права, регулирующие внутреннюю жизнь в цехе и регламентирующие производство. Подобные же функции имела и сельскохозяйственная община: Земледельческий закон давал общине широкие возможности вмешиваться в жизнь деревни, и нужно думать, что наблюдение за выполнением правил Земледельческого закона лежало именно на старшине — *protos* — сельской общины. Более важные дела, вроде спора о границах села с соседями, решались при участии всего населения деревни. С тех давних пор, когда прекратилось общинное пользование землей и прекратились переделы, основная функция общины вовсе не связана была с распоряжением земельными участками — сплоченность села выражалась в гарантии беспрепятственного хозяйствования крестьянина на его парцелле и установлении тех взаимоотношений внутри населения села, которые соответствовали бы общим производственным интересам сельчан.

В связи с этим необходимо коснуться вопроса об отношении Панченко к славянскому влиянию на византийское сельское хозяйство. Здесь мы можем отметить порочные элементы методологии Панченко. Он искал доводов для признания славянского влияния исключительно в тексте Земледельческого закона и совершенно отвлекался от общеполитической обстановки в Византии VII—VIII вв. Панченко полностью отвергал мысль о славянском влиянии на обычное право, зафиксированное Земледельческим законом, поскольку прямыми показаниями источников это доказать невозможно. Но он не учитывал воздействия многочисленных поселенцев-славян, о расселении и об общинах которых на византийской территории Панченко сам писал в различных статьях³⁹. Именно этим отрицательным отношением к проблеме славянского влияния Панченко нанес больше всего вреда своей репутации как ученого, в силу чего стали игнорировать и положительные стороны его труда, его основную концепцию, мало связанную с теорией славянского влияния.

Если положения о частной собственности у свободного крестьянства аргументированы Панченко достаточно убедительно, то в вопросе о паричской собственности допускается много натяжек и неточностей. Панченко стремился доказать, что парики имели право на отчуждение своего имущества, своего земельного участка и тем самым могли передавать свое тягло другому лицу. Однако в вопросе о необходимости разрешения сеньора на такую сделку у Панченко нет ясности.

³⁷ См. мою статью «О характере и сущности византийской общины...», стр. 36.

³⁸ Ф. Энгельс. Марка. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. 19, стр. 336.

³⁹ В. А. Панченко. Памятник славян в Византии.

По Панченко, монастырь не отрицал за париками личной отчуждаемой и наследуемой родными собственности, но настаивал на сохранении единства территории и ее характера тягловой, служащей монастырю недвижимости, т. е. требовал, чтобы монастырь ни в коем случае не потерпел бы ущерба от сделки парика. Обвинение Б. Т. Горяновым Панченко в том, что тот отстаивал теорию о личной наследственной собственности париков⁴⁰, несколько неточно. Панченко не говорит, что после пожалования у париков сохранилась в полной прежней форме частная собственность, но пишет, что феодальные сеньоры присвоили себе право давать или не давать разрешение на продажу париком своего участка. Это, безусловно, уже не полная частная собственность.

Уже касаясь дела Гунаропулов в XII в., Панченко говорил о победе властельского землевладения над принципом частной собственности свободных крестьян. Несмотря на эти общие положения, Панченко стремился на многих примерах доказать существование наследственных владельческих прав париков. В своем изложении Панченко использовал территориальный принцип — рассматривал документы по отдельным местностям и отдельным монастырям за все время от XII до XV в. Это не дало ему возможности проследить хронологически процесс постепенной ликвидации частной собственности крестьян, охарактеризовать акт пожалования монастырю территории, населенной париками, или пожалование в пользу частного землевладельца или монастыря налога как грубый акт экспроприации крестьянской собственности и превращения крестьянина в зависимого человека. Панченко, однако, правильно показал направление процесса: наследственные участки переданных монастырю крестьян оставались землей париков, несущих тягло в пользу монастыря; земля, не населенная париками или же оставленная ими, находилась в хозяйственном использовании монастыря; кроме того, монастырская земля, не населенная париками, передавалась проскафименам — присельникам, но уже не на правах личной собственности, а на началах крепостного права, как надел в крепостной общине.

Из феодальных институтов Панченко останавливается на иммунитете и пронии. Что касается пронии, то Панченко недостаточно ясно представлял процесс ее возникновения. С одной стороны, он считал, что основой феодальных прав сеньора в Византии явилось пожалование телоса: «Сущность пронии заключается в уступке казною тягла париков, „телос“, с второстепенными повинностями» («Крестьянская собственность...», стр. 141); «сущность прав на владение монастырем пожалованной территории состояла в предоставлении монастырю поземельной подати» (там же, стр. 105, 139). С другой стороны, Панченко считал, что основой феодальной собственности и закрепления крестьян явилось пожалование территории, а передача тягла была лишь результатом пожалования территории. «Государство, жалую территорию, уступает свои права на налоги от крестьян той территории. В пожаловании поземельной подати лежит корень монастырского иммунитета. Последствием и развитием пожалования территории является освобождение париков не только от основной поземельной подати в пользу казны, но и от всех по возможности государственных повинностей и сборов» (там же, стр. 105).

Необходимо заметить, что в вопросе о происхождении пронии Панченко как бы находится в кругу современных споров. В недавно выпущенной книге Б. Т. Горянов утверждает, что основой пронии было пожалование земли. В то время как согласно концепции А. П. Каждана основой пронии явилось предоставление посостис, т. е. количество налоговых поступлений

⁴⁰ Б. Т. Горянов. Указ. соч., стр. 204.

(телоса). Нам кажется, что пожалование телоса имеет больше оснований считаться корнем монастырского иммунитета, — в настоящее время это наиболее аргументированная концепция; но примерно в таком направлении развивалось и большинство рассуждений Панченко.

При передаче монастырю или прониару телоса, по мнению Панченко, собственность крестьянина на земельный участок не затрагивалась: прониар или монастырь делался только представителем крестьян на суде, получал право патроната, но вместе с тем и право на выморочные участки. Но если сюда присоединить упомянутое Панченко присвоение прониарами и монастырем права согласия на сделки крестьянина в отношении земли, то уверение Панченко, что собственность крестьянина при передаче телоса будто бы не затрагивалась, теряет смысл.

Острогорский отмечает, что Панченко совершенно не углублялся в изучение вопроса о том, в чем же, собственно говоря, проявлялась власть прониара над населением вверенного ему округа⁴¹. Как указывали в своих рецензиях современники Панченко, его аргументация во второй части исследования значительно слабее, чем в первой⁴². Исследование кажется в некоторой степени незаконченным. Панченко построил свою вторую часть в виде анализа документов отдельных монастырей. Такой метод удобен для источниковедческого введения, но совершенно неубедителен для исследования сущности аграрных отношений. Он не попытался расположить материал в хронологической последовательности или же по категориям зависимого и свободного крестьянства, не учел влияния местных условий. Это справедливо дает повод говорить об отсутствии историчности в исследованиях Панченко⁴³. Цель Панченко во второй части его исследования — найти факты, которые свидетельствуют о наличии полной частной собственности. При этом Панченко считал, что если ему удавалось найти примеры, когда крестьянин мог продавать, приносить в дар, завещать принадлежащую ему землю, то это было доказательством существования полной частной собственности, независимо от того, в какой степени данный мелкий собственник эксплуатировался государством, церковью, прониаром. Разумеется, Панченко в этом прав: полная частная собственность мелкого хозяина может сочетаться с самой ужасной его эксплуатацией. Однако ученый анализировал период торжества феодальных институтов — иммунитета, пронии, поземельной и личной зависимости крестьянства, причины же, самый процесс и пути установления таких отношений, какие нашел Панченко в актах Меникейского монастыря, их степень распространения в Византии не отражены в его монографии. Отсутствие анализа того, что представляла собой феодальная собственность в Византии XIII—XIV вв. и как она вытеснила, ограничила, видоизменила право крестьянина на полное распоряжение земельным участком, является главным недостатком труда Панченко, который не ставил перед собой задачи изучить судьбы мелкого собственника в зависимости от изменяющейся экономической и политической обстановки. Панченко не стремился дать полный анализ институтов пронии и иммунитета: он только хотел показать, что в пронию отдавалась не пустующая земля, а земля крестьян-собственников: «крестьянские тягловые двory или стаи с их собственной землей»; «в кормление помещику жаловалось крестьянское тягло» («Крестьянская собственность ...», стр. 216—217). Панченко пришел к выводу, что в прониях не было безземельных крестьян; это, по его мнению, является доказательством того, что в пронию отдава-

⁴¹ G. Ostrogorski j. Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles, 1954, p. 65, n. 1.

⁴² Иеромонах Михаил.—ВВ, XI, 1904, стр. 603.

⁴³ А. П. К а ж д а н. Деревня и город..., стр. 24—25.

лись крестьянские дворы, а не лица. Панченко недооценивал то право на внеэкономическое принуждение, которое фактически получал проиар над личностью крестьянина. В этом аспекте Ф. Успенский был прав, указывая Панченко, что в его труде нет четкого разграничения свободного и зависимого крестьянина.

Е. Э. Липшиц, критикуя Панченко⁴⁴, считает, что «вопрос об общине и формах собственности, господствовавшей в ней, не может быть разрешен в плане простого противопоставления двух взаимно исключающих друг друга форм собственности — общинной и частной, а может быть выяснен с учетом исторической борьбы одной с другой».

Однако можно ли вообще считать, что в Византии происходила борьба двух видов собственности — частной и общинной? Мне кажется, что в данном случае Панченко был прав: в источниках нет никаких данных, чтобы можно было говорить о борьбе за общинную или за частную собственность. В Византии, где господствовало право, основанное на частной собственности, и где частная собственность имела многовековые традиции, общинная неподеленная земля могла беспрепятственно превратиться в частную, подвергнувшись разделу. Происходила борьба, но не между частной крестьянской и общинной крестьянской собственностью, а между крестьянской и динатской собственностью, между свободным крестьянским землевладением и господским, монастырским, между крестьянской и сеньориальной собственностью. А результаты именно этой борьбы Панченко ярко обрисовал при анализе Меникейских актов.

Подводя итоги нашего анализа трудов Панченко, мы можем прийти к выводу: Панченко — идеологически и политически чуждый нашему времени автор. Однако его критическая мысль была очень полезной для своего времени, поскольку он произвел тщательный пересмотр установившихся концепций некоторых проблем внутренней истории Византии. Безраздельно господствовавшая до выступления Панченко доктрина Цахариз — Васильевского — Успенского имела немало поспешных, неаргументированных положений, иногда отдававших духом старого славянофильства. Выступление Панченко заставило пересмотреть позиции старой школы и тем самым углубить изучение внутренней истории Византии.

Вряд ли в наше время можно отвергать основной результат исследований Панченко, заключающийся в выяснении того, что византийская деревня в период VII—X вв. представляла собой поселение крестьян — мелких частных собственников, объединенных коллективной собственностью на неразделенную землю, и что в поздней Византии частная собственность крестьян еще спорадически сохранялась, но в силу победы феодальных институтов переходила в состояние зависимости, сохранив, однако, значительные права крестьян на распоряжение своими участками. Таково положительное ядро исследований Панченко. Сам же Панченко видел только негативный результат своего труда: «Мы не встретили в документах ни одного известия об общинном землевладении, в смысле прав общинного союза на участки хозяев» («Крестьянская собственность...», стр. 230). Последнее замечание Панченко часто забывают, и о нем распространилось мнение, как об ученом, отвергающем общину вообще, тогда как он имел в виду только такую общину, которая в силу своих прав на землю могла распоряжаться пахотной землей и усадьбами хозяев.

Мы полагаем, что смогли преодолеть те неправильные представления о Панченко, которые вкравлись в нашу литературу. На наш взгляд, Панченко правильно подошел к разрешению ряда вопросов по внутренней истории Византии и правильно понял специфику Византии в период перехода от рабовладельческого к феодальному строю. Несмотря на то, что Панченко писал 60 лет назад, поднятые им проблемы и решение их в некоторой мере вполне созвучны тематике исследований и в наши дни.

⁴⁴ Е. Э. Л и п ш и ц. Очерки..., стр. 8.

А. П. КАЖДАН

ЗАГАДКА КОМНИНОВ

(Опыт историографии)

Вначале мне хотелось бы напомнить несколько общеизвестных и общепринятых положений для того, чтобы тем самым добиться возможно более точной постановки проблемы. Династия Комнинов управляла Византийской империей чуть более ста лет — с 1081 по 1185 г. Она пришла к власти в тот момент, когда империя находилась на краю гибели, раздираемая внутренними смутами и вынужденная сражаться против таких опасных врагов, как норманны, сельджуки и печенеги. В правление первого из Комнинов — Алексея I (1081—1118) — империя смогла остановить натиск неприятеля и справиться с мятежами знати; при его ближайших преемниках — Иоанне II (1118—1143) и Мануиле I (1143—1180) — империя расширяет границы и выступает как одна из ведущих сил в средиземноморской политике.

Так возникает первый вопрос: каковы причины политического возрождения империи ромеев?

Но если мы проследим дальнейшую судьбу империи, ее судьбу при последних Комнинах — малолетнем Алексее II (1180—1183) и Андронике I (1183—1185): обострение социальных противоречий, нарастание внешнеполитического кризиса — перед нами встанет другой вопрос: каковы причины нового политического упадка Византийского государства?

Здесь в нарушение логики исследования я позволю себе одно априорное заявление: оба эти вопроса лишь по внешности кажутся обособленными, тогда как на самом деле тесно между собой связаны и являются двумя сторонами одной проблемы, ибо причины подъема империи объясняют и ее упадок. Но сейчас было бы преждевременно говорить об этих причинах — я хочу лишь оправдать рассмотрение в пределах одной статьи двух вопросов, внешне кажущихся независимыми.

«Загадка Комнинов» (под этим условным термином будем разумеать совокупность обоих вопросов) — отнюдь не новая проблема. По этому поводу в историографии последних двух столетий высказывались разнообразные суждения. Естественно, что исследователю, задумывающемуся над этой загадкой, нужно отдать себе отчет в состоянии историографии. Выше я сформулировал проблему — она напрашивается из простого наблюдения за ходом политических событий, она ясна самому поверхностному наблюдателю. Но стоит нам задуматься над путями к решению «загадки Комнинов», как ситуация оказывается более сложной.

Действительно, что перед нами — историческая случайность, или результат деятельности правителей Византийской империи, или производная каких-то более глубоких, экономических и социальных причин? В разные времена историки разных направлений искали решения проблемы

на разных путях. Какие же точки зрения были ими высказаны, какие аргументы собраны? Какие взгляды мы можем теперь отвергнуть как наивные, рожденные плохим знанием источников, вызванные порочностью методологии или политическими заблуждениями исследователей? Какие, напротив, выдерживают проверку времени и поныне остаются действительными?

В историографии есть два аспекта. Сочинения историков можно рассматривать как произведения общественной мысли того или иного времени, как выражение и отражение в особом материале социальных, политических, националистических, партийных страстей и споров. Это большой, интересный и важный аспект, позволяющий, собственно говоря, выделить историографию как особую науку. Но есть у нас и другой аспект — если так можно выразиться, вспомогательный, подсобный, практический: это — изучение методов и приемов, ошибок и достижений исследователей с тем, чтобы избежать собственных ошибок и усовершенствовать собственные методы. Чем более общим является предмет историографического очерка, тем явственнее преобладает в очерке первый аспект историографии: средние века вообще или даже история Византии как целое, с одной стороны, давали достаточный простор для деятельности сильных умов и, следовательно, для адекватного выражения идеологической борьбы; с другой стороны, подобные темы настолько множественны, предполагают приложение столь разнообразных исследовательских методов, что практическая (с подсобными целями) историография в данном случае приведет к раздроблению внимания на сотни независимых ручейков и протоков, подчас не скрещивающихся между собой.

Наоборот, тема сравнительно узкая оказывается малопригодным объектом для историографии как истории идеологии; заключения, на ее основе сделанные, слишком частны, чтобы не быть случайными; в таком случае мы имеем дело обычно не с крупными мыслителями, а с рядовыми исторической профессии, часто питающимися идеями вчерашнего дня. Зато сама ограниченность темы благоприятствует практической историографии, ибо исследователь имеет дело с обозримым кругом методов и задач.

Иными словами, если история европейской идеологии, преломленная через призму отношения двух-трех десятков византинистов к династии Комнинов, поневоле примет уродливые и ложные формы (или будет подтягиваться к априорным схемам и, следовательно, служить лишь иллюстрацией к известным, хотя и справедливым тезисам), — практическая историография вопроса должна послужить исходным пунктом решения «загадки Комнинов».

После этих предварительных замечаний сформулируем задачу статьи. Она сводится к практической историографии вопроса о подъеме и упадке Византии в период правления династии Комнинов.

В XVI—XVII столетиях интерес к истории Византии удовлетворился по преимуществу изданием византийский хроник (часто — серий хроник, дававших более или менее последовательное описание судеб государства ромеев) или комментариями к известному кругу источников¹. Наиболее величественная фигура среди византинистов тех лет — Дюканж — посвятил Комнинам целый раздел в «Византийских фамилиях»², но мы на-

¹ См., например, L. Cousin. Histoire de Constantinople depuis de l'ancien Justin jusqu'à la fin de l'Empire. Paris, 1672—1674. Ср. В. Г. Васильевский. Обзорение трудов по византийской истории. СПб., 1890; E. Gerland. Das Studium der byzantinischen Geschichte von Humanismus bis zur Jetztzeit. Athen, 1934.

² C. du Fresne du Cange. Historia byzantina. Lutetiae Parisiorum, 1680, p. 169—189. Очень важен также комментарий Дюканжа к Киннаму (см. Ioannes Sinauthus. Epitome. Bonnae, 1836, p. 313—398).

прасно бы стали там искать какие-то попытки решить «загадку Комнинов». Дюканж ограничивается лишь списком членов этого знатного рода и сообщением фактов их жизни.

Лишь с середины XVIII в. начинается новый этап византийской историографии, когда от пересказа и комментирования хроник переходят к осмыслению их материала, к робким попыткам сопоставить свидетельства нарративных источников и составить собственное суждение. У порога этого этапа стоит трехтомная книга французского автора М. де Бюриньи «История революций в Константинопольской империи».

Не знаю, что навеяло автору такое название: свежий ветер из-за Ламанша или страх перед назревающей революцией во Франции. Впрочем, книга де Бюриньи — не история византийских революций, а просто история Византии, доведенная до 1453 г. В разделе, посвященном Комнинам, главнейшее место отведено внешнеполитическим успехам династии, представители которой оцениваются вполне апологетически: автор говорит о «великих трудах» Алексея I, о признании его достоинств даже западными христианами³, еще больших похвал удостоивается Иоанн II (стр. 280). Более сдержан де Бюриньи в оценке Мануила I: он прославляет внешнеполитические успехи третьего Комнина, но ставит ему в упрек плохо продуманную экономику (*une oeconomie mal entendue*), называя это «огромной ошибкой против доброй политики» (стр. 308). Упрек остается, впрочем, расплывчатым, неконкретным.

Характеристику Андроника I де Бюриньи начинает с резкого обвинения в тирании; особенное возмущение историка вызывает убийство юного Алексея II (стр. 324 и сл.). Но писатель готов признать и «большие достоинства» этого монарха: его действия против «грандов», защиту населения провинций, либерализм и справедливость; Андроник уничтожил береговое право; доходы в его царствование возрастали без того, чтобы народ страдал (стр. 335 и сл.).

Заметим эти суждения — они еще не раз встретятся нам в сочинениях позднейших историков. Впрочем, сам де Бюриньи тоже не оригинален: его оценки опираются на мнения византийских хронистов — Анны Комнин, Иоанна Киннама и Никиты Хониата, — лишь в какой-то мере пополненные и подкрепленные ссылкой на «западных писателей». Вполне понятно, что де Бюриньи, следуя за средневековыми авторами, видит загадку проблемы в личных свойствах государей: Алексей I обладал достоинствами — отсюда его успехи, Мануил I не соблюдал принципов «доброй политики» — и под конец царствования потерпел разгром от сельджуков. Правда, Андроник I, щадивший подданных и сдерживавший знать, вел, казалось бы, более разумную политику, нежели его предшественники, — чем же объяснить его неуспех? На помощь де Бюриньи приходит тирания Андроника, вызвавшая возмущение подданных...

Поскольку для де Бюриньи секрет истории заключается в личных свойствах монархов, вопросы внутренней политики (кроме раздела об Андронике) не возникают перед ним. Он лишь мимоходом отмечает, что Алексей I ввел новые титулы для знати (стр. 229), словно и в самом деле задача пустых титулов могла бы привлечь аристократию на сторону узурпатора.

В 1768 г. в Лейпциге вышла в свет «История восточной империи» И. Д. Риттера, представлявшая собой немецкий перевод соответствующей части английской всемирно-исторической хроники У. Гутри и Дж. Грея. Риттер снабдил текст ссылками на источники, критическими замечаниями и

³ M. de Burigny. Histoire des révolutions de l'Empire de Constantinople, t. II. Paris, 1750, p. 266, 269. Есть немецкий перевод: Historie der Staatsveränderungen des Kaiserthums zu Constantinopel. Hamburg, 1754.

дополнениями, касающимися преимущественно внешнеполитических событий, но основное изложение осталось прежним. Оценки первых Комнинов у Риттера немногим отличаются от оценок де Бюриньи: и он считает Алексея I выдающимся государственным деятелем (*der beste Staatsmann seiner Zeit*)⁴, он говорит об Иоанне как о человеке с добрым сердцем, которого любили подданные (стр. 672)... Только Андроник получил в англо-немецком компендиуме более суровую характеристику: он выступает жестоким тираном (стр. 690 и сл.), а о его реформах, известных де Бюриньи, нет ни слова ни в переводном тексте, ни в дополнениях Риттера.

Значительно более подробно и более самостоятельно было охарактеризовано правление Комнинов в многотомной «Истории Поздней империи» Ш. Лебо⁵.

В отличие от де Бюриньи и Риттера, Лебо критически оценивает деятельность Алексея I. Он готов признать первого Комнина одаренным человеком, — но, увы, затруднения, с которыми тот встретился, свели к нулю таланты Алексея (т. 17, стр. 470 и сл.). Да, полагает Лебо, Алексей знал право и охотно разбираал тяжбы своих подданных — и его можно было бы причислить к добрым государям (*entre les bons Princes*), когда бы он не приносил справедливость в жертву своему произволу (т. 18, стр. 431 и сл.). Победа над печенегами принесла бы Алексею бессмертную славу, если бы только не безмерные притеснения (*énormes vexations*), которые стоили ему чести (стр. 114). Деятельный и неутомимый, Алексей был великим полководцем, достойным восхищения даже в поражении, но его общественные добродетели (*virtus civiles*) уступали военной доблести. «В нем можно видеть смешение добра и зла, находившихся почти в идеальном равновесии» (стр. 477 и сл.).

Описание внутренней политики Алексея занимает сравнительно малое место в труде Лебо, но в отличие от своих предшественников он не ограничивается общими рассуждениями, а указывает ряд конкретных фактов. Алексей ввел огромные налоги, которые разрушили государство (стр. 478), безжалостные и скаредные податные сборщики свирепствовали в провинциях (стр. 114). [Правда, вразрез с этим Лебо утверждает, что Алексей ограничил жадность податных сборщиков, установив строгий размер налогов (стр. 456).] Родня и министры Алексея поглощали государственные доходы и сосали кровь подданных (стр. 478). Император прибегал к столь губительному средству, как порча монеты (стр. 115). Он не уважал права собственности (*les droits de propriété*) и считал себя не управителем (*l'administrateur*), а владыкой (*le maître*) общественных благ. Он был управлен порочными идеями деспотизма (стр. 479), и неудивительно, что ему постоянно приходилось наталкиваться на недовольство и заговоры (стр. 431).

Даже раздача титулов, в которой де Бюриньи наивно усматривал важнейшее средство укрепления позиций новой династии, вызывает колкие насмешки Лебо. «Можно лишь посочувствовать, — говорит он, — государю, вынужденному прибегать к столь ребячьим средствам, и пожалеть охваченное бредом государство, которое создает все более пышные титулы по мере того, как падает его авторитет» (т. 17, стр. 473). [Любопытно при этом, что пожалование венецианцам весьма выгодных торговых привилегий (стр. 516) не вызывает возмущения Лебо, хотя позднее в провенециан-

⁴ J. D. Ritter. Die Geschichte des orientalischen Kaiserthums.— In: Allgemeine Weltgeschichte von der Schöpfung an bis auf gegenwärtige Zeit... von W. Guthrie, J. Gray, Bd. V, 1. Leipzig, 1768, S. 663.

⁵ Le Beau. Histoire de Bas-Empire, t. 17—20. Paris, 1775—1776. В 1824—1836 гг. книга Лебо была выпущена вновь в переработке М. де Сен-Мартэна и М. Бросса. Относящиеся к Комнинам разделы приходятся на т. 15—16 (Paris, 1823—1824).

ской политике Алексея будут усматривать один из важнейших факторов, вызвавших экономический упадок Византии.]

Мы должны отдать дань уважения смелым словам, сказанным накануне Французской революции. Лебо, обрушиваясь на Алексея, метит во французский абсолютизм: недаром он говорит о пороках византийского императора, которые «последующие поколения, убежденные, что государи рождены для подданных, не прощали даже самым выдающимся людям» (т. 18, стр. 478). Мы можем понять темпераментные инвективы Лебо, но Алексей, с которым он имеет дело, — это плод политических дискуссий второй половины XVIII в. Неужели действительно Лебо мог думать, что податные вымогательства и нарушение справедливости составляют достаточные основы для упрочения государственного порядка? Конечно, нет, — и он завершал свою характеристику царствования первого Комнина утверждением, что государство находилось в плачевном состоянии (стр. 480).

Не вдаваясь сейчас в детальную проверку приведенных Лебо конкретных фактов (мы еще вернемся к ним, поскольку их не раз затрагивали премники французского историка), следует тут же сказать, что плачевным было состояние империи накануне переворота 1081 г. и в сравнении с этим ее положение к 1118 г. несомненно укрепилось. Лебо ставит Алексею в вину пренебрежение правом собственности, но когда и какой византийский император уважал собственность своих подданных? Перед нами любопытный пример оценки прошлого с позиций современности.

Алексею Лебо откровенно противопоставляет его сына и наследника Иоанна, который был наделен не только отцовской храбростью и умом, но и вообще не знал пороков. Иоанн достоин был родиться в Риме, его можно назвать константинопольским Марком Аврелием (т. 19, стр. 91 и сл.). Что же восхищает Лебо в этом новом Марке Аврелии?

Оказывается, Иоанн восстановил древнюю дисциплину, изгнал из дворца роскошь, был либеральным и великодушным. Двор ревностно подражал достойному государю. «Добродетель стала средством, чтобы привлечь благосклонность, порок перестал быть придворным». Счастливое правление Иоанна не знало возмущений и заговоров (стр. 92 и сл.).

Какая разительная перемена! И все объясняется благородством характера императора. Впрочем, не принимает ли Лебо желаемое за действительное?

И впрямь — ведь он не может назвать ни одного факта, оправдывавшего его эмоции. Какие меры были приняты Иоанном, чтобы покончить с вымогательствами податных сборщиков, бесчинствовавших при его отце, — Лебо молчит об этом. А что касается заговоров и возмущений, то утверждения французского историка просто неверны. Именно Иоанну пришлось подавлять сопротивление крестьян, живших на островах озера Каралис. При «либеральном» Иоанне надолго отложился Трапезунд. Не раз даже ближайшие родственники императора перебежали к сельджукам. Положение вовсе не было столь безоблачным, как его рисует Лебо.

Мануил — третий представитель династии — в начале царствования являл собой «образец королевских добродетелей», но развращенный своими министрами, он преисполнился надменности и стал обращаться с людьми как с рабами. Фавориты и наложницы заставляли его разорять подданных, а войны порождали бесчисленные расходы (стр. 120, ср. стр. 468) [совсем по-иному говорит Лебо о войнах своего любимца Иоанна, стараясь оправдать его походы и завоевания (стр. 93)]. Мануил исторгал у подданных слезы и размерами налогов, и злоупотреблениями при взыскании; он отдавал общественные должности (*magistratures*) откупщикам (*fermiers publiques*). Интенданты его домена спустили все самые плодородные земли (стр. 466). Со скорбью взирали разоренные подданные на возводимые

здания, стоившие огромных денег (стр. 469). Мануил, продолжает Лебо, благоволил монастырям (стр. 470 и сл.); он не платил жалованья войскам, возложив их содержание на провинции, что еще более отягчало положение подданных. Города обезлюдели, ремесло и торговля пришли в упадок. Тиранический режим уничтожил понятие о чести (*tout sentiment d'honneur*): жителей продавали в рабство (стр. 473—475).

По поводу этой печальной картины, нарисованной Лебо, можно сказать то же самое, что уже было сказано в связи с его описанием царствования Алексея I: вся она, вплоть до терминологии (*fermiers publiques, les intendants de domaine*), навеяна французской действительностью накануне революции. Византийские источники не дают оснований для подобных заключений: никак нельзя сказать, например, что Мануил покровительствовал монастырям, — напротив, он стремился поставить их под контроль государственной власти; византийское ремесло в середине XII в. переживало подъем, возникали новые города; именно в царствование Мануила империя не раз пыталась помешать проникновению на восток венецианцев. Конечно, положение народных масс оставалось незавидным, но нет никаких оснований считать, что оно принципиально ухудшилось в сравнении с царствованием «доброго» Иоанна.

Подводя итоги политики трех первых Комнинов, Лебо называл ее бесплодной, считая, что им удалось не возродить государство (*ils ne le releverent pas*), а лишь отдалить его падение (стр. 312). Впрочем, в другом месте он заявляет, что Комнины возродили империю (*avoient relevé l'Empire*), находившуюся на грани падения (т. 20, стр. 5). Противоречие, однако, скорее терминологическое, нежели по существу, ибо чуть дальше мы читаем, что государство переживало при этих государях кризис (стр. 10).

Что же касается Андроника, то в его характеристике Лебо, в сущности, примыкает к де Бюриньи, всячески подчеркивая жестокость этого императора (стр. 87). Все его добрые качества не могут искупить и малой части его преступлений (стр. 116). Но в «добрых качествах» (*qualités estimables*) у Лебо нет никаких сомнений: Андроник был скромен в еде и питье, помогал бедным, преследовал беззакония сильных, боролся с монополиями и продажей должностей, добился дешевизны продуктов, уничтожил варварский обычай грабить корабли, потерпевшие крушение, не любил богословских диспутов, зато ценил ученых (стр. 112—115).

Итак, в изображении Лебо состояние общества определяется исключительно личными свойствами государей: Иоанн был благостен, и подданным жилось при нем хорошо; Алексей и Мануил выжимали из подданных соки; Андроник облегчил положение народа, но его кровавый террор был невыносим. В целом же — и тут Лебо определенным образом вступает в противоречие с фактами — политика Комнинов оказалась безрезультатной. Столетнее возрождение империи просто-напросто списывается со счетов, а внутреннее ее положение обрисовывается гораздо более черными красками, чем следовало бы.

Концепция Лебо имела огромное влияние на последующую историографию. Даже столь самостоятельный ум, как Гиббон⁶, остается вполне в рамках схемы Лебо. Признавая мужество и прозорливость Алексея I, Гиббон, как и Лебо, говорит, что роскошь родни императора возмущала знать. Согласно Гиббону, суеверие и лицемерие запытали характер

⁶ E. Gibbon. *Decline and Fall of the Roman Empire*. London, 1776—1788. В 1897—1900 гг. книга переиздана с дополнениями Дж. Бури. Характеристика династии Комнинов помещена в V томе этого издания (London, 1898, p. 226—241). Я даю ссылки на русский перевод: Э. Г и б б о н. История упадка и разрушения Римской империи, т. V. М., 1885.

Алексея, а жители столицы были недовольны его суровостью (стр. 363—365).

Напротив, для второго Комнина Гиббон находит лишь розовые краски: Иоанн целомудрен и воздержан, презирует роскошь дворца, любим подданными, так что за все его царствование не было ни заговора, ни мятежа. «Под властью такого монарха невинности нечего было опасаться, а для личных достоинств было открыто самое широкое поприще» (стр. 366). Мануил не унаследовал «общественных добродетелей» отца, любил роскошь, истощил казну и обременял подданных налогами (стр. 367—369). Наконец, Андроник выступает как двойственная и противоречивая натура: «Когда он увлекался своими страстями, он был бичом своего народа, а когда внимал голосу рассудка, был для этого народа отцом» (стр. 377).

Таким образом, Гиббон не вносит ничего нового в характеристику Комнинов. Еще ближе к схеме Лебо держится Ж. К. Ройу, местами буквально переписывающий своего предшественника: в характере Алексея он находит, например, «смещение добра и зла» и вслед за Лебо заявляет, что этот государь считал себя собственником, а не управителем общественных благ⁷. В согласии со своим предшественником Ройу винит Алексея в полном расстройстве финансов и в ухудшении монеты, всерьез уверяя, что при первом Комнине драхма была приравнена к оболу (стр. 203).

У Лебо заимствует Ройу и панегирик Иоанну, которого он именует лучшим государем Византийской империи (стр. 280), константинопольским Марком Аврелием, чьи блестящие качества не запятаны ни единым пороком (стр. 297). У Лебо заимствует Ройу также характеристику Мануила (стр. 341—344) и Андроника (стр. 368).

За Лебо следовал и другой французский писатель — П. Нугаре⁸.

По существу те же оценки лежат и в основе несколько более поздней работы М. де Аммера. Этот историк особенно резко судит об Алексее, соединявшем в своей политике ум и коварство⁹. Опираясь на слова Зонары, Аммер утверждает, что Алексей сотрясал древние учреждения империи и в ущерб знати возвышал своих родственников (стр. 396). Оказывается также, что Алексей установил монополии на хлеб, оливковое масло и другие продукты (стр. 400).

В адрес Иоанна Аммер находит лишь добрые слова: император был либерален, благочестив, скромн, добросердечен, положение государства при нем улучшилось (стр. 409 и сл.). Единственно, в чем Аммер расходится с Лебо, это оценка Мануила, которого историк стремится оправдать от обвинений в предательстве дела крестоносцев (стр. 411 и сл., 423). Работа Аммера не затрагивает вовсе внутренней политики Иоанна и Мануила и ограничивается лишь психологической характеристикой обоих государей. Политическая линия Комнинов выводится им, как и его предшественниками, из свободно конструируемого душевного склада императоров: при Алексее она была будто бы скрытной и коварной, при Иоанне — смелой и честной, при Мануиле — неровной, беспокойной, легко доходящей до крайностей (стр. 425).

Отход от суровой оценки, данной Лебо династии Комнинов, заметнее проявляется у других авторов первой половины XIX в. Греческий историк

⁷ J.-C. Roynet. Histoire de Bas-Empire depuis Constantin jusqu'à la prise de Constantinople en 1453, t. III. Paris, 1803, p. 278. Книга была переиздана в 1814 г.

⁸ P. J. B. Nugaret. Anecdotes de Constantinople ou du Bas-Empire. Paris, 1799. Ему же принадлежат анонимно изданные сочинения: Abrégé de l'histoire du Bas-Empire par Lebeau. Paris, 1806; Précis de l'histoire du Bas-Empire ou Anecdotes de Constantinople. Paris, 1806; Beautés de l'histoire du Bas-Empire. Paris, 1811 (второе издание — 1814 г.). Эти работы мне недоступны.

⁹ M. de Hammer. Examen critique des historiens d'Alexis Comnène et des trois princes de sa famille qui lui ont succédé, et principalement de leur politique envers les croisés. Fundgruben des Orients 5, 1816, S. 394.

Д. Александридис высоко оценивает личность не только Иоанна¹⁰, но и Алексея (стр. 213), тогда как Мануила он обвиняет в безнравственности¹¹, а Андроника изображает жестоким тираном, угнетавшим всех — независимо от рода и состояния (стр. 220). Впрочем, Александридис ограничивается лишь внешним описанием событий, не затрагивая вовсе внутренней истории. Как и Риттер, он не упоминает даже о реформах Андроника.

Та же тенденция свойственна и работе И. Ертова, основанной, по собственному заявлению автора, на труде Ройу и сокращениях Лебо и Гиббона¹². И действительно, в оценке Иоанна Ертов полностью зависит от Лебо и Ройу — вплоть до эпитета «Марк Аврелий Константинопольский» и уверений, что никакое пятно не помрачало это блистательное царствование (ч. III, стр. 215). Но в оценке Алексея Ертов порывает со своими источниками. Правда, мы найдем и у него фразу Лебо, повторенную Ройу, о смеси добра и зла в характере Алексея (стр. 204). Но повторив эту фразу, Ертов совершенно забывает о «зле» и ограничивается восхвалением императора. «Алексей, — восклицает Ертов, — заслуживает славу величайшего государя своего времени», ибо он укрепил начавшую было колебаться империю (стр. 205). Эта характеристика, равно как и слова Ертова о том, что конец своей жизни Алексей посвятил «исправлению внутреннего правления» [впрочем, единственный факт, на который он может сослаться, — основание дома призрения для бедных (стр. 201)], весьма далека от концепции Лебо и напоминает скорее оценку Алексея в книге Риттера.

Зато в отношении Мануила Ертов в полной мере остается на позициях Лебо. Мануил не может сравниться ни с Алексеем, ни с Иоанном. Он поручил управление любимцам и евнухам, позволив им обременять народ податями, а своими войнами довел казну до крайнего оскудения (стр. 233). Он растерял достоинства, которые отличали его в юности, и стал жесток, неводержен и алчен (стр. 218).

С особой неприязнью Ертов пишет об Андронике. В этом разделе он опять-таки отступает от Лебо и Ройу и не упоминает о реформаторской деятельности последнего Комнина. Как для Риттера и Александридиса, Андроник для Ертова только тиран, который дал волю злодеям и прикрывал свои дела притворной набожностью (стр. 236—238).

В отличие от Ертова немецкий историк Ф. Вилькен, автор двух специальных книг о Комнинах, основывался на источниках — греческих, латинских и восточных. Однако едва дело доходит до оценок Алексея и его преемников, Вилькен повторяет наивности в стиле Александридиса и Ертова: Алексей, чьи достоинства (*virtutes*), по мнению Вилькена, признаны всеми, оказывается, подражал в управлении страной Константину Великому¹³; его отличали образованность и милосердие (стр. 487 и сл.). Об Иоанне Вилькен также отзывается с большой похвалой (стр. 491), тогда как к Мануилу он относится куда более сдержанно: этот император был жесток, его подданные страдали от тяжести налогов, провинции раздавались на ограбление евнухам-варварам, подданные возмущались привилегиями, которые получали при дворе латинские войны (стр. 615—617). Впрочем, кое-что доброе может сказать Вилькен и о Мануиле: он отличался

¹⁰ D. Alexandridis. *Ἱστορία τῶν τοῦ Βυζαντίου αὐτοκρατόρων*. Ἐν Βιέννῃ, 1807, σελ. 215.

¹¹ *Ibid.*, p. 219. Примечательно, что Александридис отмечает различие оценок Мануила I в хрониках Киннама и Никиты Хониата (*ibid.*, p. 216, n. 1).

¹² И. Ертов. *История Восточно-Римской или Константинопольской империи*, ч. I. СПб. 1837, стр. V.

¹³ F. Wilken. *Rerum ab Alexio I, Joanne, Manuele et Alexio II Comnenis Romanorum Byzantinorum imperatoribus gestarum libri quattuor*. Heidelbergae, 1811 p. 108 sq.

физической доблестью, был образован, проводил большое строительство (стр. 617—619). Прямой полемикой с Лебо, видевшим в Мануиле покровителя монастырей, звучат слова Вилькена о том, что этот монарх ограничил монашеское землевладение (стр. 619 и сл.). Разумнейшим законом (*saluberrima lex*) считает немецкий ученый запрещение самопродажи в рабство (стр. 620) — напомним опять-таки, что Лебо, используя те же материалы, подчеркивал наличие при Мануиле продажи в рабство и бессилие государя уничтожить причину этого зла¹⁴.

В более поздней работе Вилькен снова высоко оценил деятельность Алексея и Иоанна, тогда как Мануил, по его словам, уступал и отцу и деду¹⁵. Главная вина Мануила — пренебрежение внутренним управлением своего государства и покровительство чужеземцам (стр. 447). Что же касается Андроника, то Вилькен полностью пристраивает к традиционным взглядам: долго и в деталях описывает он ужасы тирании (стр. 509, 511, 519, 523), под конец мимоходом замечая, что Андроник поддерживал справедливость и порядок (*Recht und Ordnung*), провел ряд полезных мероприятий, защищал подданных от злоупотреблений чиновничества, отменил продажу должностей и т. п. (стр. 543 и сл.).

Таким образом, исследования Вилькена — существенные для истории внешнеполитических событий конца XI—XII в. — не содержат новых взглядов на «загадку Комнинов». Справедливо писал в свое время Г. Тафель, что у Вилькена мы не найдем ничего нового о финансах, торговле или земледелии в правление этой династии¹⁶.

Очень близок к Вилькену в оценке Комнинов и его современник Ф. Шлоссер, автор обширной «Всемирной истории»¹⁷. Он тоже оправдывает Алексея (т. II, стр. 659), хотя о его внутренней политике сообщает лишь то, что было известно де Бюрины: Алексей был очень изобретателен в раздаче титулов и почестей (стр. 578). Безоговорочно одобряет Шлоссер «кроткого» Иоанна (т. III, стр. 64). Как и Вилькен, Шлоссер ценит Мануила ниже его предшественников; при этом он подчеркивает, что этот император повредил себе в глазах подданных расположением к иностранцам (стр. 66). Как и Вилькен, Шлоссер изображает Андроника гнусным тираном, хотя и не отрицает наличия у него хороших качеств: узурпатор заботился о «низших классах», преследовал несправедливость и взяточничество, уничтожил береговое право; строительство при нем давало рабочим заработок; он поощрял науки (стр. 67 и сл.).

Однако уже современники Вилькена и Шлоссера попытались коренным образом пересмотреть традиционные воззрения на политику Комнинов. Первая из попыток пересмотреть концепцию Лебо принадлежит де Сегюру; и если развенчание Комнинов в книге Лебо в какой-то мере отражало политические настроения кануна революции, то де Сегюр, как мы сейчас увидим, писал с позиций восторжествовавшей реставрации.

Алексей для де Сегюра истинный герой, которому приходилось руководить испорченным и развращенным народом (*un peuple ruiné et corrompu*); этот император, действовавший в трудных условиях, больше достоин хвалы, нежели иные великие люди, которым судьба уготовила ровную дорожку и легкую славу. Он ликвидировал беспорядок, вызванный гражданской войной, и уснокоил претензии и страсти¹⁸. Решительно расходясь с

¹⁴ Le Beau. Op. cit., t. 19, p. 475.

¹⁵ F. Wilken. Andronicus Komnenus.— In: F. R a u m e r. Historisches Taschenbuch, II, 1831, S. 444 f.

¹⁶ G. L. F. Tafel. Komnenen und Normannen. Ulm, 1852, s. v.

¹⁷ F. Ch. Schloesser. Weltgeschichte für das deutsche Volk. Frankfurt a. M., 1844—1857. Я ссылаюсь на русский перевод: Ф. Ш л о с с е р. Всемирная история, т. II—III. СПб., 1869—1870.

¹⁸ de S e g u r. Histoire du Bas-Empire, vol. III. Paris, 1826, p. 248 sq.

Лебо, де Сегюр рисует картину благополучия, наступившего в Малой Азии благодаря заботам Алексея: жители вернулись к своим нивам, плуг стал вновь бороздить поля, города поднялись из руин и торговля принесла с собой изобилие (стр. 345). Подданные прославляли мягкость и справедливость государя, восстановившего порядок и наполнившего оскудевшую казну. Народ простил ему податной гнет, тяжелый, но необходимый (des charges pesantes, mais nécessaires). «Народ любил его», ибо он один (seul) благодаря своему гению (par son génie) спас империю, грещавшую по всем швам (стр. 351 и сл.).

Итак, за полстолетия, протекавшие с выхода в свет соответствующих томов Лебо, французская историография круто изменила свое отношение к Алексею Комнину. Если для Лебо он был жестоким притеснителем своего народа, то де Сегюр увидел в нем гениального государя, правившего недостойными подданными. Одна маленькая черточка отражает, как в капле воды, совершившуюся перемену: Лебо язвительно высмеивал напрасные потуги императора такими ребячьими средствами, как раздача титулов, укрепить свою власть (см. выше, стр. 56), де Сегюр, напротив, расценивает эту меру как мудрые действия государя, который, раздавая жалким любителям придворных должностей пустые титулы, смирял их, позлатив их цепи (стр. 250).

Де Сегюр строил свои выводы, пожалуй, в еще большей степени, чем Лебо, на произвольных домыслах, не подкрепленных источниками. Откуда взяты его утверждения, что народ любил Алексея или что торговля в Малой Азии принесла изобилие? Я уже не говорю о крайнем идеализме де Сегюра, полагающего, будто один человек способен спасти государство, стоящее на краю гибели.

Коренное расхождение между Лебо и де Сегюром в оценке Алексея I объясняется в конечном счете различием политических взглядов обоих писателей, различием их отношения к французской монархии. Возможность же такого расхождения создавалась состоянием источников и несовершенством метода их анализа. Действительно, правление Алексея было описано двумя византийскими авторами: панегирически — его дочерью Анной Комнин и критически — ее современником Зонарой. Исследователи конца XVIII — начала XIX в. не ставили перед собой задачи критической проверки тех данных, которыми оперировали Анна Комнин и Зонара, они просто имели возможность выбрать одну из двух наличных оценок деятельности Алексея I; к тому же они не опасались расцвечивать найденную в источнике канву домыслами, отвечавшими их политическим убеждениям.

В характеристике сына Алексея де Сегюр в общем и целом остается на традиционных позициях, высоко ценя неутомимую деятельность Иоанна (стр. 359), но все же он более сдержан в его похвалах, нежели в панегирике основателю династии: он говорит об ошибках Иоанна (стр. 360), хотя и признает, что доблесть императора превосходила его недостатки, а успехи заставляли забывать о промахах (стр. 371).

Два момента в характеристике правления Иоанна де Сегюром заслуживают внимания. Во-первых, французский историк подчеркивает высокие качества министров второго Комнина: если, по его мнению, Алексей сам спасал империю, то на долю его сына выпало «редкое счастье» иметь способных и скромных министров (стр. 354). Во-вторых, де Сегюр ставит вопрос об отношении византийского императора к феодальному порядку.

По его словам, крестоносцы «принесли на Восток заразу (les mœurs contagieuses) феодальной системы — пагубный источник беспорядка и упадка». Империя, продолжает де Сегюр, обязана своим существованием императорскому единовластию и простоте (simplicité) государствен-

ной организации. Все это создавало в Византии порядок и стабильность, тогда как на Западе царил «организованное варварство», т. е. феодальные отношения. Проникновение элементов феодализма на Восток и явилось «одной из причин быстрого падения империи» (стр. 356 и сл.).

Конечно, мы легко можем видеть, что отношение де Сегюра к феодализму обусловлено его монархическими симпатиями, что понимание им феодализма весьма ограничено, что теория «импорта феодализма» в Византию не отвечает нашим теперешним представлениям. Однако не смешно ли критиковать де Сегюра с высоты протекшего столетия, с позиций византистики сегодняшнего дня? Гораздо важнее другое: де Сегюр перестает довольствоваться представлением об истории, творимой императорами, и вводит как действующее лицо исторической драмы общественный процесс — феодализацию империи. Не пороки императоров, а феодальный хаос выступает в его изображении как причина («одна из причин») упадка Византии.

Впрочем, тезис о феодализме повисает в воздухе: у де Сегюра нет фактов, которыми бы он мог оперировать. Поэтому, переходя к правлению Мануила, он вновь ограничивается личной характеристикой этого государя, ничего не сообщая о его внутренней политике.

Признавая воинскую доблесть Мануила, де Сегюр, однако, безоговорочно называет его «дурным государем», который угнетал свой народ, раздавал города и провинции в уплату легионам (стр. 400). У него не было «доброй веры», ему чужда была мораль и справедливость, скандальные пороки процветали при его дворе, он был скареден и коварен, его министрами становились скупые интриганы (стр. 373, 375, 387).

Еще более резко звучат обвинения де Сегюра в адрес Андроника — тирана, изгнавшего из дворца всех достойных, насадившего шпионаж, осуществлявшего проскрипции (стр. 408, 415). Именно то, что вызывало одобрение Лебо в деятельности Андроника, его демократизм, особенно возмущает де Сегюра: император преследовал знать и искал поддержку толпы (стр. 409)! И может быть, события недавнего прошлого вставали перед глазами де Сегюра, когда он изображал, как против негодного тирана поднимались «все государи Европы» (стр. 414); конечно, так можно было сказать о Наполеоне, но ничего подобного мы не знаем об Андронике. Де Сегюр, разумеется, молчит о реформах последнего Комнина, зато с удовлетворением изображает расправу с ненавистным ему узурпатором. «Никогда не сотрется со страниц анналов память о гнусной тирании», — патетически заключает он свой рассказ (стр. 417).

Пронизанная откровенным монархизмом и антидемократизмом, полная произвольных домислов, работа де Сегюра в части, касающейся Комнинов, все же небезынтересна: пересмотр традиционного взгляда на деятельность Алексея I очень скоро найдет деятельных сторонников, а попытка объяснить упадок империи распространением феодального порядка при всей односторонности этой точки зрения была методологически более обоснованной, нежели откровенно идеалистическое объяснение — пороками правителей.

К концепции де Сегюра в общем и целом примыкает и автор значительно позднее написанной «Истории Константинополя» Б. Пужула: он восхваляет Алексея за древность его рода (Пужула совершенно некритически воспринимает легенду о происхождении Комнинов от патрицианской фамилии, последовавшей в Византию за Константином I), за таланты правителя, за красноречие и образованность. «Он твердой рукой держал руль государственного корабля»¹⁹. Но все это лишь общие фразы: Пужула не

¹⁹ B. P o u j o u l a t. Histoire de Constantinople, t. I. Paris, 1853, p. 330 sq.

приводит ни единого факта благотворного управления Алексея, кроме основания богадельни (стр. 328 и сл.), и остается, таким образом, на одном уровне знаний с Ертовым (см. выше, стр. 60).

Об Иоанне Пужула говорит, захлебываясь от восторга (стр. 332—334), достоинства Мануила готов признать (стр. 335), но не скрывает и его пороков, главный из которых, оказывается, дебоши, скандализировавшие столицу (стр. 342 и сл.). Андроника он безоговорочно именует жестоким тираном (стр. 348 и сл.).

Впрочем, заключая рассказ о Комнинах, Пужула впадает в противоречие с самим собой и дает им куда более критическую оценку, чем прежде. Оказывается, что они проводили низкую и эгоистическую политику и считывали в своих рядах лишь одного безупречного государя — Иоанна (стр. 351). Эта заключительная фраза, разумеется, ближе к схеме Лебо, чем к взглядам де Сегюра. Она отчетливо выдает компилятивный характер книги Пужула.

Если де Сегюр пересматривал концепцию Лебо преимущественно в отношении к Алексею, то другая попытка пересмотра традиционной схемы касалась царствования последнего Комнина. Я. Ф. Фальмерайер объявил Андроника величайшим монархом Востока, чью деятельность представили в ложном свете пристрастные историки. Андроник принадлежал к тем, кто рожден, чтобы управлять великой империей и сделать народы счастливыми. Он уменьшил налоги, но казна тем не менее наполнялась; он прекратил продажу должностей и отменил варварское береговое право; он насаждал демократию и правосудие. Его расправа со знатью во имя благополучия подданных была целебным средством²⁰. Вслед за Фальмерайером превозносил Андроника и Тафель²¹.

Тафель назвал период правления Комнинов одним из значительнейших этапов византийской истории²². Он не аргументировал своей точки зрения, и его заслуга, пожалуй, не столько в ее выдвигании, сколько в том, что он был первым историком, обратившимся к новому типу источников: тогда как до Тафеля история Комнинов изучалась исключительно по трудам хронистов (преимущественно византийских), он указал на важность памфлетов, речей и писем Евстафия Солунского, Михаила Хонната и других риторов XII в. В круг внимания исследователей были введены памятники нового типа — произведения современников и участников событий, содержащие при всем их напыщенном многословии следы современных страстей, а не осмысление уже давно совершившихся событий. Новые памятники давали критерий для проверки достоверности хронистов.

Концепция Фальмерайера — Тафеля, поднявших на щит Андроника I как национального героя, в общем и целом не оказала влияния на историографию второй половины XIX в. Иначе сложилась судьба другой концепции, выдвинутой де Сегюром, сущностью которой была реабилитация Алексея I. В этом отношении пути византиноведения разошлись. Причем если на первых порах схема Лебо еще находила своих сторонников, то со второй половины 60-х годов апологетическая по отношению к первым Комнинам схема взглядов решительно берет верх.

²⁰ J. Ph. Fallmerayer. Geschichte des Kaisertums von Trapezunt. München, 1827, S. 29—32. Я оставляю в стороне роман об Андронике Ф. Целлера (F. Ch. Zeller. Andronikus der Komnene, Römischer Kaiser, Bd. I—II. Stuttgart, 1804), также идеализировавшего своего героя. Много позднее жизнь Андроника послужила сюжетом другого романа: J. Pervanoglu. Historische Bilder aus dem byzantinischen Reiche, I: Andronik Comnenos. Leipzig, 1879.

²¹ G. L. F. Tafel. Op. cit., S. VI.

²² Ibid., S. III. Ср. К[ун и к]. О трудах византиниста Тафеля. — «Уч. зап. имп. АН по I и III отделениям», II, 1854, стр. 449.

Сторонником схемы Лебо выказал себя Ф. Андлав, автор книги о византийских императорах. Признав в общем виде эпоху Комнинов периодом блестящего взлета государства и образованности, а Алексея выдающейся личностью, умным политиком²³, Андлав, однако, ставит Алексею в вину растрату государственных средств, податной гнет, отсутствие уважения к чужой собственности (стр. 283). Иоанну, как всегда, достаются лишь похвалы; Мануил же, по Андлаву, оставил государство в стесненных условиях (стр. 292). Наконец, Андроник обрисован тираном, которого поддерживают подкупленная толпа и трусливые придворные (стр. 295 и сл.).

Но если книга Андлава была лишь сборником дворцовых историй, не претендовавшим на объяснение событий, не затрагивавших социальной проблематики, то написанная примерно в те же годы многотомная «История Греции» Дж. Финлея²⁴ давала самостоятельную и свежую трактовку событий. Финлей, внешне примыкая к схеме Лебо, пытался вдохнуть в нее новую жизнь.

На первый взгляд, мы найдем у Финлея лишь знакомые уже характеристики: Алексей, которому нельзя отказать в храбрости, был политиком, а не государственным деятелем (стр. 54); «он не сделал попытки преобразовать администрацию применительно к новым общественным условиям, он не стремился влить новые силы и внедрить новые принципы морали в учреждения, переживавшие распад» (стр. 55); непопулярность Алексея объясняется тяжестью государственных налогов, монополиями, созданными в интересах фиска и родни императора, и порчей монеты (стр. 62); греческая торговля пришла в упадок (стр. 63). В другом месте Финлей говорит еще резче: «Все разваливалось». Ухудшалось управление провинциями, вырос императорский деспотизм, увеличились расходы двора, армии и флот находились в пренебрежении, римское право перестало защищать подданных. Дороги, мосты, водопроводы, гавани — все становилось негодным. Там, где некогда стояли многолюдные города, теперь возникли колонии полудиких турок, печенегов и половцев, не знающих ни виноградарства, ни шелководства. В покинутых виноградниках, садах и оливковых рощах бродили отары овец (стр. 136).

Иоанну (опять-таки в духе Лебо) Финлей дает более благоприятную характеристику, называя его самым славным человеком среди занимавших византийский престол; народ любил его, и его царство не знало заговоров (стр. 130). Но вместе с тем этот славный человек лишь сожалел о бедах своей страны, однако не принял мер для их уничтожения (стр. 135). Более того, он уничтожил (ruined) процветающий класс землевладельцев в Малой Азии, плативших налоги сельджукам. Финлей рисует программу, которую надлежало выполнить Иоанну: уничтожить коррупцию и произвол чиновников, сократить расходы двора, ликвидировать монополии — тогда бы, возможно, государство избежало падения (стр. 137 и сл.).

Тяготы еще более усиливаются при Мануиле (стр. 50), который к тому же погубил византийский флот и торговлю, раздав всевозможные привилегии итальянским купцам (стр. 157). Зато Андроник, хотя и был неспособен сдерживать свой буйный характер, все же составил многообещающий план реформ (стр. 210 и сл.). Двойственное отношение к Андронику было свойственно и Лебо — только Финлей (и в этом, пожалуй, сказывается влияние Фальмерайера) переносит акцент на реформы последнего Комнина.

²³ F. von Andlaw. Die byzantinischen Kaiser, ihre Palast- und Familiengeschichten, ihre Schicksale. Mainz, 1865, S. 268, 281.

²⁴ G. Finlay. A History of Greece from its Conquest by the Romans to the Present Time, vol. III. Oxford, 1877. Книга была опубликована после смерти Финлея, но уже в 1854 г. появилась его «History of the Byzantine and Greek Empire» (Edinburgh — London, 1854) (о Комнинах — т. II, стр. 64 — 269).

Что же в таком случае нового во взглядах Финлея, если его оценка политики всех Комнинов в основных чертах совпадает со схемой Лебо? Прежде всего бросается в глаза пристальное внимание Финлея к событиям внутренней истории, которые не разбросаны у него среди детальнейших описаний походов и войн (как у Лебо и его преемников), но выделены в особые параграфы, помещенные в начале глав, до внешней политики. Далее, Финлей оперирует не только личными страстями и наклонностями государей, но и интересами социальных группировок. Алексей вступает на престол как вождь аристократии (стр. 56) — тезис, который сохраняется до наших дней; Мануил мог приобрести неограниченную власть потому, что средний класс (*middle class*) уже практически не существовал в империи (стр. 145); неспособность знати и интеллигенции, апатия «нижних классов» облегчили подчинение Византии иноземцам (стр. 151) — такие и подобные суждения Финлея знаменуют отход от чистого идеализма в объяснении событий. Не только достоинства и пороки правителей, но и состояние общества выступает как фактор, обуславливающий ход византийской истории. Поэтому отсутствие необходимых реформ вызвано не пороками правителей или, вернее, не только пороками правителей, но и консерватизмом византийцев, считавших свои порядки превосходными и не желавших ничего изменить (стр. 58).

В самом конце XIX в. Финлей нашел себе продолжателя в английском историке К. Омани²⁵, который в предисловии своей работы сам говорил об использовании книги Финлея (стр. VII). И действительно, работу Омана отличает интерес к экономическим проблемам, хотя материал по экономической истории Византии XI—XII вв., находящийся в его распоряжении, крайне скуден. Оценки Комнинов у Омана в общем и целом совпадают с характеристиками Финлея, если не считать резко отрицательного отзыва об Андронике (стр. 272 и сл.), реформаторской деятельности которого английский историк не уделяет ни слова.

Царствование Алексея Омани готов был бы признать успешным, если бы не два обстоятельства: экономический упадок Константинополя, породивший плачевное состояние государственной казны, и политическая ошибка императора, раздававшего привилегии итальянским купеческим республикам (стр. 267 и сл.). Иоанн, по мнению Омана, сумел на годы отдалить неизбежную катастрофу (стр. 269), хотя мы не узнаем, как ему удалось это сделать и в чем заключалась неизбежность катастрофы. Мануил же нанес империи смертельный удар, ибо его войны окончательно подорвали государственные финансы, что привело к упадку гражданской администрации, правосудия, дорог, гаваней (стр. 270 и сл.).

Но, как было уже сказано, не схема Лебо, а противоположная ей концепция де Сегюра в отношении Комнинов становится господствующей во второй половине XIX в. Популярная книга Брюне де Преля и А. Бланше по существу повторяла суждения де Сегюра: Алексей объявлялся смелым и способным государем, действовавшим в трудных условиях²⁶, ему приписывалась «реформа некоторых злоупотреблений» (стр. 227), — к сожалению, авторы не раскрывали конкретного содержания этой реформы. Хотя французские историки отказывались сравнивать Иоанна с Марком Аврелием, они в полном согласии с традицией перечисляли добродетели второго Комнина: милосердие, энергию, организационные таланты, отсутствие скуности. Столь же традиционна и характеристика Мануила, который,

²⁵ C. W. C. O m a n. *The Byzantine Empire*. London, 1892. Я цитирую по более позднему изданию (London—New York, 1914).

²⁶ B r u n e t d e P r e s l e, A. B l a n c h e t. *Grèce depuis la conquête romaine jusqu'à nos jours*. Paris, 1860, p. 215, 226 sq.

несмотря на свои блестящие качества, привел в упадок финансы (стр. 229). Вслед за де Сегюром авторы объявляют Андроника жестоким тираном, преследовавшим «грандов», чьи происхождение и заслуги вызывали у него зависть (стр. 238—241).

Но и более серьезная работа, принадлежащая К. Гопфу, содержит все те же традиционные оценки. Первые три Комнина — энергичные и умные правители²⁷, хотя Мануил и отдавал дань наслаждениям, окружая себя дурным двором. Только энергия Мануила удерживала государство — после его смерти сразу же наступил развал (стр. 156). Переходя к Андронику, Гопф прямо полемизирует с теми, кто видел в нем восстановителя империи (*Regenerator des Reiches*); Гопф, правда, признает известные заслуги Андроника (ограничение произвола финансовых чиновников, отмену берегового права), но считает, что именно этот государь привел государство к краху (стр. 160).

Вместе с тем в работе Гопфа, при всей традиционности оценок отдельных Комнинов, мы находим ряд новых черт, имевших большое будущее. Прежде всего Гопф выделяет особый параграф, посвященный экономическому состоянию империи при Комнинах (стр. 161—166), правда, обособленный от изложения внутренней политики. Далее, он рассматривает Алексея не просто как умного и дальновидного политика, а как выразителя интересов византийской аристократии, с помощью которой тот пришел к власти (стр. 151). Наконец, он расценивает политику Комнинов как выражение абсолютизма, сумевшего подчинить себе и превратить в вассалов как латинских полководцев, так и греческих динатов (стр. 153). Проблема византийского феодализма, вскользь затронутая де Сегюром, вновь всплывает в связи с историей Комнинов, но если де Сегюр считал XII век исходным моментом феодального распада империи, то для Гопфа эпоха Комнинов — время подавления центробежных тенденций. Пройдет немного времени, и эти противоречивые точки зрения сольются, породив дуалистическую концепцию: Комнины окажутся и носителями централизации, и пособниками центробежных сил. Однако об этом ниже.

Высоко ставит династию Комнинов другой немецкий историк — Ф. Грегоровиус²⁸. Переворот 1081 г. он называет счастьем для дряхлеющей империи (стр. 91) и полагает, что необыкновенная мощь (*die ungewöhnliche Kraft*) Комнинов была единственной причиной, предотвратившей падение империи (стр. 94). Правда, едва лишь Грегоровиус касается конкретной политики империи, как оказывается вынужденным говорить о «слепоте и слабости греческого правительства», проявившихся в раздаче привилегий венецианцам (стр. 92), что, конечно, плохо гармонирует с его представлением о необыкновенной мощи Комнинов.

Как и Гопф, этот панегирист первых Комнинов называет Андроника «купающимся в крови тираном», допуская все же наличие у него «великих политических замыслов» (стр. 118 и сл.). Андроник мог бы сделаться преобразователем империи, если бы ее вообще возможно было преобразовать (стр. 121).

Но, пожалуй, более существенно то, что Грегоровиус вслед за Гопфом внимательно относится к хозяйственной жизни Греции и отмечает экономический подъем Фив, Коринфа и других городов в XII в. (стр. 95, 97).

²⁷ C. H o p f. Griechenland im Mittelalter und in der Neuzeit.— In: I. S. E r s c h, I. G. G r u b e r. Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste, Bd. 85. Leipzig, 1867, S. 152. Особые хвалы приходятся на долю Иоанна (стр. 155).

²⁸ F. G r e g o r o v i u s. Geschichte der Stadt Athen im Mittelalter, Bd. I—II. Stuttgart, 1889. Цитирую по русскому переводу: Ф. Г р е г о р о в и у с. История города Афин в средние века. СПб., 1900.

Это, кстати сказать, противоречит представлению о неизлечимом упадке одряхлевшей империи, будто бы державшейся только гением императорской династии.

Еще больше похвал на долю Комнинов выдал Г. Ф. Герцберг²⁹. Алексей в его изображении великий человек, наделенный необыкновенным умом (стр. 255 и сл.), Иоанн — благороднейший из византийских царей (стр. 277), Мануил — блестящая личность, добившаяся выдающихся успехов (стр. 285 и сл.). Как и Гопф, Герцберг видит заслугу первых Комнинов в восстановлении централизации, в упрочении «разумного и деятельного абсолютизма» (стр. 263 и сл.).

Но в некоторых отношениях Герцберг расходится с Гопфом. Прежде всего он объясняет безрезультатность деятельности первых Комнинов консервативностью образа жизни и мировоззрения византийцев, помешавшей им заметить прогресс на Западе (стр. 278 и сл.). В соответствии с этим он серьезнее подходит к причинам неудач Мануила, которые ищет не в его аморальности, а в «беспредельных мечтаниях» о восстановлении былого блеска — мечтаниях, свойственных всей династии (стр. 286). Иными словами, из непонимания политических перемен на Западе и общего консерватизма византийского общества Герцберг выводит универсалистские тенденции Комнинов, дорого стоившие империи.

Отрицательное отношение к византийскому консерватизму приводит Герцберга к пересмотру взглядов Гопфа на Андроника. Признавая последнего Комнина распутным кровопийцей, Герцберг все же склоняется к воззрениям Фальмерайера — Тафеля, утверждая, что Андроник собирав искоренить гнойники на государственном организме и поднять материальное благосостояние народа, был демократичен и бережлив (Герцберг приводит уже известные нам факты: устранение продажи должностей, отмена берегового права и т. п.). Если бы правление Андроника, заключает Герцберг, продолжалось дольше, он снискал бы прочную популярность в провинциях (стр. 318).

Вполне благоприятственно оценивает деятельность трех первых Комнинов и Л. Ранке. Даже при Мануиле, полагает он, способные чиновники поддерживали внутренний порядок³⁰. При этом Ранке высказывает мысль о необходимости союза франков и Византии (стр. 157) и в соответствии с этим отрицательно относится к деятельности вождя «греческой реакции» Андроника (стр. 245). Эта мысль о первых Комнинах как франкофилах и об Андронике как лидере «национального» движения найдет в дальнейшем приверженцев.

Панегиристический тон в отношении первых Комнинов отчетливо звучит и в греческой историографии тех лет. Сильной и цветущей оставалась Византия при Алексее I, настаивает К. Папарригопуло³¹, и только натиск Запада в дальнейшем ослабил греческую империю (стр. 311, 349); Мануила он называет последним великим государем династии Комнинов (стр. 351); за Андроником Папарригопуло готов признать полководческие таланты, но возмущается его недостойным характером (стр. 353). Другой греческий историк, Д. Викелас, написал ряд очерков, имевших целью реабилитиро-

²⁹ G. F. H e r t z b e r g. Geschichte der Byzantiner und des Osmanischen Reiches. Berlin, 1883. Цитирую по русскому переводу: Г. Ф. Г е р ц б е р г. История Византии. М., 1896.

³⁰ L. v o n R a n k e. Weltgeschichte, Th. VIII. Leipzig, 1887, S. 156f. Ср. ibid., S. 53.

³¹ С. P a p a r r i g o p o u l o. Histoire de la civilisation hellénique. Paris, 1878. Греческая многотомная книга Папарригопуло (Κ. P a p a r r h i g o p o u l o s. Ιστορία τῆς Ἑλληνικῆς Ἐθνικῆς, т. 1—5. Ἀθήναι, 1866—1877. Новое издание вышло в 1925 г.) мне недоступна.

вать Византию в глазах греков и людей Запада³². Следуя за Папарригопуло (стр. 28), он превозносил первых трех Комнинов, в том числе и «героического Мануила», прославивших трон и укрепивших государство (стр. 27).

Особое место в ряду книг, затрагивавших эпоху Комнинов, принадлежит монографии Э. Остера, посвященной Анне Комнин³³. По своей концепции книга Остера относится все к тому же направлению, реабилитирующему первых Комнинов (и особенно Алексея), начало которому было положено де Сегюром. И когда Остер пишет о возрождении (*Wiedererweckung und Wiedergeburt*) Комнинами ослабленных элементов Византийской империи (I, стр. 3), о реформах Алексея во всех областях управления (стр. 13), он не вносит ничего нового в сравнении с де Сегюром или Гопфом.

Однако сильная сторона книги Остера — не в ее концепции, а в том, что автор, не ограничиваясь случайно найденными сведениями, подверг систематическому пересмотру и общие взгляды Анны на ее отца, и конкретные факты, сообщаемые ею о деятельности Алексея, и свидетельства других авторов об основателе династии Комнинов. При этом Остер уделил специальное внимание внутренней политике Алексея и был, собственно говоря, первым историком, который попытался дать цельную характеристику внутренней деятельности этого императора. Полученные им результаты резко разошлись с данными Лебо.

Известно, что один из серьезнейших упреков, высказанных в адрес Алексея, — это обвинение в налоговых притеснениях (см. выше, стр. 56). Остер приходит к иному мнению: оказывается, Алексей упорядочил податную систему и ввел твердые нормы обложения. Лебо ставил Алексею в вину спекуляцию с испорченной монетой — Остер полагает, что при Алексее монетная система была приведена в порядок (III, стр. 21). Алексея винили в забвении интересов отечественной торговли, в раздаче привилегий иноземцам — Остер уверяет, что проникновение иноземных купцов в империю было для нее благотворным, подобно открытию отделений Ганзы в Лондоне или Новгороде (стр. 20). Алексей ввел должность императорских контролеров для надзора за провинцией (стр. 19), реорганизовал флот (стр. 31 и сл.), заботился об армии (стр. 22 и сл.), боролся с подкупностью (стр. 18 и сл.). Заговоры против Алексея были ничтожными, их возглавляли ограниченные люди, не пользовавшиеся влиянием ни в народе, ни среди знати (стр. 30).

Нельзя не видеть, что иные из суждений Остера произвольны, основываются на предвзятом толковании скудных известий источников. Ничем, к примеру, не обосновано его утверждение, что Алексей ввел должность императорских контролеров. И все же примененный Остером метод всестороннего изучения соответствующих источников, равно как и пристальное внимание к вопросам внутренней политики имели бы большое значение для исследования «загадки Комнинов», если бы работа Остера не оказалась по странной игре случая почти совсем забытой.

То назревание интереса к внутренней истории Византии, которое мы наблюдали сперва в высказываниях Тафеля, затем в трудах Финлея, Гопфа и Остера, получает дальнейший стимул в конце XIX в. Здесь действовали и возрастание интереса к социально-экономическим проблемам современности, и распространение позитивистской историографии, и более частная причина — расширение круга источников, затрагивающих аграрные проблемы. Правда, византиноведы конца XIX в. уделяли основ-

³² D. B i k e l a s. *Les grecs au moyen âge*. Paris, 1878 (переиздано в его сборнике: *La Grèce byzantine et moderne*. Paris, 1893). Цитирую по греческому изданию: S. B i k e l a s. *Περὶ Βυζαντινῶν. Λοιδίον*, 1876.

³³ E. O s t e r. *Anna Komnena*, I—III. Rastatt, 1868—1871.

ное внимание «Земледельческому закону», повеллам Македонской династии и актам XIII—XIV вв., однако в обращение были введены и некоторые памятники комниновского периода, что позволило поднять новые вопросы внутренней истории этого времени.

В. Г. Васильевский был, в сущности, первым ученым, который попытался, не ограничиваясь общими соображениями, поставить проблему аграрных отношений в Византии XI—XII вв. Опираясь на источники, оставшиеся до того в забвении (в том числе и на сочинения Феофилакта Болгарского и Евстафия Солунского), Васильевский собрал первые данные о харистикарной системе, о повинностях цариков XI—XII вв.³⁴ Теперь появилась возможность не рассуждать вообще о налоговом гнете или благорасположении императоров к монастырям, но представить себе конкретно формы византийского обложения, настойчивость податных сборщиков, пути роста монастырского землевладения.

Вслед за Васильевским и Ф. И. Успенский привлек новые материалы по внутренней истории Византии XI—XII вв.: монастырские уставы и грамоты, постановления поместных соборов, письма Михаила Хониата. Он подробно исследовал такие институты, как харистикии³⁵ и прония³⁶, которым в дальнейшем стали придавать первоисточенное значение при рассмотрении социальной истории Византии при Комнинах.

Анализ новых материалов привел русских ученых к созданию стройной концепции аграрного развития Византии. Здесь не место рассматривать ее в полном виде³⁷, отмечу лишь, что с правлением Комнинов они связывали отказ от принципов византийской государственности (в том числе и от защиты крестьянства) и соответственно разорение и закабаление крестьянства. По мысли Успенского, «уступка латинству» при Комнинах нанесла тяжкий ущерб свободному крестьянству и ослабила могущественную прежде Византийскую империю³⁸.

Развивая эти идеи, Успенский приходит к негативной оценке политики Комнинов в духе Лебо — Финлея (хотя и на более широкой источниковедческой основе): под внешним блеском их царствования скрывался «мрачный порядок»³⁹; они открыли доступ в империю пришельцам и воспринимали латинские учреждения, в том числе феодальный строй (стр. 35. Ср. стр. 39). Страна страдала от бремени податей, от подачек фаворитам и варварам⁴⁰, государство готово было развалиться на куски⁴¹. Армия утратила национальный характер (стр. 40), а творческая сила греков ослабела из-за наплыва иноземцев (стр. 38).

Рисуя такими чертами правление первых Комнинов, Успенский вполне последовательно приходил к реабилитации Андроника как выразителя

³⁴ В. Г. Васильевский. Властели, монастыри и сборщики податей в XI и XII вв.— ЖМНП, ч. 202, 1879, стр. 400 и сл., 421. Некоторые новые источники для аграрной истории XI—XII вв. были указаны также П. В. Безобразовым («Материалы для истории Византийской империи».— ЖМНП, ч. 254, 1887, стр. 74—77).

³⁵ Ф. И. Успенский. Мнения и постановления константинопольских поместных соборов XI—XII вв. о раздаче церковных имуществ (харистикарии).— ИРАИК, V, 1900.

³⁶ Ф. И. Успенский. Значение византийской и южнославянской пронии.— «Сб. статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского». СПб., 1883.

³⁷ См. об этом З. В. Удалцова. К вопросу об оценке трудов акад. Ф. И. Успенского.— ВИ, 1949, № 6.

³⁸ Ф. И. Успенский. К истории крестьянского землевладения в Византии.— ЖМНП, ч. 225, 1883, стр. 360.

³⁹ Ф. И. Успенский. Уклон консервативной Византии в сторону западных влияний.— ВВ, XXII, 1916, стр. 22 и сл.

⁴⁰ Ф. И. Успенский. Цари Алексей II и Андроник Комнины.— ЖМНП, ч. 219, 1880, стр. 128 и сл.

⁴¹ Ф. И. Успенский. Уклон консервативной Византии..., стр. 38.

народных требований и главы «национальной» реакции против иностранного засилья⁴². Правда, впоследствии Успенский в какой-то мере пересмотрел свое отношение к последнему Комнину, ввел известные оговорки: Андроник, говорил Успенский, заявил себя крестьянским царем⁴³; «он был, или по крайней мере казался, царем народным, царем крестьян» (стр. 18); Успенский высказывал сомнения в искренности Андроника, предлагавшего реформы (стр. 14), и называл его «истинным злодеем на царском троне» (стр. 15). Впрочем, эти оговорки относятся лишь к личности Андроника, но ни в коей мере не должны бросить тень на программу радикальных реформ, которую в интересах народа выдвигала «национальная партия».

Уже после смерти Успенского был издан III том его «Истории Византийской империи». Обширный раздел, посвященный Комнинам, совершенно не касается проблем внутренней истории, несмотря на прямое обещание автора⁴⁴. Оценка же этой династии остается по-прежнему негативной [причем Успенский указывает здесь лишь на факты, введенные в оборот уже Лебо: ухудшение монеты, тяжесть обложения при Алексее (стр. 133 и сл.)], особенно ей вменяется в вину «западническое направление политики» (стр. 214. Ср. стр. 227). По-прежнему противоречива оценка деятельности Андроника, выступающего то как возмутительный тиран, выдающий себя за носителя либеральной программы (стр. 306), то как вождь «национальной партии», осуществляющей радикальные реформы (стр. 243, 304, 309).

Таким образом, в трудах Успенского, касающихся комниновской эпохи, мы можем выделить два направления: вовлечение в оборот нового материала и постановка важных проблем аграрной истории, с одной стороны, и его общая концепция, в своем существе восходящая к схеме Лебо и дополняющая эту схему сильным элементом национализма, — с другой. Под его пером история Византии при Комнинах грозила превратиться в историю борьбы «западных» и «национальных» элементов.

Националистический подход к «загадке Комнинов» нашел отражение также и в немецкой историографии на рубеже двух столетий. Но если латинофильство Комнинов представлялось Успенскому пагубным, то для немецких историков оно превратилось в одну из привлекательных черт политики этой династии. В эту пору немецкие византилисты поднимают на щит Комнинов — при этом не только Алексея и Иоанна, как это делал де Сегюр, но и Мануила, политика которого находила единодушное осуждение у авторов XIX в. Теперь же латинофильство Мануила, оказывается, может извинить и его податные вымогательства, и роскошь двора, и бескрайние внешнеполитические притязания.

Уже Г. Гельцер⁴⁵ выступил с панегириком династии Комнинов, назвав ее геройской (Heldendynastie) (стр. 128); Алексей в изображении Гельцера — «великий» (стр. 129), Иоанн — образец превосходнейшего государя (стр. 136), Мануил — благороден, духовно одарен, физически прекрасен, «идеал рыцаря по франкским взглядам» (стр. 138). При этом Гельцер подчеркивает, что при Алексее старый абсолютизм заметно приблизился к

⁴² Ф. И. Успенский. Цари Алексей II и Андроник Комнины, стр. 100.

⁴³ Ф. И. Успенский. Последние Комнины. Начало реакции. — ВВ, XXV, 1927, стр. 21.

⁴⁴ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. III. Л., 1948, стр. 179.

⁴⁵ H. Gelzer, Abriss der byzantinischen Kaisergeschichte. — In: K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897. Цитирую по русскому переводу в кн.: В. Н. Бенешевич. Очерки по истории Византии, вып. I. СПб., 1912.

типу западноевропейского феодального государства (стр. 135), говорит о западническом духе Мануила (стр. 139).

Однако значение работы Гельцера не только и не столько в повороте к восхвалению всех трех первых Комнинов, включая Мануила, сколько в попытке проследить социальные противоречия хотя бы внутри господствующего класса. Комнины в его изображении выступают не просто как одаренные личности, но (он следует в этом за Гопфом) как выразители стремлений военной знати. Алексей должен был считаться с интересами высшей знати, из чьей среды он сам вышел (стр. 135). Но Гельцер идет дальше, выделяя две группировки византийской знати. «Военная революция» 1081 г., по его мнению, покончила с господством столичного чиновничества (*hauptstädtische Bureaukratie*), приведшим государство к упадку (стр. 128).

Правда, эти идеи Гельцера остаются общими фразами, поскольку он почти не касается вопросов внутренней политики, не раскрывает конкретной деятельности Комнинов как выразителей интересов высшей знати, не прослеживает их борьбы со столичным чиновничеством. Более того, его анализ внутренних процессов развития византийского общества оказывается противоречивым. Он полагает, что эволюция византийского государства к феодальному типу (эволюция, которую Гельцер именуется подозрительной) была связана с реорганизацией суда и полиции, с оздоровлением финансов (стр. 135); и в то же время феодализм выступает под его пером как раковая болезнь (*Krebsübel*). Алексей, опираясь на высшую знать, спас государство, — и вместе с тем рост аристократического землевладения, губя свободное крестьянство, сокрушал основы государственной жизни (стр. 147).

Так конкретизируется «загадка Комнинов» — из вопроса о пороках и достоинствах монархов она превращается в вопрос о развитии феодализма. Но сразу же мы оказываемся перед противоречием: феодальная знать, которая, совершив переворот 1081 г., спасла империю, в конце XII в. оказывается важнейшей причиной гибели государства.

В соответствии со своими воззрениями Гельцер оценивает деятельность Андроника в духе Фальмераёра. Этот император — борец против злоупотреблений чиновничества и язвы феодализма, сокрушитель феодальной знати (стр. 148). Гельцер симпатизирует ему, представляет его великим полководцем и политиком. «Обладай этот во всех отношениях гениальный человек нравственной дисциплиной и внутренней сдержкой, он мог бы стать и духовным спасителем и возродителем ромейского народа» (стр. 145). И бросаясь с позитивистских высот в пучину идеализма, Гельцер неожиданно заявляет, что, позволь ему время, Андроник покончил бы с византийским феодализмом (стр. 148).

Примерно в том же духе трактовал историю Византии при Комнинах и другой немецкий историк — К. Рот⁴⁶. Не только Алексей (стр. 40) и Иоани (стр. 42), но и Мануил заслужили его восхищение. Мануил, по мнению Рота, являл собой чуждый Востоку западный рыцарски-романтический тип, его блестящие достоинства обеспечили империю немало успехов, несмотря на то, что владевшая Мануилом идея восстановления империи не могла быть осуществлена, а борьба за нее подрывала силы Византии (стр. 43). Социальную структуру империи в конце XII в. Рот рисует почти словами Гельцера: здесь выступают и произвол чиновничества, и партикуляризм феодальной знати, разрушавшей крестьянское сословие, и даже раковая болезнь (*Krebsschäden*), которую намеревался исцелить Андроник. По-

⁴⁶ К. R o t h. *Geschichte des Byzantinischen Reiches*. Leipzig, 1904. Второе издание вышло в 1919 г. Ссылки даются по русскому переводу: К. Р о т. *История Византийской империи*. СПб., 1908.

следний Комнин объявляется борцом за благосостояние империи, а его террор оправдывается необходимостью предпринять крутые меры (стр. 46).

Пожалуй, самым откровенным панегириком западничеству Комнинов был очерк К. Дитериха о Мануиле в сборнике «Византийские портреты». Концепция Дитериха — откровенно националистична, более того, автор оперирует с чисто мистическим понятием «крови» и «возрождения крови» (*Bluterneuerung*), отдающим расизмом.

Согласно Дитериху, Византия восприняла с Востока зародыши неизлечимого консерватизма, сообщившего империи убежденность в ее вечности; и только столкнувшись с «юношески сильным германским Севером», Византия ощутила необходимость «возрождения крови». Трагическая противоположность восточного консерватизма и молодой культуры Запада (или Севера?) — вот корень дуализма Мануила ⁴⁷. Да, Мануил — истинный рыцарь, далекий от деспотизма, но византиец был жив в нем, в его любви к придворному церемониалу, к богословским спекуляциям (стр. 37—39).

Резко расходится Дитерих с традиционным толкованием внутренней политики Мануила. Император стремился к реформе войска и администрации; впрочем, реформа эта, по Дитериху, ограничивается привлечением с Запада новых сил. Император очистил разложившийся государственный аппарат от всех ненадежных и сомнительных элементов и поставил на все (*alle*) высшие должности «европейцев» (стр. 41 и сл.). Финансовое положение государства улучшилось (стр. 43), законодательство приобрело новые черты — Мануил покончил с юстиниановым представлением о божественности государя. Он заботился о благе государства и подданных. Он создал образцовый порядок и либеральное управление (стр. 44).

И, конечно, раз западничество Мануила объявляется образцом, то его антиподу, «демоническому» Андронику, отводится роль разрушителя государства (стр. 47).

Сам по себе пересмотр отношения к Мануилу был естественным, он вытекал уже из тенденций Гельцера. Но Дитерих построил свой пересмотр не на фактах, а на фантазиях; он пренебрег элементами социального анализа, которые были налицо у Гельцера, и подменил общественные противоречия проблемой крови и борьбой Запада с Востоком. На подобном пути нельзя было ждать каких-либо серьезных результатов.

Панегирик Мануилу, набросанный Дитерихом, вызвал одобрение в немецком византиноведении. В рецензии на «Византийские портреты» Ф. Гирш назвал образ Мануила наиболее удачным ⁴⁸.

Апология западничества Комнинов свойственна также румынскому историку Н. Йорга ⁴⁹. По его мнению, первые три Комнина создали новые условия (*a new condition of things*) (стр. 132). Это новое состояло в распространении в империи западных феодальных порядков (стр. 131). «В общество, нуждавшееся в свежей крови (вспомним «возрождение крови» у Дитериха! — *A. K.*), чтобы не выродиться, медленно просачивалась свежая сила — латинский дух, латинские идеалы» (стр. 140). Наиболее характерным правителем нового стиля был Мануил, чья политика полностью расходилась с шестисотлетними традициями Византии и, наоборот,

⁴⁷ K. D i e t e r i c h. *Byzantinische Charakterköpfe*. Leipzig, 1909, S. 35 f. До Дитериха сходная характеристика Мануила была дана Г. Кап-Геппом (H. von K a p - H e r r . *Die abendländische Politik Kaiser Manuels mit besonderer Rücksicht auf Deutschland*. Strassburg, 1881, S. 10—12).

⁴⁸ F. H i r s c h. — «Mittelungen aus der historischen Literatur», 37, 1909, S. 269.

⁴⁹ N. J o r g a. *The Byzantine Empire*. London, 1907. Те же мысли были повторены румынским историком в его более поздней книге: *Histoire de la vie byzantine*, vol. III. Bucarest, 1934. Здесь цитируется английская работа.

отвечала сущности и целям феодальных государств Запада (стр. 151). Но, увы, тенденции Мануила были порождением лишь его личных склонностей, а не результатом глубоких перемен в византийском мире: богато одаренная династия и ее немногочисленные приверженцы одни отстаивали новый путь (стр. 155).

Сторонник западничества, Иорга резко отзываясь об Андронике и о поддерживавшей его «недисциплинированной и недовольной» константинопольской толпе (стр. 158). Реорганизация фискального управления — единственное, что можно поставить в заслугу Андронику, — не идет в сравнение с теми бедами, которые породила его «политика убийств» (стр. 161). И если великий Мануил остался непонятым византийцами, то Андроник с его лицемерием, подлым честолюбием и кровожадностью «вполне гармонировал с этим обществом беспорядочной морали» (стр. 160).

Старая историография конца XVIII — первой половины XIX в. исходила из оптимистической уверенности, что монарх творит историю по своей воле. Личные свойства Комнинов казались тогда достаточным объяснением политики государства. Идеализация Комнинов, начатая де Сегюром и достигающая апогея у Дитериха и Иорги, неминуемо приводила к недоумению: почему же эта выдающаяся династия все-таки оказалась на грани катастрофы, почему гениальные политики не добились результата? Недоумение это было губительным для старой философии истории: оно заставляло вводить новую силу — общество, которому прежде отводилась пассивная роль материала, произвольно формируемого добрыми и дурными монархами. Пусть Иорга отдает свои симпатии великим Комнинам и с презрением третирует константинопольскую толпу — он уже не может не считаться с тем, что общество есть самостоятельная активная категория и любые побуждения императоров разбиваются о глухое сопротивление общества.

Впрочем, старое представление об истории, творимой государями, мы найдем еще во многих трудах тех лет. Т. Линднер по традиции превозносит Алексея и Иоанна ⁵⁰, а Мануилу ставит в вину далеко идущие планы, которые зиждились не на прочной основе, а на дипломатическом песке (стр. 219). Немецкий историк даже не касается того, какие общественные силы поддерживали этих императоров. Только императоры являются действующими лицами и в изображении Д. Хесселинга: Алексей удержал на столетие катастрофу государства ⁵¹, Иоанн бережно относился к финансам, Мануил вел удачные войны, но разорил казну (стр. 259). Но каковы были меры Алексея или Иоанна, об этом Хесселинг молчит, ибо нельзя же всерьез думать, что раздача титулов своим сторонникам — единственное упомянутое в книге конкретное мероприятие Алексея (стр. 253) — могла на столет задержать падение Византии! И как плохо вяжется с восхвалением администрации Алексея та печальная картина глубокого упадка греческой торговли, которую — опять-таки по традиции — рисует Хесселинг (стр. 254 и сл.).

Греческий историк С. Ламброс ⁵² куда внимательней отнесся к вопросам внутренней истории Византии XII в., чем Хесселинг. Он уделил специальный параграф состоянию хозяйства и общества и пришел там, кстати сказать, к менее печальным выводам. Византия, по мнению Ламброса, извле-

⁵⁰ Th. Lindner. Weltgeschichte seit der Völkerwanderung. Bd. II, Stuttgart—Berlin, 1902, S. 216.

⁵¹ D. C. Hesselning. Essai sur la civilisation byzantine. Paris, 1907, p. 252 (книга была издана впервые в 1902 г. на голландском языке).

⁵² S. Lambros. Ἱστορία τῆς Ἑλλάδος, т. 5—6. Ἀθήναι, 1902—1908. Книга другого греческого историка, А. Адамантиу (A. Adamantiu. Ἱστορία τῆς Βυζαντινῆς ἀποικροπόρας. Ἀθήναι, 1919), мне недоступна.

кала немалые доходы от торговли и ремесла — при этом не только в Константинополе, но и в провинциях (т. 6, стр. 47). Он останавливается и на наступлении крупных земельных собственников, которые, присвоив массу земель, нанесли серьезный ущерб казне (стр. 48). И все же Ламброс не связывает экономические и социальные условия с политикой императоров; последняя выступает в его изображении независимым, самоопределенным фактором: справедливость Иоанна обеспечивает мир в стране (т. 5, стр. 512 и сл.); напротив, пренебрежение Мануила к «различным отраслям хозяйства», дурное управление его советников приводит к опустошению казны, к упадку государства (т. 6, стр. 50; ср. стр. 3 и сл.). Точно так же и деятельность Андроника рассматривается в чисто психологическом плане, как результат противоречия его добрых и дурных качеств (стр. 65). Впрочем, в связи с Андроником Ламброс вспоминает о народе, однако лишь как о пассивной категории. Лицемерие и жестокость императора (стр. 73 и сл.) не вызвали противодействия народа, обласканного тираном, — только злость оказала сопротивление (стр. 77).

Внутреннее противоречие подобной трактовки исторических событий всего отчетливее проявляется в оценке Ламбросом деятельности Алексея. В духе де Сегюра греческий историк не устает восхищаться достоинствами Алексея (т. 5, стр. 425), называет его спасителем государства (стр. 464), восстановителем достоинства Византии (стр. 508). Ламброс говорит и о «восстановлении экономики» при Алексее, но те конкретные сведения, которые он сообщает, казалось бы, свидетельствуют о противоположном: монетная реформа привела к «немалому смещению» в сфере налогового обложения; податное бремя было тяжким (стр. 464 и сл.). Справедливость, политическая прозорливость, защита бедных — все эти добродетели Алексея остаются под пером Ламбрoса пустыми формулами, не воплощающимися в реальной политике первого Комнина.

Также полностью в традиционном плане рассматривает церковную политику Комнинов Н. С. Гроссу, даже не помышляющий о том, что деятельность императоров может быть обусловлена чем-либо, кроме их воли. К тому же монархическая благонамеренность киевского священника выливается в неприкрытое славословие в адрес «благочестивых» Комнинов. Алексей, оказывается, отличался «искренней преданностью восточной, православной вере»⁵³, и Гроссу оправдывает проведенную Алексеем конфискацию церковных имуществ (стр. 515 и сл.), а характерную систему не упоминает вовсе. Гроссу хвалит за толерантность Алексея (стр. 543), устроившего публичное сожжение вождя богомилов Василия. Разумеется, Иоанн выступает человеком редкой доброты и сердечной мягкости⁵⁴; о Мануиле сказано, что он один из самых блестящих василевсов, а к церковным вопросам проявлял «серьезное отношение» (стр. 633 и сл.), хотя православного богослова никак не должны были бы устраивать ни попытки Мануила добиться унии с католичеством, ни уступки исламу, ни стремление поставить монастыри под контроль светской власти. «Серьезное отношение» к церковным вопросам — под этой расплывчатой формулой заключается целая программа, не объясненная и даже не изученная Гроссу.

До начала XX столетия специальных монографий, посвященных Комнинам, по сути дела, не было (если не считать книги Вилькена, встретив-

⁵³ Н. С. Гроссу. Церковно-религиозная деятельность византийского императора Алексея I Комнина. — «Труды Киевской уховной академии», 53, 1912, июль—август, стр. 501. Ср. стр. 520.

⁵⁴ Н. С. Гроссу. Отношения византийских императоров Иоанна II (1148—1143) и Мануила I (1143—1180) Комнинов к вопросу об унии с Западом. — «Труды Киевской духовной академии», 53, 1912, декабрь, стр. 621.

шей весьма суровую критику). Почти через сто лет после Вилькена к этой задаче приступил французский историк Ф. Шаландон. Он выпустил два тома: один о правлении Алексея I, другой (более обширный) — о царствовании Иоанна II и Мануила I. Некоторое время спустя вышли его главы о Комнинах в IV томе «Кембриджской истории средних веков».

Книга об Алексее ⁵⁵ начинается с сугубо личной характеристики императора; затем после рассказа о приходе Комнинов к власти и о дворцовых интригах при Алексее подробно излагается внешняя политика этого царствования. Внутренней политике посвящена лишь одна (X) глава.

Шаландон, по сути дела, возвращается к оценке Алексея, данной Лебо, хотя и на обновленной основе: опираясь в значительной мере на труды Васильевского и Успенского, Шаландон обрисовывает характеристичную систему (стр. 282 и сл.), виды налогов (стр. 293 и сл.), податные изъятия (стр. 298), злоупотребления налоговых сборщиков (стр. 309). Весь этот материал был до конца XIX в. недоступен.

И все же Шаландон двинулся немногим дальше Лебо. По-прежнему мы слышим о высоких личных достоинствах Алексея — способного полководца, выдающегося дипломата (стр. 51 и сл.), организатора и администратора (стр. 277), старавшегося назначить в провинцию хороших чиновников (стр. 281). И в то же время царствование Алексея было «эпохой большой нищеты» (стр. 291), временем порчи монеты (стр. 304 и сл.), «фискальной тирании» (стр. 309). Оно тяжелым бременем легло на всех (стр. 322).

В другой работе Шаландон так же оценивает это царствование: хотя оно знаменовало временную приостановку распада государства, управление Алексея было тяжким для подданных ⁵⁶.

Перед нами знакомая теория «смещения добра и зла», только освобожденная от страстности Лебо и несколько модифицированная: центр тяжести сдвинулся с характера Алексея на его деятельность, противоречия обнаруживаются не в «душе» государя, а в его политике — добиваясь добра, он достигает зла, вынужденный к этому тяжелыми обстоятельствами, в которых оказалась империя ⁵⁷.

Шаландон не извлек урока из плодотворных попыток Гадфа и Гельцера поставить деятельность Алексея в связь с борьбой социальных групп. Его Алексей действует в личных интересах, добиваясь абсолютной власти (стр. 322). Если он ограничивает роль синклита (стр. 280), то не как выразитель интересов военной аристократии (так у Гельцера), а как поклонник абсолютизма. Его опора — не та или иная прослойка общества, но несколько знатных семей ⁵⁸.

Таким образом, возвращение Шаландона вспять проявилось не только в возрождении модифицированной схемы Лебо, но и в отказе от социального анализа, элементы которого уже появились в трудах его предшественников. Абсолютный монарх на одной стороне и «все» (tous) на другой — такова расстановка сил, в точности повторяющая представления Лебо об историческом процессе. Но Лебо ненавидит абсолютизм, и его позиция определена — Шаландон же в сущности бессилен объяснить, почему монарх, желавший быть справедливым, оказался до крайности непопулярным (стр. 332).

⁵⁵ F. Chalandon. Essai sur le règne d'Alexis Ier Comnène (1081—1118). Paris, 1900. До этого под тем же названием были опубликованы тезисы диссертации Шаландона (Chalon-sur-Saône, 1899), мне недоступные (см. ВЗ, 8, 1899, S. 576).

⁵⁶ F. Chalandon. The Earlier Comneni.— «Cambridge Mediaeval History», vol. IV, 1927, p. 350 (первое издание — 1923 г.).

⁵⁷ F. Chalandon. Essai..., p. 322.

⁵⁸ F. Chalandon. The Earlier Comneni, p. 327.

Книга об Алексее I нашла одобрение рецензентов, но показательно, что лишь один из них — А. Ламарш — безоговорочно назвал X главу интересной⁵⁹. Шаландон написал хорошую главу об администрации Алексея Комнина, замечает Ш. Диль и тут же добавляет: «Я хотел бы, чтобы Шаландон более подробно осветил внутреннюю историю»⁶⁰. Ж. Гэй также считает эту главу слишком краткой: внутренней истории в своей книге автор отвел слишком мало места⁶¹. Гораздо резче судит о ней Д. Симон: она кажется ему написанной поспешно, лишь бы завершить работу. «Это только приближение к предмету, своего рода краткое резюме»⁶². С. Симоном солидарен и А. А. Васильев. «Страницы же, посвященные вопросу о внутренней администрации самого Алексея, — пишет он, — имеют скорее вид описания, чем исследования»⁶³.

При этом — странное дело! — рецензенты совершенно неправильно определили место Шаландона в истории вопроса. Все они подчеркивают, что Алексей — жертва предубеждений, что необходимо было восстановить его роль спасителя империи и что это как раз и сделал Шаландон, весьма благоприятно оценив деятельность основателя династии Комнинов. Один из рецензентов, А. Картелиери, даже допускает, что подобная реабилитация Алексея может натолкнуться на возражения, и обращает внимание на вырождение монашества и финансовый гнет в это царствование⁶⁴. Конечно, реабилитация Алексея — не заслуга Шаландона; де Сегюр и Остер сделали для этого больше. Шаландон, повторю еще раз, высоко оценил личные достоинства первого Комнина, но в трактовке его внутренней политики вернулся к схеме Лебо.

Итак, в главе о внутренней политике Алексея новыми были лишь материалы, почерпнутые из трудов русских ученых. В целом же она не содержала какой-либо оригинальной концепции, не предлагала новых методов, не обогащала науку новыми источниками. Она была посторонним привеском к внешнеполитической истории тех лет.

Посмотрим теперь, что смог сделать Шаландон во второй книге о Комнинах.

Портрет Иоанна II выдержан полностью в традиционных тонах: мягкий, порядочный человек, один из лучших византийских императоров⁶⁵. Что касается его внутренней политики, то ее мы плохо знаем⁶⁶.

Столь же традиционен и образ Мануила. Опять идет речь о его превосходных личных свойствах (стр. 204), о его роскоши и распутстве (стр. 205), о завоевательных потугах (стр. 208). Упадок Византии Шаландон считает результатом ошибочной политики Мануила (стр. 607), сохранившего тяжелый податный гнет (стр. 623 и сл.). На неоригинальность этой точки зрения уже обратил внимание П. В. Безобразов⁶⁷.

Впрочем, отдельные частные наблюдения Шаландона заслуживают внимания: так, по его мнению, Мануил стремился приостановить рост церковных богатств (стр. 204; ср. стр. 628, 632), покровительствовал торговым городам (стр. 626 и сл.); византийский флот переживал значительный прогресс и успешно соперничал с норманским и венецианским

⁵⁹ A. L a m a r c h e.— «Revue de l'Orient Latin», 8, 1900—1901, p. 228.

⁶⁰ Ch. D i e h l.— BZ, 11, 1902, S. 526.

⁶¹ J. G a y.— «Revue critique d'histoire et de littérature», 52, 1901, № 42, p. 314.

⁶² D. J. S i m o n.— «Revue d'histoire ecclésiastique», 4, 1903, p. 514.

⁶³ A. B a c h a r o f.— ВВ, XII, 1906, стр. 268.

⁶⁴ A. C a r t e l l i e r i.— «Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung», XXIII, 1902, S. 520 f.

⁶⁵ F. C h a l a n d o n. Les Comnène. II. Paris, 1912, p. 9. Ср. i d e m. The Later Comneni.— «Cambridge Mediaeval History», vol. IV, 1927, p. 351.

⁶⁶ F. C h a l a n d o n. Les Comnène, p. 21.

⁶⁷ П. В. Б е з о б р а з о в.— ЖМНП, ч. 45, 1913, стр. 430 и сл.

(стр. 623). Все эти факты, если они действительно верны, плохо согласуются с господствующим представлением об экономической разрухе в царствование Мануила.

Специальной книги об Андронике Шаландон не написал, но в соответствующем разделе «Кембриджской истории средних веков» мы найдем характеристику этого императора в рамках традиционных воззрений: это и великий государственный деятель, и тиран; то он требовал от чиновников и «феодалных лордов» уважать собственность и права крестьян, то позволял себе невиданную жестокость к противникам⁶⁸.

Итак, как в оценке деятельности Алексея, так и при характеристике правления остальных Комнинов Шаландон не идет дальше рассмотрения личных мотивов правителей. Направление политики определяется в его глазах психическим складом государя, а не социальной борьбой. Такой подход приводит Шаландона (как и его предшественников) к серии противоречий: действительно, как совместить высокие душевные свойства Алексея и безжалостное угнетение им народа, тиранию Андроника и его благотворительные реформы, политическую прозорливость Мануила и экономический гнет, приводящий к краху? С чисто психологических позиций мы не найдем разумного объяснения. Внутренняя же история и в этом случае обрисована Шаландоном крайне суммарно⁶⁹.

Я не случайно остановился столь подробно на работах Шаландона; ведь это не только первая, но — скажу, забегая вперед, и последняя попытка монографически обрисовать комниновский период. Ни до Шаландона, ни после него никто не пытался сделать это столь подробно. И что же? Оказывается, что нашу проблему — «загадку Комнинов» — Шаландон нимало не продвинул вперед. Он остался на почве личного, психологического объяснения событий; он повторил мотивировки, давно уже выдвинутые и вызывавшие возражения; он пренебрег проблемой социальной борьбы, появившейся уже у его предшественников. Короче говоря, книги Шаландона скорее завершают длительный период изучения Комнинов, нежели открывают начало нового.

В методологическом отношении гораздо более значительными были две работы, появившиеся примерно в то же время и специально посвященные Андроннику. Одна работа принадлежала югославу Н. Радойчичу, другая — итальянцу Ф. Коньяссо.

Радойчич⁷⁰ останавливается на историографии вопроса, отмечая противоречивость традиционной характеристики Андроника как тирана и вместе с тем реформатора. По мнению Радойчича, этот взгляд восходит к Гиббону (на самом деле, еще к де Бюрийи и Лебо): с одной стороны, Гиббон симпатизировал византийским крупным собственникам, жертвам тирании Андроника, с другой — «великому духом Гиббону» импонировал гениальный Андроник (стр. 66 и сл.). Так Радойчич пытается нащупать социальную и психологическую подошлеку взглядов Гиббона на Андроника Комнина. Не будем полемизировать с Радойчичем по конкретному поводу: важен самый принцип, самая возможность такой постановки вопроса — доискаться до истоков воззрений твоих предшественников.

⁶⁸ F. Chalandon. The Later Comneni, p. 382 f. В рецензии на книгу Ф. Коньяссо, речь о которой пойдет ниже, Шаландон протестовал против идеализации Андроника (F. Chalandon.— BZ, 22, 1913, S. 505).

⁶⁹ П. В. Безобразов. Указ. соч., стр. 429; J. В. В у r y.— BZ, 22, 1913, S. 196.

⁷⁰ N. Radojčić. Dva posljednja Komnena na carigradskom prijestolju. U Zagrebu, 1907. См. немецкий автореферат: E. Gerland.— «Mitteilungen aus der historischen Literatur», 37, 1909, S. 194—201.

Отвергая двойственную характеристику Андроника как порождение не действительности, а историографии, Радойчич принимает концепцию Фальмерайера (стр. 67 и сл.) и характеризует последнего Комнина как выдающегося политического деятеля, консолидировавшего империю (стр. 71—73). Прославление Андроника влечет за собой уничтожение Мануила, ибо реформы Андроника становятся естественными лишь при допущении, что Мануил привел империю к развалу. И действительно, Радойчич рисует безотрадную картину положения страны при Мануиле: динаты захватывают земли крестьян, провинции пустеют от турецких набегов и насилий крупных землевладельцев (стр. 14); если Алексей I положил предел неограниченному господству чиновничества и дворянства, при его внуке они снова поднимают голову (стр. 16).

Разумеется, не характеристики Мануила и Андроника составляют то новое и значительное, что отличает маленькую книгу Радойчича. Главное заключается в том, что югославский ученый впервые попытался выяснить расстановку общественных группировок к моменту смерти Мануила. По его словам, при Мануиле власть принадлежала военной аристократии, чиновничеству и динатам, тогда как оппозицию составляли клир, константинопольские горожане и провинциалы (стр. 97 и сл.). Социальные противоречия дополнялись этнической и религиозной рознью: знать опиралась на латинян, оппозиция объединялась под православными лозунгами.

Опираясь на константинопольских горожан и провинцию, Андроник пришел к власти (стр. 99). Однако оппозиционные силы еще не созрели для управления государством: константинопольский плебс не мог выдержать длительную полосу реформ, а привлечение провинциалов к управлению оказалось в византийских условиях совершенно невиданным делом⁷¹.

Опять-таки и с этим конкретным анализом социальных противоречий можно и нужно спорить. Он возвращает нас к тезису де Сегюра и Иорги — о порочном народе и выдающемся императоре. К тому же Радойчич неточен: клир, например, не являлся особой социальной группой и многие представители высшего духовенства активно поддерживали Андроника. Но стоит ли говорить о частностях, когда Радойчич поставил вопрос принципиально по-новому, развив едва намеченную Гельцером тенденцию. «По мнению автора, — писал рецензент книги Радойчича К. Иречек, — длительная борьба между императором Мануилом и Андроником была вызвана не личными, а принципиальными расхождениями»⁷². Иречек не решается еще сказать «социальными», а между тем дело обстояло именно так.

Подробная статья Коньяссо и по выводам и по методам близка к труду его югославского предшественника, отличаясь, пожалуй, лишь некоторыми нюансами.

По мысли Коньяссо, Алексей I начал дело обновления (*l'opera di rinnovamento*), продолженное его сыном и внуком. Но если первоначально Комнины ставили своей задачей как внутреннее, так и внешнеполитическое возрождение, то впоследствии они ограничились лишь внешнеполитическими целями⁷³. Грандиозная завоевательная программа Мануила привела к колоссальной растрате человеческой энергии и средств. Ссылаясь на Шалагодона, Коньяссо пишет, что «все классы населения» были недо-

⁷¹ E. Gerland. Op. cit., S. 201.

⁷² C. Jireček. — BZ, 17, 1908, S. 182.

⁷³ F. Cognasso. Partiti politici e lotte dinastiche in Bisanzio alla morte di Manuele Comneno. — «Memorie della Reale accademia delle scienze di Torino. Cl. di sc. morali, stor. e filol.», Ser. II, t. LXII, 1942, p. 278.

вольны режимом, установленным при Мануиле (стр. 126). Однако народ молчал. Со времен Алексея I Византия не знает народных возмущений, столь характерных для политической жизни X—XI вв. Но это не означает, что народ примирился, — нет, он ждал того, кто поднимет знамя свободы (стр. 228). После смерти Мануила в Константинополе ощутимо было народное недовольство, открыто проявлялись религиозные, этнические и торговые противоречия между греками и латинянами (стр. 237), назревала потребность в коренной перестройке государственной организации (стр. 228). Подобно Радойчичу, Коньяссо видит социальную природу нараставшего недовольства: по его словам, реформы должны были ударить по омертвевшей чиновной знати (*morla bigozgazia*), по землевладельческой аристократии, все отчетливее приобретающей феодальные черты, по церковной верхушке. Опорой реформатора мог стать класс буржуазии (*la classa borghese*) и плебс в городе и деревне (стр. 228, 280).

Итак, реформаторская деятельность Андроника выступает у Коньяссо не как прихоть гениального беспутника, а как выражение общественных потребностей. Андроник провел ряд мер, направленных на защиту мелкого собственника; при этом Коньяссо уделяет особое место хрисовулу 1182 г., отменявшему важные привилегии землевладельческой знати (стр. 284); по мнению итальянского ученого, Андроник не поощрял церковную собственность: «Мы не знаем дарений Андроника церквям и монастырям» (стр. 287). Таким образом, Коньяссо стремится выйти за пределы тех сведений о реформах последнего Комнина, которые содержатся в хронике Никиты Хониата и у современных риториков, — он обращается к актам, к документальным данным.

И если Радойчич полагал, что византийскому народу была не по плечу поставленная Андроником задача (см. выше, стр. 79), то Коньяссо, напротив, считает Андроника человеком, не сумевшим выполнить народные требования. Буйные страсти реформатора способны были погубить плоды его политической и социальной деятельности (стр. 257). Ставя далее вопрос о причинах банкротства «демократической и националистической» политики Андроника, Коньяссо приходит к выводу, что народ требовал последовательного осуществления программы реформ, тогда как император, применяясь к общей политической обстановке в Византии и в Европе, постепенно стал возвращаться к политике Мануила. «Это привело его к разрыву с народом и к падению» (стр. 278).

До Коньяссо в вину гениальному реформатору ставили обычно лишь его террор, что порождало, как я уже писал, противоречие между психологическими мотивами и социальными результатами деятельности Андроника. Теперь же Коньяссо прослеживает, как непоследовательность политики императора вызывает недовольство народа; историк придает при этом первостепенное значение возвращению правительства к латинофильству Мануила (стр. 286): Андроник окружил себя иноземными гвардейскими частями (стр. 288), добился улучшения отношений с Венецией (стр. 294—296).

Конечно, теперь легко видеть непоследовательность Коньяссо, проявляющуюся в расплывчатости его социальных характеристик, в преувеличении роли личности. Так, говоря о сторонниках Андроника (стр. 267), он смешивает в одну кучу и социальные группировки («многие буржуа и плебеи»), и отдельных лиц (логофет Стефан Айофеодорит, патриарх Василий Каматир). Он полагает, что политическая мощь империи в середине XII в. была результатом деятельности одного человека — Мануила (стр. 221). Но дело не в подобных неточностях — значение работы Коньяссо как и книги Радойчича) состояло в том, что к анализу политики Комнинов был, наконец, приложен социальный принцип, что эту политику стали

выводить из действия социальных сил, а не из воли личностей, как было свойственно еще Шаландоу.

Правда, социальный анализ был применен пока только к политике Андроника (и в какой-то мере Мануила как его предшественника). Но уже в небольшой работе А. Дживилегова, увидевшей свет одновременно со статьей Коньяссо, предпринята была попытка рассмотреть социальные основы политики всей династии.

В основу анализа византийской истории XI—XII вв. Дживилеговым положено понятие феодализма. «Своеобразный феодальный порядок» складывается, по его мнению, в XI в.⁷⁴ Политика Алексея протекает в русле этой тенденции, при этом государе учащается раздача земель в провинцию (стлб. 131), тогда как в царствование Мануила «закончилась (!) перестройка византийского землевладения на новых, приближающихся к феодальным основах» (стлб. 132). Переворот Андроника трактуется Дживилеговым как революция, направленная против аристократии; движущими силами революции были духовенство, опасавшееся католического влияния, и «торгово-промышленный класс» (*la classe borghese* у Коньяссо), за которым следовало многочисленное ремесленное население столицы; наконец, крестьянство горячо поддержало революцию (стлб. 133).

В кратком очерке Дживилегова много спорного, и прежде всего — самое понятие феодализма. «Феодализация, — по Дживилегову, — есть варваризация» (стлб. 130). Экономическая эволюция Византии при Комнинах «решительно» вела вспять, к более первобытным формам — от менового хозяйства к натуральному (стлб. 132). Разумеется, мы ничего не поймем в феодализме, если будем видеть в нем первобытное варварство, а не закономерный и прогрессивный этап развития общества; к тому же говорить о переходе в Византии XII в. к натуральному хозяйству нет никаких оснований. Но важно, что Дживилегов идет в русле передового по тем временам направления историографии и более последовательно, нежели Гельцер, прилагает к комниновскому периоду принципы социального анализа.

Как мы видели, начало XX столетия принесло значительные успехи в разработке «загадки Комнинов». Однако в литературе следующих десятилетий наблюдается скорее возврат к традициям XIX в., нежели разработка прогрессивных методов, намеченных в трудах Радойчица, Коньяссо, Дживилегова. К тому же монографическая разработка истории комниновского периода прекращается почти вовсе⁷⁵.

Васильев, который, как мы помним, справедливо упрекал Шаландона в пренебрежении вопросами внутренней истории, посвятил этим проблемам несколько страниц в книге «Византия и крестоносцы», сразу же оговорившись, что внутренняя история, «начиная с эпохи Комнинов», все еще недостаточно разработана⁷⁶. И действительно, характеристики, даваемые Васильевым, не возвышаются по своему уровню над соответствующими характеристиками Шаландона; мы видим лишь описание единичных фактов, но отнюдь не цельную картину общественных порядков. При Алексее выпускалась низкопробная монета и сурово взимались налоги, Иоанн

⁷⁴ А. Дживилегов. Византия. — «Энциклопедический словарь Гранат», т. X, 1912, стлб. 130.

⁷⁵ К сожалению, мне осталась недоступной работа: L. O e s o p o t o s. *La vie religieuse dans l'Empire byzantin au temps des Comnènes et des Anges*. Paris, 1918.

⁷⁶ А. А. Васильев. Византия и крестоносцы. Пг., 1923, стр. 98. Книга Васильева вошла во вторую часть его «Истории Византии», переведенной на ряд языков: A. V a s i l i e v. *History of the Byzantine Empire*, vol. 1—2. Madison, 1928—1929; i d e m. *Histoire de l'Empire byzantin*, vol. 1—2. Paris, 1932. Новое английское издание вышло в 1952 г. Есть также испанское, турецкое и греческое издания. В переводе раздел о внутренней истории комниновского периода был несколько расширен (см. М. А. Андреева. — BS, 2, 1930, p. 417).

поправил финансы (хотелось бы знать, каким образом), Мануил поставил страну «на край финансового банкротства» (стр. 100 и сл.) — все это можно было найти уже у Лебо, за полтора столетия до Васильева! Столь же не нова и «высокая оценка нравственной личности Иоанна», и западнические идеалы Мануила (стр. 10), дальше которых не продвигается Васильев.

Особенно удивительно, что традиционный подход сохраняет Васильев к деятельности Андроника, словно не существовало работ Радойчица и Коньяссо. Социальная борьба уступает место противоречивости характера Андроника (стр. 11). Он улучшил положение «податных классов» (стр. 101 и сл.), стремился провести коренную реформу, установить «национальное правительство», ослабить служилую аристократию и поместное дворянство, но, встречая повсюду измену, вступил на путь террора, что заставило народ отвернуться от своего прежнего любимца (стр. 56 и сл.).

И. Соколов, рецензент книги Васильева, имел все основания сказать об этой книге примерно то же, что в свое время сказал сам Васильев о книге Шаландона: в разделе о внутреннем состоянии империи «автор ограничился лишь краткими и отрывочными замечаниями». Соколов добавляет: «вследствие малой разработанности этих проблем»⁷⁷. Добавление, как мы видим, неверно, ибо трактовка Васильевым деятельности Андроника — просто шаг назад в сравнении с достигнутым в начале XX в.

Столь же традиционными остались и взгляды на комниновский период Диля. Еще в 1906 г. в «Византийских портретах» он описал романтические похождения Андроника I, где движение истории оказывалось результатом честолюбивых стремлений гениальной и порочной личности⁷⁸. Те же принципы изложения сохраняются и в его разнообразных общих трудах, где известное место уделяется и Комнинам⁷⁹. На переднем плане у Диля — блестящие государи, тонкие политики, способные полководцы (стр. 100 и сл.), но почему же тогда их правление влечет за собой фискальную тиранию и такие экономические просчеты, как привилегии иноземному купечеству (стр. 112)?

К этому давнему, ставшему привычным противоречию у Диля добавляется еще одно: «Комнины (в этом отношении он следует за Гельцером) были знатным феодальным родом и их победа знаменовала триумф военной аристократии (стр. 99), в то же время их целью было вернуть власти императора ее бывшее могущество» (стр. 112). «Комнины, несмотря на свое происхождение, сдерживали рост феодалов», — писал Диль в одной из более поздних работ⁸⁰. Однако сказать «несмотря» еще не значит объяснить: противоречие только отмечается, но не снимается.

Позднее те же взгляды были изложены Дилем (вместе с Л. Экономосом) в соответствующем разделе многотомной «Истории средних веков»⁸¹, однако здесь авторы нарисовали более полную и конкретную картину. Алексей обладал благородным представлением о назначении государя (стр. 8) и провел важные мероприятия, чтобы воссоздать авторитет василевса (стр. 30). Синклитская знать отеснялась на задний план и заменялась пре-

⁷⁷ И. Соколов. — «Slavia», VI, 1927, стр. 560.

⁷⁸ Ch. Diehl. Figures byzantines. Paris, 1906. См. русский перевод: Ш. Диль. Византийские портреты, вып. 2. М., 1914, стр. 95—148.

⁷⁹ Ch. Diehl. Histoire de l'Empire byzantin. Paris, 1920 (см. рецензию: А. Васильев. — «Анналы», 2, 1923, стр. 271 и сл.). Затем книга неоднократно переиздавалась (в 1924 и 1934 гг.). Здесь цитируется по русскому переводу: Ш. Диль. История Византийской империи. М., 1948.

⁸⁰ Ch. Diehl. Les grands problèmes de l'histoire byzantine. Paris, 1943. Цитирую по русскому переводу: Ш. Диль. Основные проблемы византийской истории. М., 1947, стр. 110.

⁸¹ Ch. Diehl. L. Economos. L'Europe Orientale de 1081 à 1453. — In: «Histoire du Moyen âge», IX, 1. Paris, 1945.

данной императору аристократией, преимущественно из его родни (стр. 31); был реорганизован флот, а армия перестроена на основе проний, получаемых крупными собственниками (стр. 30); порча монеты и фискальный гнет сочетались у Алексея с чувством справедливости (стр. 32).

То же самое авторы пишут и о преемниках Алексея. Они тоже уважали назначение государя (стр. 50, 78), поддерживали абсолютизм и вместо синклита опирались на узкий совет, созданный еще Алексеем (стр. 78). Они препятствовали, как и Алексей, росту крупной собственности (стр. 79) и тем не менее пришли к крайне тяжелому финансовому состоянию страны (стр. 81).

Но и противник Мануила, Андроник, тоже выступал против крупной аристократии и проводил полезные реформы. Он тоже хотел стать абсолютным монархом (*un maître absolu*), но омрачил свое недолгое царствование кровавым террором (стр. 87). Так, не разрешив прежних противоречий, Диль оказывается еще перед одним: различие политической линии первых трех Комнинов и Андроника исчезает, все они выступают борцами за абсолютизм, против крупного землевладения. Единственное, что выделяет Андроника, это пагубная склонность к террору.

Старый психологический метод объяснения событий все отчетливее обнаруживает свое бессилие разрешить «загадку Комнинов».

Дилю принадлежит специальная работа,носящая многообещающее заглавие «Византийское общество в эпоху Комнинов», но и там мы не найдем анализа социального развития Византии XII в. Общество для Дили— это придворный быт, религия и страноприимные дома, астрология и магия. Диль подробно и любовно обрисовывает портреты Комнинов, но он словно не догадывается, что общество складывается из определенных социальных группировок.

Диль провозглашает, что византийское общество переживало под влиянием Запада глубокие перемены, хотя и сохраняло свою «византийскую душу»⁸². Но в чем состояли эти перемены, остается неизвестным, разве что в заимствовании западных мод и обычаев (стр. 273).

Комниновский период, согласно Дилю, — это время расцвета и благосостояния (*de splendeur et de prospérité*) (стр. 198). Пусть так, но как увязать это со словами Дили о реальной слабости (*la faiblesse réelle*) империи (стр. 279)?

Можно было бы сказать, суммируя, что Диль сознает важность изучения внутренней жизни Византии, но оставаясь в тенетах воззрений историографии прошлого века, подменяет социальную историю историей быта, блестящих государей считает (по-прежнему) творцами истории и полагает, что они действовали ради самодовлеющего интереса — достижения абсолютной власти.

Проблемы истории комниновского периода затрагивались и в ряде общих работ, появившихся после первой мировой войны⁸³. Некоторые исследователи продолжают линию Гельцера, например А. Гейзенберг, видевший в Алексее государя, опиравшегося на высшую землевладельческую знать и выступавшего против столичного чиновничества. Как и Гель-

⁸² Ch. Diehl. La société byzantine à l'époque des Comnènes.— «Revue historique du Sud-Est européen», 6, 1929, № 7-9, p. 199.

⁸³ К сожалению, ряд опубликованных в 20 и 30-е годы общих работ остался мне недоступным, как-то: N. H. Baynes. The Byzantine Empire. London, 1925 (переиздано в 1943 г.); J. Roméin. Byzantium. Geschiedkundig Overzicht van Staat en Beschaving in het Oostromeinsche Rijk. Zutphen, 1928 (см. рецензии: Ch. Diehl.— BZ, 31, 1931, S. 381f.; H. Grégoire.— Byz., 5, 1929/30, p. 754—758); O. Kiefer. Kaiser und Kaiserinnen von Byzanz. Berlin, 1937; H. Diner. Emperors, Angels and Eunuchs. London, 1938; L. Ranké. Geschichte des byzantinischen Reiches. Stuttgart, 1939.

дер, Гейзенберг благоприятно оценивает внутреннюю политику Алексея и даже считает, вопреки Диллю, финансовую систему этих лет благополучной (*glücklich geordnet*)⁸⁴. Иоанн и Мануил выступают верными наследниками основателя династии (стр. 194), и лишь за одну тяжелую ошибку Гейзенберг пеняет Мануилу — за допущение зависимости от венецианцев (стр. 197). Наконец, согласно с Гельцером Гейзенберг трактует политику Андроника. «Его решительное и экономное управление, — несколько неопределенно пишет Гейзенберг, — вызвало раздражение высшей знати, подавленное с необдуманной суровостью» (стр. 198).

Польский историк К. Закжевский также не считает уже возможным ограничиться характеристикой Комнинов как выдающихся личностей. Императоры этой династии в его изображении — представители византийского рыцарства^{84а}; и если их политика, несмотря на одаренность «великой тройки», не принесла реальных результатов (стр. 228), то причину этого следует искать в развитии феодальных порядков под влиянием Запада (стр. 236). Андроник возглавил оппозицию и повел за собой народные массы (стр. 230—232), но и его деятельность не дала плодов. Суть общественных противоречий XII в. Закжевский усматривает в столкновении принципов феодализма и «античной традиции тотальной (если пользоваться модным словечком) государственности»: неудачный эксперимент Андроника, стремившегося вернуться к прошлому, подготовил триумф феодализма (стр. 237).

Тезис о противоречии феодализма и византийской государственности, намеченный Закжевским, найдет в дальнейшем развитие, и в частности в работах Г. А. Острогорского.

Точно так же и А. Байи называет Алексея выходцем из среды военно-феодальной знати, находившейся в оппозиции к чиновничеству (*le fonctionnarisme*)⁸⁵; он оправдывает Алексея от нападок сторонников «римско-католической и западной точки зрения» (стр. 323). Но все это остается у Байи лишь заявкой: он не касается внутренней политики Алексея, и тезис о феодализме остается висеть в воздухе; не касается он и внутренней политики обоих преемников Алексея, зато относительно Андроника высказаны некоторые (впрочем, вполне традиционные) соображения: «неумолимый тиран», оказывается, произвел полную внутреннюю реорганизацию, принял решительные меры против феодализма, защищал мелких собственников (стр. 346 и сл.), — одним словом, перед нами полный набор высказываний в духе Фальмерайера и Гельцера. Естественно, что причины переворота против Андроника остаются для Байи непонятными (стр. 349).

Монографические исследования, посвященные отдельным проблемам истории комниновского периода, появлялись в это время крайне редко и по своему значению никак не могли идти в сравнение с монографиями начала XX в. (Шаладона, Радойчича, Коньяссо). Так, для Э. Макшила Андроник лишь тиран, захвативший престол после убийства своего родственника, юного Алексея II⁸⁶. Дж. Баклер в объемистой книге об Анне Комнин⁸⁷ уделяет немалое место внутренней политике отца Анны, рассматривает отношение Алексея к синклиту, изменение податной системы,

⁸⁴ A. Heisenberg. Das byzantinische Reich.— In: W. Goetz. Propyläen-Weltgeschichte, Bd. III. Berlin, 1932, S. 192.

^{84а} K. Zakrzewski. Dzieje Bizancjum. Warszawa, 1938, str. 207, 229.

⁸⁵ A. Bailly. Byzance. Paris, 1939, p. 303.

⁸⁶ E. H. McNeal. The Story of Isaac and Andronicus.— «Speculum», IX, 1934, № 3, p. 324.

⁸⁷ G. Buckler. Anna Comnena. Oxford, 1929. К сожалению, мне осталась недоступной другая монография об Анне Комнин: N. Mitchison. Anna Comnena. London, 1928.

церковную политику, военные бунты и заговоры гражданских лиц, но все эти данные нужны ей не для изучения социальных сил, а для выяснения личной роли императора, чью энергию она высоко ценит (стр. 259). Баклер подчеркивает, что Алексей лично управлял финансами (стр. 269 и сл.), «считал себя вправе конфисковать землю» (стр. 271).

Английская исследовательница много говорит о трудностях, с которыми столкнулся отец Анны Комнин: о пустой казне, доставшейся ему от предшественников (стр. 266), о нехватке средств для армии (стр. 357 и сл.), об оппозиции (стр. 275, 279). И это не позволяет Баклер так уверенно принять «абсолютизм» Алексея, как это сделал Диль. По ее мнению, в государстве существовала «странная смесь деспотизма и анархии, поклонения (в теории) полубожественному автократу и ужасающего неповиновения ему» (стр. 288). Развивая свою мысль, она полагает, что хотя император и считался главой церкви, однако у него не было прав распоряжаться церковной казной и церковными зданиями (стр. 301); и если все четыре патриарха при Алексее играли подчиненную роль, то это объясняется не слабостью патриаршей власти, а личным их ничтожеством (стр. 290).

Наблюдение Баклер существенно. Оно подрывает традиционный тезис о самодержавной власти константинопольских василевсов. Но исследовательница останавливается на полпути, не поднимает вопроса о природе этой двойственности византийской монархии — для нее важна лишь психологическая сторона подобного состояния дел: оказывается, трудно нести на голове византийскую корону (стр. 288)! Недаром У. Миллер в рецензии на книгу Баклер подчеркивал интерес исследовательницы к проблемам психологии ⁸⁸.

Правление Андроника Комнина, всегда приковывавшее внимание историков, было затронуто и в некоторых специальных работах тех лет, впрочем, лишь попутно. М. Паулова писала об Андронике вполне традиционно как о противнике аристократии ^{88a} — ее статья, посвященная иной тематике, и не претендовала на новое освещение внутренней политики этого государя. Целую главу уделил Андронику М. Бахман, но и он ограничился только замечанием, что новое время справедливее к узурпатору, нежели византийские риторы, пережившие его падение ^{88b}.

В противоположность Васильеву, Дилю и Баклер с их высокой оценкой личности и деятельности первых Комнинов в 20-е и 30-е годы распространяется другое, гораздо более критическое представление о комниновском периоде истории Византии. В рецензии на книгу Баклер Э. Штейн напоминал, что при всем могуществе восстановленного Алексеем государства Византия XII в. никак не может идти в сравнение с цветущей державой времен Иоанна Цимисхия или Василия Болгаробойцы ⁸⁹. По мысли Штейна, в VII в. в Византии победила «военно-крестьянская демократия», обеспечившая успехи империи. Переворот Комнинов, напротив, закрепил победу землевладельческой знати: крестьяне попадают в зависимость от динатов, что подрывает основы византийского могущества ⁹⁰.

Концепция Штейна, представляющая, как легко можно видеть, модификацию взглядов Успенского (см. выше, стр. 70), широко распространяется

⁸⁸ W. Miller.— BNJ, 7, 1930, S. 218.

^{88a} M. Paulová. Účast Srbů při třetí výpravě křížové.— BS, 5, 1933—1934, str. 256 a d.

^{88b} M. Bachmann. Die Rede des Iohannes Syropulos an den Kaiser Isaak II. Angelos. München, 1935, S. 50.

⁸⁹ E. Stein.— «Historische Zeitschrift», 194, 1931, S. 554.

⁹⁰ E. Stein. Untersuchungen zur spätbyzantinischen Verfassungs- und Wirtschaftsgeschichte.— «Mitteilungen zur Osmanischen Geschichte», II, 1923, Hf. 1—2, S. 8.

в исторической литературе. Ее принимает, в частности, А. Тойнби, относящий упадок (breakdown) «православной христианской цивилизации» (т. е. Византии) к началу XI в. и усматривающий сущность этого упадка в росте имущественного неравенства, обеднении крестьянства и других аналогичных явлениях⁹¹. В ряде общих трудов по истории средних веков (где, надо сказать, Византии XII в. обычно не отводят самостоятельного места) мы встретим неодобрительную оценку деятельности Алексея; его внешнеполитические успехи объясняются случайными моментами, например ослаблением Норманского государства⁹².

Среди средневековедческих работ этих лет серьезным вниманием к комниновскому периоду выделяется книга Л. Альфана⁹³. Французский историк ставит вопрос о совпадении (coincidence) общественного развития Западной Европы и Византии XII в.: и там и здесь в это время укрепляется монархическая власть (стр. 193). Казалось бы, Византия, подобно другим государствам Европы, избавилась от господства землевладельческой знати и централизация стала здесь реальностью (стр. 199 и сл.).

Вопрос о совпадении путей развития Византии и Запада в XII в. заслуживает пристального внимания. Можно было ожидать, что постановка этой проблемы наведет Альфана на мысль об однородности социальных причин этого явления на Западе и на Востоке. Но нет, отмеченное им совпадение остается для Альфана лишь случаем (hasard) (стр. 193): если монархи Запада отвоевывали в то время регалии и расширяли домен, то византийское самодержавие зиждилось на чисто военной диктатуре (стр. 199). В самом характере государей династии Комнинов ищет Альфан разгадку того, что «больной человек» обрел новые силы, а также в ослаблении турецкого натиска и в помощи крестоносцев (стр. 194).

Приглядываясь к аргументации Альфана — она во многом искусственна. Конечно, натиск турок был остановлен еще до I крестового похода, а крестоносные полчища доставили Комнинам лишь новые неприятности (напомню хотя бы постоянные столкновения византийцев с Антиохийским княжеством в XII в.). И императорский домен в Византии XII в., по всей видимости, рос и укреплялся. И упрочение экономики провинциальных городов, по-видимому, здесь также имело место, выявляя еще одну аналогию с западным развитием. Совпадение, о котором говорит Альфан, может быть, вовсе не было таким случайным, как это кажется французскому историку...

В появившейся в 1940 г. «Истории Византийского государства» Г. А. Острогорского большое внимание уделено было внутренней истории Комнинов. Автор подробно рассматривает административные и финансовые мероприятия Алексея, систему проний и харистикарную систему, экономическое состояние государства при Мануиле, реформы Андроника. Но и в этой работе трактовка комниновского периода остается противоречивой.

Действительно, Острогорский отмечает величие Алексея как государственного деятеля⁹⁴, Иоанна называет величайшим среди Комнинов (стр. 266), говорит о возвращении к «здоровым отношениям средневи-

⁹¹ A. J. Toynbee. A Study of History, vol. IV. Oxford—London, 1939, p. 72.

⁹² C. Stephenson. Mediaeval History. New York—London, 1935, p. 294f. Ср. J. R. Strayer, D. C. Munro. The Middle Ages. New York—London, 1942, p. 224.

⁹³ L. Halphen. L'essor de l'Europe (XIe—XIIIe siècles). Paris, 1941. Первое издание вышло в 1932 г.

⁹⁴ G. Ostrogorsky. Geschichte des byzantinischen Staates. München, 1940, S. 258.

зантийской эпохи» при Мануиле (стр. 278). И рядом с этим — порча монеты (стр. 260), удвоение налогового бремени, разрушение финансовой мощи государства (стр. 261), нужда населения (стр. 279).

Почему же одаренные императоры, несмотря на укрепление государства (стр. 264, 269), в конечном счете привели страну к крайне тяжелому положению? Острогорский ищет разгадку в развитии феодализма, разлагавшего государственное единство (стр. 265). Видя в феодализме главное зло, Острогорский (вместе с Гельцером и Васильевым) расценивает Андроника как борца с феодализмом (стр. 281). Но император был бессилен сокрушить звать, давно уже превратившуюся в оплот государства: разгром знати подорвал основы обороны империи (стр. 282).

Изучение византийского феодализма позволило Острогорскому в дальнейшем конкретнее обрисовать процессы роста крупного землевладения в XI—XII вв. Действуя в интересах господствующего класса феодалов (*la classe féodale dominante*), Комнины широко осуществляли раздачу проний, подрывая значение свободного крестьянства⁹⁵. С ростом феодального землевладения укреплялся в XII в. и иммунитет⁹⁶. Комнины были бессильны помешать увеличению числа частновладельческих крестьян⁹⁷.

В соответствии с новыми наблюдениями Острогорский во втором издании «Истории Византийского государства»⁹⁸ несколько меняет общую оценку деятельности Комнинов. Замечание о величии Алексея как государственного деятеля теперь убрано — зато Острогорский подчеркивает непрочность и временность (*superficial and temporary*) комниновской реставрации. Позиции империи не основывались при Комнинах на «здоровом внутреннем состоянии», и это обрекало их деятельность на неудачу (стр. 316).

Итак, Острогорский преодолевает противоречие, поставившее в тупик Васильева и Дила, — противоречие между величием политики Комнинов и конечным крахом империи. Никакого величия не было — был поверхностный и временный подъем (случайный, если пользоваться терминологией Альфана), не основанный на каких-либо существенных исправлениях внутренних зол. Империя Комнинов была феодальным государством, феодальные силы составляли его оплот (стр. 332), политика осуществлялась в интересах крупной собственности (стр. 348).

Трактовка политики Комнинов как феодальной династии, действовавшей в интересах землевладельческой знати, придавала концепции Острогорского целостность. Комнины приобрели свое социальное лицо, и это лицо, казалось бы, хорошо объясняет их внутреннюю политику. Однако мы вновь оказываемся перед скрытым противоречием.

Действительно, если феодализм это только разрушительная, центробежная сила, как с его помощью объяснить несомненный факт укрепления империи к началу XII в.? Пусть мы назовем реставрацию непрочной и временной, но как бы то ни было, феодальной династии ее удалось

⁹⁵ G. Ostrogorski j. Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles, 1956, p. 26 (перевод его сербской работы: Г. Острогорски. Пронија. Београд, 1951).

⁹⁶ Г. А. Острогорский. К истории иммунитета в Византии. — ВВ, XIII, 1956, стр. 73 (работа переведена на французский язык: G. Ostrogorski j. Pour l'histoire de l'immunité à Byzance. — Byz., 28, 1958).

⁹⁷ G. Ostrogorski j. Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie byzantine. Bruxelles, 1956, p. 33.

⁹⁸ Немецкое издание вышло в 1952 г. и с дополнениями — в 1963 г., французский перевод в 1956 г., два английских перевода в 1956 и 1957 гг., в 1959 г. появилось сербское издание. Ниже цитируется по: G. Ostrogorski j. History of the Byzantine State. Oxford, 1956.

достичь. Действовавшая в интересах феодальной знати, раздававшая земли феодалам династия все-таки добилась укрепления авторитета императорской власти (стр. 332). Если же мы допустим, что феодальные элементы тоже могут нести в себе тенденции прогрессивные, или, скажем мягче, тенденции к укреплению государства, то окажется, что сам по себе рост феодализма не может объяснить упадок империи к концу правления Мануила. Недаром же Острогорский говорит, что Андроник в борьбе с аристократией сокрушал жизненный элемент (the vital element) государства и его обороны (стр. 353). И разве не чисто феодальным было войско, разгромившее в 1203—1204 гг. Византийскую империю?

Острогорский значительно приблизился к решению «загадки Комнинов», попытавшись определить социальную почву этой династии. Он превратил их из гениальных героев в выразителей интересов класса феодалов. Но это еще не объясняло подъема Византии в конце XI—XII столетий.

Мы подходим к последнему этапу в развитии зарубежной историографии—к периоду после второй мировой войны. В это время «загадка Комнинов» привлекает все меньше и меньше внимания. Монографических исследований, посвященных этой теме, практически нет. В общих трудах мы сталкиваемся с уже знакомыми и также противоречивыми оценками Комнинов. По-прежнему доминирует личное, психологическое объяснение их деятельности, по-прежнему вопросы внутренней политики остаются, как правило, далеко на заднем плане.

Некоторые исследователи продолжают линию безоговорочного прославления Комнинов. По мнению греческого историка К. Амандоса, только личные качества Алексея как полководца и политика объясняют его успехи⁹⁹, ибо тяжелое положение вынуждало его даровать привилегии венецианцам, обесценить монету, увеличить налоги, раздавать земли знати (стр. 317 и сл.). Очень благосклонно относится Амандос к Иоанну и Мануилу, но о внутренней политике первого он вообще ничего не может сообщить, а из реформ Мануила упоминает лишь те, которые свидетельствуют о его «либеральном духе» (стр. 357): упорядочение судопроизводства, запрет самопродажи в рабство, уравнение евреев перед судом. Напротив, Амандос полемизирует с Фальмерайером в оценке Андроника (стр. 367) и рисует последнего Комнина безжалостным тираном (стр. 363 и сл.).

В работе Амандоса успехи и неудачи империи оказываются непосредственным результатом энергии и таланта государей.

И хотя, казалось бы, в середине XX в. трудно было ожидать возрождения столь идеалистического подхода к «загадке Комнинов», тем не менее у Амандоса были сторонники. Так, Ш. Лежье в обширном повествовании о судьбах Византии в IX—XII вв. уделяет немало места Комнинам, но ограничивается чисто личной их характеристикой. Лежье заявляет, что Алексей начинает «новую эру»¹⁰⁰, но мы так и не узнаем, в чем она заключалась,— разве что в создании богаделен (стр. 456 и сл.). Деятельность Иоанна выводится из его благородства (стр. 461), Мануила — из противоречивости его характера (стр. 507), Андроника — из отсутствия истинного величия и настоящей морали (стр. 512 и сл.). Оценки, вполне достойные де Бюриньи или Лебо.

Столь же хвалебные и чисто личные характеристики Комнинам содержит книга Ш. де Клерка¹⁰¹. Об эпохе Комнинов как о времени воз-

⁹⁹ K. J. A m a n t o s. *Ἱστορία τοῦ Βυζαντινοῦ κράτους*, т. 2. Αθήναι, 1947, σελ. 320.

¹⁰⁰ Ch. Legier. *L'Orient Chrétien*. Paris, 1950, p. 356.

¹⁰¹ Ch. de Clerque. *Dix siècles d'histoire byzantine*. Paris—Bruxelles, 1946, p. 53.

рождения (revival) говорит Дж. Ла Монте, но он не ищет социальных корней этого возрождения, ограничиваясь восхвалением талантов Алексея, Иоанна, Мануила и Андроника, преемники которых, увы, были лишены способностей¹⁰². Р. Хойт пишет об умелой политике Алексея, вернувшему государству «здоровые, хотя и ограниченные основы»¹⁰³.

Впрочем, игнорировать вовсе социальные проблемы правления Комнинов после работ Острогорского было уже нелегко. Поэтому большая часть исследователей старается соединить чисто психологические характеристики государей по крайней мере с упоминанием о феодализме и росте крупной собственности. При этом неминуемо обнаруживаются уже знакомые нам противоречия.

Как время последнего расцвета (un dernier éclat) рассматривает комниновский период К. Каэн, объясняющий укрепление Византийского государства в XII в. иными — внешнеполитическими причинами, а именно тем, что с потерей Малой Азии исчезли самые крупные роды византийской знати и государство могло теперь сдерживать центробежные силы¹⁰⁴. Заманчивое объяснение Каэна, однако ж, находится в противоречии с тем, что уже с середины XI в. наиболее значительные феодальные мятежи вспыхивали как раз не в Малой Азии, а в Македонии.

Французский историк Л. Брейе писал, что империя была спасена династией Комнинов, сумевшей реорганизовать государство¹⁰⁵. Он высоко оценивает Алексея I (стр. 295), Иоанна называет одним из лучших византийских императоров (стр. 320), говорит о попытках Мануила реформировать государство (стр. 328), и тут же мы узнаем, что Алексею не удалось восстановить «старое социальное и политическое равновесие» (стр. 297), что Мануил оставил империю разоренной (стр. 328). С одной стороны, Комнины вознесли империю на высшую ступень могущества (стр. 319), с другой, они ослабили авторитет государства (стр. 292).

К этой эклектичной трактовке Комнинов Брейе присоединяет и социальную характеристику, заимствуя ее у Острогорского. Комнины — выразители интересов знати, они способствуют росту крупных аристократических и возрастанию монастырской собственности (стр. 292), что мирно уживается, впрочем, с конфискацией монастырских имуществ при Алексее (стр. 298)¹⁰⁶.

Те же противоречия остаются и в другой работе Брейе, посвященной византийским учреждениям: Алексей то выступает вождем военной знати¹⁰⁷, то осуществляет политику централизации (стр. 140).

Вполне традиционной и противоречивой остается у Брейе и характеристика Андроника I, одновременно великого реформатора и безжалостного тирана¹⁰⁸.

Таким образом, суждения Брейе эклектичны. Не приближая нас к пониманию сущности политики Комнинов, они еще более отчетливо обнаруживают противоречивость существующих мнений. Действительно, осуществили ли Комнины реформу государства или ограничились только

¹⁰² J. L. La Monte. The World of the Middle Ages. New York, 1949, p. 324—328.

¹⁰³ R. S. Hoyt. Europe in the Middle Ages. New York, 1957, p. 232.

¹⁰⁴ Cl. Cahen.— In: «Histoire générale des civilisations», vol. III: Le Moyen âge. Paris, 1955, p. 308.

¹⁰⁵ L. Bréhier. Vie et mort de Byzance. Paris, 1947, p. 292.

¹⁰⁶ В ранней работе Брейе высказывал мысль, что Алексей лишил монастыри и «архонтов» привилегий и иммунитетов (L. Bréhier. Alexis I.— «Dictionnaire d'histoire et de géographie ecclésiastiques», vol. II. Paris, 1914, col. 385).

¹⁰⁷ L. Bréhier. Les institutions de l'Empire byzantin. Paris, 1949, p. 386.

¹⁰⁸ L. Bréhier. Vie et mort..., p. 346 sq. Cp. idem. Andronik Ier.— «Dictionnaire...», vol. II, col. 1780—1782.

раздачей титулов¹⁰⁹ и изменением системы набора в армию¹¹⁰? Добились ли они централизации или ослабили государственный аппарат? Раздавали ли земли монастырям или конфисковали монастырские имущества? Ясности по-прежнему нет.

Г. Мосс повторяет старую характеристику Гельцера, считая победу Комнинов торжеством крупных земельных собственников над столичным чиновничеством. Он проявляет известный интерес к экономической жизни, отмечая отказ богачей (*wealthy classes*) участвовать в морской торговле и связывая ухудшение солида с потерей азиатских провинций. Но экономические факторы для Мосса, как и для Брейе, не могут служить объяснением подъема империи — только «военный гений» Алексея, только таланты «блестящей династии» спасли страну вопреки всем экономическим и политическим затруднениям¹¹¹.

В той же манере подается история Комнинов и у С. Превитэ-Ортона: Алексей действовал в трудных условиях, но он спас страну¹¹², хотя и был вынужден для этого прибегать к крайнему напряжению податного гнета, к раздаче земель знати (стр. 534 и сл.). При Мануиле страна достигла полного расцвета (*the full bloom*), но была ослаблена распространением системы проний и неудачной реорганизацией флота (стр. 539). (Отмечу попутно, что эта реформа флота в действительности имела место при Иоанне: Превитэ-Ортон повторяет ошибку Шаландона.) Действия Андроника — «эра реформ» (стр. 541), хотя непонятно, откуда такая острая потребность в реформах после столь благополучного царствования одаренных полководцев и администраторов.

Подобно Брейе и Моссу, Р. Гийан рассматривает Комнинов как представителей аристократии, сумевших восстановить жизнеспособное государство¹¹³, но их конкретные мероприятия в описании Гийана отнюдь не объясняют такого восстановления: Алексей ухудшил монету, взимал тяжелые подати (стр. 228), Мануил ослабил империю (стр. 227). К тому же укрепилось положение крупных собственников (стр. 221), торговля перешла в руки итальянских купцов (стр. 222 и сл.), флот находился в упадке (стр. 223). Где же, наконец, силы, вызвавшие к жизни упрочение империи? Алексей не мог подавать тех зол, которые грозили стране (стр. 226), и только Андроник выступил защитником угнетенных (стр. 228).

То же самое противоречие мы находим у Дж. Хассей, называющей Комнинов великой династией¹¹⁴, Алексея — умелым администратором (стр. 58 и сл.), Мануила — блестящим правителем (стр. 62), а вместе с тем рисуящей тяжелое экономическое положение Византии (стр. 67) и сочувствующей ее «несчастному населению» (стр. 59). Это противоречие приобретает у Хассей еще более конкретный характер. Она считает Комнинов династией земельных магнатов (стр. 53, 60), полагает, что в создавшихся условиях одно лишь господство землевладельческой знати могло укрепить государство (стр. 54), связывает с победой Комнинов отсрочку на сто лет распада империи (стр. 53) и одновременно усматривает в феодализме ту силу, которая ослабила авторитет государства и вызвала хозяйственный упадок (стр. 67).

¹⁰⁹ L. Bréhier. *Vie et mort...*, p. 296; *idem*. *Les institutions...*, p. 138 sq.

¹¹⁰ L. Bréhier. *Vie et mort...*, p. 298; *idem*. *Les institutions...*, p. 386.

¹¹¹ H. St. L. B. Moss. — In: «Byzantium. An Introduction to East Roman Civilization». Oxford, 1948, p. 28 f.

¹¹² C. W. Previté-Orton. *The Eastern Empire under the Comneni*. In: «The Shorter Cambridge Mediaeval History», vol. I. Cambridge, 1952, p. 532.

¹¹³ R. Guillard. *L'Empire byzantin*. — In: «Histoire universelle», vol. II. Paris, 1957, p. 225 sq.

¹¹⁴ J. M. Hussey. *The Byzantine World*. London, 1957, p. 60.

Противоречие, обнаруживаемое в концепции Хассей, позволяет заметить, что «загадка Комнинов» все больше сводится к проблеме феодализма. Был ли феодализм только разрушающей «раковой болезнью» (как писал еще Гельцер) или в нем заключались какие-то творческие элементы, позволяющие обществу двигаться вперед?

Противоречия между традиционным взглядом на Комнинов как на династию героев и столь же традиционным представлением о финансовом гнете и хозяйственном упадке Византии комниновского периода можно было попытаться решить, пожертвовав апологетическим отношением к этой династии. Именно так поступил П. Лемерль в рецензии на Брейе, где он объявил уступки Алексея крупной светской и духовной знати началом несчастий Византии¹¹⁵. Лемерль перечислял — совсем в духе Штейна или Тойнби — социальные бедствия, ослабившие империю: рост крупной собственности, закрепощение крестьянства, исчезновение воинских наделов, иммунитеты (стр. 167).

Но так было в рецензии. Позднее Лемерль все более склонялся к представлению о неизменности социальных условий в Византии и, в частности, пришел к выводу о сохранении при Комнинах старой воинской организации: нет оснований считать, полагал он, что иноземцы в Византии обычно получали землю за службу¹¹⁶. Он стал говорить о прочности империи, о ее экономическом процветании в XII в., хотя она постепенно теряла главный источник своего богатства — роль посредника между Западом и Востоком¹¹⁷.

Более последователен в негативной оценке Комнинов П. Мутафчиев. Он прямо говорит о темных сторонах деятельности Алексея и объясняет их тем, что поставленный у кормила аристократией государь должен был выполнить требования этой группы¹¹⁸. Иоанн не обращал внимания на внутренние нужды государства и дал развиваться разрушительным социальным и экономическим тенденциям (стр. 493). При Мануиле свободное крестьянство почти исчезает, уступая место бесправному сельскому населению на земле крупных собственников (стр. 509). И только при Андронике византийское самодержавие предпринимает последнюю попытку справиться с аристократией (стр. 515).

Как период внутреннего разложения (*die innere Auflösung*), связанного с ростом феодализма, рассматривает это время и Г. Хауссиг¹¹⁹. И. Данструп также выдвигает на передний план упадок, охвативший империю при Комнинах¹²⁰. Об этом упадке пишет и Ф. Гансхоф¹²¹.

Крайне неблагоприятно судит об Алексее I Б. Лейб, однако его осуждение вызывает не уступка венецианским купцам или раздача земель в проиу. Лейб критикует Алексея с религиозных и моральных позиций — за несовершенное христианство (*un christianisme incomplet*). Опираясь на узкую группу военачальников, Алексей игнорировал обще-

¹¹⁵ P. Lemerle. Une nouvelle histoire de Byzance. — «Journal des Savants», 1948, juillet—décembre, p. 159.

¹¹⁶ P. Lemerle. Recherches sur le régime agraire à Byzance: la terre militaire à l'époque des Comnènes. — «Cahiers de civilization médiévale», II, 1959, № 3, p. 279.

¹¹⁷ P. Lemerle. Histoire de Byzance. Paris, 1956, p. 99 sq.

¹¹⁸ П. Мутафчиев. История на Византия, ч. I. София, 1947, стр. 489 и сл.

¹¹⁹ H. W. Haussig. Kulturgeschichte von Byzanz. Stuttgart, 1959, S. 389.

¹²⁰ J. Danstrup. Manuel I's coup against Genoa and Venice in the Light of Byzantine Commercial Policy. — «Classica et mediaevalia», X, 1949, p. 202. К сожалению, мне осталась недоступной его работа об Андронике: *idem*. Recherches critiques sur Andronic Ier. Lund, 1945. Согласно заметке Ф. Дэльгера (F. Dölger. — BZ, 43, 1950, S. 135), Данструп (вслед за Коньяссо) показал, что политика Андроника вовсе не была враждебной венецианцам.

¹²¹ F. L. Ganshof. Le moyen âge. Paris, 1953, p. 80, 173.

ственное благо¹²². Он не был ни самым достойным, ни самым благородным в среде византийской аристократии — вот почему против него без конца создавались заговоры¹²³. Трактовка Лейба, как легко видеть, возвращает нас далеко назад, во времена Лебо.

Наиболее последовательно, но совершенно с иных, с материалистических позиций, критикует политику Комнинов Г. Кордатос. Переворот Комнинов, согласно Кордатосу, привел к победе класса феодалов, что влекло за собой новые налоги, притеснения, нищету¹²⁴. Кризис был настолько глубок, что народные массы предпочитали власть турок (стр. 539).

По словам Кордатоса, Комнины — защитники господствующего класса в целом: они действовали в интересах феодалов, высшего чиновничества, крупных купцов и духовной знати, тогда как мелкая торговля и ремесло оставались в пренебрежении (стр. 543). Гнет был настолько значителен, что даже среди феодалов многие ненавидели Комнинов (стр. 540).

Кордатос рисует картину дезорганизации государственного аппарата, армии и флота (стр. 550) и особо — губительное влияние монашества (стр. 552 и сл.).

В это критическое время к власти пришел Андроник, энергичный вождь, которого искали народные массы (стр. 569). Он провел реформы в защиту бедноты, и Кордатос даже сравнивает его с Аристиком Пергамским (стр. 576). Андроник хотел установить всеобщее равенство, но его современники, еще не созрели для таких общественных порядков (стр. 584) — воззрение, которое мы уже встречали у Радойчича.

Сторонникам критического взгляда на Комнинов нельзя отказать в последовательности: противоречие между одаренностью Комнинов и печальными последствиями их политики находит, таким образом, свое разрешение. Но сторонники такого взгляда выбрасывают вместе с водой и ребенка — самое «загадку Комнинов». Сказать, что при Комнинах было плохо, отнюдь не значит объяснить причину укрепления государства. Какую бы социологическую фразеологию мы при этом ни использовали, как бы ни называли Комнинов феодалами из феодалов, мы не поймем при негативно-критическом суждении о них, почему из развала и хаоса XI в. родилось жизнеспособное государство.

Но спросим себя, действительно ли совершили Комнины те преступления, в которых их обвиняют от Лебо до Кордатоса. Говорят, что при Комнинах возрос податный гнет, но кто может доказать это, если мы не знаем податных норм ни при Алексее I, ни, скажем, при Василии II? Говорят, что Алексей ухудшил монету, но в последнее время была высказана мысль, что известная инфляция может соответствовать интересам экономического прогресса¹²⁵; следовательно, мероприятия Алексея вполне могут быть объяснены не произволом, а экономической необходимостью. И, кстати сказать, такая инфляция должна была облегчить положение именно тех, кто платил ренту и налог в денежной форме.

Говорят, далее, что Комнины погубили византийское ремесло и торговлю, но в последнее время становится все более отчетливым, что именно на правление Комнинов приходится подъем провинциальных городов,

¹²² В. L e i b. Aspects religieux de la révolution des Comnènes (1081).— «Orientalia Christiana Periodica», XXI, 1955, p. 203 sq.

¹²³ В. L e i b. Complots à Byzance contre Alexis I Comnène.— BS, 23, 1962. См. мои возражения: ВИ, 1963, № 9, стр. 185 и сл.

¹²⁴ G. K. K o r d a t o s. 'Ιστορία τῆς Βυζαντινῆς αὐτοκρατορίας, т. 1. Ἀθήναι, 1959, σελ. 537.

¹²⁵ Ph. G r i e r s o n. Coinage and Money in the Byzantine Empire.— «Settimane di studio del Centro italiano di studi sull'alto medioevo». Spoleto, 1961, p. 444 sg.

по крайней мере на Балканах¹²⁶, что Комнины поддерживали и поощряли рост городов¹²⁷. Комнинам ставят в вину капитуляцию перед землевладельческой знатью, но разве не противоречит этому редкость иммунитетных грамот Иоанна и Мануила¹²⁸?

Из всех этапов византийской истории комниновский период привлекал, пожалуй, наименьшее внимание марксистской историографии. В общих курсах истории средних веков, как правило, Византия XII в. не находила себе особого места, о ней вспоминали лишь в связи с крестовыми походами. Историки-медиевисты обычно ограничивались тем, что определяли Комнинов как ставленников «крупнейшей знати»¹²⁹, как представителей «крупнейшего землевладения»¹³⁰, «крупного феодального землевладения»¹³¹, «провинциальной военно-служилой знати»¹³². Иногда к этому прибавляли, что династия Комнинов «окончательно узаконяет господство новой прочно сложившейся теперь в Византии феодальной аристократии»¹³³ или что Комнины содействуют поглощению феодалами остатков свободного крестьянства¹³⁴.

Интересующая нас «загадка Комнинов» оставалась, таким образом, вне поля зрения советских медиевистов. Не поставлена эта проблема и в анонимной статье «Комнины» во втором издании «Большой Советской Энциклопедии», где мы также читаем, что политика этой династии «была направлена на укрепление феодальных отношений». Комнины беспощадно подавляли «многочисленные» (?) народные восстания, содействовали закреплению крестьянства, увеличивали налоговый гнет, игнорировали интересы ремесла и торговли. Остается непонятным, как подобные мероприятия могли привести к укреплению государства, особенно в труднейших внешнеполитических условиях, унаследованных Комнинами, — впрочем, автор удовлетворяется тем, что успехи Комнинов «не могли быть прочными в период прогрессировавшего феодального распада Византии»¹³⁵.

Более глубокий анализ социальной политики Комнинов мы находим у М. В. Левченко. По его мнению, Комнины опирались на союз наиболее могущественных аристократических родов, которые, потеряв свои латифундии в Малой Азии, тесно сплотились вокруг правящей династии и компенсировали себя важными и прибыльными должностями в центре и в провинции. Это позволило господствующему классу на столетие задержать «распад государства», тем более что сохранившиеся города давали обильные доходы¹³⁶.

¹²⁶ D. A. Z a k y t h e n o s. Korreferat zu E. Kirsten. Die byzantinische Stadt.— «Beiträge zum XI. Byzantinisten-Kongress». München, 1958, S. 50. Cp. P. T i v - č e v. Sur les cités byzantines aux XIe—XIIe siècles.— «Byzantinobulgarica», I, 1962, p. 149.

¹²⁷ A. G l y k a t z i - A h r w e i l e r. Les fortresses construites en Asie Mineure face à l'invasion seldjoudide.— «Akten des XI. Byzantinisten-Kongresses». München, 1960.

¹²⁸ F. D ö l g e r. Die Kaiserurkunden des Johannes-Theologos-Klosters auf Patmos.— BZ, 28, 1928, S. 342.

¹²⁹ С. И. А р х а н г е л ь с к и й. История средних веков. Горький, 1937, стр. 138.

¹³⁰ Е. А. К о с м и н с к и й. Лекции по истории средних веков. М., 1938, стр. 196.

¹³¹ История средних веков, т. I. М., 1941, стр. 444.

¹³² З. В. У д а л ь ц о в а. Византийская империя в XI—XV вв.— В кн.: История средних веков, т. I. М., 1952, стр. 567.

¹³³ А. Д. У д а л ь ц о в. Византия. Южные славяне. Арабы. М., 1940, стр. 12.

¹³⁴ В. Ф. С е м е н о в. История средних веков. М., 1961, стр. 107.

¹³⁵ БСЭ², т. 22, 1953, стр. 281.

¹³⁶ М. В. Л е в ч е н к о. История Византии. М.—Л., 1940, стр. 198. Есть английский, французский, болгарский и новогреческий переводы этой книги.

Ценность концепции Левченко заключается в том, что он не ограничивается приложением к Комнинам словечка «крупнейшая землевладельческая знать» или «феодалная аристократия», но стремится выяснить конкретные судьбы феодалной знати, позволившие укрепить распатанное государство. Сплочение высшей феодалной знати, использование сохранившихся городов — это, действительно, реальные материальные условия, которые *могли бы* привести к упрочению империи. Может показаться, что «загадка Комнинов» решена.

Однако обратимся еще раз к концепции Левченко. По его мысли, материальную базу возрожденной империи составляли доходы от *сохранившихся* городов. Следовательно, нет оснований думать, что эти доходы в XII в. были более значительными, чем в XI столетии, когда империя трещала по всем швам. Левченко допускает сокращение византийской торговли, экономическую зависимость от Венеции, падение ценности монеты (стр. 214 и сл.). Значит, экономические условия Византии XII в., какими их рисует Левченко, сами по себе еще не объясняют возрождения империи при Комнинах.

Не объясняет его и тот социальный фактор, о котором говорит Левченко, — превращение провинциальной знати в служилую, в чиновничество. Будь это так, империя просто вернулась бы к прежнему статусу, существовавшему в середине XI в., когда политику направляла, пользуясь словами самого Левченко, «партия гражданских чиновников» (стр. 172), приводя страну к кризису. И действительно, обращаясь к характеристике конкретной политики Комнинов, Левченко изображает ее совсем не похожей на политику в интересах сплотившейся вокруг императора знати. «Права и средства центрального правительства, — говорит Левченко, — постепенно и незаметно переходили в руки феодалной знати» (стр. 208), следовательно, осуществлялась не централизация, а децентрализация управления. Система обороны строилась «на экономически мощном крупном землевладении» (стр. 210), что опять-таки никак не соответствует политике консолидации сил феодалов. Левченко говорит о создании экзистированных округов, где судебная и административная власть принадлежала земельным собственникам (стр. 210), — и это отнюдь не свидетельствует о консолидации феодалного государства.

Таким образом, Левченко стремился выяснить социальную природу власти Комнинов, совершенно основательно полагая, что именно в этом кроется решение «загадки Комнинов». Но конкретный анализ привел его к противоречивому решению: чтобы объяснить упрочение империи, он выдвинул концепцию консолидации сил феодалов вокруг государя, но реальные действия Комнинов рисовал как способствующие распаду государственного единства.

С позиций социального анализа стремился объяснить деятельность Комнинов и М. Я. Сюзюмов. По его мнению, победа Комнинов явилась переломным моментом в процессе перехода Византии к развитому феодализму. Победа феодалов губительно отразилась на судьбах городов, которые с конца XI в. приходят в упадок. Ослабление городов лишает императорскую власть возможности маневрировать между феодалами и торгово-ремесленной верхушкой и заставляет капитулировать перед феодалами¹³⁷. Упрочение феодалных институтов приводит к торжеству феодалной раздробленности, к сепаратистским движениям, к распаду империи (стр. 57 и сл.).

¹³⁷ М. Я. Сюзюмов. Борьба за пути развития феодалных отношений в Византии. — «Византийские очерки». М., 1961, стр. 53 и сл.

Нетрудно убедиться, что концепция Сюзюмова объясняет лишь ослабление Византии в конце XII в., а не возрождение ее в конце XI столетия. Пусть «гибельные последствия политики Комнинов обнаружались лишь впоследствии» (стр.—54),— эта политика должна была содержать какие-то конструктивные элементы и отвечать каким-то социально-экономическим потребностям эпохи, если Комнинам действительно удалось воссоздать из руин могущественную империю.

В более поздней статье Сюзюмов характеризовал Алексея как представителя провинциальной знати и писал, что в XII в. оформляются феодальные институты. Государство активно содействовало закабалению крестьян феодалами, хотя и оставалось по-прежнему «бюрократической монархией»¹³⁸. Все это опять-таки не разрешает «загадки Комнинов», однако существенно, что теперь, в отличие от предыдущих статей, Сюзюмов допускает экономический подъем провинциальных городов (стлб. 453). Так нащупывается экономический фактор, который мог бы служить одной из причин укрепления Византийского государства¹³⁹.

Лишь один момент в истории комниновского периода вызвал пристальное внимание историков-марксистов — деятельность Андроника Левченко, поддерживая мнение Фальмерайера, назвал правление последнего Комнина «демократической монархией», считая, что он опирался на «нижние слои народа», боролся против эксплуататоров крестьянства и произвел «замечательные перемены во внутреннем управлении»¹⁴⁰. И авторы учебника по истории средних веков для университетов полагали, что Андроник поддерживал «гибнущее свободное крестьянство»¹⁴¹.

Пересмотр представления о народном характере власти Андроника был начат в советской историографии З. В. Удальцовой, которая считала, что он выступил не ради действительного облегчения судеб народных масс, но в целях укрепления своего господства. Но как бы то ни было, исследовательница признает, что Андроник облегчил налоговое бремя, упростил бюрократический аппарат, боролся с вымогательствами¹⁴².

Те же идеи были развиты М. М. Фрейденбергом в специальном исследовании о правлении Андроника. Фрейденберг также полагает, что у Андроника была «широкая программа реформ административного и фискального аппарата»¹⁴³, реформ, которые, впрочем, не затрагивали основ господства класса феодалов, хотя и нанесли серьезный ущерб чиновничеству (стр. 41 и сл.). Эта программа отвечала интересам части провинциального дворянства, она была выдвинута под давлением классовой борьбы в Константинополе (стр. 48).

Взгляды Фрейденберга нашли полную поддержку в работе Г. Г. Литаврина¹⁴⁴. И по его мнению политика Андроника была вызвана «страхом перед усилением классовой борьбы угнетенных» (стр. 96); и по его мнению Андроник, выступая против крупных феодалов, привлекал на свою сторону представителей мелкого и среднего феодального землевладения, а также свободное крестьянство и городских ремесленников и торговцев (стр. 97).

¹³⁸ М. Я. Сюзюмов. Византия.— СИЭ, т. III, 1963, стлб. 452 и сл.

¹³⁹ Об экономическом подъеме Византии в первой половине XII в. см. также А. П. К а ж д а н, Г. Г. Л и т а в р и н. Очерки истории Византии и южных славян. М., 1958, стр. 205 и особенно стр. 106—109.

¹⁴⁰ М. В. Л е в ч е н к о. Указ. соч., стр. 215 и сл.

¹⁴¹ История средних веков, т. I, 1941, стр. 445.

¹⁴² З. В. У д а л ь ц о в а. Византийская империя в XI—XV вв., стр. 569 и сл.

¹⁴³ М. М. Ф р е й д е н б е р г. К истории классовой борьбы в Византии в XII веке.— Уч. зап. Великолукского пед. ин-та, 1954, стр. 38.

¹⁴⁴ Г. Г. Л и т а в р и н. Налоговая политика Византии в Болгарии в 1018—1185 гг.— ВВ, X, 1956, стр. 92 и сл. Ср. стр. 96.

Не принимал мысль о «демократичности» Андроника и К. Н. Юзбашян, хотя и он призывал, что положение народных масс улучшилось в результате реформ этого императора¹⁴⁵. Как и Фрейденберг, Юзбашян считал, что Андроник был вынужден пойти на уступки народным массам, опасаясь обострения классовой борьбы (стр. 34). Но если для Фрейденберга Андроник — вождь провинциального дворянства, ограничивающий произвол чиновничества (иными словами, продолжатель традиционной линии Комнинов, как ее понимал Гельцер и его последователи), то для Юзбашяна последний Комниин — «носитель идеи централизма» (стр. 31), действующий в интересах крупной столичной бюрократии (стр. 35).

И Сюзюмов подверг критике теорию «демократичности» Андроника, который, по его мнению, действовал демагогически в отношении крестьянских масс¹⁴⁶. Сюзюмов в какой-то мере приближается к взглядам Юзбашяна, полагая, что задачей Андроника было создать централизованную греческую монархию (стр. 68), но он совершенно по-иному определяет социальную опору реформатора. Как мы помним, Сюзюмов считал, что до конца XI в. византийские императоры поддерживали городскую знать; династия Комнинов, осуществляя политику провинциальных феодалов, перестала защищать интересы торгово-ремесленных кругов (стр. 58 и сл.). Действия Андроника, напротив, в основном соответствовали интересам торговых кругов столицы (стр. 67).

Точку зрения Сюзюмова воспринял и польский историк О. Юревич, считавший, что Андроник выражал интересы городской знати и ремесленной верхушки¹⁴⁷. Вместе с тем Юревич полагает, что Андроник действительно пошел на уступки крестьянству и осуществил «оздоровление аграрных отношений в провинции» (стр. 117, 139 и сл.). Но Андроник не искал подлинной опоры в крестьянстве и городском плебсе, и это привело его к краху (стр. 141).

Совершенно по-иному оценивает деятельность Андроника болгарский исследователь П. Тивчев. Как и Фрейденберг, он подчеркивает, что реформы Андроника не привели к каким-либо переменам в социальном строе империи; более того, переходя от lamentаций Никиты Хониата к анализу деловых документов, Тивчев показывает, что реформатор на деле покровительствовал крупным феодальным сеньорам¹⁴⁸. У Андроника, полагает Тивчев, не было солидной социальной опоры, союз крестьянства и горожан с новым правительством явился временным и непрочным (стр. 35 и сл.). Объединение разнородных оппозиционных сил было вызвано общей ненавистью к политике Комнинов, покровительствовавших феодальной знати (стр. 22 и сл.).

Плодотворность изучения реформ Андроника в марксистской историографии очевидна. Давно уже выяснилась несостоятельность идеалистической трактовки их как выражения воли гениального кутилы. Не приближала к пониманию их сути и попытка свести деятельность Андроника к борьбе национальной партии против латинян¹⁴⁹. Радойчич и Ко-

¹⁴⁵ К. Н. Ю з б а ш я н. Классовая борьба в Византии в 1180—1204 гг. IV крестовый поход. Ереван, 1957, стр. 33, 35.

¹⁴⁶ М. Я. С ю з ю м о в. Внутренняя политика Андроника Комнина и разгром пригородов Константинополя в 1187 году.— ВВ, XII, 1957, стр. 65 и сл.

¹⁴⁷ О. J u r e w i c z. Andronik I. Komnenos. Warszawa, 1962, str. 115.

¹⁴⁸ P. T i v č e v. Le règne de l'empereur de Byzance Andronic Ier Comnène (1183—1185).— BS, 23, 1962, p. 34 sq.

¹⁴⁹ Н. П. Соколов убедительно показал, в частности, что Андроник не придерживался антивенецианской политики (Н. П. Соколов. Образование Венецианской колониальной империи. Саратов, 1963, стр. 307 и сл.). К сожалению, от него ускользнуло, что эта мысль уже была высказана Коньяссо и Данструпом (см. выше, стр. 91, прим. 120).

няссо впервые поставили вопрос о социальной подоплеке борьбы партий после смерти Мануила, но они оперировали с весьма неконкретными категориями: «клир», «народ» и т. п. В марксистской историографии проблема была перенесена в сферу изучения конкретных социальных групп, действовавших в 80-е годы XII в. Реформы Андроника были поставлены в связь с борьбой классов.

Правда, сразу же обнаружилось, что решить эту проблему нелегко, что на данном этапе возможны различные гипотезы, но как бы то ни было, несостоятельность концепции Фальмерайера обнаружилась со всей очевидностью.

Но чтобы разрешить вопрос о социальной природе деятельности Андроника, необходимо понять, против чего она была направлена. Он выступал против режима, упрочившегося при первых Комнинах, — но чем же был этот режим? Если Андроник действовал в интересах городской верхушки, то нужно предположить вместе с Сюзюмовым, что первые Комнины ущемляли развитие городов. Но мы видели, что сам Сюзюмов пришел к признанию экономического подъема городов при Комнинах. Если Андроник действовал — так полагал Фрейденберг — в интересах провинциальной знати, то выходит, что первые Комнины были противниками провинциальной знати. Но этот тезис противоречит ставшему общим местом представлению о развитии феодальных порядков при этой династии. Если Андроник (по мнению Тивчева) покровительствовал крупным собственникам, то выходит, что его политика не отличается в принципе от политики первых Комнинов, но в таком случае оказывается непонятной вся острота борьбы 80-х годов. Если Андроник восстанавливал централизацию — таково суждение Юзбашяна, — то выходит, что первые Комнины ослабили государственный аппарат, а это никак не вяжется со всей централизаторской деятельностью Алексея, Иоанна и Мануила.

И вот мы останавливаемся перед тем, с чего начали: мы не можем понять реформы Андроника, если не решим «загадку Комнинов», если не поймем причин возрождения империи в конце XI в. Странное дело! История комниновского периода, по сути дела, не стала еще предметом монографического изучения, если не считать темы «Андроник Комнин» и двух книг Шалацона, где внутренняя история — самая слабая область. В общих же работах по поводу Комнинов были высказаны самые противоположные взгляды: от безоговорочного осуждения до безоговорочного панегирика. На трактовке комниновского периода сказались политические и философские воззрения, религиозные и националистические предубеждения. Сказалось идеалистическое преклонение перед сильной личностью и пренебрежение ролью народных масс. Сказались монархистские идеалы и ненависть к абсолютизму. И все же развитие историографии Комнинов имело свою, внутреннюю закономерность.

Наука начала с представления, будто Комнины творили историю по своему произволу. Лебо казалось, что их политика была успешной, когда трон занимал добрый монарх, и пагубной, когда к власти приходил порочный государь. Затем выяснилось, что народ — это не только пассивная глина, из которой монарх лепит историю. Народ приобрел право оказывать сопротивление деятельности монарха, и тогда на консерватизм византийского народа легла вина за безуспешность политики императоров. Дальше стало ясным, что императоры сами отнюдь не всегда вольны в своей политике, что они выражают требования политических партий. Вслед за тем начала вырисовываться экономическая основа политической борьбы: развитие феодальных процессов, судьбы городов оказались более мощными факторами, чем воля государей. И, наконец, сделан последний

шаг — экономическое развитие было увязано с политической борьбой и поставлен вопрос о конкретных социальных корнях политических акций.

Разумеется, в наше время нельзя искать объяснения политики Комнинов в психологии и моральном уровне государей, а ведь именно так поступают и поныне Лежье, Лейб и иные исследователи, отстаивающие вчерашний день в науке.

Но социальный анализ — не игра в слова. Недостаточно сказать, что Комнины выражали интересы всего господствующего класса: это так же неопределенно, как и представление, будто они были ненавистны «всем». Немногим лучше ставшее ходовым определение Комнинов как выразителей интересов феодальной аристократии вообще. В 1081 г. произошла смена группировок господствующего класса у кормила правления. В чем она состояла? Какая группа пришла к власти?

Попытка видеть в Комнинах носителей феодальной анархии тоже не оправдала себя. Только поиски конструктивных начал в их деятельности могут дать решение «загадки Комнинов» и объяснить столетний период упрочения империи.

Наряду с методологией прогрессировали и методы. Для Лебо нарративные источники были главным материалом; Тафель, Васильевский и Успенский сделали очень много, расширив круг памятников, служащих для изучения внутренней истории XII в. Привлечение актов, археологических и нумизматических данных позволяет приблизиться к более объективному суждению о комниновском периоде.

Первым исследователям был свойственен произвол в подборе данных. С именем Остера связана первая (пусть не всегда удачная) попытка критически и всесторонне рассмотреть совокупность источников. Назрела пора еще раз проделать эту работу с учетом нового материала и применительно ко всему столетию.

Я. Н. ЛЮБАРСКИЙ

ОБ ИСТОЧНИКАХ «АЛЕКСИАДЫ» АННЫ КОМНИНОЙ

Вопрос об источниках «Алексиады» Анны Комниной никем подробно не разбирался. Е. Остер¹, Ф. Шаландон² и Дж. Баклер³ ограничиваются указанием на те источники, о которых говорит сама Анна, и отмечают факт использования историографом документального материала. Наша задача — выявить, где это окажется возможным, источники «Алексиады», а в тех случаях, когда эти источники сохранились, сравнить их с текстом «Алексиады» с целью анализа метода работы Анны как историографа.

Как и большинство других средневековых историков, Анна постоянно провозглашает истину основной целью своего труда. Стремление к истине действительно свойственно историографу. Когда речь идет не о характеристике Алексея или близких к нему лиц, Анна стремится к объективности, точности и полноте охвата материала. Анна, как правило, не заполняет домислами пустоты своей памяти, а при отсутствии точных сведений признается в незнании. Так, историограф не может точно сказать, от какой болезни умер Роберт Гвискар (III, р. 56)⁴, не утверждает ничего определенного по поводу того, была ли женщина, оборонявшая город от Исаака Контостефана, сестрой Боэмунда (III, р. 78), затрудняется назвать причину, по которой аль-Афдал отпустил бесплатно латинских пленников (III, р. 55), и т. д.

Нередко Анна приводит несколько версий одних и тех же событий и затрудняется признать какую-либо из них достоверной. Так, историограф в двух вариантах излагает историю появления Лжемихаила, причем оба их считает вполне правдоподобными (I, р. 44—45). Точно так же, по словам писательницы, одни утверждали, что экс-императрица Евдокия хотела выдать за Вотаниата свою дочь Зою, другие — что хотела выйти за него замуж сама (I, р. 108).

Однако наиболее убедительным доказательством стремления Анны быть по возможности точной являются лакуны в тексте «Алексиады». Большинство лакун в «Алексиаде» обнаруживается в тех местах, где следовало бы предполагать дату (II, р. 206.25; III, р. 218.28), географическое наименование (III, р. 14.30; 197.28) или личное имя (II, р. 180.15; III, р. 69.12; 108.31; 165.20). По-видимому, писательница, не зная того или

¹ E. O s t e r. Anna Comnena, II. Rastatt, 1870, S. 32 f.

² F. C h a l a n d o n. Essai sur le règne d'Alexis Ier Comnène. Paris, 1900, p. XI sq.

³ G. B u c k l e r. Anna Comnena, a study. Oxford, 1929, p. 229 f.

⁴ Все ссылки на «Алексиаду» даются по изданию: A n n e C o m n è n e. Alexiade, règne de l'empereur Alexis I Comnène, 1081—1118. Texte établi et traduit par B. Leib, I—III. Paris, 1937—1945.

иною названия или даты, оставляла пропуски, которые в дальнейшем не успела или забыла заполнить. Таким образом, Анна, если не в освещении событий, то в передаче фактов, не только на словах, но и на деле стремится к истине. Однако насколько надежны источники, которыми пользуется писательница?

* * *

Еще в античности историографы считали своим долгом повествовать главным образом о событиях, очевидцами которых они сами были. У многих византийских авторов мы также находим заверения в том, что они наблюдали события, которые описывают. Подобные заверения нередко можно встретить и в «Алексиаде». Так, писательница видела и восхищалась Никифором Диогеном, который готовил покушение на Алексея, но, будучи ослеплен, занялся науками и изучил даже геометрию (II, р. 185). Сама Анна видела и описываемый ею приют св. Павла, реконструированный Алексеем (III, р. 185). Можно предположить, что уже с начала 90-х годов многие эпизоды восстанавливаются историографом по памяти. Надо учесть, что Анна — не простая современница описываемых событий. Она — императорская дочь, на ее глазах «делается история». Сама Анна пишет о том, что ей «не пришлось жить домоседкой, наслаждаясь тенью и роскошью», что «она в большинстве случаев находилась с отцом и сопутствовала матери» (III, р. 174).

Об источниках своих сведений кое-что сообщает сама Анна. Большею частью писательница говорит об устных рассказах участников событий. Византийская принцесса, жившая при дворе, Анна находится в родственных связях или во всяком случае близко знакома со всеми сколько-нибудь заметными деятелями своей эпохи, имеет возможность слышать рассказы, передаваемые по свежим следам событий. В «Алексиаде» она неоднократно ссылается на сведения, полученные от ее царственных родителей (I, р. 28; II, р. 100—101; III, р. 115 и др.), от дяди, Георгия Палеолога (III, р. 175), от матери ее первого жениха Константина Марии (I, р. 105) и т. д. Не говорим уже о том, что с ней делился богатыми воспоминаниями Никифор Вриенний, участник многих событий того времени.

Следы этих рассказов подчас нетрудно заметить в «Алексиаде». Так, бросается в глаза, что Анна с большей подробностью и детализацией повествует о событиях, непосредственным участником которых был Георгий Палеолог⁵. Очень подробно рассказывается Анной также о перевороте Комнинов, участие в котором принимали все близкие историографа как по отцовской, так и по материнской линии, и т. д.

Даже в тех случаях, когда Анна не оговаривает, откуда получена ею информация, мы иногда можем с достаточной степенью достоверности назвать источник ее сведений. Например, еще Ф. Шаландон предположил, что о походе крестоносцев через Малую Азию в Сирию и Палестину информацию Анне доставлял полководец Татикий⁶. О том периоде, когда Татикий сопровождал крестоносную армию, сообщения Анны весьма обстоятельны и достоверны. О событиях же, имевших место после того, как Татикий покинул крестоносцев, Анна сообщает бегло и весьма путано⁷. Конечно, не могла Анна не слышать рассказов и Евстафия Камицы, который, бежав из турецкого плена, явился к императрице Ирине, расска-

⁵ См., например, эпизод битвы под Диррахием 1081 г. (I, р. 150 sq.).

⁶ F. Chalandon. Op. cit., р. XVII.

⁷ См. Я. Любарский. Замечания о хронологии XI книги «Алексиады» Анны Комниной. — ВВ, XXIII, 1963, стр. 47 и сл.

зал ей о кампании Алексея, а затем повторил свой рассказ на площади перед народом (III, р. 170—172).

Кроме этих известных полководцев и деятелей эпохи Алексея, Анна ссылается на «тех, кто участвовал в походах вместе с самодержцем и с оказией пересылал нам сведения о событиях войны» (III, р. 175).

До сих пор речь шла о сведениях, полученных Анной еще в молодые годы, в тот период, когда византийская принцесса жила при дворе своего отца. Как свидетельствует сама писательница⁸, основную часть сведений Анна собрала уже при Мануиле, т. е. в тот период, когда она непосредственно приступила к труду историка. Какими же источниками Анна имела возможность пользоваться в это время?

Как известно, «Алексиада» писалась ею в монастыре, куда она была сослана после неудачной попытки отнять власть у царственного брата Иоанна. Сведения об этих годах жизни историографа противоречивы. Сама Анна постоянно жалуется на свое вынужденное одиночество, а согласно некоторым другим источникам, она пользовалась определенной свободой и отнюдь не находилась в полной изоляции от мира. Более того, достаточно противоречивы и слова самой Анны. В VII главе XIV книги, где писательница повествует главным образом о себе, Анна пишет: «...До сих пор живут и здравствуют люди, знавшие моего отца; они рассказывают о нем (τὰ κατ' αὐτὸν ἀφηγηόμενοι), и от них я почерпнула немало для своей истории» (III, р. 174). В данном случае речь может идти как об устных, так и о письменных рассказах стариков — современников Алексея, ибо глагол ἀφηγέσθαι употребляется в значении «рассказывать устно» и «рассказывать письменно» (второе толкование, судя по контексту, менее вероятно). Вскоре Анна сообщает следующее: «Доступ ко мне закрыт даже людям низкого звания, не говоря уже о близких моего отца и о тех, от кого я могла бы узнать то, что им случилось услышать от других. Клянусь душами блаженных самодержцев, вот уже тридцатый год, как я не видела людей моего отца, не встречалась и не беседовала с ними, ибо одни из них умерли, другие (из-за неустойчивого положения вещей) боятся... Что же касается полученных мною исторических сведений, то, свидетель бог и его всевышняя мать — моя госпожа, я собрала их из простых и совершенно безыскусных сочинений (ἑογγραμμάτων ἀχρείων) и от стариков, которые были воинами в то время, когда мой отец взял в свои руки ромейский скипетр, но, встретившись с несчастиями, сменили мирские волнения на мирную монашескую жизнь. Попавшие в мои руки сочинения обладают простым незатейливым слогом, придерживаются истины, написаны без всяких ухищрений и лишены риторической выпренности. Рассказы стариков по своему языку и слогу были такими же, как и эти сочинения...» (III, р. 175—176).

В данном случае Анна уже ясно говорит об источниках двух типов: письменных («простые и совершенно безыскусные сочинения») и устных («рассказы стариков»). Таким образом, в пределах одной главы Анна клянется в том, что не встречается ни с кем, кто бы мог ей рассказать об Алексее, и в то же время ссылается на устные рассказы современников отца. Такое противоречие можно объяснить лишь упорным желанием писательницы занять позу отверженной изгнанницы, ее стремлением представить себя (даже вопреки сообщаемым ею самой фактам) мученицей в глазах читателей.

⁸ «... Главным образом я собрала сведения во время правления третьего императора после моего отца» (III, р. 175. 8—10).

Можно, следовательно, утверждать, что и в последние годы Анна пользовалась устными сообщениями престарелых сподвижников Алексея⁹.

Кроме рассказов, услышанных от сравнительно широкого круга лиц, Анна иногда использует и слухи, молву (ἡ φήμη), которая всегда возникает вокруг всех сколько-нибудь заметных исторических событий. Однако, к чести для историографа, Анна прибегает к помощи столь ненадежного источника не очень часто, хотя в отдельных случаях писательница сама ссылается на молву. Так, сообщение Анны о том, что первым крестоносцем, отправившимся в поход, был Готфрид Бульонский, основывается на «распространившемся повсюду слухе» (τῆς φήμης διαδραμοῦσης ἀπανταχοῦ — II, р. 209)¹⁰. Такой же источник имеет и сообщение писательницы о том, что во время осады Диррахия латиняне начали готовить огромную деревянную башню еще до неудачи с другими осадными орудиями (III, р. 97).

В перечисленных выше случаях Анна сама ссылается на молву как на источник своей информации, в ряде других мест сам характер рассказов заставляет предполагать их полуполюгендарное происхождение. Так, Анна, ни словом не упоминая ни о Клермонском соборе, ни о призывах папы Урбана II, считает главным зачинщиком собора Петра Пустынника. Скорее всего, это результат влияния ее источников — рассказов простых крестоносцев, народных легенд и т. д.: ведь именно Петр был предводителем крестьянской массы в крестоносном движении и самой популярной личностью среди простых крестоносцев. Характерно, что Альберт Аахенский, сведения которого в большинстве случаев основываются на устных рассказах и легендах, сообщает нам ту же версию¹¹. Такое же происхождение имеет, видимо, и сообщение Анны о тучах саранчи, предшествовавших приходу крестоносного воинства (II, р. 209)¹². Полулегендарный характер имеет также рассказ Анны о переправе Боэмунда, которого якобы перевезли в Италию под видом мертвеца (III, р. 50—52).

Характерно, что ни о саранче, предвадившей пришествие крестоносцев, ни о необычной переправе Боэмунда не говорится ни в одном из западных источников, но оба эти эпизода излагаются в хронике Зонары¹³. Так как у нас нет никаких данных об общем письменном источнике этих двух авторов, остается предположить, что оба они черпали свои сведения в слухах, распространявшихся в Византии и неизвестных на Западе. Таковы наши сведения об устных источниках «Алексиады».

* * *

Нами уже приводились слова Анны о том, что она почерпнула немало сведений из «простых и совершенно безыскусных» сочинений стариков — бывших соратников Алексея. Ни одно из подобных произведений до нас не дошло, и можно лишь догадываться, что это были неприятательные сочинения непосредственных участников событий, людей, описывавших

⁹ В тексте «Алексиады» встречается немало ссылок на безымянных очевидцев или участников событий (см. I, р. 104, 106, 130—131; II, р. 62, 183; III, р. 97 и др.).

¹⁰ На самом деле первым западным рыцарем, отправившимся в крестовый поход, был Гуго Вермандуа, не говоря уже о том, что рыцарскому войску предшествовало крестьянское ополчение под водительством Петра Пустынника.

¹¹ См. Н. V. S y b e l. Geschichte des ersten Kreuzzuges. Leipzig, 1881, S. 98, Anm. 3.

¹² Ср. P. L e m e r l e. Byzance et la croisade. — «Relazioni del X congresso internazionale di scienze storiche». Roma, 1955, vol. 3, p. 600.

¹³ См. I o a n n i s Z o n a r a e epitomae historiarum libri XIII—XVIII, ed. Th. Büttner—Wobst. Bonnae, 1897, p. 742, 749—750.

то, что они видели собственными глазами («одни описывали одно, другие — другое», — сообщает Анна). В этих записках сообщалось главным образом о военных экспедициях (авторами этих произведений, по словам Анны, были бывшие воины).

Из других историков и хронистов своего времени Анна ссылается, и притом неоднократно, лишь на сочинение своего мужа Никифора Вриенния¹⁴. Вопрос о соотношении произведений Никифора и Анны не привлекал внимания исследователей из-за своей кажущейся элементарности. Анна не только ссылается на «Записки» Вриенния, но широко ими пользуется, а в некоторых случаях и почти дословно излагает. Даже в тех частях, где «Алексиада» совершенно независима от сочинения Вриенния, между этими произведениями есть немало общего в языке, стиле и характере отношения к изображаемым событиям¹⁵. Эта общность вполне понятна. Анна расценивает свой труд как продолжение сочинения Вриенния. Анна и Вриенний — муж и жена, люди одного круга, одной культуры, одного уровня образования. Тем не менее на фоне этой общности ярко проступают различия между обоими авторами. Эти различия представляют большой интерес, ибо дают возможность судить о своеобразии Анны как историографа и о методах использования Анной своих источников. Ведь «Записки» Вриенния — почти единственный сохранившийся до наших дней источник, которым широко пользуется писательница.

Более половины I книги «Алексиады» (гл. 2—9) состоит из скомпонованных частей «Записок» Вриенния. Из сочинения мужа Анна заимствует рассказы о борьбе Алексея с взбунтовавшимся норманским наемником Руселем (Nic. Вр., р. 86—93; Anna, I, р. 11—16), о борьбе Алексея с мятежником Вриеннием Старшим (Nic. Вр., р. 134—147; Anna, I, р. 17—27) и о подавлении Алексеем мятежа Василага (Nic. Вр., р. 148—156; Anna, I, р. 28—36). В перечисленных местах «Алексиады» нет ни одного факта, который бы не находил соответствия в повествовании Вриенния. Исключение составляет лишь рассказ Анны о попытке уже плененного Вриенния Старшего убить Алексея. Но и в этом случае писательница специально оговаривает, что слышала эту историю от отца (I, р. 28). Таким образом, произведение мужа является единственным источником этой части «Алексиады». Самой Анне принадлежат лишь «переходы», связывающие между собой отрывки из сочинения Вриенния.

Почти нет никаких различий между Анной и Вриеннием и в оценке и освещении событий и героев. Единственное расхождение между авторами содержится в рассказе о начале восстания Вриенния Старшего. По Никифору, инициатором восстания был не сам Вриенний, а его брат Иоанн (I, р. 108—110), Анна же отдает инициативу восстания самому Никифору (I, р. 17). Свидетельство Анны подтверждается сообщением Михаила Атталиата¹⁶, писавшего историю по свежим следам событий. Настаивая на том, что восстание начал Иоанн, который заставил брата вопреки его воле поднять мятеж против Вотаниата и вступить в борьбу с молодым Алексеем, Вриенний хочет обелить своего отца (или деда)¹⁷. Анне же уже не было нужды выгораживать мятежника, и она восстанавливает истину.

¹⁴ Сочинение Вриенния цитируем по изданию: *Nicéphori Bryennii commentarii*, rec. A. Meineke. Bonnæ, 1836.

¹⁵ По выражению Дж. Баклер (op. cit., р. 230), «Алексиада» вполне могла принадлежать перу Вриенния. По мнению английской исследовательницы, «Алексиаду» от «Записок» отличает лишь более трудный и стилизованный язык.

¹⁶ *Michaelis Attaliotæ historia*, rec. I. Bekker. Bonn, 1853, р. 242.

¹⁷ Вопрос о том, был Никифор Вриенний Старший отцом или дедом мужа Анны, по-разному решается различными исследователями. См. об этом S. Wittek-De Jongh. *Le César Nicéphore Bryennios, L'historien et ses ascendants.* — *Byz.*, 23, 1953, р. 463—465.

Как показывает сличение текстов «Алексиады» Анны Комниной и «Записок» Вриенния, Анна почти нигде не переписывает сочинение своего мужа. Исключения составляют лишь речи и послания Алексея, включенные в произведение Никифора. Последние Анна передает почти дословно¹⁸. Это обстоятельство представляется нам весьма знаменательным: историограф не считает возможным подвергать значительным изменениям подлинные (или кажущиеся ей подлинными) слова своих героев.

Сопоставление текстов дает возможность выявить некоторые характерные ошибки, которые допускает Анна в передаче сочинения своего мужа. Приведем наиболее существенные из них.

1. По утверждению Анны (I, p. 5), «Записки» Вриенния начинаются со времени царствования Романа Диогена. На самом деле сочинение Никифора начинается с рассказа о первых Комнинах: Мануиле и его сыновьях Исааке и Иоанне — отце Алексея.

2. Согласно Никифору (p. 92—93), Алексей, возвращаясь с пленным и мнимо ослепленным Руселем, остановился в доме своего родственника Феодора Докиана. Докиан стал упрекать Алексея в чрезмерно жестоком обращении с Руселем, и в ответ на эти упреки Алексей «чудесным образом» возвратил зрение своему пленнику. Затем Алексей отправился в г. Кастамон, где находился дом его деда. По Анне (I, p. 15), встреча с Докианом и весь эпизод «исцеления» Руселя имели место в «городе деда Алексея», т. е. в Кастамоне.

3. Никифор (I, p. 136) описывает расположение войска Вриенния Старшего перед боем с Алексеем в следующих выражениях: ... τὸ δὲ μέσον τῆς φάλαγγος αὐτὸς ἐκείνος ὁ Βρυέννιος ἤγειν ἐν ᾧ τὸ τε ἀρχοντικὸν ἐτάχτητο ἄπαν καὶ Θρακῶν δὲ καὶ Μακεδόνων καὶ τῆς ἰπποῦ τῶν Θεσσαλῶν ὅσον ἐπίλεκτον. Анна передает это место таким образом: αὐτὸς δ' ὁ Βρυέννιος τὸ μέσον κατεῖχε τῆς φάλαγγος ἐκ τε Μακεδόνων καὶ Θρακῶν συντεταγμένον καὶ τοῦ ἀρχοντικοῦ σὺμπαντος ὅσον ἐπίλεκτον (I, p. 20). Вриенний говорит о знати (τὸ ἀρχοντικόν) и об отборной части (ὅσον ἐπίλεκτον) фракийцев, македонцев и фессалийской конницы. Анна же сообщает об отборной части (ὅσον ἐπίλεκτον) знати (τοῦ ἀρχοντικοῦ) фракийцев и македонцев.

4. В этом же эпизоде боя Алексея с Вриеннием, согласно Никифору (I, p. 137), Алексей осмотрел местность, увидел с одной стороны открытую равнину, а с другой стороны много холмов и лощин, так что часть фаланги Вриенния была скрыта, а другая видна. Анна (I, p. 21) передает это место следующим образом: «Тем временем мой отец Алексей осмотрел расположение местности и часть войска поместил в лощинах, а часть — лицом к лицу с войском Вриенния». Ошибка Анны очевидна: у Никифора на две части (спрятанную и стоящую открыто) разделено войско Вриенния, у Анны — Алексея. Далее у Никифора (I, p. 137—138) говорится, что отряд Алексея обрушивается на наступающее войско Вриенния «как бы из засады» (ὡσπερ ἀπὸ ἐνέδρας) и чуть было (μικροῦ δεῖν) не обращает в бегство неприятеля. У Анны отряд Алексея действительно выскакивает из засады и действительно обращает в бегство воинов Вриенния. Видимо, под находившимся в засаде отрядом Алексея Анна подразумевает ту часть ромейского войска, которую, по ее словам, Алексей поместил в лощинах. Но, как мы видели, это плод домыслов или, вернее, ошибки писательницы.

5. В описании схватки Никифора Вриенния Старшего с турками из войска Алексея у Никифора мы читаем (I, p. 144): «Один из них (турок. — Я. Л.), обнажив меч, дерзко бросился на Вриенния. Обернувшись, Вриен-

¹⁸ См., например, обращение Алексея к Тутаху с просьбой схватить Руселя (Анна, I, p. 11—12 = Nic. B. r., p. 86—87) и две речи Алексея перед амасийцами (Анна, I, p. 13 = Nic. B. r., p. 88; Анна, I, p. 14 = Nic. B. r., p. 89—90).

ний ударил его мечом и обрубил ему руку — рука вместе с акинаком пала на землю... Первый турок с отрубленной рукой (*ὁ πρῶτος τὴν χεῖρα ὑπ' αὐτοῦ ἐκτιμήσεις*), соскочив с коня, повис на спине Вриенния». У Анны (I, p. 26) на Вриенния бросается не «первый турок с отрубленной рукой», а «другой турок» (*ἄλλος*).

6. Согласно Никифору (I, p. 155), послом Алексея к мятежнику Василиаки был игумен Ксенофонтова монастыря на горе Афон — некий Симеон. У Анны эту роль исполняет монах Иоаннаки (I, p. 35). Ошибка писательницы вполне понятна: Анна помнит, что послом был монах, а монах Иоаннаки уже упоминался ею ранее в качестве доверенного лица Алексея (I, p. 31, 32).

7. Никифор (I, p. 154) называет Мануила племянником (*ἀδελφιδόξος*) Василиаки, у Анны он фигурирует в качестве брата (*ἀδελφός*) мятежника (I, p. 34).

Характер приведенных выше расхождений не оставляет сомнений в том, что в данном случае имеет место не сознательное исправление Анной текста Вриенния, а, наоборот, невольное его искажение. Интересно, что в некоторых случаях при лексической близости обоих текстов в «Алексиаде» содержится смысл, отличный от «Записок» Вриенния. Видимо, писательница, хорошо зная сочинение мужа, не переписывала его, а воспроизводила, часто отвлекаясь от текста.

Сличение текстов Анны и Вриенния показывает, что в «Алексиаде» опускается ряд фактических подробностей, содержащихся в «Записках». Так, Анна ничего не говорит о том, что Русель лично являлся к Тутаху с целью заключить союз против турок (Nic. Vr., p. 86), не упоминает о приближенных императора, требовавших возвращения Алексея с пленным Руселем в столицу (Nic. Vr., p. 91), не сообщает о перебежчике, явившемся к Василиаки и посоветовавшем ему напасть ночью на спящего Алексея (Nic. Vr., p. 149), и т. д. Эти примеры можно легко продолжить.

Однако, опуская фактические подробности, содержащиеся у Вриенния, Анна не только не сокращает повествования своего мужа, но, напротив, в ряде случаев значительно его расширяет. Это расширение происходит за счет двух тенденций, характерных для историографа: риторизации и драматизации рассказа Вриенния.

Во многих случаях, когда у Вриенния содержится простое упоминание о том или ином факте, в «Алексиаде» мы находим образную картину с явным привкусом риторики. В первую очередь это относится к описаниям боев и сражений. Как правило, Анна придает картинам боев определенную эпическую, «гомеровскую», окраску¹⁹. Это прежде всего достигается введением в повествование гомеровских цитат и мифологических реминисценций, отсутствующих у Вриенния (I, p. 21, 37) и др.

Вообще в описаниях сражений Анна риторическими средствами как бы вновь воссоздает картины боя, и факты, сообщенные Вриеннием, служат ей лишь отправным пунктом для творческой фантазии. Вот некоторые характерные примеры, которые сознательно заимствуются нами только из одного эпизода — сражения Алексея с Вриеннием Старшим.

Никифор сообщает о расположении войска Вриенния (p. 136): «Центром фаланги командовал сам Вриенний, там находилась вся знать и отборная часть фракийцев, македонян и фессалийских всадников, за левым флангом на расстоянии двух стадий впереди стояло союзное скифское

¹⁹ Об эпических чертах стиля Анны см. R. Katičić. "Αννα ἡ Κομνηνὴ καὶ ὁ βίηρος. — ЕЕВΣ, 27, 1957. Р. Катичичу возражал Ф. Дэльгер (BZ, 51, 2, 1958, p. 420). Заметка Ф. Дэльгера вызвала в свою очередь развернутый ответ Р. Катичича ("Η ἀρχαιολογία καὶ τὸ ἐπίχρον πνεῦμα εἰς τὴν Ἀλεξιάδα τῆς Ἀννας Κομνηνῆς. — ЕЕВΣ, 29, 1959).

войско»²⁰. Анна после сообщения о том, из кого состоял центр строя Вриенния, прибавляет: «Все они сидели на фессалийских конях, их железные латы и шлемы на головах сверкали, кони поводили ушами, бряцание щитов и шлемов наводило ужас. Находившийся в середине Вриенний, как Арей или древний гигант, на целый локоть возвышался над всеми, вызывая своим обликом изумление и страх. Вне строя, примерно на расстоянии двух стадий, расположились союзники-скифы, вооруженные по-варварски» (I, р. 20).

Никифор просто рассказывает о том, как турки из войска Алексея завлекли в засаду воинов Вриенния, а затем, повернувшись, бросились на неприятеля (р. 142). В соответствующем месте «Алексиады» содержится следующая картина (I, р. 25—26): «По условному знаку из разных мест, словно рой ос, высыпали находившиеся в засаде всадники. Боевыми клинками, шумом и непрерывной стрельбой из луков они оглушили Вриенния и его воинов и ослепили их дождем падающих отовсюду стрел».

В некоторых случаях Анне удается создать образные и впечатляющие картины боевых эпизодов. Вот характерный пример. Захватив коня Вриенния, Алексей распорядился отправить его вместе с глашатаем к своему обратившемуся в бегство воинству с целью приободрить воинов и заставить их прекратить бегство. Никифор просто сообщает, что уловка Алексея «заставила многих бегущих остановиться, а иных и вернуться» (р. 139—140). Анна же в следующих выражениях описывает эффект произведенный появлением глашатая с конем: «Это известие заставило собраться отовсюду и вернуться многих рассеявшихся воинов великого доместика схол—моего отца, а других побудило к стойкости. Воины как вкопанные остановились там, где их застал голос глашатая, обратили назад свои взоры и были поражены неожиданным зрелищем. Что за странная это была картина! Головы коней обращены вперед, лица самих всадников повернуты назад, они не двигаются и не хотят повернуть назад, они изумлены и приведены в недоумение всем происходящим» (I, р. 23). Тенденция к риторизации и драматизации рассказа характерна и для всех прочих частей «Алексиады».

С этой тенденцией тесно связано и стремление Анны к характеристике и воссозданию образов исторических персонажей. В тех случаях, когда Никифор ограничивается краткой и беглой характеристикой, Анна подчас дает развернутые и гиперболические описания. Так, начиная рассказ о борьбе Алексея с Василаки, Анна подробно характеризует последнего (I, р. 29). Никакого соответствия в тексте Вриенния эта характеристика не имеет. Приступая к повествованию о сражении Алексея с Никифором Вриеннием Старшим, Анна прибегает к своему любимому приему: сопоставлению обоих противников (I, р. 19). Подобного сопоставления также нет в тексте «Записок» Вриенния.

Сравнение текстов Анны и Никифора позволяет сделать вывод, что Анна, сохраняя, как правило, документальный (или кажущийся ей документальным) материал из своего источника, опускает ряд фактических деталей, не имеющих большого исторического значения, и допускает некоторые мелкие ошибки в изложении фактов. Не будучи слишком внимательной к передаче исторических деталей, Анна всегда стремится к художественному и риторическому воспроизведению данных своего источника. Последняя тенденция находится в явном противоречии с собственными заявлениями Анны о том, что она стремится избегать всяких риторических прикрас²¹.

²⁰ Нами уже частично цитировалось это место, см. выше, стр. 104.

²¹ Склонный к самоуничижению, Вриенний скромно называет свой труд «материалом для истории», в то время как Анна, гордясь своим образованием и талантом, заяв-

Сочинение Вриенния — единственное дошедшее до наших дней произведение, из которого на протяжении целого ряда глав черпает свои сведения Анна. Однако в «Алексиаде» содержится сравнительно большой экскурс в прошлое, источники которого поддаются определению. Анализ этого эпизода и его источников представляет определенный интерес, ибо добавляет некоторые детали для характеристики метода Анны-историографа.

Упомянув о храме св. Феклы в Константинополе (I, p. 127), Анна считает своим долгом поведать историю его основания, рассказывает о том, как вожди даков (т. е. венгров) отказались соблюдать мирный договор с ромеями, как об этом стало известно савроматам (т. е. печенегам), которые перешли по льду замерзшего Дуная и напали на Византию, как против печенегов выступил император Исаак Комнин (1057—1059), который заключил мир с западными варварами (т. е. с венграми), а над печенегами одержал победу. На обратном пути, продолжает Анна, у Ловеча войско Исаака постигла буря, во время которой чуть не погиб сам Исаак. Чудом спасшись, он по возвращении в Константинополь основал храм св. Феклы.

Благодаря характерным деталям, сохраненным Анной в этом рассказе, нетрудно заметить контаминацию двух одновременных событий. Переход печенегов по льду Дуная имел место в конце 40-х годов XI в. Это была первая волна печенежского наступления на Византию, когда северные соседи империи под командованием Тираха впервые перешли ее границы²². Поход же Исаака Комнина состоялся в 1059 г.²³

Мы имеем возможность также определить, какими источниками в данном случае пользовалась Анна и что привело писательницу к ошибке. Начиная со слов *υερίοιστοι πρότερον* (I, p. 127.22) и до... *δεινῶς ἐλήζοντο τὰς παρακειμένας πόλεις καὶ χώρας* (I, p. 128.1) текст Анны представляет собой почти буквальное переложение текста Михаила Пселла²⁴. После этого Анна сразу же переходит к рассказу о походе Исаака Комнина, а Пселл пускается в длительные рассуждения о вероломстве и коварстве скифского племени²⁵ и лишь затем обращается к повествованию о походе Исаака и при этом бегло упоминает о буре, постигшей войско

ляет о том, что вполне способна взять на себя труд историка. Видимо, Анна на самом деле расценивает труд мужа как материал для своего сочинения. Стремление к художественному воспроизведению текста Вриенния лишний раз характеризует Анну как историографа с сильно развитыми светскими тенденциями (см. Я. Л ю б а р с к и й. Мировоззрение Анны Комниной. — Уч. зап. Великолукского пед. ин-та, вып. 24, 1964, стр. 169 сл.).

²² Об этом наступлении печенегов и об их переходе по льду Дуная рассказывается в сочинениях Пселла (*Michel Psellos. Chronographie ou histoire d'un siècle de Byzance (976—1077), texte établi et traduit par E. Renauld, II. Paris, 1928, p. 124—125*), Скилицы (*Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae ope ab I. Bekkero supplementus et emendatus, II. Bonn, 1839, p. 545*) и Иоанна Мавропода (*Ioannis Mavropodae in codice Vaticano graeco 676 supersunt, ed. P. de Lagarde. — Abh. d. hist.-philol. Cl. d. Gesellsch. d. Wissensch. zu Göttingen, XXVII, 1, 1881, cap. 182*). Обычная датировка этого события — 1048 г. Лишь в только что появившейся статье А. П. Каждана («Иоанн Мавропод, печенеги и русские в середине XI в.» — ЗРВИ, кн. VIII. *Mélanges G. Ostrogorsky. Београд, 1963, стр. 177 сл.*) поход Тираха датируется 1046—1047 гг.

²³ О походе Исаака рассказывают Михаил Атталиат (p. 66—68), Продолжатель Скилицы (*Cedr. II, p. 645*), Зонара (p. 671—672); см. также сообщения Пселла (*K. Sathas. Bibliotheca graeca medii aevi, V. Paris—Venetia, 1876, p. 416 sq.*; *Michaëlis Pselli Scripta minora magnam partem adhuc inedita, ed. E. Kurtz—F. Drexler, II. Milano, 1941, p. 178 sq.*; ср. В. Васильевский Византия и печенеги. — «Труды», I. СПб., 1908, стр. 25 сл.).

²⁴ *Psellos. Chronogr., II, p. 124—125.*

²⁵ *Ibid., p. 125—127.*

возвращающегося императора²⁶. Михаил Пселл, современник обоих упомянутых событий, конечно, не мог объединить в один эпизод разных лет. Рассказ о вторжении печенегов Тираха для Пселла — далекая предыстория похода Исаака Комнина. Однако вольная композиция этого рассказа и отсутствие точных хронологических указаний порождают определенную нечеткость повествования, способную ввести в заблуждение читателя, незнакомого с хронологией событий. Следуя неверно понятому ею Пселлу, Анна заимствует у него эпизод с переходом по льду печенегов Тираха, но в рассказе о походе Исаака отходит от текста «Хронографии», ибо в последней он изложен недостаточно подробно.

С каким же источником контаминирует Анна «Хронографию» Пселла? Как уже отмечалось, рассказ о походе Исаака Комнина и о буре, постигшей его войско, кроме Анны, передают Михаил Атталиат, Продолжатель Скилицы и Зонара. Рассказ Зонары, явно восходящий к Продолжателю Скилицы²⁷, не мог служить источником для Анны, ибо он значительно более краток и беден деталями, чем повествование писательницы. Рассказы Михаила Атталиата и Продолжателя Скилицы отнюдь не независимы друг от друга: второй явно восходит к первому²⁸. Что же касается текста Анны, то он восходит не непосредственно к Атталиату, а к Продолжателю Скилицы по следующим соображениям.

Во-первых, у Атталиата нигде не говорится об основании храма Феклы, о нем сообщается лишь у Продолжателя Скилицы. Этот факт, как уже отмечалось, дает Анне повод для всего рассказа. Во-вторых, в тех случаях, когда между Атталиатом и Продолжателем Скилицы встречаются какие-либо расхождения (чаще всего лексического характера), Анна, как правило, примыкает к Продолжателю Скилицы. Вот некоторые примеры: 1) Атталиат называет древнюю Софию, куда прибыл Исаак, Сердикой (р. 67), Продолжатель Скилицы и Анна — Триадией (Cedg., II, р. 645; Anna, I, р. 128. 2—3; 2) Атталиат следующим образом датирует бурю, обрушившуюся на войско Исаака (р. 67.20—21): *σεπτέμβριου μηνός ἐτι τὸν δρόμον ἐλαύνοντος*. У Продолжателя Скилицы (II, р. 646.11—13): *σεπτέμβριος ἦν ἡμέραν ἄγων καὶ καθ' ἣν ἡ τῆς ἁγίας πρωτομάρτυρος Θέκλας ἑορτὴ τελεῖται χριστιανοῖς*; у Анны (I, р. 128. 23—25): *εἰκοστὴν πρὸς τῇ τετάρτῃ τοῦ Σεπτέμβριου ἄγοντος ἐν ἣ τῆς μεγαλομάρτυρος Θέκλῆς μνήμη τελεῖται*; 3) Атталиат говорит о наступившем затишье (р. 68. 4—5): *ἀναστολῆς γενομένης*. У Продолжателя Скилицы (II, р. 648.18) и Анны (I, р. 129.5): *ἀναστολῆς μετρίας γενομένης*; 4) Атталиат говорит о дереве, чуть не убившем при своем падении императора (р. 68.11): *ρίζοθεν τμηθεῖσα*. У Продолжателя Скилицы (II, р. 646.23) и Анны (I, р. 129. 13—14): *ρίζοθεν ἀνασπασθεῖς*.

Таким образом, анализируемый нами отрывок «Алексиады» представляет собой результат контаминации эпизодов, заимствованных у Михаила Пселла и Продолжателя Скилицы. Интересно, что писательница не просто присоединяет друг к другу эпизоды, заимствованные у разных авторов, но старается тесно связать их в один рассказ. Так, уже первая фраза разбираемого отрывка представляет собой не

²⁶ Psellos. Chronogr., II, р. 127.

²⁷ Как утверждает сам Зонара (р. 673), его сведения о времени Исаака Комнина почерпнуты из сочинений Пселла и Фракия (т. е. Скилицы). Целый ряд совпадающих деталей неопровержимо свидетельствует о том, что рассказ о походе Исаака Зонара почерпнул в сочинении Продолжателя Скилицы.

²⁸ K. Krumbacher. Geschichte..., S. 367; Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, I. Berlin, 1958, S. 340. См. также: А. П. К а ж д а н. Критические заметки по поводу изданий византийских памятников.— ВВ, XVIII, 1961, стр. 285 сл.

что иное, как контаминацию двух фраз — Пселла и Продолжателя Скилицы. Анна (I, p. 127): ἐπεὶ γὰρ ἄς πάλαι εἶχον οἱ τῶν Δακῶν ἀρχηγέται μετὰ τῶν Ῥωμαίων σπονδὰς τηρεῖν εἰσέτι οὐκ ἤθελον, ἀλλὰ παρασπονδήσαντες διέλυσαν, τοῦτου δὲ δήλου τοῖς Σαυρομάτοις γεγονότος, οἱ πρὸς τῶν πάλαι Μυσοὶ προσηγορεύοντο, οὐδὲ αὐτοὶ τοῖς ἰδίοις ὀρίοις ἐμμένοντες ἤθελον ἡσυχάζειν, νεμόμενοι πρότερον ὅπῃ οὗ Ἰστρος πρὸς τὴν τῶν Ῥωμαίων διορίζει ἡγεμονίαν, ἀλλ' ἀδρόν ἀπαναστάντες πρὸς τὴν ἡμεδαπὴν γῆν μετωκισθῆσαν. Продолжатель Скилицы (II, p. 645): Τῶν Οὐγγρων τὴν πρὸς Ῥωμαίους εἰρήνην διαλυσάντων καὶ τῶν Πατζινάκων δὲ ἐξερπυσάντων τῶν φωλεῶν οἷς ἐνεκρύβησαν, καὶ τὴν παρακειμένην χώραν σινόντων, τὰ πρὸς τὴν ἐκστρατεῖαν ἐξαρτύσας ὁ βασιλεὺς ἐξεῖσι πασίρρωμος εἰς Τριάδιτζαν. Пселл (II, п. 125): Исаак... πανστρατιᾷ ἐπὶ τοὺς ἐσπερίους χωρεῖ, οὗς Μυσοὺς μὲν ὁ πάλαι χρόνος ἀνόμαζεν, εἶτα δὲ εἰς ὃ λέγονται μετανόμασθῆσαν νεμόμενοι δὲ ὅπῃ οὗ Ἰστρος πρὸς τὴν Ῥωμαίων διορίζει ἡγεμονίαν, ἀδρόν τε ἐπανέστησαν καὶ πρὸς τὴν ἡμεδαπὴν γῆν μετωκισθῆσαν.

Нетрудно заметить, что начало фразы (ἐπεὶ... ἡσυχάζειν) представляет собой переложение первой половины приведенного предложения Продолжателя Скилицы, а вторая часть фразы — почти дословное воспроизведение текста Пселла (начиная с νεμόμενοι). Стремление сопоставить и объединить источники приводит историографа к явной ошибке: рассказывая о походе печенегов Тираха конца 40-х годов, Анна упоминает о венграх [имеется в виду венгерский король Андрей (1046—1061)], нарушивших договор с Византией в 1059 г.²⁹

Если, пересказывая Вриенния, Анна следовала одному источнику, то в данном случае мы обнаруживаем отчетливое стремление историографа к объединению и сопоставлению своих источников. Пересказывая Продолжателя Скилицы, так же как и излагая Вриенния, Анна опускает ряд фактических деталей³⁰, но за этот счет драматизирует свой рассказ³¹.

Из других византийских авторов в тексте «Алексиады» можно заметить небольшие заимствования из «Истории» Феофилакта Симокатты и из «Догматического всеоружия» современника Анны ученого монаха Евфимия Зигавина. Характеризуя Иоанна Таронита (III, p. 88. 5), Анна пользуется теми же выражениями, что и Феофилакт Симокатта при описании квестора императора Тиберия — Иоанна. Возможно, что одинаковые имена героев вызвали у Анны ассоциации с текстом Феофилакта³².

Евфимия Зигавина Анна сама упоминает в своем произведении. По ее словам, Алексей велел Зигавину изложить и опровергнуть богомильскую ересь, после того как был осужден глава ереси Василий (III, p. 223). Это сочинение дошло до наших дней³³, и сравнение его с соответствующими местами «Алексиады» свидетельствует о том, что Анна знала и использовала произведение Евфимия³⁴. Однако, как и в большинстве других случаев, Анна не переписывает свой источник, а пересказывает его образно — риторическими средствами.

²⁹ См. В. Васильевский. Указ. соч., стр. 25.

³⁰ Так, например, Анна ни словом не упоминает о Селге, единственном из печенегов, осмелившимся на бой с Исааком, и т. д.

³¹ Ср., например, великодушное описание бури (I, p. 128), отсутствующее во всех прочих источниках.

³² См. Theophylacti Simocattae historia, ed. C. de Boor. Lipsiae, 1887, p. 39. Заимствование из Феофилакта было отмечено Ф. Дэльгером (BZ, 29, 1929. S. 304).

³³ Оно опубликовано Минем (PG, t. 130).

³⁴ Основываясь на сообщении Зигавина (PG, t. 130, col. 1289—1291), Анна описывает сцену, когда Алексей притворился последователем Василия и хитростью выведаль у ересиарха его учение (III, p. 220). Зависимость Анны от Зигавина подтверждается не только общим сходством описания этой сцены, но и некоторыми лексическими совпадениями.

* * *

Приведенными выше случаями ограничиваются наши сведения о византийских письменных источниках «Алексиады». Однако у исследователей есть еще возможность заглянуть в творческую лабораторию Анны-историографа, но для этой цели «Алексиаду» надо сопоставить уже не с византийским, а с западным памятником.

Уже давно было замечено³⁵, что сообщения Анны о походах Роберта Гвискара на Византию 1081—1082 и 1084—1085 гг. удивительным образом напоминают рассказ об этих событиях, содержащийся в известной поэме Вильгельма Апулийского «Деяния Роберта Гвискара». ³⁶ Перечислим последовательно эпизоды, содержащиеся в рассказах обоих авторов³⁷.

Вильгельм Апулийский

- IV, 6 — 15: Роберт выдает замуж своих дочерей (1).
 IV, 16 — 43: Встреча папы и Роберта (2).
 IV, 44 — 64: Союз папы с саксонцами, битва при Эльстере (3).
 IV, 73 — 121: Разлучение дочери Роберта Елены с Константином, подвиги Алексея 1078—1081 гг. ³⁸
 IV, 122—141: Роберт собирает войско для борьбы с Алексеем (4).
 IV 142—170: Воцарение Алексея, появление Лжемихаила ³⁹.
 IV, 171—184: Обращение Генриха IV за помощью к Роберту (5).
 IV, 185—199: Роберт назначает своим наследником Рожера (6).
 IV, 199—207: Переправа Роберта из Гидрунта в Диррахий (7).
 IV, 215—217: Григорий Мономахат торопит Роберта с вступлением в Диррахий (8).
 IV, 218—226: Кораблекрушение флота Роберта (9).
 IV, 226—229: Палеолог является в Диррахий и отправляет Мономахата в Константинополь (10).
 IV, 234—243: Историко-мифологический очерк о Диррахии (11).
 IV, 243—271: Осада Диррахия Робертом (12).
 IV, 272—311: Битва венецианского флота с флотом Роберта (13).
 IV, 312—316: Жители островов отказываются платить дань Роберту (14).
 IV, 317—448: Алексей выступает к Диррахию, сражение под Диррахием (15).
 IV, 449—505: Сдача Диррахия Роберту (16).
 IV, 506—523: Действия Рожера в Италии.
 IV, 524—527: Роберт оставляет власть Боэмунду и Бриену и возвращается в Италию (17).
 IV, 528—570: Действия Роберта в Италии (18).
 V, 1 — 23: Борьба Алексея с Боэмундом у Янины (19).
 V, 24 — 79: Борьба Алексея и Боэмунда за Лариссу (20).
 V, 80 — 105: Прибытие венецианского флота на Корфу и в Диррахий, прибытие византийского флота под командованием Маврика.
 V, 106—126: Действия Роберта в Италии.

³⁵ См. R. Wilken. *Rerum ab Alexio I, Ioanne, Manuele et Alexio II Comnenis gestarum libri IV*. Heidelberg, 1841; R. Wilman's. *Über die Quellen der Gesta Roberti Wiscardi des Guillelmus Apuliensis*. — «Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde», 10, 1851, hrsg. von G. H. Pertz.

³⁶ Новейшее издание: Guillaume de Pouille. *La geste de Robert Guiscard*, édition, traduction, commentaire et introduction par M. Mathieu. Palermo, 1961.

³⁷ Эпизоды, общие для обоих авторов, отмечены нами цифрами в скобках. Номер эпизода соответствует порядку следования его у Вильгельма Апулийского.

³⁸ Об этих событиях Анна рассказывала ранее (I, p. 9—36).

³⁹ Об этих событиях Анна подробно рассказывает во II книге «Алексиады».

- V, 127—158: Вторичная переправа Роберта (21).
 V, 154—204: Битва норманнов с венецианским флотом (22).
 V, 205—254: Стоянка флота Роберта на р. Гликис (23).
 V, 255—283: Смерть Григория VII.
 V, 289—336: Смерть Роберта Гвискара (24).
 V, 337—409: Перевоз тела Роберта в Италию, погребение Роберта (25).

А н н а К о м н и н а

- I, p. 46—47: Роберт выдает замуж своих дочерей (1).
 I, p. 47—49: Борьба Генриха IV и Григория VII по вопросу об инвеституре.
 I, p. 49: Встреча папы и Роберта (2).
 I, p. 50: Союз папы с саксонцами, битва на Эльстере (3).
 I, p. 51: Обращение Генриха IV и Григория VII за помощью к Роберту (5).
 I, p. 51 — 52: Роберт собирает войско для борьбы с Алексеем (4).
 I, p. 52 — 53: Роберт назначает наследником Рожера (6).
 I, p. 53: Роберт высылает вперед флотилию Боэмунда.
 I, p. 53—56: Роберт прибывает в Бриндизи. Возвращение посла Рауля из Константинополя.
 I, p. 56—61: История отношений Алексея и Георгия Мономаха. Мономах боится Алексея и готовит себе убежище (8)⁴⁰.
 I, p. 138—139: Георгий Мономах переходит к Бодину и Михаилу, а затем возвращается в Константинополь (10).
 I, p. 139: Отплытие флота Роберта из Бриндизи (7).
 I, p. 140—141: Кораблекрушение флота Роберта (9).
 I, p. 142: Историко-мифологический очерк о Диррахии (11).
 I, p. 143—145: Осада Диррахия (12).
 I, p. 145—148: Битва венецианцев с флотом Роберта (13).
 I, p. 148—149: Вторая битва венецианцев с флотом Роберта.
 I, p. 149: Островитяне отказываются платить дань Роберту (14).
 I, p. 149—150: Стоянка флота Роберта на р. Гликис (23).
 I, p. 150—168: Выступление Алексея из Константинополя в Диррахий, битва под Диррахием (15).
 II, p. 7—8: Сдача Диррахия Роберту (16).
 II, p. 8—13: Действия Алексея после сдачи Диррахия. Сбор денег для найма союзников, реквизиция церковного имущества, дело Льва Халкидонского, письма Алексея Генриху IV.
 II, p. 14—16: Роберт оставляет власть Боэмунду и возвращается в Италию (17).
 II, p. 16—17: Действия Роберта в Италии (18).
 II, p. 17—22: Борьба Алексея с Боэмундом у Янины (19).
 II, p. 22—32: Борьба Алексея с Боэмундом за Лариссу (20).
 II, p. 32—40: Осуждение ереси Итала.
 II, p. 41—43. Победа Алексея над Бриеном у Кастории.
 II, p. 44—45: Расправа Алексея с манихеями.
 II, p. 45—48: Разбирательство дела о реквизиции церковного имущества.
 II, p. 48—49: Бегство Манихея Травла.
 II, p. 50—51: Вторичная переправа Роберта (21).
 II, p. 52—53: Битва норманнов с венецианским флотом (22).
 II, p. 54—55: Привилегии венецианцам.
 II, p. 55—56: Смерть Роберта (24).
 II, p. 56—57: Перевоз тела Роберта в Италию и погребение Роберта (25).

⁴⁰ В конце I книги Анна прерывает рассказ о Роберте и обращается к повествованию о перевозе Комнинов. К Роберту Анна возвращается лишь в конце III книги.

Как видим, порядок следования материала в обоих произведениях почти везде одинаков. Только в отдельных случаях последовательность эпизодов у Анны отлична от Вильгельма Апулийского. Как у одного, так и у другого писателя есть оригинальные эпизоды, но, как правило, они касаются или внутренних византийских дел (у Анны), или событий в Италии (у Вильгельма). Повествуя о событиях в Византии, Анна нередко отходит от канвы рассказа Вильгельма, но затем всегда возвращается к тому месту, от которого отклонилась.

Сходство в расположении материала у обоих авторов особенно убедительно проявляется в следующем примере. Вильгельм Апулийский, рассказ которого обычно выдержан в строгой хронологической последовательности, рассказывает о том, как Роберт, оставив во главе войска своего сына Боэмунда, весной 1082 г. вернулся в Италию, где вступил в борьбу с Генрихом IV и подавлял мятеж своих вассалов (V, 524—570). Доведя повествование до 1083 г., Вильгельм возвращается назад и приступает к рассказу о действиях оставленного на Балканах Боэмунда. Точно такое же нарушение хронологической последовательности мы встречаем в соответствующей части «Алексиады» (II, p. 17).

Естественно, что степень подробности эпизодов у обоих авторов различна. То, чему Вильгельм посвящает считанные строки, у Анны нередко занимает несколько страниц текста. Реже наблюдается обратная картина: как правило, Анна излагает события значительно подробнее и детальней, нежели Вильгельм.

Между обоими авторами наблюдается также весьма знаменательное совпадение сообщаемых ими исторических деталей. Не приводя длинного списка этих совпадений, обратим внимание лишь на уже отмеченную Вильмансом одинаковую ошибку, которую допускают как Анна-так и Вильгельм. Рассказывая о встрече Роберта Гвискара и Григория VII летом 1080 г., оба автора полагают, что она имела место в Беневенте (Анна, I, p. 49; Guil Ar., IV, 16—43). На самом же деле встреча в Беневенте состоялась за 7 лет до того, в 1073 г. Встреча же 1080 г. происходила в Кеprано ⁴¹.

Еще более показательными, чем совпадения фактических деталей, являются лексические соответствия текстов Вильгельма и Анны. Эти соответствия наиболее ярко проступают в двух эпизодах: историко-мифологическом экскурсе о Диррахии и сцене осады Диррахия Робертом. Приведем полностью экскурс о Диррахии в изложении того и другого писателя.

Вильгельм (IV, 236—243):

Rex Epirotarum dicier
hanc Epidamnum
Pyrrhus praecepit, quia
fortia ferre Quiritum
Bella Tarentinis socia-
tus non dubitavit.
Inde frequens bellum va-
rios et passa labores
Evacuata viris fuit ad
nihilumque redacta
Destructam spatio post
composuere minori
Zetus et Amphion, et
praecepere vocari Dir-
rachium...

Анна (I, p. 142):

Ἐν ἡ βασιλεύς ποτε Ἡπειρώτης Πύρ-
ρος Ταραντίνοις ἐνωθεῖς Ῥωμαίους ἐν
Ἀπουλίᾳ καρτερόν τὸν πόλεμον συνε-
στήσατο· καὶ ἀνδροκτασίας ἐντεῦθεν
πολλῆς γεγονούσας, ὡς ἅπαντας ἄρδην
εἶφοις παρανάλωμα γεγονέναι, ἕοικος
πάντη καταλέλειπται. Ἐν ὑστέροις δὲ
χρόνοις ὡς Ἕλληνας φασὶ καὶ αὐτὰ
δὴ τὰ ἐν τῇ πόλει γλυπτὰ γράμματα
μαρτυροῦσιν, ὅπ' Ἀμφίονος καὶ Ζήθου
ἀνοικοδομηθεῖσα εἰς ὃ νῦν ὀράται σχῆμα
αὐτίκα καὶ τὴν κλησὶν μεταμίψασα
Δυρράχιον προσηγήρεται.

⁴¹ См. O. De la r. c. Saint Grégoire VII et la réforme de l'église au XIe siècle, III. Paris, 1899, p. 23.

В приведенном отрывке бросаются в глаза следующие лексические соответствия: *Tarentinis societatus* — *Ταρεντίνοις ἐνοθεῖς*, *Evacuata viris fuit* — *ἄνθρωποι πάντη καταλέλειπται*, *Destructam spatio post composuere minori Zetus et Amphion* — *Ἐν ὀστέροις δὲ χρόνοις... ὑπ' Ἀμφίονος καὶ Ζήθου ἀνοικοδομηθεῖσα*.

А вот эпизод осады Диррахия (Guil. Ap., IV, 243—271; Anna, I, p. 143—144). Последовательность рассказа у обоих авторов совпадает, и мы ограничимся пересказом эпизода, отмечая в скобках случаи лексического соответствия.

Осажденные в городе охвачены страхом (*Fit pavor obsessae non parvus civibus urbis* — Guil. Ap., IV, 244; *μεγίστω δέει συνείχοντο* — Anna, I, p. 143. 12). Повсюду расположилась стража (*Et vigiles statuunt; custodia fida per urbem ponitur* — Guil. Ap., IV, 245—246; *Σκοπὸς δι' ὅλου καταστήσας τῶ τείχεος* — Anna, I, p. 143. 20). О начавшейся осаде сообщают Алексею (...*imperio factam ducis obsidionem notificant* — Guil. Ap., IV, 246—247; ...*διὰ γραμμάτων τὴν τοῦ Ῥομπέρτου ἔφοδον τῷ αὐτοκράτορι ἐδήλον* — Anna I, p. 143. 23—24), Роберт сооружает огромную деревянную башню, на которой устанавливается камнеметное орудие. Жители города, видя, что лагерь Роберта увеличивается и норманский вождь не собирается прекращать осады, отправляют к Роберту послов, чтобы выяснить цель прихода норманнов (*cur venerit ille requirunt* — Guil. Ap., IV, 259; ...*κελεύει... ὁ Παλαιολόγος πυθέσθαι ὅτου χάριν παραγγέλονεν* — Anna, I, p. 144. 17—18). Роберт отвечает, что цель его прихода — восстановить на престоле своего зятя Михаила. Диррахийцы требуют позвать им мнимого Михаила, которого под музыку, в сопровождении торжественной процессии выводят к стенам города (*Cornicinum sonitu circumdatus atque tubarum et plectris, qui se Michaellem finxerat esse, more coronatus deducitur imperiali* — Guil. Ap., IV, 264—267; ...*μετὰ λαμπρᾶς προπομπῆς παντοίοις ὄργανοις μουσικοῖς καὶ κινβάλοις κατατυποῦμενον ὑποδεικνύουσιν* — Anna, I, p. 144. 27—28). Толпа диррахийцев отказывается признать Лжемихаила.

Можно привести и другие примеры лексических соответствий текстов Вильгельма и Анны⁴², однако уже упомянутых случаев достаточно для утверждения, что сходство между обоими авторами не является случайностью. Но какова причина этого сходства? Возможность использования Вильгельмом «Алексиады» исключается по соображениям хронологии⁴³. «Деяния Роберта Гвискара» создавались между 1095—1099 гг. Анна также не могла читать Вильгельма, ибо, во-первых, судя по всему, писательница не знала латыни, во-вторых, в «Алексиаде» содержится большое число деталей, отсутствующих в «Деяниях». Остается единственно возможное предположение: Вильгельм и Анна пользовались каким-то общим источником, не дошедшим до наших дней. Одинаковый порядок расположения материала и лексические соответствия свидетельствуют о том, что этот источник был письменным. Благодаря тому, что рассказ Анны, как правило, значительно более подробен, чем повествование Вильгельма, в некоторых случаях удается даже проследить, каким образом итальянский поэт искажает свой источник. Весьма показателен в этом отношении следующий пример. Рассказывая о кораблекрушении флота Роберта, Анна сообщает: море рассеяло на прибрежном песке сумки (*βαλάντια*) и все другое, что везли с собой моряки (I, p. 141). В следующей фразе Анна пишет, что многие трупы погибших остались

⁴² См., например, описание встречи папы и Роберта (Anna, I, p. 49; Guil. Ap., IV, 16—43).

⁴³ См. предисловие М. Матье: *Guillaume de Pouille. La geste...*, p. 11—13.

непогребенными и в результате поднялось сильное зловоние. У Вильгельма же в соответствующем месте (IV, 222—224) читаем: «Хлеб, размокший от дождя, пропал и, прибитый волнами к берегу, образовал зловонные кучи». Трудно себе представить зловоние, исходящее от размокшего хлеба. Видимо, у Вильгельма имела место своеобразная контаминация двух различных мыслей источника, сохраненных Анной: провизия моряков рассеялась по берегу, зловоние исходит от непогребенных трупов.

Сравнительно подробное изложение аргументов в доказательство существования общего письменного источника потребовалось нам потому, что в научной литературе нет единого мнения о причинах сходства текстов Анны и Вильгельма. Р. Вильманс, посвятивший более столетия назад этому вопросу специальное исследование, настаивает на существовании общего письменного источника⁴⁴; Е. Остер, которому, по-видимому, осталась неизвестной работа Р. Вильманса, говорит об общем устном источнике⁴⁵; К. Крумбахер просто ссылается на Р. Вильманса⁴⁶, Ф. Шаландон осторожно упоминает о письменных или по крайней мере устных рассказах, послуживших источником для обоих авторов⁴⁷. В самое последнее время в предисловии к своему изданию поэмы Вильгельма М. Матье вообще отрицает наличие какого бы то ни было общего источника⁴⁸.

Как уже говорилось выше, наличие общего, и притом письменного, источника «Алексиады» и «Деяний Роберта Гвискара» нам представляется безусловным. Пытаясь ответить на вопрос, что это был за источник, Р. Вильманс обращает внимание на слова Анны о некоем латинянине, «который рассказал мне обо всех этих событиях и который, как он сам говорил, был отправлен к Роберту в качестве посла епископом Бари». Латинянин уверял, «что проделал эту кампанию вместе с Робертом» (*ὁ ταῦτά μοι διηγήσμενος Λατίνος, ὡς ἔλεγε, πρέσβυς τοῦ ἐπισκόπου Βαρέως πρὸς τὸν Ῥομπέρτον ἀποσταλείς, καὶ ὡς διεβεβαίωτο, σὺν τῷ Ῥομπέρτῳ τὴν τοιαύτην διέτριβε πεδίαδα* — I, p. 141—142).

Само по себе предположение Р. Вильманса представляется вполне правдоподобным⁴⁹. В то же время следует обратить внимание на ряд соображений, мешающих безоговорочно принять выводы ученого.

⁴⁴ R. Wilman s. Op. cit., S. 93—110.

⁴⁵ E. Oster. Op. cit., S. 36.

⁴⁶ K. Krumbacher. Geschichte..., S. 275.

⁴⁷ F. Chalandon. Op. cit., p. XII.

⁴⁸ См. Guillaume de Pouille. La geste..., p. 38—46. Аргументы М. Матье против общего источника не представляются нам достаточно серьезными. Во-первых, М. Матье голословно отрицает безусловные лексические совпадения между текстами Анны и Вильгельма. Во-вторых, не замечая одинакового порядка следования эпизодов, М. Матье признает сходство лишь трех эпизодов у обоих авторов (историко-мифологический экскурс о Диррахии, появление Лжемихаила под Диррахией и стоянка флота Роберта на р. Гликис). В первом случае, по мнению Матье, в произведениях обоих авторов независимо друг от друга получило отражение местное предание. Последний эпизод, согласно Матье, был рассказан Анне каким-нибудь латинянином, читавшим поэму Вильгельма. Что же касается эпизода появления Лжемихаила под стенами Диррахии, то, как утверждает М. Матье, он не мог быть заимствован из латинского источника, ибо свидетелем этой сцены был Георгий Палеолог — постоянный информатор Анны Комниной (см. выше, стр. 100). Аргументы Матье ни в коем случае не подрывают гипотезы об общем источнике и свидетельствуют лишь о том, что решение вопроса, предложенное Р. Вильмансом (автором общего источника является «бариец»), не может быть признано вполне удовлетворительным. См. об этом ниже, стр. 115.

⁴⁹ Мы не останавливаемся здесь на предложенной Р. Вильмансом и поддержанной К. Крумбахером идентификации барийца, упомянутого Анной, с известным Иоанном Барийским. На невозможность такой идентификации указал М. Фуано (M. F u a n o. Une fonte dei Gesta Roberti Wiscardii di Puglia, le presunte opera di Giovanni archidiacono, Convivium. — «Raccolta Nuova». Torino, 1950, № 2, p. 249—271). Работа Фуано известна нам лишь по ссылкам Матье (Guillaume de Pouille. La geste..., p. 39).

1. Анна говорит о латинянце, «рассказавшем мне» (*μοι διηγοόμενος*). Как отмечает Р. Вильманс, глагол *διηγοομαι* может употребляться как в отношении устного, так и письменного рассказа. Однако местоимение *μοι* (мне), употребленное писательницей, значительно затрудняет понимание этого глагола в последнем значении.

2. Наблюдения над текстом Вильгельма показывают, что итальянский поэт близок к Анне и в описаниях внутренних византийских дел. Так, например, Вильгельм сводит рассказ о времени правления Никифора Востаниата (IV, 77—121) к описанию подвигов юного Алексея, которому (злейшему врагу прославляемого им Роберта) дает восторженную характеристику. Интересно, что большое место в этом рассказе занимает повествование о ночном бое Алексея и Васибеки (IV, 96—116), о котором подробно повествуется у Вриенния и Анны⁵⁰.

Еще более странным кажется уже отмеченное совпадение в историко-мифологическом экскурсе о Диррахии. Трудно себе представить, чтобы греческий историограф сообщал о Зете и Амфионе, якобы отстроивших Диррахий⁵¹, на основании слов посланца барийского епископа, тем более что сама Анна ссылается на то, что «так рассказывают эллины (*ὡς Ἑλλῆνες φασί*) и что об этом свидетельствуют имеющиеся в городе высеченные надписи» (... *τὰ ἐν τῇ πόλει γλυπτὰ γράμματα μαρτυροῦσιν*—I, p. 142).

3. В отдельных случаях существует удивительная близость между рассказами обоих авторов о тех эпизодах, где участвовал Георгий Палеолог, которого Анна называет одним из главных источников своих сведений⁵². Это в первую очередь относится к уже приведенному эпизоду осады Диррахии⁵³. Кажется странным, чтобы Анна, имея такой непосредственный источник, как Георгий Палеолог, пользовалась рассказом барийца.

Приведенные аргументы ни в коей мере не подрывают нашего основного тезиса о существовании общего письменного источника. Приведенные аргументы лишь свидетельствуют о том, что вопрос о характере этого источника значительно сложнее, чем это представлялось в свое время Р. Вильмансу и следовавшему за ним К. Крумбахеру.

Можно с достаточной определенностью утверждать, что в воспроизведении событий борьбы Алексея с Робертом Анна не ограничивалась использованием одного источника, общего с Вильгельмом Апулийским. В рассказе Анны нетрудно заметить сведения, полученные от отца, дяди (Георгия Палеолога) и от других лиц. Так, очень мало точек соприкосновения мы находим в рассказах Анны и Вильгельма о выступлении Алексея из Константинополя и о битве под Диррахией (Guil. Ap., IV, 317—445; Anna, I, p. 150—163) или о борьбе Алексея с Боэмундом в 1082—1083 гг. (Guil. Ap., V, 1—79; Anna, II, p. 17—32) и др. У Вильгельма эти события изображены с точки зрения норманна, у Анны — с точки зрения византийца. В одном случае Анна прямо ссылается на Петра Алифу — норманского рыцаря, в дальнейшем перешедшего на службу к Алексею (I, p. 161). Таким образом, в ряде случаев, где писательница имела возможность воспользоваться более надежными и прямыми сведениями, ее рассказ уклоняется от канвы повествования общего с Вильгельмом источника⁵⁴.

⁵⁰ События этого ночного боя в описании всех трех авторов совпадают, за исключением одной детали: согласно Никифору (p. 152—153) и Анне (I, p. 31), покинувший для виду свой лагерь Алексей напал на Васибеки, когда тот занял его палатку. Согласно Вильгельму, Алексей напал на Васибеки в его собственном лагере.

⁵¹ Вильгельм и Анна допускают в данном случае странную ошибку: по греческому мифу, Зет и Амфион не отстроили Диррахий, а обнесли стенами город Фивы.

⁵² См. выше, стр. 100.

⁵³ См. выше, стр. 113.

⁵⁴ Следует отметить, что мы, конечно, не в состоянии судить, насколько точно следует своему источнику сам Вильгельм.

Есть также некоторые основания полагать, что, кроме источника, общего с Вильгельмом, Анна обращалась и к какому-то другому источнику западного происхождения. Об этом свидетельствуют некоторые противоречия в тексте Анны, которых мы не находим у Вильгельма Апулийского. Наиболее показательны в этом отношении следующие. Анна сообщает о том, как ловко Роберт отделался от домогательств германского императора Генриха IV и папы Григория VII, каждый из которых стремился привлечь на свою сторону норманского вожда (I, р. 51). Анна даже приводит текст издевательского письма, направленного Робертом Григорию, где норманн, ссылаясь на свои планы борьбы с Византией, отказывает папе в его просьбе. Однако вскоре (I, р. 52—53) та же Анна сообщает, что, отплывая из Лонгивардии, Роберт наказывает своему сыну Рожеру, а также Роберту Лорителло оказывать всемерную поддержку папе. Это последнее сообщение содержится также в поэме Вильгельма (IV, 198). Однако у Вильгельма нет никакого противоречия, ибо он ничего не сообщал об обращении папы к Роберту и об отказе последнего⁵⁵. Вообще в этой части «Алексиады» обнаруживается сравнительно большое число противоречий и несоответствий, отсутствующих у Вильгельма⁵⁶. Можно думать, что многие из них являются не отражением противоречий источника, а результатом неудачной контаминации сведений, почерпнутых из разных источников⁵⁷. Пример такой неудачной контаминации из Продолжателя Скилицы и Пселла мы приводили выше.

Как и в других местах своего сочинения, Анна включает в рассказ документальный материал: указ о привилегиях венецианцам⁵⁸ и письмо Льва Кефалы Алексею⁵⁹. Если в передаче фактического материала между Анной Комниной и Вильгельмом Апулийским различий сравнительно мало, то в оценке событий византийский историограф и итальянский поэт расходятся кардинально. Вильгельм прославляет своего героя Роберта и весьма благожелательно относится к папе, Анна же не упускает случая опорочить их обоих. В отдельных случаях можно даже наблюдать, как одно и то же место источника дает Анне и Вильгельму повод для создания одинаковых по смыслу, но совершенно различных по освещению эпизодов.

Характерным в этом отношении примером является эпизод приготовления Роберта к походу на Византию. Согласно Вильгельму (IV, 122—134), Роберт, находясь в Салерно, велит войску собираться в Гидрунте. Отовсюду требует он даров и новобранцев. Многие, особенно те, у кого оставались дома жены и дети, не хотели идти на военную службу, и Роберту пришлось прибегать не только к уговорам, но и к угрозам. Вильгельм просто упоминает о факте. Анна же рисует патетическую картину, как властолюбивый и жестокий Роберт, безумствуя наподобие библейского

⁵⁵ По словам Вильгельма (IV, 171—180), к Роберту обращался лишь Генрих IV, которому норманн отказал в поддержке, о чем и поставил в известность папу.

⁵⁶ Так, Анна сообщает, что Роберт берет с собой в поход Рожера (I, р. 57), а затем утверждает, что Рожер был назначен правителем Лонгивардии и оставлен в Италии (II, р. 14). Плодом ошибки является и сообщение Анны о морском сражении венецианцев с флотом Роберта летом 1082 г. (I, р. 148), о котором не говорится ни в одном другом источнике и которое противоречит хронологии самой Анны. Неверно датирует Анна стоянку флота Роберта на р. Гликис 1082 г. (IV, 31, р. 149—150). Дважды сообщает писательница (в цепи событий 1082 и 1084 гг. — I, р. 148 и II, р. 54—55) о привилегиях Алексея венецианцам, причем оба раза имеет в виду, конечно, один и тот же указ Алексея (см. F. Dölger. Regesten, II, № 1076, 1081; ср. ниже, стр. 118).

⁵⁷ Возможно, из другого источника почерпнула Анна рассказ о посольстве Генриха IV к папе в 1076 г. и о жестоком обращении папы с послами (I, р. 47—48). Этого рассказа нет у Вильгельма, он необходим Анне как обоснование ссоры германского короля с папой, ссоры, заставившей папу искать союза с Робертом.

⁵⁸ См. ниже, стр. 118.

⁵⁹ См. ниже, стр. 120.

Ирода, призывает на службу и старых и малых, людей, никогда не державших в руках оружия, как по всей стране поднялся ропот и повсюду раздавались причитания женщин, оплакивавших своих родных (I, p. 51—52) ⁶⁰.

Сопоставление текстов Вильгельма Апулийского и Анны позволяет сделать некоторые дополнительные выводы о методах использования Анной своих источников ⁶¹. Историограф использует общий с Вильгельмом источник в качестве канвы для своего повествования, часто контаминирует его данные другими сведениями и существенно меняет характер освещения изображаемых событий. Контаминация иногда приводит Анну к ошибкам, однако интересно уже само стремление историографа к сопоставлению и творческой переработке данных других источников.

* * *

В «Алексиаде» содержатся ссылки на большой документальный материал: императорские хрисовулы, договоры, письма и т. д. Некоторые из этих документов цитируются или даже полностью приводятся историографом. Что касается государственных документов, то это в первую очередь Девольский мирный договор Алексея и Боэмунда 1108 г. (III, p. 125—139), хрисовул Алексея матери Анне Далласине 1081 г. (I, p. 120—122) и указ о привилегиях венецианцам 1082 г. (II, p. 54—55).

Подлинность Девольского договора, самого крупного и интересного документа в «Алексиаде», не вызывает сомнений. О ней свидетельствует хотя бы подробнейшее перечисление — вплоть до самых мелких — географических пунктов, отошедших к Алексею или, напротив, присоединенных к владениям Боэмунда ⁶².

Относительно хрисовула Алексея матери ⁶³ сама Анна заявляет, что полностью приводит его текст, «опуская лишь красоты стиля его составителя» (τὰς τοῦ γραφέως μόνας κομψείας περιέλοσα — I, p. 120. 24—25). Подлинность этого документа подтверждается и анализом его формы. Обычный хрисовул X—XII вв. имел довольно строгую форму, состоявшую из начального протокола (включавшего в себя призыв к св. Троице, титул выдавателя и обращение к читателям грамоты), введения (agensis), изложения (narratio), имевшего целью объяснить, какими соображениями руководствовался выдаватель при составлении документа, где содержатся сведения об учреждении или лице, которому выдается хрисовул, распоряжения (dispositio), где излагается суть документа (обычно по определенной формуле), предостережений и угроз (minatio) по адресу тех, кто осмелится нарушить распоряжения хрисовула, и конечного протокола (эсхатолога), состоящего из даты (название месяца пишется кинноварью и императорской рукой), подписи выдавателя и скрепы должностного лица ⁶⁴.

⁶⁰ Можно привести много других аналогичных примеров. Так, рассказав о замужестве дочерей Роберта, Вильгельм сообщает о высоком роде и доблести зятя норманна (IV, 6—15), а Анна пускается в рассуждения о корыстолюбии Роберта, который из всего, в том числе и из брака своих дочерей, стремился извлечь выгоду.

⁶¹ Надо, конечно, иметь в виду, что выводы в данном случае не могут иметь такого безусловного характера, как при сопоставлении текстов Анны и Вриенния, ибо мы не имеем самого источника, которым пользовался историограф.

⁶² Подробнее см. Я. Л ю б а р с к и й, М. Ф р е й д е н б е р г. Девольский договор императора Алексея I Комнина с Боэмундом. — ВВ, XXI, 1962, стр. 260 сл.

⁶³ Хрисовул опубликован в кн.: С. Е. Z a c h a r i a e v. L i n g e n t h a l. Jus Graeco-Romanum, III. Leipzig, 1857, p. XXIII—XXIV; см. F. D ö l g e r. Regesten, II, № 1073.

⁶⁴ См. П. Я к о в е н к о. Исследования в области византийских грамот, грамоты Нового монастыря на острове Хиос. Юрьев, 1917, стр. 66 сл.; F. D ö l g e r. Byzantinische Diplomatie. Ettal, 1956, p. 40—41.

Большинство перечисленных частей мы находим и в хрисовуле, приведенной Анной. В документе отсутствует начальный (так же как и конечный) протокол, он начинается непосредственно с введения, где говорится о том, что «никто не может сравниться с добросердечной и чадолюбивой матерью», которая всегда является надежной защитой в беде, добрым советчиком и т. д. (I, p. 120. 28—121.3). Затем в хрисовуле говорится о необыкновенных качествах Анны Далассины, которые и побудили Алексея в трудную минуту обратиться за помощью к матери и вручить ей управление государством (I, p. 121.3—24). Эта часть — типичное «изложение». В следующей части (распоряжении) подробно излагаются случаи, когда приказы Анны Далассины приравняются к императорским распоряжениям (I, p. 121. 24). Хотя в конце хрисовула и нет традиционных угроз, однако там содержится напоминание, что никто не имеет права потребовать отчета или призвать к ответу Анну Далассину «вне зависимости от того, покажутся им ее действия разумными или неразумными» (I, p. 122. 5—6).

Если в предыдущих случаях приходилось доказывать подлинность цитированных историографом документов на основании самого текста Анны, то для третьего большого документа, сохранный писательницей, — указа о привилегиях венецианцам — нет никакой необходимости в доказательствах его подлинности, ибо до нас дошел включенный в более поздние документы латинский перевод хрисовула Алексея, декларирующий эти привилегии ⁶⁵.

В отличие от Девольского мирного договора и хрисовула Анне Далассине, Анна не цитирует, а излагает содержание документа.

При сопоставлении нетрудно заметить, что в латинском тексте хрисовула и в изложении Анны встречается немало аналогичных выражений, что порядок перечисления привилегий в обоих случаях почти одинаков. В то же время обращает на себя внимание то обстоятельство, что в изложении Анны опущены почти все подробности: суммы роги, выплачиваемой венецианским должностным лицам, названия мест, где беспошлинно могли торговать венецианские купцы, виды пошлин, от которых они освобождаются, и т. д. Принимая во внимание, что при изложении других документов Анна обычно строго фиксирует все подробности, следует заключить, что историограф передавал хрисовул по памяти или же по какому-то беглому, неподробному изложению ⁶⁶.

Не может быть сомнения, что опальная, постоянно живущая в монастыре принцесса каким-то образом имела доступ к документам государственного архива. Возможно, последние годы жизни историографа проходили не в слишком строгой изоляции от мира ⁶⁷. Может быть, Никифор Вриенний, заготовляя материал для своей истории, снял копии с некоторых архивных документов ⁶⁸. Так или иначе эти документы оказались доступны историографу ⁶⁹.

⁶⁵ См. Fr. Tafel, G. Thomas. Urkunden zur älteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig. Wien, 1856, p. 52—53. Документ анализируется в статье: Н. С о к о л о в. Восточная политика венецианской plutократии в XII в.— «Уч. зап. Горьковского гос. ун-та», серия ист.-фил., вып. XVIII, 1950; он же. Образование венецианской колониальной империи. Саратов, 1963, стр. 281 сл.

⁶⁶ Обращает на себя внимание, что Анна рассказывает о привилегиях венецианцам в цепи событий 1084 г., в то время как на документе стоит точная дата (май месяц, пятый индикт, 6590 г., т. е. май 1082 г.).

⁶⁷ См. выше, стр. 101.

⁶⁸ Такое предположение высказывает Е. Остер (op. cit., S. 38).

⁶⁹ Ф. Шаладон утверждает, что Анна должна была также знать соборные постановления о Льве Халкидонском, Итале, Ниле и утеранный акт о реорганизации приюта св. Павла (op. cit., p. XIV). Сравнение текста «Алексиады» с дошедшими до нас собор-

Гораздо более сложным представляется нам вопрос о степени достоверности многочисленных писем Алексею и от Алексея, включенных писательницей в свое произведение. До нас не дошло ни одного оригинала приведенных Анной писем, для этого жанра невозможно установить четких формальных критериев и стилистических особенностей, которые помогли бы определить их подлинность. По мнению Дж. Баклер, письма в «Алексиаде» «носят печать лишь одной личности — личности самой писательницы. Анна, видимо, не предполагала, что кто-нибудь сочтет их подлинными»⁷⁰.

Тем не менее, несмотря на столь категорическое заявление английской исследовательницы, можно привести некоторые аргументы в подтверждение подлинности отдельных писем. Обращает на себя внимание, что почти во всех письмах по отношению к императору употребляется почтительное обращение *ἡ βασιλεία* или *ἡ ἐξουσία*. Такое обращение почти нигде не встречается в авторском тексте «Алексиады», но оно постоянно употребляется в документах, в том числе в цитированных Анной.

Не может быть сомнений (впрочем, это признает и Дж. Баклер), что подлинным является письмо Алексея к Генриху IV с предложением дружбы и союза (I, р. 133—136)⁷¹. Достоверность этого письма подтверждается его витиеватым стилем, обилием торжественных обращений, подробным перечислением даров, отправляемых германскому императору.

Приведем некоторые соображения относительно других писем.

Письмо Боэмунда Алексею 1099 г.⁷² В ответ на требование Алексея отдать ему Антиохию Боэмунд отправляет византийскому императору письмо, обвиняя последнего в предательстве. В то время, пишет Боэмунд, как крестоносцы, терпя всевозможные лишения, осаждали Антиохию, полководец Алексей Татикий бросил крестоносное войско среди опасностей и ушел. Справедливо ли, вопрошает норманский вождь, чтобы после этого Антиохия досталась Алексею? Оценка действий Татикия в письме Боэмунда полностью совпадает с характеристикой поведения византийского полководца в западных источниках, единодушно обвиняющих его в трусливом бегстве⁷³. Сама Анна ранее (III, р. 20) утверждала, что Татикий покинул крестоносцев по настоянию Боэмунда. Если бы писательница сама сочиняла текст письма Боэмунда, она не смогла бы допустить такого противоречия.

Письмо сербского жупана Вукана Алексею 1093 г. (II, р. 167). Вукан, опасаясь наступления Алексея, обвиняет ромейских «сатрапов» в нарушении мирного договора, обещает вернуться на родину, не предпринимать никаких враждебных действий и выдать византийскому императору заложников. На подлинности этого письма настаивает сербский

ными постановлениями не представляет никаких надежных аргументов в подтверждение мысли Ф. Шаландона.

⁷⁰ G. Buckler. Op. cit., p. 235, n. 5.

⁷¹ F. Dölger. Regesten, II, № 1077. В отличие от других исследователей (G. Meyer von Knonau. Jahrbücher des Deutschen Reiches unter Heinrich IV. und Heinrich V., III. Leipzig, 1900, S. 448—449; W. Ohnsorge. Das Zweikaiserproblem im früheren Mittelalter. Hildesheim, 1947, S. 82 и др.), датирующих это письмо 1081 г., Ф. Дэльгер относит его к 1082 г.

⁷² F. Dölger. Regesten, II, № 1212. Ряд исследователей датирует это письмо 1103 г. Подробно о датировке письма Боэмунда см. Я. Любарский. Замечания о хронологии..., стр. 52.

⁷³ См. Raimundi de Agiles Historia francorum (RHC occ. III), VI; Gesta francorum (Histoire anonyme de la 1re croisade, texte établi et traduit par L. Bréhier. Paris, 1924), VI, 16; Alberti Aquensis liber christianae expeditionis (RHC occ. IV, 1879), III, 38.

исследователь Н. Радойчић⁷⁴, который приводит следующий довод: обычно Анна, так же как и другие византийские писатели того времени, называет сербов далматами, а Далмацию Сербией. В письме же Вукана встречается наименование «Сербия». Этому выводу, казалось бы, противоречат два других примера употребления Анной наименований «сербы» и «Сербия». Этнокон «сербы» Анна использует непосредственно перед письмом Вукана (II, р. 167.3), название «Сербия» (наряду с «Далмацией») Анна мимоходом употребляет, перечисляя места, где были рассеяны византийские войска накануне крестовых походов (III, р. 160.24). Однако в первом случае Анна, видимо, употребляет этнокон «сербы» по аналогии с «Сербией» в письме Вукана. Во втором случае Анне для достижения эффекта важно употребить как можно большее число географических названий, и она говорит о Сербии наряду с Далмацией⁷⁵.

Письмо Гуго Вермандуа, младшего брата Филиппа I, Алексею (II, р. 213). Гуго, гордо именующий себя «царь царей и самый великий из живущих под небом» (ὁ βασιλεὺς τῶν βασιλέων καὶ ὁ μεῖζων τῶν ὑπ' οὐρανόν), предуведомляет византийского императора о своем приходе и требует устроить ему достойную встречу. Обращают на себя внимание необычные эпитеты, которыми наделяет себя Гуго. Интересно, что в западных источниках Гуго постоянно фигурирует с эпитетом magnus, т. е. великий, который Брейе объяснил как неверно понятое французское mainsne (moins né, т. е. младший сын).⁷⁶ Не является ли μεῖζων Анны аналогом к magnus латинских источников?

Письмо Льва Кефалы Алексею 1083 г. (II, р. 24—25). Осажденный войском Боэмунда в Лариссе, Лев Кефала жалуется на отчаянное положение гарнизона, требует немедленной помощи от Алексея, угрожая императору, что ему не уйти от обвинений в предательстве, если он сразу же не поспешит на помощь. Вызывает сомнение, чтобы Анна сама сочинила и вложила в уста Льва Кефалы столь резкие выражения по адресу боготворимого ею отца.

* * *

Анализ «Алексиады» позволяет сделать вывод, что Анна в подавляющем большинстве случаев имела достаточно надежные и авторитетные источники информации и лишь в редких случаях невольно искажала их данные. Писательница осмысляла и сопоставляла свои источники, часто (хотя и не всегда удачно) комбинировала различные сообщения об одних и тех же событиях. Можно говорить о наличии в «Алексиаде» элементов исторической критики⁷⁷.

⁷⁴ Н. Радойчић. Вести Ане Комнине о србима. — «Гласник скопског научног друштва», 1928, № 3, стр. 20.

⁷⁵ Возможно, под Далмацией Анна понимает прибрежные районы Сербии, а под Сербией — ее внутренние области.

⁷⁶ См. L. Bréhier. Histoire Anonyme..., р. 14, п. 3.

⁷⁷ В этом отношении интерес представляют слова самой Анны. Говоря о «безыскусных сочинениях стариков» (см. выше, стр. 101), писательница сообщает: «По ним судила я об истинности своей истории, сравнивала и сопоставляла свое повествование с их рассказами, а их рассказы с тем, что я нередко слышала от своего отца и от дядей с материнской и отцовской стороны. Из всего этого и выросло древо истины» (III, р. 176).

М. А. ЗАБОРОВ

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ
В РАБОТАХ РУССКИХ ИСТОРИКОВ НАЧАЛА XX в.

История крестовых походов привлекла к себе особенно пристальное внимание русских историков в начале XX столетия¹. В 1901—1916 гг. работы на эту тему появлялись каждые два-три года, а иногда и чаще. Всего за эти шестнадцать лет было издано почти полтора десятка различных сочинений — от небольших заметок и статей до объемистых книг; цифра довольно значительная, если учесть, что отечественная историография крестовых походов за все предшествующее время представлена примерно таким же количеством произведений.

Интенсивное изучение и популяризация истории крестовых походов осуществлялись в начале XX в. и зарубежными — западноевропейскими, в меньшей мере — американскими медиевистами. Причины, побуждавшие историков основных империалистических стран, включая Россию, к усиленной разработке крестоносной проблематики, коренились главным образом в специфике международных отношений периода, предшествовавшего первой мировой войне. Во все более накалявшейся международной атмосфере того времени серьезное политическое значение приобретала проблема взаимоотношений Запада и Востока, перспектив их развития, а следовательно, и судеб в прошлом. Внимание ученых привлекали, в частности, такие вопросы, как участь Константинополя и проливов, различные исторические аспекты господства на Ближнем Востоке и т. п. Естественно, крестовые походы, послужившие в свое время важной вехой в истории взаимоотношений Запада и Востока, не могли остаться вне поля зрения исторической науки. Разработка этой темы была использована идеологами монополистической буржуазии для нужд идейно-политической подготовки приближавшейся империалистической войны.

В России интерес к истории отношений Запада с Востоком вообще и крестовых походов в особенности проявлялся с тем большей остротой, что внешнеполитические устремления правящих кругов страны в значительной мере концентрировались вокруг Константинополя, проливов, Передней Азии. Русские историки, как и историки западных стран, искали в прошлом ключ к истолкованию настоящего — разумеется, в соответствии с теми классовыми интересами, которые в конечном итоге определяли то или иное решение выдвигавшихся наукой задач. Вместе с тем усиленное внимание отечественных историков (преимущественно буржуазно-помещичьего лагеря) к крестоносным сюжетам диктовалось

---

¹ О трудах отечественных авторов XIX в. на данную тему см. наши обзоры в ВВ, IV, 1951, стр. 173—180; XXI, 1962, стр. 183—197; XXII, 1963, стр. 227—259.

стремлением господствующих классов страны, переживавшей в начале XX в. могучий революционный подъем, преградить путь идеям революции при помощи энергичной церковно-религиозной обработки сознания трудящихся масс. Соответствующая интерпретация истории крестовых походов могла сослужить официальной пропаганде определенную службу в этом отношении.

Первым по времени и притом значительным явлением русской исторической литературы начала XX в. в интересующей нас области была «История крестовых походов» Ф. И. Успенского (СПб., 1904). Автор развивал в ней основные идеи, выдвинутые им еще в очерке «Византия и крестоносцы» (1892)², прежде всего — представление о противоположности интересов Западной Европы и Византии как важнейшей движущей силы крестовых походов³. Под этим углом зрения ведется изложение всего фактического материала. Характеризуя дипломатическую предысторию Первого крестового похода, а затем все более учащавшиеся распри между рыцарями и Византией уже во время самого похода, Успенский указывает, что главным носителем вражды Запада к Восточной империи были вначале южноиталийские норманны: именно они внесли в крестоносное движение «политические счеты и вражду к Византии» (стр. 19). В дальнейшем этот антагонизм, выросший, по справедливому мнению историка, на почве завоевательных устремлений южноиталийских князей и рыцарства (Боэмунд Тарентский), продолжал углубляться. В него вовлекались новые силы Запада: итальянские торговые города, Германская империя, папство. К середине XII в. в Западной Европе стало складываться убеждение, что на пути крестоносцев стоит Византия (стр. 66). К концу столетия для западных политических деятелей «не оставалось сомнения», что корень неудач крестоносных предприятий «лежит в систематическом противодействии европейцам со стороны византийского императора» (стр. 113). Развивавшийся таким путем антагонизм привел крестоносцев в конце концов под стены Константинополя: в начале XIII в. Запад открыто напал на Византийскую империю. Успенский не без основания видел основную причину нарастания западно-византийских противоречий в том, что усиление государств крестоносцев на Востоке шло вразрез с политическими интересами Константинопольской империи, именно поэтому и оказывавшей систематическое противодействие крестоносным пополнениям.

Своеобразие концепции Успенского состояло в том, что крестовые походы трактовались им прежде всего как предприятия, направленные против Византии. Эта концепция, несомненно, давала возможность убедительно объяснить многие моменты в истории крестоносного движения, хотя и содержала значительный элемент субъективизма. Во всяком случае со времени появления работы Успенского отношения между Западом и Византией как существенный фактор, влиявший на ход и исход крестоносных предприятий, приобрели права гражданства в исторических трудах.

Успенский был одним из первых историков крестовых походов, который вообще стал уделять серьезное внимание международной политике XII—XIII вв. Мысль о том, что в эту эпоху «большое значение для успеха всех внешнеполитических предприятий имели союзы, симпатии или ан-

² См. о нем в ВВ, XXII, 1963, стр. 241—244. Самый текст очерка «Византия и крестоносцы» целиком вошел в разбираемую книгу Успенского.

³ Сходную в какой-то мере постановку вопроса мы находим в исследовании В. Нордена (W. Nordens. Der Vierte Kreuzzug im Rahmen der Beziehungen des Abendlandes zum Byzanz. Berlin, 1898). Однако Успенский рассматривает проблему в целом на гораздо более широком материале истории всего крестоносного движения.

типатии государств» (стр. 57), получила в книге Успенского конкретное воплощение в целом ряде ценных наблюдений и выводов относительно судеб как трех первых, так и в особенности Четвертого крестового похода, который, по определению автора, являлся «результатом политических отношений того времени: с одной стороны, между империями восточной и западной, с другой — между Венецией и Византией» (стр. 105). Успенский вводил таким образом историю крестовых походов в рамки международных политических отношений XII—XIII вв. — это было бесспорным достижением медиевистической мысли. Крестовые походы перестали представляться результатом чисто религиозной борьбы, как они сплошь да рядом рисовались в исторической литературе XIX в. «Священные войны» рыцарства отныне предстали в виде серии мероприятий политического характера, непосредственно связанных с развитием международной жизни своего времени.

Несмотря на отмеченные достоинства работы Успенского, в целом она несла на себе отчетливый отпечаток идеалистических исторических взглядов и реакционных политических убеждений историка. Успенский не только не сумел вскрыть социально-экономические предпосылки крестовых походов, но, в сущности говоря, отказался от анализа общих причин этого движения, ограничившись констатацией того, что они «остаются до сих пор не вполне ясными» (стр. 2). Иногда он явно преувеличивал значение религиозных мотивов в крестовых походах (стр. 113).

В работе Успенского были налицо сильные элементы модернизации, имевшей реакционную политическую подоплеку. Успенский был одним из усердных проповедников внешнеполитической программы самодержавия⁴. В крестовых походах он видел «эпизод столкновения двух миров, разделяющих и поныне господство в Европе и Азии». Мало того: он усматривал в них «вступительную главу в историю восточного вопроса, в разрешении которого России суждено принять деятельное участие» (стр. 2). Многие страницы книги отражали стремление ученого исторически обосновать захватническую политику царизма на Ближнем Востоке. Успенский всячески идеализировал политику византийских императоров по отношению к крестоносцам (стр. 14). События крестовых походов служили для него материалом, на базе которого строилась целая политическая концепция, обращенная к настоящему. Историк извлекает своего рода политический урок из истории крестовых походов: оказывается, их цели «нельзя было достигнуть без содействия Византийской империи. Руководители крестовыми походами просмотрели громадную силу в греческом духовенстве и восстановили его против себя... Завоеванием Византийской империи крестоносцы создали себе в будущем непреодолимые затруднения. Отсутствием гуманности и политической дальновидности по отношению к Византии крестоносцы лишили себя серьезного союзника» (стр. 168). В другом месте эта же мысль формулируется еще более четко: «Христиане на Востоке должны были преследовать одну цель: твердо сохраняя солидарность между собою, они должны были заключить в то же время прочный союз с Византийской империей и направить все силы на мусульман» (стр. 47). В этих «запоздалых» поучениях — довольно определенная, хотя и завуалированная историческим флером, политическая теория: крестоносцы совершили промах, сокрушив Византию; их захватническая политика на Востоке была бы вполне оправдана в том случае, если бы они поделились завоеванным с византийскими императорами; не сделав этого и потерпев вследствие того поражение, Запад принял на себя большую вину «перед судом истории» (стр. 169).

⁴ См. подробно З. В. Удалцова. К вопросу об оценке трудов акад. Ф. И. Успенского. — ВИ, 1949, № 6, стр. 123.

Существо всех этих рассуждений станет совершенно ясным, если вспомнить, что наследниками константинопольских царей Успенский считал российских самодержцев (теория «третьего Рима»)⁵. Развивая тезис о виновности Запада перед Византией, Успенский словно указывал, что ныне историческая ошибка крестоносцев может и должна быть искуплена их потомками, а преемникам василевсов, незаслуженно претерпевших от Запада, надлежит восстановить исторические права православия на мусульманском Востоке, опрометчиво погрязшие в свое время крестоносцами.

Необходимо особо остановиться на оценке Успенским значения крестовых походов. Она не была достаточно последовательной. С одной стороны, в ней заметны были отзвуки традиционных представлений: историк писал о крупных последствиях, которые крестовые походы якобы имели для судьбы западноевропейской цивилизации (стр. 1). С другой стороны, Успенский довольно явственно отрицал какую бы то ни было положительную роль крестовых походов в истории; он высказывал сомнение в справедливости общепринятого взгляда относительно значительной степени воздействия «крестовых походов на прогресс средневекового общества». «Трудно говорить о том, — читаем мы на заключительных страницах книги, — уравниваются ли громадные жертвы и потери той пользой, которую извлекло средневековое общество из знакомства с Востоком» (стр. 169). Историк склонен скорее признать, что «выгоды» от крестовых походов были «неизмеримо ниже потерь и убытков», а «влияние крестовых походов на прогресс средневекового общества подвергается значительному колебанию, если принять во внимание естественный процесс эволюции, который и без крестовых походов мог привести средневековые народы к успехам на пути политического развития» (стр. 169—170). Отрицание Успенским прогрессивной роли крестовых походов вытекало из его общего представления о характере этих войн: ведь они, с его точки зрения, приняли ложное, антиконстантинопольское направление, привели к гибели православную Византию, воспрепятствовав второму Риму утвердиться на Востоке.

Каким бы ни были идейные истоки конечного отрицания Успенским прогрессивности крестовых походов, однако само по себе оно безусловно означало решительный шаг к более реалистичному и правильному пониманию подлинного места крестовых походов в истории (по сравнению с традиционными представлениями, которые в той или иной форме разделяли в начале XX в. почти все медиевисты)⁶.

С идейно-политическими установками книги Успенского как бы перекликались основные положения вышедшего в 1903 г. фундаментального исследования А. Попова «Латинская Иерусалимская патриархия эпохи крестоносцев» (СПб.). Под очевидным влиянием конфессионально-политических соображений эти установки здесь были доведены до крайности, в результате чего вся история крестовых походов получила чрезвычайно однобокое и искусственное освещение. Основанная на тщательном изучении весьма широкого круга источников (латинских, греческих, арабских хроник, эпистолярия, грамот, законодательства Иерусалимского королевства и пр.)⁷ и серьезном знакомстве автора с запад-

⁵ См. З. В. Удадьцова. К вопросу об оценке трудов акад. Ф. И. Успенского, стр. 123.

⁶ Книга Ф. И. Успенского вызвала живой интерес русской исторической общественности. Нам известны по крайней мере четыре рецензии на нее: В. В. Соколова (ВВ, VIII, 1901, стр. 209—212), П-ва (?) («Мир божий», 1901, № 7, стр. 105—106), Е. (?) («Исторический вестник», 1901, № 6, стр. 1156—1160) и безымянного автора (ЖМНП, 1901, № 9, стр. 256).

⁷ В некоторых случаях Попов привлекает также вещественные памятники, в том числе изученные непосредственно им самим. Так, тезис об этнической пестроте населе-

ной литературой по истории крестовых походов, его монография, впрочем, содержала исключительно богатый фактический материал относительно различных сторон социально-экономической и религиозно-политической жизни государств крестоносцев в XII—XIII вв. Более того, по своей фундированности, по охвату самых разнообразных данных источников, по глубине научной эрудиции труд Попова принадлежит к числу первоградных образцов отечественной дореволюционной литературы по крестовосной проблематике⁸. Главная ценность этой монографии заключалась во множестве сделанных в ней интересных конкретных наблюдений (как в отношении самих крестовых походов, так и особенно в области социально-экономической и церковно-политической истории Иерусалимского королевства), в корне подрывавших апологетические представления западной, прежде всего католической, историографии. Изобличая несостоятельность бесконечных дифирамбов ее представителей в адрес защитников гроба господня, автор во многих случаях восстанавливал гораздо более правдивую картину утверждения и господства франкских завоевателей в Восточном Средиземноморье.

В противоположность ряду западноевропейских историков, идеализировавших крестоносную эпопею, и опираясь на твердые факты, в большом числе извлеченные им из источников, Попов сформулировал верный по сути дела (хотя, конечно, не исчерпывавший сложности вопроса) тезис, что крестовые походы вовсе не были предприняты, как полагали эти историки, ради освобождения христиан Востока от ига неверных (ч. I, стр. 184): крестоносцы, писал он, «шли на Восток... с единственной целью наживы и обогащения каким бы то ни было образом» (стр. 194), они жаждали лишь «приобрести деньги и имения, города и земли» (стр. 195).

Это в равной степени относится как к рыцарству, так и к церковнослужителям, отправившимся на Восток: «многие из клира крестоносцев были такие же искатели приключений, пустой славы и богатства, как и многие из баронов и графов, принимавших участие в крестовых походах» (ч. I, стр. 12); они стремились лишь к тому, чтобы «каким-либо способом приобрести высший титул и богатство при разграблении городов Сирии» (там же). Точно так же целью папства при возбуждении крестовых походов являлось «не освобождение восточных христиан, а завоевание и порабощение восточных церквей римскому престолу» (стр. 194; ср. стр. 208); папство рассчитывало при помощи крестовых походов осуществить

ния Иерусалимского королевства подкрепляется, помимо данных хроник и документов, ссылками на разнообразие монет того времени. «Нам самим, — пишет при этом автор, — приходилось видеть в Иерусалиме три коллекции (у архимандрита о. Антония, архитектора Шикка и археолога Альбенго) монет, найденных в св. земле и принадлежащих разным нациям Запада» (стр. 48).

⁸ Он состоит из двух частей общим объемом более 40 печ. листов. В первой части рисуется история основания латинского патриархата в Сирии и Палестине в конце XI — начале XII в. (стр. 1—51), описываются церковные порядки Иерусалимского королевства, включая экономическое положение и юридический статус духовенства, его взаимоотношения со светскими властями и с духовно-рыцарскими орденами (стр. 52—141), а главным образом характеризуется социально-экономическая и религиозная политика крестоносцев в отношении местного населения (стр. 142—352). Кроме того, автор дает здесь обширный экскурс специально в область церковной архитектуры Иерусалимского королевства, (стр. 384—440), доказывая в хорошо аргументированной полемике с французским археологом М. Вогюэ, что крестоносцы почти не оставили после себя архитектурных памятников: они не соорудили храмовых и монастырских зданий, а использовали старые, захваченные ими сооружения. Вторая часть заключает в себе подробные, составленные в итоге скрупулезной проработки документального материала списки и биографии всех латинских патриархов, архиепископов и епископов (стр. 3—126), а также историю монастырей св. земли в эпоху крестоносцев и биографические сведения об аббатах и приорах этих монастырей (стр. 128—206).

«величественные, но низменного свойства, замыслы... на всемирное господство» (стр. 383—384).

Все эти положения не просто постулировались, но доказывались автором на основе богатого фактического материала.

Очень подробно, со множеством ярких деталей, подчеркнутых в известиях современников крестовых походов, рисовал Попов жестокости крестоносцев по отношению к населению византийских (ч. I, стр. 240 сл.) и сирийско-палестинских областей (там же, стр. 224 сл.), их грабежи и насилия (стр. 223 сл.), а также — и это самый важный раздел его исследования, не утративший, на наш взгляд, своего значения и по сей день, — те способы, при помощи которых франкские завоеватели выкачивали богатства Сирии и Палестины, нещадно эксплуатируя как мусульман, так и единоверцев (регулярные и чрезвычайные налоги — ч. I, стр. 274 сл., 280 сл., натуральные повинности — стр. 277 сл. и контрибуции — стр. 321 сл., обложение ремесла и торговли — стр. 283 сл., наследование выморочных имуществ — стр. 289, штрафы и конфискации — стр. 290 сл. и проч.).

Большой интерес представляет, в частности, данный автором систематический анализ имущественных описей латинских церковных учреждений в государствах крестоносцев: церкви св. гроба в Иерусалиме, а также Сионского и Иосафатовой долины монастырей (ч. I, стр. 113 сл., 136 сл.). Опираясь на материалы этих описей, Попов выразительно нарисовал хищнический облик крестоносного духовенства, всецело поглощенного стяжательством, «променом и отдачей в аренду имений» (стр. 115), покупкой сел с прилежащими к ним различными угодьями (стр. 124 сл.), приобретением виноградников, садов, пустопорожных земель (стр. 127 сл.), домов, печей, мельниц (стр. 129 сл.), получением всякого рода доходов — добротных приношений, десятины, арендной платы за сдаваемые в наем дома (стр. 132—135) и т. п.

Развивая и углубляя воззрения Успенского на крестовые походы, Попов также выражал обоснованное сомнение в правильности укоренившегося в западной научной литературе взгляда о благотворности их последствий для цивилизации. На вопрос «искусается ли всеми полученными от крестовых походов выгодами то бесчисленное количество человеческих жизней, какое Запад принес в жертву этим походам?», автор давал категорически отрицательный ответ: кратковременный успех крестоносного Запада на Востоке был куплен «слишком дорогой ценою — целым морем пролитой крови» (ч. II, стр. 209); а «те или другие выгоды», «случайно и попутно доставшиеся на долю Европы, как следствия самих походов», «еще менее стоят миллионов загубленных жизней и потраченных на то сил и времени, тем более, что те же самые выгоды, и даже большие, могли быть достигнуты другим путем, посредством путешествий и частых торговых сношений с Востоком» (стр. 210). Продолжая далее анализ проблемы значения крестовых походов, — и в этом отношении Попов — едва ли не единственный из дореволюционных историков, поставивший вопрос в такой плоскости, — он обращал особое внимание на «другую сторону, обыкновенно замалчиваемую западными историками» (стр. 210), — на пагубные последствия крестовых походов для Востока: «Народы Востока не только не получили от крестовых походов и малой доли тех сравнительно ничтожных благ, какие получил или считает себя получившим Запад, вроде умножения знаний и денежного обращения; но для них крестовые походы были прямо гибельны и кроме разрушения и сожжения городов и сел, опустошения полей и истребления лесов и садов, расхищения имущества и разорения и обнищания уцелевшего от истребления населения ничего не принесли» (там же). И далее Попов про-

низировал над теми, кто привык превозносить благодетельные последствия крестовых походов: «Что же значат в сравнении с такими благодеяниями арабские цифры, невиданные животные и большие корабли, с которыми познакомился Запад через крестоносцев?» (стр. 211) — тезис, правильность которого в целом неоспорима.

Несомненно, однако, и другое, а именно: общая концепция и общий смысл исследования Попова полностью определялись теми злободневными политическими интересами, на страже которых в ряду прочих общественных сил стояли и верхи русской православной церкви, верой и правдой служившие самодержавию и освящавшие его ближневосточную политику. Попов был священнослужителем, и сама работа его была издана с одобрения высоких церковных инстанций. Как и Успенский, но гораздо более открыто выражая свои политико-пропагандистские намерения, Попов подчеркнуто отстаивал представления, исторически обосновывавшие позицию царизма в восточном вопросе. В этом, собственно, заключался весь пафос его исследования, все его мотивы и цели.

Автор связывал непосредственно с крестовыми походами зарождение восточного вопроса (они «создали неведомый дотоле восточный вопрос» — ч. II, стр. 212—213), который трактовался им в сугубо официальном духе⁹. Интерес истории крестовых походов в глазах исследователя состоит прежде всего якобы в том, что это история возникновения ставшего затем вековым конфликта католического Запада и православного Востока из-за обладания святыми местами («Корень всей этой борьбы и полных ненависти и вражды отношений между христианами... лежит в крестовых походах» — ч. II, стр. 267). Постановка самой темы исследования была продиктована главным образом стремлением автора доказать, что «западные народы, двинутые папами на освобождение св. мест Палестины из рук мусульманских, завладели этими святынями и на место и с к о н н ы х и з а к о н н ы х и х х о з я е в (sic! — М. З.), православных, поставили самих себя» (ч. I, стр. VIII). Этим была «нанесена кровавая обида, было учинено невероятное оскорбление, был совершен громадный обман одних со стороны других» (ч. I, стр. VII—VIII). Иначе говоря, если кто и виноват в доселе происходящей в Палестине «страшной борьбе между христианскими вероисповеданиями» (которая ведется, как думает автор, исключительно за «обладание св. местами», т. е. на религиозной почве, — ч. I, стр. VII), то вся вина падает на латинский Запад, поправший еще во времена крестовых походов законные права православия. Отсюда сам собой напрашивался вывод о справедливости и правомерности их восстановления, т. е. вытекало историческое оправдание политики царизма в восточном вопросе.

Монография А. Попова от начала и до конца была проникнута этой тенденцией. Сплошь да рядом в ней встречались прямые политические выпады против «крестоносного Запада» в целом, выпады, делавшиеся с позиций рьяного приверженца политического курса православной церкви. Завершалась же работа Попова очерком исторического развития восточного вопроса (до конца XIX в.), целиком выдержанным в духе официальной пропаганды.

Этот «ортодоксальный» характер идейно-политического кредо Попова, исходя из которого он осуществлял свое исследование, обусловил и крупные принципиальные недостатки последнего. Важнейший из них, по нашему мнению, в крайнем, сплошь да рядом искусственно односторон-

⁹ С точки зрения Попова, цель восточной политики православной России бескорыстная — «освобождение единоверных и единоплеменных народов от турецкого ига», тогда как «крестоносный Запад» все еще и ныне «мечтает об утверждении своего господства на Востоке» (ч. II, стр. 212).

нем преувеличении якобы антиправославной направленности крестовых походов — тенденции, истоки которой восходят еще к писаниям реакционных публицистов середины XIX в.¹⁰ С этим связан и крайне упрощенный взгляд автора на крестовые походы как движение, на протяжении всей своей истории якобы остававшееся неизменно противоправославным, и отказ от какого бы то ни было анализа социально-экономических и идеологических предпосылок крестовых походов, а также их эволюции, и беспомощность автора в решении многих частных проблем.

Одновременно с монографией Попова и вскоре после нее, уже накануне и во время русско-японской войны, отечественными авторами было издано несколько популяризаторских работ по истории крестовых походов. Они были написаны на гораздо более низком уровне сравнительно с только что разобранными сочинениями. Некоторые из них представляли собой лишь слегка прикрытую наукообразной видимостью, а другие и вовсе откровенную историко-политическую пропаганду, служившую целям самодержавия. Такова брошюра «Крестовые походы» (автор неизвестен), выпущенная в 1903 г. Харьковским обществом грамотности; таковы же книги «Крестовые походы для освобождения Святой земли» под редакцией В. В. Федорова (опубликована в 1904 г. Петербургской комиссией народных чтений) и «Крестовые походы (Историческая хроника)» А. А. Федорова-Давыдова (М., 1904).

Авторами этих книг руководило прежде всего стремление прославить высокую набожность крестоносцев, их преданность религиозным идеалам¹¹. Крестовые походы изображались преимущественно как религиозное движение, в котором якобы сплотилось все европейское человечество, охваченное героически-светлым, религиозным порывом¹².

Мусульмане — противники крестоносцев — сплошь да рядом изображались «дикими хищниками», повсюду вырезавшими христиан¹³. Вообще христианство и христианский мир резко противопоставлялись исламу и мусульманскому миру: первый выступал истинно человеческим, справедливым, героически отстаивающим правые религиозные идеалы; второй — неким олицетворением мирового зла. Возбуждение ненависти к «нехристям», проповедь религиозной нетерпимости — одна из главных тенденций рассматриваемых сочинений¹⁴.

В условиях российской действительности времени русско-японской войны и кануна народной революции историческая агиогетика «героического христианства» должна была пробуждать и усиливать националистическую и религиозную экзальтацию, уводить в сторону от острых социально-политических проблем современности, глушить оппозиционные и тем более революционные настроения, разжигать шовинизм в отношении всех и всяких иноверцев¹⁵.

¹⁰ См. об этом в нашей статье в ВВ, XXI, 1962, стр. 192—194.

¹¹ В книжке «Крестовые походы» (Харьков, 1903) «сила веры» средневековых народов даже противопоставлялась — и притом не без сожаления — «неверию нынешнего века» (стр. 3—4).

¹² См. А. А. Федоров-Давыдов. Указ. соч., стр. 13; В. В. Федоров. Указ. соч., стр. 39, 43 и др.

¹³ В. В. Федоров. Указ. соч., стр. 39 и др.

¹⁴ См. А. А. Федоров-Давыдов. Указ. соч., стр. 3, 8, 15, 34 и др.

¹⁵ Политическую направленность всей этой литературы чрезвычайно ясно раскрывает, в частности, заключение харьковской брошюры «Крестовые походы». В нем описывается положение святой земли и условия паломничества... в начале XX в., рассказывается о целях «Императорского Палестинского общества», представляемого в виде чисто религиозной благотворительной организации, и содержится призыв к читателям «хоть что-нибудь пожертвовать в пользу этого (Палестинского.— М. З.) общества, хотя бы самую малость» (стр. 48). Книга В. Федорова также заканчивалась напоминанием читателю, что Иерусалим и до настоящего времени находится «во власти маго-

Таким образом, по своей идейно-политической направленности все эти работы были обращены в сторону актуальных проблем политики русского самодержавия и направлены на поддержку его империалистических поползновений на Ближнем Востоке. Работы эти изобилуют ошибками, несообразностями, неточностями, а то и нелепостями¹⁶. Часто авторы некритически воспроизводили различные традиционные домыслы, давно уже признанные недостоверными, допускали натяжки, невероятную фактическую путаницу, произвольные смещения в хронологии и причинной связи событий, ни на чем, кроме авторского вымысла, не основанные, подчас весьма примитивные толкования и т. п. Лишь в отдельных, очень немногих местах указанных произведений высказывались сравнительно реалистические суждения¹⁷ и учитывались некоторые новые данные, полученные исследователями конца XIX в. в области установления фактического хода крестоносного движения. В целом, однако, подход авторов к материалу отражал давно пройденную ступень развития историографии крестовых походов.

В ряду интересующих нас сочинений этого времени особняком стоит напечатанный в 1905 г. в «Трудах Киевской духовной академии» этюд киевского медиевиста В. Родникова «Забывтый документ». Он принадлежит к числу исследований «академического» порядка, не являвшихся столь непосредственным, как разобранные выше работы, отражением официального пропагандистского курса. Это — конкретное исследование, посвященное разбору письма¹⁸ оставшегося неизвестным очевидца взятия Константинополя участниками Четвертого крестового похода. Путем тщательного рассмотрения сведений, содержащихся в письме Анонима, и сопоставления их с данными произведений Жоффруа Виллардуэна, Никиты Хониата и переписки Иннокентия III Родников в общем достаточно убедительно определил социальное положение автора документа, характер его политических воззрений (это был, по мнению историка, «крайний приверженец папы» — стр. 10) и личность: он считал составителем письма Иоанна Фиезского, феодального барона, одного из предводителей крестоносцев Четвертого похода (стр. 8).

Наиболее серьезная ошибка, допущенная, как мы полагаем, Родниковым при анализе текста Анонима, заключалась в том, что он отнес содержание памятника к 1204 г., тогда как в действительности в письме рассказывается о первом вторжении крестоносцев в византийскую столицу, имевшем место в 1203 г. Другая ошибка исследователя состояла в переоценке письма Анонима как якобы единственного свидетельства оче-

метан» (стр. 88) — положение, достаточно четко, хотя и несколько приглушенно отражавшее идею необходимости овладения святыми местами на Востоке и отобрания их у «поклонников Магомета».

¹⁶ «Но бог послал им (крестоносцам. — М. З.) неожиданную помощь», — так говорилось в книге В. Федорова о прибытии в Яффу (во время осады Иерусалима первыми крестоносцами) генуэзского корабля с провиантом и инструментами (стр. 36). Тот же автор в качестве якобы действительно имевшего место события воспроизводил такое фантастическое происшествие, упоминаемое некоторыми хронистами, как явление крестоносцам Георгия-Победоносца на вершине горы Елеонской (по словам Федорова, это чудо изменило весь ход битвы за священный град — стр. 38). И т. д. и т. п.

¹⁷ Так, в книге Федорова более или менее близко к истине рисовались мотивы участия крестьянской бедноты в походе 1096 г. (стр. 6); в харьковской брошюре отмечалось, что для правящих кругов католической церкви «крестовые походы, кроме святой цели (sic! — М. З.), открывали блестящие виды на господство, влияние, богатство, расширение пределов власти на Востоке» (стр. 6). Впрочем, говоря далее о политике Урбана II, автор утверждал, будто папа «давно мечтал о том, чтобы улучшить свою власть участь христиан на Востоке» (стр. 13).

¹⁸ Во второй части исследования приводится прокомментированный самим автором русский перевод этого документа (стр. 12—21), который почти не учитывался историками при описании событий 1202—1204 гг.

вида о событиях падения Константинополя (стр. 12): по-видимому, автор не был знаком ни с «Записками» Робера де Клари (хотя они были опубликованы К. Гопфом еще в 1873 г.), ни с русским летописным сказанием «О взятии Царьграда от фряг».

Независимо от этого, однако, выводы киевского историка относительно ценности изученного им памятника в сравнении с мемуарами Виллардуэна и Никиты Хониата являлись вполне обоснованными. Оба эти писателя, по словам Родникова, составляли свои записки «уже спустя некоторое время после описываемых событий, почему многие частности могли быть позабыты их авторами или ускользнуть при описании ими целого ряда фактов», тогда как «забытый документ» является «письмом с театра войны» (стр. 12, курсив Родникова.— М. 3.), и с этой точки зрения он «в некоторых частностях» более достоверен, нежели произведения прославленных историографов Четвертого крестового похода. Действительно, Аноним приводил в своем рассказе такие детали, которые позволяют нарисовать более четкую картину событий в целом, нежели одни только данные западных и византийских повествователей. Несомненная заслуга Родникова в том, что он обратил внимание на этот памятник и произвел его в основном хорошо аргументированный анализ.

Значение этюда Родникова не исчерпывается, однако, одними только выводами фактологического порядка. Родников — один из очень немногих историков Четвертого крестового похода, придерживавшихся близкого к истине мнения по такому существенному вопросу в истории этой крестоносной авантюры, как действительный характер политики Иннокентия III в 1202—1204 гг. Автор отнюдь не шел по стопам тех западноевропейских ученых, которые, слепо доверяясь папскому эпистолярю, изображали Иннокентия III убежденным противником изменения направления похода. Сведения Анонима, писал Родников, «невольно разоблачают истинное отношение к крестоносному движению папства, формально протестовавшего против похода на Константинополь» (стр. 9, прим. 1, разрядка наша.— М. 3.). Воззрения Родникова на политику Иннокентия III в крестовом походе были для своего времени шагом вперед в трактовке этой, по сей день вызывающей споры проблемы.

Этюд Родникова — едва ли не единственная работа по крестоносной тематике, опубликованная непосредственно во время революции. Свое непосредственное продолжение и развитие интерес историков к сюжетам из истории крестовых походов получил уже в эпоху столыпинской реакции и затем в ближайшие годы накануне первой мировой войны. При этом самый характер трудов отечественных историков этого времени претерпел изменения по сравнению с предшествующим. Жанр популярной книги, и тем более архипопулярной брошюры, постепенно уступил свое место, с одной стороны, частным исследованиям сравнительно узких проблем, с другой — развернутым университетским курсам, выдержанным в строго академическом плане.

Из работ этого времени, посвященных частным проблемам истории крестовых походов, отметим критическую статью Успенского об исследовании французским медиевистом Г. Шлюмберже истории египетских походов иерусалимского короля Амальриха I в 60-х годах XII в.¹⁹ Продолжая общую линию, намеченную в своих прежних сочинениях, Успенский и здесь подчеркивал необходимость изучения событий крестоносного

¹⁹ Успенский. Походы в Египет короля иерусалимского Амальриха I; G. Schumberger. Campagnes du roi Amaury I-er de Jérusalem en Egypte au XII siècle. Paris, 1906.— ЖМНП, 1907, № 11, стр. 239—244.

движения в рамках международных отношений эпохи²⁰. По ходу разбора книги Шлюмбержэ в статье рассматривались преимущественно взаимоотношения Византии и Иерусалимского королевства в связи с египетскими кампаниями Амальриха I. При этом Успенский, верный своим старым концепциям и как бы становясь на позиции Никиты Хониата, которого он обильно цитировал, осуждал прозападную политику Мануила Комнина: его поддержка завоевательных планов Амальриха I в Египте шла вразрез «с ожиданиями византийских патриотов» (стр. 241), писал историк, не пытаясь сколько-нибудь четко определить социальный состав ни этой «патриотической партии», ни тех группировок, интересы которых отражала политика императора. Провал военных кампаний иерусалимского короля в долине Нила, по мнению Успенского, доказывает, «как вообще недостижима была задача на востоке, поставленная вождями и руководителями крестовых походов» (стр. 243). То же самое подтверждают и неудачные последующие попытки крестоносцев овладеть Египтом (в 1218—1219 гг. и в 1250 г.). В свете всех этих неудач, заключает Успенский, «исход похода Амальриха (в 1169 г.— М. З.) не может представляться исключительным по своим результатам» (стр. 244).

Популярная литература о крестовых походах в рассматриваемый период представлена в сущности одной книжкой Н. Андреева (Н. Николаина) — «Священные войны или крестовые походы», выпущенной в 1908 г. прогрессивным издательством Ф. Павленкова в серии «Культурно-историческая библиотека» (СПб.). Книжка эта отличается от большинства популяризаторских сочинений начала века своей несомненно большей научной глубиной, стремлением автора разобраться в социальных основах крестоносного движения. Интересно, что Андреев развивал в ней некоторые воззрения, совсем не ввязавшиеся с официальными установками. Он был одним из очень немногих, если не единственным, из русских дореволюционных историков, сумевшим дать читателю более или менее законченное, хотя и не во всем вполне верное представление о подлинных предпосылках участия в крестовых походах различных общественных слоев феодального Запада, прежде всего крестьянской бедноты. Рассказав о бедствиях крепостной деревни, автор заканчивал свое повествование таким, довольно метким и даже звучавшим в 1908 г. весьма злободневно выводом: «Кто не ушел в леса и на большие дороги разбойничать и бродяжничать, тот еле переносил свою суровую долю и с злобой взирал на немногих богатых людей. Душу томил страстное желание уйти куда-нибудь, лишь бы избавиться от нужды и бедствий на родине» (стр. 8). Особенно примечательно это суждение о «злобе» бедствовавших крепостных против сеньоров: автор по существу приближался здесь к пониманию крестьянского крестового похода как своеобразной формы социального протеста. В Европе, отмечал он в другом месте, налицо была «масса недовольных и беспокойных людей» (стр. 12); это недовольство и толкнуло их к участию в крестовых походах. В весьма сильных и точных выражениях формулировал Андреев и важнейшие причины рыцарских крестовых походов. Он писал: так как «поилец-кормилец, крестьянин, сам ничего не имел», а «работать эти дворяне не любили», им «нужно было искать других доходов»; поэтому-то рыцари и «стали разбойничать», сперва

²⁰ Разбирая труд Г. Шлюмбержэ (в начертании Успенского «Шлюмбергер»), критик ставил ему в упрек главным образом то обстоятельство, что он «не ввел взятый им для изучения эпизод в сферу вопросов, рисующих борьбу латинского Запада с греческим и мусульманским Востоком, и наоборот, вследствие чего походы Амальриха имеют вид авантюры, хотя на самом деле за ними нельзя не признать весьма реального значения, если рассматривать их с точки зрения положения дел на Востоке между II и III крестовыми походами» (стр. 243).

у себя дома, а затем, соединившись, нападать, на чужие земли (стр. 8). И далее: «Страны, заселенные арабами, где процветали большие торговые города, где в изобилии царил роскошь²¹, где находились огромные богатства, эти страны составляли особую приманку для рыцарей, мечтавших о грабеже и славе» (стр. 9). Религиозный фактор в крестовых походах автор рассматривал в качестве своеобразного дополнения к главным, по его мнению, материального порядка обстоятельством, обусловившим крестоносное движение. Умонастроение различных общественных группировок накануне крестовых походов изображалось в книжке Андреева вполне в реалистическом духе. Палестина, писал он, рисовалась воображению и рыцарей, и монахов, и простого народа «в виде какой-то сказочной страны, где текут молочные реки в кисельных берегах, где небо вечно ясно и приветливо, где тепло, весело и беззаботно жить. „Вот куда бы нагрязнать!“ — думал иной вояка-рыцарь. „Вот где бы пожить на свободе и в довольстве!“ — мечтал голодный и забитый крестьянин. „И зачем эта благословенная страна, в которой жил наш Спаситель, принадлежит неверным!“ — негодовал какой-нибудь восторженный монах» (стр. 10—11). Такая картина, в которой наипервейшее место занимали земные — хозяйственные и социальные — предпосылки крестовых походов, выгодно отличалась от представлений, развивавшихся в некоторых ранее рассмотренных популяризаторских работах.

Реалистическая окраска свойственна была всему повествованию Андреева. Оно обнаруживает его серьезное знакомство с новейшей по тому времени литературой по крестовым походам. В книжке проявлялись несомненно демократические симпатии автора. В этом отношении наиболее выразительно описание бедняцкого крестового похода (стр. 20 сл.), и с фактической стороны в гораздо большей степени, кстати, чем в других конкретных работах, соответствующее данным источников, которыми автор вообще часто пользуется (стр. 15, 16, 33, 35 и др.). Заслуживает также внимания стремление — на наш взгляд, обоснованное — органически включить поход бедноты 1096 г. в историю первого крестоносного предпринятия в целом. Андреев в этом смысле противопоставлял свою точку зрения взглядам тех историков, которые «не принимают в расчет» «эти беспорядочные передвижения народных масс и первым крестовым походом считают тот, который состоялся год спустя после Клермонского собора» (стр. 21). И позднее, уже излагая события так называемого рыцарского похода 1096—1099 гг., автор не преминул оттенить участие в нем народной массы: «Понятно, — писал он, — что рыцари не одни шли в поход, в их войске находилось множество простого народа, составлявшего пехоту» (стр. 22).

Работа Андреева лишена какого бы то ни было налета клерикализма. Подчеркивая примат практических побуждений у крестоносцев, автор отнюдь не выбрасывает из истории крестовых походов их религиозного элемента: он старается в меру своих возможностей объяснить религиозные мотивы и чувства крестоносцев духом времени (стр. 38). Вся книжка проникнута стремлением к правдивому, достоверному, точному изображению событий и их участников.

Одно из достоинств работы Андреева — внимательное изображение социальных порядков в государствах крестоносцев. В книжке подчеркивается крепостнический характер Латино-Иерусалимского королевства, отсутствие существенной разницы в положении крепостных земледель-

²¹ Далее Андреев уточняет эту формулировку, говоря, что паломникам, посещавшим страны Востока, лишь «казалось, что не только знатные, но и простые люди живут там, в чужих странах, богаче и вольготнее, чем многие из европейских вельмож» (стр. 10).

цев Сирии и Палестины, принадлежавших к разным вероисповеданиям, враждебное отношение коренного населения к завоевателям (стр. 41). Реалистические тенденции этого рода отчетливо чувствуются и в описании внутренней жизни Византии накануне ее завоевания крестоносцами (стр. 59), и в характеристике общественных отношений мусульманского мира (стр. 46), в которой, кстати сказать, совершенно отсутствовали тенденции к пристрастно-одностороннему изображению среды, враждебной крестоносцам, наблюдавшиеся в некоторых других работах.

Хотя в книжке Андреева встречаются фактические неточности, поверхностные объяснения, а в трактовке отдельных вопросов имеет место влияние некоторых окостенелых, традиционных представлений, например о последствиях крестовых походов (стр. 42, 72), тем не менее эта работа выделяется в ряду других, аналогичных ей отечественных изданий начала XX в. реалистичным подходом автора к изображаемым событиям, демократической окраской в толковании социальных проблем, отсутствием клерикальных мотивов, объективностью в изложении исторического материала о мусульманском мире.

Едва ли не наиболее значительным произведением отечественной историографии начала XX в. в интересующей нас области был спецкурс известного слависта А. Н. Ясинского «История крестовых походов», опубликованный литографским изданием в 1909 г. Курс этот в различных вариантах читался им в Юрьевском университете на протяжении целого ряда лет начиная с 1898 г., но особенно широкую аудиторию привлек именно в годы реакции ²². Литографское издание курса Ясинского, давно уже ставшее библиографической редкостью ²³, представляет большую ценность для исследователя русской историографии крестовых походов ²⁴. По своему научному уровню лекции Ясинского стояли намного выше всех прочих сводных работ, изданных ранее на данную тему отечественными учеными, и в целом лекционный курс Ясинского во многих отношениях представлял существенный вклад в разработку крестоносных сюжетов в русской историографии. Весьма детальное изложение фактического материала сочеталось здесь с обстоятельными критическими экскурсами в источниковедческие и историографические проблемы; при этом наибольшую научную и познавательную ценность имели в лекциях именно источниковедческие разделы. Курс Ясинского базировался на лучших по тому времени образцах специальной и общей медиевистической (отечественной и зарубежной) литературы и был отмечен самобытным талантом историка, его совершенно самостоятельным подчас отношением к историческому материалу, местами весьма тщательным собственным анализом источников и событий, многократно описанных в литературе. Специфические задачи учебного курса, читавшегося в университетской аудитории, определили одну, особенно ценную с научной точки зрения черту лекций Ясинского,

²² Из архивных материалов ЦГИА Эстонской ССР, любезно сообщенных нам проф. Ю. Мадиссоном, видно, что если в 1898 г. на лекции Ясинского записалось всего 6 студентов, а в 1904 г. — 26 человек, то в 1908 и 1909 гг. спецкурс по крестовым походам прослушало соответственно 107 и 132 студента.

²³ По сообщению Ю. Мадиссона, оно отсутствует даже в библиотеке Тартуского ун-та. Нами обнаружено в фондах Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина в Москве. О лекциях Ясинского по крестовым походам совершенно не упоминает при разборе его курсов, читавшихся в 1905—1917 гг., М. А. Казакова («Исторические взгляды А. Н. Ясинского». — «Научные доклады высшей школы. Исторические науки», 1961, № 3, стр. 151 сл.).

²⁴ К сожалению, лекции Ясинского в этом издании не завершены: они обрываются кратким, явно скомканным в студенческом переложении рассуждением о результатах крестовых походов (см. А. Н. Я с и н с к и й. История крестовых походов. Юрьев, 1909, стр. 246).

а именно: преобладающий в них аналитический принцип преподнесения материала. Большие и малые события крестоносного движения раскрывались лектором как бы в самом процессе творческой, «лабораторной» обработки текстов источников и критики литературы.

Главная особенность спецкурса Ясинского состояла в том, что через все лекции красной нитью проходил живой интерес автора к источникам. В самом начале курса был дан общий вводный обзор истории издания источников по крестовым походам, основанный преимущественно на работах киевского медиевиста Ф. Я. Фортинского²⁵, учеником которого Ясинский являлся²⁶, и дополненный отчасти самим автором²⁷. В последующих лекциях Ясинский неоднократно возвращался к источникам и разбирал различные источниковедческие проблемы²⁸. С наибольшей полнотой комплекс источниковедческих вопросов был поставлен в лекциях, непосредственно предшествовавших изложению истории событий 1096—1099 гг. Здесь Ясинский подробно рассматривал основные нарративные и эпистолярные памятники Первого крестового похода (стр. 103—127). Он привлекал при этом ту критическую источниковедческую литературу, которая имела к началу XX в. (Ясинский был прекрасно знаком с трудами Г. Зибеля, Г. Прутца, Г. Хагенмейера), но в то же время многие его заключения базировались, несомненно, на самостоятельном изучении текстов источников, содержание которых местами он излагал с большими деталями. Особый источниковедческий раздел был также предпослан характеристике государств крестоносцев в Сирии и Палестине (стр. 198—205). И здесь, критически используя суждения различных исследователей, Ясинский высказывал вместе с тем оригинальные соображения, основанные на непосредственном знакомстве с трактатами кипрских юристов XIII в. — Филиппа Новарского и Жана д'Ибелина и решительно расходившиеся, в частности, с мнением, выдвинутым Е. Щепкиным²⁹, по вопросу об аутентичности так называемых «Писем гроба господня» (стр. 201 сл.), а также со взглядами ряда западноевропейских авторитетов (П. Пари, К. Сафа) на происхождение Иерусалимских ассиз (стр. 203). Внимательный анализ источников, единственный в своем роде в отечественной дореволюционной литературе по крестовым походам, источниковедчески углубленное освещение фактического материала — несомненные свидетельства высокого научного уровня и главные достоинства курса Ясинского.

Преимущественный интерес к источникам предопределил и характер историографических экскурсов, содержавшихся в лекциях. При рассмотрении трудов историков XIX столетия Ясинского занимало только их отношение к средневековым памятникам. Следуя в этой постановке проблемы методам своего учителя, Ясинский, однако, дал, на наш взгляд, более четкую, по сравнению с Фортинским, оценку трудов Ф. Вилькена и Ж. Мишо (стр. 23), которым с полным основанием противопоставил крити-

²⁵ Имеем в виду исследование Ф. Фортинского «Научная разработка истории первого крестового похода» («Университетские известия», Киев, 1882, № 4—5).

²⁶ См. В. Бузескул. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века, часть первая. Л., 1929, стр. 115, прим. 1.

²⁷ В обзор включены материалы, оставшиеся, по-видимому, неизвестными Фортинскому («Записки» Жоффруа Виллардуэна в изд. Н. де Вайи, 1872), а также более поздние издания памятников крестовых походов («Регесты Иерусалимского королевства» Р. Эрихта, источники, помещенные в V томе «Recueil des historiens des croisades», и др.).

²⁸ См. анализ греческих источников Первого крестового похода на стр. 87—94, разбор контрверсы по поводу письма Алексея I Комнина к графу Роберту Фландрскому на стр. 99 сл., легенды о Петре Пустыннике в свете данных различных хроник на стр. 138 и т. д. и т. п.

²⁹ Е. Щепкин. Иерусалимское королевство. — «Книга для чтения по истории средних веков», под ред. П. Г. Виноградова, ч. II. СПб., 1897, стр. 503 сл.

ческое исследование Г. Прутца «Культурная история крестовых походов» (1883), отнеся ее «к числу лучших произведений исторической литературы второй половины 19 века» (стр. 25). Кроме того, Ясинский включил в свой обзор некоторые новые работы русских историков; впрочем, он уделил им лишь по несколько беглых замечаний скорее библиографического, чем аналитического характера³⁰.

Собственно исторические разделы курса Ясинского охватывают предысторию и историю Первого крестового похода, а также Иерусалимского королевства. По полноте охвата темы в целом они уступают некоторым другим общим работам отечественных историков. В то же время курс Ясинского выгодно отличается от остальных историй крестовых походов широким, «всемирно-историческим» подходом к теме.

В лекции была включена характеристика состояния мусульманского мира накануне крестовых походов. При этом Ясинский отмечал ошибочность представления о том, что, поднимаясь на крестовые походы, Европа будто бы «шла на борьбу с невежеством и варварством». Этот тезис лектора был несомненно направлен против апологетики крестовых походов. Большое внимание в курсе уделялось также истории Византии, ее социально-экономическому и политическому развитию. Развивая в какой-то мере концепцию Успенского, Ясинский даже утверждал, что крестовые походы вообще можно рассматривать просто как «эпизод из истории Византии» (стр. 49). Что касается изображения событий собственно крестовых походов, то в нем отсутствовали малейшие следы какого бы то ни было влияния конфессиональных установок. Продолжая положительные традиции буржуазной историографии, Ясинский рисовал крестовые походы в общем и целом как движение, обусловленное причинами реального характера: на первый план он повсюду выдвигал светский элемент крестоносных предприятий (стр. 133 и др.)

Однако на решении им ряда важных проблем крестовых походов отрицательно сказались некоторые распространенные в литературе конца XIX—начала XX в. ложные социологические теории. Так, пытаясь определить историческое место крестовых походов, Ясинский руководствовался в сущности антинаучным стремлением подвести исторический фундамент под современные международные конфликты; он делал это с помощью метафизического представления о вековой борьбе между Востоком и Западом, происходящей якобы, по его мнению, и «в наше время в виде борьбы с желтой опасностью» (стр. 4). Разделяя это ошибочное представление, в котором в полной мере сказалось присущее буржуазной исторической науке конца XIX—начала XX в. отрицание исторического развития³¹, Ясинский полагал даже, что эта борьба Запада с Востоком всегда являлась плодотворной для человечества: конфликты между народами, принадлежащими к различным очагам культуры, «вызывают обмен идей и создают более высокую цивилизацию» (стр. 5). Эта методологически несостоятельная схема была и политически порочной.

С точки зрения принципиальных оценок и решения коренных проблем крестоносного движения лекции Ясинского отличались противоречивостью: трезвый, реалистичный анализ нередко сочетался в них с традиционнo-идеалистическими, неверными по существу характеристиками и оценками; свежие, интересные мысли, проливавшие новый свет на ход событий и вносявшие новые оттенки в их понимание,— с трафаретными, подчас

³⁰ Кстати говоря, книгу Ф. И. Успенского Ясинский ошибочно рассматривал как «первую (разрядка наша.— М. З.) попытку оценить историю крестовых походов с русской точки зрения» (А. Н. Ясинский. Указ. соч., стр. 26).

³¹ См. А. И. Данилов. Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии. М., 1958, стр. 87 сл.

наивными толкованиями многих фактов. Так, Ясинский верно определял социальные побуждения крестоносцев-крестьян, когда говорил о «тяжелом положении крестьянского населения на всем Западе» накануне крестовых походов, о том, что «крестьяне и бедняки мечтали найти на Востоке лучшее обеспечение своей человеческой личности», что «крестовые походы стали знаменем освобождения» (стр. 136). Но в то же время коренные причины успеха крестоносной пропаганды папства в массах он усматривал в «идеальных увлечениях» (стр. 135), в том, что «идея крестового похода являлась разрешением того умственного переворота, который переживало в ту пору европейское общество» (стр. 134) и суть которого раскрывалась им в идеалистическом духе, притом довольно сбивчиво. По мысли Ясинского, происходившая в XI в. борьба империи с папством представляла собою спор «между духовным направлением и материальным», спор по поводу «вечной человеческой проблемы, которой никогда, по-видимому, не суждено получить разрешения» (sic! — М. З.). Не только «лучшие люди» того времени, но «массы народные», по Ясинскому, якобы «инстинктивно чувствовали» глубину конфликта; а поскольку «этот спор под влиянием исторических условий особенно обострился, получилось сознание неудовлетворенности человеческого существования» (стр. 134). Отсюда — поиски современниками возможности «примирить две сущности, духовную и материальную» и как итог этих поисков — принятие массами «идеи крестового похода», идеи, в которой широкие круги охотно склонны-де были находить желанное «примирение» двух начал: «идеальная цель, служение церкви», осуществимая, однако, «лишь материальными средствами» (стр. 134—135).

Такого рода путанные рассуждения в курсе Ясинского были явным отголоском некритически воспринимавшихся им идеалистических построений западной историографии крестовых походов (Зибель и др.).

Иногда подлинные черты эпохи подменялись историком схоластическими абстракциями, увлекшись которыми он искажал картину европейской действительности конца XI в. По его словам, например, подъем духа, совершившийся на Западе под влиянием идеи крестового похода, вызвал значительное улучшение во всех сферах общественной жизни: «После века одичания и упадка нравы очищаются, люди (увлекаются) идеальными побуждениями и стремлениями, а это нравственное очищение сопровождается, как и обыкновенно бывает (sic! — М. З.), подъемом материального благосостояния» (стр. 135) — суждение, явно противоречившее оценке самим Ясинским материальных предпосылок участия бедноты в крестовом походе.

Самая слабая, хотя и наиболее обширная часть курса Ясинского — описание устройства Иерусалимского королевства: из его поля зрения совершенно выпала социально-экономическая история государства крестоносцев; почти все внимание историк сосредоточил на анализе его политической организации, характеризовавшейся им в плане традиционных представлений об «идеальном феодальном государстве» (стр. 198), которое сложилось будто бы в результате целенаправленной деятельности крестоносных рыцарей (там же).

Последние работы русских дореволюционных историков по крестовым походам относятся ко времени, непосредственно предшествовавшему первой мировой войне, и к ее начальному периоду, когда интерес к крестоносной проблематике оживился преимущественно в связи с новым обострением международной обстановки, в том числе на Ближнем Востоке ³².

³² Ярким показателем особенно тесной связи истории и политики, характерной для деятельности ряда ученых этого времени, могут служить публицистические статьи

В 1914 г. в «Сборнике трудов в честь Н. И. Кареева» (СПб.) была опубликована блестяще написанная статья известного палеографа и историка О. А. Добиаш-Рождественской «Письмо князей-крестоносцев к папе Урбану». Формально статья носила узкоисточниковедческий характер. Автор рассматривал в ней послание предводителей Первого похода к Урбану II, написанное вскоре после взятия ими Антиохии в 1098 г., прежде всего ради установления степени его достоверности. Посредством целой серии тонких наблюдений, сличения различных рукописных вариантов документа (одну из рукописей — парижскую XII в. — автор держал в руках³³) и т. д. автор делал вывод, что в сохранившемся виде письмо князей не является безусловно аутентичным эпистолярным памятником, а представляет собой плод редакторской обработки. Первоначально, по поручению Боэмунда Тарентского, было изготовлено послание к папе с призывом явиться в Палестину и привести с собой новые контингенты крестоносцев. Эта основа, или ядро, документа была затем, при переписывании его, дополнена без ведома вождей крестоносцев их поименным списком и заключением, в котором вторично было подчеркнуто обращение к папе. Эта часть письма, содержащая в себе мотивировку послания, была составлена «в кругах, близких курии, может быть, в Палестине, вернее — на Западе» (стр. 43).

Таким образом, исследовательница различала в документе изначальный текст и интерполяции: вступительный список князей, от имени которых якобы написано послание, торжественный заключительный призыв к папе, а также сообщение о находке святого копья. Однако не этот, по своему характеру частный вывод составил главный итог работы исследовательницы. Проанализировав содержание заключительной интерполяции и с полным основанием предположив, что источником ее были круги, близкие к курии, Добиаш-Рождественская высказала некоторые важные принципиальные соображения касательно политики папства в связи с организацией им Первого крестового похода. Добиаш-Рождественская показала, что содержащаяся здесь «историческая философия... вовсе не является... банальным украшением» в документе. «Она слишком ярко окрашена думами и желаниями определенного момента и определенных кругов», а именно: в интерполяционных рассуждениях имеются ясные указания на действительные «мотивы папской пропаганды крестового похода» (стр. 41). У папы было одно решающее побуждение, которое, по словам историка, «ранее всякой идеи крестового похода против ислама направило на исламский восток внимание римских первосвященников и не переставало занимать их мысли до того дня, когда крестоносцы заняли Сирию и Палестину». Заключалось оно в том, чтобы «наложить руку на патриархаты Антиохии, Александрии и Иерусалима и оторвать эти восточные церкви от влияния греческой, „схизматической“». Это побуждение «перевешивало все остальные и ничего не заставляло (курию. — М. З.) желать так горячо, как завоевания этих областей западными христианами» (стр. 42).

Ф. И. Успенского, регулярно публиковавшиеся в 1915—1916 гг. и дававшие трактовку восточного вопроса, соответствовавшую политическому курсу самодержавия. См. Ф. И. Успенский. Всемирноисторическое значение переживаемых событий. — «Биржевые ведомости», 31 марта 1915 г.; он же. Конкуренция народов на Ближнем Востоке. «Биржевые ведомости», 6 апреля 1915 г. (см. также «Сообщения Российского палестинского общества», т. 29. Л., 1926, стр. 1—27); он же. Действительные и мнимые позиции на Ближнем Востоке. — «Биржевые ведомости», 13 апреля 1915 г.; он же. С кем пойдет Константинопольский патриарх? — «Биржевые ведомости», 27 апреля 1915 г.; он же. Религия и политика. — «Биржевые ведомости», 1 июня 1915 г.; он же. Как понимать восточный вопрос? — «Русская будущность», 1916, № 21-22.

³³ См. Сборник в честь Н. И. Кареева. СПб., 1914, стр. 32, прим. 9.

В письме князей к Урбану II, указывала исследовательница, пером человека, близкого к курии, была начертана целая программа, составлявшая незримую основу всей крестоносной деятельности папства. Автор заключительной интерполяции документа словно «раскрыл в ней видение, которое волновало в эти годы душу папского Рима: Гроб Господень — освобожденный, древняя кафедра Антиохии — осиянная блеском наместничества св. Петра, крестоносное войско — в роли слуг и подручников папы, схизматики и еретики, сирийцы и якобиты — склонившиеся перед его властью, весь мир — ему повинующийся...» (стр. 43). Добиаш-Рождественская усматривала во всем этом «одну из могучих и настойчивых тенденций курии, заветнейших ее мыслей» (там же).

Вывод статьи гласил: «Возможно, что вооружая человечество против мусульманского Востока, папы, в глубине души, больше всего имели в виду Восток „схизматический“» (там же). Делая этот вывод, автор по сути дела воспроизводила точку зрения Успенского и Попова, их понимание подлинных мотивов, руководивших действиями римских первосвященников, направленными к организации крестовых походов. Притом Добиаш-Рождественская мыслила себе эти мотивы в чисто идеалистическом плане: она полагала, что, замышляя завоевание схизматического Востока «западным христианством», папы исходили просто из необходимости соблюсти «традиции церкви», «коей универсальность, постоянно подчеркиваемая, как проявление ее божественной мысли, была тяжело скомпрометирована расколом и ересью». Лишь вскользь и несколько туманно говорилось в статье о «самых непосредственных интересах» (там же) католической церкви, определивших пропаганду и практические мероприятия в области подготовки и проведения крестового похода.

Тем не менее в этих расплывчатых формулировках был шаг вперед в истолковании проблемы крестоносной политики Рима по сравнению с воззрениями западноевропейских исследователей аналогичных проблем (В. Норден) (стр. 32). Именно в обосновании представления о своекорыстном, продиктованном реальными потребностями универсалистской политики папства характере его крестоносной деятельности заключался один из самых плодотворных результатов исследования Добиаш-Рождественской.

Близкий круг проблем, но уже применительно к политике папства в начале XIII в. по отношению к Латинской империи, возникшей в результате Четвертого крестового похода, рассматривался в опубликованной в том же, 1914, году брошюре известного византиниста Б. А. Панченко «Латинский Константинополь и папа Иннокентий III» (Одесса). Путем обработки данных переписки Иннокентия III от 1204—1215 гг., венецианских грамот, известий Никиты Хониата и Георгия Акрополита, актов Латеранского собора 1215 г. автор обстоятельно осветил политику и дипломатию Иннокентия III в Константинополе после утверждения там крестоносцев, его деятельность по организации латинского патриархата под эгидой римской курии. При этом он раскрыл весьма неприглядную картину постоянных раздоров и сенок между венецианскими и французскими церковниками, вызванных стремлением тех и других овладеть максимальным количеством наиболее доходных церковных должностей в латинском патриархате (стр. 19 сл., 36, 40 сл.). Панченко нарисовал выразительные образы «латинских пришельцев, скрывавших под митрой алчность и нетерпимость» (стр. 16). Особенно удался историку портрет первого латинского патриарха Константинополя — венецианца Томмазо (Фомы) Морозини, в деятельности которого, по словам автора, «незаметно ни одного идеального мотива... за пределы своих денежных и административных претензий Фома не поднимался» (стр. 44).

В своей книжке Панченко освещал также попытки папства насадить церковную унию в Латинской империи. Рассматривалась деятельность в этом направлении легатов Иннокентия III — Бенедикта в 1205—1207 гг. (стр. 25) и Пелагия д'Альбано в 1213 г. (стр. 50 сл.), показывалось сопротивление унии со стороны греческого духовенства, ободренного, по выражению Панченко, «образованием независимых политических центров в Никее и Эпире» (стр. 49). Слабым местом в освещении им этого комплекса вопросов являлось то, что он не сумел выявить подлинные глубокие причины провала миссии обоих папских посланцев в Латинской империи. Панченко, правда, писал, что здесь «шла борьба не на жизнь, а на смерть» (стр. 59), однако ошибочно сводил ее исключительно к сопротивлению православного духовенства латинскому. В силу своей идейно-методологической ограниченности буржуазного ученого он не смог (да и не пытался) разглядеть те широкие общественные силы, действия которых предопределили неудачу церковно-политического курса папства.

В 1915 г. был опубликован литографированный курс лекций видного русского медиевиста, знатока средневековых источников Егорова «Крестовые походы»; этот курс, прочитанный им на Московских высших женских курсах в 1914—1915 гг., построенный проблемно, по словам самого лектора, был направлен главным образом против одной «формулы» западноевропейских историков, согласно которой «крестовые походы были характерным эпизодом средневековья», а Первый крестовый поход был «типичным для остальных» (ч. I, стр. 12—14, 62). Критика Егоровым этой «формулы» внесла много нового в понимание предпосылок и характера крестового движения³⁴.

Последним по времени произведением русской дореволюционной историографии крестовых походов является исследование П. М. Бицилли «Новгородское сказание о IV крестовом походе», опубликованное в 1916 г.³⁵ Тема исследования — известия Новгородской летописи о Четвертом крестовом походе. Конкретные результаты этой работы представляют определенную научную ценность. В очень скромном по размерам, всего в шесть с небольшим страничек, этюде Бицилли рассматривает поставленную им тему в основном в источниковедческом аспекте. Автора прежде всего занимает вопрос об источниках, или, вернее, источнике той версии относительно дипломатической предыстории Четвертого похода, которая получила свое выражение в Новгородской летописи³⁶ и согласно которой «этот поход был решен совместно (курсив автора.— М. З.) папой и Филиппом Швабским» (стр. 55). Посредством скрупулезного филологического анализа текста новгородского сказания, главным образом особенностей начертания в нем собственных имен и географических названий (они передаются летописцем на немецкий лад: «Берн» — Верона, «Венедикт» или по другому списку «Венедик» — Венеция и т. п. — стр. 56—58), а также на основании давно отмеченного исследователями факта знакомства русских сказителей и летописцев с немецкими сказаниями, в том числе о «поганом и злом Дедрике», т. е. Дитрихе Бернском, упоминаемом и в Новгородской летописи, Бицилли приходит к заключению, что источником информации для автора новгородского сказания о Четвертом крестовом походе были немецкие крестоносцы: «...новгородец услышал рассказ о

³⁴ См. подробнее в нашем обзоре в ВВ, IV, 1951, стр. 184 сл.

³⁵ Насколько мы можем судить, впоследствии историк никогда не возвращался к истории крестовых походов: находясь после Октябрьской революции в эмиграции, он занимался другими проблемами средневековой истории и, кроме того, написал ряд исследований по истории русской литературы XIX в.

³⁶ П. Б и ц и л л и. Новгородское сказание о IV крестовом походе.— «Исторические известия». М., 1916, № 3-4, стр. 55.

крестовом походе из немецких уст» (стр. 58). Таково одно из главных положений разбираемой статьи.

В ней имеется и другая часть, посвященная анализу новгородского сказания о походе на Константинополь по существу. В итоге этого анализа Бицилли сделал вполне убедительный вывод о том, что перед нами — версия немецкого происхождения, или, более четко: «Новгородская летопись отразила в себе официальную „гибеллинскую“ точку зрения на значительнейшее из мировых событий того времени» (стр. 60).

Если конкретно-исторические результаты, добытые Бицилли в процессе исследования текста новгородского сказания, представляются в общем соответствующими действительности и являются определенной лептой в изучение Четвертого крестового похода, то нельзя никоим образом считать безупречными некоторые принципиальные из его исходных позиций. В своей общей трактовке истории Четвертого крестового похода Бицилли объективно примыкал в известной мере к «теории германской интриги» П. Риана³⁷. Правильно подметив тенденциозность «гибеллинской точки зрения» (в передаче ее новгородским летописцем), стремление немецкого источника русского летописца выгородить короля штауфенской Германии, подчеркнув, что франки своими действиями якобы нарушили требования Филиппа Швабского не чинить зла Царьграду (стр. 59), Бицилли в то же время — вслед за Рианом — невольно преувеличивал действительную роль германской дипломатии в крестоносном предприятии. По-видимому, не только на выбор темы, но и на суждения историка оказала свое воздействие политическая ситуация времени написания его статьи: в ней явственно заметно влияние антигерманских настроений.

Критикуя далее «гибеллинскую» точку зрения на события 1202—1204 гг., как она отразилась в Новгородской летописи, Бицилли утверждает, будто она приписывала Филиппу Швабскому требования, которые на самом деле исходили от Иннокентия III («не навязывать грекам „Исаакovichа“ насильственно и вообще не делать им зла» — стр. 59). В другом месте он характеризует политику этого папы как «слабую и последовательную только в своем оппортунизме» (стр. 55). Оба эти высказывания свидетельствуют об ошибочности воззрений Бицилли на сущность и характер дипломатии Иннокентия III во время Четвертого крестового похода; в этом отношении гораздо более точными были воззрения В. Родникова.

* * *

Общие итоги обозрения трудов отечественных историков о крестовых походах, изданных в начале XX в., могут быть сформулированы в следующем виде. Русские медиевисты обнаруживают в этот период значительный интерес к крестоносной проблематике, в конечном счете обусловленный определенными внутри- и внешнеполитическими факторами. С одной стороны, он был связан с попытками господствующих классов и служившей им церкви расширить и углубить религиозную пропаганду (в том числе на историческом материале), чтобы таким путем помешать распространению революционных идей среди народных масс. С другой стороны, повышенное внимание к крестоносной проблематике вызывалось потребностями исторического обоснования политического курса самодержавия на Ближнем Востоке («восточный вопрос»). Неудивительно поэтому, что работам большинства отечественных историков начала XX в. были присущи принципиальные недостатки, вытекавшие из классово-полити-

³⁷ См. P. R i a n t. Innocent III, Philippe de Suabe et Boniface de Monferrat. Paris, 1875.

ческой природы их исторического мировоззрения, методологической слабости, идейной ограниченности этих историков как идеологов российских буржуазно-помещичьих кругов. Русская, так же как и зарубежная, историография этого периода не сумела дать правильного решения коренных вопросов истории крестовых походов. Работы большинства русских историков, как правило, были проникнуты идеализмом. Во многих из них проводились реакционные политические идеи, служившие делу обоснования захватнической внешней и реакционной внутренней политики самодержавия.

Вместе с тем отечественная историография начала XX в. имела ряд серьезных достижений в разработке некоторых общих и частных вопросов истории крестовых походов. Русские историки нередко поднимали новые вопросы, не привлекавшие интереса западных исследователей, или давали свежую, свободную от западной предвзятости трактовку проблем, ставившихся ранее в зарубежной историографии. Немалую роль в успехах отечественной медиевистики на поприще изучения истории крестовых походов играло пристальное внимание к источникам, проявлявшееся как в исследовательских, так и отчасти в научно-популярных трудах (в том числе в лекционных курсах); самая направленность интересов отечественных авторов побуждала их к расширению используемого круга памятников, в частности за счет византийских источников.

Развитие русской историографии крестоносной проблематики в значительной мере шло самостоятельным путем. Учитывая результаты исследований, главным образом французских и немецких медиевистов, и в то же время подвергая их обстоятельной критике, отечественные историки во многих случаях выдвигали собственные концепции, убедительно их развивали и доказывали.

Заслугой отечественных исследователей начала XX в. являлось скрупулезное изучение некоторых существенных, хотя и частных по своему характеру, источниковедческих и историографических проблем крестовых походов — в особенности Первого и Четвертого. Работы Родникова, Ясинского, Добиаш-Рождественской, Панченко, Бицилли уточнили ряд представлений о конкретных событиях и явлениях, характеризующих отдельные моменты крестоносного движения (политика папства в крестовых походах и т. д.). Были сделаны важные шаги в области изучения крестовых походов в рамках истории международных отношений XII — XIII вв. (Успенский). Была обстоятельно выявлена и резко подчеркнута материальная основа крестоносного движения (Попов, Андреев, Ясинский, Панченко, Егоров). В отличие от большинства западноевропейских историков, русские исследователи оттенили захватнический характер этих рыцарских войн, осудив в самых суровых словах варварское поведение крестоносцев на Востоке (Успенский, Попов и др.). Низведение «подвигов» рыцарей креста на уровень грабежа объективно способствовало развенчанию крестовых походов: работы отечественных исследователей, рассеивая тот нимб, которым расцвели деяния крестоносцев католические историки, способствовали тем самым выработке более точных и правильных научных представлений о крестоносном движении.

Э. ФРАНЧЕС

НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ ОСЕНЬЮ 1354 г.
В КОНСТАНТИНОПОЛЕ И ОТРЕЧЕНИЕ ИОАННА КАНТАКУЗИНА

В ноябре 1354 г.¹ Иоанну V Палеологу с помощью генуэзского корсара Франческо Гаттилузи удалось проникнуть в покоренный Кантакузином Константинополь; в его распоряжении были очень небольшие военные силы, и внезапное нападение удалось лишь благодаря хитрости². О последовавших за этим событиях подробно рассказывает сам Кантакузин. Он утверждает, будто и не помышлял о сопротивлении своему зятю Иоанну Палеологу, но рассматривал возвращение последнего как удобный случай осуществить еще ранее принятое решение — отойти от политической жизни и удалиться в монастырь³. Однако далее Кантакузин признается, что он сразу же после сообщения о появлении Иоанна Палеолога послал за помощью к своему сыну Матвею и другим военачальникам, находившимся в различных частях страны. Особенно ярко характеризует планы Кантакузина, который готовился оказать ожесточенное сопротивление Иоанну Палеологу, то обстоятельство, что он и на этот раз обратился за помощью к туркам, находившимся во Фракии (Cantac., III, p. 288). Однако, чтобы последовательно оставаться на почве выдвинутой им версии — о его намерении отойти от политической жизни, в чем он хотел бы уверить читателя, — Кантакузин утверждает, будто он принял эти меры лишь для того, чтобы успокоить своих политических сторонников. В действительности же вскоре после этого по просьбе Кантакузина в столице появился Андроник Асан с находившимися в его подчинении войсками (Cantac., III, p. 293—294). Все это явно указывает на то, что Кантакузин решил оказать сопротивление Иоанну Палеологу и с этой целью готов был, не задумываясь, призвать в столицу турецкие банды, всегда готовые пограбить такой большой и богатый город, как Константинополь. Далее Кантакузин утверждает, что по предложению Иоанна Палеолога он заключил с ним договор. Этот договор точно определял права каждого из двух императоров, и Кантакузин позаботился о том, чтобы сохранить преимущество перед своим зятем. При этом был произведен точный раздел доходов между обоими императорами. Сыну Иоанна Кантакузина, Матвею, были гарантированы его владения, город Адрианополь, а также другие города в Родопах (Cantac., III, p. 291—292). Положения договора выда-

¹ R. J. Loenertz. Les recueils de lettres de Démétrius Cydonès. Roma, 1957, p. 109.

² Nicephori Gregorae Byzantina historia. Bonnae, 1855, vol. III, p. 241—247; Ducas. Istoria Turco-byzantină, ed. V. Grecu. București, 1958, p. 69.

³ Ioannis Cantacuzeni Historiarum libri IV. Bonnae, 1823, vol. III, p. 284—285.

вали твердое желание Кантакузина утвердить свою власть и обеспечить ее как за собой, так и за своими потомками. Только после того как это соглашение было подписано и Кантакузин укрепил свое положение, он отменил ранее отданные им приказы, согласно которым он призывал на помощь турецких военачальников с войсками (Cantac., III, p. 294).

Затем оба императора начали править совместно в соответствии с заключенным соглашением. На первом же состоявшемся совещании был поставлен на обсуждение самый жизненный для Византии вопрос — об изгнании турок с европейского континента. Все участники совещания согласились с тем, что следует принять энергичные военные меры против турецких банд, которые совершенно беспрепятственно бродят по византийской территории и грабят ее. Один лишь Кантакузин возражал против этого и стремился доказать, что эти меры были бы несколько несвоевременными (Cantac., III, p. 295—299). Такая позиция обнаруживала его намерение не ссориться со своими вчерашними союзниками, которых он хотел сохранить в непосредственной близости от себя, чтобы в случае необходимости иметь возможность их использовать.

Я воспроизвел важнейшие события, происходившие в то время при дворе, как о них сообщает сам Кантакузин. Уже из этого изложения видно, сколь неправдоподобно утверждение Кантакузина, будто бы он с самого начала принял решение отказаться от борьбы и отойти от политической жизни.

Если рассматривать события, происходившие в Византии со времени смерти Андроника III: продолжавшуюся в течение 13 лет смуту и гражданскую войну, вызванную чрезвычайным честолюбием Кантакузина, то представляется совершенно невозможным принимать выдвинутую им версию за чистую монету.

В течение всех этих лет Кантакузин с исключительным упорством и совершенно беззащитно боролся за то, чтобы оставаться у кормила государственной власти. В решительный момент он не останавливался перед тем, чтобы уступить обширные территории расширявшемуся соседнему государству, пойти на то, чтобы была опустошена вся его родина, и отдать наглым захватчикам важнейшие города Фракии и Македонии — все это в качестве вознаграждения за помощь в борьбе против партии Палеологов, партии чиновничьей знати. Он был точно так же беспощаден по отношению к самому себе и своей семье, когда на карте стояла императорская корона; в ходе гражданской войны он растратил все свое состояние и пожертвовал собственной дочерью, которая должна была стать женой Орхана — случай, беспрецедентный для Византии.

Весь логический ход событий доказывает, что в ноябре 1354 г. Иоанн Кантакузин вовсе не имел намерения покинуть политическую арену и к этому решению его вынудили другие обстоятельства. Одно только возвращение Иоанна Палеолога ни в коем случае не могло заставить его отречься, так как силы, которыми тот распоряжался при своем вступлении в Константинополь, были ничтожно малы (Cantac., III, p. 285). По этой причине Иоанн Палеолог также не отважился покинуть укрепленную им башню, которую он захватил не силой оружия, а благодаря хитрости (Cantac., III, p. 290). Если даже допустить, что Кантакузин был захвачен врасплох и в первый момент был отрезан от вооруженных сил, находившихся вне столицы, то и в этом случае он мог бы быстро восстановить свои позиции с помощью лишь тех войск, которыми располагал в Константинополе. Кроме того, он мог в короткое время вызвать вспомогательные войска из провинций. Несколько ранее он впустил во Фракию 12 тыс. турок (Greg., III, p. 181), явно для того, чтобы иметь возможность отразить возможную попытку возвращения Иоанна Палеолога, а вовсе не для того, чтобы подго-

готовить себе путь в монастырь. Впрочем, при несколько иных обстоятельствах, как, например, в 1342 г., Кантакузин также находился в весьма критическом положении, однако он не был обескуражен и не отказался от борьбы.

После заключения соглашения с Иоанном Палеологом отношения между ними продолжали оставаться хорошими, и Кантакузин рассказывает об удивлении и сожалении, которые выразил его зять, когда он сообщил тому о своем намерении отойти от политической жизни (Cantac., III, p. 306). Как выяснится в дальнейшем, и позднее Иоанн Палеолог и Иоанн Кантакузин находились в хороших отношениях и последний, находясь на заднем плане, продолжал принимать участие в государственных делах.

При изложении событий мы до сих пор ограничивались тем, что происходило в придворных кругах. Однако в это время Константинополь потрясали крупные народные движения, которые Кантакузин не мог обойти молчанием. Тотчас же после того, как стало известно о прибытии Иоанна Палеолога в Константинополь, население предприняло бурные выступления против приверженцев Кантакузина, разграбило их жилища и мстило тем, кто в 1347 г. облегчил захват Кантакузином Константинополя (Cantac., III, p. 290). Движение стало еще более бурным, когда народные массы овладели оружейным складом морского арсенала. Наступление восставших продолжалось и на следующий день; дома политических сторонников Кантакузина все еще подвергались грабежу и разрушались, Влахернский дворец был осажден, а его церковь подожжена (Cantac., III, p. 290; Greg., III, p. 242). С большим трудом каталонской гвардии удалось приостановить натиск масс (Cantac., III, p. 291). Однако массы не сложили оружия, но возобновили свое наступление, и им даже удалось взять приступом одни ворота, проникнуть во дворец и возобновить осаду (Greg., III, p. 242). Патриарх Филофей, один из самых ревностных сторонников Кантакузина, считая, что дело проиграно, бежал, чтобы скрыться от народного гнева (Cantac., III, p. 291; Greg., III, p. 247). Лишь под давлением этого мощного народного движения Кантакузин был вынужден вести переговоры с Иоанном V и заключить с ним соглашение, о чем сообщает также Никифор Григора (Greg., III, p. 243). Тем не менее и после этого сила наступления городского населения на Кантакузина и его сторонников не ослабела, так как народные массы в сущности сражались не за Иоанна V, а лишь против Кантакузина. Дворец вновь подвергся яростным атакам, и Кантакузин на этот раз совершенно определенно говорит, что нападающим был «демос» (Cantac., III, p. 305). Сторонники Кантакузина, спасаясь, бежали в ужасе кто куда мог (Greg., III, p. 247). Волнения носили столь бурный характер, что о них стало известно в Италии и они были отмечены в хронике Маттео Виллани ⁴.

В такой обстановке Кантакузин отдавал себе отчет в том, что он, на какие бы уступки ни пошел, не сможет удержаться в столице вопреки категорически выраженной воле городских масс, и тогда он ушел в монастырь, окончательно отказавшись от трона.

Враждебные выступления городского населения против Кантакузина и его партии явились формой проявлений борьбы городских слоев населения против византийской феодальной знати. Эта знать уже господствовала в городских центрах и способствовала раздроблению государства. Иногда заодно с латинскими купцами, иногда конкурируя с ними, представители феодальной знати спекулировали в ущерб городским потреби-

⁴ Matthaei Villanii ejusque filii Philippi Historia ab anno MCCCXLVIII ad annum MCCCLXIV. Ludovicus Antonius Muratorius. Rerum italicarum scriptores, vol. XIV, col. 268.

телям, продавая доставленные из их поместий жизненно необходимые продукты по вздутым ценам⁵. Феодалная знать пренебрегала развитием городов и ущемляла интересы городских элементов⁶. Именно поэтому, когда Кантакузин короновался в качестве императора, в Адрианополе вспыхнуло восстание, которое затем перекинулось на другие города империи (Santac., II, p. 176—179). Восстания византийских горожан достигли кульминационного пункта в победе зилотов Фессалоники и закончились восстанием в Константинополе, которое привело к окончательному удалению Кантакузина. Эта победа, однако, пошла на пользу не городским массам, а Иоанну V Палеологу и партии Палеологов. Недостаточная политическая зрелость масс и неоднородный состав участников движения способствовали тому, что они видели в Иоанне V и его партии союзников и защитников своих интересов и поддерживали его лишь потому, что в этой борьбе против Кантакузина он стоял на их стороне, точно так же как те же городские массы за несколько лет до этого поддерживали Алексея Апокавка. Именно этим объясняется также сближение зилотов Фессалоники с Иоанном V. Хотя движение там было организовано несравненно лучше, партия зилотов согласилась с тем, чтобы управление городом было передано члену семьи Палеологов⁷. В действительности же в поддержке Иоанна V была заинтересована лишь городская верхушка, поскольку Палеолог и его партия боролись против феодального раздробления страны, которому содействовала политика Кантакузина. Именно этим объясняются симпатии к Иоанну Палеологу, которые Григора и Кантакузин приписывают городским массам (Greg., III, p. 150; Santac., III, p. 255). Поэтому жители Адрианополя восстали при приближении Иоанна Палеолога и надеялись при помощи его войск прогнать приверженцев Кантакузина; Матвей Кантакузин был вынужден вплоть до прибытия подкреплений отступить в городскую цитадель. Население Адрианополя оказало жесточайшее сопротивление наемникам Кантакузина, большей частью туркам, которые были посланы для подавления восстания (Greg., III, p. 178; Santac., III, p. 242—244). То же произошло при первой попытке Иоанна Палеолога захватить столицу: достаточно было ему появиться вблизи города, как в столице началось волнение (Santac., III, p. 255). Другие города отказались подчиниться Кантакузину и предпочитали в ходе гражданской войны открывать свои ворота сербским войскам (Santac., III, p. 31, 127).

Ненависть к Кантакузину и его партии возросла ещё более во время гражданской войны, которая привела к тому, что вся территория Византии подверглась грабежу, турки утвердились на европейском континенте и страна вообще оказалась на краю гибели. События в восставшем и вновь покоренном Кантакузином Адрианополе, выдача его на поток и разграбленные турецким наемным отрядам (Santac., III, p. 245; Greg., III, p. 178) привели лишь к обострению отношений между партией Кантакузина и городскими элементами.

Мероприятия, проведенные Кантакузином в период своего правления, причиняли вред в равной мере интересам всех слоев городского населения. С целью добыть средства для военных расходов и содержания турецких наемных войск были увеличены налоги. Помимо повышения обычных

⁵ Georgii Pachymeris de Michaele et Andronico Palaeologis libri XIII. Bonnae, 1835, vol. I, p. 460—461; R. Guillaud. Études byzantines. Paris, 1959, p. 77—78; N. Bănescu. Le patriarche Athanase I-er et Andronic II, Paléologue. — «Académie Roumaine. Bulletin de la section historique», XIII, 1942, I, p. 23—25.

⁶ E. Frances. La féodalité et les villes byzantines au XIII-e et au XIV-e siècles. — BS, XVI, 1955, p. 93—94.

⁷ E. Frances. Răscoala zeloților din Thessalonie în lumina ultimilor cercetări. — «Studii», XII, 1959, 3, p. 265.

налогов (Greg., II, p. 870), были установлены новые и сделаны попытки переложить всю их тяжесть исключительно на плечи ремесленников и купцов (Cantac., III, p. 38—39). Хотя горожане и сопротивлялись этому, однако в конце концов вынуждены были уступить; при этом взыскание новых налогов дало повод для многочисленных злоупотреблений, вследствие чего в Константинополе создалась напряженная обстановка, которая в любое время могла привести к вспышке восстания (Cantac., III, p. 80).

Для того чтобы обеспечить сбыт продуктов феодальных вотчин, Кантакузин обложил особой пошлиной пшеницу и другие ввозимые в Константинополь продукты сельского хозяйства; он повысил пошлины на вино, продаваемое мелкими производителями; пошлины взымались в двойном размере, если вино продавалось торговцами (Cantac., III, p. 80—81). По тем же причинам он стремился ограничить ввоз вина венецианцами⁸. Увеличение пошлин на все торговые операции (Cantac., III, p. 81) несомненно привело к значительному росту цен, в особенности на продовольствие.

Изгнание Кантакузина было последним победоносным выступлением народных масс Константинополя. Сила и настойчивость, которые они при этом обнаружили, способствовали сближению обеих партий господствующего класса. Между Иоанном Палеологом и Иоанном Кантакузином, вчерашними противниками, установилось сотрудничество, причем ради этого последний не поколебался пожертвовать интересами своего собственного сына Матвея. Кантакузин остался высшим советником императора. Ни одно важное решение не могло быть принято без его согласия. Когда в 1367 г. в Созополе обсуждался вопрос об объединении церквей, Иоанн V отказался взять на себя какое-либо обязательство, до того как посоветуется с Кантакузином и патриархом. Последовавшие за этим переговоры велись в присутствии Кантакузина и при его деятельном участии⁹. Прекрасно осведомленные венецианцы в 1376 г. дали указание своим послам в Константинополе посетить также Кантакузина, если они сочтут это необходимым¹⁰. Это служит доказательством того, что он, как и прежде, играл важную роль. Самый доверенный сотрудник Кантакузина Димитрий Кидонис занимал при молодом императоре ту же должность, как и при его предшественнике¹¹. К разочарованию Григоры, Иоанн V отказался выступить против Кантакузина по религиозным вопросам (Greg., III, p. 342, 347—348).

Как и следовало ожидать, Иоанн V предал городские движения, развернувшиеся в Византии в середине XIV в. Он продолжал поддерживать богатых купцов, чтобы иметь возможность использовать их в своих целях, в частности в борьбе против народных масс в городах. По этой причине он стремился препятствовать розничной торговле венецианских купцов на территории империи¹². Купцы из Фессалоник получили привилегии, которые они старались использовать против венецианских властей в момент, когда город перешел под власть венецианцев¹³. Укрепление лагеря господствующего класса путем сближения враждовавших до сих пор между собой

⁸ F. Thiriet. *Régestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Romanie*, t. I. Paris, 1958, № 237.

⁹ J. Meyendorff. *Jean Joasaph Cantacuzène et le projet de concile oecuménique en 1367*.— «*Akten des XI. Internationalen Byzantinisten-Kongresses, München, 1958*», München, 1960, S. 363—369.

¹⁰ F. Thiriet. *Op. cit.*, t. I, № 575.

¹¹ R. J. Loenertz. *Le chancelier impérial à Byzance au XIV-e et au XIII-e siècle*.— «*Orientalia Christiana Periodica*», XXVI, 1960, p. 293—295.

¹² F. Thiriet. *Op. cit.*, t. I, № 342.

¹³ *Ibid.*, t. II, № 1995.

партий послужило одной из причин того, что после этих событий городские движения в Византии совершенно прекратились. Города шли навстречу полному хозяйственному упадку.

Рост могущества итальянских купцов способствовал дальнейшему ослаблению византийских ремесленников и торговцев. Итальянцы не довольствовались тем, что, используя свои привилегии и значительно более благоприятные производственные условия итальянских городов, повсюду конкурировали с византийскими купцами и ремесленниками, но стремились уничтожить их любым способом, иногда даже с помощью вооруженной силы. В войне между Генуей и Византией в 1434 г. генуэзцы направили свои пушки на торговый квартал Константинополя, большую часть которого они разрушили¹⁴. Все это, равно как и опасность со стороны турок, пишет Димитрий Кидонис, имело своим следствием большую эмиграцию из греческих городов на запад в середине XIV в.¹⁵ Высказывания Кидониса целиком и полностью подтверждаются Григорой (Greg., II, p. 752), который пишет об экономическом и культурном упадке городов (Greg., II, p. 751). Акты Дубровника также сообщают о переселении туда многих греков из Константинополя и других городов Романии¹⁶. Есть также основания говорить о греческой иммиграции в румынские земли еще задолго до падения Константинополя¹⁷. Недаром путешественники, посещавшие Константинополь в XIV — XV вв., подчеркивали обезлюдение города¹⁸. В свете этого утверждение Тедалди о том, что население Константинополя перед его падением насчитывало 30—36 тыс. жителей¹⁹, является, по моему мнению, несколько преувеличенным. Так, Сфрандзи констатирует, что численность коренного населения, способного принять участие в обороне города в 1453 г., включая священников и монахов, составляла лишь 4773 человека²⁰.

Поскольку число сражавшихся составляло лишь 20% от общего количества населения, отсюда следует, что в Константинополе, по приблизительной оценке, еще проживало 20 тыс. человек.

Вывод, к которому мы приходим, состоит в следующем. Горожане в середине XIV в. одержали мнимую победу над поддерживаемой турками феодальной знатью. Эта победа привела к совершенно иным последствиям, чем в других странах Европы. Это было вызвано, как я пытался показать в рамках этой небольшой статьи, специфическими условиями развития Византии.

¹⁴ Laonici Chalcosandylae Historiarum demonstrationes, ed. Darko Budapestini, 1923, vol. II, pars prior, p. 62.

¹⁵ Demetrii Cydonii Oratio non reddenda Callipoli petente Amurate.— PG, t. 154, col. 1013.

¹⁶ Б. Крекић. Дубровник и Левант. Београд, 1956, стр. 117—139.

¹⁷ A. E. H. I. S. E. N. Analecten der mittel- und neugriechischen Literatur. Leipzig, 1860, Bd. IV, S. 214 (Ἐπιδημία Μάζαρτ ἐν Ἰαδίον).

¹⁸ J. Ebersolt. Constantinople byzantine et les voyageurs du Levant. Paris, 1919, p. 63.

¹⁹ J. Tedaldi. Prise de Constantinople par l'empereur turc.— «Monumenta Hungaricae Historiae», vol. XXII (1), p. 896.

²⁰ Phrantzes. Chronicon minus.— PG, t. 156, col. 1060.

Р. М. БАРТИКЯН

ЗАМЕТКИ О ВИЗАНТИЙСКОМ ЭПОСЕ
О ДИГЕНИСЕ АКРИТЕ

I. К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧНОСТИ ПЕРСОНАЖЕЙ «ДИГЕНИСА АКРИТА»

1. 'Απλορράβδης — 'Απελβάρτ — Абу-ль-Вард

Среди многих персонажей, упомянутых в византийском эпосе о Дигенисе Акрите, идентификация которых с историческими личностями вызывает большие трудности, встречается и имя некоего Аплорравда, выступающего в качестве эмира Меферке. Под этим городом подразумевается Майафарикин (Мартирополь), расположенный на армяно-мессопотамской границе. Дочь Аплорравда, в связи с которой упоминается ее отец, говорит Дигенису:

'Εμὴ πατὴρ νεώτερος, τὸ Μεφερκὲ τυγχάνει
τὸν 'Απλορράβδην¹ ἤκουσας, τὸν ἀμηνῶν τῶν πάντων,
οὗτος πατὴρ ἐμὸς ἐστὶ, μήτηρ ἡ Μελανθία².
(«Зовут тот город Меферкэ, в котором родилась я,
Там правит всеми Аплорравд, эмир, — о нем ты слышал, —
То мой отец, а мать моя Меланфией зовется»)³.

Этот Аплорравд, отличающийся в эпосе своей воинственностью, держал у себя в плену знатных христиан:

ἐν τοῖς πολέμοις γὰρ αἰεὶ εἶωθεν ἀσχολεῖσθαι⁴.

В огромной литературе, посвященной вопросам эпоса, были сделаны предположения и попытки идентифицировать этого Аплорравда с различными историческими личностями. Греческий ученый П. Каролиде идентифицирует 'Απλορράβδης с 'Αβδουρραχίμ⁵. Маврогордато отождествляет его с эмиром Майафарикина 'Αποτάγλε (Abū Taghlib)⁶, выступавшим в 70-х годах X в. союзником Варды Склира.

А. Я. Сыркин в недавно изданной ценной статье, специально посвященной вопросу историчности персонажей эпоса о Дигенисе Акрите, справед-

¹ В рукописи: 'Απλορράβδην исправлено в изданиях по Трапезундской и Андросской версиям.

² Digenes Akrites, edited with an introduction, translation and commentary by J. Mavrogordato. Oxford, 1956, V, 66—68.

³ Перевод А. Я. Сыркина (см. Дигенис Акрит. М., 1960, стр. 76). τὸν ἀμηνῶν τῶν πάντων можно еще перевести и «самого великого, величайшего эмира».

⁴ Digenes Akrites, V, 76.

⁵ Π. Καρολίδης. Σημειώσεις κριτικά, ιστορικά καὶ τοπογραφικά εἰς τὸ μεσαιωνικὸν ἔπος. 'Επετηρὶς τοῦ ἐθνικοῦ Πανεπιστημίου. 'Εν Ἀθήναις, 1906, σελ. 242.

⁶ Digenes Akrites, p. 146.

ливо отвергает эти предположения и считает их крайне гипотетичными⁷, не делая, однако, попытки идентифицировать Аплорравда.

В эпосе говорится также, что в плену у Аплорравда был юноша, сын некоего стратига Антиоха, которому удалось бежать из плена вместе с дочерью Аплорравда. Как указывается в эпосе, отец этого юноши погибает в плену у арабов, которые названы персами⁸.

Очень возможно, что под эписическим Ἀπλορράβδης нужно подразумевать упомянутого в De Administrando Imperio Константина Порфирородного эмира города Маназкерта (Μαντζικέρτ) в области Апахуник (Ἀπαχουνή) Ἀπελβάρτ — Абу-ль-Варда. В эпосе, несомненно, перестановкой букв βαρδ⁹-ραβδ греческий писец рукописи или же до него греческий сказитель захотел осмыслить это слово... ράβδης от слова ράβδος = дубинка (на что и намекает двойное ρρ в сложном слове Ἀπλορράβδης в Трапезундской и Андресской версиях)¹⁰. Арабское Абу-ль в эпосе тоже осмысленно по-гречески — ἀπλο... от ἀπλόс¹¹.

У Константина Порфирородного в качестве эмиров Маназкерта выступают два Абу-ль-Варда. Первый из них правил, по его данным, в третьей четверти IX в. Армянский князь князей Ашот Багратуни (862—885 гг., царь в 885—890 гг.) дал ему во владение крепости Хлат, Арчеш и Беркри¹². Вот все, что мы знаем о первом Абу-ль-Варде от Константина Порфирородного.

Подробности об этом Абу-ль-Варде дают нам армянские источники. Григор Нарекаци (X в.), который был обвинен в ереси тондракитов, называемых в византийских источниках павликианами¹³, написал послание против еретиков, в котором мы встречаем ценные данные о деятельности маназкертского эмира, направленной против еретиков-тондракитов. В этом послании он восхваляет некоего «мстителя, язычника эмира Аплварда»¹⁴, жившего по соседству с еретиками-тондракитами¹⁵ и ставшего гонителем последних. Он упоминает также, что этот Аплвард схватил и убил

⁷ А. Я. Сыркин. Об историчности персонажей «Дигениса Акрита». ВВ, XVIII / 1961, стр. 148.

⁸ Там же, стр. 148—149.

⁹ У Константина Порфирородного — Ἀπελβάρτ. Последнее τ в данном случае соответствует звуку d, ибо греческое δ в это время произносилось, как английский *th* (в слове *this*), или же, что очень часто у того же автора, армянское *t* = d передается по западноармянскому произношению — t, так как имя Варт — армянское.

¹⁰ Кстати, в византийской армии был род ράβδος — дубинок, которые назывались βαρδούκια или βαρδύκια. См. Ν. Καλομενόπουλου. Ἡ στρατιωτικὴ ὀργάνωσις τῆς Ἑλληνικῆς Αὐτοκρατορίας τοῦ Βυζαντίου Ἐν Ἀθήναις, 1937, σελ. 133. Так что имя Вард у византийцев легко ассоциировалось со словом ράβδος как по звучанию, так и по смыслу.

¹¹ На это намекает и густое придыхание перед этим грецизированным арабским именем, происходящим от арабского Абу-ль, в то время как просто Абу у византийцев осмысливалось не словом ἀπλόс, а просто предлогом ἀπό, например, Ἀποκίτης, Ἀποτάγλε, Ἀπόχαψ и др. В превращалось в π, Абу — Ἀπο, Абу-ль — Ἀπλο... , ибо в это время греческое β звучало, как и теперь, — v. Поэтому в византийской транскрипции чужое β очень часто передавалось через π, например, армянское имя Абас у того же Порфирородного выступает как Ἀπασ(άκιος).

¹² Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio, Greek text ed. by G. Moravcsik. Engl. transl. by R. J. H. Jenkins. Budapest, 1949, p. 198 (cap. 44).

¹³ См. Р. Бартикян. Легендарное происхождение павликиан по одной древнеболгарской рукописи. ИАН Арм. ССР, серия общ. наук, № 1, 1957, стр. 89 (на арм. яз.).

¹⁴ См. «Книга посланий». Тифлис, 1901, стр. 498 (на древнеарм. яз.).

¹⁵ См. там же, стр. 500. Сам центр движения — селение Тондрак — находился в области Апахуник. См. Аристакесян Ластивертци. История. Тифлис 1912, стр. 150 (на древнеарм. яз.).

основателя и вождя ереси тондракитов — Смбата Зарехаванци, современника Карбеаса и Хрисохира¹⁶.

Подробности об этом Абу-ль-Варде дает нам и армянский историк X в. Фома Арцруни. Он упоминает о том, что в 70-х годах IX в. эмиром кайсиков Маназкерта в области Апахуник стал некий Аблбар, которого Фома называет тираном Апахуника¹⁷.

Упомянутые в армянских источниках кайсики, принадлежащие маназкертскому эмирскому дому племени Сулайм, уже в 60-х годах IX в. являлись владьками Апахуника. Они, вероятно, поселились в Армении в правление Арун-аль-Рашида, в конце VIII в.¹⁸ Владения кайсиков, по данным Константина Порфирородного, — Маназкерт, Беркри, Хлат, Арчеш — до правления Ашота I находились под верховным владычеством халифата, названного у него Персидой. Во времена Ашота I все эти крепости и города уже находились в его вассальной зависимости. После убийства армянского царя Смбата I (914 г.) арабами кайсики Апахуника стали вассалами Византии, уплачивая ей определенную дань (до тех пор, пока современник Константин Порфирородного Абу-ль-Вард II перестал подчиняться Византии).

Константин Порфирородный считает, что правители Армении находились в вассальной зависимости от Византии, вассалами же правителей Армении являлись кайсикские эмиры. Следовательно, неподчинение правителю Армении в то время должно было считаться неподчинением Византии. Фома Арцруни упоминает о борьбе армянских Багратидов против эмиров Апахуника, что говорит в то же время о неподчинении эмира Византии, следовательно, и о его борьбе против Византии. Фома упоминает также, что в распоряжении кайсикского эмира было «персидское войско», совершавшее грабительские набеги на Романию¹⁹. В эпосе о Дигенисе Акрите «великий эмир» Аплорравд опустошает с большим войском земли Романии²⁰.

Второй Абу-ль-Вард жил во времена Константина Порфирородного. О нем византийский император дает нам больше сведений. Абу-ль-Вард второй *μετὰ δόλου καὶ χλεύης* убивает подчиненного византийскому императору Ахмета, тоже кайсика, владельца крепостей Хлат, Арчеш и Аркек, объединяет вновь все земли, принадлежавшие арабскому племени кайсиков, и перестает быть вассалом Византии, отказывается платить ей дань. Константин Порфирородный советует своему сыну обязательно завладеть этими крепостями, а также Беркри, ибо, по словам императора, «если царь владеет этими крепостями, арабское войско (*Περσικὸν φεσσῶτον*) не может вступить в Романию, так как они находятся между Романией и Арменией и являются заградой и *ἀπλίκτα* (против неприятельских войск)²¹.

¹⁶ Подробно о нем см. Ашот И о а н н и с я н. Движение тондракитов в Армении. — «Вопросы истории», 1954, № 10; е г о ж е. Смбат Зарехаванци, его время и современники. — «Вестник Матенадарана», т. 3, 1956; е г о ж е. Очерки истории армянской освободительной мысли, кн. 1. Ереван, 1957; С. П о г о с я н. Закрепощение крестьян и крестьянские движения в Армении в IX—XIII вв. Ереван, 1956 (на арм. яз.).

¹⁷ Фома Арцруни. История дома Арцруни. Тифлис, 1917, стр. 353, 361 (на древнеарм. яз.).

¹⁸ Пользуюсь рукописью монографии: А. Тер-Гевондян. Арабские эмираты в Багратидской Армении, которая скоро выйдет в свет.

¹⁹ Фома Арцруни. История дома Арцруни, стр. 395.

²⁰ Βασίλειος Διγενής Ἀκρίτας, ἐπιποιοῦντα βυζαντινῆ τῆς 10-ῆς ἐκατονταετηρίδος κατὰ τὸ ἐν Ἀνδρῶν ἀνευρεθὲν χειρόγραφον ὑπὸ Ἀ. Μηλιαράκη. Ἐν Ἀθήναις, 1920 (стк. 2468—270).

²¹ Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio, p. 202, cap. 44.

Интересно здесь подчеркнуть, что Константин Порфирородный (как и армянский историк Фома Арируни в связи с Абу-ль-Вардом I) не вызывающих в данном контексте сомнения арабов называет персами, а арабский халифат — Персидой (Περσίς), считая, что упомянутые земли никогда не находились под владичеством Персиды и халифата (καὶ πάντα τὰ προρρηθέντα κάστρα καὶ αἱ προρρηθείσαι χώραι οὐδέποτε γεγόνασιν ὑπὸ τὴν ἐξουσίαν τῆς Περσίδος ἢ ὑπὸ τὴν ἐξουσίαν τοῦ ἀμερριουμνῆ)²². В эпосе также говорится о том, что стратиг Антиох, попавший в плен, был убит персами, т. е. арабами, и совершенно прав А. Я. Сыркин, считая, что эпизод с дочерью Аплорравда разворачивается среди арабов²³.

Во всей этой истории возникает одно недоразумение. Аплорравд в эпосе является эмиром Μεφερχέ — Майафарикина, в то время как и первый и второй Абу-ль-Варды являются эмирами Маназкерта. Такого рода неточностей в эпосе довольно много, и это не должно нас смущать. Кстати, можно отметить, что, согласно данным Ибн-аль-Асира²⁴ и Яхьи ибн Саида²⁵, Абу-ль-Вард II потерпел поражение и был убит неким Наджа, стратигом эмира Диарбекира (Алдзника) Хамданида Сайф-аль-Даула, центром которого был город Майафарикин.

Труден другой вопрос: с каким из двух Абу-ль-Вардов нужно идентифицировать Аплорравда? Или Аплорравд олицетворяет деятельность обоих Абу-ль-Вардов? Более убедительно предположение, что мы имеем дело с Абу-ль-Вардом I, современником Хрисоверга — Хрисохерпа — Хрисохира и Кароэса — Карбеаса.

2. О прообразе героя Ангила

В византийском эпосе о Дигенисе Акрите в Трапезундской²⁶, Андросской (ныне «Афинской» — рукопись Национальной библиотеки № 1074)²⁷, Андросской прозаической²⁸ и Оксфордской²⁹ версиях среди противников Дигениса встречается и некий богатырь по имени Ангила³⁰ (Ἀγκύλας), который отличается большой силой, борется только дубинкой. Он единственный герой, которому удалось один раз победить Дигениса. Ангила на дубинке побежденного написал: «Пусть Дигенис идет к апелатам и скажет, что Ангила даровал ему жизнь». Это обстоятельство подчеркивает не только силу Ангила, но и его великодушие. Однако через год Дигенис вызывает Ангила на бой и убивает его ударом дубинки по голове.

Ниже приводится перевод части эпоса, касающейся Ангила из Трапезундской версии. Повествование идет от первого лица. Дигенис рассказывает апелатам о своих подвигах.

²² Ibidem.

²³ А. Я. Сыркин. Об историчности персонажей «Дигениса Акрита», стр. 149.

²⁴ См. M. Canard. Recueil des textes relatifs a Sayf al-Daula. Paris, 1934, p. 249—251.

²⁵ Ibid., p. 256—257.

²⁶ Les exploits de Basile Digenis Akritas, épopée byzantine du dixième siècle, ed. par C. Sathas et E. Legrand. Paris, 1875, p. 172—176 (стр. 2071—2123).

²⁷ Βασίλειος Διγενής Ἀκρίτας. Τὰ ἑμμετρα κείμενα Ἀθηνῶν (πρῶτην Ἄνδρου, μετὰ συμπληρώσεων καὶ παραλλαγῶν ἐκ τῆς διασκευῆς Τραπεζοῦντος), Κρυπτοφέρρης καὶ Ἐσχοριᾶλ. Νέα πλήρης ἐκδοσις μετ' εἰσαγωγῆς, ὑποσημειώσεων καὶ κριτικῆς ὑπομνήματος ὑπὸ Πέτρου Καλονάρου, τ. Α'. Ἀθῆναι, 1941, σελ. 171—174 (στίχ. 3068—3120).

²⁸ Οἱ δέκα λόγοι τοῦ Διγενοῦς Ἀκρίτα, κατὰ τὴν πεζὴν διασκευὴν τῆς Ἄνδρου. Ἐκδ. Δ. Πασχάλη — «Λαογραφία», IX, 1928, σελ. 379—381.

²⁹ Collection de Romans grecs en langue vulgaire et en vers publ. pour la première fois d'après les manuscrits de Leyde et d'Oxford par S. Lampros. Paris, 1880, стр. 2495—2562.

³⁰ В транслитерации придерживаюсь произношения, а не написания.

Р а с с к а з   А к р и т а   о б   А н г и л е

- «В один из дней (наполненных) моими мужественными деяниями,
я сел на скакуна и отправился в поле.
В Месопотамии я встретил молодца.
Он был очень ловким, приятным и очень мужественным.
- 2075 Мне понравился его конь, у меня возникло желание его отнять,
но взгляд молодца был обращен на своего коня, смотрел он и на меня.
Он был весьма ловким и очень мужественным.
Уклонился он слегка и нанес мне удар дубинкой,
и вслед за ударом он отнял мою дубинку.
- 2080 Затем начертал на ней он кровью писание,
началом которого были следующие слова:
«Акрит, не горюй, пусть не болит твое сердце,
ибо я твой раб, я — лев Ангила.
Я ради тебя сюда пришел, у меня не было других забот,
2085 и достиг я своей цели, осуществил твою мольбу, Акрит.
Но ты иди, расскажи всем апелатам:
Ангилу нанес мне дубинкой сильный удар,
но он не убил меня, он такой мужественный».
Вот это и есть писание чудесного Ангилы.
- 2090 Теперь я расскажу вам о том, что затем Ангилу претерпел.
Я вскочил и сел на коня, взяв свою дубинку,
и, сильно обиженный, отправился к моему патру.
Затем поставил лесенку, сошел с моего чудесного коня
и прочел на дубинке написанные кровью слова.
- 2095 Я постоянно думал о том, как ему отомстить.
Прошел год, но обида все время меня мучила,
и когда истек тот неудачный год,
я про себя решил ему отомстить,
расплатиться с ним за удар дубинкой и за писание,
- 2100 с ним, с достойным изумления и чрезмерно мужественным Ангиллой.
Я вскочил, сел на чудесного, каракового коня,
который в моих доблестных деяниях всегда был мне надеждой,
взял затем свой щит, свою лиру,
а также свою легкую дубинку и отправился в бой.
- 2105 И когда приблизился к его обиталищу, тогда
я начал играть на своей лире и стал петь песню,
как соловей, и изумлял я всех.
Мое сладкопение начиналось словами:
- 2110 «В этих ущельях и в этих теснинах,
в этих скалистых местах, дубинкой крепко бьют мужественных
благородные рождением и очень мужественные,
вот и мне дали в долг дубинкой очень крепкий удар,
но я хочу по-честному, с излишком вернуть свой долг,
хочу справедливо вернуть свой долг,
2115 вот я пришел именно за тем, чтобы вернуть долг».

О том, как Акрит,
ударив Ангилу дубинкой
по голове, убил его

Когда Ангилу услышал то, что я пел,
и так как ему была свойственна большая отвага,
он, призвав своего молодого коня, помчался на меня.
Я тоже призвал своего каракового коня и стал бить [Ангилу].

²¹²⁰ Я дал ему дубинкой по лбу легкий удар.

Он тотчас же умолк, с коня свалился.

Я немедленно спустился с коня, пытался его приподнять,
но молодец, застояв, сразу испустил дух»³¹.

Андросская стихотворная ³² и Оксфордская версии не дают нам ничего отличающегося от Трапезундской, кроме того единственного, как мы увидим далее, важного факта, что в Оксфордской версии Ангила назван γίγας — гигантом (стк. 2520).

В песнях акритского цикла, собранных в Телмесе в Кашпадокии и опубликованных П. Лагардом ³³, упоминается некий Акила, выступающий в качестве тестя Карабиера:

Ἐγὼ τ' Ἀκύλα κόρη ἤμουν καὶ τοῦ Καραβιέρη νόμφη.

А. Грегуар отождествляет Акилу с Ангилой, а Карабиера — с Кароэсом эпоса, т. е. с историческим Карбеасом ³⁴.

Попыток идентификации героя-богатыря Ангилы с какой-либо исторической личностью очень мало. Слишком уверенное предположение высказал П. Калонарос, что будто Ангила — это герой Sajjid Battal турецкого эпоса ³⁵, что никак не звучит убедительно и очень шатко обосновано. А. Я. Сыркин считает, что сопоставить Ангилу с кем-либо трудно ³⁶, и это понятно, ибо из вышеупомянутого рассказа хорошо видно, что мы имеем дело не с исторической личностью, а с мифической, легендарной.

Сначала остановимся на районе, откуда был родом Ангила. Это Месопотамия — конечно, не историческое Двуречье, а византийская провинция Месопотамия. В административном делении Византии провинция Месопотамия с центром Амидом входила в состав префектуры Востока ³⁷. В сирийских источниках Амидская область носила в древности название Бет-Аггелайе, по старинной крепости Аггел, расположенной на север от Амиды ³⁸.

В состав провинции Месопотамии входила область, которая в армянских источниках называется Ангел-тун, Дом, т. е. страна Ангела (Ангелена — византийцев). Об этом свидетельствуют протоколы Халкедонского собора 451 г.: Месопотамию там представляли шесть епископов: из Амиды, Софены, Анзитены, Мартирополя, Ингела-Ангелены и Софанены ³⁹.

³¹ Les exploits de Basile Digenis Akritas..., p. 172—176.

³² Андросская прозаическая версия нам осталась недоступной.

³³ Neugriechisches aus Kleinasien.— «Abhandlungen der kgl. Gesellschaft d. Wissenschaften zu Göttingen», Bd. 33, 1886, S. 20, 9.

³⁴ H. Grégoire. Notes sur l'épopée byzantine. 2. Une mention du héros Ankylas et du Paulicien Karbeas dans une chant akritique.— Byz., XIII (1938), fasc. 1, p. 521. Имена Каро[эс] или Карбеас — это армянские ласкательные (у армян встречаются и формы Крпе — Крбе, Крпо — Крбо) от Карапет — Карабет, означające «предводитель» (греч. Πρόδρομος). См. Р. Ачарян. Словарь армянских личных имен, т. II. Ереван, 1944, стр. 582 и сл. В этой связи Караβιέρης (вероятно, искажение от Караβιέρης) вышеупомянутой песни очень близок к имени Карабет, и предположение Грегуара о том, что Караβιέρης тождествен Кароэсу, очень правдоподобно. Об этом см. также Р. Бартиян. Источники для изучения истории павликианского движения. Ереван. 1961, стр. 166.

³⁵ Βασίλειος Διγενής Ἀκρίτας..., έκδ. Π. Καλονάρου, τ. Α', σελ. 172, ὑποσημ.

³⁶ А. Я. Сыркин. Об историчности персонажей «Дигениса Акрита», стр. 147.

³⁷ Notitia dignitatum, ed. O. Seeck. Berolini, 1876, p. 77. Ср. Н. В. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1941, стр. 15.

³⁸ Н. В. Пигулевская. Сирийские источники..., стр. 15.

³⁹ См. M a n s i, VII, p. 403: provinciae Mesopotamiae ep. VI: Symeon Amudensis, Noe Cesariensis, Zephanensis, Maras Azetiniensis, Zebennos Martyropolitani, Gaiumas Inseles, Inreles (sc. Ingeles), Eusenius (sc. Eusebius) Rufuniensis, Suphaniensis. Исправления Н. Адонца см. Н. Адонц. Армения в эпоху Юстиниана. СПб., 1908, стр. 39, прим. 1.

В VI в. Ангелена входила в состав Великой Софены, а после 591 г. Великая Софена вместе с Арзаненой вошла в провинцию Верхняя Месопотамия⁴⁰. Верхняя Месопотамия у Георгия Кипрского отождествляется с Четвертой Арменией — Ἐπαρχία Μεσοποταμίας ἕνω ἡτοι Δ' Ἀρμενίας⁴¹, а Четвертая Армения в Армянской Географии VII в. отождествляется с Софеной: *Ἐπὶ τῆς ἑτέρας τῆς ἑξ ἑπτακισμῶν ἡμετέρας*⁴². Ангелена же, как мы указали выше, входила в состав Софены.

Все сказанное свидетельствует о том, что Ангелена входила в состав провинции Месопотамии, той Месопотамии, откуда вел происхождение герой-богатырь Ангила.

Позже, как видно из данных Константина Порфирородного, упомянутые территории вошли в образованную Львом VI (886—911 гг.) фему Месопотамии. При императоре Романе Лакаине в состав фемы Месопотамии вошли Романополис и Хандзит⁴³ (εἰς τὸ Μεσοποταμίας θέμα ἐπὶ Ῥωμανῶν δεσπότην ἢ τε Ῥωμανόπολιν καὶ τὸ Χανδίτ).

Область Хандзит (арм. *Մանդիտ*, Анзитена — византийцев), области Софена, Софанена, а также Ангелена (или Ангилена) в более древнее время были известны под одним именем Софена. Они находились между Евфратом и Западным Тигром⁴⁴.

Что собой представляла Ангелена? Это очень древняя область. Немецкий хеттолог Э. Форрер, считает что Ангелена — это Ingal-ava хеттских надписей⁴⁵. Ангелена со своей неприступной крепостью позже стала играть большую роль в истории армянского народа. «С распространением политического и социального влияния феодального рода, — пишет известный армянский историк Гр. Капанцян, — владевшего крепостью Ангел, и вся обширная область по верхнему течению Арганы и Зебене (куда впадает Аргана-су) также стала называться „дом Ангела“ (*Մանդիտ տուն*)... С именем этого города-крепости Ангел у армян связывались древние традиции их политического становления и государственности, не говоря о культовом также значении»⁴⁶.

В IV в. при христианских Аршакидах Ангелена была царским поместьем. Как указывает армянский историк V в. Фавстос Бузанд, страна Ангел-тун «издревле была остан аркуни (т. е. царской областью)»⁴⁷. Во времена разорительных набегов армянского пахарара Меружана Арцруни царь Аршак сидел в Ангелене; видно, область эта служила временно местопребыванием аршакидских царей.

По сообщению того же Фавстоса Бузанда, войска персидского царя Шапуха под предводительством Меружана «пошли и осадили сильную крепость Ангел в гаваре (т. е. районе) Ангелтун, так как там находились усыпальницы многих армянских царей Аршакуни и с давних пор там были скоплены предками большие сокровища. Пошли, осадили кре-

⁴⁰ Н. Н ü b s c h m a n n. Die altarmenischen Ortsnamen. Strassburg, 1904, S. 303—304.

⁴¹ Georgii Cyprii Descriptio orbis Romani, ed. H. Gelzer. Lipsiae, 1890, p. 46.

⁴² Géographie de Moïse de Corène, texte arménien, traduite en française par Arsène Soukry. Venise, 1881, p. 30.

⁴³ Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio, ed. G. Moravcsik. Budapest, 1949, p. 238. О местоположении Романополиса см. E. H o n i g m a n n. Trois mémoires posthumes d'Histoire et de Géographie de l'Orient Chrétien. — «Subsidia Hagiographica», № 35. Bruxelles, 1961.

⁴⁴ См. Н. А д о н ц. Армения в эпоху Юстиниана, стр. 30.

⁴⁵ Real-lexikon der Assyriologie, 1, 88, s. v. «ALZI».

⁴⁶ См. Гр. К а п а н ц я н. Хайаса — колыбель армян. Этногенез армян и их начальная история. Ереван, 1947, стр. 199—200.

⁴⁷ История Армении Фавстоса Бузанда, перевод М. А. Геворкяна. Ереван, 1953, стр. 163.

пость, и когда вследствие неприступности места не сумели взять, то оставили и ушли»⁴⁸.

Армянский историк V в. Агафангел из 16 правителей Армении первым упоминает «князя Ангел-туна»⁴⁹, и этот князь — единственный, носящий у него прозвище «Великий»⁵⁰.

Развалины знаменитого замка Ангела лежат при местечке Агил, удержавшем древнее название⁵¹.

В сирийских источниках крепость Ангел упоминается у Иешу Стилита, Захарии Ритора, Иоанна Ефесского, который, впрочем, сам был уроженец Ангела, как Аггел — Aggel⁵². У теперешних сирийцев местность называется Agyū или Angyl⁵³.

В византийских источниках Ангелена упоминается Петром Патрицием — Ἰγγηληνή⁵⁴, а также в законодательстве Юстиниана⁵⁵. Она входила в число тех армянских княжеств, которые в византийских источниках назывались сатрапствами и были расположены на юге Армении, между Тигром и Евфратом, и простирались в сторону города Амиды⁵⁶.

Ангел-тун с юго-востока граничил с Сасуном⁵⁷, той областью, где был создан армянский эпос о Давиде Сасунском, эпос, имеющий много мест соприкосновения с византийским эпосом о Дигенисе Акрите. Река области Ангел-тун встречается в армянском героическом эпосе. В одной из его версий мы читаем:

«Мать Мысра Мелика говорит своему сыну:
„Сынок, раз ты не хочешь, то позови двух хороших пахлеванов,
чтоб они были сильными, и дай им Давида,
отправь [его], пусть пойдет в страну отца своего,
чтоб он не попался больше на твои глаза“.
Мысра Мелик позвал двух сильных пахлеванов,
дал им [Давида] и сказал: «Отнесёте до реки Ангела,
там его зарежьте и принесете мне в дар его уши»⁵⁸.

⁴⁸ Там же, стр. 112.

⁴⁹ А г а ф а н г е л. История Армении. Тифлис, 1909, стр. 414 (на древнеарм. яз.).

⁵⁰ Там же, стр. 460. Соответствующие места в древнегреческом тексте Агафангела: κελεύει οὖν (ὁ βασιλεὺς Τυριδάτιος) τοὺς ἀρχηγούς τῶν σατραπῶν συγκαλέσασθαι καὶ τοπάρχας καὶ πρῶτος ἀρχὼν Ἀγγελιτῶν οἴκου; καὶ τὸν μέγιστον ἀρχόντα τοῦ οἴκου τῶν λεγομένων Ἀγγελιτῶν (Agathangelus und die Akten Gregors von Armenien. Neu herausgegeben von Paul de Lagard. Göttingen, 1887, S. 68, 83). См. также Иоанн Мамиконян. История Тарона. Ереван, 1941, стр. 77. В арабской версии Агафангела: «И как только прибыли письма (т. е. Тиридата. — Р. Б.), пришли к нему три царя, царь абхазский, царь грузинский и царь аланский, и вместо с ними собрание князей. Во-первых, князь Гипса (Ангела)». См. Н. Я. Марр. Крещение армян, грузин, абхазов и аланов святым Григорием (арабская версия). — ЗВРАО, т. XVI, 1905, стр. 115.

⁵¹ Н. А д о н ц. Армения в эпоху Юстиниана, стр. 42.

⁵² Н. В. П и г у л е в с к а я. Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э. Сирийская хроника Иешу Стилита как исторический источник. М.—Л., 1940, стр. 149; е е ж е. Сирийские источники..., стр. 15.

⁵³ A s s e m a n i. Bibl. Orient., t. I, p. 273; t. III, p. 714.

⁵⁴ Ex Historia Petri Patricii et Magistri excerpta de legationibus Romanorum ad gentes. Bonnae, 1829, p. 135.

⁵⁵ CJ. De off. mag. mil., I, 29, 5 (Magnam Armeniam, quae Interior dicebatur et gentes: Anzetenam videlicet, Ingilenam, Asthianenam, Sophanenam, in qua est Martyropolis, Balabitenam). Ср. Н. А д о н ц. Армения в эпоху Юстиниана, стр. 29.

⁵⁶ Procopii de aed., III, 1: τῇ δὲ ἄλλῃ Ἀρμενία ἦπερ ἐντός Εὐφράτου ποταμοῦ οὐσα διέκει εἰς Ἀμιδαὶν πόλιν, σατραπεὶς ἐφροστήχασαν Ἀρμένιοι πέντε.

⁵⁷ См. «Сасна Цырер» (Давид Сасунский), т. II, ч. 2. Ереван, 1951, стр. 822 (на арм. яз.).

⁵⁸ Там же, стр. 250—251 (стр. 494—500).

В том же эпосе упоминается в «монастырь Ангéла» — Անգեղիկից վանք⁵⁹.
 Что представлял собой Ангéл-тун в культовом отношении?

С самого начала нужно отметить, что в армянском языческом пантеоне был бог по имени Ангéл. Это подтверждается тем, что библейский бог Երդեօլ — Нергал в армянском переводе Библии, сделанном в V в., выступает как Ангéл: «...сделали каждый народ и своих богов и поставили в капищах высот, какие устроили Самаряне, — каждый народ в своих городах, где живут они. Вавилоняне сделали Суккот-Беноф, Кутийцы [в греческом — ζυδρος Χοῦθ] сделали Нергала...»⁶⁰. В древнеармянском переводе: *և արք Բուժիշ արարին զԱնգեղ*.

Н. Адонц проводит линию между семитским Нергалом, греческим Гераклом, армянским Ангéлом и находит возможным, что прообразом является семитский Нергал. Он считает достоверным, что Ангéл если не этимологически, то во всяком случае по своим атрибутам тождествен Нергалу. Он считает, что название крепости Ангéл происходит от одноименного Ангéла, храм которого, по всей вероятности, там и находился⁶¹.

Раз уже мы начали говорить о культовом центре Ангéл-туне и об армянском божестве Ангéле, то пора обратиться к армянским средневековым источникам, и в первую очередь к автору V — VI вв. Мовсесу Хоренаци (Моисею Хоренскому), «История Армении» которого, по точному определению Н. Адонца, является действительно выдающимся памятником, во многих отношениях не знающим себе равного в армянской письменности, замечательным прежде всего той глубокой национальной идеологией, которую он создал и на которой воспитывались дальнейшие поколения в течение многих веков⁶².

Армянский царь Валаршак, брат парфянского царя Аршака, по данным Мовсеса Хоренаци, передал правление разными областями Армении нахарарским родам. Среди них («мужа с суровыми чертами лица, высокого, неуклюжего, со сплюснутым носом, впалыми глазами, диким взглядом, и с полина ростом и силою, из потомков Пасхама, внука hАйка, по имени Турк'⁶³, которого за чрезвычайное его безобразие прозвали А н г е л ы, Валаршак называет правителем з а п а д а. По безобразию [Турк'а] Валаршак называет и его род „Д о м А н г é л“. Впрочем, если желаешь, расскажу тебе о нем [такие же] невероятные и нелепые с к а з к и, какие Парсы рассказывают о Ростоме Сагчике⁶⁴, уверяя, что он обладал силою ста двадцати слонов. Слова П е с н и о с и л е и н е у с т р а ш и м о с т и Турк'а до того нескладны, что не могут быть применимы ни к Самсону, ни к Гераклу, ни же к Сагчику. Ибо п е л и про него: возьмется, бывало, руками за гранитные без трещины скалы, отломит от них, по желанию, большие или малые куски; примется сглаживать их ногтями и образует из них плиты, на которых ногтями же изобразит орлов и тому подобное. [Пели про него также], что близ берегов Понтийского моря, встретив неприятельские корабли, бросился за ними. Но корабли успели отплыть в открытое море на расстоянии восьми стадий; и Турк' не поспел за ними. Тогда он, п о е т с я в П е с н е, схватывает скалы величиною с холм и кидает им вслед. От сильного расступления вод потонуло немало кораблей; и волны, поднявшиеся от всколыхания вод,

⁵⁹ «Сасна Цырер», т. II, ч. 2, стр. 317 (стк. 2552).

⁶⁰ См. IV Кн. Царств, XVII, 30.

⁶¹ См. Н. Адонц. Бог Тарку у древних армян. — «Houschardzan». Вена, 1911, стр. 392—393 (на арм. яз.).

⁶² Н. Адонц. Армения в эпоху Юстиниана, стр. 209.

⁶³ Вариант: Торк'. Разумеется, имя Турк' — Торк' ничего общего с этническим «турк» не имеет.

⁶⁴ Т. е. из Сагастана.

разогнали оставшиеся корабли на многие мили. Вот это — легенда, подлинная царица легенд! Да что тебе за дело. Верно одно: [Турк'] обладал чудовищной силой, и недаром сложены про него подобные сказания»⁶⁵.

С самого начала нужно подчеркнуть, что все сказанное Мовсесом Хоренаци о безобразии Ангелй связано с ложной народной этимологией слова Ангёл (ан — отрицательная частица и гел — краса). Вероятно, с этой народной этимологией нужно связать вторую половину повествования, которая соответствует легенде о безобразном циклопе Полифеме из «Одиссеи» Гомера, хотя были высказаны предположения, что подобные легенды могли существовать в Малой Азии независимо от Гомера⁶⁶. Но это в данном случае неважно.

Итак, Турк' Ангёл — Ангелй был назначен правителем запада Армении, точнее — Дома-Ангёла. О божестве Ангёле уже была речь. Теперь остановимся на имени Турк' — Торк'. Н. Адонц находит, что Торк' по своим атрибутам тождествен Ангёлу (это знаменитый хеттский бог Тагци, имя которого встречается в географических названиях тех районов Армении, где находилась область Ангёл) и что армянская традиция, связывая Торк'а с Ангёлом, дает основание думать, что Торк' — не кто иной, как древний Тарку⁶⁷.

У анонимного армянского автора, текст труда которого дошел до нас в поздних рукописях «Истории» автора VII в. Себеоса, упоминается армянский царь Фарнаваз: «Он родил Багама и Багарата; Багарат родил Бюрата; Бюрат родил Аспата; сыны Багарата получили в качестве наследства в странах западных, т. е. дом Ангёла, и поэтому Багарат был назван и Ангёлом, которого обоготворяли в это время народы варварские»⁶⁸.

Легенды о герое-исполине Ангелй существовали в первую очередь именно в Ангёл-туне — Ангелене, где они, вероятно, были и созданы. Но из этого, конечно, не вытекает, что их знали только в Ангелене. Они, несомненно, были распространены во всей Армении, и в особенности во всей Западной Армении. Здесь нужно подчеркнуть, что в песнях о Турк'е Ангёле — Ангелй воспевались вовсе не хеттский бог Тарку или же его армянский эквивалент Ангёл. Нет! Во времена Хоренаци, тем более после него, существовали песни именно о Турк'е Ангёле — Ангелй, герое-исполине, не имеющем ничего божественного, но сохраняющем лишь героические черты, что и сделало его, по словам Мовсеса Хоренаци, достойным подобных сказаний. Хоренаци сравнивает Ангелй с персидским героем

⁶⁵ История Армении Моисея Хоренского, новый перевод Н. Эмина. М., 1893, кн. II, гл. 8 (стр. 59), с некоторыми уточнениями, сделанными на основании критического текста М. Хоренаци, изданного М. Абегианом и С. Арутюняном (Тифлис, 1913, стр. 114—115). Разрядка всюду моя. Армянское *ղ* в древности произносилось как *л* (ср. *Պլատոն* = Платон, *Ապոլլոն* = Аполлон, *Սոլոմոն* = Соломон, *Ղուկաս* = Лука и т. д.). О произношении арм. *ղ* см. А. Meillet. Remarques sur les ide l'arménien classique. — «Houschardzan». Вена, 1911, стр. 208—211; *ղ* теперь армянами произносится как новогреческая *γ*, а так как этого звука в русском языке нет, передается оно через *з* или *х* (ср. новоармянские фамилии Согомонян, Гукасян и т. д.). Поэтому транслитерацию Эмина буквы *ղ* = *х* в собственных именах мы всюду привели не *сх*, а *сл* — Валаршак, а не Вахаршак, Ангелй, Ангёл, а не Ангехй, Ангэх.

⁶⁶ См. М. А б е г я н. История древнеармянской литературы, т. I. Ереван, 1948, стр. 27—28.

⁶⁷ Н. А д о н ц. Бог Торк' у древних армян, стр. 392—393. О Торке см. также N. A d o n t z. Tarkou chez les anciens arméniens. — «Revue des études Arméniens», t. VII, fasc. 1. Paris, 1927, p. 185—194; Гр. К а п а н ц я н. Хайаса — колыбель армян, стр. 199 и сл.; е г о ж е. Малоазийские (азиатические) боги у армян. Историко-лингвистические работы к начальной истории армян. Ереван, 1956, стр. 273—274; Н. М а р т и р о с я н. Исследования в связи с малоазийскими именами. — «Историко-филологический журнал АН Арм. ССР», 1961, № 3—4, стр. 86—87 (на арм. яз.).

⁶⁸ История епископа Себеоса, перевод К. Патканяна. СПб., 1862, стр. 7.

Ростомом, библейским Самсоном, греческим Гераклом, подчеркивая только силу, но отнюдь не божественное происхождение. Хоренаци, упоминая прозвище Турк'а Ангела — Ангеля, т. е. Ангельский, сам подсказывает, что мы имеем дело не с самим богом Ангелом, а с человеком, который считался похожим на бога Ангела, вероятно, из-за его неимоверной силы⁶⁹. Это подтверждается и восклицанием Хоренаци: «Вот это — легенда, подлинная царица легенд»⁷⁰. К тому же заключению можно прийти и на основании вышеприведенного отрывка из Анонима. Тот же Аноним в своем предисловии, которое мы считаем целесообразным процитировать довольно подробно, подчеркивает, что мы имеем дело не с богами, а с людьми-героями. Он пишет: «Я не по своей охоте принялся тщательно описывать время и начертать историю древних героев, упоминая притом и о б а с н о с л о в н о м...; я загляну в книге Мараббы, философа Мцурнийского⁷¹, на ту надпись, которую нашел он в городе Мцбине (Низибине), в чертогах царя Санатрука, против дверей царского дворца, начертанную на камне, покрытом обломками царских жилищ. Когда колонны этого дворца были востребованы ко двору персидского царя, то при раскрытии развалин для отыскания колонн нашли неожиданно греческую надпись, начертанную на камне: дни и годы древних царей армян и парфян. Найдя эту надпись у его учеников в Месопотамии, я хочу вам ее сообщить. Вот заглавие ее:

„Я писец, Агафангел, написал на этом камне моею рукою годы первых царей армянских, по повелению храброго Трдата, взяв содержание из царского архива. Копию [с этой надписи] ты увидишь несколько ниже на своем месте“.

Я начну рассказывать эпос о страшном царе и храбром муже: во-первых, историю древних, откуда произошло изобилие земного строения; далее присоединю и привью к нему мифы о героях и баснословные рассказы о безумных войнах»⁷².

Песни о герое-богатыре Ангеля бытовали в Ангел-туне — Ангелене (и не только там, а во всей Армении вообще) долгое время. Об этом свидетельствует, во-первых, Аноним, данные которого мы привели выше. Но песни и легенды о Турк'е-Ангеле — Ангеля, как нам удалось выяснить, имели большое распространение даже в XVI в., и не только среди армян, но и среди мусульман. Курдский историк первой половины XVI в. Шереф эд-дин Битлиси в своем знаменитом Шереф-наме, представляющем собой первую попытку дать систематическую историю курдского народа, среди разных курдских племен и династий упоминает и племя Мардаси. В XI в. династия Мардаси господствовала в Алеппо, но одна ветвь этого племени в более позднее время обосновалась в Агиле, т. е. в Ангел-туне — Ангелене.

Вот что пишет в связи с крепостью Агил курдский историк: «Агил — это крепость, построенная на склоне одной высокой горы. Склон этот так искривлен, что взвращающего на него охватывает страх и испуг. У всех на языке и из уст в уста бродит одна всем известная легенда, что будто один из возлюбленных богом людей (пророков) прибыл туда и сделал знак п о - т у р е ц к и (в персидском тексте: «белафзе т о р к и»)

⁶⁹ Другие исследователи считают, что Торк' Ангеля означает Торк'а из местности Ангел, т. е. под Ангелом здесь подразумевают название не божества, а местности. См. А с т. Х а ч а т р я н. «Торк' Ангеля» в древнеармянской литературе и в новой филологии. Известия Института наук и искусств Арм. ССР, № 5. Ереван, 1931, стр. 49; Н. М а р т и р о с я н. Изыскания в связи с малоазийскими именами, стр. 91.

⁷⁰ См. Н. Э м и н. Моисей Хоренский и древний эпос армянский. М., 1881, стр. 69, прим. 1.

⁷¹ Автор V в.. труд которого не дошел до нас.

⁷² История епископа Себеоса, стр. 1—2.

этому склону, и склон всемогуществом бога стал кривым. Истина только богу ведома»⁷³.

Под «белафзе торки», по всей вероятности, скрывается имя нашего исполителя Турк'а — Торк'а. Его имя у мусульман вызвало такую ассоциацию. В пользу того, что под ним скрывается герой Турк' — Торк', говорит, во-первых, то обстоятельство, что здесь «белафзе торки» в том смысле, как его понял Шереф эд-дин, никак не совместимо и непонятно. Кроме того, эта легенда имела распространение именно в Агиле. И в-третьих, выражение «сделал знак... этому склону, и склон... стал кривым» соответствует словам Мовсеса Хоренаци: Турк' «возьметса, бывало, руками за гранитные без трещины скалы и отломит от них, по желанию, большие или малые куски; приметса сглаживать их ногтями и образует из них плиты...»

Эти песни и легенды об исполине Ангеля, несомненно, не могли исчезнуть без следа. Месопотамия, Четвертая Армения, Малая Армения и прилегающие к ней территории Великой Армении — густо населенные армянами территории, районы, где была широко представлена начиная с VII в. ересь армянских павликиан, в среде которых бытовали разные песни (в том числе, вероятно, и песни об исполине Ангеля), впоследствии породившие знаменитый эпос о Дигенисе Акрите⁷⁴. Песни об Ангеля вошли и нашли свое должное место в эпосе о Дигенисе, действие которого происходит именно в тех районах, где и существовали песни о богатыре Ангеля, ибо герой Ангилы византийской эпопеи, сила которого несколько раз подчеркивается — *ἀνδρειωμένος, μᾶλλον ἀνδρειωμένος, ἄγαν ἀνδρειωμένος, θαυμάσιος, λέων, γίγας*, которого τὸ θάρρος τὸ πολὺ τῆς συνηθείας τούτου, по нашему предположению, — не кто иной, как армянский исполнитель Ангеля, о баснословной силе которого писал Мовсес Хоренаци⁷⁵.

Ответить на вопрос, почему Ангеля стал звучать Ангила — Ἀγκύλας и писался во всех версиях с υ, нетрудно. Просто слово осмыслено на греческий лад, от слова ἀγκύλη = тетива, дротик, копьё.

Ангеля происхождением связан с Ангеленой, Ангила, как мы отметили выше, с провинцией или фемой Месопотамия, в которую входила территория Ангелены.

Нам кажется, что значение проделанного нами исследования отнюдь не в том, что удалось идентифицировать одну личность из византийской эпопеи. Нет! Значение в другом, а именно в том, что становится еще более ясной та историческая почва, на которой был создан византийский эпос, еще раз подтверждается и получает новые аргументы гипотеза Н. Адонца о том, что Западная Армения, армянское население Западной Армении сыграли главную роль в его создании. Несомненно, это население в IX — XI вв. уже было грецизировано, говорило оно, по всей вероятности, по-гречески (ибо трудно допустить, что более чем тысячелетнее господство Рима и Византии не оставило бы никакого следа на нем), но население это не забыло свою историю, не забыло своих легенд и сказаний, свои народные песни и, передавая их от поколения к поколению, сохранило их

⁷³ Chéref-Nameh ou Histoire des Kourdes par Chéref, Prince de Bidlis, publiée par Veliaminof—Zernof. St.-Pétérshbourg, 1860, t. I, p. 177.

⁷⁴ О том, что византийский эпос был создан в среде еретиков-павликиан, см. N. A d o n t z. Les fonds historiques de l'épopée byzantine Digenis Akritas. — BZ, Bd. XXIX—XXX, 1929—1930, p. 198—227; H. G r é g o i r e. Ὁ Διγενής Ἀκρίτας. Ἡ βυζαντινὴ ἐποποιΐα στὴν ἱστορία καὶ στὴν ποίηση. New York, 1942.

⁷⁵ Впрочем, как видно из Гротта-Ферратской версии эпоса о Дигенисе Акрите, цикл песен о героях-апелатах — Филопапе, Киннаме и Иоаннакисе, имена которых коммагенского парфяно-армянского происхождения, предшествовал песням о Дигенисе и был в значительной мере вытеснен ими. См. «Дигенис Акрит», перевод А. Я. Сыркина. М., 1960, прим. к книге IV, 33, стр. 193.

до времени создания византийского эпоса. В этой связи можно уверенно сказать, что отдельные стороны византийского эпоса, отдельные персонажи его, еще не нашедшие своего объяснения и прообразов, могут быть объяснены и идентифицированы лишь в связи с глубоким изучением истории армян, и в первую очередь легенд, народных сказаний и песен, словом, фольклора армянского народа.

В конце своего исследования хочу привести содержание недавно изданной статьи А. Брайера «Ахтамар и Дигенис Акрит»⁷⁶. В этой статье автор показывает то общее, что имеется между построенным на берегу Евфрата дворцом Дигениса, его художественным убранством и воздвигнутым Гагигом, армянским царем Васпуракана (908—943 гг.), дворцом (теперь разрушенным; его описание дает армянский историк X в. Фома Арцруни) и художественным убранством Ахтамарской церкви, построенной тем же царем Гагигом на острове Ахтамар (на озере Ван), напротив города Вана, я полностью сохранившейся до наших дней. Находя у этих сооружений очень много общего, указывая вместе с тем на их географическую и хронологическую близость, А. Брайер отмечает возможность какой-либо общей связи между ними.

Мы добавили бы к высказанному А. Брайером соображению, что, согласно армянскому героическому эпосу о Давиде Сасунском, имеющему, как мы отметили выше, много точек соприкосновения с эпосом о Дигенисе Акрите, мать Санасара, деда Давида Сасунского, была, по некоторым версиям, дочерью царя «Вана» или «Ахтамара» Гагика⁷⁷, того Гагика, с сооружениями которого А. Брайер сравнивает дворец Дигениса. Дочь царя Гагика вышла замуж за сына «языческого», т. е. мусульманского, «царя», господствовавшего в местности «Телтис», подобно тому как дочь Киннамадов вышла за арабского эмира, от брака которых родился Дигенис.

Из всего этого видно, что не только нарративные сведения, но и данные материальной культуры говорят в пользу высказанного выше предположения Н. Адонца относительно исторической основы византийского эпоса.

II. О «САТРАПАХ» И ОБ «ЕΘΝΗ»

В данном очерке мы обратимся к материалу, который дополняет предыдущее исследование о прообразе героя Ангилы и ставит ряд вопросов, нуждающихся в дальнейшем исследовании. Мы имеем в виду упоминание в эпосе «сатрапов» и «ἔθνη».

Насколько мне известно, среди византинистов, занимавшихся специально византийским эпосом, ни один не обратил внимания на «сатрапов». Что касается «ἔθνη» (слово перешло к армянам в форме hethanos — язычник, идолопоклонник), то они воспринимались просто как народности нехристианского происхождения.

«Сатрапы» упоминаются в эпосе всего два раза — в Трапезундской и Андросской версиях в следующих контекстах:

1. Рождение матери Акрита вызвало большую радость не только у ее родителей, но и среди λαῶν, ἀρχόντων, σατραπῶν, μετὰ πάντος τοῦ πλῆθους, (А 66).

⁷⁶ А. А. М. В у е г. Akhtamar and Digenis Akrites.— «Antiquity», vol. 34, № 136, Dec. 1960, p. 295—297.

⁷⁷ «Сасна Цырер» (Давид Сасунский), т. II, стр. 475 и сл., 529 и сл., 607 и сл., 1091 и сл.

2. Много лет спустя, после того как Дигенис Акрит прославился своими подвигами и построил на берегу Евфрата знаменитый дворец, со всех сторон туда начали стекаться дары:

οἱ μεγιστᾶνες λέγω δὴ καὶ οἱ σατράπαι πάντες,
φιλοτιμίας ἔστελλον, χαρίσματα τε πλείστα,
ὁμοίως καὶ οἱ ἄρχοντες τῆς ὅλης Ῥωμανίας,
ἔστελλον δῶρα θαυμαστά, ἐξαισία ἡδέως,
αὐτὸν μετὰ φιλότῆτος, καὶ μετ'εὐγνωμοσύνης.
Ἀλλὰ καὶ αὐτὸς ὁ βασιλεὺς ἔστελλεν καθ'ἐκάστην
μεγίστας τοῖνον δωρεὰς τῷ θαυμαστῷ Ἀκρίτῃ (A 4066—4072).

«'Εθνη» в эпосе упоминаются трижды в следующих контекстах:

1. Дигенис, рассказывая о своих подвигах, говорит, что он обложил данью «ἔθνη»:

Χαράτσια ἐπαρσιεύασα τὰ ἔθνη διὰ τὰ δίδουν
τῷ βασιλεῖ τῷ Ῥωμανῷ, τῷ μέγα τροπαιούχῳ (A 3857—3858).

2. Автор эпоса восхваляет Дигениса и среди многих его подвигов упоминает о том, что Дигенис заставил «ἔθνη» ежегодно платить налоги византийскому императору:

κατὰ πολὺ δὲ φοβερῶς τὰ ἔθνη ὑποτάξας
ὥστε καὶ φόρους βασιλεῖ παρέχειν ἐτησίους
καὶ οἱ ποτὲ πολέμοι γηγόνασιν ἰκέται. (A 4335—4337).

3. В похоронах Дигениса принимают участие, в числе других, также и «ἔθνη»:

καὶ πῶς αὐτοὺς ἐθρήνησεν πολλὰ ὁ κόσμος ὅλος,
καὶ τὴν κηδεῖαν ἔκαμεν ἐντίμως καὶ ἀξίως
αὐτοῦ καὶ τῆς συμβίβου του τὰ ἔθνη ὅλα τότε (A 4363—4365)

* * *

В IX — X вв., когда в основном слагался эпос о Дигенисе Акрите, едва ли под упоминаемыми в нем сатрапами могли подразумеваться сатрапы Ахеменидской Персии, прекратившие свое существование полтора тысячелетия назад. Зато несомненно, что среди живущих на востоке Византии людей были еще свежи в памяти сатрапы Юго-Западной Армении, земли которых простирались если не именно там, то по крайней мере по соседству с той территорией, где зародился византийский эпос¹.

Термин «сатрапы» очень часто встречается в армянских источниках V—VI вв.; под ними подразумеваются крупные армянские феодалы-нахарары, подчиненные армянскому царю. После упразднения в 428 г. армянского царства Аршакидов сатрапы Юго-Западной Армении приобрели независимость в рамках Византийской империи. Они имели свои вооруженные силы и, как указывает Прокопий Кесарийский, в военных делах были самостоятельны; такое положение просуществовало до времен императора Юстиниана².

В V—VI вв., по данным Прокопия³ и XXXI новеллы Юстиниана, сатрапств было пять, а по данным одного официального документа того же

¹ Об армянских сатрапах и сатрапствах Юго-Западной Армении подробно см. K. G ü t e r b o s k. Römisch-Armenien und die römischen Satrapien im 4. bis 6. Jahrhundert. Königsberg, 1900; Н. А д о н ц. Армения в эпоху Юстиниана, стр. 28—45.

² De aedif., III, 1.

³ Ibidem.

императора Юстиниана, — шесть⁴. Они часто восставали против империи. Во времена императора Зенона они приняли участие в восстании Илла и Леонтия, после подавления которого Зенон упразднил наследственную власть армянских сатрапов и стал назначать их сам, по своему усмотрению. Самый чувствительный удар армянским сатрапам нанес император Юстиниан I. В 529 г. он издал приказ, по которому Армения, Полемонийский Понт и сатрапства подчинялись стратегу или магистру⁵. Власть сатрапов была упразднена, и на их место были назначены византийские дуки, подчиненные вышеупомянутому стратегу — *magister militum*⁶.

Разумеется, Юстиниан не уничтожил сатрапов-нахараров физически. Они еще долгое время сохраняли свои владения и постоянно обеспечивали византийскую армию первоклассными военачальниками.

В эпосе говорится, что «все сатрапы» посылают Дигенису дары. Это был, вероятно, отголосок тех «подарков», которые упомянутые армянские сатрапы были вынуждены выплачивать (именно выплачивать, так как эти «подарки» уже приняли вид налога) Византии *pro devotione quae Romano debetur imperio* и которые назывались *argum coropario*⁷. Что это были налоги, выявляется и другим путем. Согласно эпосу, Дигенис вынудил *ἔθνη* платить империи ежегодно налоги. Но что общего между *ἔθνη* и сатрапами? Очень много! Ведь *ἔθνη* равнозначно сатрапствам. Одни и те же княжества в официальных документах, изданных Юстинианом, называются *gentes* и *ἔθνη*, в противоположность *Armenia Magna* или *Interior*⁸. В законодательстве императора Юстиниана относительно армянских земель мы читаем следующее: *Magnam Armeniam, quae interior dicebatur et gentes: Anzetenam videlicet, Ingilenam, Asthianenam, Sophanenam, in qua est Martyropolis, Balabitenam*⁹. XXXI новелла Юстиниана сатрапов и «*ἔθνη*» представляет как одно и то же понятие: *Τῶν ἐθνῶν... Τζοφανή τε καὶ Ἀνζιτηνή καὶ Τζοφανά, καὶ Ἀσθιαννή καὶ Βαλαβιτηνή καλουμένη καὶ ὑπὸ σατράπαις ὄσα*. Для Прокопия сатрапы и «*ἔθνη*» также синонимы: *Ἰουστινιανὸς βασιλεὺς τὸ μὲν τῶν σατραπῶν ὄνομα ἐξήλασεν ἐνθένδε εὐθύς, δοῦκας δὲ τοὺς καλουμένους δύο τοῖς ἔθνεσιν ἐπέστρεψε τοῦτοις*¹⁰.

Согласно эпосу, «*ἔθνη*» были «*πολέμοι*» — враги империи (A 4337). Действительно, Прокопий Кесарийский описывает крайне враждебные отношения между населением Западной Армении и империей. После уничтожения власти армянских сатрапов Юстиниан превратил их земли в простую провинцию Византии, там были распространены общеимперские порядки и армянское население сатрапств и вообще Византийской Армении было превращено в рабов империи. Об этом говорит Прокопий Кесарийский устами Аршака Аршакида¹¹, того Аршака, который вместе со знаменитым Артаваном подготовил покушение на жизнь Юстиниана; об этом же говорили в 540 г. персидскому царю Хосрою восставшие против империи армяне во главе с нахараром Васаком¹².

В Гротта-Ферратской версии нет упоминания о сатрапах; что же касается «*ἔθνη*», то это слово встречается там трижды (I 65, I 67, IV 2094),

⁴ CJ, De off. mag. mil., I, 29, 5. О разнице в их числе подробно см. Н. Адонц. Армения в эпоху Юстиниана, стр. 43—44.

⁵ CJ, De off. mag. mil., I, 29, 5.

⁶ Procop., De aedif., III, 1.

⁷ CTh., De aur. corop., XII, 13, 6.

⁸ См. Н. Адонц. Армения в эпоху Юстиниана, стр. 29.

⁹ CJ, De off. mag. mil., I, 29, 5.

¹⁰ Procop., De aedif., III, 1.

¹¹ Procop., De Bel. Got., III, 32.

¹² Procop., De Bel. Pers., II, 3.

причем автор явно не знает, кто в действительности были «ἔθνη», и предполагает, что речь идет о нехристианах — арабах, которые в другом месте выступают как язычники — ἑθνικός (IV 51).

В заключение хочу указать, что поскольку в версиях Андросской стихотворной, Андросской прозаической и Трапезундской имеется рассказ об Ангелі, о сатрапах и об «ἔθνη», а также упоминание павликианского центра Мананали — Ахайя¹³ и поскольку эти данные отсутствуют в версии Гротта-Ферратской, можно предположить, что автор их первоисточника был ближе к действительности Юго-Западной Армении, чем автор Гротта-Ферратской версии.

III. ГДЕ НАХОДИЛАСЬ АХАΪΑ?

Согласно Андросской стихотворной и Андросской прозаической версиям¹ эпоса о Дигенисе Акрите, император Роман после встречи с героем Дигенисом на берегу реки Евфрат возвращается в Ахайю, где он побеждает своих врагов:

Καὶ χαίρων τότε μίσευσε στὰ μέρη Ἀχαιᾶς
πρὸς πόλεμον κατὰ ἑχθρῶν, καὶ νικητῆς ἐφάνη (A 2419—2420).

В парафразе Пасхали мы читаем, что после встречи император возвратился в Ахайю, потому что εἶχεν ἐκεῖ πόλεμον καὶ ἐνίκησεν τοὺς ἑχθροὺς τοῦ... (П. 364, 32—34), из чего следует, что война с врагами в Ахайе шла и до этого.

По Андросской и Трапезундской версиям, император находился в Каппадокии с большим войском, предназначенным для войны против Μαγούλιων (A 2347—2348, T 1481—1482). В Гротта-Ферратской версии мы читаем, что император в тот момент, когда захотел повидать Дигениса,

ἔτυχε κατὰ Περσῶν ποιῶν τὴν ἐκστρατεῖαν
ἐν ἐκείνοις τοῖς μέρεσι ἐν οἷς ὁ καὶς διῆγεν (IV 975—976).

Встреча по всем версиям происходит на берегу Евфрата.

И под Μαγούλιοι, и под Πέρσαι, как известно, подразумеваются арабы.

Если быть строго последовательным, то нужно представить дело так: император (Василий он или Роман — здесь не важно) с большим войском находился в Каппадокии (или «в тех местах, где был Дигенис», т. е. на Евфрате), намереваясь отправиться на войну против арабов. По пути он пожелал встретить Дигениса; после встречи с ним на Евфрате он продолжает свой путь против врагов. Гротта-Ферратская версия не сообщает, куда направляется император. Андросская же указывает — в Ахайю; следовательно, именно там находились враги, которые названы Μαγούλιοι или Πέρσαι, т. е. арабы.

Если допустить, что речь идет об Ахайе в Пелопоннесе, то подобное путешествие императора выглядит совершенно абсурдным. Чтобы оказаться в Пелопоннесе, достаточно просто проплыть Эгейское море. Кроме того, из источников неизвестно, чтобы императоры Василий или Роман воевали против арабов в Ахайе Пелопоннесской.

Нужно признаться, что эпос создает впечатление, будто Ахайя находится рядом с Евфратом. Однако нам известна только Ахайя в Северном Пелопоннесе, и именно там видели ее исследователи эпоса. Например,

¹³ См. ниже.

¹ Следовательно, и в Трапезундской версии, но в этом месте там лакуна.

П. Калонарос считает, что здесь идет речь о франкском принципате Ахайе, что в эпосе отражены войны византийцев против латинян Мореи и что упоминание Ахайи очень важно, так как может помочь датировке Трапезундской, Андресской стихотворной, Андресской прозаической и даже Эскуриальской версий².

Но франки обосновались в Ахайе не раньше 1205 г., что выходит за рамки царствования не только Романа I Лакапина, но даже последнего Романа IV Диогена (1067—1071 гг.); кроме того, как мы видели выше, эпос имеет в виду арабов, а не франков.

Еще арменоведом и византиноведом Николаем Адонцем была высказана основанная на множестве фактов гипотеза о том, что ядро византийской эпопеи было создано в среде еретиков-павликиан³. Эта гипотеза была принята и далее развита известным бельгийским византиноведом А. Грегуаром⁴, много лет посвятившим изучению как эпоса, так и павликианского движения, а также другими византиноведами. Несмотря на то, что против этой гипотезы было высказано и немало возражений, полностью игнорировать роль павликиан в создании эпоса вряд ли верно. История павликиан проливает, в частности, свет на локализацию *Ἀχαΐα* эпоса. Она действительно находилась рядом с Евфратом. В чем же дело?

С самого возникновения ереси павликиан еретики всячески старались показать свою приверженность апостолу Павлу. Даже свое наименование — «павликиане» они связывали с именем апостола Павла. От первого ересиарха — Константина — до последнего — Сергия — ересиархи присваивали себе имена учеников апостола Павла (известны ересиархи павликиан Сильван, Тимофей, Тит, Эпафродит, Тихик и т. д.). Наконец, своим общинам павликиане также давали названия общин, основанных апостолом Павлом. Мы встречаем у них общины, которые носят названия Македония, Ахайя, Филиппийцев, Лаодикийцев, Ефессян, Колоссян. Об общине Ахайя мы читаем у Георгия Монаха следующее: *Λέγουσι δὲ (οἱ Παυλιανοί) καὶ ἐξ ἐκκλησίας ἐν τῇ ὁμολογίᾳ αὐτῶν τὴν Ἀχαΐαν, ἥτις ἐστὶ κόμη Σαμωσάτου ἢ Μακνάλης τῆν ἐμαθῆτευσε Γενέσιος ὁ καὶ Τιμόθεος*⁵.

Следовательно, Мананали — это Ахайя. Мананали названа *κόμη* — деревней, но давно доказано, что здесь подразумевается область Мананали армянских первоисточников⁶. Она находилась на арабско-византийской границе — *ἄκρα* и все время переходила из одних рук в другие. Границей этой области был как раз Евфрат.

В Мананали — Ахайе действовал ересиарх Гегнесий — Тимофей. Время его деятельности хорошо известно — это первая половина VIII в. Но Мананали был центром павликиан еще долгое время спустя после Гегнесия. Петр Сицилийский пишет, что даже в его время, во время написания им трактата против павликиан (869 г.), Мананали продолжала оставаться крупным центром павликиан: Мананали *«μέχρι τοῦ νῦν Μανυχάϊους* (т. е. павликиан) *ἐκτρέφει*⁷. Следовательно, еще во второй половине IX в. павликиане должны были именовать Мананали Ахайей.

² Βασίλειος Διγενῆς Ἀκρίτας. Τὰ ἔμμετρα κείμενα Ἀθηνῶν (πρῶτην Ἰαννουαρίου, μετὰ συμπληρώσεων καὶ παραλλαγῶν ἐκ τῆς διασημῆς Τραπεζούντας) Κρυπτοφέρρης καὶ Ἐσχοριαλά, ἐκδόσεις... Π. Καλονάρου, τ. Α'. Ἀθήναι, 1941, σελ. 133—134, ὑπόσημ.

³ N. Adontz. Les fonds historiques de l'épopée byzantine. — BZ, Bd. XXIX — XXX, 1929—1930.

⁴ H. Grégoire. Ὁ Διγενῆς Ἀκρίτας. Ἡ Βυζαντινὴ ἐποποιία στὴν ἱστορία καὶ στὴ ποίηση. New York, 1942.

⁵ Georgii Monachi. Chronicon, ed. C. de Boor. Lipsiae, 1904, p. 720—721.

⁶ E. Honigmann. Die Ostgrenzen des Byzantinischen Reiches von 363. bis 1071. nach griechischen, arabischen, syrischen und armenischen Quellen. Bruxelles, 1935, S. 192.

⁷ Petri Siculi. Historia. — PG, t. 104, col. 1276.

Это ясно видно также из посланий крупнейшего павликианского ересиарха Сергия — Тихика (умер в 835 г.). В одном из этих посланий, дошедших до нас в труде Петра Сицилийского, мы читаем: "Ἐτι δὲ λέγω, τὴν ἐν Κορίνθῳ ἐκκλησίαν ἠγορεύσῃ Παῦλος... Καὶ Ἀχαΐαν ἀνιστόρησεν Τιμόθεος· λέγει δὲ τὴν Μανανάλιν καὶ τὸν Γεγέσιον, Τιμόθεον ὀνομάζει, τὸν ὄντως Θεμόθεον⁸."

Сам Сергий не считал нужным давать какое-либо пояснение наименованию Ахайя — оно прочно укоренилось среди павликиан и было для них понятно.

Мананали был центром еретиков (тондракитов), как видно из «Повествования» армянского историка XI в. Аристаркеса Ластивертци, также в X—XI вв.⁹, а тондракиты были не что иное, как павликиане в сугубо армянской действительности, и, по всей вероятности, еретики продолжали называть Мананали Ахайей еще много времени спустя после IX в.

В эпосе, как мы видели выше, говорится о том, что император Роман пошел в Ахайю продолжать борьбу с врагами, которых он и победил. Исследователи полагают, что это был Роман I Лакапин. Следовательно, Роман I Лакапин отправился воевать в Ахайю — Мананали против арабов. Это вполне соответствует действительности. Из византийских и армянских источников известно, что царствование императора Романа I Лакапина связано с упорной борьбой против арабов, проходившей с большим успехом для Византии.

Результатом этой борьбы было завоевание множества пограничных областей, в том числе и Мананали — Ахайи, и их включение в состав Византийской империи. Вот об этой победе против арабов и говорится в эпосе о Дигенисе Акрите.

Итак, Ахайю нужно искать не в Пелопоннесе, а на Востоке Византии. Ахайя — это крупный центр павликианских еретиков, область Мананали.

IV. ОБ ИМПЕРАТОРЕ «НИКИФОРЕ»

Как известно, во всех версиях византийского эпоса о Дигенисе Акрите имеется упоминание о встрече Дигениса с византийским императором на берегу реки Евфрата. В Гротта-Ферратской версии имя императора — Василий¹, в версиях Трапезундской, Андросской стихотворной, Андросской прозаической, Оксфордской имя императора — Роман².

Однако в Андросской стихотворной версии (стк. 4344), Трапезундской (стк. 3110), а также в Андросской прозаической версии, которые по происхождению относятся к одному и тому же первоисточнику, упоминается один-единственный раз и имя императора Никифора.

Все исследователи пришли к выводу, что это место эпоса — вставка, а так как имя Никифор носил ряд византийских императоров, одни считали, что имеется в виду Никифор II Фока, другие — Никифор III Вотаниат, и, в соответствии с временем царствования того или другого императора Никифора, датировали эту вставку³.

⁸ Ibid., col. 1297.

⁹ Повествование Аристаркеса Ластивертци. Текст подготовил и снабдил предисловием К. Н. Юзбашян. Ереван, 1963, гл. 23.

¹ Одни исследователи под ним подразумевают Василия I, другие — Василия II. К стати, в древнерусской версии эпоса о Дигенисе, в Девгениевом деянии, имя императора также Василий.

² По мнению исследователей, это был Роман I Лакапин.

³ H. Grégoire. Le tombeau et la date de Digenis Akritas (Samosate, vers 940 après J. C.). — Вуз., VI (1931), p. 495—496; Κυριακίδου. Рец. на вышеупомянутую статью А. Грегуара. — «Λογογραφία», I, σελ. 624, 658 (цит. по: Βασίλειος Διγενής Ακρίτας, έκδ. Π. Καλονόρου, τ. Α'. Ἀθήναι, 1941, σελ. 237, ὑπόσημ.); H. Grégoire.

Однако из текста совершенно не видно, что в данном месте мы имеем дело со вставкой, и упоминание в эпосе императора Никифора основано на простом недоразумении.

Император Роман в Трапезундской, Андросской стихотворной, Андросской прозаической, т. е. в тех версиях, где один раз упомянут Никифор, неоднократно наделяется следующими эпитетами:

Ρωμανοῦ τοῦ πανευτυχοῦς

(A 1369);

Καὶ βασιλέα τὸν λαμπρὸν Ρωμανόν

(A 1663);

Ὅμοιος γὰρ καὶ βασιλεὺς ὁ μέγας τῶν Ρωμαίων
ὁ Ρωμανός ὁ πλούσιος καὶ νικητῆς ὁ μέγας

(A 2342—43);

καὶ χαίρων τότε μίσησε στὰ μέρη Ἀχαΐας
πρὸς πόλεμον κατὰ ἐχθρῶν καὶ νικητῆς ἐφάνη

(A 2419—20);

τῷ βασιλεῖ τῷ Ρωμανῷ, τῷ μέγα τροπαιούχῳ

(A 3858).

Единственное упоминание об императоре Никифоре выглядит так:

Οὐ (т. е. τοῦ Διγενῆ) καὶ τὰ κατορθώματα ὁ βασιλεὺς ἀκούων

ὁ Νικηφόρος ὁ λαμπρός, ὁ μέγας τροπαιούχος

ὁ τῶν Ρωμαίων τὴν ἀρχὴν καλλίστως διοικήσας

μεγίστην ἄγαν δωρεάν, πεπλουτισμένην μίλα

τοῦ Διγενῆ ἀπέστειλεν ἡμέραν καθ' ἡμέραν

(A 4343—4347).

Как можно видеть, автор поэмы прилагает к императору Никифору буквально те же эпитеты, что и к Роману (μέγας τροπαιούχος λαμπρός и т. д.). Рассказ о больших дарах, преподнесенных императором Никифором Дигенису, в основном совпадает с рассказом о дарах Романа Дигенису (A 2408 и сл.).

Нужно признаться, что упоминание императора Никифора выглядит совершенно неожиданным: от времени встречи Дигениса с Романом упоминания Никифора прошло не столь много времени, чтобы автор эпоса мог считать само собой разумеющимся появление нового императора, а если даже это имело место, то, вероятнее всего, после неоднократного упоминания Романа, автор должен был как-нибудь указать на это обстоятельство.

В чем же недоразумение? Дело в том, что в строке 4344 Андросской версии, и в соответствующей Трапезундской и Андросской прозаической, речь идет не о каком-либо новом императоре, а о том же самом неоднократно упоминаемом императоре Романи-«победителе» (νικητής), «великом победителе» (νικητῆς ὁ μέγας), — с той разницей, что здесь вместо νικητῆς он назван νικηφόρος — «победоносный». В рукописях эпоса текст дается без заглавных букв, а издатели, по недоразумению предполагая, что имеется в виду император Никифор, простое прилагательное νικηφόρος, относящееся к императору Роману, превратили в имя собственное (Νικηφόρος), что и стало причиной многих недоразумений.

Данный текст мы исправляем так:

Οὐ καὶ τὰ κατορθώματα ὁ βασιλεὺς ⁴ ἀκούων

ὁ νικηφόρος, ὁ λαμπρός, ὁ μέγας τροπαιούχος.

⁴ Ο Διγενής Ἀκρίτας. Ἡ Βυζαντινὴ ἐποποιία στὴν ἱστορία καὶ στὴ ποίηση. New York, 1942, p. 198; Digenes Akrites, edited with an introduction, translation and commentary by J. Mavrogordato. Oxford, 1956, p. LX; Дигенис Акрит. Перевод, статьи и комментарии А. Я. Сыркина М., 1960, стр. 143, 145; В. Д. Кузьмина. Девгениево деяние (Деяние прежних времен храбрых человек). М., 1962, стр. 33.

⁴ Т. е. император Роман.

В. Н. ЗАЛЕССКАЯ

ЧАСТЬ БРОНЗОВОГО КРЕСТА-СКЛАДНЯ ИЗ ХЕРСОНЕСА

В собрании Эрмитажа находится половина бронзового креста-складня (инв. № X—31, размеры: 7,9 × 5,9 см), поступившего в отделение средних веков из Археологической комиссии в 1892 г.¹ (рис. 1). Это небольшой четырехконечный бронзовый крест с расширяющимися концами, нижний конец которого несколько длиннее остальных². На кресте представлены сцены «Вознесения» и «Преображения», исполненные инкрустацией серебром.

Все контуры изображений были некогда заполнены инкрустацией, а серебряные пластинки, наложенные на основу, специально подготовленную насечкой, покрывали части одежды богоматери.

В настоящее время некоторые изображения утратили инкрустацию; на других она сильно потемнела, что давало повод считать, что здесь применялась также и чернь³. Из Отчета Археологической комиссии явствует⁴, что крест был найден при раскопках, которые вел К. К. Косцюшко-Валюжинич в 1890 г. в центральной возвышенной части Херсонеса, застроенной в основном крестовокупольными храмами IX—X вв.⁵ Поскольку отчеты тех лет, как правило, не фиксировали стратиграфию найденных вещей, сведения об условиях находки этого креста очень неопределенны. Первое воспроизведение креста X—31 и его краткое описание было дано Н. П. Кондаковым в «Русских кладах»⁶. Четыре херсонесских креста-складня, среди них и наш крест, были отнесены им к изделиям VIII—XII вв.

Позднее Н. П. Кондаков датировал его временем, предшествующим созданию мозаики, изображающей богоматерь с младенцем, в церкви Успения в Никее⁷.

¹ Архивные данные о предметах, поступивших в 1892—1894 гг. в отделение средних веков. Выписка из отношения Археологической комиссии за № 928 от 25.VI 1892 г. о древностях, найденных в Херсонесе в 1890 г. Архив ГЭ, опись V, № 34, 1892, стр. 8.

² Он утратил боковые стенки, которые сохраняются на трех других концах. На верхней стенке — небольшое отверстие.

³ Н. П. Кондаков. Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода, т. I. СПб., 1896, стр. 44.

⁴ ОАК за 1890, СПб., 1893, стр. 31—32.

⁵ А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры. — МИА, № 63, 1959, стр. 168—171.

⁶ Н. П. Кондаков. Русские клады, т. I, стр. 43—44, рис. 24.

⁷ Н. П. Кондаков. Иконография богоматери. Связи греческой и русской иконописи с итальянской живописью раннего Возрождения. — «Иконописный сборник», вып. IV. СПб., 1910, стр. 192—198, рис. 138.

Во II томе «Иконографии богородицы» Н. П. Кондаков более конкретно говорил об этом кресте, относя его к VIII—IX вв. и сопоставляя с памятниками VII—VIII вв.⁸ Крест X—XI упоминал также А. Грабар⁹. Указанными упоминаниями ограничиваются сведения об интересующем нас предмете. Однако крест представляет выдающийся интерес и с точки зрения стиля изображений, и с точки зрения самой техники инкрустации.

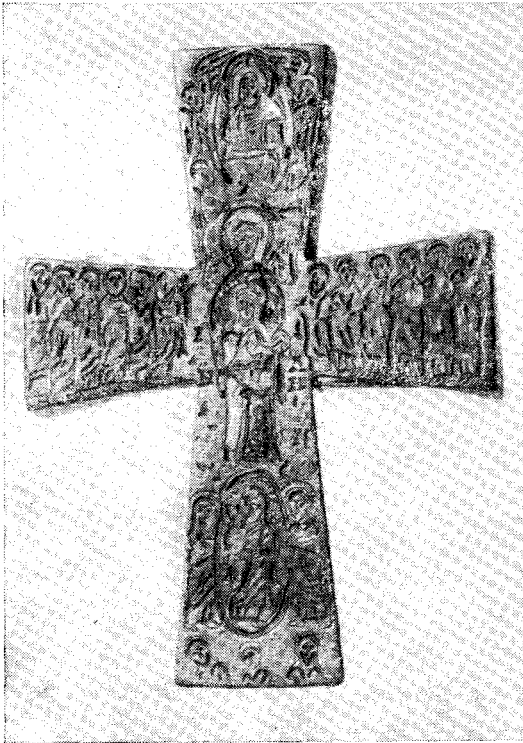

Рис. 1. Крест из Херсонеса. Эрмитаж

Композиция этой сцены так, как она дается на нашем кресте, сама по себе не может являться основанием для датировки: она встречается как на памятниках VI—VII вв.¹¹, так и в более позднее

⁸ Н. П. Кондаков Иконография богородицы, т. II. СПб., 1915, стр. 136, рис. 60.

⁹ А. Грабар. Martyrium. Recherches sur le culte des reliques et l'art chrétien antique. Album. Paris, 1943, pl. LXII, fig. 7.

¹⁰ O. M. Dalton. Catalogue of Early Christian Antiquities and Objects from the Christian East in the Department of British and Medieval Antiquities and Ethnography of the British Museum. London, 1901, p. 112—115, № 559—580; O. Wulff. Altchristliche und mittelalterliche byzantinische und italienische Bildwerke, Bd. III, Teil 1. Altchristliche Bildwerke. Berlin, 1909, S. 195—201, № 918—966, 1106. Teil II. Mittelalterliche Bildwerke. Berlin, 1911, № 1936—1939; E. S. King. The Date and Provenance of a Bronze Reliquary Cross in the Museo Cristiano.—«Memorie della Pontificia Accademia Romana di Archeologia», t. II. Roma, 1928, p. 193—205; К. Миятев. Палестински кръстове в България.—«Годишник на народния музей за 1921 г.» София, 1922, стр. 59—89; R. Berliner. A Palestinian Cross of about 590.—«Rhode Island School of Design. Providence», IX, 3, 1952; S. Radojčić. Bronzani krstovi-relikvijari iz ranog srednjeg veka v beogradskim zbirkama.—«Zbornik za umetnostno zgodovino (archives d'histoire de l'art)». N. V. Letnik V/VI; Laureae F. Stelē Septuagenario allatae. Ljubljana, 1959, p. 124—131; E. Coche de la Ferté. L'antiquité chrétienne au Musée du Louvre. Paris, 1958, p. 100; Н. П. Кондаков. Русские клады, т. I, стр. 43—46, рис. 24—29; он же. Иконография богородицы, т. I. СПб., 1914, стр. 261, рис. 165—172, т. II, стр. 104, рис. 32—33.

¹¹ W. Volbach. Frühchristliche Kunst. Die Kunst der Spätantike in West und Ostrom. München, 1958, taf. 103 (двери церкви св. Сабины в Риме); А. Грабар.

время¹². Привлекает внимание тип богоматери, которая занимает центральную часть креста и представлена стоящей во весь рост и держащей перед грудью младенца. Одна рука богоматери касается плеча Христа, другая поддерживает его снизу.

Этот тип богоматери является одним из вариантов богоматери Никопеи¹³. В данном случае его особенность состоит в том, что богоматерь держит самого Христа, а не щиток или медальон¹⁴, но положение ее рук напоминает положение рук, держащих медальон.

Подобный тип богоматери часто встречается на монетах и печатях, основная масса которых относится к X—XII вв.¹⁵ Именно в этот период образ Никопеи, которая была войсковой иконой, пользовался особой славой и известностью и был широко распространен.

Здесь следует указать на противоречие в выводах Н. П. Кондакова. Он считал образ Никопеи наиболее распространенным на памятниках X—XII вв., но не применил собственных выводов к памятнику, о котором идет речь. До некоторой степени это объясняется тем, что Н. П. Кондаков неверно определил изображение на кресте. Он считал, что богоматерь не стоит, а сидит на троне (ноги ангелов были приняты за верхнюю часть трона), и видел здесь изображение богоматери Печерской¹⁶. Изображение богоматери Никопеи является одним из аргументов для датировки нашего креста более поздним временем. Если судить по точно датированным изображениям, крест X—31 следует отнести к X—первой половине XI в.

В этой связи прежде всего надо указать на крест из ГИМ (рис. 2а,б), представляющий близкую аналогию и по иконографическому типу, и по технике исполнения. М. Розенберг датирует этот крест концом X в.¹⁷; изображение богоматери на нем аналогично тому, которое помещено на рассматриваемом нами: такая же постановка фигуры богоматери, сходные пропорции и расположение складок одежды, техническое исполнение самих изображений.

Следует отметить, что изображение Никопеи, которое часто обнаруживается на монетах и печатях, встречается на крестах, по-видимому, только дважды (крест X—31 и крест из ГИМ). Характерен тип лица богоматери: низкий лоб, большие глаза под плоскими дугами бровей, тонкий прямой нос, маленький рот и сильно суженный книзу овал лица. На нашем кресте изображен нимб, украшенный орнаментом из точек; видимо, мастер так хотел изобразить жемчужины. Подобный тип лица богоматери, который Н. П. Кондаков рассматривает как сирийский¹⁸, встречается на ряде

Les ampoules de terre sainte (Monza—Bobbio). Paris, 1958, pl. III, V, XVII, XIX, XXVII, XXIX, XXXIII, XLVII, L, LIII; F. van der Meer et Ch. Mohrman n. Atlas de l'antiquité chrétienne. Paris—Bruxelles, 1960, fig. 384 (миниатюра кодекса Рабулы); Γ. καὶ Μ. Σωτηρίου, Εἰκόνες τῆς Μονῆς Σινᾶ, τ. I. Ἀθήναι, 1956, табл. X—XI и XVII—XIX (иконы VI—VII вв.).

¹² J. B e c k w i t h. The Art of Constantinople. An Introduction to Byzantine Art 330—1453. London, 1961, p. 114, fig. 145—147.

¹³ Н. П. К о н д а к о в. Иконография богоматери, т. II, стр. 125—126.

¹⁴ Там же, стр. 127.

¹⁵ Там же, стр. 133; V. L a u r e n t. Documents de sigillographie. La collection C. Orghidan. Paris, 1952, p. 109—110, pl. XXIV, fig. 202; p. 139—140, pl. XXXII, fig. 259; p. 176, pl. XLIV, fig. 347; p. 195, pl. XLIV, fig. 381; p. 195, pl. LVII, fig. 382; p. 219, табл. LVII, fig. 430; p. 227, pl. LVII, fig. 449.

¹⁶ Н. П. К о н д а к о в. Иконография богоматери. Связи греческой и русской иконописи..., стр. 193.

¹⁷ M. R o s e n b e r g. Geschichte der Goldschmiedekunst auf technischen Grundlage. Niello bis zum Jahre 1000 nach Chr. Frankfurt am Main, 1924, S. 59—60, Abb. 48—49.

¹⁸ Н. П. К о н д а к о в. Иконография богоматери, т. I, стр. 180.

Рис. 2а. Крест из ГИМ

Дзялинских)²² (рис. 3а) близко херсонесскому кресту по композиции. Здесь имеется изображение богородицы, данное в профиль, и десять апостолов на поперечной перекладине креста (по пяти с каждой стороны). Так же как на нашем кресте, апостолы представлены как бы идущими к богородице. Сходно расположение складок их одежд и положение рук. Здесь преобладают в рисунке волнистые линии, но они не создают впечатления объединяющего весь ряд идущих фигур движения, которое есть на нашем кресте. На кресте-фугляре из Голухова (рис. 3б) помещено полуфигурное изображение богородицы²³ рассмотренного выше типа, характерного для памятников X—XII вв. К этому же времени Е. Кош де ля Ферте относил фрагменты керамического изображения богородицы Никопей, хранящиеся в Лувре²⁴.

Переходя к сцене «Преображения», представленной на херсонесском

памятников, которые точно датируются X в. В их числе серебряный крест императора Романа II (959—963) из собрания Думбартона Окс¹⁹. На одной его стороне имеется полуфигурное изображение Христа, на другой — богородицы. Оба изображения и надписи исполнены чернью.

Тип лица богородицы на кресте Романа II и на медальоне из галереи Уолтера в Балтиморе²⁰ тот же, что и на нашем кресте. Оба датируются X в.

Те же пропорции фигуры, тип лица, расположение складок мафория богородицы имеются на ставропекте из Метрополитенского музея (ставропекта Фиски — Морган) в сценах «Благовещение» и «Распятие». Изображения исполнены гравировкой и чернью, причем чернь применяется как инкрустация. Последний памятник, как было недавно доказано, относится к X в.²¹

Изображение «Вознесения» на кресте из Голухова (собрание

¹⁹ Handbook of the Dumbarton Oaks Collection. Harvard University. Washington, 1955, p. 56, рис. на стр. 66, № 135.

²⁰ M. C. Ross. An Emperor's Gift—and Notes on Byzantine Silver Jewelry of the Middle Period.— «The Journal of the Walters Art Gallery». Baltimore, 1956—1957, p. 26, fig. 2.

²¹ M. Rosenberg. Op. cit., S. 61—67, Abb. 50—57; A. Frolov. Le culte de la relique de la vraie croix à la fin du VI-e et au début du VII-e siècles.— BS, XXII, 2, 1961, p. 324, fig. 3; p. 325—326.

²² W. Froehner. Collections du Château de Goluchow. L'orfèvrerie. Paris, 1897, p. 76—80, pl. XVIII—XIX; M. Rosenberg. Op. cit., S. 56—59, Abb. 47 (a—f).

²³ Имеется в виду богородица Кириотисса — один из вариантов Никопей.

²⁴ E. Coche de la Ferté. Décors en céramique byzantine au musée du Louvre.— «Cah. Arch.», vol. IX. Paris, 1957, p. 193, fig. 3—4.

кресте, отмечаем, что ее анализ также позволяет сделать ряд существенных выводов. Изображен Христос в мандорле. По сторонам от него на том же уровне — две фигуры в венцах: слева Моисей (изображен старик с бородой), справа — Илья (лицо молодое). Внизу три фигурки апостолов, данные погрудно ²⁵. Надпись: $\mu\epsilon\tau[\alpha]|\mu[\acute{o}]\rho[\varphi]|\omega\sigma[\iota\varsigma]$. Данная сцена «Преображения» соответствует тому описанию, которое дается в евангелии от Луки (IX, 32—36). Апостолы представлены не упавшими ниц, а в спокойных позах. Они как бы застыли, пораженные божественным сиянием, которое ослепило их ²⁶. До VIII в. Преображение не входило в число великих праздников ²⁷. Этим объясняется то, что в искусстве VI—VII вв. изображение «Преображения» встречается крайне редко ²⁸.

На таких известных памятниках изобразительного искусства VI—VII вв., как ампулы Монцы и Боббио ²⁹, перстни византийской работы того же времени, часто представляющие сцены из жизни Христа ³⁰, шелковые облачения папы Льва III, описанные в книге Понтификов ³¹, мы не найдем сцены «Преображения». Не упоминается она и письменными источниками ³².

Рис. 26. Крест из ГИМ

²⁵ Не совсем ясно, почему Н. П. Кондаков считал («Русские клады», стр. 44), что на нашем кресте имеется «Преображение» с Петром и Павлом. Подобного варианта «Преображения» вообще не существует, а есть сцена «Передача закона Петру», в которой изображаются Христос в центре, слева Петр со свитком, справа Павел. Композиция этой сцены повлияла на композицию «Преображения», и иногда их путают (A. de W a l. Zur Ikonographie der Transfiguration in der älteren Kunst. — «Römische Quartalschrift». Rom, 1902, S. 26). Памятники, на которых имеется изображение «Передача закона Петру», перечисляются А. де Ваалем. Ряд иллюстраций можно найти у В. Фольбаха (op. cit., Taf. 45, 176, 177, 224).

²⁶ N. R i e s e n f e l d. Jésus Transfiguré. L'arrièreplan du récit évangélique de la transfiguration de Notre Seigneur. — «Acta seminarii neotestamentici upsaliensis», XVII. Kobenhavn, 1947, p. 290—291.

²⁷ G. M i l l e t. Recherches sur l'iconographie de l'évangile aux XIV-e, XV-e et XVI-e siècles d'après les monuments de Mistra, de la Macedoine et du Mont-Athos. Paris, 1916, p. 19—21.

²⁸ L. R é a u. Iconographie de l'art chrétien, t. II (2). Paris, 1957, p. 578 [«Преображение» в церкви Сант-Аполлинаре ин Классе (VI в.), в церкви св. Апостолов в Константинополе (VI в.), в монастыре св. Екатерины на Синае (VI в.)]; R. G a r r u c c i. Storia dell'arte cristiana nei primi otto secoli della chiesa, t. III. Prato. 1881, pl. 133 (в кодексе Рабулы).

²⁹ A. G r a b a r. Les ampoules..., pl. I—LVI; J. R e i l. Die altchristlichen Bildzyklen des Lebens Jesu. Leipzig, 1910, S. 139—141.

³⁰ M. R o s e n b e r g. Op. cit., S. 49, Abb. 36—39.

³¹ J. R e i l. Op. cit., S. 134—135.

³² P s e u d o - C h r y s o s t o m u s. — PG, t. 52, col. 800.

Рис. 3а. Крест из Голухова (собрание Дзялинских)

штрихом, густая округлая короткая борода.

Подобный тип лица имеется на кресте из собрания Думбартон Окс³⁵, на медальоне из галереи Уолтера в Балтиморе³⁶, на ставроптеке Метрополитенского музея³⁷ (изображения Христа в сценах «Распятия» и «Сшествия во ад») и на кресте Марка Пещерника из Киева³⁸ (рис. 4). Этот последний, так же как и крест из ГИМ, представляет близкую аналогию херсонесскому по технике исполнения. Благословляющий Христос, двенадцать апостолов, по шести с каждой стороны (композиция несколько напоминает нашу), св. Феодор сверху и св. Георгий внизу исполнены инкрустацией серебром.

Подобный декоративный прием, когда резьба сопровождалась насечкой, т. е. инкрустацией свинцом и серебром, появился в IX в., а в XI в. сменился «линейной отливкой рельефных изображений»³⁹.

Лишь в VIII в. в тексте, принадлежащем Иоанну Евбейскому, мы находим среди великих праздников «Преображение»³³. К VIII—IX вв. эта сцена чаще встречается и в живописи³⁴. Поскольку на крестах изображались наиболее чтимые персонажи, все сказанное выше указывает на то, что изображение подобной сцены на кресте не может датироваться VI—VII в., а относится к более позднему времени. Едва ли наш крест мог быть выполнен в VIII—IX вв., т. е. в период иконоборчества. Таким образом, разбор сцены «Преображения» дает еще один аргумент в пользу высказанной выше датировки.

На нашем кресте в сценах «Вознесение» и «Преображение» привлекает внимание характерный тип лица Христа. Его отличают близко посаженные глаза, расположенные слишком высоко на лице, плоские дуги бровей, намеченные только одним

³³ Ibid., t. 96, col. 1453, 1497.

³⁴ G. Millet. Op. cit., p. 595.

³⁵ Handbook of the Dumbarton Oaks Collection, p. 56, рис. на стр. 66, 135.

³⁶ M. C. Ross. An Emperor's Gift..., p. 26, fig. 2.

³⁷ A. Frolov. Op. cit., p. 327, fig. 8.

³⁸ Н. Закревский. Описание Киева, т. I. М., 1868, стр. 633—634, табл. X; В. Прохоров. Христианские древности и археология. СПб., 1875, табл. XI.

³⁹ Н. П. Кондаков. Указ. соч., т. I, стр. 266.

Таким образом, сопоставление с точно датированными памятниками, представляющими аналогии или по иконографическому типу, или по технике исполнения, дает основание отнести крест X—XI к X — первой половине XI в. Черты стили сближают его с памятниками, созданными под сильным восточным влиянием. Изображение богородицы отличается удлинёнными пропорциями, придающими фигуре особую лёгкость. Что же касается остальных персонажей, то здесь так же, как на палестинской иконе Синайского монастыря⁴⁰, мы видим небольшие приземистые коренастые фигуры и строгие аскетические лица восточного типа. Во всем чувствуется строгость, дух абстрактного величия. Сцена «Преображения» на нашем кресте относится к восточному типу, который следует тексту евангелия от Луки⁴¹.

Сходные композиции имеются в кодексе Рабулы и в росписях церковью Каппадокии, таких, как церковь Токале, капеллы Эль-Назар и Гереме⁴²; в основном эти росписи относятся к X в. Г. Милле приводит ряд других памятников, дающих подобные композиции, следующие сиро-палестинской иконографии. В отличие от креста из собрания Думбартон Окс и медальона из Балтимора, исполненных с особой изысканностью и тонкостью, наш крест имеет грубоватый, восточный тип изображений, который указывает на другую художественную традицию.

В его рисунке преобладают изогнутые линии, создающие впечатление движения, которое как бы охватывает весь ряд идущих фигур, связывая их в единое целое. Мастер был хорошим рисовальщиком, умевшим с помощью линий передать ощущение движения. Энергичная линия играет здесь видную роль, превращаясь в главное средство художественного выражения.

Согласно общепринятому мнению, центрами производства подобных крестов были Сирия и Палестина, откуда их развозили паломники во все концы христианского мира. Но если учесть, что в X—XI вв. эти террито-

Рис. 36. Крест из Голухова (собрание Дзялинских)

⁴⁰ Г. καὶ Μ. Σωτηρίου. Op. cit., табл. XVII—XIX.

⁴¹ G. Millet. Op. cit., p. 219.

⁴² G. Gerphanion. Une nouvelle province d'art byzantin. Les églises rupestres de Cappadoce, t. I, part I. Paris, 1925, p. 83, 101, pl. 31, № 1; p. 189, pl. 40, № 2; p. 286, pl. 67, № 1.

Рис. За. Крест из Голухова (собрание Дзялинских)

штрихом, густая округлая короткая борода.

Подобный тип лица имеется на кресте из собрания Думбартон Окс³⁵, на медальоне из галереи Уолтера в Балтиморе³⁶, на ставропекте Метрополитенского музея³⁷ (изображения Христа в сценах «Распятия» и «Сшествия во ад») и на кресте Марка Пещерника из Киева³⁸ (рис. 4). Этот последний, так же как и крест из ГИМ, представляет близкую аналогию херсонесскому по технике исполнения. Благословляющий Христос, двенадцать апостолов, по шести с каждой стороны (композиция несколько напоминает нашу), св. Феодор вверху и св. Георгий внизу исполнены инкрустацией серебром.

Подобный декоративный прием, когда резьба сопровождалась насечкой, т. е. инкрустацией свинцом и серебром, появился в IX в., а в XI в. сменился «линейной отливкой рельефных изображений»³⁹.

Лишь в VIII в. в тексте, принадлежащем Иоанну Евбейскому, мы находим среди великих праздников «Преображение»³³. К VIII—IX вв. эта сцена чаще встречается и в живописи³⁴. Поскольку на крестах изображались наиболее чтимые персонажи, все сказанное выше указывает на то, что изображение подобной сцены на кресте не может датироваться VI—VII вв., а относится к более позднему времени. Едва ли наш крест мог быть выполнен в VIII—IX вв., т. е. в период иконоборчества. Таким образом, разбор сцены «Преображения» дает еще один аргумент в пользу высказанной выше датировки.

На нашем кресте в сценах «Вознесение» и «Преображение» привлекает внимание характерный тип лица Христа. Его отличаются близко посаженные глаза, расположенные слишком высоко на лице, плоские дуги бровей, намеченные только одним

³³ Ibid., t. 96, col. 1453, 1497.

³⁴ G. Millet. Op. cit., p. 595.

³⁵ Handbook of the Dumbarton Oaks Collection, p. 56, рис. на стр. 66, 135.

³⁶ M. S. Ross. An Emperor's Gift..., p. 26, fig. 2.

³⁷ A. Frolov. Op. cit., p. 327, fig. 8.

³⁸ Н. Закревский. Описание Киева, т. I. М., 1868, стр. 633—634, табл. X;

В. Прохоров. Христианские древности и археология. СПб., 1875, табл. XI.

³⁹ Н. П. Кондаков. Указ. соч., т. I, стр. 266.

Таким образом, сопоставление с точно датированными памятниками, представляющими аналогии или по иконографическому типу, или по технике исполнения, дает основание отнести крест X—31 к X — первой половине XI в. Черты стиля сближают его с памятниками, созданными под сильным восточным влиянием. Изображение богородицы отличается удлинёнными пропорциями, придающими фигуре особую лёгкость. Что же касается остальных персонажей, то здесь так же, как на палестинской иконе Синайского монастыря⁴⁰, мы видим небольшие приземистые коренастые фигуры и строгие аскетические лица восточного типа. Во всем чувствуется строгость, дух абстрактного величия. Сцена «Преображения» на нашем кресте относится к восточному типу, который следует тексту евангелия от Луки⁴¹.

Сходные композиции имеются в кодексе Рабулы и в росписях церквей Каппадокии, таких, как церковь Токале, капеллы Эль-Назар и Гереме⁴²; в основном эти росписи относятся к X в. Г. Милле приводит ряд других памятников, дающих подобные композиции, следующие сиро-палестинской иконографии. В отличие от креста из собрания Думбартон Окс и медальона из Балтимора, исполненных с особой изысканностью и тонкостью, наш крест имеет грубоватый, восточный тип изображений, который указывает на другую художественную традицию.

В его рисунке преобладают изогнутые линии, создающие впечатление движения, которое как бы охватывает весь ряд идущих фигур, связывая их в единое целое. Мастер был хорошим рисовальщиком, умевшим с помощью линий передать ощущение движения. Энергичная линия играет здесь видную роль, превращаясь в главное средство художественного выражения.

Согласно общепринятому мнению, центрами производства подобных крестов были Сирия и Палестина, откуда их развозили паломники во все концы христианского мира. Но если учесть, что в X—XI вв. эти террито-

Рис. 36. Крест из Голухова (собрание Дзялинских)

⁴⁰ Г. καὶ Μ. Σωτηρίου. *Op. cit.*, табл. XVII—XIX.

⁴¹ G. Millet. *Op. cit.*, p. 219.

⁴² G. Gerphanion. *Une nouvelle province d'art byzantin. Les églises rupestres de Cappadoce*, t. I, part I. Paris, 1925, p. 83, 101, pl. 31, № 1; p. 189, pl. 40, № 2; p. 286, pl. 67, № 1.

Рис. 4. Крест Марка Пещерника (Киев)

ня, кости и металла⁴⁴. Также и в рукописях X в. буквы на концах имеют точки — утолщения⁴⁵.

Черточки на концах не составляли исключительной особенности начертания букв в этот период, их можно заметить и на более ранних памятниках⁴⁶, но там преобладают не горизонтальные черточки, а как бы направленные по диагонали (особенно это заметно в начертании букв α , λ , μ , ν).

Следует отметить, что артикль женского рода передан через «I» вместо «H» — явление, которое встречается также на кресте из Голухова.

В слове $\mu\epsilon\tau[\alpha]\mu[\acute{o}]\rho[\phi]\omega\sigma[\iota\varsigma]$ допущена перестановка букв: σ стоит перед ω .

Кресты подобной формы (с расширяющимися концами) хронологически не выходят за пределы XI в. В дальнейшем появляется более сложная

рии не входили в состав Византийской империи, за исключением того небольшого промежутка времени, когда при Романе II ряд областей Сирии был временно отвоеван у арабов, то не исключена возможность, что наш крест мог быть исполнен в Константинополе, однако в среде приверженной восточной традиции. Данные по вопросу о характере и уровне развития металлообрабатывающего ремесла в Херсонесе, которыми в настоящее время располагает наука, исключают возможность отнесения креста X—31, изготовленного в столь сложной технике, к производству самого Херсонеса⁴³.

Относительно надписей следует заметить, что характер начертания букв также может указывать на X — первую половину XI в. Для X в. характерны четко начертанные почти квадратные буквы. Горизонтальные черточки на концах букв типичны именно для этого времени и могут быть отмечены на различных изделиях из камня,

⁴³ А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. — МИА, № 63, 1959, стр. 322—331.

⁴⁴ А. В. Банк. Несколько византийских камней из собрания Государственного Эрмитажа. — ВВ, XVI, 1959, стр. 214, табл. I—II; J. В е с k w i t h. Op. cit., p. 78—79, fig. 97—98; M. R o s e n b e r g. Op. cit., S. 61—68, Abb. 51—54; 55, 56; M. C. R o s s. Op. cit., p. 22, fig. 1.

⁴⁵ M. T h o m p s o n. An Introduction to Greek and Latin Palaeography. Oxford, 1912, p. 226, № 55; p. 229, № 57; p. 230, № 58; p. 231, № 59.

⁴⁶ M. C. R o s s. Catalogue of the Byzantine and Early Mediaeval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection, vol. 1. Washington, 1962, pl. IV, fig. B—C; pl. XVII, fig. A—B; pl. XVIII—XIX, pl. XL.

форма: концы округляются или имеют трехпластные завершения. Изменяется и способ украшения крестов — преобладает литье или эмаль.

Таким образом, разбор иконографии изображений, техника их исполнения, сама форма креста и отчасти эпиграфические данные указывают на то, что херсонесский крест следует отнести к немногим известным нам памятникам X в. (возможно, первой половины XI в.), украшенным превосходно исполненной резьбой и инкрустацией. Стилистические черты и до некоторой степени иконография позволяют считать, что наш крест связан с Востоком.

К. В. ГОЛЕНКО

К НЕКОТОРЫМ ВОПРОСАМ ХРОНОЛОГИИ МОНЕТ
ПОЗДНЕГО БОСПОРА

История позднего Боспора (вторая половина III — начало IV в.) крайне скупо освещена традиционными видами исторических источников — свидетельствами древних авторов и эпиграфическими памятниками. В этой связи нумизматический материал представляет особую ценность, принимая во внимание его массовость и тот факт, что большинство монет этого времени датировано годами боспорской эры¹. Последнее обстоятельство позволяет сделать ряд наблюдений хронологического порядка, которые выходят далеко за рамки чисто нумизматического исследования. Вместе с тем интерпретация монетного материала требует большой осторожности и сдержанности в выводах, поскольку те или иные наблюдения, полученные на основании нумизматических данных, редко могут быть контролируемыми другими видами источников.

В связи со сказанным специальный интерес вызывает недавно вышедшая статья пражского нумизмата Е. Похитонова², в которой подняты важные вопросы хронологии позднебоспорских монет.

В первой части своего исследования Е. Похитонов возвращается к долго обсуждавшемуся в литературе вопросу о числе царей, носивших имя Рискупорид, проставленное на боспорских статерах 537—564 гг.³ В конечном итоге автор приходит к выводу, что на боспорском престоле в указанный период правили три одноименных царя: Рискупорид V (537—558 гг.), Рискупорид VI (с 558 г.) и Рискупорид VII (с 559 г.). Основанием для такого заключения послужило тщательное изучение особенностей царских портретов на боспорских статерах, среди которых Е. Похитонов выделяет изображения пожилых (с усами) и молодых (безусых) правителей.

Хронологическая группировка портретов царя, принадлежащих к этим двум категориям, и привела его к выводам, значительно более дифференцированным, чем выводы многих предшественников Е. Похитонова, которые рассматривали чекан 537—564 гг. как принадлежащий двум одно-

¹ Годы проставлялись только на статерах — некогда золотой монете, металл которой в течение III в. деградировал до чистой меди. В частности, подавляющее большинство статеров Рискупорида V, о которых здесь говорится, — биллоновые, а Рискупорида VI — медные.

² E. P o c h i t o n o v. Několik poznámek k posloupnosti posledních bosporských králů. — «Numismatický Sborník», VII. Praha, 1962, str. 33—41.

³ Здесь и далее мы приводим лишь годы боспорской эры; разница между нашим летоисчислением и боспорским — 296/7 лет.

именным царям⁴. К работам (в основном второй половины XIX в.), отстаивающим подобную точку зрения или близким к ней, нужно присоединить и недавно выпшедшую статью И. Т. Кругликовой⁵, в которой занимающие нас монеты делятся между двумя царями — Рискупоридом V (537—554 гг.) и Рискупоридом VI (558—564 гг.). В этой статье, оставшейся, по-видимому, неизвестной Е. Похитонову, основные выводы построены на том же иконографическом анализе портретов.

Мнение А. Н. Зографа в этом вопросе⁶, считавшего, что нет достаточно веских оснований распределять чекан 537—564 гг. между двумя или большим числом правителей, носивших имя Рискупорид, не встретило поддержки Е. Похитонова. Точка зрения А. Н. Зографа, которой следует большинство советских нумизматов, не оригинальна: интересующие нас монеты, как справедливо подметил П. О. Карышковский⁷, Б. Хэд⁸ и почти все составители каталогов крупнейших иностранных коллекций, относились лишь к одному царю — Рискупориду V⁹.

К сожалению, Е. Похитонову осталась неизвестной статья П. О. Карышковского¹⁰, где подробно и всесторонне рассмотрен чекан 537—564 гг., в результате чего сделан вывод, согласно которому наблюдения иконографического порядка в отношении этих монет настолько шатки и противоречивы, что не позволяют опровергнуть мнения А. Н. Зографа о принадлежности монет указанного периода выпуску одного царя. В дополнение к П. О. Карышковскому можно заметить лишь, что во второй половине III в. процесс деградации боспорского статера был в самом разгаре и одним из следствий этого явилась крайняя неустойчивость схемы портретов царя и императора, чего мы не находим, например, в чеканке II—первой половины III в. или, наоборот, самого конца III — начала IV в.

В заключение отметим, что выводы П. О. Карышковского, основанные на большом фактическом материале, полном использовании литературы и учете наблюдений, к которым позже самостоятельно пришел Е. Похитонов, не могут быть опровергнуты исследованием пражского нумизмата.

⁴ Чтобы не загружать эту часть нашей заметки литературными ссылками, отсылаем читателя к статьям Е. Похитонова (указ. соч.), И. Т. Кругликовой («Клад боспорских статеров III в. из дер. Семеновки». — СА, 1958, № 3, стр. 134 сл.) и, особенно, П. О. Карышковского [«3 історії монетної справи на Боспорі в III ст. н. е.» — МАПН, вып. II (Одесса), 1959, стр. 177 сл.], где приведена полная библиография этого сложного вопроса.

⁵ И. Т. К р у г л и к о в а. Указ. соч.

⁶ А. Н. З о г р а ф. Тиритакский клад (предварительное сообщение). — КСИИМК, вып. VI, 1940, стр. 58 сл.; он же. Античные монеты. — МИА, № 16, 1951, стр. 208 сл.

⁷ П. И. К а р и ш к о в с к и й. Указ. соч., стр. 180.

⁸ В. V. H e a d. Historia Numorum, 2 ed. Oxford, 1911, p. 504.

⁹ Следует подчеркнуть проницательность Е. Похитонова, который вслед за рядом исследователей конца прошлого века датировал конец чекана монет с именем Рискупорида 572 г., несмотря на утверждение А. Н. Зографа («Античные монеты», стр. 211) о поддельности монет этого года. Теперь статер Рискупорида 572 г. найден в огромном Судакском кладе 1959 г. (клад, к сожалению, не издан. Ср., например, тезисы доклада, зачитанного 11 октября 1961 г. в Одессе: П. Н. Ш у л ь ц. О Судакском кладе боспорских монет, найденном в 1959 году, и о местоположении Афинеопа).

Материалы недавно опубликованного небольшого клада, найденного близ хутора Батарейки на Таманском полуострове [ср. В. Э. К у н и н. Монетный клад с Таманского полуострова (Информационное сообщение). — «Археология и история Боспора», т. II. Симферополь, 1962, стр. 343 сл.], позволяют сделать новые уточнения хронологии монет с именем Рискупорида. Представление о том, что 572 год был последним годом в чекане Рискупорида, первым — Тейрана и единственным для монет Савромата IV, справедливо только в последнем случае. В упомянутом кладе содержались: статер Рискупорида 573 г. и статер Тейрана 563 г. Таким образом, сейчас можно утверждать, что монеты Рискупорида чеканились в 537—553, 558—564, 572—573 гг., Тейрана — в 563, 572—575 гг.; Савромата IV — только в 572 г.

¹⁰ П. И. К а р и ш к о в с к и й. Указ. соч.

Во второй части своей работы Е. Похитонов вновь поднимает вопрос о дате начала правления, точнее — начала чекана, Рискупорида VI (по Е. Похитонову — VII¹¹), последнего боспорского царя, известного нам по монетам.

В нумизматической литературе долгое время держалось мнение, что какой-то промежуток времени Рискупорид VI и его предшественник правили и чеканили монету одновременно или даже что первый стал царем ранее Радамсада¹². Основой подобного мнения послужило ошибочное чтение дат на некоторых статерах Рискупорида VI (ярким примером этого является, например, работа А. М. Подшивалова¹³) и керченская надпись 1832 г. (IOSPE, II, 312¹), толкование которой позволяет предполагать одновременность правления двух царей¹⁴ — случай, имевший место ранее на боспорском престоле. Специальное рассмотрение нумизматического материала под этим углом зрения привело к выводу, что чекан Радамсада прекратился в 615 г. и в том же году появились первые, еще очень редкие монеты Рискупорида VI¹⁵. Иными словами, параллельный чекан обоих царей не подтверждается фактическим материалом.

Е. Похитонов пересматривает это положение и приходит к выводу, что монеты Рискупорида VI известны уже от 610 г. Статья пражского исследователя приводит и к фактическому отрицанию существования подражаний статерам Рискупорида VI¹⁶, поскольку наиболее характерная группа монет этого рода интерпретируется им как продукт регулярного боспорского чекана¹⁷. Таким образом, затрагиваются весьма важные моменты истории монетного дела позднего Боспора.

Центральным пунктом в системе доказательств Е. Похитонова служит изучение одной монеты с именем Рискупорида VI¹⁸. При издании этого статера, год на котором прочитан как IX (610), автор ставит вопрос, является ли он подражанием, точная дата выпуска которого, естественно, установлена быть не может, или перед нами статер Рискупорида регулярного чекана с неизвестным ранее годом. Е. Похитонов склоняется ко второму решению вопроса, основанием для чего служит убежденность в правильности написания года и легенды на монете (по мнению автора, приписывающего нам подобную точку зрения, искаженная надпись — обязательный атрибут подражаний). Очень низкий вес (3,826 г) и грубость изображений данного экземпляра объясняются «меньшими экономическими возможностями» Рискупорида VI, чем Радамсада.

¹¹ По-видимому, по Е. Похитонову, этот царь и Рискупорид VII конца III в. — разные правители.

¹² См., например, А. Орешников. Каталог собрания древностей гр. А. С. Уварова, вып. VII. М., 1887, стр. 120.

¹³ А. М. Podschivalow. Beschreibung der unedirten und wenig bekannter Münzen von Sarmatia Europaea, Chersonesus Taurica und Bosphorus Cimmerius. Moskau, 1882, S. 24, № 75, 76.

¹⁴ Эта сильно фрагментированная надпись, утерянная уже во времена В. В. Латышева, содержала обрывки имен Радамсада и Рискупорида. Но состояние памятника настолько плохое, что царские титулы и $\epsilon\pi\iota$ и $\kappa\alpha\iota$ не могут быть прочитаны и полностью восстановлены В. В. Латышевым.

¹⁵ К. В. Голенко. К некоторым вопросам ранней чеканки Рискупорида VI. — КСИИМК, вып. 66, 1956, стр. 107 сл.

¹⁶ А. Н. Зограф. Монеты из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1932—1934 гг. — МИА, № 4, 1944, стр. 157, прим. 1; К. В. Голенко. О необычных монетах Рискупорида VI. — КСИА, вып. 6. Киев, 1956, стр. 57 сл. Публикация монет, которые мы считаем подражаниями статерам Фофорса, по-видимому, Е. Похитонову осталась неизвестной («О характере выпуска некоторых монет Фофорса». — МАИИ, вып. II, стр. 187 сл.).

¹⁷ E. Pochitov. Op. cit., str. 37—39.

¹⁸ Ibid., str. 38, tab. I, 18.

Не вдаваясь в рассмотрение вопроса, может ли служить небрежное оформление монеты, чеканенной из недрагоценного металла в очень ограниченном числе, мерилем экономических возможностей царя, самый факт существования которого в указанное время представляется сомнительным, мы остановимся на других аспектах проблемы, связанной с публикацией Е. Похитонова.

Отличительным признаком типа пражского статера служит изображение трезубца перед царем и отсутствие эмблемы на оборотной стороне, где дата помещена по сторонам портрета императора. Несмотря на разнообразие вариантов типа позднебоспорских статеров, они всегда очень определены и характерны для строго хронологически ограниченных групп монет. Так, например, тип статеров Радамсада (606—615 гг.), при котором, следуя Е. Похитонову, начал свой чекан Рискупорид VI, всегда одинаков: лицевая сторона — без эмблемы, оборотная сторона — палица. Что касается занимающей нас монеты, то типы ее обеих сторон очень популярны среди монет Рискупорида VI: трезубец перед царем известен еще в чекане Рискупорида V (с 560 г.) и Савромата IV (572 г.), а также на некоторых статерах Фофорса (583—605 гг.), на монетах Рискупорида VI он появляется в 616 г. и существует вплоть до 623 г.¹⁹ Но иначе обстоит дело с реверсным типом: дата по сторонам изображения императора появляется впервые на боспорских монетах только при Рискупориде VI, в 618 г., и этот тип становится ведущим вплоть до 633 г.²⁰, когда прекращается выпуск боспорской монеты вообще. Таким образом, формальное рассмотрение типа изданной Е. Похитоновым монеты не позволяет относить ее к периоду ранее, чем 618 г., поскольку только в этом году появляется на статерах дата по сторонам императорского изображения. Беспорным подтверждением сказанного может служить тот факт, что IX (610) — не полностью оттиснутый на монетном кружке год: его левая часть, содержащая обозначение единиц, из-за сдвига штемпеля не вышла на монете. Слева от головы императора на оборотной стороне одной из эрмитажных монет (табл. I, № 1²¹), безусловно чеканенной одной парой штемпелей с пражским экземпляром, мы видим две параллельные линии — буквенное выражение единиц и десятков года, т. е. «иоты» (I=10) и, бесспорно, остаток «эты» (H=8), поскольку ни одна буква греческого алфавита, обозначающая единицы, кроме «эты», не имеет в правой своей части вертикально поставленной линии. Вопрос о формальном чтении даты снимает другая монета из коллекции Эрмитажа (табл. I, № 2): она чеканена общим штемпелем аверса с похитоновским экземпляром, но другим штемпелем оборотной стороны, где год — NI—X отчетливо виден.

Таким образом, основной аргумент в пользу существования монет Рискупорида VI в период до 616 г. отпадает. Но остается нерешенным другой вопрос: являются ли интересующие нас монеты подражаниями? Сочетание особенностей типа этих монет и проставленный на них год дают нам формальное право на отрицательный ответ²². Однако можно привести веские доказательства принадлежности монет к категории подражаний, чего, кстати сказать, полностью не исключал и Е. Похитонов. В пользу

¹⁹ Подробнее о хронологии типов статеров Рискупорида VI см. К. В. Г о л е н к о. К некоторым вопросам..., стр. 111 сл.

²⁰ К. В. Г о л е н к о. К хронологии заключительных монетных выпусков Боспора.— ЗОАО, т. I (34), 1960, стр. 334 сл.

²¹ Подробные данные о монетах, изображенных на табл. I, см. ниже («Приложение»).

²² Дело в том, что, несмотря на популярность типов обеих сторон наших монет, они сочетаются в боспорском чекане только в 618 г. (ГЭ, инв. № 45—47). Для монет других лет характерны такие сочетания: трезубец — «двузубец» или орел; венки — дата по сторонам бюста императора, а также другие.

такого мнения говорит и грубое внешнее оформление монет, близкое другим подражаниям, и примерно в два раза более низкий (против обычного) вес пражского экземпляра, и, наконец, неточности надписи, в частности пропуск первой буквы «ро» в имени царя (табл. I, № 2²³). К этому следует добавить, что существуют монеты²⁴ общего штемпеля лицевой стороны с интересующими нас, но иного штемпеля реверса, где дата имеет вид $\Delta V - X$ (табл. I, № 3—4). Следуя Е. Похитонову, которому известны монеты такого рода, нам пришлось бы читать год на монетах № 3—4: АIX (611) или даже АХ (601), но, как мы покажем ниже, второй знак в дате — безусловно, искаженная «каппа». Приняв это, мы, следовательно, имеем дело с группой статеров, взаимосвязанных общим штемпелем лицевой стороны, на которых проставлены 618 (НIX) и 621 (АКХ) годы. Если не считать эти монеты подражаниями, то невозможно не прийти к выводу, что в годы наиболее интенсивного чекана при Рискупориде VI один штемпель лицевой стороны использовался на протяжении четырех лет. С этим согласиться нельзя. Хотя изготовление статеров, принадлежащих к двум смежным годам, при помощи одного штемпеля лицевой стороны — явление весьма обычное в монетном деле позднего Боспора, мы не можем указать ни одного случая употребления штемпеля аверса на протяжении более чем одного года работы. Исключения в этом смысле не составляют и периоды очень слабой интенсивности работы боспорского монетного двора, например в 625—627 гг.²⁵ Если учесть, что в 618—621 гг. монета чеканилась в очень большом количестве и штемпеля неоднократно в течение одного года менялись (материалы одного Патрэйского клада²⁶, например, дают монеты указанных лет, чеканенные 55 штемпелями лицевой стороны), объяснить оригинальную комбинацию штемпелей статеров типа № 1—4 возможно, только предположив, что чекан монет этого рода был подражательным. Такое объяснение делает понятным и выбор прототипов: монеты 618—621 гг., как уже отмечалось, наиболее многочисленные среди статеров Рискупорида VI и, следовательно, наиболее обычные в денежном обращении позднего Боспора.

Но не следует пренебрегать и другими наблюдениями Е. Похитонова, которыми он пользуется для подтверждения своей точки зрения. Одно из них — предположение о принадлежности группы подражаний (на наш взгляд, наиболее характерной для этой категории монет²⁷) к регулярным выпускам боспорского монетного двора 610—611 гг.²⁸ Не повторяя аргументов в пользу подражательной природы этих монет, против которых Е. Похитонов по существу и не выступает, остановимся на чтении дат, проставленных на них, — моменте, которому пражский исследователь придает решающее значение.

Хотя интересующая нас серия подражаний наиболее многочисленна, монеты, входящие в нее, чеканены только одним штемпелем лицевой стороны (с изображением венка перед царем) и несколькими — оборотной.

²³ Е. Похитонов в своей работе подчеркивает правильность написания легенды; эта ошибка, безусловно, вызвана фрагментарностью надписи на пражском экземпляре.

²⁴ Такая монета, но худшей сохранности, издана нами ранее («О необычных монетах...», табл. I, 6) и переиздана затем Е. Похитоновым (op. cit., tab. I, 9).

²⁵ Монеты этих лет чеканились общими штемпелями аверса, но следует помнить, что, по-видимому, в 626 г. выпуск монеты не производился (К. В. Г о л е н к о. К хронологии..., стр. 334 сл.).

²⁶ К. В. Г о л е н к о. Второй Патрэйский клад монет (1951). — НЭ, т. I, 1960, стр. 223 сл.

²⁷ К. В. Г о л е н к о. О необычных монетах..., табл. I, 1—5; Е. P o c h i t o n o v. Op. cit., tab. I, 4—8.

²⁸ Е. P o c h i t o n o v. Op. cit., str. 37.

Последние принадлежат двум типам. Для одного из них ²⁹ характерно изображение эмблемы («двузубца») справа от головы императора — знака, похожего на «лямбду» (слева) и IX с точками по сторонам (внизу). Второй тип реверса (табл. I, № 5) нам уже знаком — искаженная дата по сторонам бюста императора $\lambda\kappa$ — χ . В первом случае чтение года как 610 (IX) не вызывает сомнения Е. Похитонова, как, впрочем, и А. В. Орешникова, издавшего монету такого рода ³⁰. Однако трудно следовать упомянутым исследователям в вопросе хронологии занимающих нас монет. Ими оставлены без внимания общий монетный тип и знак, изображенный слева от императорской головы на оборотной стороне. Такой знак никогда не выступает более в качестве самостоятельной эмблемы и может принадлежать только году. Читать его как «лямбду» ($\Lambda = 30$) абсурдно при наличии ясно различимого знака десятка в году — «иота» ($I = 10$), и формальное восстановление даты, которая должна состоять из трех знаков, невозможно. Остается принять, что дата искажена, как искажена и легенда на лицевых сторонах этих статеров. К сказанному можно добавить, что, приняв дату 610 г., мы были бы вынуждены констатировать появление в этом году нового типа монет, который известен в чекане Рискупорида VI только для 618—627 гг. (венок — лицевая сторона) и 616—619 гг. («двузубец» — оборотная сторона). В этой связи объяснение непонятного для нас знака «двузубца» как специфической эмблемы Рискупорида VI (подобно, например, тамге на статерах Фофорса), которая должна была бы присутствовать в типе первых монетных выпусков царя, едва ли возможно. На статерах рубежа 615—616 гг., относимых нами к начальным эмиссиям Рискупорида VI, «двузубец» отсутствует, хотя в конце 616 — начале 619 г. эта эмблема входит в ведущий монетный тип ³¹.

С подобными трудностями мы сталкиваемся и при анализе монет второй разновидности (табл. I, № 5), отличительные признаки типа которых (венок — лицевая сторона; дата по сторонам изображения императора — оборотная сторона), как указывалось, присущи чекану 617—625 гг. и не находят себе аналогии в более раннем материале. Что касается попытки Е. Похитонова видеть во втором знаке года на этих монетах не «капшу» ($K = 20$), а «иоту» ($I = 10$), к которой справа примыкают неудачно переданные элементы венка, шевелюры или одежды императора, то ее трудно признать удачной. Не говоря уже о том, что проще всего второй знак года рассматривать как несколько небрежно вырезанную «капшу», следует отметить поразительно консервативную трактовку деталей портрета на боспорских статерах. Край палудамента или подвески фибулы, которым он застегнут, у императорского портрета, изображенного на статерах, никогда не поднят так высоко; как видно на монете № 5, венки и ленты венка легко различимы и составляют самостоятельные элементы изображения, а резчики штемпелей всегда строго следовали традиции: боспорский царь изображался с длинными волосами, а император — с короткими.

Учитывая все сказанное, помня о стилистической близости другим подражаниям (в частности, типа: табл. I, № 1—4), а также о явно заниженном весе наших монет, безграмотности надписей и грубости изображений на них, мы должны признать, что перед нами подражания, прототипами которых послужили самые распространенные боспорские монеты этого времени.

²⁹ К. В. Голенко. О необычных монетах..., табл. I, 1—3; E. Pochitov. Op. cit., tab. I, 4—6.

³⁰ А. Орешников. Указ. соч., стр. 120, № 790.

³¹ К. В. Голенко. К некоторым вопросам..., стр. 111 сл.

Е. Похитонов безоговорочно относит к чекану 611 г. и одну из монет Патрэйского клада³², дата на которой безусловно АІХ (табл. I, № 6). Формальные признаки патрэйского экземпляра не позволяют видеть в нем подражание. Вместе с тем тип этой монеты (лицевая сторона — трезубец; обратная сторона — орел, сидящий на шаре, с венком в клюве) никак не может быть отнесен к раннему времени: несмотря на то, что он известен еще на статерах Савромата IV 572 г., в чекане Рискупорида VI он появляется только с 619 г. Эти наблюдения заставляют предполагать искажения знака десятков в дате и рассматривать «иоту» (I = 10) как недописанную «капшу» (K = 20), т. е. читать год как 621³³. Примеры искажения написания даты такого рода известны: бессмысленное сочетание знаков КІХ³⁴ («20» «10» «600») или НАХ, ΘΛΧ (638, 639) на монетах, чеканенных в действительности в 618, 619 гг.³⁵ Но, безусловно, правильность нашей точки зрения подтверждает одна монета из неопубликованного Кецкого клада 1961 г. (табл. I, № 7). Она чеканена общим штемпелем лицевой стороны с патрэйским экземпляром, но другим штемпелем оборотной стороны, на которой, к сожалению, год недостаточно отчетлив. Однако на другом статере из Кеп (табл. I, № 8) общего штемпеля оборотной стороны с № 7 (но иного — лицевой стороны) «капша» в году легко различима.

В заключение следует подчеркнуть, что основные положения статьи Е. Похитонова, всегда сформулированные в очень осторожных выражениях, не во всем убедительны. Это, несомненно, вызвано крайне ограниченным материалом, которым располагал пражский исследователь, что неоднократно подчеркивает и сам Е. Похитонов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица I

Описание монет № 1—8

Подражания статерам Рискупорида VI

1. 7,55 г, Эрмитаж.

Лиц. ст. В... ..VΠOPIC

Задрашированное погрудное изображение боспорского царя, вправо, перед ним трезубец.

Об. ст.

Задрашированное погрудное изображение императора в венке, вправо, по сторонам от него Π—Χ, точечный ободок.

2. 6,75 г, Эрмитаж.

Лиц. ст. В... Λ € O (или P) € H € KOVΠOPIC

как № 1.

Об. ст., как № 1, но по сторонам [H] I—X

³² К. В. Г о л е н к о. Второй Патрэйский клад..., стр. 278, № 309, табл. IX.³³ Там же.³⁴ См., например, Б. К е н е. Описание Музеума покойного кн. В. В. Кочубея, т. II. СПб., 1857, стр. 348, прим. к № 19; Д. Б. Ш е л о в. Феодосийский клад боспорских «статеров». — ВДИ, 1950, № 2, стр. 139.³⁵ К. В. Г о л е н к о. К некоторым вопросам..., стр. 112—113, рис. 16, 1, 3,

3. 6,09 г, Эрмитаж.

Лиц. ст.... $\Sigma \text{H} \in \text{KO}$ ...

как № 1.

Об. ст., как № 1, но по сторонам $\Delta \nu - \chi$.

4. 6,57 г, Эрмитаж.

Лиц. ст. ... $\text{I} \Delta \in \dots \in \text{H} \in \dots \text{PO}$ ...

как № 1.

Об. ст., как № 2.

Монеты № 1—4 чеканены общим штемпелем лиц. ст., № 3—4—оборотной.

5. 5,08 г, Эрмитаж.

Об. ст., как № 1, но по сторонам $\Delta \kappa - \chi$.

Статеры Рискупорида VI

6. 7,46 г, Патрэйский клад (№ 309).

Лиц. ст. (легенда неясна).

как № 1.

Об. ст., как № 1, но справа орел с венком в клюве, сидящий на шаре, внизу AIX .

7. 7,40 г, Кеппский клад.

Лиц. ст. BAC ... ... PORIC

как № 1.

Об. ст., как № 6, но внизу ... χ

8. 6,36 г, Кеппский клад.

Лиц. ст. BACI ... ... KOVPORIAC

как № 1.

Об. ст., как № 6, но внизу AKX .

Монеты № 6—7 чеканены общим штемпелем лиц. ст., № 7—8—оборотной.

Е. Э. ГРАНСТРЕМ

КАТАЛОГ ГРЕЧЕСКИХ РУКОПИСЕЙ ЛЕНИНГРАДСКИХ
ХРАНИЛИЩ. ВЫПУСК 5. РУКОПИСИ XIII ВЕКА *

456. Синописис Аристина. XIII в.

Пергамен. Минускул. Лл. 15 об. —16, 195 об. —196 писаны курсивом XIV в. Заголовки писаны тусклой киноварью. В картонном переплете XIX в. Встречаются латинские пометы.

227 лл. 18,5×13,5 и 13,5×10,5. 27 строк.

Содержание¹:

1) лл. 1—15. Оглавление настоящей рукописи; четыре листа из этого оглавления утрачены;

2) лл. 15 об. —16. Софрония архиепископа Иерусалимского об исповедании. *Περὶ ἐξαγγελιῶν τοῦ ἁγίου Σωφρονίου ἀρχιεπισκόπου Ἱεροσολύμων*. Текст см. A. Mai. *Spicilegium Romanum*. T. III. Romae, 1840, praefatio, p. XVI—XVII, причем в р-си текст обрывается на словах «ὁ ἀδέκαστος κριτής»;

3) л. 16. Выписки из Ἀσκητικά Василия Великого. Ἀπὸ τοῦ πρώτου λόγου τοῦ ἀσκητικοῦ τοῦ μεγάλου Βασιλείου. Текст см. PG, t. 31, col. 621_{A-C}, 628_A — 629_A;

4) л. 16 об. — несколько мелких помет, не поддающихся прочтению;

5) л. 17. С этого листа начинается текст самого номоканона: *Νομοκάνονον σὺν θ(ε)ῶ περιέχον συνοπτικῶς ὅλους τοὺς κανόνας τῶν ἁγίων ἀποστόλων καὶ τῶν ἁγίων καὶ οἰκουμενικῶν ἑπτὰ συνόδων, ὁμοίως καὶ τῶν τοπικῶν . . . καὶ τοῦ μεγάλου Βασιλείου καὶ ἐτέρων θεοφόρων πατέρων*. Заголовок пострадал от времени, местами буквы не читаются;

6) лл. 17—27. Правила свв. апостолов. *Τῶν ἁγίων, ἐνδόξων καὶ πανευφήμων ἀποστόλων κανόνες*. Текст см.: *Σύνταγμα τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων τῶν τε ἁγίων καὶ πανευφήμων ἀποστόλων καὶ τῶν ἱερῶν οἰκουμενικῶν καὶ τοπικῶν συνόδων καὶ τῶν κατὰ μέρος ἁγίων πατέρων ἐκδοθέν . . . ὑπὸ Γ. Ἀ. Φάλλη καὶ Μ. Πότλη*² Π. Ἀθήνησιν, 1852, стр. 3—112;

7) лл. 27—33. Правила Никейского собора. *Κανόνες τῆς ἐν Νικαίᾳ ἁγίας συνόδου* κ. Текст см. Р алли — Потли, II, стр. 116—164;

* Окончание. Начало см. ВВ, XXIV, 1964.

¹ При составлении нижеследующего перечня статей описываемой рукописи использовано описание этой рукописи: И. А. Бычков. Описание пергаменного греческого номоканона XIII в. — «Отчет имп. Публичной библиотеки за 1882 г.». Приложение № 1. СПб., 1884, с незначительными добавлениями и поправками. Русские заглавия, заключенные в кавычки, взяты из Печатной Кормчей 1653 г. и из Рязанской Кормчей 1284 г., которыми пользовался И. А. Бычков в указанном описании.

² Далее это издание, состоящее из шести томов, обозначается сокращенно: Р алли — Потли.

8) лл. 33—40. Правила Анкирского собора. *Κανόνες τῶν ἐν Ἀγκύρᾳ συνελθόντων ἁγίων πατέρων, οἵτινες προγενέστεροι μὲν εἰσι τῶν ἐν Νικαίᾳ ἐκτεθέντων κανόνων, δευτερεύουσι δὲ διὰ τὴν τῆς οἰκουμένητικῆς συνόδου κατάστασιν.* Текст см. Ралли—Потли, III, стр. 21—69;

9) лл. 40 об.—43. Правила Неокесарийского собора. *Κανόνες τῶν ἐν Νεοκαισαρείᾳ συνελθόντων ἁγίων πατέρων, οἵτινες δεῦτεροι μὲν εἰσι τῶν ἐν Ἀγκύρᾳ, τῶν δὲ ἐν Νικαίᾳ προγενέστεροι, διὰ δὲ σεβασμιότητα προτέταχται αὐτῶν ἢ ἐν Νικαίᾳ.* Текст см. Ралли—Потли, III, стр. 71—95;

10) лл. 43 об.—45 об. Правила Гангрского собора. *Κανόνες τῶν ἐν Γάγγρᾳ συνελθόντων ἁγίων πατέρων, οἵτινες μετὰ τὴν ἐν Νικαίᾳ σύνοδον ἐξετέθησαν.* Текст см. Ралли—Потли, III, стр. 101—121;

11) лл. 46—48 об. Правила Антиохийского собора. *Κανόνες τῶν ἐν Ἀντιοχείᾳ συνελθόντων ἁγίων πατέρων.* Конец утрачен; текст обрывается на словах: «Ἦγουν ἀναγνωστῶν, ψαλτῶν, ἐφορικ[ιστῶν τε]» (толкование на правило 10-е). Текст см. Ралли—Потли, III, стр. 125—144;

12) лл. 49—55. Правила четвертого вселенского собора в Халкидоне. Начало утрачено. Текст см. Ралли—Потли, II, стр. 229—291;

13) лл. 55 об.—60 об. Правила Сардикийского собора. *Τῶν ἐν Σαρδικίᾳ συνελθόντων ἁγίων πατέρων κανόνες.* Текст см. Ралли—Потли, III, стр. 231—285;

14) лл. 60 об.—95 об. Правила Карфагенского собора. *Τῶν ἐν Καρθαγένη συνελθόντων ἁγίων καὶ σεβασμιῶν πατέρων διακοσίων εἴκοσι ἑπτὰ κανόνες ῥλζ.* Текст см. Ралли—Потли, III, стр. 290—624;

15) лл. 95 об.—120. Правила шестого Трулльского собора. *Τῆς ἑξῆς συνόδου τῆς ἐν τῷ Τρούλλῳ κανόνες.* Текст см. Ралли—Потли, II, стр. 305—554;

16) лл. 120—127. Правила второго Никейского собора. *Τῆς ἐν Νικαίᾳ συνόδου τὸ δεῦτερον κανόνες κβ.* Текст см. Ралли—Потли, II, стр. 560—646;

17) лл. 127—129. Правила 1-го и 2-го Константинопольского собора. *Τῆς ἐν Κωνσταντινουπόλει γενομένης ᾱ καὶ β̄ συνόδου ἐν ναῶ τῶν ἁγίων ἐνδόξων καὶ πανευφύμων ἀποστόλων κανόνες ιζ̄.* Текст см. Ралли—Потли, II, стр. 653—704;

18) лл. 129—129 об. Правила седьмого Собора иже во св. Софии. *Τῆς ἐν τῷ περιώνμῳ ναῶ τῆς τοῦ Θεοῦ Σοφί(ας) ἡτις τὴν ζ̄ ἐκύρωσε σύνοδον.* Текст см. Ралли—Потли, II, стр. 707—712;

19) лл. 129 об.—149 об. Из первого послания Василия Великого. *Τοῦ μεγάλου Βασιλείου ἐκ τῆς πρώτης ἐπιστολῆς κανόνες ςθ̄.* Текст см. Ралли—Потли, IV, стр. 88—255, 258, 268, 274, 277, 282, 291, 293—294, 384—385;

20) л. 149 об. «Св. Дионисия архиепископа Александрийского о том, како подобает в великую субботу пост оставить». *Τοῦ ἁγίου Διονυσίου Ἀλεξανδρείας περὶ τοῦ πότε χρῆ τῷ μεγάλῳ σαββάτῳ ἀπονησιτίεσθαι.* Текст см. Ралли—Потли, IV, стр. 393;

21) лл. 149 об.—150. «Того же о сущих без общения, страха же ради смертного приобщающихся и потом уstraбляющихся». *Τοῦ αὐτοῦ περὶ τῶν ἀκοινωνήτων μενόντων, φόβῳ δὲ θανάτου κοινωνούντων, εἶτα ἐπιβιούντων.* Текст см. Ралли—Потли, IV, стр. 393—394;

22) лл. 150—151. «Св. Петра Александрийского, священномученика, правила о отвергшихся во время гонения и паки кающихся». *Τοῦ ἁγίου*

ἱερομάρτυρος Πέτρου Ἀλεξανδρείας. Текст см. Ралли—Потли, IV, стр. 394—395;

23) лл. 151—152. «Св. Григория епископа Новья Кесарии чудотворца о бывших в нашествии варвар». Τοῦ ἁγίου Γρηγορίου Νεοκαισαρείας τοῦ Θαυματουργοῦ περὶ τ(ῶν) ἐν τῇ καταδρομῇ τῶν βαρβάρων γενομένων. Текст см. Ралли—Потли, IV, стр. 395—396;

24) л. 152 об. «Великого Афанасия архиепископа Александрийского ко Аммону мниху о соблажняющихся в нощи». Τοῦ μεγάλου Ἀθανασίου πρὸς Ἀμμὸν μονάζοντα περὶ ἐνυπνιαζομένων. Текст см. Ралли—Потли, IV, стр. 396—397;

25) л. 152 об. Св. Афанасия Великого из другого послания отрывок. Без заглавия. Текст см. Ралли—Потли, IV, стр. 397 (Ἄλλο);

26) лл. 152 об.—153. Св. Максима. Τοῦ ἁγίου Μαξίμου. Текст см. Ралли—Потли, т. IV, стр. 397;

27) л. 153—153 об. Афанасия Великого. Τοῦ μεγάλου Ἀθανασίου. Текст см. Ралли—Потли, IV, стр. 397—398;

28) лл. 153 об.—154. «Св. Григория Богослова от словес о тем же книгах». Ἐκ τῶν ἐπιθῶν Θεολόγου περὶ τῶν αὐτῶν. Ἰαμβικοί. Текст см. G. Venegius. Συνοδικὸν sive Pandectae canonum. Oхonii, 1672, vol. II, после 188 страницы (первой нумерации) нумерованный л. 4; Ралли—Потли, IV, стр. 363—364;

29) л. 154—154 об. Амфилохия Иконийского о том же. Τοῦ ἁγίου Ἀμφιλοχίου ἐπισκόπου Ἰκονίου περὶ τ(ῶν) αὐτῶν. Текст см. Ралли—Потли, IV, стр. 365—367, причем в рукописи нет первых 13 строк;

30) лл. 154 об.—156 об. Св. Григория Нисского к Литоию, епископу Мелитинскому. Τοῦ ἁγίου Γρηγορίου Νύσσης πρὸς Λητόιον Μελιτινῆς. Текст см. Ралли—Потли, IV, стр. 306—330;

31) лл. 156 об.—157. «Тимофея, архиепископа Александрийского, единого от рв свв. отец иже в Константинограде на Македония собравшимся, сей же Тимофей преемника имяше Феофила престолу». Τιμοθέου Ἀλεξανδρείας ἑνὸς τῶν ἐν Κωνσταντινουπόλει ῥν ἁγίων π(ατέ)ρων τῶν κατὰ Μακεδονίῳ ἀθροισθέντων, διάδοχον ἐσχρηότος Θεοφίλου. Текст см. Ралли—Потли, IV, стр. 332—341;

32) лл. 157—158 об. Феофила Александрийского. Θεοφίλου Ἀλεξανδρείας. Текст см. Ралли—Потли, IV, стр. 342—354;

33) лл. 158 об.—159 об. Кирилла Александрийского к Домну. Τοῦ ἁγίου Κυρίλλου Ἀλεξανδρείας πρὸς Δόμνον. Текст см. Ралли—Потли, IV, стр. 358—362 и стр. 398 (Тоῦ αὐτοῦ πρὸς Μάξιμον διάκονον);

34) л. 159 об. Евлогия Александрийского. Εὐλογίου Ἀλεξανδρείας. Текст см. Ралли—Потли, IV, стр. 398;

35) лл. 159 об.—160. «Геннадия патриарха Константинопольского и иже при нем собравшегося св. собора ко всем священнейшим митрополитам и к папе римскому окруженно, сиречь везде разсланное послание, о еже не бывати на пенязех хиротониям». Γενναδίου Κωνσταντινουπόλεως καὶ τῆς τηνικαῦτα ἐνδήμου συνόδου. Текст см. Ралли—Потли, IV, стр. 374;

36) л. 160—160 об. «От послания Константина града собора к Мартирию епископу Антиохийскому о том, како приимати еретики, приходящая к соборной церкви». Γραφή ἀπὸ Κωνσταντινουπόλεως Μαρτυρίου ἐπισκόπου Ἀντιοχείας περὶ τοῦ πῶς δεκτέον τοὺς αἰρετικούς προσιόντας τῇ ἐκκλησίᾳ. Текст см. Ралли—Потли, IV, стр. 398—399;

37) л. 160 об. Афанасия Великого к Руфану епископу. Τοῦ μεγάλου Ἀθανασίου πρὸς Ρουφάνον ἐπίσκοπον. Текст см. Ралли—Потли, IV, стр. 399;

38) лл. 160 об.—161 об. Апостола Павла правила. Τοῦ ἁγίου ἀποστόλου Παύλου κανόνες ἐκκληριαστικοί ιζ̄. Текст см. Ралли—Потли, IV, стр. 399—401; причем в рукописи имеется 17-е правило, отмеченное в печатном издании как утраченное: «ιζ̄. Οἱ πιστοὶ τοῖς οἰκέταις εὐμενεῖς ἔστωσαν»;

39) лл. 162—163. Свв. апостолов Петра и Павла правила. Τῶν ἁγίων ἀποστόλων Πέτρου καὶ Παύλου κανόνες ιζ̄. Текст см. Ралли—Потли, IV, стр. 401—402;

40) л. 163. «Всех свв. апостол купно». Κοινῶς τῶν ἀποστόλων πάντων. Текст см. Ралли—Потли, IV, стр. 402—403;

41) лл. 163 об.—164. «Главы великия церкви... рекше св. Софии, запечатаны златою печатью царя Юстиниана о рабех, прибегающих в церковь». Τὰ κεφάλαια τοῦ τῆς μεγάλης ἐκκλησί(ας) χρυσοβούλλου τοῦ Ἰουστινιανοῦ περὶ τῶν προσφύγων δούλων. Текст см. Ралли—Потли, IV, стр. 403—404;

42) л. 164—164 об. «Того же св. Василия о времени согрешающих». Τοῦ μεγάλου Βασιλείου περὶ τίτλου καὶ χρόνου ἀμαρτημ(άτων). Текст см. Ралли—Потли, IV, стр. 404—405;

43) лл. 164 об.—165. «Того же о том, koliko и какова суть места епитимиям». Τοῦ αὐτοῦ πόσοι τόποι τῶν ἐπιτιμίων καὶ τίνες. Текст см. Ралли—Потли, IV, стр. 405;

44) лл. 165—166 об. «Св. Кирилла о правой вере главы 12 против Нестория». Τοῦ ἁγίου Κυρίλλου περὶ ὀρθοδοξί(ας) κεφάλαια ιβ̄ κατὰ Νεστορίου. Текст см. Ралли—Потли, IV, стр. 405—407;

45) лл. 166 об.—167. «Димитрия митрополита Кизического о яковитех и хащпарех». Δημητρίου μητροπολίτου Κυζίκου περὶ Ἰακωβιτ(ῶν) καὶ Χατζιτζαρι(ῶν). Текст см. Ралли—Потли, IV, стр. 407—408;

46) л. 167. «О месалианех иже суть ныне глаголемии богومیли». Περὶ Μασσαλιανῶν τῶν νῦν Βογομίλων. Текст см. Ралли—Потли, IV, стр. 408;

47) л. 167—167 об. «Петра архиепископа Александрского к Венецкому архиепископу, бе же сей при патриарсе Константина града Алексии». Πέτρου Ἀντιοχεί(ας) πρὸς τὸν Βενετίας γέγονε δὲ οὗτος ἐπὶ τοῦ π(ατ)ριάρχου κυροῦ Ἀλεξίου. Текст см. Ралли—Потли, IV, стр. 408—409;

48) лл. 167 об.—168. Льва архиепископа Болгарского из трех посланий об опресноках. Λέοντος ἀρχιεπισκόπου Βουλγαρίας ἐκ τῶν τριῶν ἐπιστολῶν περὶ ἀζύμων. Ἀπὸ τῆς πρώτης ἐπιστολῆς. Текст см. Ралли—Потли, IV, стр. 409;

49) лл. 168—172 об. К утверждающим, что Рим есть первый престол. Πρὸς τοὺς λέγοντας ὡς ἡ Ῥώμη πρῶτος θρόνος. Текст см. Ралли—Потли, IV, стр. 409—415;

50) лл. 172 об.—173. «Того же св. Василия к презвитеру о божественной службе...» Τοῦ μεγάλου Βασιλείου παραγγελία πρὸς τὸν ἱερέα περὶ τῆς θεί(ας) λειτουργί(ας). Текст см. Ралли—Потли, IV, стр. 391—392;

51) л. 173—173 об. Его же о причастии свв. тайн. Τοῦ αὐτοῦ περὶ τῆς ἁγίας μεταλήψεως τῶν θεί(ων) μυστηρί(ων). Текст см. G. Beveregius. Συνοδικὸν sive Pandedactae canonum Ss. apostolorum, et conciliorum ab Ecclesia Graeca receptorum, II. Oxonii, 1672, после стр. 188 (первой нумерации), на нумерованном л. 13;

52) л. 173 об. «Того же св. Василия о нерадящих о епитемиях, рекше о запрещениих». Τοῦ αὐτοῦ περὶ τῶν καταφρονούντων τῶν ἐπιτιμίων. Текст см. Ралли—Потли, IV, стр. 415;

53) лл. 173 об.—174. Главы некоторые из правил первого собора в Константинополе (т. е. Трулльского). *Κεφάλαιά τινα ἀπὸ τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων τῆς ἐν Κωνσταντινουπόλει πρώτης συνόδου*. Текст см. J. V. Pitra. *Juris Ecclesiastici Graecorum Historia et Monumenta*, II, Romae, 1868, p. 26 (пятое правило Трулльского собора);

54) л. 174. Того же собора 43-е правило. *Τῆς αὐτῆς συνόδου ὅτι οὐ δεῖ κωλύειν μονάζειν*. Текст см. J. V. Pitra. *Op. cit.*, II, p. 47—48;

55) л. 174—174 об. Того же собора правило 55-е. *Τῆς αὐτῆς συνόδου κανὼν νῆ περὶ τῶν νηστεύοντων σάββατον καὶ κυριακῆν*. Текст см. J. V. Pitra. *Op. cit.*, II, p. 52;

56) л. 174 об. Того же собора 74-е правило. *Περὶ τοῦ πῶς δεῖ ψάλλειν. Τῆς αὐτῆς συνόδου κανὼν ὀδ*. Текст см. J. V. Pitra. *Op. cit.*, II, p. 60;

57) лл. 174 об.—175. Того же собора правило 89-ое. *Τῆς αὐτῆς συνόδου κανὼν πν*. Текст см. J. V. Pitra. *Op. cit.*, II, p. 65;

58) л. 175. Того же собора правило 23-е. *Τῆς αὐτῆς συνόδου κανὼν κγ*. Текст см. J. V. Pitra. *Op. cit.*, II, p. 36;

59) л. 175. Св. Василия Великого из послания к Амфилохию епископу Иконийскому правило 13-е. *Περὶ τῶν ἐν πολέμοις φωνευόντων*. Текст см. J. V. Pitra. *Op. cit.*, I, p. 584;

60) л. 175. Правило свв. отцов иже в Никее. *Κανὼν τῶν ἐν Νικαίᾳ ἁγίων π(ατέ)ρων*. Текст см. А. С. Павлов. Замечательнейшие греческие рукописи канонического содержания в Московской синодальной (бывшей патриаршей) библиотеке. «Записки Новороссийского университета», XIII, 1874, стр. 155;

61) л. 175 об. Правила свв. отцов иже в Халкидоне. *Κανόνες τῶν ἐν Χαλκηδόνι ἁγίων π(ατέ)ρων*. Текст см. J. V. Pitra. *Op. cit.*, I, p. 536;

62) лл. 175 об.—176. Правило 65-е Трулльского собора. *Κανὼν ξε τῆς ἐν Κωνσταντινουπόλει οἰκουμενικῆς συνόδου τῆς ἐν τῷ Τρούλλῳ τοῦ παλατίου*. Текст см. J. V. Pitra. *Op. cit.*, II, pp. 56—57;

63) л. 176. Из правил Дионисия Александрийского. *Ἐκ τῶν τοῦ ἁγίου Διονυσίου Ἀλεξανδρ(είας)*. Текст см. J. V. Pitra. *Op. cit.*, I, p. 544 (второе правило);

64) л. 176—176 об. Василия Великого правило 7-е. *Τοῦ μεγάλου Βασιλείου κανὼν ζ*. Текст см. J. V. Pitra. *Op. cit.*, I, p. 584;

65) л. 175 об. Его же правило 24-е. *Τοῦ αὐτοῦ κανὼν κδ*. Текст см. J. V. Pitra. *Op. cit.*, I, p. 589—590;

66) л. 176 об. Его же правило 25-е. *Τοῦ αὐτοῦ κανὼν κε*. Текст см. J. V. Pitra. *Op. cit.*, I, p. 590;

67) лл. 176 об.—177. Его же правило 21-е. Отрывок. Текст см. J. V. Pitra. *Op. cit.*, I, p. 589, начиная от слов «*Ἡ μὲν γυνή ἀπὸ πορνείας*» и до конца;

68) л. 177. Его же правило 48-е. *Τοῦ αὐτοῦ κανὼν μη*. Текст см. J. V. Pitra. *Op. cit.*, I, p. 594;

69) л. 177—177 об. Апостола Павла из послания к Коринфянам. *Τοῦ ἁγίου ἀποστόλου Παύλου ἐκ τῆς πρὸς Κορινθίους ἐπιστολῆς*. Текст см. Ралли—Потли, IV, стр. 415—416;

70) л. 177 об. Из послания Геннадия. *Ἐκ τῆς ἐπιστολῆς Γενναδίου*. Текст см. Ралли—Потли, IV, стр. 416;

71) л. 177 об. Его же. *Τοῦ αὐτοῦ*. Текст см. А. С. Павлов. Указ. соч., стр. 107;

72) лл. 177 об.—179. Тимофея, архиепископа Александрийского, ответы канонические. Τιμοθέου ἀρχιεπισκόπου Ἀλεξανδρείας ἀποκρίσεις κανονικάι. Текст см. Ралли—Потли, IV, стр. 331—340;

73) лл. 179 об.—182. Περὶ τῶν ἁγίων καὶ οἰκουμενικῶν συνόδων. Текст см. «Чтения Общества истории и древностей российских при имп. Московском университете», 1882, кн. 4, стр. 55—62 (текст напечатан параллельно с древнерусским текстом из Святославова Сборника 1073 г.), а также И. А. Бычков. Указ. соч., стр. 42—43;

74) лл. 182—183. Василия Великого к епископам о том, чтобы не хиротонисать за мзду. Τοῦ μεγάλου Βασιλείου πρὸς τοὺς ὑφ' αὐτὸν ἐπισκόπους, ὥστε μὴ χειροτονεῖν ἐπὶ χρήμασιν. Текст см. Ралли—Потли, IV, стр. 278—279;

75) лл. 183—184. «Св. Анастасия, патриарха Антиохийского, указание, яко велик и ангельский есть архиерейский сан, и яко не возможно святителю от мирского человека судиму быти, но от большого святителя, якоже и правила рекоша. О божественней рапе и о мученице». Τοῦ ἁγιωτάτου Ἀναστασίου, πατριάρχου Ἀντιοχείας ἀπόδειξις, ὅτι μέγα καὶ ἀγγελικὸν τὸ ἀρχιερατικὸν ἀξίωμα, καὶ ὅτι ἀδύνατον ἀνακρίνεσθαι ἱερέα ὑπὸ λαϊκοῦ, ἀλλὰ ὑπὸ μείζονος ἀρχιερέως, καθὼς καὶ οἱ κανόνες φασίν. Περὶ τῆς θείας λάρνακος καὶ περὶ τοῦ ἁγίου μάρτυρος. Текст см. И. А. Бычков. Указ. соч., стр. 43—46, а также PG, t. 88, col. 1288с;

76) лл. 184—185. «Того ж св. Анастасия исповедание о папе Румцем Григорьи Беседовнице и Чюдотворьци». Τοῦ αὐτοῦ διήγησις ἱερὰ περὶ τοῦ πάπα Ῥώμης Γρηγορίου τοῦ Διαλόγου καὶ Θαυματουργοῦ. Текст см. J. B. Pitra. Op. cit., t. II, pp. 276—277;

77) лл. 185—187 об. Роспись степеней родства и свойства, в которых возбраняются браки, составленная на имена Радин—Склир. Ἐκθεσις θαυμασία περὶ γάμων ἐνδεχομένων γενέσθαι καὶ μὴ. Текст (в распространенной редакции) см. С. Zachariä von Lingenthal. Jus Graeco-Romanum, pars VI. Lipsiae, 1870, p. 94—100; И. А. Бычков. Указ. соч., стр. 47—48;

78) лл. 187 об.—191. О степенях родства. Περὶ βαθμῶν συγγενείας ἐκ τοῦ τρίτου βιβλίου τοῦ Ἰουστινιανοῦ. Текст см. С. Zachariä von Lingenthal. Ἀνέκδοτα juris graeco-romani. Lipsiae, 1843, p. 184—185; Appendix eclogae (только часть текста, имеющегося в описываемой рукописи); idem. Prochiron auctum. Lipsiae, 1870, p. 76—77; idem. Ὁ πρόχειρος νόμος. Heidelbergae, 1837, p. 47—58;

79) лл. 191—191 об. Ἄλλο. Тринадцать кратких правил, касающихся брачного права. См. И. А. Бычков. Указ соч., стр. 49;

80) л. 191 об. Василия Великого к Амфилохию о правилах. Τοῦ μεγάλου Βασιλείου πρὸς Ἀμφιλόχιον περὶ κανόνων (два слова не читаются). Текст см. Ралли—Потли, IV, стр. 102;

81) л. 192. Его же из второго послания глава 50-я. Τοῦ αὐτοῦ ἐκ τῆς δευτέρας ἐπιστολῆς κεφάλαιον ὦ. Текст см. Ралли—Потли, IV, стр. 203;

82) лл. 192—193 об. О троебрачных. Ἐκ τοῦ συνοδικοῦ βιβλίου περὶ τριγάμων καὶ (τετραγάμων?). Текст см. Ралли—Потли, V, стр. 6—9, начиная со слов: «Περὶ τοῦ τρίτου ὀρίζομεν γάμου»;

83) лл. 193 об.—194. Изложение соборное при патриархе Алексее о браках. Ἐκθεσις συνοδική ἐπὶ τοῦ κυροῦ Ἀλεξίου τοῦ πατριάρχου περὶ γάμων. Μηνὶ ἀπριλίῳ ιϛ̄ ἔτους ς̄ϛ̄μς. Текст см. Ралли—Потли, V, стр. 36—37;

84) лл. 194 об.—195 об. Василия Великого послание Григорию Богослову. Ἐπιστολὴ τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Βασιλείου πρὸς τὸν ἅγιον Γρηγό-

ριον τὸν Θεολόγον, ἐν ᾗ τὸν μοναδικὸν ὑπογράφει βίον. Конец утрачен, обрывается на словах: «Ὅς οὐ μόνον πρὸς τὰ ἐναντία τοῦ βίου». Текст см. PG, t. 32, col. 224_A — 228_C. Эта статья написана тем же писцом, что и статьи на лл. 15 об. — 16;

85) лл. 196—201 об. Завешание Феодора Студита. Διαθήκη τοῦ ὁσίου π(ατ)ρός ἡμῶν καὶ ὁμολογητοῦ Θεοδώρου ἡγουμένου τῶν Στουδίου. Текст см. PG, t. 99, col. 1813_A — 1824_D;

86) лл. 201об.—204об. Его же к духовному его отцу Платону о почитании свв. икон. Τοῦ αὐτοῦ πρὸς Πλάτωνα τὸν ἑαυτοῦ π(ατέ)ρα πν(ευματι)κὸν περὶ προσκυνήσεως τῶν σεπτῶν καὶ ἁγίων εἰκόνων. Текст см. PG, t. 99, col. 500_A — 505_C;

87) лл. 204об.—205. Того же св. Феодора письмо к Фаддею. Τοῦ αὐτοῦ ἁγίου Θεοδώρου ἐπιστολὴ πρὸς πν(ευματι)κῶ αὐτοῦ τέκνω καὶ ὁμολογητῇ Θεόδωτῳ. Указано в перечне писем Феодора Студита. PG, t. 99, col. 1673—1674, № 381;

88) лл. 205—206. Его же письмо к Навкратию о почитании свв. икон. Τοῦ αὐτοῦ ἐτέρα ἐπιστολὴ πρὸς Ναυκράτιον πν(ευματι)κὸν αὐτοῦ τέκνον περὶ προσκυνήσεως τῶν ἁγίων εἰκόνων. Текст см. PG, t. 99, col. 1285_D — 1289_A;

89) лл. 206—206 об. Его же св. Феодора к Афанасию о почитании свв. икон. Τοῦ αὐτοῦ ἁγίου Θεοδώρου περὶ προσκυνήσεως τῶν ἁγίων εἰκόνων Ἀθανασίῳ τέκνω αὐτοῦ πν(ευματι)κῶ. Текст см. PG, t. 99, col. 1328_D — 1329_B;

90) лл. 207—208. Его же Севериану о почитании свв. икон. Τοῦ αὐτοῦ περὶ προσκυνήσεως τῶν ἁγίων εἰκόνων Σευηριανῶ αὐτοῦ τέκνω πν(ευματι)κῶ. Текст см. PG, t. 99, col. 1469_C — 1472_D;

91) лл. 208—211. Его же послание о свв. иконах к братьям, заключенным в различных тюрьмах. Τοῦ αὐτοῦ παραινετικὴ ἐπιστολὴ ἅμα καὶ δογματικὴ περὶ τῶν ἁγίων εἰκόνων τοῖς διὰ κ(υρί)ον ἐν διαφόροις φυλακαῖς τηρουμένοις ἀδελφοῖς ἀγαπητοῖς ἐν κ(υρί)ῳ. Текст см. PG, t. 99, col. 1180_B — 1185_C;

92) лл. 211 об.—222. Иакова Монаха слово о св. Троице. Ἰακώβου Μοναχοῦ λόγος περὶ τῆς ἁγίας τριάδος... υἱοῦ Ἰσαακίου τοῦ Κομνηνοῦ (заголовок целиком не читается). Начало «Μίαν ἔχων τῆς μακαρίας τέ καὶ αἰδίου τριάδος θε/ότητα, μηδαμῶς μηδαμῇ παρηλλαχμένη». О сочинениях Иакова Монаха см. G. Cave. Scriptorum ecclesiasticorum historia literaria, a Christo nato usque ad saeculum XIV, v. II. Oxonii, 1743, p. 186;

93) лл. 222 об.—226. «Главы церковные вопросы правильны и ответы св. собора, бывшего во дни преосв. и вселенского патриарха Николы Костянтинограда...». Ἐρωτήσεις κανονικαὶ καὶ ἀποκρίσεις τῆς ἁγίας συνόδου τῆς γεγενημένης ἐπὶ τῶν ἡμερῶν τοῦ ἁγιωτάτου καὶ οἰκουμενικοῦ π(ατ)ριάρχου κυροῦ Νικολάου πρὸς τινὰς μοναχοὺς ἐπαπορήσαντας. См. И. А. Бычков. Указ. соч., стр. 53—72;

94) л. 226 об. Афанасия Великого против армян. Τοῦ μεγάλου Ἀθανασίου. Начало: «Ἡ ἑβδομάς ἡ πρὸ τῆς ἀπόκρως, ἣν νηστεύουσιν οἱ Ἀρμένιοι...». Текст отождествить не удалось. И. А. Бычков в своем описании (указ. соч., стр. 73) ссылается на книгу J. B. Pitra. Analecta Sacra spicilegio Solesmense, IV. Parisiis, 1883, p. 471, п. 4, но на этой странице Афанасий Великий не упоминается;

95) л. 226 об. Игнатия Богоносца. Τοῦ ἁγίου Ἰγνατίου τοῦ Θεοφόρου. См. И. А. Бычков. Указ. соч., стр. 73;

96) л. 226 об. Из Лавсайка. Ἐκ τοῦ Λαυσαικοῦ. Несколько правил о постах. См. И. А. Бычков. Указ. соч., стр. 73;

97) л. 227—227 об. Михаила Синкелла Иерусалимского о правой вере. Μιχαὴλ Συγκέλλου Ἱεροσολύμων περὶ ὀρθοδόξου πίστεως. Текст см.

B. de Montfaucon. Bibliotheca Coisliniana olim Segueriana. Parisiis, 1715, p. 90—93. Конец утрачен, обрывается на словах: «ταύτην μόνην γυνώσκω αἰδιον, ἀγέννητον, ἀναρχον, ἄκτιστον, ἀρατον, ἀπερίγραπτον».

Собр. Н. К. Николаидеса. Р-сь подробно описана И. А. Бычковым (см. выше, стр. 184, прим. 1), причем в этом описании содержится и сравнение греческого текста с Рязанской пергаменной Кормчей 1284 г. и с печатной Кормчей 1653 г. Конец и некоторые листы утрачены. Пергамен покороблен. Киноварь в заголовках попорчена; текст местами не читается.

ПБ, греч. № 208.

457. Сборник канонический. XIII в.

Пергамен. Палимпсест, описания смытых текстов см. выше, № 37 и 55 (ВВ, XVI, 1959, стр. 226, 230), № 140 (ВВ, XVIII, 1961, стр. 265), № 276 (ВВ, XIX, 1961, стр. 232). Минускул. Рукопись написана двумя писцами. Заголовки киноарные. При вторичном использовании пергамена была сохранена первоначальная разлиновка листов; поэтому тип разлиновки не может быть определен. Переплет XIX в., картон в тисненой коже.

103 лл. 23,5 × 17,5 и 17,5 × 12,0. 21—25 строк.

Содержание: лл. 1—17 об. Правила Трулльского собора, начиная с правила 47-го и до конца, от слов: «γυνή, μήτε ἐν γυναικείῳ μονα/στηρίῳ ἀνήρ, καθευδέτω». Текст см.: J. B. Pitra. Juris ecclesiastici Graecorum Historia et Monumenta, II. Romae, 1868, p. 49—72; лл. 18—18 об. Πίναξ τῶν κβ̄ κανόνων τῆς ἐν Νικαία τὸ δεύτερον ἐβδομῆς συνόδου. Текст см. там же, p. 103—120 (только заголовки правил); лл. 18 об.—22. Τοῖς θεοφιλεστάτοις ἱερεῦσιν τε καὶ κληρικοῖς τῆς τε ἀγιωτάτης τοῦ θεοῦ μεγάλης ἐκκλησίας τῆς θεοφυλάκτου βασιλίδος πόλεως καὶ πασῶν τῶν ἁγίων ἐκκλησιῶν, ἡ ἁγία σύνοδος ἡ ἐν Νικαία συναθροισθεῖσα τὸ δεύτερον. Текст см. Acta conciliorum et epistolae decretales, ac constitutiones summorum pontificum, t. IV. Parisiis, 1714, col. 477—481; лл. 22—37. Κανόνες τῶν ἐν Νικαία πατέρων συνελθόντων τὸ δεύτερον. Текст см. J. B. Pitra. Op. cit., II, p. 103—121; л. 37 об. Περί τῶν ἐπιτιμωμένων. Начало: «Ἰστέον ὅτι πρόσκλαυσις ἐστίν, ἡνίκα ἰστάμενος ἔξω τοῦ περιβόλου τῆς ἐκκλησίας ὁ ἁμαρτήσας, ἐκάστω τῶν ἐισερχομένων ἐπιλέγει προσκλαίω». См. В. Н. Бенешевич. Синагога в 50 титулах и другие юридические сборники Иоанна Схоластика. СПб., 1914, стр. 80; лл. 38—103 об. Выписки из Prochiron auctum, титулы III—XVIII, XXIV—XXXIII. Полный текст этого памятника см. С. Zachariä von Lingenthal. Jus Graeco-Romanum, pars VI, p. 25—292.

Пергамен сильно покороблен, листы обрезаны неровно, края листов обветшали. Некоторые листы подклеены бумагой.

Собр. Антонина Капустина. См. Отчет ПБ за 1899 г., стр. 12—13; В. Н. Бенешевич. Синагога в 50 титулах и другие юридические сборники Иоанна Схоластика, стр. 72—73, 79—80, 82—83.

ПБ, греч. № 566.

458. Типик монастыря св. Савы. XIII в.

Пергамен. Курсив, изобилующий сокращениями. Имеются небольшие заставки, рисованные киноварью и чернилами. Киноварные инициалы и заголовки. В начале и в конце рукописи в XVI в. были добавлены бумажные листы, записанные неразборчивыми пометами. На л. 1об. имеется запись: «†Τυπικὸν τοῦ ἁγίου Στεφάνου καὶ εἰ τῆς

ἀπό/ξενόσι νὰ ἔχει τὰς ἀρχ(άς) τῶν τῆ». Запись эта сделана не ранее XV в. Переплет — доски в тисненой коже; сохранился шпенец одной из застежек. 165 лл. пергамена и 60 лл. бумажных. 14,4×9,0 и 10,5×6,5. 20—24 строки.

Содержание: лл. 1—5 об., бумажные. Пометы XVI—XVII вв., содержащие молитвы и т. п.; часть помет не читается, так как чернила выцвели; лл. 1—17, пергаменные. Вводная часть к типикю, общее заглавие которого: «†Τυπικὸν τῆς ἐκκλησια/στικῆς ἀκολουθίας τῆς εὐά/γους λαύρας τοῦ ἐν ἀγ(ιοις) π(ατ)ρ(ό)ς/ἡμ(ῶν) καὶ θεοφόρ(ου) Σάββα, συγγρα/φέν ὑπὸ τοῦ ἐν ἀγ(ιοις) π(ατ)ριάρχ(ου) Ἱεροσολύμων/Σωφρονίου. Αὕτη δὲ ἡ ἀκολουθία γίνε/ται καὶ ἐν τοῖς λοιποῖς τῶν Ἱερο/σολύμων μοναστηρίοις»; лл. 17 об.—112 об., пергаменные: Ἀκολουθία τῆς ἐκκλη/σιαστικῆς ψαλμοδί(ας) τε καὶ συνά/ξεως τοῦ ὅλου χρόνου, ἀρρο/μένου ἀπὸ Σεπτεμβρίου μη(ν) ὁ(ς) μέχρι μη(ν)ός αὐγούστου; лл. 113—141 об., пергаменные. Ἀκολουθία τῆς ἀγίας καὶ σεβασμίας μεγάλης τεσσαρακοστῆς, конец утрачен; лл. 142—159 об., пергаменные. Служба пятидесятницы; начало утрачено; л. 160—160 об., пергаменные. Прокимны и аллилуарии; лл. 161—165 об., пергаменные. Διάταξις τ(ῆς) θεί(ας) λειτουργί(ας); лл. 6—25, бумажные. Разговор дьявола с пр. Антонием. Начало: «† Ακόσατε μίαν δι/ηρησίην το μεγα/λου/Ανδωνηου. . .»; лл. 25 об.—30, бумажные. Рецепты; лл. 30—31 об., бумажные. Катавасия на Рождество Христово; лл. 32—35 об. и лл. 48—54 об., бумажные. Наказания за проступки нравственного характера; лл. 37—47, бумажные. Заметки владельца рукописи (священника Парфения?); упомянуты следующие местные названия: Νίζοβα (Νηζόβα); Βοζίνα; Σόρπα; Νίγριτα; Χόμνικο; Τζίντζο; Τζιριπίστα; Ξιλόλουξο (?); Παζαρουδι (?) и др. Заметки эти очень плохо читаются и содержат, видимо, записи о приходах местного прихода.

Собр. А. А. Дмитриевского. А. А. Дмитриевский. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока. Τυπικά, ч. 2. Пг., 1917. стр. 116—121³.

Начало, конец и некоторые листы утрачены. Доски переплета сломаны, кожа разорвана.

ПБ, греч. № 811.

459. Типик какого-то монастыря. Отрывок. XIII в.

Пергамен. Курсив. Заголовки и инициалы писаны тусклой красной краской. Листы не разношены.

8 лл. 22,0 × 15,8 и 16,5 × 11,0. 23 строки.

БАН, собр. Дмитриевского, № 36

460. Патриарха Фотия Синтагма со схолиями. Отрывок. XIII в.

Бумага без филиграней. Минускул. Заголовки и инициалы карминные. Тип разношовки неясен, видимо, тип I_{7a}. На полях имеются пометы к тексту. В обложке.

6 лл. 34,8 × 25,5 и 27,0 × 18,0. 31 строка.

Содержание: л. 1. Текст отождествить не удалось, хотя последующий текст является его продолжением; лл. 1 об.—6 об. Текст см. РС, т. 104, col. 509_D—529_C, причем в р-си текст по сравнению с печатным сокращен.

Края листов обветшали; р-сь недавно была реставрирована.

БАН, собр. иностранных рукописей, F № 259.

³ Эта работа была использована при составлении настоящего описания.

461. Филон Александрийский. Сочинения. XIII в.

Бумага без филиграней. Беглый минускул. Р-сь написана двумя писцами. Заголовки и инициалы киноварные. Небольшие заставки, рисованные киноварью и чернилами. Нумерация тетрадей проставлена писцом, всего ме тетрадей (помета на л. 428). Имеются немногочисленные пометы к тексту — как современные р-си, так и более поздние. Тип разлиновки в издании: L a k e. Dated Greek..., не зарегистрирован. Сохранились обломки досок старого переплета с обрывками тисненой кожи. На нижней доске наклеен обрывок пергаменного латинского антифонария. На корешке переплета наклейка с пометой XVII в.: «Словеса различн(ые)», дальше несколько слов не читаются.

433 лл. 24,8 × 16,5 и 18,5 × 14,5. 34—35 строк.

Содержание ⁴:

- 1) лл. 1—19 об. *Περὶ τῆς Μωσέως κοσμοποιίας*;
- 2) лл. 19 об.—33 об. *Εἰς τὸν δεκάλογον Μωσέως*. Конец утрачен;
- 3) лл. 34—45. *Περὶ νόμων ἱερῶν ἀλληγορία τῶν μετὰ τὴν ἑξαήμερον*. Начало и некоторые листы утрачены;
- 4) лл. 45—57 об. *Φίλωνο(ς) περὶ τ(ῶν) χειρουβειμ καὶ τῆς φλογίνης/ρομφαίας καὶ τοῦ κτισθέντο(ς) πρώτου ἐξ ἀν(θρώπου) Καίν*. Текст см. *Philonis Alexandrini Opera...*, I, p. 170—201;
- 5) лл. 57 об.—78 об. *Περὶ νόμων ἱερῶν ἀλληγορία δευτέρα*. Текст см. там же, I, 113—169;
- 6) лл. 79—80 об. *Τὰ περὶ δικαστοῦ*. Текст см. там же, V. *Berolini*, 1906, p. 221—227;
- 7) лл. 80 об.—90 об. *Περὶ εὐσεβείας καὶ φιλανθρωπίας*. Текст см. *Philonis Judaei omnia, quae extant, opera. Francofurti, 1691, p. 697—718*;
- 8) лл. 90 об.—98. *Περὶ καταστάσεως ἄρχοντος*. Текст см. *Philonis Alexandrini Opera...*, V, p. 243—265;
- 9) лл. 98—111. *Περὶ τοῦ πάντα σπουδαῖον εἶναι ἐλεύθερον*. Текст см. *Philonis Judaei... opera, p. 865—889*;
- 10) лл. 111—119. *Περὶ βίου θεωρητικοῦ ἢ ἱκετῶν ἀρετῶν*. См. *Philo about the contemplative Life or the fourth Book of the Treatise concerning Virtues. Ed. by Fred. C. Conybeare. Oxford, 1895, p. 25—135*, причем в этом издании описываемая р-сь не учтена;
- 11) лл. 119—121 об. *Περὶ τοῦ μίσθωμα πόρνης εἰς τὸ ἱερὸν μὴ προσδέχεσθαι*, Текст см. *Philonis Judaei... opera, p. 860—865*;
- 12) лл. 121 об.—141 об. *Περὶ τῶν ἀναφερομένων ἐν εἶδει νόμων εἰς δύο γένη τῶν δέκα λόγιων, τὸ ἕκτον καὶ τὸ ἑβδομον, τὸ κατὰ μοιχῶν καὶ παντὸς ἀκολάστου καὶ τὸ κατὰ ἀνδροφόνων καὶ πάσης βίας*. Текст см. *Philonis Alexandrini Opera...*, V, p. 150—208;
- 13) лл. 141 об.—163. *Βίος πολιτικοῦ ὅπερ ἐστὶ περὶ Ἰ/ωσήφ*. Текст см. там же, IV. *Berolini*, 1902, p. 61—118;
- 14) лл. 163—177. *Περὶ ὧν ἱερουργοῦσιν Ἄβελ τε καὶ Καίν*. Текст см. там же, I, p. 202—257;
- 15) лл. 177—182 об. *Περὶ γιγάντων*. Текст см. там же, II. *Berolini*, 1897, p. 42—55;
- 16) лл. 182 об.—198 об. *Περὶ τοῦ ὅτι ἀτρεπτον τὸ θεῖον*. Текст см. там же, II, p. 56—94;
- 17) лл. 198 об.—220. *Περὶ ἀποικίας*. Текст см. там же, II, p. 268—314;
- 18) лл. 220—245. *Περὶ βίου σοφοῦ ἢ νόμων ἀγράφων*. Текст см. там же, IV, p. 1—60;

⁴ В настоящее время начало р-си настолько повреждено, что первые три сочинения Филона указываются по изданию: *Philonis Alexandrini Opera quae supersunt*, ed. L. Sohn, 1. *Berolini*, 1896, p. XVII—XVIII.

- 19) лл. 245—274 об. *Περὶ τοῦ τίς ὁ τῶν θεῶν πραγμάτων κληρονόμος.* Текст см. там же, III. Berolini, 1898, p. 1—71;
- 20) лл. 274 об.—299 об. *Περὶ τοῦ θεοπέμπτους εἶναι τοὺς ὄνειρους.* Текст см. там же, III, p. 204—258;
- 21) лл. 299 об.—311 об. *Περὶ ἄθλων καὶ ἐπιτιμίων.* Текст см. там же, V, p. 336—365;
- 22) лл. 312—317. *Περὶ ἀρῶν.* Текст см. там же, V, p. 365—376;
- 23) лл. 317—322 об. *Τοῦ αὐτοῦ πε(ρι) ἀρετ(ῶν) ἤτοι περὶ ἀνδρεί(ας) καὶ εὐσεβείας.* Текст см. там же, V, p. 266—279;
- 24) лл. 322 об.—357 об. *Τοῦ αὐτ(οῦ) πε(ρι) τοῦ βίου Μωυσέ(ως). Λόγ(ος) ᾠ.* Текст см. там же, IV, p. 119—199;
- 25) лл. 357 об.—364. *Τοῦ αὐτ(οῦ) περὶ τοῦ βίου Μωυσέ(ως). Λόγ(ος) β̄.* Текст см. там же, p. 200—215;
- 26) лл. 364—386 об. *Τοῦ αὐτ(οῦ) περὶ τοῦ βίου Μωυσέ(ως). Λόγ(ος) γ̄.* Текст см. там же, IV, p. 216—268;
- 27) лл. 386 об.—391 об. *Τοῦ αὐτ(οῦ) πε(ρι) εὐγενείας.* Без номера беседы. Текст см. там же, V, p. 324—335;
- 28) лл. 391 об.—413 об. *Τοῦ αὐτ(οῦ) περὶ συγχύσε(ως) διαλέκτων.* Текст см. там же, II, p. 229—267;
- 29) лл. 413 об.—432. *Τοῦ αὐτ(οῦ) περὶ ἀφθαρσίας κόσμου.* Без номера беседы. Текст см. Philonis Judaei Opera omnia, VI. Lipsiae, 1888, p. 1—43;
- 30) лл. 432 об.—433 об.—чистые.

Ранее р-сь хранилась в Ватопедском монастыре на Афоне, в XVII в. была привезена в Москву Арсением Сухановым, а позднее поступила в Библиотеку Академии наук⁵. Листы р-си в начале и в конце ветхие, от некоторых из них остались только обрывки. В конце листы повреждены сыростью, текст местами не читается.

БАН, собр. иностранных рукописей, Q № 1 (старый шифр XX Aa1)

462. Словарь. «Etymologicum Gudianum». Отрывок. XIII в.

Пергамен. Курсив. Р-сь написана двумя писцами. На л. 54 об. имеется небольшая киноварная заставка. Киноварные инициалы. Тип разлиновки не единообразен, многие листы совсем не разлинованы. Имеются немногочисленные пометы к тексту. Вероятно, из р-си Синайского монастыря № 1201. В переплете XIX в.

78 лл. 23,7 × 16,5 и 17,5 × 11,7. 27—32 строки.

Содержит слова: от «ἀμαζόνες» до «δαρθεῖν». Текст (с некоторыми отличиями) см. Etymologicum Graecae Linguae Gudianum. Ed. F. Sturzius. Lipsiae, 1818, p. 41—134.

Собрание К. Тишендорфа. Бенешевич. Описание, 1, стр. 521—523, 606; R. Reitzenstein. Geschichte der griechischen Etymologica. Leipzig, 1897, S. 72; Е. Э. Гранстрем. Средневековые греческие рукописи в Ленинграде. ВВ, VIII, 1956, стр. 197. Листы покороблены.

ПБ, греч. № 114.

⁵ В ПБ, в собр. Санкт-Петербургской духовной академии (№ 353) хранится описание этой рукописи Филона, составленное Хр. Фр. Маттеи. См. А. Родосский. Описание 432 рукописей Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 1893, стр. 337.

463. Сборник. XIII в.

Пергамен. Инициалы и заголовки написаны кармином и киноварью. Сборник этот составлен из отрывков двух или трех рукописей. На многих листах тип разлиновки напоминает тип I_{1b}, остальные листы не разлинованы или же разлинованы нечетко. Тетради пронумерованы рукой XVI—XVII вв. от $\bar{\alpha}$ до $\bar{\iota}\theta$. На л. 26 имеется запись писца: «Ἰω(άννης) τ'ὄνομα/ὁ γραφεὺς τ(ῆς) πυξίδος ἀναγνώστης τε τ'οὐπίκλην/Καβαλλα-ρίτ(ης)· τοίνυν οἱ ἀναγινώσκοντ(ες) μέμνησθέ μου». На том же л. 26 помета XIV—XV вв.: Μνήσθητι, κ(ύρι)ε, τὴν ψυχὴν τοῦ δούλου σου Ἰωσήφ ἐν/τῇ βασιλείᾳ σου».

Имеются также многочисленные арабские пометы. Переплет старый, доски в тисненой коже. На корешке имеется наклейка с пометой на греческом языке, которую прочитать не удалось из-за плохой сохранности.

124 л. 17,4×14,5 и 13,5×11,5. 19—23 строки.

Содержание:

1) лл. 1—77, 82—95. Евхологий, в нем: Τάξις τοῦ μικροῦ σχήματος, τάξις τοῦ μεγάλου σχήματος, ἀκολουθία τοῦ ἀγιασμοῦ τῶν φώτων, ἀκολουθία τοῦ ἀγίου ἐλαίου и т. п.; лл. 78—81 об. Выписки из Ὁδηγός Анастасия Синаита, написанные минускулом X в., см. выше, описание № 186 (ВВ, XIX, 1961, стр. 196);

2) лл. 95—96 об. Хронограф. Начало: «Χρονογραφία. εἶπεν Βασιλείος πρὸς τοὺς Εὐβουλον οἰδας, ὅ/τι οἱ χριστιανοὶ προγενέστεροὶ εἰσιν ἑλλ(λ)ίνων, καὶ πάντων ἔθνῶν, καὶ ἕκ τῶν/θείων λόγιων διδασκόμεθα τὴν ἀλήθειαν. Ἀπὸ γὰρ τοῦ πρωτοπλάστου Ἀδάμ ἕως/Νῶε καὶ τοῦ κατακλυσμοῦ γενεαὶ ἰ̄». Конец: «Καὶ ἐάν/ θέλης φέρῃσιν τὴν ἰνδ(ικτιῶνα) ὄφυλον αὐτῶ/τε. Καὶ ἡ τι ἀπομείνι αὐτό ἐστιν. Ἡ δὲ τὸ/βίσεκτον εἰς τὸ τετράη, ἡ δὲ τὸν κύκλων/τοῦ φέγγους εἰς τὸ ἰθ̄». Текст отождествить не удалось;

3) л. 96—96 об. Хронограф новый. Χρονογράφος νέος. Текст издан. См. мою работу: «Греческие рукописи Библиотеки Академии наук СССР». В кн.: «Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук». Вып. II. XIX—XX века. М.—Л., 1958, стр. 279;

4) л. 96 об. Беседа трех святителей⁶. «Ἀμφίλογον γενόμενον παρὰ Βασιλείου/καὶ Γρηγορίου καὶ Ἰωάννου. Ἐρώ(τησις)./ Βα(σίλειος). Πρὸτι ἡμέρα τί ἔργον ἐποίησεν ὁ θ(εὸς). Ἀπό(κρισις)./ Ἰω(άννης). Τοὺς οὐ(ρα)νοὺς ἀνοτέρους, τὴν γῆν, πάγον, χῆνον, /κρύσταλον, πν(εῦ)μα κατ' ἐγίδος, φωτηγὰ λιτουρ/γικά, βροντὰς καὶ ἀστραπὰς. Τῇ δευτέρα ἡμέρα/ ἐποίησεν τὸ στερέωμα, τοὺς οὐ(ρα)νοὺς καὶ διεχώ/ρησεν τὰ ἡμισοὶ ὕδατα ἐπάνω, καὶ τὰ ἕμι/σοι ὑποκάτω. Τῇ τρίτῃ ἡμέ(ρα) ἐποίησεν ὁ θ(εὸς) τὸν/ἥλιον καὶ τὴν σελήνην, τὰ ἄστρα καὶ τοὺς/ἀστέρας. Τῇ τετάρτῃ ἡμέ(ρα) ἐποίησεν ὁ θ(εὸς) τὰ κί/τη τὰ μεγάλα, τὰ ἐρπετὰ καὶ τοὺς δρυμοὺς. Τῇ πέμπτῃ ἡμέ(ρα) ἐποίησεν ὁ θ(εὸς) τὴν θάλασσαν/, τοὺς ποταμοὺς καὶ τοὺς ἰχθῆδας. Τῇ ἕκτῃ ἡμέ(ρα) ἐποίησεν ὁ θ(εὸς) τὸν ἀν(θρ)ωπον, τὰ κτήνη καὶ τὰ θηρία/τὰ πετηγὰ τοῦ οὐ(ρα)νοῦ. Καὶ ἀπεπλήρωσεν ἐκ (на этом текст обрывается). Текст отождествить не удалось⁷;

5) лл. 97—107. Гимны. Тексты отождествить не удалось, за исключением канона на л. 98 об.: «Πρόσεχε, οὐρανέ, καὶ λαλήσω». См. Ερον

⁶ Сохраняю название, принятое для этого сочинения в русской литературе.

⁷ Древнерусский текст сходного содержания см. Н. Ф. Красносельцев. Addenda к изданию А. Васильева: «Anecdota Graeco-byzantina» (М., 1893). Одесса, 1898, стр. 50, № 21.

Wellensz. A History of Byzantine Music and Hymnography, 2nd ed. Oxford, 1961, p. 383.

6) лл. 107 об.—109 об. Стихиры. Στιχηρὰ κατασκευτικὰ τοῦ μεγάλου κάνονος. Начало: «Ἄπας ὁ βίος μου μετὰ πορνῶν»;

7) л. 110⁸. Отрывок какой-то беседы. Начало: «Δόσις λαθραία ἀνατρέπει ὀργάς, δῶρον δέ ὁ φειδόμενος θυμὸν ἐγείρη ἰσχυρόν». Текст отождествить не удалось; всего 11 неполных строк;

8) лл. 110—110 об. Περί πλεονεξίας καὶ ἀκτημοσύνης, καὶ φιλαργυρίας. Начало: «Πολλυκτῆμων μοναχ(ός) πεφορτισμέ/νων πλοῖον καὶ εὐχερῶς καταδυόμενον». Текст отождествить не удалось;

9) л. 110 об. Περί ἀοργησίας. Начало: «Μοναχός ὀργιζόμενος, σὺ ἀγρός, ἐρημικός εἶδεν τινά/καὶ τοὺς ὀδόντας παρέθῆξεν. Ὑδωρ κινεῖται ὑπὸ/βίας ἀνέμων, καὶ θυμῶδες ταράσσεται ὑπὸ λογισμῶν/ρυπαρῶν. Κόλαζε τὸν θυμὸν». Текст отождествить не удалось;

10) лл. 111—112 об. Отрывок, который отождествить не удалось. Начало: «Τὸν δαιμόνων ἢ χαρμονῆν. Κτίνους τὴν ψυχὴν το σῶ/μα θεραπεύων». Конец: «Ὑφιλόφρον κα/χόφρον ἐξ ἀφροσύνης. Ἄριστο(ς) ὁ κάλλιστος ἔρος καὶ λόγ(ος)»;

11) л. 113. «Мудрость Менандра»⁹. Μενάνδρου Φιλοσόφου γνῶμ(αι) βιωφελ(αι). Текст см. Fragmenta comicorum graecorum. Coll. et disp. Aug. Meineke, vol. IV. Fragmenta poetarum comoediae novae. Berlini, 1841, p. 340, стих 11; p. 341, стихи 32, 43, 51; p. 342, стихи 61, 84, 86; p. 343, стих 121; p. 345, стих 186; p. 346, стих 231; p. 348, стихи 291 и 296; p. 355, стих 538. Не удалось отождествить всего три стиха, начинающихся следующими словами: 1) Γυνὴ γάρ; 2) Ὑπνος δαμάζει; 3) Χρυσὸν λαλοῦντας;

12) лл. 113—117. Отрывок из сочинений Василия Патрского. Τοῦ ἐν ἁγίοις π(ατ)ρ(ός) ἡμῶ(ν)/Βασιλείου ἀρχιεπισκ(ό)που Πατρ(ῶν) (несколько слов не читаются) διάμβων κατ(ὰ) ἀλφάβητ(ον). Γνῶμ(αι) [βιω]φελ(αι). Начало: «Ἀρχῆ κατέλ(ος) εἰς θ(εῶ)ν ἐπὶ πᾶσιν. Ὁ πατ(ήρ), υἱὸς καὶ τὸ ἅγιον/πν(εῦ)μα. Ἀγάπη πάντων τῶν ἀρετῶν τὸ ἄλλας. Ἐχθρα καὶ μῖσος κόσμος ἢ ἀροστίας.» Конец: «Μὴ φιλεχθρίσας πρὸς ἄν(θρωπ)ον». Текст отождествить не удалось;

13) л. 117. Περί ψεύδους καὶ κενοδοξί(ας). Ὅς αἰρεῖ δὲ ἐπὶ ψεύδεσιν, οὗτος παίζει ἀνέμους. См. PG, t 91, col. 897_A («Ὅς ἐρεῖδεται»);

14) л. 117. Περί ἀκηδίας. Текст отождествить не удалось;

15) л. 117 об. Πε(ρι) συμβουλίας καὶ ὀργῆς καὶ λύπης. Начало: «Πάσης πράξεως τὸ τέλος πρὸ τῆς ἀρχῆς ἐξαιτάξ». Текст отождествить не удалось;

16) лл. 118—121 об. Несколько молитв, начало оборвано. На л. 119: «Εὐχὴ τοῦ ἁγίου Βασιλείου κατὰ πν(ευμά)των ἀκαθάρτ(ων). Начало: «Ὁ θ(εῶ)ς τῶν θ(εῶ)ν καὶ κ(ύρι)ος τῶν κ(ύρι)ων, ὁ τῶν πυρίνων ταγμάτων δημιουργός».

Переplet по краям обломан, корешок рванный. Листы от переpleта отстают.

Собр. А. А. Дмитриевского.

БАН, собр. Дмитриевского, № 19.

464. Григорий Богослов. Беседы. XIII в.

Пергамен. Книжный курсив. Заставки, заголовки и инициалы кинноварные. Лл. 1—4 об. и л. 125 об. написаны другим почерком, чем

⁸ Вероятно, нижеследующие отрывки представляют собой выписки из сборников, известных под названием: «Флорилегий», «Loci Communes» или т. п.

⁹ Сохраняю название, принятое для описываемого текста в древнерусской письменности. См. В. Семенов. Мудрость Менандра по русским спискам. СПб., 1892 (=«Памятники древней письменности», LXXXVIII).

вся рукопись. Тип разлиновки I_{1b}. Листы (не тетради) нумерованы греческой буквенной цифирью. На л. 125 об. имеется помета XIII—XIV вв.: «† ω Χ(ριστ)ε μου, φώτισον τον δουλον σου Βενηαμην». В картонном переплете XIX в.

125 лл. 22,4×15,5 и 15,5×9,5. 34—35 строк.

Содержание: лл. 1—3 и л. 4 об. Выписки из сочинений Максима Исповедника, Кирилла Александрийского и неназванных авторов о природе второго лица троицы. Эти выписки написаны курсивом XIV—XV вв.; л. 3 об. Перечень слов Григория Богослова, содержащихся в р-си; л. 4—пустой; л. 5—5 об. Λόγος πρῶτος. Τοῦ ἐν ἁγίοις π(ατ)ρ(ῶ)ς ἡμ(ῶν) ἀρχιεπισκόπου Κωνσταντινουπόλεως/ Γρηγορίου τοῦ Θεολόγου λόγος εἰς τὸ ἅγιον Πάσχα. Текст см. PG, t. 35, col. 396_A—401_A; лл. 5 об.—13 об. Τοῦ αὐτοῦ εἰς τὸ ἅγιον Πάσχα λόγος δεῦτερος. Текст см. там же, t. 36, col. 624_A—664_C; лл. 14—16 об. Λόγος τρίτος. Εἰς τὴν καινὴν κυριακὴν καὶ τὸ ἔαρ, καὶ εἰς τὸν μάρτυρα Μάμαντα, καὶ περὶ ἐγκαίνια. Текст см. там же, t. 36, col. 608_A—621_A; лл. 16 об.—21. Λόγος τέταρτος. Ἐρρέθη ἐν Κωνσταντινουπόλει. Εἰς τὴν πεντηκοστὴν. Текст см. там же, t. 36, col. 428_A—452_C; лл. 21—25. Λόγος πέμπτος. Τοῦ αὐτοῦ εἰς τοὺς Μακκαβαίους, ἐρρέθη ἐν Κωνσταντινουπόλει. Текст см. там же, t. 35, col. 912_A—933_A; лл. 25—30. Λόγος ἕκτος. Εἰς τ(ὸν) ἀγ(ιον) μ(ά)ρ(τυρ)α Κυπριαν(ὸν), ἐξ ἀγροῦ, ἐπανήκ(οντος) μετὰ μί(αν) τῆς μνείας ἡμέρ(αν). Текст см. там же, t. 35, col. 1169_A—1193_C; лл. 30—34 об. Λόγος ἑβδομος. Εἰς τοὺς λόγους καὶ εἰς τ(ὸν) ἐξισωτῆν Ἰουλιανόν. Текст см. там же, t. 35, col. 1044_B—1064_B; лл. 34 об.—39. Λόγος ὄγδοος. Ἐρρέθη ἐν Κωνσταντινουπόλ(ει). Εἰς τὸ γενέθλιον τοῦ κ(υρί)ου καὶ θ(εο)ῦ καὶ σ(ωτῆ)ρ(ο)ς ἡμῶν Ἰ(ησοῦ) Χ(ριστο)ῦ. Текст см. там же, t. 36, col. 312_A—333_A; лл. 39—63. Λόγος ἑννατος. Ἐρρέθη ἐν Καισαρεία τῇ πόλει./Τοῦ αὐτοῦ ἐπιτάφιος εἰς τὸν μέγαν Βασίλ(ειον). Текст см. там же, t. 36, col. 493_A—605_A; лл. 63 об.—69. Λόγος δέκατος. Τοῦ αὐτοῦ εἰς τ(ὴν) ἀγί(αν) τ(ῶν) φώτ(ων) ἡμέραν. Текст см. там же, t. 36, col. 336_A—360_A; лл. 69—84 об. Λόγος ἐνδέκατος. Τοῦ αὐτοῦ εἰς τὸ ἅγιον βάπτισμα. Текст см. там же, t. 36, col. 360_B—425_B; лл. 84 об.—86 об. Λόγος δωδέκατος. Τοῦ αὐτοῦ εἰς Γρηγόριον τ(ὸν) ἀδελ(φόν) Βασι(λείου) τοῦ Μεγ(ά)λλ(ου) ἐπιστάντα μετὰ τὴν χειροτονίαν. Текст см. там же, t. 35, col. 832_B—841_B; лл. 86 об.—97 об. Λόγος τρισκαίδεκατος. Τοῦ αὐτοῦ εἰς τ(ὸν) μέγαν Ἀθανάσιον ἀρχιεπίσκοπον Ἀλεξανδρείας. Текст см. там же, t. 35, col. 1081_A—1128_C; лл. 98—106. Λόγος τέταρτος καὶ δέκατος. Τοῦ αὐτοῦ συντακτήριος εἰς τ(ὴν) τ(ῶν) ἑκατὸν πενήκοντα ἐπισκόπων παρουσίαν, ἐν τῷ μαρτυρίῳ τῆς ἁγίας Ἀναστασίας λεχθεῖς. Текст см. там же, t. 36, col. 457_A—492_C; лл. 106—118. Ἀναγινώσκειται τῇ κυριακῇ τῆς ἀπόκρως. Τοῦ αὐτοῦ περὶ φιλοπονώχιας. Λόγος πεντεκαίδεκατος. Текст см. там же, t. 35, col. 857_A—909_C; лл. 118—125. Λόγος ἑκκαίδεκατος. Τοῦ αὐτοῦ εἰς τ(ὸν) π(ατέ)ρα σιωπῶντα καὶ εἰς τ(ὴν) πληγὴν τ(ῆς) χαλάζ(ης). Текст см. там же, t. 35, col. 933_B—964_A; л. 125. об. Ἀρχὴ τοῦ βιβλίου τοῦ Θεολόγ(ου) Γρηγορίου ἀρχιεπισκόπου Κωνσταντινουπόλεως. Текст отождествить не удалось.

На полях к началу некоторых бесед написаны рукой XIV—XV вв. четверостишия Мануила Фила. См. Manuelis Philae Carmina. Ed. E. Miller, t. II. Paris, 1857, p. 340—352, № 1, 11, 14—16, 19, 21, 24, 32, 38—45.

Подарено БАН в 1911 г. профессором И. А. Линниченко. Приложено сопроводительное письмо И. А. Линниченко и составленное по-латыни описание этой р-си. Киноварь в заголовках стерлась, местами текст плохо читается. Также плохо читаются четверостишия Мануила Фила.

465. Григория Нисского беседа на житие и чудеса Григория Чудотворца. Τοῦ ἐν ἁγίοις π(ατ)ρ(ό)ς ἡμ(ῶν) Γρηγορίου ἐπισκόπου Νύσσης εἰς τὸν βίον καὶ τὰ θαύμ(α)τ(α) τοῦ ἐν ἁγίοις π(ατ)ρ(ό)ς ἡμ(ῶν) Γρηγορίου τοῦ Θαύμ(α)-τ(ουρ)οῦ ἀρχιεπισκόπου Νεοκαισαρείας. XIII в.

Пергамен. Минускул. Заставка, заголовки и инициалы писаны тусклыми красками. Тип разлиновки нечеткий. На л. 1 помета XIX в.: «№ 234». В картонном переплете XIX в.

8 лл. 29,0 × 22,0 и 21,5 × 16,5. 2 столбца. 38—39 строк.

Текст см. PG, t. 46, col. 893_A—924_A; конец утрачен, обрывается на словах: «Μικρὸς ὑμῖν οἶκος».

Собр. А. Ф. Гильфердинга. Отчет ПБ за 1873 г., стр. 9.

Края листов подклеены бумагой.

ПБ, греч. № 182.

466. Иоани Златоуст. Отрывки из бесед XIII в.

Бумага без филиграней. Беглый минускул. Тип разлиновки I_{31a}.

Из р-си Синайского монастыря № 383 (380). Имеется помета Порфирия Успенского. Листы наклеены на картон.

2 лл. 25,0 × 17,0 и 16,9 × 12,6. 22 строки.

Содержание: л. 1—1 об. Отрывок из беседы первой к Антиохийцам. Текст см. PG, t. 49, col. 25 от слов: «[Παρ]εκάλεσα, ἵνα ἀποστῆ ἀπ' ἐμοῦ» до слов: «Καὶ θῶσαι ἐπεχεῖ[ρου]ν». Текст на л. 2—2 об. отождествить не удалось; начало: «Καὶ νῦν τὰ καθ' ἡμᾶς ἅπαντα ἀοράτω τινὶ δυνάμει τοῦς ποιηροῦς τούτους», конец: «Ἐνταῦθα δὲ γυμνὸν τὸ σὸν ἐστὶ τὸ τρῶπαλον καὶ οὐδένα ἔχεις τὸ μεριζόμενον».

Собр. Порфирия Успенского. Бенешевич. Описание, I, стр. 209—210, 625—626; Отчет ПБ за 1883 г., стр. 147.

ПБ, греч. № 414.

467. Иоани Златоуст. Отрывок из беседы Περὶ μετανοίας. XIII в.

Пергамен. Беглый минускул. Киноварные инициалы. Тип разлиновки I_{1a}. Из р-си лавры Савы Освященного № 603. В обложке с пометой Порфирия Успенского.

2 лл. 20,2 × 13,9 и 17,0 × 10,5. 33 строки.

Текст см. PG, t. 60, col. 682—684, от слов «καὶ ὁ κ(ύρι)ος εἶπεν, ὅπου ὁ θεσσαυρός» до слов «οὐ γὰρ προσέθεντο».

Собр. Порфирия Успенского. Α. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Τερροσ. Βιβλ., τ. II, σελ. 607—608; Отчет ПБ за 1883 г., стр. 132.

ПБ, греч. № 338.

468. Житие Андрея Юродивого. XIII в.

Пергамен. Минускул. Инициалы писаны киноварью, ныне сильно выцветшей. Нумерация тетрадей проставлена рукой писца, но сохранилась неполностью: на л. 8 об. — тетрадь η̄; на л. 9 — тетрадь ϕ̄; на л. 86 об. — тетрадь ιη̄. Тип разлиновки I_{2c}. Имеются пометы к тексту, пробы пера, а также следующие пометы: 1) л. 18. Рукой XV в. «Ἰερὺς Βλεμίδιος καὶ σακελάριος»; 2) л. 53. Латинский алфавит, написанный писцом, не привыкшим писать латинским письмом; 3) лл. 105—107. Хронологические заметки. В картонном переплете XIX в.

108 лл. 18,0 × 13,0 и 12,5 × 8,5. 24 строки.

Собр. А. И. Пападопуло-Керамевса. См. Bibliotheca Hagiographica Graeca, I, 3-me éd. Bruxelles, 1957, p. 36, № 116b; Отчет ПБ за 1911 г., стр. 53. Начало утрачено.

ПБ, греч. № 692.

469. «Ἐκλογαί». Отрывок. XIII в.

Бумага без филигранных. Минускул. В обложке с пометой Порфирия Успенского: «Век XII. Отрывок из рукописи „Ἐκλογαί“». Из верхней библиотеки лавры Савы Освященного»¹⁰.

2 лл. 25,5×16,0 и 19,5×13,5. 27 строк.

Текст отождествить не удалось. Начало: «Ψυχὰι σιγιάζονται, ἤνοιξαν γὰρ πάντες ἀφειδεῖς τὰ στόματα κατὰ τῶν ὁμοδοῦλων λαλεῖται τὸ ψεῦδος ἀφρόβως»; конец: «Ἀλλ' ὄντως ἰδιόν τι πάθος ἐστὶ τοῦ διαβόλου ὁ φθόνος, ὁ ἐκλαληθῆναι μὴ δυναμ(ε)νος».

Собр. Порфирия Успенского. Отчет ПБ за 1883 г., стр. 154.

ПБ, греч. № 465.

470. Беседа богословская. Отрывок. XIII в.

Пергамен. Минускул. Палимпсест. Смытый текст VI—VII вв. (?) содержит отрывки из Библии (?); писан унциалом коптского дукта. Описание см. выше, описание № 4 (ВВ, XVI, 1959, стр. 220).

4 лл. 23,3×15,8 и 19,8×13,0. 24 строки.

Текст отождествить не удалось. Начало: «μετάλιφιν, μηδὲ ὀσφραι-νέσθω νεότης»; конец: «Καὶ ὁ θε(ε)ς αὐτὸν ὑπὲρ ὑψωσιν».

Собр. К. Тишендорфа. Rahlfs. Verzeichnis d. griech. HSS d. A. T., S. 223, индекс 626 (для смытого текста).

ПБ, греч. № 42.

471. Беседа богословская. Отрывок. XIII в.

Пергамен. Минускул. Тип разлиновки определить нельзя, так как края листов обрезаны. Помета П. П. Дубровского.

2 лл. 20,3×14,8 и 17,4×12,6. Сохранилась 21 с половиной строка.

Текст отождествить не удалось. Начало: «...μάτων, ἀπεξηράνθησαν. Οὐαὶ μοι τῷ ταλαίπρω, ὅτι ὁμοιώθην κόμη συμπεπτακωῖα/ καὶ ἀτειχίστω, κειμένη πλησίον σπηλαίων/ ἐχόντων ληστές».

Собр. П. П. Дубровского. Muralet. Catalogue..., 58—59.

ПБ, греч. № 103.

472. Катена на Восьмикнижие. XIII в.

Бумага без филигранных. Минускул. Заставки и инициалы рисованы красками. Текст писан киноварью и чернилами. На некоторых листах киноварью вымараны отрывки текста. На полях встречаются схолии XIV—XV вв. Частично сохранилась нумерация тетрадей, на л. 217 об. помечена тетрадь $\overline{\alpha\delta}$. Л. 1—1 об. писан рукой XVI в. На л. 1 об. имеется следующая помета: «Τοῦ ἀγίου προηγουμένου κὲρ Ἰωακείμ Σίμου. / αἴψινθ (1759) ἱανουαρίου λ. / Τὸ παρὸν βιβλίον ἔβαλεν εἰς τὴν Βιβλιοθήκην τοῦ ἱεροῦ μοναστηρίου/τῆς Πάτμου, ἀν τις διὰ τὸ βιβλίον ὅπου ἔλειφεν ἀπὸ τὴν προδή/λωσίν (?) τοῦ Ἰουστίνου τοῦ Φ(ιλοσό)φου. Ὅθεν εἰ μὲν ὁ ἐν τῇ Σάμῳ οἰκόνόμος τοῦ / Θεολόγου κὲρ Βενιαμῖν ἤθελε ποτε τὸ ζητήσῃ ὡς κτήμα οἰκείον αὐτοῦ/νὰ διδῆ εἰς τὸ μοναστήριον τὸ βιβλίον ὅπου τοῦ ἔδωσε, Κοσμογραφία / τοῦ Μελετείου, καὶ τότε νὰ το λαμβάνει. Εἰ δὲ μὴ νὰ εἶναι ἀρ...ρω/... εἰς τὸ μοναστήριον. Ὁ δὲ βουλευθεῖς ἀποστρεψάσαι, νὰ ἔχη τὰς/ ἀρχὰς τῶν θεοφόρων ἀγίων π(ατέ)ρων». В картонном переплете XIX в.

229 лл. 35,6×26,7 и 29,0×19,0. 2 столбца. 50 строк.

¹⁰ По каталогу библиотеки лавры Савы Освященного р-си XII—XIII вв. под названием: «Ἐκλογαί» обнаружить не удалось. См. Ἁ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Ἱεροσολυμιτικὴ Βιβλιοθήκη, т. II. Ἐν Πετρούπολει, 1894.

Собр. К. Тишендорфа, ранее р-сь хранилась в Русанском монастыре в Фессалии. G. S a r o e t J. L i e t z m a n n. Catenarum graecarum catalogus, S. 5.—«Nachrichten von der Königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Phil.-hist. Klasse aus dem Jahre 1902». Göttingen, 1905; R. D e v r e e s s e. Les anciens commentateurs grecs de l'Octateuque et des Rois. Città del Vaticano, 1959 (=«Studia e Testi», 201)¹¹; архим. П о р ф и р и й У с п е н с к и й. Путешествие в Метеорские и Осолимпийские монастыри в Фессалии. СПб., 1896, стр. 217, № 4.

Начало и конец утрачены. Р-сь повреждена червями, края листов подклеены бумагой.

ПБ, греч. № 124.

473. Псалтирь. XIII в.

Пергамен. Беглый минускул, переходящий в курсив. Лл. 1—3 палимпсест, написаны другим писцом, нежели все остальные листы этой р-си. Заставки рисованы киноварью и чернилами. Заголовки и инициалы киноварные. Листы не разлинованы. На л. 196 записаны молитвы, почерком XIX в. На л. 1 помета XIX в.: «Ψαλτήριον Δαυίδ». В картонном переплете XIX в. Смытый текст лл. 1—3 описан выше, см. описание № 172 (ВВ, XVIII, 1961, стр. 271).

196 лл. 10,4 × 8,3 и 7,0 × 6,0. 17—18 строк.

Начало и конец утрачены. Чернила местами подновлены.

БАН, собр. РАИК, № 15.

474. Псалтирь, псалмы LXXVIII₉ — LXXXI₅. XIII в.

Пергамен. Мелкий минускул. Заголовки и инициалы писаны золотом и киноварью. Тип разлиновки определить не удалось. В обложке с пометой Порфирия: «Из библиотеки монастыря св. Дионисия на Афоне». Из р-си монастыря св. Дионисия № 33¹².

1 л. 15,0 × 12,0 и 11,0 × 9,0. 33 строки.

Собр. Порфирия Успенского. R a h l f s. Verzeichnis d. griech. HSS d. A. T., S. 10, 229, 361; Отчет ПБ за 1883 г., стр. 121—122.

ПБ, греч. № 270.

475. Псалтирь, псалмы C₈ — CVI₃₃. XIII в.

Пергамен. Минускул. Заголовки и инициалы писаны кармином. Тип разлиновки определить не удалось. В обложке с пометой Порфирия Успенского. Из р-си Симонопетрского монастыря на Афоне № 5.

2 лл. 30,8 × 22,3 и 25,3 × 17,0. 2 столбца. 57—58 строк.

Собр. Порфирия Успенского. R a h l f s. Verzeichnis d. griech. HSS d. A. T., S. 23, 229—230, 368, индекс 1761; Отчет ПБ за 1883 г., стр. 122.

ПБ, греч. № 271.

476. Четвероевангелие. XIII в.

Пергамен. Лл. 3—10 и 176—183 бумажные, XVI в.; филигрань — весы в кругу, сильно обрезана. Минускул. Лл. 1—2 об. писаны другим писцом, нежели вся остальная рукопись. Имеются заставки и инициалы в красках. На л. 87 об. и л. 136 об. были помещены миниатюры, изображавшие евангелистов, но в настоящее время сохранились только следы краски.

¹¹ Это издание известно мне только по библиографической заметке в журнале «Scriptorium», т. 14, 1960, р. 177, № 117.

¹² По предположению В. Н. Бенешевича, — из р-си того же монастыря № 65 (3599).

Заголовки киноварные. Тип разлиновки I_{3a}. На л. 175 запись, современная рукописи или немногим более поздняя: «Θεοδώρου τοῦ Παλιῆ... ἡ βίβλος (ος) αὐτῆ». Переплет — доски в тисненой коже, застежки и жуки утрачены. 183 лл. 15,0 × 11,2 и 9,8 × 7,0. 29 строк.

Собр. А. Ф. Гильфердинга, владельческая помета которого имеется на внутренней стороне верхней крышки переплета. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 1181, индекс e1800; Отчет ПБ за 1873 г., стр. 9—10. Переплет отстает.

ПБ, греч. № 183.

477. Четвероевангелие. XIII в.

Пергамен. Минускул. Заголовки и инициалы карминные. На л. 204 об. имеется миниатюра на золотом фоне: евангелист Марк. Заставки рисованы золотом и красками. Заголовки и инициалы карминные. Сохранилась нумерация некоторых тетрадей, проставленная рукой писца: γ̄ — η̄, ῑγ̄, ιε̄ — ιη̄, κ̄ — κς̄. Тип разлиновки I_{3a}. На л. 44 имеется почти стертая запись XV в.; читаются только слова: «Καὶ τὸ ἁγίον καὶ ἀμαρτωλὸς μοναχὸς Μητροφάνης». В переплете XIX в.

180 лл. 22,7 × 16,8 и 15,6 × 10,0. 25 строк.

Происхождение рукописи установить не удалось. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 1195, индекс e2140; Отчет ПБ за 1881 г., стр. 72.

Начало, конец и некоторые листы утрачены. Краски миниатюры и заставок осыпались.

ПБ, греч. № 204.

478. Четвероевангелие. XIII в.

Пергамен. Минускул. На лл. 1—3 об. каноны Евсевия в рамках, рисованных красной и коричневой красками. Заставки и инициалы рисованы теми же красками. Нумерация тетрадей сохранилась не полностью, от β (л. 4) до λη̄ (л. 248). Тип разлиновки I_{40c}. Переплет — доски в тисненой коже, сильно поврежден. Имеются следующие пометы: 1) л. 193 об. Помета XV в.: «Ἡ γωράσθη τῷ τίμιον καὶ ἅγιον εὐαγγέλιον δια σηνδρομῆς καὶ ἐξόδου ἐμοῦ τοῦ Χιωνᾶ κατα τὴν ἀπαφύσην τοῖς συζήτου μου Τριάντα/φύληνας καὶ τῆς μ(η)τρ(ό)ς αὐτῆς: καὶ ἐποίησα αὐτῆς διακωνήαν εἰς τὰς χεῖρας κύρου Ἰωάννου τοῦ πάπου, ὅπως εὐχέτε/ὕπερ τῶν ψυχῶν αὐτῶν, ὅπως συγχω/ρισσοι αὐτὰς ὁ παναγαθὸς κ(ύ)ριος, ἀμήν»; далее приписано другой рукой, также в XV в.: «Ὁ ἄρτος τῆς ζωῆς καὶ πάλιν. αν. /φάγη ἐκ τούτου ἄρτος»; 2) л. 194 об. «† Ἐξ ἐμοῦ τ(οῦ) Γεωργη(ου) του γραμμα/τιχου... ἄρξου χηρ μου/αγαθῆ γραφῆς γράμματα καλά» (далее следует несколько слов, не поддающихся прочтению); 3) на верхней крышке переплета бумажная наклейка с пометой XIX в.: «VI. Quattro Evangelia. Scritto sopra pergamena». Имеются также другие пометы, содержащие молитвы, пробы пера и т. п., а часть не поддающиеся прочтению. На внутренней стороне верхней крышки переплета наклеены клочки бумаги со следами латинского текста.

250 лл. 17,2 × 12,6 и 11,0 × 7,7. 24 строки.

Собр. Сарафова. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 1198, индекс e2174; Отчет ПБ за 1895 г., стр. 72. Некоторые листы утрачены; от других листов сохранились лишь обрывки. Текст местами подновлен.

ПБ, греч. № 513.

479. Четвероевангелие. XIII в.

Пергамен. Минускул. На лл. 95 об. и 246 об. имеются миниатюры — евангелисты Марк и Иоанн. На л. 247 — заставка, рисованная золо-

том и красками, с погрудным изображением Христа. Заголовки и инициалы писаны золотом и красками. Палимпсест, описание смытого текста см. выше, № 182 (ВВ, XVIII, 1961, стр. 273). Сохранилась нумерация тетрадей от $\bar{\alpha}$ до $\bar{\mu\delta}$ (л. 311). Тип разлиновки I_{26c}. Лл. 10, 96, 139—140, 154—156, 319 — бумажные, добавлены в XVIII в. На лл. 268 об. и 269 об. имеются пометы, которые прочесть не удалось. На лл. 254 об. и 255 об. имеются следующие записи: «Ἐτου ≠ζρξ̄ (1599) ἐκουμήθη . . . μακάριστος πάπος μου Λάζαρος»; «†Ἐκουμήθη . . . μακάριστος μ(ητέ)ρα Σωφία ἔτους ≠ζρξ̄ (1652)». На л. 3 об. помета 1510 г., которую целиком прочесть не удалось. На л. 79 об. имеется помета XVII в. (?): «Κ(ύρι)ε, βωθου τὸν δοῦλον τοῦ θ(εο)ῦ Κοστατῆνου τὸν Τυχοῦλη(?)». Перецлет — доски, обтянутые бархатом.

319 лл. пергамена и 16 бумажных лл. 16,6 × 12,5 и 12,5 × 8,5. 22 строки.

Р-сь куплена Публичной библиотекой в 1902 г. G r e g o r y. Textkritik d. N. T., S. 1199, индекс e2182; Отчет ПБ за 1902 г. стр. 181—182.

Начало утрачено; некоторые листы выпадают.

ПБ, греч. № 644.

480. Евангелие от Матфея I₁₋₁₂, IV₂₄—V₁₅. XIII в.

Пергамен. Минускул. На л. 1 имеются: киноварные заставка, заголовок и инициал. Тип разлиновки неясен.

2 лл. 16,0 × 11,5 и 12,5 × 6,5. 23 строки.

Собр. Н. П. Лихачева.

Пергамен покороблен и потемнел, пострадал текст.

Ленинградское отделение
Института истории Академии наук СССР;
Архив, Западноевропейская секция,
№ 44/669 (старый шифр III. М. 12).

481. Евангелие от Матфея XXIV₃₀—XXV₃₁. XIII в.

Пергамен. Минускул. Палимпсест. Смытый текст писан унциалом VIII в. (?) Заголовки, инициалы и экфонетические знаки писаны кармином.

1 л. 30,0 × 23,5 и 26,3 × 18,0. 2 столбца. 23—25 строк.

Собр. Н. П. Лихачева.

Ленинградское отделение
Института истории Академии наук СССР;
Архив, Западноевропейская секция,
№ 41/669 (старый шифр III. М. 13).

482. Евангельские чтения. Отрывок. XIII в.

Пергамен. Минускул. Заголовки и инициалы киноварные. Палимпсест. Описание смытого текста см. выше, № 91 (ВВ, XVI, 1959, стр. 239).

4 лл. 26,0 × 20,0 и 20,5 × 15,5. 2 столбца. 31 строка.

Собр. А. И. Пападопуло-Керамевса. Отчет ПБ за 1911 г., стр. 38.

Листы извлечены из какого-то переплета, измяты и загрязнены.

ПБ, греч. № 679 и № 767.

483. Чтения из Нового Завета. Отрывки. XIII в.

Пергамен. Минускул. Заголовки и инициалы киноварные. Палимпсест. Описание смытого текста, находящегося на лл. 9—10, см. выше, № 225 (ВВ, XIX, 1961, стр. 216).

10 лл. 20,7 × 15,7 и 18,0 × 12,0. 25—27 строк.

Собр. А. И. Пападопуло-Керамевса.

Листы извлечены из какого-то переплета, обрезаны по краям, измяты и загрязнены.

ПБ, греч. № 766.

484. Евангельские чтения. Отрывок. XIII в.

Бумага без филиграней. Минускул. Киноварные инициалы. Листы сплетены в одном переплете XIX в. вместе с отрывками из нескольких более поздних рукописей.

2 лл. 28,3 × 20,0 и 23,0 × 16,0. 2 столбца. 31 строка.

Содержит только сборник.

Собр. Сарафова. Отчет ПБ за 1895 г., стр. 86—87.

Листы подклеены бумагой.

ПБ, греч. № 534, лл. 1—2.

485. Евангельские чтения. Отрывок. XIII в.

Бумага без филиграней. Крупный литургический минускул. Инициал писан кармином. Экфонетические знаки киноварные. Из р-си лавры Савы Освященного № 188. Листы наклеены на картон.

2 лл. 26,0 × 22,2 и 19,5 × 14,5. 14 строк.

Собр. Порфирия Успенского. G r e g o r y. Textkritik d. N. T., S. 1281, индекс 11420; Ἀ. Παπαδόπουλος-Κεραμεός. Ἱεροσ. Βιβλ., т. 1, σελ. 298.

ПБ, греч. № 401.

486. Четвероевангелие. Отрывок. XIII в.

Пергамен. Текста нет. Только миниатюра на золотом фоне: евангелист Иоанн. Лист наклеен на картон с пометой Порфирия Успенского: «Из четвероевангелия XIII века на Синае». Возможно, этот лист — из р-си Синайского монастыря № 168.

1 л. 12,8 × 9,5; размер миниатюры 7,5 × 6,0.

Собр. Порфирия Успенского. Б е н е ш е в и ч. Описание, 1, стр. 615; Отчет ПБ за 1883 г., стр. 128.

ПБ, греч. № 313.

487. Евангельские чтения. Отрывок. XIII в.

Пергамен. Минускул. Инициалы писаны чернилами и красками. Тип разлиновки нечеткий, напоминает тип П_{2а}. Из р-си лавры Савы Освященного № 356. В обложке с пометой Порфирия Успенского.

2 лл. 21,8 × 17,0 и 16,7 × 13,5. 2 столбца. 28 строк.

Собр. Порфирия Успенского. G r e g o r y. Textkritik d. N. T., S. 1280, 1281, индекс 11412; Отчет ПБ за 1883 г., стр. 128; Ἀ. Παπαδόπουλος-Κεραμεός. Ἱεροσ. Βιβλ., т. II, σελ. 469.

ПБ, греч. № 312.

488. Евангельские чтения. Отрывок. XIII в.

Пергамен. Небрежный минускул. Имеются заставка и инициалы, рисованные чернилами. На л. 4—4 об. пометы Монфокона, содержащие краткое описание греч. р-си № 101 (см. выше, описания № 349—350, ВВ, XXIII, 1961, стр. 185—186). Ранее эти листы были наклеены на переплет рукописи № 101.

4 лл. 23,8 × 18,5 и 19,0 × 15,0. 2 столбца. 20 строк.

Собр. П. П. Дубровского. G r e g o r y. Textkritik d. N. T., S. 409, 4128, индекс 1258.

Лл. 1 и 3 разорваны, сохранились только клочки пергамена, текст пострадал.

ПБ, греч. № 411.

489. Чтения из Нового Завета. Отрывки. XIII в.

Пергамен. Небрежный минускул. Палимпсест, описание смытого текста см. выше, описания № 27,70 (ВВ, XVI, 1959, стр. 225 и 233). Заголовки киноварные. Листы не разлинованы. Имеется запись XIII в. (греч. № 112, лл. 14 об.—15): «†εὐχ(εσθε) τῷ γράφαντι/ ὁ ἔχων τὴν ἁγίαν/δέλτον ταύτην/διὰ τὸν κ(ύριο)ν†/†Δόξα τῷ θ(ε)ῷ πάν/των ἔνεκα†/Προσηνέχθη ἡ/ἁγία δέλτος ταύτη/παρὰ τοῦ τιμίου/καὶ πανευλαβεστά/του μοναχοῦ κῆρ Ὀνουφ-ρίου/καὶ πρεσβυτέρου τοῦ ἁγίου ὄρους Σινᾶ/ἐν τῇ ἁγία κορυφῇ ἔνθα ὁ ἅγιος πρ(οφήτης) Μωυσῆς τὸν νόμον ἐδέξατο καὶ τὰς φοβεράς καὶ μεγάλας/θεωρίας/†δε†».

34 лл. 10,3 × 7,5 и 8,3 × 6,0. 11—12 строк.

Собр. К. Тишендорфа. Gregor. Textkritik d. N. T., S. 409, 468, 1227—1228, индекс 1 + a 174; Бенешевич. Описание, 1, стр. 606.

На листах есть темные пятна от химических веществ, применявшихся для выявления смытого текста.

ПБ, греч. № 37, 45, 110, 112.

490. Евхологий. XIII в.

Пергамен. Крупный, небрежный минускул. Палимпсест. Смытый текст—VIII в. (описание см. выше, ВВ, XVI, 1959, стр. 230, № 52). Заставки и инициалы рисованы чернилами и киноварью. Лл. 1—2 — XI в., содержат отрывки из Иоанна Лествичника (?). В сафьяновом с золотым тиснением переплете XIX в. В начале вплетено 7 бумажных листов XIX в.

45 лл. 15,0 × 11,0 и 12,0 × 9,0. 21—22 строки.

Содержание см. А. А. Дмитриевский. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока, т. II. Евхολόγια. Киев, 1902, стр. 188—192.

Собр. архим. Антонина Капустина. Отчет ПБ за 1899 г., стр. 12. Ко-нец утрачен. Листы подклеены бумагой.

ПБ, греч. № 559.

491. Ирмологий. XIII в.

Пергамен. Типичный для певческих рукописей минускул. Нотные знаки написаны чернилами. Заголовки и инициалы написаны кармином и тусклой коричневатой краской. На л. 1 заставка, рисованная кармином. Частично сохранилась нумерация тетрадей, на л. 145 помечена тетрадь ιε. Тип разлиновки I_{24a}. Переплет XVI в., доски в тисненой коже. Датирован по приплетенным к нему трем бумажным листкам, имеющим филигрань — рука с цветком вверх (см. Briquet. Les Filigranes..., № 10722).

Имеются следующие пометы: 1) лл. 1 и 5 об. Карминные пометы на полях: Ἰω(άννης) μοναχ(ός); на основании этих помет Тибо (J. B. Thibaut. Monuments de la notation ekphonétique et hagiopolite de l'église grecque. Exposé documentaire des manuscrits de Jérusalem du Sinai et de l'Athos conservés á la Bibliothéque de Saint-Petersbourg. St.-Petersbourg, 1913, p. 126—127) считает эту р-сь автографом Иоанна Кукузеля; 2) лл. 1—2: «В Российско-Императорскую Публичную Библиотеку от Русского на Афоне монастыря. 1860 г., августа 22»; 3) л. 148 об. Рукой XIII в., отличной от почерка писца, киноварью: «Τέλος σὺν θ(ε)ῷ τοῦ εἰρμολογίου. Ἔργον Ἰωάννου Παπαδοπούλου τοῦ ἐπιλεγομένου Κοκουζέλη. ἔτους ≠ ζωι, ινδ(ικτιῶνος) ιε», т. е. 1302 г. индикта 15; 4) л. 168. Славянская помета, не поддающаяся прочтению.

168 лл. 14,5 × 10,3 и 10,5 × 7,0. 13 строк текста.

Поступила в ПБ в 1860 г. из Русского Пантелеймонова монастыря на Афоне. J. V. Thibaut. Op. cit., p. 126—127; см. также снимок одного листа из этой р-си в моей статье: «К вопросу о византийском минускуле» (ВВ, XIII, 1958, стр. 236—237, табл. 10).

Конец утрачен; застежки переплета оборваны, корешок разорван. Бумажные листы повреждены червями.

ПБ, греч. № 121.

492. Литургия Василия Великого. XIII в.

Пергаменный свиток на деревянном стержне. Крупный литургический минускул. Заголовки писаны кармином.

Ширина свитка — 23,3 см, длина не измерена ввиду плохой сохранности пергамена.

Текст см. S. A. Swainson. The Greek Liturgies chiefly from original authorities. Cambridge, 1884, p. 170—171. Полностью текст не сличался из-за плохой сохранности пергамена.

БАН, собр. РАИК, № 4.

493. Минея на сентябрь. Отрывок. XIII в.

Пергамен. Минускул. Заголовки и инициалы киноварные. Имеются нотные знаки. Помета Порфирия Успенского. Тип разлиновки П_{19в}.

Из р-си Симонопетрского монастыря на Афоне № 3 (1271)¹³.

2 лл. 34,2 × 25,5 и 26,0 × 20,0. 2 столбца. 48 строк.

Собр. Порфирия Успенского. J. V. Thibaut. Op. cit., p. 100; Отчет ПБ за 1883 г., стр. 135—136.

Края листов повреждены.

ПБ, греч. № 354.

494. Минея на декабрь. Отрывок. XIII в.

Бумага без филиграней. Мелкий минускул. Киноварные инициалы. Нотные знаки на стихирах. Из р-си Симонопетрского монастыря на Афоне № 82¹⁴. Имеются пометы Порфирия Успенского (ПБ, греч. № 427) и А. А. Дмитриевского (БАН, собр. А. А. Дмитриевского, № 31).

2 лл. 33,6 × 25,9 и 27,2 × 21,5. 2 столбца. 77 строк.

Собр. Порфирия Успенского и собр. А. А. Дмитриевского. Отчет ПБ за 1883 г., стр. 149; J. V. Thibaut. Op. cit., p. 115.

Лист, хранящийся в БАН, загрязнен, обветшал и обрезан по краям.

ПБ, греч. № 427 и БАН, собр. А. А. Дмитриевского, № 31.

495. Сборник богослужебный нотный. XIII в.

Пергамен. Палимпсест, описание смытых текстов см. выше, № 164 (ВВ, XVIII, 1961, стр. 270) и 280 (ВВ, XIX, 1961, стр. 233). Минускул. Заголовки и инициалы киноварные. Частично сохранилась нумерация тетрадей (последняя помета на л. 226— $\lambda\alpha$) и нумерация листов, проставленная также буквенной цифирью. Пометы к тексту XV—XVI вв. В картонном переплете XIX в.

251 л. 19,8 × 12,5 и 15,5 × 9,0. 19—23 строки.

Содержит: Стихирарь, Триодь и Пентикостарий.

Собр. Р. Тишendorфа. J. V. Thibaut. Op. cit., p. 108.

¹³ См. Sp. Lambros. Op. cit., I, p. 114.

¹⁴ См. ibid., I, p. 123, № 1350 (82).

Начало, конец и некоторые листы утрачены. Листы обрезаны неровно; пергамен местами истлел.

ПБ, греч. № 82.

496. Миняя на июнь месяц. XIII в.

Бумага без филиграней. Минускул. Р-сь написана двумя писцами. Заставки и инициалы рисованы чернилами и красной краской.

90 лл. 19,2 × 13,3 и 13,0 × 9,0. 21—22 строки.

Начало и конец утрачены; от многих листов сохранились только обрывки. Текст читается плохо. В настоящее время вся р-сь реставрирована и переплетена. Имеются фотоснимки всей р-си, сделанные до ее реставрации.

БАН, собр. РАИК, № 12.

497. Синаксарь с тропарями на месяцы декабрь — январь. Отрывки. XIII в.

Бумага без филиграней. Беглый минускул. Заголовки и инициалы кинноварные. Листы не разлинованы. В обложке.

8 лл. 24,3 × 16,4 и 17,5 × 11,0. 29—30 строк.

На л. 8 об. Января 22. «Τῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ. Ἁθλήσις τῶν ἀγίων μαρτύρων Μανουήλ, Γεωργίου, / Λέοντος, Μαρίνου, Πέτρου καὶ τῶν λοιπῶν τὸν ἀριθμὸν τοῦ / καὶ πλείων, οἵτινες κατὰλλήλῳ θανάτῳ κατὰ διαφόρους ὑπὸ τῶν Βουλγάρων κατεσφάγησαν».

Память этим святым указывает архим. Сергей («Полный месяцеслов Востока», II. Изд. 2. Владимир, 1901, ч. 1, стр. 21; ч. 2, стр. 35). См. H. D e l e h a u e. Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae. Bruxellis, 1902, p. 414—416 (= «Propylaeum ad Acta Sanctorum Novembris»); также PG, t. 117, col. 276_D—277_A. В третьем издании справочника Болландистов (Bibliotheca Hagiographica Graeca. Bruxelles, 1957) память этим святым не найдена.

Собр. Антонина Капустина. Отчет ПБ за 1899 г., стр. 15.

Края листов истрепаны.

ПБ, греч. № 554.

498. Стихирарь нотный. XIII в.

Пергамен. Палимпсест, описание смытых текстов см. выше, № 90 (ВВ, XVI, 1959, стр. 239) и № 166 (ВВ, XVIII, 1961, стр. 270). Тишиный для певческих рукописей минускул. Заголовки и инициалы писаны красной и коричневой красками. Нотные знаки написаны чернилами и кинноварью. Местами сохранилась нумерация тетрадей, а именно: на л. 190 об. помечена тетрадь ζς, а на л. 191 — тетрадь κς. В картонном переплете XIX в.

302 лл. 22,5 × 14,5 и 18,0 × 12,0. 17—20 строк.

Собр. А. И. Пападопуло-Керамевса. J. V. T h i b a u t. Op. cit., p. 106—107; Отчет ПБ за 1914 г., стр. 48.

Начало и конец утрачены. Рукопись загрязнена; встречаются пятна от плесени. Листы измяты; от некоторых листов сохранились только обрывки.

ПБ, греч. № 674.

499. Стихирарь. Отрывок. XIII в.

Пергамен. Минускул. Кинноварные инициалы. Нотные знаки написаны чернилами и кинноварью. Палимпсест. На л. 1—1 об. смытый текст X в. писан минускулом, описание см. выше, № 169 (вып. II. ВВ, XVIII, 1961, стр. 271).

На л. 2—2 об. смытый текст IX в. писан унциалом и содержит отрывки из Нового Завета (?), описание см. выше, № 95 (вып. I. ВВ, XVI, 1959, стр. 239—240). Помета Порфирия Успенского. Из р-си Ватопедского монастыря на Афоне № 1489¹⁵.

2 лл. 33,0 × 23,2 и 26,0 × 18,5. 38 строк.

Собр. Порфирия Успенского. Отчет ПБ за 1883 г., стр. 137; J. V. Thibaut. Op. cit., p. 110.

ПБ, греч. № 365.

500. Стихирарь. Отрывок. XIII в.

Пергамен. Минускул. Киноварные инициалы и заголовки. Имеются нотные знаки. Палимпсест. Смытый текст написан унциалом IX в., описание см. выше, № 88 (вып. I. ВВ, XVI, 1959, стр. 238). Помета Порфирия Успенского. Из р-си Синайского монастыря № 1220.

8 лл. 25,5 × 18,8 и 19,1 × 14,0. 19 строк.

Собр. Порфирия Успенского. Бенешевич. Описание, 1, стр. 622—623, со снимком; J. V. Thibaut. Op. cit., p. 109.

ПБ, греч. № 367.

501. Стихирарь. Отрывок. XIII в.

Пергамен. Минускул. Заголовки и инициалы писаны киноварью. Нотные знаки писаны чернилами и киноварью. На л. 1 внизу справа помечен номер тетради: ιϛ. Тип разлиновки I_{40a}.

2 лл. 34,0 × 26,0 и 24,5 × 19,5. 17 строк текста.

Собр. Порфирия Успенского. Отчет ПБ за 1883 г., стр. 138; J. V. Thibaut. Op. cit., p. 114. Листы загрязнены.

ПБ, греч. № 369.

502. Триодь. Отрывок. XIII в.

Пергамен. Типичный для певческих рукописей минускул. Нотные знаки написаны чернилами. Киноварные заголовки. В картонном переплете XIX в.

Отрывок листа. 22,2 × 12,7 и 17,5 × 12,7. 20 строк текста.

Лист загрязнен; пострадал текст.

ПБ, греч. № 651.

503. Триодь. Отрывок. XIII в.

Пергамен. Минускул. Киноварные инициалы.

1 л. 13,4 × 10,2 и 11,8 × 8,5. 16 строк.

Найдено среди неразобранных бумаг в Отделе рукописей в 1947 г. Край листа оборваны.

ПБ, греч. № 838.

504. Чины посвящения в чтеца, певца, иподьякона, диакона, пресвитера и игумена. XIII в.

Пергаменный свиток. Минускул. Заставки и заголовки писаны тусклой красноватой краской. Текст последнего чина не дописан.

Длина свитка 247 см, ширина 23,0. Свиток склеен из 4 листов. Содержание: Τάξις γινομένη ἐπὶ χειροτονίᾳ τοῦ ἀναγνώστου καὶ ψάλτου; τάξις

¹⁵ См. S. Eustratiades and Arcadios Vatopedinos. Catalogue of the Greek Manuscripts in the Library of Monastery of Vatopedi on Mount Athos («Harvard Theological Studies», t. XI). Cambridge, 1924, p. 234.

γινόμενη ἐπὶ χειροτονία ὑποδιακόνου; τάξις γινόμενη ἐπὶ χειροτονία πρεσβυτέρου; τάξις γινόμενη ἐπὶ χειροτονία ἡγουμένου — всего несколько строк.

Собрание А. А. Дмитриевского.

Края свитка повреждены. Начало и конец утрачены.

ПБ, греч. № 823.

505. Чин причащения. Отрывки. XIII в.

Пергамен. Литургический минускул. Заставки и инициалы рисованы золотом и красками. Заголовки киноварные. Свиток на деревянном стержне.

1 м 25 см × 14,5 см.

Точнее текст не определен ввиду плохой сохранности пергамента. Часть свитка утрачена; золото и краски стерлись.

БАН, собр. РАИК, № 5.

506. Богослужебный текст. Отрывки. XIII в.

Пергамен. Минускул. Заголовки и инициалы карминные.

4 лл. 30,0 × 21,5 и 25,5 × 19,0. 2 столбца. 57 строк.

Поступил в Русский археологический институт в Константинополе в 1897 г.

Листы использовались в качестве переплета, измяты и загрязнены. Текст пострадал, читается лишь местами.

БАН, собр. РАИК, № 10

507. Богослужебный текст. Отрывок. XIII в.

Пергамен. Минускул. Заголовки писаны киноварью.

2 лл. 24,5 × 17,3 и 19,5 × 13,0. 28 строк.

Листы покороблены, покрыты пятнами, читаются только отдельные слова. Эти листы вшиты в конце Патерика. См. следующее описание, лл. 342—343.

БАН, собр. РАИК, № 117, лл. 342—343.

508. Павел, игумен Евергетидского монастыря. Патерик, вторая книга. XIII—XIV вв.

Бумага без филиграней. Минускул. Киноварные заставки, заголовки и инициалы. Нумерация тетрадей сохранилась частично: на л. 324 помечена тетрадь 49-я. Имеются следующие пометы: л. 4. Рукой XIX в. «Παναγιώτης Στεφάνου» (далее не читается); л. 189 об. Рукой XIX в. «Θ. Π. Γοιστινόπουλος, Καστορία»; л. 237 об. Рукой XVIII в. Заметки о погоде, с трудом поддающиеся прочтению: «Τὰ μερομνία (?)».

ξ̄ Οκτωβρις ἀνεμος (далее не читается).

ξ̄ νοέμβρις πραος πίνος (πιναρός?).

κξ̄ (?) δεκεμβρις ὁμοίως καὶ (не читается).

β̄ ηουνουαρις (т. е. ἰανουάριος) βορ(ράς).

γ̄ φλεβάρις βορ(ράς).

δ̄ μάρτις παγ(ετός?)».

Имеется также несколько неразборчивых помет.

341 л. 24,8 × 16,5 и 16,8 × 10,2. 26 строк.

Содержание: лл. 1—3. Оглавление книги, начало которого утрачено.

Перечень статей начинается со статьи 32-й и доведен до последней, 50-й статьи; лл. 4—341 об. Ἐκ τῶν συλλογῶν τοῦ μακαριωτάτου πατρ(ό)ς ἡμῶν Παύλου μοναχοῦ / ἡγουμένου τε καὶ κτήτορος μονῆς / τῆς Εὐεργετίδος. Βιβλίον β̄.

Ввиду того что текст на многих листах почти не читается, отождествить его полностью не удалось. Видимо, текст совпадает с изданием:

Συναγωγή τῶν θεοφθόγγων ῥημάτων καὶ διδασκαλίῶν τῶν θεοφόρων καὶ ἁγίων πατέρων... συναθροισθεῖσα... παρὰ Παύλου τοῦ ὀσιωτάτου μοναχοῦ καὶ κτήτορος μονῆς τῆς Ὑπεραγίας Θεοτόκου τῆς Εὐσεργέτιδος... Ἐν Κωνσταντινουπόλει, 1861; лл. 342—343 об. Отрывок богослужебного текста, см. предыдущее описание.

Начало и конец утрачены, листы повреждены сыростью и червями. Переплет разорван.

БАН, собр. РАИК, № 117.

509. Григория Богослова беседы с толкованиями. Конец XIII в. или начало XIV в.

Бумага без филиграней. Книжный курсив. На л. 1 имеются грубые рисунки пером; есть небольшие заставки, рисованные чернилами. Киновари или каких-нибудь иных красок в р-си нет. Переплет новый; ранее переплетом служили листы из пергаменной р-си, содержащей отрывки из слов того же Григория Богослова (описание см. выше, № 126. ВВ, XVIII, 1961, стр. 260). На полях некоторых листов имеются комментарии, добавленные, видимо, каким-то владельцем р-си. Эти комментарии читаются с трудом.

393 лл. 22,6 × 16,7 и 19,0 × 13,5. 24—29 строк.

Содержание: лл. 1—62. Беседа на Пасху. Начало утрачено. Текст беседы см. PG, t. 36, col. 624_A—664_B, толкования см. там же, t. 127, col. 1301_C—1410_D. См. также J. Sajdak. *Historia critica scholiastarum et commentatorum Gregorii Nazianzeni*, I. Cracoviae, 1922, p. 82; лл. 62—84 об. *Εἰς τὴν καινὴν κυριακὴν καὶ εἰς τὸν μάρτυρα Μάμαντα*. Текст беседы см. PG, t. 36, col. 608_A—621_A, толкования см. там же, t. 127, col. 1410_D—1434_D; лл. 84 об.—120. *Εἰς τὴν Πεντηκοστὴν, λόγος τέταρτος*. Текст беседы см. PG, t. 36, col. 427_A—452_C, толкования см. там же, t. 127, col. 1435_A—1480_C; лл. 120 об.—141. *Λόγος πέμπτος, εἰς τὸς Μακκαβαίους*. Текст беседы см. PG, t. 35, col. 912_A—933_A, толкования отождествить не удалось; начало толкований: «Ἐζητεῖτο παρὰ πολλοῖς, εἰ ἐν μάρτυσι ταχτέον τοὺς Μακκαβαίους», конец: «Ἀλλ' ἡ τοὺς δοξάσαντάς με δοξάσω, καὶ ὁ ἐξουθενῶν με ἀτιμασθήσεται»¹⁶. См. также Codex Vaticanus Graecus № 457, лл. 103 об.—120 об. (Codices Vaticani Graeci, t. II, Codices 330—603. Rec. R. Devreesse. In: *Bibliotheca Vaticana*, 1937, p. 219); лл. 141—157 об. *Λόγος ἕκτος*. Текст беседы см. PG, t. 35, col. 1169_A—1193_C; толкования отождествить не удалось, но они совпадают с толкованиями на эту беседу, содержащимися в Codex Vaticanus Graecus № 457, лл. 121—135 об. (см. Codices Vaticani Graeci, t. II, p. 219); лл. 157 об.—173. *Λόγος ἑβδομος. Εἰς τοὺς λόγους, καὶ εἰς τὸν ἐξισωτὴν Ἰουλιανόν*. Текст беседы см. PG, t. 35, col. 1044_B—1064_B; толкования отождествить не удалось, но они совпадают с толкованиями на эту беседу, содержащимися в Codex Vaticanus Graecus № 457, лл. 136—150 (см. Codices Vaticani Graeci, t. II, p. 219); лл. 173—186. *Λόγος ὄγδος. Εἰς τὰ Θεοφάνεια, εἶπτον γενέθλια τοῦ σωτῆρος*. Текст беседы см. PG, t. 36, col. 312_A—333_A, толкования см. там же, t. 127, col. 1177_A—1212_D; лл. 186—240. *Λόγος ἔνατος*. Текст беседы см. PG, t. 36, col. 493_A—605_A; толкования отождествить не удалось, но они совпадают с толкованиями на эту беседу, содержащимися в Codex Vaticanus Graecus № 457, лл. 172—235 (см. Codices Vaticani Graeci, t. II, p. 219); л. 240 об.—чистый; лл. 241—262. *Λόγος δέκατος. Εἰς τὰ ἅγια φῶτα*. Текст беседы см. PG, t. 36, col. 336_A—360_A, толкования см. там же, t. 127, col. 1211_D—1243_B; лл. 262 об.—305 об. *Λόγος ἐνδέκατος. Εἰς τὸ ἅγιον*

¹⁶ Первая книга Царств II₃₀.

βάπτισμα. Текст беседы см. PG, t. 36, col. 360_B—425_D, толкования см. там же, t. 127, col. 1243_C—1302_B; лл. 305 об.—312 об. Λόγος δωδέκατος. Εἰς τὸν ἀδελφὸν Βασιλείου τοῦ Μεγάλου Γρηγόριον, ἐπιστάντα μετὰ μίαν τῆς χειροτονίας ἡμέραν. Текст беседы см. PG, t. 35, col. 832_A—841_B, толкования см. там же, t. 36, col. 969_C—984_C; лл. 312 об.—340 об. Λόγος ιγ' εἰς τὸν μέγαν Ἀθανάσιον. Текст беседы см. PG, t. 35, col. 1081_A—1128_C; толкования отождествить не удалось, но они совпадают с толкованиями, содержащимися в Codex Vaticanus Graecus № 457, лл. 308—336 (см. Codices Vaticani Graeci, t. II, p. 220); лл. 341—371. Λόγος τέταρτος καὶ δέκατος. Εἰς τὴν τῶν ῥῶν ἐπισκόπ(ων) παρουσίαν. Текст беседы см. PG, t. 36, col. 457_A—492_C; предисловие и толкования совпадают с предисловием и толкованиями, содержащимися в Codex Vaticanus Graecus № 457, лл. 336—361 (см. Codices Vaticani Graeci, t. II, p. 220); лл. 371—393 об. Τοῦ αὐτοῦ περὶ φιλοπτοχίας λόγος πέμπτος καὶ δέκατος. Конец утрачен. Текст беседы см. PG, t. 35, col. 857_A—900_B; начало толкований совпадает с толкованиями, содержащимися в Codex Vaticanus Graecus № 457, л. 361 об. (см. Codices Vaticani Graeci, t. II, p. 220).

Собр. Петрова. Отчет ПБ за 1899 г., стр. 90.

Начало и конец утрачены, края листов осыпались и подклеены бумагой.

ПБ, греч. № 589.

510. Синаксарь на месяцы сентябрь — февраль. XIII — XIV вв.

Пергамен. Минускул. Заставки, заголовки и инициалы рисованы тусклыми красками и чернилами. Тип разлиновки П_{38a}. Тетради помечены красным в верхнем правом углу листов, всего 23 тетради (л. 185). На л. 186 об. и некоторых других листах имеются позднейшие пометы, плохо поддающиеся прочтению. В. Н. Бенешевичем на л. 186 об. прочтена следующая помета; «†Πρὸς τὸν πανευτηχίστατον ἐνδοξότατον ὁμοῦ κατὰ πάντα (неразборчиво) ἐντιμώτατον καὶ κυρ(όν) Διμίτρι(ον) τὸν Κεραιμέα/ τὴν δουλικὴν προσκύνησιν νέμω τῇ σῇ εὐγενεῖα ἔγω ὁ πτοχὸς (σ)ου ἐχμάλωτος καὶ σκλάβος Κωνσταντῆνος ὅταν με ἐπη ρανη τούρκη μηνὶ φεβρουαρίω εἰς τὰς ι' τῆς ζ' ἰνδ(ιχτιῶνος) ἐπὶ ἔτους ≠ ζζ' (1399)». В тисневом золотом кожаном переплете XIX в.

186 лл. 29,0×21,0 и 23,0×16,5. 2 столбца. 40—41 строка.

Собр. Порфирия Успенского. Н. Delehaye. Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae. Bruxellis, 1902, p. XI (=«Propylaeum ad AA SS novembris»); архим. Сергей. Полный месяцеслов Востока. I. Изд. 2. Владимир, 1904, стр. 323; Ἀ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Ὁ πατριάρχης Φώτιος ὡς πατὴρ ἅγιος τῆς Ὀρθοδόξου Καθολικῆς Ἐκκλησίας. BZ, VIII, 1899, S. 668.

Некоторые листы покрыты пятнами.

ПБ греч. № 231.

511. Житие свв. Митрофана и Александра епископов Константинопольских. Отрывок. XIII—XIV вв.

Бумага. Минускул. Небольшой киноварный инициал.

1 л. 20,1 × 14,3 и 15,0 × 8,5. 22 строки.

Текст см. М. Gedeon. Μνημεῖα τῆς ἐκκλησιαστικῆς ἱστορίας. «Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια», 4, 1884, σελ. 107, от слов: «ἡμῶν Μητροφάνης, μειδιάσας» до слов: «ὁ κ(ύριος) ἀπε[κάλυψε μοι]».

Лист наклеен на внутренней стороне верхней крышки переплета Псалтири XV в.

БАН, собр. РАИК, № 16, лист на внутренней стороне верхней крышки переплета.

512. Цветная Триодь. Отрывок. XIII—XIV вв.

Пергамен. Минускул. Имеются небольшие заставки в красках. Заголовки и инициалы писаны тусклой киноварью. Тип разлиновки нечеткий, близок к типу I_{7a}. На л.1 и л.8 об. помечен номер тетради: δ̄. Некоторые стихирьы положены на нотные знаки. На л. 1 помета рукой XIX в.: «Из цветной Триоди Костомонидской библиотеки».

16 лл. 22,6 × 15,0 и 16,7 × 10,5. 30 строк.

По каталогу Ламброса в библиотеке Костомонидского монастыря не числится ни одной пергаменной Триоди. Поэтому отождествить рукопись не удалось. Вероятно, этот отрывок взят из пакета с отрывками из разных рукописей, описанного Ламбросом под № 111¹⁷.

БАН, собр. А. А. Дмитриевского, № 30.

---

¹⁷ Sp. Lambros. Catalogue of the Greek Manuscripts on Mount Athos, I Cambridge, 1895, p. 42.

К. В. ХВОСТОВА

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ВИЗАНТИЙСКОЙ ПРОНИИ

Прония — чрезвычайно сложное и интересное явление византийских социально-экономических отношений — издавна находится в центре внимания византинистов. Исследователи интересовались как специфическими чертами этого института, так и его генезисом, а также сходством и отличием пронии по сравнению с соответствующими западноевропейскими и восточными институтами. Большинство современных советских и зарубежных исследователей считает, что наиболее распространенным видом пронии XII—XV вв. (до XII в. сведения источников относительно пронии недостаточно ясны) было временное земельное пожалование на условии исполнения государственной службы¹, близкое по своему статусу к западноевропейскому бенефицию и лену. Однако в византиноведческой литературе имеет некоторое распространение и иная точка зрения. Ряд исследователей рассматривает пронию как пожалование налога. По мнению П. Хараниса, прония — это пожалование налога, а не земли². Аналогичная точка зрения в советской литературе высказана А. П. Кажданом. В докладе на XXV Международном конгрессе востоковедов А. П. Каждан определил пронию поздневизантийского времени³, признаваемую им условной поземельной собственностью только *de facto*, а не

¹ Г. Острогорски. Прония. Прилог историји феудализма у Византији и јужнословенским земљама.— САН, посебна издања, књ. 176, Византолошки институт, књ. 1. Београд, 1951, стр. 37, *passim*; М. В. Левченко. Рец. на кн.: А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952.— ВВ, III, 1953, стр. 280, 282; М. Я. Сюзюмов. Внутренняя политика Андроника Комнина.— ВВ, XII, 1957, стр. 60—61, 64; Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960, стр. 157; Б. Т. Горянов. Поздневизантийский феодализм. М.—Л., 1962, стр. 99; E. Stein. Untersuchungen zur spätbyzantinischen Verfassungs- und Wirtschaftsgeschichte.— «Mitteilungen zur Osmanischen Geschichte», II, 1923—1925, S. 9; Д. Ангелов. Феодализм в Византия.— ИП, ч. 3, № 2, 1946/47, стр. 225, 227; D. Zakuthinos. Crise monétaire et crise économique à Byzance du XIII-e au XV-e siècle. Athènes, 1948, p. 59 sq.; H. Gregoire, M. Lascaris. Рец. на кн.: Г. Острогорски. Прония.— BS, 21, 1951, p. 223; G. Valentini. Chiarimenti sulla natura della pronia bizantina attraverso la documentazione della continuazione in Serbia e Albania.— «Atti dello VIII Congresso internazionale di studi bizantini», I. Roma, 1953, p. 498; N. G. Svoronos. Sur quelques formes sur la vie rurale à Byzance.— «Annales», t. 11, 1956, № 3, p. 328; P. Lemerle. La notion de décadence à propos de l'Empire byzantin. Classicisme et déclin culturelle dans l'Islam. Paris, 1957, p. 268; H. Glykatzis-Ahrweiler. La politique agraire des empereurs de Nicée.— Byz., 28, 1958, p. 58; И. Божич. Proniari et capita.— ЗРВИ, књ. VIII, 1963, стр. 62.

² P. Charanis. The Monastic Properties and the State in the Byzantine Empire.— DOP, 4, 1948, p. 88.

³ Только с XIII в., как считает А. П. Каждан, прослеживаются характерные черты пронии как социально-экономического института.

de jure ⁴, как «право на строго ограниченное количество (*ποσότις*) государственных налогов, взимаемых с определенной территории» ⁵. А. П. Каждан исходит из того, что в простагме Михаила VIII Палеолога от 1272 г., а также в ряде более поздних документов говорится о передаче прогниару определенной *посотис* ⁶.

Впрочем, в своей ранней монографии А. П. Каждан пришел к выводу, что прония только до XIII в. являлась пожалованием налога, а с XIII в. «византийское право приходит к признанию прогниара, получателя податей, собственником земли» ⁷. Отметим сразу же, что, на наш взгляд, византийские источники не дают никаких оснований считать XIII век столь важным рубежом в истории пронии, как полагает А. П. Каждан. Исследователи, рассматривающие пронию как пожалование определенной налоговой квоты, исходят из того, что во многих документах, оформляющих пожалование в пронию, говорится о передаче прогниару определенной *посотис*. В связи с упоминанием *посотис* в источниках ряд исследователей, рассматривающих пронию как земельное владение, считает в то же время, что она произошла из пожалования налога, т. е. пожалование налога — *посотис* — это правовой генезис пронии. Такого мнения придерживался А. П. Каждан в своей монографии. Он писал: «Прония возникает как пожалование частному лицу известной ренты из суммы государственных податей» ⁸. Позднее, как уже говорилось, Каждан отождествил и пронию позднего времени с *посотис*, считая, по-видимому, что прония только de facto становится в позднее время земельным владением. Рассматривая развитие пронии в плане эволюции от пожалования налога к приобретению прогниаром фактических или юридических прав на землю, А. П. Каждан сближает пронию с мусульманской *икта* ⁹, которая, как известно, эволюционировала именно в указанном направлении — от пожалования *иктадару* налога к приобретению им владельческих прав на землю ¹⁰.

⁴ По мнению А. П. Каждана, «юридически прония не составляла собственности на землю. Однако, коль скоро прония получала экономическую реализацию в ренте, она по существу была не чем иным, как особой формой феодальной собственности» (реп. на кн.: G. O s t r o g o r s k y. Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles, 1954. — ВВ, X, 1956, стр. 228, прим. 1). Но попытка констатировать наличие собственности, исходя из рентного характера дохода, означает подмену причины следствием. Ведь не собственные права вытекают из рентных отношений, а наоборот, рентные отношения — из отношений собственности. Это означает, что определенный вид дохода может быть назван рентой только в том случае, если налицо фактические и юридические или только фактические отношения собственности, иначе данный вид дохода является платой, даром, налогом или чем-либо иным, но не рентой. Каждан же исходит из рентного характера дохода как из посылки, что неверно.

⁵ А. П. К а ж д а н. Формы условной собственности в Византии в X—XII вв. — «XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР». М., 1960, стр. 6.

⁶ В этой связи, несколько забегая вперед и предваря дальнейшее доказательство, отметим, что, хотя мы и согласны с пониманием Кажданом, а также Харанисом и Дэльгером термина «*посотис*» в документах, относящихся к пронии, как суммы государственных налогов, пожалованных прогниару, однако считаем, что такая трактовка термина не является самоочевидной, она требует обоснования. Указание Каждана на то, что именно таково значение термина «*посотис*» в Трактате об обложении, еще не доказательство. Ведь *посотис*, означающее в переводе с греческого количество, может относиться ко всякому количеству и не обязательно иметь строго технического смысла определенной налоговой квоты. Кстати, Г. Острогорский понимает *посотис* в документах, относящихся к пронии, а также и в монастырских документах как годовой доход (об этом ниже). Мы постараемся дальше доказать значение *посотис* в названных документах как пожалованного налога.

⁷ А. П. К а ж д а н. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв., стр. 216.

⁸ Там же.

⁹ А. П. К а ж д а н. Формы условной собственности..., стр. 6.

¹⁰ Cl. S a h e n. L'évolution de l'iqta du XI-e au XIII-e siècle. — «Annales», t. 8 1953, № 1, p. 32 sq.

Г. Острогорский отождествил пронию с османским тимаром¹¹. Османский тимар, как показали новейшие исследования, также эволюционировал от пожалования тимариоту права на взимание налога к пожалованию или фактическому приобретению им владельческих прав на землю¹². Впрочем, Г. Острогорский решительно противопоставляет пронию пожалованию налога¹³, поэтому отождествление им пронии с тимаром выглядит весьма непоследовательным. Ф. Дэльгер также полагал, что первоначально прония была лишь пожалованием налоговой квоты и лишь постепенно превратилась в земельное владение¹⁴. Более широко правовой генезис пронии понимает М. Я. Сюзюмов. Он полагает, что первоначально под пронией подразумевалось пожалование различных прав: права на землю, на управление и ведение хозяйства, на сбор налогов и т. д.¹⁵, а позднее она превращается в земельное владение типа бенефиция.

В данной работе делается попытка детально рассмотреть вопрос о значении термина «посотис» в отношении пронии. Мы постараемся выяснить, в какой мере сведения источников о передаче или владении прониаром определенной посотис отражают действительный статус пронии или ее генезис.

Прежде всего, на наш взгляд, не вызывает сомнения тот факт, что во всяком случае с XII в. (с этого времени мы располагаем более или менее ясными сведениями источников относительно пронии) наиболее распространенным видом пронии была прония — земельное владение, причем владение не только *de facto*, но и *de jure*. О том, что прония с юридической точки зрения являлась земельным пожалованием, свидетельствуют следующие данные. Во-первых, далеко не во всех документах говорится о пожаловании определенной посотис. В некоторых документах прония трактуется как земельное владение. В хрисовуле Андроника II Георгия Трулину от 1318 г. говорится, что последний владеет (*κέκτηται*)¹⁶ в районе Серр икономией (термин, аналогичный пронии), в состав которой входят 1600 модиев, передаваемые ему настоящим хрисовулом в наследственное держание. Тщательно описаны границы икономии¹⁷. В орисмосе Андроника III протовестиариту Андронику Кантакузину от 1327 г. предписывается передать прониару Мартину вместо отобранной у него пронии владение равных размеров из свободных, заброшенных земель: *ἄλλο ἐκκλησιαστικῶν καὶ ἐλευθέρων ἕτερον ἰσοτόπον*¹⁸. В решении дуки Фессалоник от 1162 г. по поводу спора между прониаром Панкратием Анемой и пари-

¹¹ Г. Острогорски. Пронија, стр. 176.

¹² В. П. Мутафчиева. Аграрные отношения в Османската империя през XV—XVI вв. София, 1962, стр. 68. Отметим, кстати, что, по-видимому, в таком же направлении, т. е. от пожалования налога к пожалованию или узурпации владельческих прав, развивался и могольский джагир (К. А. Антонова. Очерки общественных отношений и политического строя Индии времен Акбара. М., 1952, стр. 72).

¹³ Г. Острогорски. Пронија, стр. 48.

¹⁴ F. Dölger. Die Frage des Grundeigentums in Byzanz.— In: Byzanz und die europäische Staatenwelt. Ettal, 1953, S. 227.

¹⁵ М. Я. Сюзюмов. Внутренняя политика Андроника Комнина, стр. 60.

¹⁶ Этот документ показывает, что вряд ли можно согласиться с Г. Острогорским, полагающим, что в отношении вещных прав прониаров и вотчинников в византийских официальных документах употреблялась разная терминология. Собственнические права вотчинника, по мнению Острогорского, обозначались при помощи глагола *κτᾶσθαι*, тогда как владельческие права прониара — посредством глаголов *ἔχειν* и *κατέχειν* («Пронија», стр. 66). Очевидно, глагол *κτᾶσθαι* употреблялся и в отношении пронии. Кстати, Ф. Дэльгер считает, что названные термины — синонимы. См. F. Dölger. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung. Leipzig—Berlin, 1960, S. 143.

¹⁷ A. Guillou. Les archives de Saint-Jean-Prodrome sur le mont Ménécée. Paris, 1955, № 8.

¹⁸ Ibid., № 22.

ками монастыря Лавры относительно некоего земельного участка говорится, что прониар владел проастием¹⁹. Можно было бы продолжить перечень источников, в которых речь идет о владении прониара землей²⁰. Для нас важно отметить, что само упоминание в императорских жалованных грамотах о вещных правах прониара на землю свидетельствует, что такие права существовали *de jure*. Наиболее ярким доказательством наличия у прониара владельческих прав на землю являются засвидетельствованные источниками земельные тяжбы между прониарами и монастырями. Один из фессалийских монастырей вел тяжбу с прониаром Мармарой из-за села Врasto. Прониар, отстаивая свои права на это село, утверждал, что он владеет в качестве пронии всем округом Триновий, а село Врasto входит в этот округ. Крестьяне этого села уплачивали прониару десятину — мурту²¹. Мы видим, что в данном случае спор шел из-за того, кому должен принадлежать титул собственности на землю, а отнюдь не из-за налоговых поступлений с этой территории. Прониар с этих париков вообще получал не налог, а мурту — арендную плату. Хотя в данном судебном процессе был удовлетворен иск монастыря, а ответчику прониару было отказано в его притязаниях на землю, но самый факт возможности разбирательства в гражданском судебном процессе споров о земле, когда в качестве одной из сторон выступал прониар, недвусмысленно свидетельствует о том, что прониары юридически признавались земельными владельцами. Отличие этой земельной тяжбы от споров только из-за налога с определенной территории очевидно. Например, в простагме Андроника III от 1333 г. доместику Макрину говорится о том, что Меникейский монастырь уплачивал с принадлежащей ему земли 7 перперов некоему Преакоцелу. Игумен монастыря просил пожаловать монастырю на данное владение полный податной иммунитет. Преакоцелу должна быть дана другая посотис²². В данном случае разбирается вопрос не о земле — собственные права монастыря на данное владение никто не оспаривает, а о налоге с этих владений. Пожалование налога без пожалования владельческих прав, известное в Трактате об обложении как солемний, имело место в Византии²³, однако это пожалование не имеет ничего общего с тем видом

¹⁹ G. Rouillard, P. Colloin p. Actes de Lavra. Paris, 1937 (далее — Actes de Lavra), № 57; Г. Острогорски. Пронија, стр. 20 сл.

²⁰ Об этом свидетельствуют, например, документы от 1235 г., относящиеся к земельной тяжбе между париками прониара Сиргариса и монастырем Лемвиотиссы (MM, VI, p. 36—37). Об этом споре см. Г. Острогорски. Пронија, стр. 48 сл.

²¹ MM, IV, p. 212—214.

²² A. Guillou. Les archives..., № 29.

²³ Г. Острогорский решительно противопоставляет солемний пронии земельному пожалованию («Пронија», стр. 48). Каждый отождествляет пронию и солемний («Формы условной собственности...», стр. 5). Укажем некоторые примеры пожалования солемния, относящиеся к разным периодам византийской истории. В акте апографевсов от мая 1409 г., составленном по поводу передачи Дохиарскому монастырю ряда отображенных у него ранее владений, говорится о том, что часть государственных налогов с этих владений должна поступить прониарам (F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1949, № 63). Прониары в данном случае — правители области, они не получали никаких вещных прав на территорию, налога с которой им были пожалованы. В этом значении термин «прония» встречается в поздневизантийское время наряду со значением условное земельное владение (Г. Острогорски. Пронија, стр. 122 сл.). Такой же характер носило пожалование протосевасту Адриану налога с владений Лавры, засвидетельствованное хрисовулом Андроника Комнина от 1084 г. (Actes de Lavra, № 39). В хрисовуле специально подчеркивается, что Адриан не получал никаких вещных прав на территорию, принадлежавшую монастырю, налога с которой ему передавались. По мнению П. Лемерля, в Византии со времени Мануила Комнина получила распространение практика пожалования стратегиам в качестве платы налога с определенной деревни без передачи каких-либо вещных прав на эту деревню (P. Lemerle. Les recherches sur le régime agraire à Byzance à l'époque des Comnènes.—«Cahiers de civilisation médiévale», 1959, № 3, p. 272 sq.).

византийской пронии, которая получила наибольшее распространение в средне- и поздневизантийский период. Пожалование налога без передачи собственнических прав на землю — солемний — означало, что переданный налог являлся даром или платой. Подобного рода пожалования действительно в какой-то мере сходны с османским тимаром или мусульманской икта в их классическом виде и должны быть решительным образом противопоставлены прониарскому землевладению. Отличие икта и тимара от солемния заключается, в частности, в том, что византийский солемний не превращался с течением времени в земельное владение, как это случилось с икта и тимаром²⁴.

Прония — условное земельное владение, аналогичное византийской пронии, — имела распространение в районе Скадр, находящемся под венецианской властью. Об этом свидетельствуют интересные данные из неопубликованных документов венецианских архивов, собранные в статье И. Божича. Эти данные показывают, что в XV в. в районе Скадр пожалование в пронию считалось отчуждением земли (*alienatio*), тогда как села, находившиеся под управлением местных управителей (*capita*), рассматривались как принадлежавшие Республике (*bona nostri comunis*)²⁵. Такой же характер, как известно, носила сербская прония. Итак, в Византии, по крайней мере с XII в., имела распространение прония — условное земельное пожалование. Поэтому, думается, неправ А. П. Каждан, утверждая в своей монографии, будто прония стала земельным владением только в XIII или даже в XIV в. (см. выше, стр. 213). Каждан игнорирует такие документы, как постановление по поводу спора париков Панкратия Анемы и Лавры, а также серию документов, относящихся к тяжбе париков Сиргариса и монастыря Лемвиогиссы, т. е. документы XII — первой половины XIII в. Однако эти документы по характеру сообщаемых в них сведений не отличаются от документов конца XIII—XIV в., на основании которых Каждан делает вывод о признании поздневизантийским правом владельческих прав прониара.

До сих пор, стремясь показать землевладельческий характер пронии, мы отталкивались от документов, в которых речь идет о владельческих правах прониара. Но как быть с документами, где говорится о пожаловании в пронию или о владении прониаром определенной посотис? Означает ли формула о владении или пожаловании прониару определенной посотис отсутствие вещных прав на землю? Иными словами, отражает ли эта формула существование определенной категории пронии, являющейся лишь пожалованием налога, как считает П. Харанис, или эта формула отражает правовой генезис пронии, как утверждал в своей ранней монографии А. П. Каждан?

Постараемся проанализировать эту формулу. В хрисовуле Андроника II от 1317 г. говорится о передаче Меникейскому монастырю поля (*ἀγρίδιον*), которым ранее владел (*κατέχευε*) стратиот Мартин, ценностью (*посотис*) в 24 номисмы²⁶. Из протагмы Андроника II от 1325 г. кефале фемы Волеру, также относящейся к этой передаче, выясняется, что поле указанной ценности находилось ранее в икономии, т. е. пронии, у Мартина²⁷. В протагме Андроника II от 1325 г. domestiku Иоанну Тарханиоту также говорится, что Мартин владел полем как икономией ценностью (*посотис*) в 24 номисмы на основе практика²⁸. Итак, в рассмотренных документах

²⁴ О причинах особенностей в развитии икта и тимара, с одной стороны, и солемния, с другой, мы скажем ниже. См. стр. 226.

²⁵ И. Божич. *Proniarii et capita*, str. 62, 69.

²⁶ A. Guillou. *Les archives...*, № 7. 17—19.

²⁷ *Ibid.*, № 16. 9.

²⁸ *Ibid.*, № 17. 6—7.

формула о владении посотис сочетается с указанием на то, что прониар владел землей. Посотис означает денежную оценку земли и не исключает наличия владельческих прав на землю.

Ярким свидетельством того, что применение термина «посотис» может предполагать наличие вещных прав на землю, является употребление этого термина в документах, в которых речь идет о пожаловании пронии в наследственное владение. В этом случае говорится о праве прониара производить всевозможные изменения и улучшения в отношении переданной ему пронии²⁹ (т. е. прямо указывается на пожалование вещных прав на землю).

Итак, упоминание посотис в документах, относящихся к пронии, не означает отсутствия вещных прав на землю. Таким образом, точка зрения Хараниса и Каждана (см. его доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов) не представляется убедительной.

Но в какой мере справедливо предположение исследователей о том, что посотис в документах, относящихся к пронии, отражает правовой генезис пронии, т. е. точка зрения Дэльгера и Каждана, высказанная в его монографии? В целях выяснения этого вопроса обратим внимание на следующий факт. Формула о передаче или владении посотис употребляется не только в грамотах, жалуемых прониарам, но нередко и в грамотах, предоставляемых монастырям. В рассмотренном выше хрисовуле Андроника II от 1317 г., в котором говорится о передаче Меникейскому монастырю поля, которым ранее владел прониар Мартин, в *dispositio* постановляется, что монастырь должен владеть указанной посотис *ἁλοσπίστως καὶ ἁδιασπίστως*³⁰. В простагме 1325 г. Иоанну Тарханиоту говорится, что монастырю передается поле определенной посотис, которым он должен владеть неотъемлемо³¹. Ниже постановляется, что монастырь должен владеть переданной ему посотис: *κατέχειν καὶ δεσπόζειν αὐτῇ δὴ τῆν посότητα*³². О пожаловании монастырю определенной посотис говорится также и в монастырских практиках, составленных или в связи с передачей монастырю новых владений, или по поводу подтверждения собственнических прав на прежние владения³³.

В документах, относящихся к монастырскому землевладению, посотис также означает денежную оценку земли, находящейся или передаваемой в собственность монастырю. Причем иногда, например в рассмотренных простагмах, посотис обозначает самое земельное владение, так как говорится, что монастырь должен владеть переданной ему посотис. Итак, рассмотренные документы показывают, что употребление термина «посотис» в отношении монастырей отнюдь не исключает, а, наоборот, предполагает наличие вещных прав на землю в их наиболее полном выражении, а именно—юридический статус собственности. Это, во-первых, лишний раз подтверждает, что употребление этого термина в отношении пронии также подразумевает пожалование вещных прав, а кроме того — и это главное, — употребление термина «посотис» в монастырских документах показывает, что само по себе применение этого термина никак не может свидетельствовать о правовом генезисе института, в частности правовом генезисе пронии, так как иначе, если быть

²⁹ См. об этих документах Г. Острогорски. Пронија, стр. 85.

³⁰ A. Guillou. Les archives..., № 7. 21—22.

³¹ Ibid., № 17. 11—13.

³² Ibid., № 17. 23.

³³ F. Dölger. Sechs byzantinische Praktika des XIV. Jahrhunderts für das Athoskloster Iberon. München, 1949, passim; Actes de Zographou, ed. W. Regel, E. Kurtz.—BB, XIII, 1907, № 17, 21, 53; Actes de Xénophon, ed. L. Petit.—BB, X, 1903, № 6, 7, 9, 10.

последовательным, необходимо было бы признать, что и в монастырских документах посотис отражает правовой генезис монастырской собственности. Однако заведомо известно, что монастырская собственность в Византии возникала иными путями, главным образом в результате государственных земельных пожалований, подчинения свободной крестьянской общины, земельных дарений, продажи и завещаний частными лицами.

Таким образом, нет никаких оснований рассматривать термин «посотис» в документах, относящихся к пронии, как отражение ее правового генезиса³⁴. В то же время употребление этого термина в монастырских документах дает основания полагать, что как в монастырских, так и в проиарских документах этот термин имеет совершенно иное содержание. Если нет достаточных оснований рассматривать посотис в документах, относящихся к пронии, как отражение ее юридического статуса или правового генезиса, то соответственно и нет оснований для отождествления правового статуса или правового генезиса и путей эволюции пронии с икта и тимаром. Однако, возможно, прония имеет сходство с названными восточными институтами в другом отношении. Пожалование какому-либо лицу, находящемуся на государственной службе, налога с определенной территории, что составляло неотъемлемый атрибут названных восточных институтов, означало ограничение размерами пожалованного налога эксплуатации зависимого населения со стороны лиц — получателей налога: иктадара, тимариота или джагирдара. Такое ограничение означало регламентацию со стороны государства частновладельческой эксплуатации крестьян, ограничение частновладельческой инициативы эксплуататоров. При названных формах землевладения — икта, тимаре и джагире — государственный налог, хотя и переданный землевладельцу и, следовательно, с социально-экономической точки зрения превратившийся в феодальную ренту, продолжал регламентироваться публичным правом, так же как и налоги, взимаемые государством, т. е. эта рента не приобретала частнопроводного характера, как большинство рент на Западе, а сохраняла публичноправовой характер.

Возникает вопрос, означало ли упоминание о посотис в византийских документах, относящихся к пронии и монастырскому землевладению, также ограничение размеров частновладельческой эксплуатации переданной налоговой квотой? Если это так, то можно считать, что в отношении форм частновладельческой эксплуатации Византия приближалась к названным восточным формам эксплуатации и существенно отличалась от феодального Запада, где эксплуатация регламентировалась частным правом, принимавшим в средние века, как правило, форму обычного права, и ни в коей мере не ограничивалась размерами пожалованного государственного налога.

Постараемся проанализировать содержание термина «посотис» в монастырских документах, относящихся к частному земельному владению. Выше говорилось, что «посотис» употребляется в монастырских практиках и означает денежное выражение какого-то дохода. По мнению В. Мошина, Г. Острогорского, А. П. Каждана, Г. Г. Литаврина, Б. Т. Горянова³⁵, в практиках зафиксирована феодальная рента, т. е. реальный

³⁴ Этот вывод не означает, конечно, что в Византии не было ни одного случая происхождения пронии — земельного владения — из пожалования налога. Такая эволюция, безусловно, могла иметь место, однако речь идет не об этом. Главное состоит в том, что термин «посотис», употребляемый в документах, относящихся к пронии, не отражает эту эволюцию, а имеет иное содержание.

³⁵ В. Мошин. Зографские практики. — «Сборник в чест на П. Ников». София, 1940, стр. 293—294; Г. Острогорский. Византийские писцовые книги. — BS, IX, № 2, Прага, 1948, стр. 240; он же. Радольиво. — ЗРВИ, 7, 1961, стр. 70. А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии..., стр. 129; Г. Г. Литав-

доход монастырей. При этом А. П. Каждан, Г. Г. Литаврин, Б. Т. Горянов полагают, что посотис — это переданный налог, а Г. Острогорский — что это среднегодовой доход³⁶. В отличие от указанных авторов, рассматривающих посотис как реальный доход, Ф. Дэльгер, напротив, считает, что один из элементов посотис, а именно суммы, характеризующие доход с монастырских домениальных земель, — это мнимые, упраздненные суммы, обозначающие пожалованный и упраздненный государственный налог, не взимаемый в наличных деньгах и обозначающий лишь величину императорского дара³⁷. Практик деревни Мамицоны, принадлежавшей Хиландарскому монастырю, несколько проясняет вопрос о сущности посотис.

В практике Мамицоны говорится, что доход с 600 модиев земли лучшего качества, обрабатываемой при помощи барщинного труда, составляет 24 перпера³⁸. Это равно 1 перперу с 25 модиев. Предположим урожайность сам-два, явно заниженную для земель лучшего качества³⁹, и цену для модия зерна, равную 1 перперу⁴⁰. В таком случае урожай с 25 модиев земли составит 50 модиев, что будет равняться денежному валовому доходу в 50 перперов и чистому доходу, если предположить простое воспроизводство (а мы имеем право принять в наших расчетах простое воспроизводство, даже если оно было расширенным, так как некоторые остальные данные, которыми мы оперируем, а именно урожайность, несомненно занижены; по тем же причинам мы можем пренебречь и другими возможными расходами, например на содержание барщинников), в 25 перперов. Таким образом, доход, полученный при расчетах с явно заниженными данными, в 25 раз превосходит указанную в практике сумму в 1 перпер. Если даже мы примем цену за 1 модий зерна около $\frac{1}{3}$ перпера (как считает Г. Острогорский⁴¹), то и тогда валовой доход с 25 модиев земли составит приблизительно 15—16 перперов, а чистый доход — $7\frac{1}{2}$ — 8 перперов. Мы не можем, конечно, считать, что в рассматриваемый период цена 1 перпер за 1 модий зерна имела наибольшее распространение. Наблю-

р и н. Болгария и Византия в XI—XII вв., стр. 172—173; Б. Т. Горянов. Поздневизантийский феодализм, стр. 233.

³⁶ Г. Острогорски. Пронија, стр. 69—70, 79.

³⁷ F. Dölger. Aus den Schatzkammern..., S. 192; i d e m. Sechs byzantinische Praktika..., S. 15.

³⁸ Actes de Chilandar, ed. L. Petit.— ВВ, XVII, 1911, № 92.

³⁹ При тщательной обработке земли урожай могли быть весьма значительными. Евстафий Солунский, например, писал, что с обработанного им участка в 3 медимна он получил 59 медимнов (Eustathii Metropolitae Thessalonicensis opuscula, ed. G. L. F. Tafel. Francofurti ad Moenum, 1832, p. 155. 69—71). Как правило, однако, урожай в Византии были, по-видимому, невысоки. Производительность сельскохозяйственного труда находилась на низком уровне. Византийская упряжка осталась неизменной со времен античности, в силу чего весьма незначительно возросла и производительность труда (G. Lefebvre de Noëttes. La système d'attelage du cheval et du boeuf à Byzance.— «Mélanges Ch. Diehl», t. I. Paris, 1930, p. 189 sq.).

⁴⁰ Большинство исследователей полагает, что со второй половины XIII в. наиболее распространенной была цена 1 перпер за 1 модий. См. S. Novaković. Le prix normal du blé à Constantinople pendant le moyen âge et le code de Stephan Doušan empereur des Serbes.— «Archiv f. Slavische Philologie», Bd. 27, 1905, p. 173; G. I. Bratić. L'Hyperpère byzantin et la monnaie d'or des républiques italiennes au XIIIe siècle.— «Mélanges Ch. Diehl», t. I, p. 37; Δ. Ζαχιδιώης. Περὶ τῆς τιμῆς τοῦ σίτου ἐν Βυζαντίῳ.— ΕΕΒΣ, 12, 1936, σελ. 389—391; I. Richard. Le problème du blé à Byzance.— «Information historique», t. 19, 1957, p. 64; В. Кркић. Dubrovnic (Raguse) et Levant au moyen âge. Paris, 1960, p. 93; Н. Antoniadis-Bibicou. Recherches sur le Douanes à Byzance. Paris, 1963, p. 56.

⁴¹ Г. Острогорский считает, что во второй половине XIII в. наиболее распространенной была цена $\frac{1}{3}$ перпера за модий, тогда как в XIV в. цены должны были возрасти более чем в два раза, но менее чем в три (G. Ostrogorsky. Löhne und Preise in Byzanz.— ВЗ, 32, Hf. 2, 1932, S. 323). Однако он допускает некоторые ошибки в рассуждениях, на которые указал Закифинос (op. cit., σελ. 391).

далось, бесспорно, значительное колебание цен. Цены варьировались по районам, а также в зависимости от качества зерна. Кроме того, модии как мера объема, равно как и модии в качестве меры земельной площади, также варьировали. На состояние цен влияло также хождение разной монеты в стране⁴². Поэтому, для того чтобы проверить наш расчет, воспользуемся сопоставлением некоторых данных, содержащихся в одном и том же источнике. Мы избежим этим самым опасности использования цифровых данных, в основе которых лежат разные критерии, что весьма часто случается, когда применяют статистический метод к материалам средневековых источников.

В практике Ивирского монастыря в комплексе домениальных владений названа земля размером в 900 модиев II и III качества, про которую говорится *ἀδιαστίκτος*⁴³, что означает «не переданная в крестьянское владение». Эта земля, по-видимому, обрабатывалась при помощи барщины. Доход с земли составлял, согласно практику, 10 перперов, т. е. 1 перпер с 90 модиев. Но в том же практике приводятся размеры пакта — арендной платы, составляющие 1 перпер с 8—9 модиев⁴⁴. Таким образом, перед нами парадоксальный факт: доход с земель, обрабатываемых при помощи барщины, в 10 раз меньше, чем доход от арендной платы. Это явное несоответствие, по-видимому, можно объяснить, только предположив, что с домениальных земель, обрабатываемых при помощи барщины, в практиках Ивирского монастыря зафиксирован не весь действительный доход, а лишь часть его. Что же это за часть дохода? Поскольку нормы обложения, зафиксированные в практиках, совпадают с нормами обложения государственным налогом в трактатах землемеров⁴⁵, можно полагать, что перед нами государственный налог, пожалованный монастырю вместе с данной территорией, причем налог, который после пожалования монастырю не перестает регламентироваться публичным правом, т. е. становясь с социально-экономической точки зрения феодальной рентой, с юридической точки зрения являлся рентой публичноправового характера. Следовательно, не прав Г. Острогорский, считая, что в практиках посотис означает среднегодовой доход. Правы А. П. Каждан, Б. Т. Горянов и Дэльгер, полагая, что посотис — это пожалованный налог. Однако А. П. Каждан, Б. Т. Горянов, а также Г. Г. Литаврин и В. Мошин не правы, рассматривая посотис как реальную феодальную ренту; в действительности посотис — это только очень незначительная часть ренты. Можно привести еще некоторые данные, свидетельствующие, что в практиках зафиксирован переданный земельному собственнику государственный налог с домениальных земель.

В этом убеждает практик Мореи, в котором говорится, что переданный землевладельцу доход с земель, не поделенных на стаси, исчислялся независимо от урожая⁴⁶. Ясно, что сумма, не зависящая от урожая, не может обозначать реальный доход⁴⁷. Во II трактате землемеров для вычисления доходов землевладельца применяются расценки, не имеющие ни-

⁴² Δ. Ζαχάρυδης, *Op. cit.*, σελ. 390—391.

⁴³ F. Dölger, *Sechs byzantinische Praktika...*, A. 363.

⁴⁴ *Ibid.*, A. 316; K. 435/36; P. 423/24; V. 331; A. 387/88; K. 516/17; V. 397.

⁴⁵ Ф. И. Успенский. Византийские землемеры. — «Труды VI Археологического съезда». Одесса, 1888, стр. 306 сл.

⁴⁶ J. A. Vuchon, *Nouvelles recherches historiques sur la principauté française de Morée*, t. II. Paris, 1843, p. 60.

⁴⁷ Это могло бы иметь место только при стабильной арендной плате, взимаемой с земельной площади независимо от урожая. Арендная плата такого рода существовала в Византии — это пакт; однако пакт всегда специально называется в практиках. В то же время наиболее распространенной арендной платой была морта, взимаемая как доля урожая.

чего общего со ставками, фигурирующими в практиках в качестве доходов с домениальных земель. Если в практиках суммы дохода с домениальных земель (равно как и нормы государственных налогов в трактатах землемеров) составляют 1 перпер с 25—100 модиев, то примененные во II трактате землемеров расценки для вычисления доходов землевладельцев составляют 1 перпер с 1—3 модиев. Эти расценки совпадают с приведенными в том же трактате рыночными ценами на землю⁴⁸. Это также показывает, что суммы, названные в практиках как доходы с домениальных земель, в действительности ни в коей мере таковыми не являются. Таким образом, очевидно, в практиках при помощи термина «посотис» фиксируется далеко не весь доход с домениальных земель, а только государственный налог, переданный землевладельцу в результате пожалования податного иммунитета.

Правда, мы не можем согласиться с Ф. Дэльгером, что переданный землевладельцу налог с домениальных земель — мнимая, нереальная сумма, не взимаемая в наличных деньгах и обозначающая только величину императорского дара. Мы можем только сказать, что эта сумма не исчерпывала всех доходов земельного собственника, а составляла лишь часть их⁴⁹. Этот вывод влечет за собой важные заключения. Очевидно, все доходы землевладельца с домениальных земель, составляющих значительные земельные комплексы в несколько сотен модиев, во много раз превосходящие надельные земли париков, остаются в практиках незафиксированными.

Каковы же эти доходы?

С домениальных земель — это, по-видимому, исключительно доходы частнопроводного происхождения: частнопроводная рента и арендная плата. Но эти доходы регламентировались обычаем и не фиксировались практиками. В практиках лишь иногда указывалось количество барщинных дней, которыми были обязаны парики⁵⁰, но не величина дохода, получаемого от барщины. Однако посотис в монастырских практиках включает не только суммы налога с домениальных земель, но и телос, взимаемый с париков и также представляющий собой публичноправовую ренту. Однако телос, по-видимому, не исчерпывал всех доходов с паричских стасей. Как свидетельствуют некоторые источники, с паричских стасей наряду с телосом взималась и частнопроводная рента. Например, в орисмосе Андроника II Палеолога монастырю св. Дионисия от 1417 г. телос противопоставляется τὸ δέχτων и τὸ εἰσόδημι. Дэльгер полагает, что под τὸ δέχτων и τὸ εἰσόδημι подразумеваются частнопроводные сборы⁵¹. Кроме того, о существовании частнопроводной ренты, взимаемой с паричской стаси, наряду с телосом свидетельствуют зафиксированные грамотами, главным образом XI—XII вв., многочисленные случаи уплаты в казну основного налога, тогда еще не носившего названия телос, а называвшегося *δημόσιος κλήων*. Совершенно очевидно, что в случае уплаты основного налога с паричских стасей в казну землевладелец реализовал свое право собственности посредством взимания частнопроводной ренты. Интересные сведения на этот счет содер-

⁴⁸ Ф. И. Успенский. Византийские землемеры, стр. 306.

⁴⁹ Иногда эта часть доходов взималась не отдельно, а в составе общих доходов с данного земельного комплекса, как бы растворяясь в них. Иногда налог с домениальных земель взимался землевладельцем отдельно, именно — он перекладывался на париков. Об этом свидетельствует практик, выданный проиару Михаилу Мономаху в 1333 г. в связи с пожалованием ему части его пронии в наследственное безусловное владение. В практике говорится, что домениальные земли размером в 575 модиев были переданы в держание парикам на основе уплаты икуменона в 7 перперов (*Actes de Zographou*, № 29).

⁵⁰ F. Dölger. *Sechs byzantinische Praktika...*, RK. 337.

⁵¹ F. Dölger. *Aus den Schatzkammern...*, № 30. 10, 12; Bem. 10.

жаты в искодике села Радоливо от 1198 г.⁵², составленном в связи с передачей владелице данного села монахине Марии куропататиссе государственных налогов с париков этого села. До настоящего пожалования парики села Радоливо уплачивали налоги не своей владелице, а государству. В то же время несомненно, что и до пожалования куропататиссе государственных налогов с принадлежащего ей на правах собственности села она эксплуатировала принадлежащих ей париков. Очевидно, она взимала с них частнопровую ренту, и, вероятно, они исполняли не только барщину, которая в Византии, как правило, бывала невелика, но платили и определенные взносы частнопрового происхождения.

Таким образом, и в отношении парических стасей можно считать, что суммы, обозначающие переданный землевладельцу государственный налог и называемые термином «посотис», не включали всех действительных доходов землевладельца. В целом можно сказать, что под термином «посотис», обозначавшим сумму государственного налога, переданного землевладельцу, не подразумевались все действительные доходы землевладельца от эксплуатации зависимого населения. Итак, в отношении монастырских земель посотис обозначает один из видов частновладельческой ренты, а именно публичноправовую ренту. Рента частнопрового характера не подразумевалась под посотис и вообще не записывалась в практики.

Однако если в отношении монастырского землевладения посотис употреблялся для обозначения одного из видов частновладельческой ренты — ренты публичноправового характера, то возможно, что и в отношении проиарского землевладения посотис употреблялся в том же значении, т.е. обозначал публичноправовую ренту, тогда как частнопровая рента, так же как и в отношении монастырских земель, оставалась незафиксированной и регламентировалась обычаем⁵³. В таком случае применение термина «посотис» в отношении проиарских земель не означало ограничения и строгой регламентации размеров эксплуатации переданным налогом, а связано было со спецификой византийских юридических документов, фиксирующих только публичноправовые отношения и публичноправовые сборы⁵⁴.

Постараемся выяснить, каково значение формулы о пожаловании или владении определенной посотис в документах, относящихся к пронии, Формула о передаче или владении посотис употребляется, как уже говорилось, и в случаях передачи всей пронии или ее части проиару в наследственное владение. При этом говорится, что проиар может производить всевозможные усовершенствования и улучшения, т.е. совершенно оче-

⁵² F. Dölger. Aus den Schatzkammern..., № 65. 13—15. Об этом документе см. Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия..., стр. 102, прим. 92.

⁵³ Частнопровые отношения, регламентируемые обычаем, в Византии в отличие от Запада не принято было записывать. Это объясняется влиянием римской юридической практики на византийское правосознание. Тем не менее обычное право, являющееся разновидностью гражданского частного права (различие между публичным и частным правом никогда не исчезало из Византии — см. *Basilicorum libri LX*, ed. G. E. Heimbach, t. I. Lipsiae, 1883, lib. II, titl. 1, p. 343; *Const. Narmeropuli Hexabiblos*, ed. G. E. Heimbach. Lipsiae, 1851, lib. I, titl. 1, p. 26), всегда признавалось в Византии юридической нормой. См. *Basilicorum libri LX*, lib. I, titl. 1, p. 39 sq.; *Const. Narmeropuli Hexabiblos*, lib. I, titl. 1, p. 30. Следует отметить, что обычное право в Византии складывалось уже в эпоху кризиса рабовладения. Римский и эллинистический обычаи были в значительной степени искоренены в IV в., в эпоху формирования византийской автократии. Новый обычай формировался в условиях нового социально-экономического развития. По существу это был такой же феодальный обычай, как на Западе.

⁵⁴ Византийские практики по своему формуляру восходят к позднеримским кадастрам, поэтому они в отличие от западноевропейских описей фиксируют только пожалованный земельному собственнику налог.

видно, что он может увеличивать переданный ему доход. Яркий пример применения формулы о передаче посотис к землям, передаваемым в наследственное владение за службу, содержится в хрисовуле Иоанна Кантакузина Димитрию Кавасиле от 1347 г. Получателю передается в наследственное владение с правом производить всевозможные усовершенствования посотис размером в 250 перперов⁵⁵. В состав переданной посотис входит деревня Катакали, икономия некоего умершего Гавры в Каламарии, пахотная земля в деревне Плайна и Ферма, а также виноградник, сдаваемый в аренду. Все передаваемые владения находились ранее в распоряжении государства: τῶν ὄτων μὲν πρότερον δημοσίων. В dispositio хрисовула приводится обычная формула, гласящая, что получатель должен владеть переданной посотис неотъемлемо и на правах родовой вотчины (κατὰ λόγον γονιότητος), передавать по наследству, улучшать, т. е., очевидно, он мог увеличивать переданный доход⁵⁶. Увеличение размеров доходов сверх пожалованной суммы государственного налога — посотис могло происходить, бесспорно, только за счет взимания частнопроводной ренты. Поэтому можно считать, что в отношении пронии, передаваемой в наследственную собственность, формула о пожаловании посотис, так же как и в отношении монастырей, обозначает только определенную долю доходов — пожалованный налог, ренту публичноправового характера. Это формула, фиксирующая освобождение от уплаты налога и отнюдь не означающая регламентацию размеров эксплуатации зависимого населения суммой, указанной посотис. (От развернутой иммунитетной клаузулы, встречающейся в хрисовулах, формула о пожаловании посотис отличается только тем, что подразумевает освобождение только от одного налога — поземельного.) Поэтому прония (во всяком случае прония, передаваемая по наследству, — о пронии — временном пожаловании мы еще скажем особо) и в этом отношении существенно отличалась от османского тимара и мусульманской икта, сущностью которых было пожалование строго определенной суммы налога и регламентация размеров эксплуатации. Таким образом, существует сходство в документах, относящихся к пронии и к тимару, но различие в характере самих институтов.

Однако, может быть, термин «посотис» употребляется все же для обозначения ограничения размеров эксплуатации тогда, когда речь идет о пронии, не передаваемой по наследству? Иными словами, возникает вопрос, мог ли прониар, не получивший права передавать свою пронию по наследству, эксплуатировать крестьян по своему усмотрению, т. е. увеличивать свои доходы посредством взимания частнопроводной ренты, или же его доходы ограничивались переданным государственным налогом? Думается, прониар и в случае временного пожалования земли в пронию был хозяином земли, т. е. мог эксплуатировать зависимое население по своему усмотрению. Он мог взимать частнопроводную ренту как феодальный сеньор. Прониару иногда передавались в пронию земли, не заселенные держателями (ἐξαλείμματα). Эти земли обычно эксплуатировались на условиях сдачи в аренду. Наиболее распространенной арендной платой была морта, составляющая $\frac{1}{10}$ часть урожая. Морту уплачивали прониару Георгию Ангелу эпископу деревни Малахион, точно так же они должны были уплачивать морту всякому прониару, который имел бы в какой-либо период данное село в пронии⁵⁷. Парики села Врasto уплачивали морту прониару Мармаре⁵⁸. Если учесть, что византийские прониары позднего

⁵⁵ Ed. Г. Ν. Θεοχαρίδης. — «Ελληνικά», 17, 1962, σελ. 5—6.

⁵⁶ Ibid., σελ. 5. 43—55.

⁵⁷ MM, VI, p. 212.

⁵⁸ MM, IV, p. 419—420.

времени обладали судебным и административным иммунитетом⁵⁹, то надо полагать, что арендная плата носила частнопрововой характер, т. е. сроки и прочие условия аренды определялись на территории проники без вмешательства государства. Прониары в районе Скадр, как утверждает И. Божич, эксплуатировали крестьян не только путем взимания в свою пользу государственного налога, но и получали ренту частнопровового характера (*regalias honorificentias*), регламентируемую обычаем. Со стороны центральной власти была сделана попытка регламентировать частнопрововые поборы прониара. Однако эта попытка не увенчалась успехом: прониары продолжали эксплуатировать зависимых крестьян, взимая частнопрововую ренту по обычаю⁶⁰.

Итак, эксплуатация крестьян в Византии на землях прониаров, так же как и на землях монастырей, носила как публичноправовой, так и частнопрововой характер. Никакого ограничения, никакой строгой регламентации размеров эксплуатации париков переданной суммой государственного налога не существовало. Поэтому эксплуатация прониарских земель в Византии не имела ничего общего с эксплуатацией в Османской империи земель, налоги с которых передавались в тимар, а также эксплуатацией земель, жалуемых в икта.

Подведем итоги. Встречающаяся в византийских документах формула о пожаловании прониару определенной посотис, т. е. о передаче ему государственного налога, создающая иллюзию о сходстве юридического статуса проники с юридическим статусом тимара и икта, в действительности не отражает ни юридического, ни реального статуса проники; следовательно, эта формула существенно отличается по своему назначению от формулы пожалования налоговой квоты в османских документах, оформляющих пожалование в тимар. Как показало исследование В. Мутафчиевой и как уже отмечалось, в Османской империи пожалование тимариоту определенной доли государственных налогов с определенной территории, во-первых, отражало юридический статус тимара; во-вторых, оно являлось исходным моментом дальнейшей эволюции тимара, превращавшегося в земельное владение; в-третьих, оно означало, что данный налог будет взиматься тимариотом в его пользу и этой суммой должны быть ограничены, во всяком случае формально-юридически, его доходы. Таким образом, сумма, обозначающая величину переданного налога, — это сумма, показывающая действительные доходы тимариота⁶¹. В Византии формула о пожаловании прониару определенной посотис, содержащаяся в относящихся к проники документах, не имела никакого отношения к правовому статусу или правовому генезису проники — земельного владения. Кроме того, употребление формулы о пожаловании посотис не предполагало, что доходы прониара должны исчерпываться именно этой посотис. Это пожалование означало только то, что прониар не будет уплачивать эту сумму в казну. Действительные же доходы прониара превосходили величину посотис и состояли в значительной части из частнопрововых сборов. Посотис с домениальных земель вообще иногда растворялась в общей массе доходов и не взималась как самостоятельная доля.

Возникает вопрос, чем же объяснить частое употребление в документах, оформляющих пожалование в пронию, а также иногда и в монастырских документах формулы о пожаловании определенной посотис? По-видимому, это объясняется тем, что податной иммунитет играл в Византии особую роль, в чем проявляется одно из существенных отличий византийского социально-правового развития от Запада. Разветвленная система

⁵⁹ Г. Острогорски. Пронија, стр. 78.

⁶⁰ И. Божич. *Proniarii et capita*, стр. 68.

⁶¹ В. П. Мутафчиева. Указ. соч., стр. 231.

налогов, восходящая по своему происхождению еще к Римской империи, а также сильная государственная власть — вот факторы, обусловившие особую роль податных привилегий в публично-правовых отношениях в Византии. Но почему формула о пожаловании *посотис* особенно часто встречается в документах, относящихся к пронии? Это связано с тем, что прония — это условная и временная собственность, в отношении которой государство не отказывалось окончательно от своих прав. Публично-правовые отношения между прониаром и государством — пожалование налога — особенно важно было фиксировать, так как этот налог мог возвращаться к государству после прекращения существования пронии.

Если термин «*посотис*» в документах, относящихся к пронии, не является отражением ее правового генезиса, то возникает вопрос, каков же все же правовой генезис пронии, условного земельного владения, т. е. какие институты и отношения, существовавшие в византийском обществе, могли в процессе своей дальнейшей эволюции вызвать к жизни пронию как условное земельное пожалование? Думается, в этом отношении в основном верно мнение М. Я. Сюзюмова, полагающего, что в качестве правового генезиса пронии следует рассматривать пожалования различного рода прав. А. П. Каждан также справедливо указывает, что в источниках XI—XII вв. прония употребляется не в узком техническом смысле, а имеет весьма широкое значение, обозначая иногда управление церквями и монастырями (т. е. употребляется в значении, близком к харистикию⁶²), иногда она обозначает наместничество, иногда употребляется в значении икономии, господства⁶³. Мы не можем, однако, согласиться с Кажданом, что «общее, имевшееся во всех этих учреждениях, заключалось в праве извлечения доходов»⁶⁴. Ниже Каждан поясняет, что доход извлекался в форме взимания налогов — *посотис*⁶⁵. Думается, что содержание термина «прония» во всех вышеуказанных случаях значительно шире. Прония означает пожалование не только государственного налога, но и определенных функций управления. В целом можно сказать, что прония в широком смысле — это разного рода попечительства над различными хозяйственными, административными и церковными объектами. Об этом свидетельствует и этимология слова «прония», означающего провидение, заботу. Распространение в Византии различного рода попечительств и явилось правовым генезисом пронии — условного земельного пожалования, распространенного в XII—XV вв., так как этот вид пронии являлся совокупностью целого ряда прав: прав землевладения, судебного и административного иммунитета и т. д., т. е. означал попечительство над данной территорией в самом широком смысле слова, как и всякая другая форма феодального землевладения. В позднее время термин «прония», обозначая обычно условное земельное пожалование, иногда, так же как и в XI—XIII вв., употреблялся для определения разного рода попечительств. Мы уже упоминали об акте апографевсов от 1409 г., составленном в связи с возвращением Дохиарскому монастырю ряда отобранных у него ранее владений, в котором под прониарами подразумеваются правители областей.

Таким образом, правовой генезис пронии — земельного владения отражает самый термин «прония», а не термин «*посотис*», который обозначает только пожалование податного иммунитета и употребляется в отношении всех форм землевладения.

⁶² А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии..., стр. 209; Г. Острогорски. Пронија, стр. 11.

⁶³ А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии..., стр. 211.

⁶⁴ Там же, стр. 213.

⁶⁵ Там же, стр. 215.

Мы уже отмечали, что византийский солемний — право на взимание налога — не эволюционировал, в отличие от икта или тимара, в направлении к превращению в земельное владение.

Причины этого, по-видимому, следующие. В Византии в отличие от Османской империи имело широкое распространение пожалование земельных владений. Частное землевладение признавалось официальным римско-византийским правом. В условиях практики массовых земельных пожалований в Византии у получателя солемния не возникло потребности в узурпации владельческих прав, так как он и без того владел землей: либо пожалованной ему за службу в полное безусловное или временное условное владение, либо вотчиной, перешедшей к нему по наследству. Иначе обстояло дело в Османской империи, где в условиях господства государственной собственности на землю и отсутствия (или почти отсутствия) частной собственности на землю, при отсутствии практики пожалования земельных владений, естественно, возникла тенденция к превращению первоначального права на взимание налога в земельное владение, что достигалось путем узурпации или пожалования владельческих прав.

Вполне справедлива, на наш взгляд, точка зрения, сближающая правовую статус пронии с западноевропейским бенефицием⁶⁶. Прония, как и бенефиций, — условное землевладение, жалуемое за службу: не только за военную службу, но и за другие виды государственной службы (например прония Михаила Мономаха). Возникает вопрос, являлась ли прония с юридической точки зрения собственностью или владением? Собственность по римскому праву — это право наиболее полного господства над вещью в пределах объективного права (т. е. действующих в рассматриваемый период правовых норм). Владение — это фактическое господство над вещью. Если владелец высказывал намерение обладать вещью как собственностью, т. е. имел *animus possidentis*, то такое владение рассматривалось в римском праве как юридическое владение в отличие от владения, когда владелец признавал над собой другого собственника. Этот последний вид владения рассматривался как естественное владение или держание (*possessio naturalis, detentio*)⁶⁷. Поскольку даже в случае перехода пронии по наследству прониар, по-видимому, не имел возможности свободно отчуждать свое владение, то прония, с точки зрения римского права, — это юридическое владение. Однако такое определение справедливо лишь при условии, если византийское правосознание не изменилось с римских времен, а также осталось неизменным объективное право. Но этих условий не существовало. Объективное право средне- и поздневизантийского времени было иным, чем в римскую и поздне-римскую или ранневизантийскую эпоху (Юстинианово право). Хотя римское право и признавалось в Византии на протяжении всего ее существования официально действующим правом, однако правовые нормы римского права составляли только часть византийского объективного права. Наряду с нормами римского права возникли новые правовые нормы, закрепляющие новые правоотношения и зафиксированные в мно-

⁶⁶ Острогорский сближает пронию и с бенефицием («Прония», стр. 12) и леном (там же, стр. 37). Однако с леном можно отождествлять только пронию, получившую статус наследственного владения. В то же время, как свидетельствует хрисовул Андроника II Феодору Номикопулу от 1288 г., в Византии в конце XIII в. имело место и наследственное пожалование на условии исполнения службы (см. F. Dölger. Ein Chrysobull des Kaisers Andronikos II für Theodoros Nomikopoulos. *Parasporā*. Ettl., 1961, S. 189—193), имевшее юридический статус типа западноевропейского лена, но не носившее названия пронии.

⁶⁷ В. М. Хвостов. История римского права. М., 1916, стр. 246.

гочисленных императорских документах⁶⁸. К числу таких правоотношений следует в первую очередь отнести пожалование иммунитетных привилегий, пожалование владений в пронию, юридический статус пронии, состояние парикии. Составной частью византийского объективного права является также каноническое право и обычное право. Последнее регламентировало прежде всего частнопроводную эксплуатацию крестьян⁶⁹. Так как объективное право Византии изменилось по сравнению с позднеримской эпохой, то естественно предположить, что изменилось и правосознание.

Правосознание должно было измениться не только в связи с возникновением новых правовых норм, но главным образом под влиянием новых социально-экономических отношений.

Но если изменилось объективное право и правосознание, то не исключено, что в рамках нового объективного права новое правосознание вкладывало новое содержание в старое определение римским правом собственности как наиболее полного господства над вещью. Другими словами, наиболее полное господство над вещью понимается иначе, чем в римскую эпоху. По-видимому, именно так и было. Определение собственности и владения по римскому праву сохранилось на протяжении всей византийской эпохи, оно содержится и в правовом сборнике XV в. — Шестикнижье Арменулула⁷⁰. Но в это определение стали вкладывать новое содержание. В эпоху формирования крупного феодального землевладения в Византии распространяется понимание земельной собственности как сословного института. Различается собственность свободная, обязанная только уплатой государственного налога, и собственность подчиненная, принадлежащая не находящимся в зависимости от частного лица парикам-гоникариям. Если позднеримские и ранневизантийские колонны рассматривались как физические владельцы, не имеющие *animus possidentis*, то поздневизантийское правосознание признает за париками некоторые элементы *animus possidentis*. Об этом свидетельствуют различия между позднеримскими кадастрами и поздневизантийскими практиками. В позднеримских кадастрах земли, находящиеся в держании колонов или рабов, фиксируются не как имущество этих последних, а в той же рубрике, что и остальные земли землевладельца, эксплуатируемые иным способом⁷¹. Такой способ фиксации отражает отсутствие *animus possidentis* у колонов и рабов. В поздневизантийских практиках земли, находящиеся в распоряжении париков, записаны за ними в тот же стих (графу) практика, в котором записаны сами парики, члены их семьи и движимое имущество. Подобный способ фиксации свидетельствует о наличии элементов *animus possidentis* у поздневизантийских париков. Этот факт отражает характерную для феодализма двойственную структуру собственности. Кроме того, распространяется представление о собственности как о господстве не только над землей, но и над зависимым населением. Крупный землевладелец, даже если он, как прониар, не мог полностью распоряжаться землей, считался владельцем земли париков-гоникариев принадлежащего ему села, хотя парики имели в некоторых отношениях больше правомочий в отношении своих наделов, чем прониары в отношении своих проний. В хрисовулах неоднократно говорится о

⁶⁸ Вопрос о византийских хрисовулах как источниках права должен стать предметом самостоятельного исследования.

⁶⁹ В практиках неоднократно указывается, например, что размеры барщины регулировались обычаями.

⁷⁰ *Con st. N a r m e n o p u l i* Hexabiblios, lib. II, titl. 4.

⁷¹ *J. K a r a y a n n o p u l o s*. Das Finanzwesen des frühbyzantinischen Staates. München, 1958, S. 48—51.

париках, как о принадлежащих прониару⁷²; мы уже отмечали, что о прониаре в грамотах говорится, как о владельце села.

Изменения в правосознании отражают развитие феодальных отношений. В позднее время в Византии распространяются формы условного землевладения, аналогичные западноевропейскому лену. Прежде всего, прония иногда передается в наследственное владение под условием исполнения службы. Такова, например, прония, переданная хрисовулом Иоанна V Палеолога Георгию Кацаре (1351 г.). Прониар мог передавать свою пронию по наследству при условии, что наследники будут выполнять по отношению к государству ту же службу, какой был обязан и сам получатель⁷³. Димитрию Кавасиле, как уже отмечалось, за службу было передано земельное владение стоимостью в 250 перперов. Феодору Номикопулу было подтверждено земельное владение *κτὰ λόγον γονι κτήτος* при условии исполнения службы (1288 г.)⁷⁴. В отношении этих пожалований употребляются те же термины для характеристики вещных прав, что и в отношении безусловной собственности (*ἐχέειν, κλητεύειν, κτήσθαι*).

Итак, в Византии получает распространение новый феодальный взгляд на собственность и новые формы землевладения — прония и условное наследственное земельное владение, регламентируемое новыми правовыми нормами, создаваемыми императорскими хрисовулами. С точки зрения феодального правосознания, эти формы землевладения — условная собственность. Мы можем добавить, что прония и условное наследственное владение — это условная феодальная собственность.

Отметим также, что, на наш взгляд, несправедлива точка зрения Н. Звороноса, считающего, что в Византии господствовала римская квиритская собственность, которая, по его мнению, непрерывно увеличивалась⁷⁵. Прония, полагает Зворонос, превращалась в квиритскую собственность, так как жаловалась в наследственное владение. Однако в действительности это владение обуславливалось нередко государственной службой и, следовательно, становилось аналогичным не римской квиритской собственности, а западноевропейскому лену. Что же касается монастырской собственности, то это тоже не квиритская собственность, а совершенно новый вид собственности, регламентируемый в значительной степени каноническим правом. Единственным видом византийской собственности, который можно считать с юридической точки зрения близким римской квиритской собственности, являлась крупная вотчина и собственность свободных крестьян. Но поскольку в Византии происходил непрерывный рост монастырской собственности, сопровождавшийся превращением свободных крестьян в частнозависимых, а также возникновение новых форм условной феодальной собственности, то нет никаких оснований считать, что в Византии возрастала римская квиритская собственность.

Возникновение в Византии новых форм собственности, новых правоотношений показывает также, что не правы П. Лемерль и Н. Зворонос, считающие, что Византия являлась античным государством. Применительно к отношениям собственности это во всяком случае не так. Не только возникновение новых форм собственности, но и изменение общественных отношений вообще привело к тому, что даже тогда, когда римские правовые

⁷² См., например, *Actes de Lavra*, № 57.

⁷³ X. Κτενᾶς. *Χρυσόβουλλοι λόγοι τοῦ Δοχειαρίου*. — *ΕΕΒΣ*, 4, 1927, № 5.

⁷⁴ F. Dölger. *Ein Chrysobull des Kaisers Andronikos II...*, S. 189—191.

⁷⁵ N. G. Zvononos. *Sur quelques formes sur la vie rurale...*, p. 129.

нормы применялись в Византии в отношении землевладения (известны, например, судебные разбирательства по поводу установления добросовестного или недобросовестного характера владения ⁷⁶), они получали новое содержание. Не замечать этого — значит сводить общественные отношения к правовым отношениям и к правовым нормам. Именно это и характерно для взглядов П. Лемерля и Н. Звороноса. Только правовые нормы и правовые отношения, по мнению П. Лемерля и Н. Звороноса, отражают характер общественного развития. Если правовые нормы и правовые отношения остались без изменения, то, согласно их воззрениям, не изменились и социальные отношения. Новые явления общественной жизни Византии, не зафиксированные новыми правовыми нормами, рассматриваются Лемерлем как факты, а не как институты ⁷⁷.

Воззрения П. Лемерля и Н. Звороноса в какой-то мере примыкают к взглядам нормативистов — представителей одного из направлений современной правовой буржуазной науки. Нормативизм, как известно, восходит идеологическими корнями к позитивизму и неокантианству. Сторонники нормативизма отрывают правовую норму и правовые отношения от реальной действительности. Правовую норму они выводят из правовой идеи, трансцендентной по отношению к реальной действительности. Предметом правовой науки, по мнению нормативистов, являются только правовые нормы и правоотношения, при этом юристы не должны интересоваться экономическим, политическим и нравственным содержанием правовых норм. Ограниченность подобных воззрений очевидна. С их помощью невозможно объяснить многие явления общественной жизни. Правовые нормы и правоотношения нередко оставались неизменными на протяжении столетий и эпох. Римское право действовало в древнем Риме, в Западной и Восточной Европе в позднее средневековье, а также нашло применение в новое время. За этот период произошли крупнейшие изменения в экономической, социальной и культурной истории человечества. Рассматривая в качестве исходной посылки концепции общественного развития правовую норму, т. е. явление относительно стабильное, нормативисты, а также П. Лемерль и Н. Зворонос, естественно, принимают роль развития в истории человечества. Они не признают того факта, что новые социальные отношения приносят новое содержание в старые правовые нормы. Старые нормы применяются к новым видам собственности — монастырской, пронии и т. д.

Однако и византийская крупная вотчина, аналогичная в юридическом отношении римской собственности, отличалась от последней своим феодальным характером. Все формы византийской крупной собственности, основанной на массовой эксплуатации зависимого крестьянства, возникшие в результате массовых пожалований в частную собственность сел, населенных зависимыми держателями, отражают феодальный характер отношений и феодальный характер собственности. Иными стали и формы общественного ограничения собственности. Всякая собственность во все эпохи подвергалась и подвергается общественному ограничению в интересах всего общества. Эти ограничения носят социально-политический характер и не затрагивают юридического статуса собственности. Античная собственность подвергалась ограничению в интересах всего полиса. В Западной Европе в эпоху средневековья общественное ограничение собственности проявилось в ее иерархической структуре. В Византии общественное ограничение собственности проявлялось прежде всего в

⁷⁶ J. B. P i t r a. *Analecta sacra et classica specilegio solesmensi parata*, vol. VI. Paris et Romae, 1891, p. 319 sq.

⁷⁷ P. L e m e r l e. *La notion de décadence...*, p. 270.

наличии публичноправовых видов ренты, что, безусловно, означало сужение экономических прерогатив собственника.

Являясь условной земельной собственностью и будучи сходной с бенефицием, прония в то же время отличалась от бенефиция. Особенно сильно прония отличалась от бенефиция и лена в экономическом отношении, т. е. в отношении форм эксплуатации зависимого населения. Тот факт, что одним из элементов эксплуатации зависимого населения в пронии, равно как и во владениях монастырей, являлась рента публичноправового характера, т. е. налог, не утративший связей с государственной налоговой системой, налог по существу, а не генетически, налог, размеры которого определялись государственным чиновником, свидетельствует об известном сходстве с эксплуатацией в османском мюлке и вакуфе. Как показано в неоднократно упоминаемой книге В. Мутафчиевой, в османском мюлке и вакуфе рента также состояла из двух частей: с основного контингента держателей взималась рента лишь публичноправового характера — переданный государственный налог, частнопровую ренту уплачивали только вновь переселившиеся держатели⁷⁸.

Итак, византийская прония — весьма специфичный социально-правовой институт. Она не может быть полностью сведена ни к восточным, в частности османским, ни к западноевропейским соответствующим формам и отношениям. В то же время прония содержит черты, родственные и восточным и западным соответствующим формам. Эта специфика византийской пронии обусловлена в конечном счете двумя факторами: сильной центральной властью, сближающей византийский политический строй с политическим строем восточных монархий (именно политический строй, а не государственный, так как государственный строй Византии, восходящий к позднеримскому государственному устройству, существенно отличался от государственного строя восточных монархий) и разветвленной системой налогов, с одной стороны, и частной собственностью на землю — с другой.

Второй из названных факторов — частная собственность на землю, признаваемая действующим византийским правом, — обусловил правовой статус пронии, являющейся земельным пожалованием, близким к западноевропейскому бенефицию, а не пожалованием только налога, и преобладание частнопровой эксплуатации на территории пронии. Первый из названных факторов — сильная центральная власть и разветвленная система налогов — обусловил наличие форм публичноправовой эксплуатации и особенности составления юридических документов, фиксирующих только публичноправовую ренту и не фиксирующих частнопровую. Таким образом, под влиянием этого фактора сложились те черты византийского социально-правового развития, которые сближали Византию с Востоком. В целом же, поскольку публичноправовая рента играла значительную роль в Византии, можно считать, что сильная центральная власть обусловила не столько особенности социально-экономического развития пронии (последние сформировались главным образом под влиянием иных, названных выше факторов, сближающих Византию с Западом), сколько особенности их правового оформления, т. е. специфику юридических документов, фиксирующих в первую очередь публичноправовые отношения, особенно интересовавшие центральную государственную власть в Византии.

⁷⁸ В. П. Мутафчиева. Аграрные отношения..., стр. 155.

СООБЩЕНИЯ

К ИСТОРИИ СЕРБО-ВИЗАНТИЙСКОЙ ГРАНИЦЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIV в.

Проблеме взаимоотношений Византийской империи с Сербским государством Неманичей в середине XIV в. (а позднее — с княжествами, возникшими в результате распада Сербо-Греческого царства Стефана Душана), вопросу о границах византийских владений в Македонии уже было посвящено несколько специальных работ¹, однако и после их появления эта проблема остается все же недостаточно изученной. Так, в частности, после чрезвычайно интересных исследований М. Динича и Г. Шкриванича мы можем более точно представить западную границу Византии в 1342—1343 гг. и в конце 1345 г. (после падения Серр, по-видимому, она проходила по р. Месте)², тогда как вопрос о сербо-византийской границе во второй половине XIV в. следует признать еще нерешенным окончательно. Особенности споров вызывает принадлежность отдельных приморских пунктов и районов между Салониками и р. Местой (Христополя, Хрисополя, Каламарии и других районов Халкидики). В связи с этим в данной заметке мы ставим своей целью рассмотреть некоторые данные сохранившихся источников о западной границе Византийской империи во второй половине XIV в.

В конце 1345 г., к моменту провозглашения Сербо-Греческого царства, под власть Византии, как обычно указывается в современной исторической литературе, остались лишь территории восточнее р. Месты, район г. Салоники и часть полуострова Халкидики, не считая владений в Пелопоннесе и некоторых островов; и эта западная граница Византийской империи, по мнению ряда авторов, продолжала сохраняться неизменной по крайней мере до 1356 г.³

¹ См., например, Г. Острогорски. Душан и ъегова властела у борби са Византијом.— «Зборник у част шесте стогодишњице Законика цара Душана», I. Београд, 1951; М. Динич. За хронологију Душанових освајања византијских градова.— ЗРВИ, књ. 4, 1956; Г. Шкриванич. О јужним и југоисточним границама српске државе за време цара Душана и после његове смрти.— «Историски часопис», књ. XI, 9161 и др.; ср. «Славянский архив». М., 1962, стр. 18 (здесь нами было высказано предположение, что район Струмицы до второй половины 1374 или первой половины 1375 г. находился под властью Византии, а не входил в состав княжества Деяновичей).

² Г. Шкриванич. Указ. соч., стр. 9; ср. Г. Острогорски. Историја Византије. Београд, 1959, стр. 486.

³ «Историја народа Југославије», т. I. Београд, 1953, карты № 15 и 16; «Зборник Константина Јиречека», т. I. Београд, 1959, стр. 458—459; К. Јиречек. Историја Срба, т. I. Београд, 1952, стр. 224 сл.; ср. выше, прим. 2.

Данные имеющихся исторических источников, однако, позволяют нам в некоторой мере исправить и уточнить сербо-византийскую границу во второй половине XIV в., более того, отметить ее заметную изменчивость уже после 1349 г.

Рассмотрим прежде всего данные о византийских рубежах восточнее г. Серры. Несомненно, что здесь граница проходила по р. Месте (вплоть до нижнего ее течения или даже до впадения в Эгейское море) либо несколько западнее, поскольку города Драма и Филиппы находились под властью Душана, равно как и Хрисополь⁴. Гораздо более противоречивы сведения о судьбе Хриstopоля, которые дают возможность считать его крайней точкой завоеваний Душана (так полагает, например, Г. Шкриванич) либо византийским пограничным оплотом (такого мнения придерживался, в частности, К. Иречек)⁵. Противоречивость этих данных, как нам кажется, можно объяснить недолговременным завоеванием сербами Хриstopоля (вероятно, в 1345 г.), за чем последовало вскоре (уже, видимо, к 1350 г.) возвращение этого приморского города под власть Византии.

Таким образом, нельзя согласиться с тем, что Г. Шкриванич включает в своей статье (см. карту № 1) в состав многолетних владений Душана Хриstopоль, тогда как Хрисополь и Элевтерополь отнесены им к числу городов, оставшихся в середине XIV в. неизменно в составе Византийской империи. Как известно, Хрисополь упоминается в грамотах Душана 1346—1348 гг.⁶, а пребывание в 1350 г. в Хрисополе («Амфиполе» Кантакузина) сербского наместника Брайна нашло свое отражение в «Истории» Иоанна Кантакузина. Следовательно, Хрисополь, по крайней мере до 1350 г., находился в числе городов Сербско-Греческого царства. Напротив, Анакторополь («Эйон» Кантакузина) стал владением греческого пирата Алексея скорее всего незадолго до 1350 г., когда с ним попытался расправиться на пути в Салоники Иоанн Кантакузин. Как подчеркнул К. Иречек, замечание Кантакузина о набегах Алексея на Хриstopоль, Тасос и Лемнос может означать лишь то, что Хриstopоль был владением Византии, вследствие чего Кантакузин и мог ставить себе в заслугу борьбу против этого пиратствовавшего вифинца⁷.

Вряд ли можно принять безоговорочно и широко распространенное в историографии мнение, согласно которому Византия и после 1345 г. (точнее — в 1345—1350 гг.) сохраняла власть над западной частью Халкидики, а именно над Каламарией и полуостровом Кассандра⁸. Сохранившиеся грамоты Стефана Душана, дарованные афонским монастырям после падения Серр (24 сентября 1345 г.), свидетельствуют о том, что Каламария и Кассандра были тогда составной частью Душановой державы. Так, например, в общем хрисовуле афонским монастырям (ноябрь 1345 г.) предусмотрено возвращение этим обителям их имений «в Каламарии, по Струме и в других местах»⁹. В мае 1346 г. Душан передал Ватопедскому монастырю село св. Мамант в Каламарии, что было подтверждено и его Ватопедским хрисовулом (в апреле 1348 г.)¹⁰. В апреле 1348 г. Ватопедский монастырь получил от Душана и земли на Кассандре¹¹.

⁴ См., например, К. Иречек. Указ. соч., стр. 221.

⁵ Г. Шкриванич. Указ. соч., стр. 6—7, 10 (ср. карту № 1); «Зборник Константина Иречека», т. I, стр. 458—459.

⁶ А. Соловьев и В. Мошин. Грчке повеље српских владара. Београд, 1936, стр. 68, 120, 142, 144. На это указала уже Ф. Папазоглу (см. ЗРВИ, кн. 2, 1953, стр. 20).

⁷ «Зборник Константина Иречека», т. I, стр. 459.

⁸ Г. Шкриванич. Указ. соч., стр. 2, 4—5. См. также выше, прим. 2 и 3.

⁹ А. Соловьев и В. Мошин. Указ. соч., стр. 32.

¹⁰ Там же, стр. 78—80; ср. стр. 140.

¹¹ Там же, стр. 142.

Таким образом, примерно до 1350 г. Стефан Душан владел всей Южной Македонией, кроме непосредственных окрестностей г. Салоники. Возможно, правда, что уже накануне похода Иоанна Кантакузина в Салоники (1350 г.) сербские наместники не смогли удержать некоторых приморских пунктов (например, Христополя, Анакторополя), которые перешли под власть Византии. Однако лишь поход Кантакузина привел к коренному изменению обстановки в Македонии, к быстрому изменению прежней сербо-византийской границы и потере Душаном ряда южномакедонских городов (Веррия, Эдесса, Острово, Ликостомпон и др.), а также, по-видимому, всей Халкидики¹². Если верить Кантакузину, уже было близко крушение громадного, но непрочного Сербо-Греческого царства; спешное возвращение Душана на юг, к Салоникам, помогло ему вернуть лишь Эдессу, а также, видимо, некоторые мелкие пункты близ этого города.

Во всяком случае нам кажется весьма вероятным, что предложенная Кантакузином во время переговоров с Душаном (конец 1350 г.) сербо-византийская граница на участке между Салониками и Серрами довольно точно (разумеется, за некоторыми исключениями — например, в районе Гинекокастра) соответствовала действительному разграничению владений обоих императоров¹³. Несомненно, что и в 1351 г. район нижнего течения Струмы и Халкидика (по всей видимости, также и Веррия) оставались византийскими владениями. Любопытно, например, что в апреле 1351 г. император Иоанн Палеолог по просьбе Душана подтвердил монахам Хиландаря их имения на нижней Струме (с. Кастрион-Градец) и Халкидике, и это обстоятельство, по нашему мнению, можно истолковать как довод в пользу сохранения византийской власти в данных районах¹⁴.

В то же время следует считать возможным, что Стефан Душан, упрочив в 1351 г. свою власть в греческой части царства и расправившись с ненадежными вельможами и горожанами, уже в 1352 г. снова несколько расширил свои владения в Эгейской Македонии (в частности, на Халкидике и в низовьях Струмы). Однако это относительное упрочение Сербо-Греческого царства и некоторое расширение его пределов оказалось весьма недолговечным: уже в 1356 г. вспыхивает междоусобная война сербских феодалов, которой воспользовались византийские правители. Следующим этапом расширения владений Византии в Юго-Восточной Македонии во второй половине XIV в. было присоединение земель сербского деспота Иоанна Углеши (с центром в г. Серры) в 1371 г., вызвавшее позднее, вероятно, борьбу с Деяновичами и другими македонскими династиями (быть может, в их числе были король Марко, Богдан и т. д.).

Как показывает рассмотренный нами выше фактический материал, вопрос о сербо-византийской границе во второй половине XIV в. нельзя признать вполне разработанным. Сохранившиеся источники свидетельствуют, что западная граница Византии в середине XIV в. вовсе не была статичной, что она изменялась не только в результате завоеваний сербского царя Стефана Душана. Напротив, уже к 1350 г. мы можем отметить постепенное усиление позиций Византийской империи в этой части Балканского полуострова, попытки вернуть греческие области, захваченные

¹² ВВ, II, 1949, стр. 287, 293; *Joannis Cantacuzeni eximperatoris Historiarum libri 4, vol. III, p. 118—130*; ср. К. Юречек. Указ. соч., т. I, стр. 229—230.

¹³ *Cantac.*, vol. III, p. 155—156.

¹⁴ С. Новаковић. Закопски споменици српских држава средњег века. Београд, 1912, стр. 425—426; ср. Г. Острогорски. Радоливо — село светогорског манастира Ивирана. — ЗРВИ, кн. 7, 1961, стр. 74—82.

Душаном. Эти попытки не остались безрезультатными, хотя, разумеется, Византия той поры была не в силах вернуть сколько-нибудь значительной части утраченных территорий.

Е. П. Наумов

КТО УБИЛ ХЫМЬЯРИТСКОГО ЦАРЯ ЗҮ-НУВАСА?

Летом 525 г. аксумские войска высадились в Южной Аравии, на территории Хымьяритского царства. Перед высадкой они разделились на два десантных отряда, один из которых вступил в бой с хымьяритским царем Зү-Нувасом¹. Хымьяриты сражались на конях, аксумиты, по-видимому, в пешем строю. Хымьяриты потерпели полное поражение. Их царь нашел смерть от руки некоего эфиопского воина. Сирийская «Книга Хымьяритов», почти современная событиям, подробно описывает это сражение² и уделяет специальное внимание этому воину³, но не называет его по имени, вернее, в сильно испорченном тексте имени воина не сохранилось. О нем известно следующее: 1) он был христианином, так как назван «верующим и могучим мужем»; 2) он не был военачальником, которые обычно являлись представителями родовой знати⁴, ибо в противном случае «Книга Хымьяритов» отметила бы его знатное происхождение и высокое положение; убийца Зү-Нуваса именуется только «храбрым кушитом», «верующим и могучим мужем», но не «военачальником», «свободнорожденным» и пр., как знатные аксумиты и хымьяриты в других местах «Книги»; 3) этот воин имел один какой-то странный глаз, т. е. был кривым.

Убив Зү-Нуваса, эфиопский воин приволок его тело по мелководью на берег и отсек голову «мечом»⁵, очевидно, кривым кинжалом; длинные мечи были только у представителей аксумской знати, но не у простых воинов, вооружение которых составляли копье, щит и кинжал. После гибели царя бегство хымьяритов стало всеобщим, об организованном сопротивлении не могло быть и речи, аксумиты лишь догоняли и убивали бегущих. Сам «храбрый кушит» не сразу понял, кого он убил, и догадался об этом лишь по реакции хымьяритов⁶. Таким образом, подвиг простого воина помог победе аксумитов.

Другие источники не знают этого эпизода. У арабских авторов, которых цитирует ат-Табарӣ, убийство Зү-Нуваса на морской отмели превратилось в его самоубийство; вида, что все пропало, хымьяритский царь на коне бросился в море и утонул⁷. Эта и другие легендарные подробности у ат-Табарӣ являются смутным отзвуком действительных фактов, известных нам из более достоверных источников: сабейских, византийских и «Книги Хымьяритов». Сравнивая «Книгу Хымьяритов» с сочинением ат-Табарӣ, а также сведениями других источников, можно высказать предположение, что убийцей Зү-Нуваса был знаменитый впоследствии Абреха

¹ Известно четыре имени этого царя: Юсуф Ас'ар Масрӯд Зү-Нувас. Он царствовал с 517 по 525 г. и был последователем иудейства.

² Axel Moberg. The Book of Himyarites. Lund, 1924, p. 45a—45b, CXXXIV—CXXXV; Н. Пигулевская. Византия на путях в Индию. Л., 1951, стр. 302—303, 314—319; А. Г. Лундин. Южная Аравия в VI в.— «Палестинский сборник», вып. 8 (71). Л., 1961, стр. 84.

³ Там же.

⁴ См. Ю. М. Кобищанов. «Армии» царя Эзаны (Пережитки военной демократии в древнем Аксуме).— ВДИ, 1962, № 1, стр. 98—100.

⁵ The Book of Himyarites, p. 45a, CXXXIV.

⁶ Ibid., p. 45a—45b, CXXXIV—CXXXV.

⁷ Annales quos scripsit Abu Djafar Mohamed Ibn Djarir at-Tabari. Cum alis edidit M. J. de Goeje, ser. I, t. II. Leyden, 1881—1882 (далее — ат-Табарӣ), p. 928, 930.

(Абраха или Авраам), будущий царь Хымьяра, великий правитель и выдающийся полководец. Укрепившись на престоле, он действовал в тесном союзе с Византией. О нем, кроме его собственных надписей и богатой арабской традиции, сообщают четыре византийских источника: «История войн римлян с персами» Прокопия Кесарийского, «Житие Григентия, епископа Омиритского» (Хымьяритского) и два произведения православной литературы, приписываемые этому Григентию: «Законы Хымьяритов» и «Спор с иудеем Эрбаном». Возможно, Абреха фигурирует и в «Книге Хымьяритов», еще в образе простого эфиопского воина — убийцы Зү-Нуваса.

По словам Прокопия, Абреха был родом эфиоп, сначала раб византийского купца в Адулисе, потом простой воин в аксумской армии, высадившейся в Хымьяре в 525 г. Прокопий подчеркивает христианское вероисповедание Абрехи; в качестве раба византийца он принял эту религию еще до 525 г.⁸ Арабские источники говорят о незнатном происхождении, «вульгарной внешности» и демократических связях Абрехи, который захватил власть в результате борьбы военных колонистов против знати и военачальников⁹. Образ простого эфиопского воина-христианина, о котором говорит «Книга Хымьяритов», прекрасно подходит к историческому Абрехе. Даже его глаз напоминает Абреху. У арабских историков VIII в., которых цитирует ат-Табарӣ, Абреха везде обозначается прозвищем аль-

Ашрам (الأشرم)¹⁰. По-арабски это слово имеет два значения: «безносый»

и «кривой», — последнее более архаичное и потому менее распространенное. В оправдание прозвища аль-Ашрам ат-Табарӣ приводит легенду о том, как Абреха потерял нос в бою со свергнутом им Арийатом¹¹. Апокрифичность легенды и ее этимологический характер не вызывают сомнений; к тому же рассказ о ранении Абрехи снабжен явно фольклорными подробностями. Более правдоподобно, что Абреха назывался аль-Ашрам в смысле «кривой»; потерять глаз в бою было легче, чем нос. Конечно, в аксумском войске, высадившемся в 525 г. на побережье Аравии, было несколько тысяч человек¹², большинство христиан; среди них могло быть несколько кривых. Однако личные качества Абрехи и его дальнейшая судьба говорят за то, что он мог быть убийцей Зү-Нуваса. Убить хымьяритского царя, окруженного телохранителями, мог только выдающийся воин, каким был Абреха. Далее, самое возвышение Абрехи после войны 525 г. получает свое объяснение: он прославился и выдвинулся как убийца Зү-Нуваса.

Таким образом, очень возможно, что некий эфиопский воин, убивший хымьяритского царя Зү-Нуваса, и знаменитый Абреха — одно и то же лицо; это не более чем гипотеза, которая может быть доказана лишь на основании новых, пока неизвестных источников. Если наше предположение верно, становится понятным сказочное возвышение Абрехи, углубляется оценка его личности.

Ю. М. Кобицанов

⁸ Прокопий Кесарийский. История войн римлян с персами, готфами и вандалами. Перевод Спиридона Дестуниса, с примечаниями Гавриила Дестуниса. СПб., 1876, кн. I, гл. 19, стр. 275.

⁹ ат-Табарӣ, стр. 931; A b ū H a n ī f a a d - D ī n a w e r ī. Kitāb al-aḥbār at-tiwāl, publiée par Vladimir Guigass. Leiden, 1888, p. 43—44; К и т а б у л ь - а г а н и л и - А б ъ - л ь - Ф а р а д ж 'Алӣ аль-Исфаканӣ. Бұлақ, 1285 (хиджры), 16, стр. 69—72; А. Г. Лундин. Южная Аравия в VI в., стр. 61—62.

¹⁰ ат-Табарӣ, стр. 927 и сл.

¹¹ Там же, стр. 931.

¹² Ю. М. Кобицанов. Указ. соч., стр. 96 и сл.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Б. Т. ГОРЯНОВ. ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКИЙ ФЕОДАЛИЗМ

М. — Л., 1962, 502 стр.

Монография Б. Т. Горянова посвящена характеристике поздневизантийского феодализма, теме, над которой автор работал в течение долгого времени¹. Поздневизантийский феодализм рассматривается в работе как полный расцвет феодальных отношений в Византии. В этом, думается, никто не мог бы возразить автору. Однако основная мысль монографии, которая прямо или косвенно проводится самым последовательным образом, сводится к признанию поздневизантийского феодализма застойным, остановившимся в развитии; мало того, автор утверждает, что в Византии не складывались новые производственные отношения. С этим вряд ли кто-нибудь из византистов может согласиться. Автор подробно аргументирует свои положения о характере византийских феодальных институтов и народных движениях XIV в.; мы остановимся на них подробнее.

Монография начинается введением, которое вызывает некоторое недоумение. Мы ожидали бы от такого крупного ученого общего источниковедческого обзора, тем более что в последнее время появились различные исследования о подлинности и хронологии актов. Мы ожидали бы оценки существующих теорий о характере поздневизантийского феодализма. Кроме того, необходимо было бы показать, каковы итоги развития византийского феодализма к началу XIII в.

Монография начинается *ex abrupto* — с анализа основ общественно-политического устройства Латинской империи. Такое расположение материала имело бы смысл, если бы автор считал общественные институты Латинской империи определяющими в развитии поздневизантийского феодализма, но автор далек от такого мнения. Анализируя далее поздневизантийский феодализм и народные движения, автор полностью игнорирует материалы, относящиеся к местностям, находившимся под властью иноземных феодалов, и сосредоточивает внимание исключительно на областях, бывших под властью императора или греческих феодалов. Однако характерным признаком византийской феодальной раздробленности было именно то обстоятельство, что ряд чисто греческих по населению областей находился под владычеством иноземных феодалов. Отрывать историю развития этих местностей от истории Византии и византийского феодализма XIV в. совершенно неправомерно. Кроме того, в результате такого отрыва первая глава о Латинской империи XIII в. выглядит каким-то привеском к труду; в ходе дальнейшего изложения не раскрывается, какое отношение имели общественные порядки Латинской империи для истории Византии в целом, какую они играли роль в системе феодальной раздробленности страны.

Обычно в марксистской литературе анализ внутреннего строя начинается с выяснения состояния производительных сил. Но о производительных силах автор говорит только в третьем разделе шестой главы «Состояние производительных сил и ремесла» (стр. 246—252).

Во второй главе автор рассматривает образование и структуру Никейской империи, Эпира и восстановление Византии в 1261 г.

В третьей главе приступает к центральной части своего исследования — рассмотрению крупного феодального землевладения, затем переходит к характеристике им-

¹ См. его статьи: «Византийское крестьянство при Палеологах» (ВВ, III, 1950), «Крупное феодальное землевладение в Византии XIII — XV вв.» (ВВ, X, 1956), «Поздневизантийский иммунитет» (ВВ, XI, 1956 и XII, 1957), «Поздневизантийский город» (ВВ, XIII, 1958), «К вопросу об общественно-политическом строе Латинской империи» (ВВ, XIV, 1958).

минитета, после чего следуют главы, посвященные крестьянству и городу. Монография завершается исследованием восстания зилотов. Таков план книги. Монография носит критический характер. Опираясь в основном фактическим материалом, издавна введенным в литературу, автор выдвигает свою концепцию и решительно критикует противоположные точки зрения. Мы не станем в данной рецензии разбирать главу за главой рассматриваемой монографии, но остановимся на основных моментах концепции автора.

Как мы уже говорили, Б. Т. Горянов исходит из представления об органической застойности византийского феодализма. В частности, он считает, что Византия вплоть до конца своего существования не вышла из стадии феодальной раздробленности. В общем и целом это верно. Однако вряд ли можно согласиться с автором в том, что в византийском обществе полностью отсутствовали те тенденции общественного развития, которые были характерны для многих других стран в период феодализма, например тенденция к национальной консолидации, установлению сословной монархии, а затем и абсолютизма. Автор слишком прямолинейно усматривает только два возможных исхода развития феодализма в Византии: или же «шторм феодальной системы в целом», или же полная застойность. Такая точка зрения, по нашему мнению, не может правильно объяснить характер общественных движений и политических тенденций в Византии XIV — XV вв.

Всякие попытки историков искать объяснения некоторых событий в закономерном переходе от феодальной раздробленности к более прогрессивной фазе феодализма автор считает «мертво-рожденной схемой», шаблонным вписыванием народного движения и политики Византии в стандартные исторические формулы (стр. 338).

Чтобы доказать тезис о застойности византийского феодализма, автор проводит повсеместно в монографии мысль о полной монолитности класса феодалов. Автор не видит противоречий между отдельными прослойками феодалов. Такая концепция затрудняет анализ сущности гражданских войн в Византии и отдельных политических мероприятий императоров (например, Ласкарей). Это стремление отрицать какую бы то ни было борьбу в недрах господствующего класса приводит к тому, что автор не замечает даже противоречий между проиарским и монастырским землевладением, хотя эти противоречия достаточно полно отражены в литературе (см., например, G. O s t r o g o r s k y. Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles, 1954, p. 155 sq.).

В центре исследования Б. Т. Горянова находится проблема феодального землевладения. При трактовке этой проблемы автор допускает известный схематизм и абсолютизирует роль феодального землевладения в общественном развитии. Проявлением этого абсолютизирования является, например, положение о том, что внеэкономическое принуждение может возникнуть *только* как следствие феодальной собственности (стр. 10). Но разве в результате завоевания не создается иногда земельная собственность знати? Разве не внеэкономическими являются насилия чиновников? А произвол судебных властей? А действия монахов, которые «внеэкономическим» запугиванием аدم добиваются превращения свободного человека в зависимого, частного землевладения в феодальное? А действия правительства, которое свободную общину передает в проиоу феодалу? К этому добавим еще страшный налоговый гнет, происхождение которого нужно видеть не в земельной собственности, а в суверенитете государства.

Автор разделяет (стр. 234) теорию об отсутствии в Византии частного землевладения вообще. По нашему мнению, Византия, напротив, была классической страной частной собственности. Мы уже неоднократно высказывались по этому поводу. Ни в кодексе Юстиниана, ни в Василиках нет положения о том, что государство или василевс является верховным собственником всей земли. Наоборот, есть сколько угодно противопоставлений государственной и частной земли. Недопустимо смешивать суверенитет с собственностью.

Признавая первенствующую роль института собственности в общественном развитии, автор в то же время явно недооценивает роль действующего права (стр. 9) и полностью игнорирует юридические источники того времени (Василики, особенно «Шести-книжие» Арменулу, которое, что очень важно, составлено было в тогдашнем центре товарных отношений — Фессалонике, притом лицом, связанным с движением зилотов). Автор, видимо, не учитывает, что действующее право есть выраженная в законодательстве воля господствующего класса, который требует соблюдения тех норм, которые ему выгодны. Игнорирование действующего права приводит к тому, что византийская феодальная собственность в изображении автора теряет свою специфику. Поскольку вопросы права автором не рассматриваются и не признаются существенными, остается неясным, как понимает автор некоторые описываемые им правоотношения, например, неясно, подразумевается ли под «сдачей в аренду» (стр. 128) и соглашение на определенный срок или же оброчное держание зависимых крестьян.

В полном соответствии со своим представлением о собственности на землю как единственной основе всякого гнета автор выдвигает свою теорию проиоу. В основе проиоу, по его мнению, лежит пожалование земельного участка в собственность, которое одновременно или в дальнейшем влекло за собой право сбора налогов с населения

(стр. 133). Автор не учитывает множества документов, приводимых в новейших исследованиях, которые вполне ясно показывают, что сбор налогов нередко предшествовал или не был соединен с пожалованием в собственность или владение территории.

Следовало бы разобрать аргументы, приводимые А. П. Кажданом в ряде его работ, обратить внимание на сводку различных теорий и их обоснование, данную Г. Г. Литавриным в его книге «Болгария и Византия в XI — XII вв.» (М., 1960, стр. 144).

Большое внимание автор уделяет институту экскуссии, который он полностью уподобляет западному иммунитету. В основном автор не расходится с положением советской историографии, считая иммунитет орудием внеэкономического принуждения и закабаления крестьянства. Но Б. Т. Горянов абсолютизирует значение экскуссии: согласно его концепции, именно экскуссия превращала крупных землевладельцев в привилегированную аристократию. Это утверждение связано с представлением о монолитности господствующего класса того времени. Следуя такой концепции, нельзя объяснить появление в недрах аристократии прослойки, заинтересованной не в иммунитетах, а в создании сильного центрального правительства. Ведь если могущество Кантакузина покоилось именно на иммунитете, то люди типа Алексея Апокавка свое влияние и силу основывали на системе откупов, предоставляемых государством, на использовании мощи государственного аппарата. Тезис Б. Т. Горянова о связи иммунитета главным образом с пронией опять-таки является попыткой представить господствующий класс в Византии совершенно монолитным. Тезис этот недостаточно убедительно аргументирован. Даже из приводимых автором грамот не следует, что иммунитет даровался только прониарам. Автор допускает передержки. В частности, он считает (стр. 133), что пожалование Драгону является пронией. Из документа этого не следует (*Actes de Chilandar*, ed. L. Petit. ВВ, XVII, 1911, № 96). Распиренно понимается дарственная, данная Гервасию (*ibid.*, № 46, стр. 116—117). При этом не учитывается, что в грамотах этих имеется обязательство *βελτιοῦ ποσότητος*.

Приводимый автором акт 1293 г. в действительности является поздней подделкой. Хрисовул Андроника II, о котором говорится на стр. 100, был дан не в 1299 г., а в ноябре 1318 г. Очень жаль, что автор не учел статьи А. П. Каждана «Экскуссия и экскуссаты в Византии» в «Византийских очерках» (М., 1961), где помещен ценный разбор грамот первого и второго этапов византийского иммунитета (по периодизации Б. Т. Горянова).

По вопросу о судебных привилегиях автор не учел ряда документальных свидетельств, которые уже рассмотрены в литературе. На стр. 158 он отвергает наличие судебных прав у церкви и монастырей в XI в. Однако каким образом в таком случае можно объяснить приведенное Ф. Успенским соборное постановление 1071 г., согласно которому лица, арендовавшие землю у церкви, должны были по делам, связанным с пользованием церковной землей, обращаться не в светский, а в церковный суд? Следовательно, право суда было в руках церкви задолго до оформления иммунитета. Необходимо было бы разобрать и мнение М. М. Фрейденберга, который, между прочим, связывал получение судебного иммунитета с формой монастырского самоуправления. Монастыри «аутодеспота», по его мнению, если они получали возможность иметь зависимых крестьян, получали право суда над ними, поскольку в такие монастыри чиновники не допускались (см. М. М. Фрейденберг. Экскуссия в Византии XI — XII вв. — УЗ Великолукского пед. ин-та, вып. 3, 1958, стр. 343).

Автор в целом прав, говоря о полновластии землевладельца над зависимым населением поместья. Однако в его аргументации имеются неточности. Так, автор утверждает, что иммунитет имел особый аппарат в поместьях, аналогичный государственному, и что эти должностные лица поместья назывались *οικονομοὶ τῆς προνομίας* (стр. 181). Но из контекста документа, на который ссылается автор (ММ, IV, р. 81), следует, что имеются в виду крестьяне-домохозяева, члены самоуправления общины, а не чиновники помещика.

Касаясь характера крестьянской собственности, автор излагает старинную проблему иеромонаха Михаила и Панченко относительно прав париков распоряжаться своим наделом. Касаясь разбирательства прав париков Гунаропулов на некий земельный надел, Б. Т. Горянов полностью становится на позиции иеромонаха Михаила. Нужно сказать, что дело Гунаропулов не может быть особенно показательным, так как спорным был статус этой семьи. Автор бегло касается различных категорий византийского крестьянства. Он совершенно справедливо связывает каждую категорию с особенностями уплаты феодальной ренты. Однако проблема о категориях зависимого и свободного крестьянства нуждается еще в специальном исследовании с учетом времени и специфики местности, а также в свете действовавшего права. Остаются неясными также некоторые вопросы, относящиеся к взаимоотношениям париков и землевладельцев. Могли, например, *bona fide* прониар согнать парика с его участка? Действовал ли закон Анастасия, который содержится не в кодексе Юстиниана, а в Василиках? Необходимо учесть, что отношения провиара к парикам и их участкам не могут быть такими же, как у землевладельца на праве полной частной собственности (*dominium plenum*).

Однако Б. Т. Горянов, исходя из представления о монолитности класса феодалов, вовсе не ставит вопроса о различии в правомочиях разных категорий землевладельцев по отношению к парикам.

Перейдем к рассмотрению концепции Б. Т. Горянова о поздневизантийском городе. Основная идея автора сводится к утверждению об отсутствии в Византии элементов раннекапиталистического развития. Поздневизантийский город, по мнению автора, находился в состоянии упадка, торговля и ремесло были сосредоточены в основном в руках итальянского купечества. Но в то же время автор признает, что Константинополь до середины XV в. оставался крупнейшим торговым центром. Книга выглядела бы, если бы автор привлек к рассмотрению недавно изданную торговую книгу Бадоэра, содержащую ценный материал для характеристик торгового значения Константинополя в начале XV в. Автор справедливо пишет о резком сокращении населения византийских городов XIV — XV вв., что явилось прежде всего результатом опустошительных войн. Автор, однако, не принимает в расчет пригороды, в которых в средние века жило многочисленное население. Хотя Б. Т. Горянову хорошо известно письмо Хрисолора Иоанну Палеологу, он не использовал этот источник для характеристики пригородов. Между тем в письме содержится красочное описание пригородов Константинополя, по красоте зданий не уступавших Константинополю и охватывавших огромный район на европейском и азиатском берегах пролива. Можно полагать, что население города стремилось в пригороды, на которые не распространялись привилегии, предоставляемые иностранному купечеству. Однако пригороды были беззащитны перед лицом внешнего врага. Если Хрисолор рисует цветущие пригороды столицы в начале XV в., когда население пользовалось относительным миром, то несколько позднее все было сметено во время первой осады Константинополя турками в 1422 г.

Византийский город, по мнению автора, находился полностью во власти феодалов. Однако это положение не раскрывается на конкретном материале. Автор не показал, каким образом осуществлялась экономическая и политическая власть феодалов над городом. Хотелось бы видеть в монографии детальный разбор важных документов о привилегиях горожанам Моневвасии, однако об этих привилегиях лишь вскользь упоминается. Вслед за Таффали автор говорит о новой и старой городской знати, не выясняя вовсе экономической сущности этих прослоек знати (стр. 270). Остается невыясненным, были ли в Византии города, входившие в состав наследственной собственности какого-либо феодала, как на Западе. Не показано, как управлялись города, как был организован в феодальном городе суд, по каким законам судили. Удивительно, что автор не использовал ценный материал, содержащийся в докладе Е. Кирстена на XI Международном конгрессе византистов², хотя в обзоре литературы автор упоминает об этом труде. Совершенно непонятно, почему Б. Т. Горянов считает нецелесообразным для историка пользоваться археологическим, эпиграфическим и нумизматическим материалом при анализе состояния производительных сил (см. стр. 252).

В целом глава о городе в силу отсутствия новых материалов и оценки новых точек зрения представляется в значительной мере устаревшей.

Монография завершается главой о восстании в Фессалонике. Значительно упрощенное и схематизированное представление автора о характере поздневизантийского феодализма не позволило ему глубоко проникнуть в смысл гражданских войн в Византии XIV в., в частности войны 1341—1349 гг. Поскольку автор рассматривает феодальную знать монолитной, лишенной внутренних противоречий, поскольку считает ремесленно-торговые круги совершенно бессильными и не игравшими сколько-нибудь значительной роли в общественном развитии, все политические движения он объясняет соответственно только антагонистическими, а не внутриклассовыми противоречиями, что, на наш взгляд, значительно упрощает сложные события в Фессалонике.

Абсолютизируя роль антагонистических противоречий, автор не учитывает конкретных требований времени, которые заключались в необходимости борьбы с феодальной раздробленностью, проявлявшейся в слабости центрального правительства и полновласти феодалов в поместьях. Борьба против феодалов за укрепление центрального правительства была объективно в интересах и народных масс, и городов, точнее, той прослойки городской знати, которая обращалась к предпринимательству. Если Кантакузин представлял собой феодала-иммуниста, то его противник Апокавк, наоборот, свое преуспеяние связывал с мощью центрального аппарата. В руках Апокавка были государственные солеварни (*τῶν δημόσιων ἄλων ἕφορος*), Кантакузин подчеркивал его низкое происхождение.

Бесспорно, народным массам не сладко жилось бы и в восстановленной сильной централизованной Византии, но борьба за восстановление сильной власти была исторически прогрессивна, так как феодальная раздробленность и своеволие иммунистов на местах затрудняли создание единого внутреннего рынка и вместе с тем тормозили развитие производительных сил. Засилье и своеволие феодалов живо ощущались

² E. Kirsten. Die byzantinische Stadt.— «Berichte zum XI. Internationalen Byzantinisten-Kongress». München, 1958.

населением. Этим и объясняется, на наш взгляд, то обстоятельство, что крестьяне и горожане поддержали «законное» правительство Анны Савойской (вернее, Апокавка и патриарха Иоанна XIV), боровшихся против вождя феодалов — Кантакузина. Это содействие широких масс вполне закономерно. Характеризуя борьбу королевской власти против феодалов Запада, Ф. Энгельс писал: «Все революционные элементы, которые образовывались под поверхностью феодализма, тяготели к королевской власти, точно так же, как королевская власть тяготела к ним»³.

Автор не усматривает связей между событиями в Фессалонике и гражданской войной 1342—1349 гг. Говоря об экономике Фессалоники, он не делает необходимых выводов об особой заинтересованности этого города в укреплении единства империи — необходимого условия успешного развития частной собственности и оживленного товарного обращения. Между тем не случайно, что именно в Фессалонике и именно во время гражданской войны знаменитый юрист Арменоул создал свое «Шестикнижие», пропагандирующее частную собственность и товарное производство в рамках единой империи. Автор не игнорирует связи зилотов с Алексеем Апокавком. Между тем разве Апокавк не имел подобных же связей с моряками, как и Михаил и Андрей Палеологи? Разве не было совместных военных действий Апокавка с фессалоникийским ополчением?

Далее Б. Т. Горянов исключает всякую возможность участия в движении зилотов части состоятельных кругов Фессалоники. В этой связи даже не упоминается о деятельности митрополита Фессалоники Иакинфа, наиболее последовательно проводившего в Фессалонике политику константинопольского патриарха Иоанна XIV.

Автор справедливо критикует (вместе с Вернером) точку зрения, будто восстание в Фессалонике — это движение типа выступлений масс в итальянских городах. Тем не менее, на наш взгляд, нельзя полностью отвергать возможность такого бы то ни было влияния итальянских событий на Византию, поскольку итальянские купцы были постоянными посетителями Византии. Характеризуя движение в Фессалонике в целом, автор отрицает какие-либо политические мотивы восстания и рассматривает его как «штурм феодализма» в целом. В итоге Б. Т. Горянов приходит к выводу (см. стр. 339), что выступление зилотов вовсе не было городским движением, а скорее напоминает крестьянскую войну, наподобие восстания Ивайла. Восстание в Фессалонике настолько отличалось от выступления Ивайла, что говорить об их сходстве — значит просто дискредитировать советскую науку.

Далее автор утверждает, будто зилоты боролись за полную независимость города от центрального правительства. Но действительно ли это так? Были ли противоречия между зилотами и константинопольским правительством и патриархом вплоть до захвата Константинополя в начале 1347 г.? Думается, подобных противоречий не было.

Автор не затрагивает связей зилотов с богомилами, хотя из некоторых фактов явствует, что богомилы стремились использовать в своих целях движение зилотов. В то же время руководители зилотов, желая показать, что движение ничего общего не имеет с богомилством, выдвинули своим знаменем крест, столь ненавидимый богомилами. Попытка Б. Т. Горянова доказать, что на все духовные должности назначали зилоты, неправомерна: и Макарий и Иакинф были назначены митрополитами Фессалоники патриархом Иоанном XIV из числа своих сторонников. Если же Фессалоника не приняла Паламу, то потому, что не признавала нового патриарха, равно как и собор 1347 г.

Очень много бездоказательных утверждений содержится в разделе о «социальных реформах» зилотов. Версия о широких реформах покоится на трактате Кавасилы, причем текст трактата иногда приводится в искаженном виде. Так, глава 6 трактата содержит оправдание архонтов (зилотов?), пытающихся объяснить, почему они тратят монастырские средства на войско и тем нарушают волю завещателей. По Кавасиле, архонты рассуждают так: если на монастырские средства обычно содержат бедняков, священников, если их тратят на украшение храмов, если на эти средства производят ремонт и обработку полей, то ведь этим не нарушается воля завещателей; так почему же нельзя из этих средств кормить солдат, которые охраняют святыни, законы и стены?

Перевод Б. Т. Горяновым данного места трактата изобилует неточностями. В качестве примера рассмотрим перевод конца главы 6 трактата Кавасилы (I. Sevcenk o. Anti-Zealot. DOP, XI, 1957, p. 93) (греческая цитата в прим. 162 дана неправильно): «Разве мы совершаем несправедливость, если мы приказываем на эти деньги поправить крышу, поднять качающийся дом, охранять поля и собственность, кормить земледельца, хлебопека, строителя?» (стр. 355—356).

В оригинале не так: «Разве не позволительно из священных средств кормить раба, земледельца, хлебопека, строителя? Если (разрешается кормить) этих, то почему же тем более нельзя (кормить) тех (т. е. воинов)?».

Б. Т. Горянов придает исключительное значение убийствам знати, перешедшей на сторону Кантакузина в Фессалонике. Но почему бы не вспомнить о подобной же рас-

³ Ф. Энгельс. О разложении феодализма и возникновении национальных государств.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 411.

праве, происшедшей в Константинополе? Ведь и в Константинополе после убийства Апокавка против друзей Кантакузина был возбужден народ. Ведь и в Константинополе Зефретис из челяди Апокавка возбудил народные массы, причем тоже во главе народных масс стали моряки, поскольку они очень были (как сообщает Кантакузин) привязаны к Апокавку (*Johanni Cantacuzeni Historiarum libri IV, vol. III, Bonnæ, 1832, 88, p. 545*). Народ перебил укрывшихся в храме знатных сторонников Кантакузина. Точно нельзя определить число убитых, их было очень много, пишет Кантакузин.

Мы не имеем возможности в краткой рецензии слово за словом вносить свои соображения и исправления. В целом же необходимо отметить, что рассматриваемый раздел монографии содержит немало ответственных тезисов и заявлений, недостаточно подкрепленных источниками и даже вовсе не аргументированных. Так, ничем не аргументировано утверждение, будто зилоты приступили к уничтожению феодальной собственности на землю, ко всеобщей конфискации имущества знати и монастырей и т. д. (стр. 375). (А как же Метохит и его сторонники?)

Падение Фессалоники Б. Т. Горянов объясняет тем, что движение зилотов настолько испугало господствующий класс, что состоялось добровольное примирение Иоанна V и Кантакузина. Это неверно. Никакого добровольного примирения не было. Кантакузин, опираясь на турок, победил. После того, как победа Кантакузина стала несомненной, чему содействовали некоторые его демагогические мероприятия, положение зилотов оказалось безнадежным и бывшие враги Кантакузина — Метохит, Арменоул и др. — признали совершившийся в Константинополе переворот. В выяснении причин поражения движения Б. Т. Горянов явно недооценивает роль вооруженной интервенции. Нам кажется, что именно интервенция явилась основной причиной неудач прогрессивных сил в гражданской войне 1342—1347 гг. Мы знаем, что не раз в истории прогрессивные движения подавлялись интервенцией.

Мы не согласны с результативными выводами автора. Согласно его концепции, острая борьба, которую вели между собой феодалы и эксплуатируемые классы, закончилась совместной гибелью борющихся классов, последовавшей спустя немногим более столетия после поражения зилотов. Это слишком прямолинейная оценка результатов поражения зилотов, отличающаяся схематизмом. Она несправедлива уже а priori. Ведь известно, что острая борьба классов, характерная для других стран, далеко не всегда приводила к гибели обеих борющихся группировок. По нашему мнению, попытка провести борьбу против феодальной раздробленности, усилить центральное правительство не удалась в основном из-за той международной обстановки, в которой находилась Византия в XIV — XV вв.

Автор в своей монографии привел стройную систему своей концепции, которую мы не разделяем. Он высказал много интересных соображений и выводов, которые нам не кажутся убедительными. Мы должны также с сожалением отметить странное для такого маститого ученого, как Б. Т. Горянов, нежелание отказываться от некоторых старых взглядов, давно уже опровергнутых наукой. Так, на стр. 162 Б. Т. Горянов повторяет свою прежнюю точку зрения (см. ВВ, XI, 1956, стр. 498) относительно того, что азрикон — это подушная подать. Но ведь о характере этой подати имеется большая, хорошо известная автору литература, в которой азрикон трактуется как судебный сбор. Кроме того, достаточно взглянуть на § 126 и 129 Вазелонских актов, чтобы убедиться, что азрикон ни в коей мере не является «подушной податью». Далее автор настаивает на толковании термина «эпикки» как «свободное население», между тем по вопросу о значении этого термина также имеется значительная литература, в которой точно установлено, что «эпикки» употребляется в источниках для обозначения не только свободного, но также и зависимого населения (см. особенно типик монастыря Космосотирь, № 98).

Иногда автор не приводит точек зрения новейших исследователей по отдельным вопросам, даже если они расходятся с утвердившимися положениями. Так, на стр. 115 автор, согласно традиционному представлению, утверждает, что стратиотские участки появились не позже VII в. Следовало бы или совсем не затрагивать этого не относящегося к теме вопроса, или же упомянуть о мнении Лемерля на этот счет.

В работе нередки противоречия. Например, на стр. 80—81 непонятно, признает ли автор наличие протекционизма в Никейском государстве или нет. С одной стороны, он утверждает, что соответствующее сообщение Григоры не нельзя принимать без критики, но тут же признает мероприятия никейских императоров ранним проявлением духа протекционизма.

Далее, на стр. 82 автор, с одной стороны, выступает против западных историков, восхваляющих деятельность Ватаци, утверждая, что вся деятельность этого императора сводилась к строительству крепостей и монастырей! Но несколько далее автор говорит о стремлении Ватаци ограничить влияние знати и о большом значении его строительной деятельности.

На стр. 33 мы читаем: «ко времени Латинской империи феодальные держания давно

уже переходили по наследству». Но на стр. 99, 153 и 190 содержатся противоположные утверждения, смысл которых состоит в том, что феодальные держания стали наследственными только при Палеологах. Встречаются и иного рода неточности и недоразумения.

Бряд ли возможно для описания быта поздневизантийского города использовать материал из гомилы Иоанна Златоуста, как это делает Б. Т. Горянов (стр. 258). На стр. 108 сообщается, что по Я. А. Маняндяну модий равняется $\frac{1}{4}$ десятины. Но в указанной статье (см. ВВ, II, 1948) Маняндян изучал модий только как меру веса, а не площади.

Интерпретация некоторых источников автором вызывает недоумение. Приведу пример. На стр. 103 автор пишет: «В 1272 г. Николай Малиасин по хрисовулу Михаила VIII получил во владение земли монастыря Макринитиссы. Насколько обширны были эти владения, видно из того, что они находились в нескольких местностях... В 1274 г. это пожалование Николаю Малиасину и его жене Анне было подтверждено другим хрисовулом Михаила VIII... эти земли передаются как наследственные владения... Подобное же пожалование другому представителю этой фамилии (курсив везде наш. — М. С.), Иосафу Мелиссину, отмечается в хрисовуле Михаила VIII в 1274 г.» (стр. 104). Но в источниках мы читаем несколько иное: в хрисовуле от мая 1272 г. Михаил VIII по просьбе наследственного ктитора монастыря Макринитиссы Николая Малиасана подтверждает за монастырем права на его владения и жалует освобождение от всех налогов кроме кастроктисии и катергоктисии. Подтверждается и наследственное ктиторовство Малиасана над монастырем. В хрисовуле от 1274 г. Михаил VIII соответственно подтвердил владения основанного женой Малиасана Анной женского монастыря Неа-Петра вместе со всеми угодьями, которые купил для монастыря Малиасан. В хрисовуле постановляется, что после смерти супругов монастыри перейдут под ктиторовство их сына Иоанна. Никакого «другого» представителя этой фамилии Иосафа Малиасана не было. Это монашеское имя Николая Малиасана. Оба супруга приняли монашество: Николай стал Иосафом, Анна — Анфусой. В этом можно легко убедиться, просматривая акты монастыря в издании Миклошича-Мюллера. К тому же утверждение, что документ Иосафу Малиасану относится к 1274 г., тоже неверно, год хрисовула неизвестен, можно только приблизительно определить хронологические рамки его издания: позже 1274 и ранее 1282 года.

Существенным недочетом рецензируемой книги является то, что автор не учитывает проведенную в последние время византинистами серьезную источниковедческую работу. В частности, хотя в библиографии автор и указывает Регесты императорских документов Ф. Дэльгера, однако нигде фактически не пользуется данными этих Регест. Этим и объясняется, например, то, что, как мы уже указывали, автор оперировал данными хрисовула, будто бы изданного в 1293 г., но в действительности являющегося подделкой XIV в. На стр. 133 автор, ссылаясь на хрисовул 1319 г. Андроника II домашнего фемы Константину Макрину, допускал целый ряд ошибок: 1) хрисовул издан не Андроником II, а Андроником III; 2) не местнику фемы — такой должности не было, — а местнику (западных) фем; 3) не в 1319 году, а 1334 (поскольку Макрин был местником фем с 1333 по 1338 г.).

На стр. 101 говорится, что Андроник II пожаловал некоему Михаилу Ангию владение (со ссылкой на ММ, 24). Но, во-первых, документ относится не ко времени Андроника II, а Михаила VIII Палеолога, во-вторых, пожаловано владение не Михаилу Ангию, а Михаилу Ангелу — об этом имеется исследование у Дэльгера (Chronologisches und prosopographisches zur byzantinischen Geschichte des 13. Jh., — ВЗ, 27, S. 317, Anm. 3) и у Устрогорского (Pour l'histoire de la féodalité, p. 83—84, n. 1, 2).

Прекрасное издание Андрэ Гийю документов Меникейского монастыря⁴ автором не использовано, он приводит неоднократно акты этого монастыря, но в старом издании Миклошича-Мюллера. На стр. 170 приводится ссылка на постановление 1184 г. относительно семьи Скордилов. Это постановление имеет обширнейшую литературу, игнорировать которую для понимания этого постановления и для выяснения подлинности документа невозможно. Это невнимание автора к источниковедческим изысканиям является одной из главных погрешностей монографии.

В монографии много ошибок и неточностей в транскрипции собственных имен. Приведем некоторые примеры: стр. 104 — Мелиссин вместо Малиасан; стр. 102, 107 — несколько раз Офурна вместо Сфурна (также и в указателе); стр. 123 — дважды Меохтит вместо Метохит; стр. 124 — Варбан вместо Вардан; стр. 231 — Мамицео вместо Мамицоне; стр. 274 — Врахн вместо Вранц; стр. 237 — Герники вместо Геники. Наряду с этим в транскрипции некоторых других названий нет унификации. Так, встречаются Серес и Серры; стр. 184 — монокейский, стр. 187 — менокейский и стр. 200 — меникейский.

Много неправильных и неточных ссылок на источники. На стр. 398 прим. 26, 27, 28 ссылки на ММ, IV, стр. 89, 107, 109 неправильны. Невразумительны ссылки на трак-

⁴ А. Guillou. Les archives de Saint Jean-Prodrome sur le mont Ménécée. Paris, 1955.

тат Кавасилы. Автор ссылается на трактат по изданию И. Шевченко («стр. 92 и сл.», причем фактически не дает указания на цитату. Так, на стр. 437 прим. 162, 163, 164, 167 непонятны и проверить их по источнику затруднительно. Прим. 164 следует датировать: «там же, стр. 99, § 20, 5», а не «там же» (т. е. стр. 92). Нельзя цитировать, как на стр. 419, прим. 100: *Namenoruli. Hexabiblon, 2,4*. Проверить такую цитату трудно; следует: 2, 4, 43. Также нельзя цитировать *Basilica, 58, 11* (стр. 419, прим. 102); следует 58, 11, 10.

Имеются произвольные переводы. Так, на стр. 237 *ἐν τῇ χάριτι ἡμῶν* (MM, IV, 265) — «в нашей деревне» — переводится как на нашей земле (ср. *ἀπὸ τῆς χάριτος τοῦ Θεοῦ ἡμῶν*).

На стр. 102 нельзя слова *δικαίῳ τε οἰκίῳ καὶ δικαίῳ παροίκῳ* переводить «облечен правом суда в своих владениях и суда над своими париками». — В документе говорится, что Сиргари выступает за свои права и права своих париков.

Очень невнимательно составлена библиография. Почему в число источников попали труды Безобразова, Вернера, Шевченко (1953 г.), статья Франческа (впрочем, она помещена и в разделе «Использованная литература»)?

В итоге нашего рассмотрения книги Б. Т. Горянова необходимо отметить, что, безусловно, в целом книга представляет собой труд, который прокладывает дорогу к изучению сложной проблемы сущности поздневизантийского феодализма. Мы можем не соглашаться с определенными положениями и концепцией в целом, но нужно иметь в виду, что проблема поздневизантийского феодализма во всей полноте впервые поставлена в марксистской литературе Б. Т. Горяновым, и в этом его заслуга.

М. Я. Стюжков

Г. Л. КУРБАТОВ. РАННЕВИЗАНТИЙСКИЙ ГОРОД (АНТИОХИЯ В IV в.)

Л., 1962, 286 стр.

Монография Г. Л. Курбатова в основном построена на внимательном изучении речей и писем ритора Либания и гомилий Иоанна Златоуста. Эти источники дают возможность показать с достаточной полнотой, что представлял собой город Антиохия в IV в. Разумеется, Антиохия имела свою специфику, но тем не менее по материалам Антиохии можно судить об общих чертах, присущих ранневизантийскому городу. Г. Л. Курбатов показал это в интересной, блестящей широкими обобщениями, глубоким анализом источников, широкой эрудицией и критическим отношением к имеющейся зарубежной литературе по данной теме монографии.

Основная цель труда Курбатова — проследить на примере Антиохии ломку рабовладельческого города-землевладельца в позднеримской империи на последнем этапе существования рабовладельческого общества.

Первая глава посвящена эволюции аграрных отношений ранневизантийского города. Свое исследование автор начинает с изучения эволюции форм земельной собственности и хозяйственной жизни сельской округи Антиохии в IV в. Он отмечает, что природные условия прилегающих к Антиохии земель не способствовали организации плантационного хозяйства типа латифундий, и приходит к выводу, подтвержденному археологическими изысканиями, что крупные землевладельцы имели не большие поместья, а множество мелких. Наличие оливковых рощ, которые требовали кратковременного интенсивного труда сезонного характера, делало там труд рабов невыгодным и привело к использованию наемных работников мистив-операриев.

Г. Л. Курбатов считает, что вокруг Антиохии существовало два типа свободных крестьянских поселений: деревни, основанные на праве общинной собственности на землю, и коллективы частных собственников. Однако вопрос об общинной собственности запутан из-за стремления автора во что бы то ни стало видеть общинную собственность там, где ее не было. Если крестьянин мог продавать, завещать, дарить, закладывать свой участок (стр. 31), то какие же права имела община на этот участок? Если учесть к тому же, что этими участками были в основном виноградники, оливковые рощи, сады, то предположить наличие общинной собственности на такие хозяйственные участки весьма трудно. Гораздо проще допустить, что общинная собственность была уже давно пройденным этапом, что община являлась собственником только неподеленных участков и в основном представляла собой не землевладельца, а аппарат самоуправления.

Главное положение, к которому приходит автор, заключается в следующем: мелкая земельная собственность в IV в. не укреплялась, как полагают некоторые зарубежные исследователи, особенно на основании археологических материалов, а, скорее, поглощалась крупным землевладением, причем этот процесс сопровождался не обезземеливанием, а закабалением мелкого собственника (стр. 53—55). Археологические данные, по мнению автора, не могли отмечать этот процесс, поскольку внутренний уклад хозяйственной жизни деревни не менялся.

Много внимания Г. Л. Курбатов уделяет проблеме патроната. Однако автор только мимоходом останавливается на вопросе о том, каким образом патрон становился

с собственником патронлируемых мелких земельных хозяйств. Предположение, что сильный патрон со временем мог обеспечить себе собственность над землей патронлируемого, даже над всей общиной, остается только гипотезой. Переход в собственность к патрону чужой земли юридически был совершенно невозможен. Это было бы похищением чужой собственности. Сообщаемые Либанием факты патронирования военными чужих колонов можно истолковать только как попытку оказать давление на собственника с целью заставить его продать свое владение. Сам по себе патронат никаких прав собственности не давал (это обстоятельство могло, между прочим, иметь значение в дальнейшем, когда патроны погибали вследствие политических репрессий или теряли свою экономическую мощь или политическое влияние и не могли осуществлять патронирования). Патронлируемые само собой освобождались, что и облегчило переход в VII в. к господству свободной крестьянской общины). Разумеется, переход под патронат военных и чиновников земель куриалов, равно как и свободных, но фискально относящихся к городу крестьянских хозяйств, разорял куриалов и город, поскольку патронлируемые переставали вносить городским сборщикам налоги.

Вряд ли можно считать аргументированным вывод автора о том, что IV век был временем установления абсолютного господства крупной земельной собственности (стр. 63). Наоборот, в 52-й речи Либания говорится, что простые воины за небольшую плату приобретали (II, 45) имущество своих соседей. Да и чиновники, которые покупали земли, принадлежали не к высшей знати, а были служащими (ἐπιτήρητοι).

Переходя к анализу экономики, автор признает значительный хозяйственный подъем Сирии в IV в., хотя и протестует против утверждений западных археологов об экономическом «процветании» края. Но одновременно в монографии говорится об обеднении города Антиохии, которое, по мнению автора, началось в IV в. вследствие того, что городские средства тратились все в большей мере на оборону городов (стр. 71), а сами куриалы хищнически использовали муниципальную землю. Запреты куриалам расхищать городские земли Курбатов объясняет стремлением чиновников и крупных землевладельцев самим захватить эти земли (стр. 75). Однако вернее было бы предположить, что закон 372 г. имел в виду сохранение доходов города на содержание оборонительных сооружений.

Основной причиной обеднения городов автор считает правительственные мероприятия по переходу фиску муниципальных земель и укрепление на городских землях крупного сенаторского землевладения. В условиях общего подъема экономики края некоторое падение значения Антиохии, как показывает автор, несомненно, было подготовлено экономическим ростом подвластной ему территории, фактическим превращением деревень в многолюдные города, конкурирующие с Антиохией. Либаний сознавал эту конкуренцию — он заявлял (речь 50,31), что если не будут сняты стеснения с приезжающих в город землевладельцев, продающих хлеб, то они устремятся в другое место, что деревни «не нуждаются в городе», а вступают в торговые связи между собой (речь 11). В монографии очень хорошо показано, как целый этап рабовладельческой формации, когда античный город-земледелец господствовал над окружающей территорией по праву муниципальной собственности, отходил в область прошлого. Утверждение автора об обеднении Антиохии имеет в виду муниципальные финансы, и в этом отношении оно, конечно, совершенно правильно. Но можно ли говорить вообще об экономическом упадке Антиохии в IV — V вв.? Для Либания, конечно, обвинение куриалов казалось катастрофой, которая вела к обеднению города в целом. Однако выдвинутое автором положение о том, что обеднение куриалов вело к упадку ремесла и городской жизни (стр. 95), нельзя принять: вместо разорившихся куриалов появляется городская знать из иных прослоек. Город в IV в. растет — Либаний отмечает, что даже те места, которые вчера были заняты огородами, теперь застраиваются. В город прибывают все новые и новые массы людей; блеск городских построек, роскошь богачей, а главное, развитие всевозможных ремесел дают право говорить о том, что, вопреки утверждениям автора, ни в IV, ни в V в. упадка Антиохии не было.

Согласно концепции автора, упадок курии сопровождался переходом господства в городе к крупноземлевладельческой знати, которая, проживая в городе, использовала, тем не менее, продукты из своих поместий, внося в город моменты натурального хозяйства и ослабляя в нем товарное производство и обращение. Это господство поместной знати привело, по мнению автора, к развитию в Антиохии производства и торговли предметами роскоши и к сокращению торговли предметами широкого потребления. Блеск от торговли предметами роскоши как позолоченная форма прикрывал постепенное сокращение общего объема торговли. Эта концепция кажется нам недостаточно убедительной. Сокращение числа потребителей из «средней» прослойки покрывалось громадным увеличением мелких потребителей, обвинение куриалов покрывалось выдвиганием другой прослойки. Самый факт устремления в город населения провинции, несомненный рост города говорит об увеличении покупателей товаров широкого потребления: хлеба, на который был большой спрос у «черни», масла, без которого ремесленник не мог работать ночью и которым должен был освещать улицу, вина, рыбы. Совершенно очевидно, что если торговцы хлебом богатели, то от массовой его

продажи, и что если подавляющее большинство горожан не владело землей, то оно было покупателем самых необходимых предметов потребления.

В некотором противоречии с тезисом об экономическом спаде Антиохии автор дает великолепную картину развитого антиохийского ремесла. Он отмечает также рост наемного труда в Антиохии, особенно в строительном деле, транспорте, на сезонных работах в пригородных садах и огородах (стр. 114), возрастание числа мелких торговцев.

Автор придает большое значение фактам, свидетельствующим о росте влияния торгового посредника, особенно в области снабжения города продовольствием (стр. 18). Поскольку скупщики покупали продовольствие в поместьях, автор считает, что именно крупные землевладельцы господствовали на рынке Антиохии, что именно они диктовали цены (стр. 118). Но вряд ли это так. Перекупщики в урожайный год могли попритереть зерно и устанавливать цены на случай недорода; покупательную способность рынка учитывали не землевладельцы, а перекупщики. Скупщики продовольствия быстро богатели. По свидетельству Либания, они становились «важными господами», составляли целые сословия. Таким образом, львиная доля выгоды от торговли доставалась купечеству, а не крупным землевладельцам. Не можем согласиться также с утверждением автора, что рост крупного землевладения вокруг Антиохии создал чрезвычайно благоприятные условия для развития торгового посредничества в снабжении города. Нам думается, что, наоборот, крупные землевладельцы сами стремились вести через своих людей торговлю, становясь конкурентами купечества; из фискальных и политических соображений правительство, как и указывает автор, запретило знати «губительную» для мелких людей торговлю.

Г. Л. Курбатов убедительно показывает, что мелкое ремесло находилось в подчинении у крупных торговцев и ростовщиков, поскольку ремесленники работали на привозном сырье. Кроме того, важной причиной обнищания ремесленников автор справедливо считает конкуренцию прибывавших в большом числе в Антиохию деревенских ремесленников (стр. 115). В результате конкуренции снижалась как цена, так и качество ремесленной продукции. Именно стремление спастись от губительной конкуренции, по нашему мнению, создало условия для объединения ремесленников в корпорации. Правительство тоже было заинтересовано в образовании корпораций в интересах регулирования и установления корпоративной ответственности; автор считает это обстоятельство основной причиной их создания (стр. 117). Очень важны соображения автора о том, что именно постоянный приток в ремесло бедноты из провинций настолько снизил жизненный уровень ремесленников, что содержать рабов стало невозможно и рабский труд в ремесле был вытеснен трудом «свободных» мелких ремесленников.

Подводя итоги анализа экономики Антиохии, Г. Л. Курбатов пришел к правомерному выводу, что ранневизантийский город эволюционировал в направлении к феодальному (стр. 127). Действительно, сущность последнего этапа рабовладельческого общества и состоит в том, что рабовладельческие имущественные отношения сохраняются благодаря деспотизму военнбюрократической монархии, в условиях, когда как в деревне, так и в городе пробиваются новые общественные отношения.

Гипотеза автора о натурализации хозяйства Сирии в IV в. идет вразрез с им же приведенными многочисленными фактами, свидетельствующими как раз о большом подъеме товарного хозяйства в IV—V вв.

Другой характерной чертой эволюции ранневизантийского города, согласно концепции Г. Л. Курбатова, является укрепление торгово-ростовщической верхушки. Можно было бы прибавить, что это относится к росту товарного обращения в IV—V вв. вообще и что эта особенность эволюции восточной части позднеримской империи определила специфику дальнейшего развития Византии и была основой, на которой свершалась кодификация римского права в Византии.

В третьей главе автор рассматривает социальные отношения в Антиохии и во многом возвращается к тем проблемам, которые были затронуты в главе второй. Снова поднимается проблема рабства: насколько широко рабы участвовали в производстве. Согласно концепции автора, рабство в производстве потеряло свой смысл и в основном стало носить прислуживающий характер. Однако обучение ремеслу рабов, как советовал Златоуст рабовладельцам, говорит именно о том, что возможности использования рабов в производстве были. Ведь господин мог продавать рабочую силу своих рабов; их можно было использовать в ремесле и торговле в качестве квази-самостоятельных хозяев. Рабам разрешалось в свободное от работы на господина время подрабатывать на стороне. Не в этом ли причина наличия в городах большого количества челяди? Если рабы могли зарабатывать на стороне, то, очевидно, это и есть своеобразная система «отпуска на оброк». Рабы должны были выполнять несложные обязанности челяди-прислуги, но в основном работали на стороне в качестве самостоятельных мелких ремесленников, платящих своеобразный оброк. Таким образом, знать делала попытку повысить заинтересованность раба в работе.

Я не могу согласиться с утверждением автора, что известная речь Либания «О рабстве» говорит о постепенном стирании разницы между рабом и основной массой свобод-

ных. Это политический памфлет против автократии, против установления военнбюрократической диктатуры, слегка завуалированный рассуждениями о рабстве и подчинении своим страстям и т. д. Как ни тяжело было положение свободного бедняка, никакого сравнения статуса раба со статусом свободного не могло быть. Абстрагирование от юридического статуса раба совершенно неприемлемо (см. стр. 132, 13). Ведь рабы были не только классом, но и сословием людей, занимавших разное место в производстве и общественной жизни, но объединенных статусом раба.

Несмотря на определенную недооценку рабов как производителей материальных благ, основной вывод автора о постепенном снижении значения рабства в общественных отношениях и в социальных выступлениях совершенно правомерен (стр. 141—142).

Возвращаясь в третьей главе к характеристике ремесленников, Курбатов более подробно останавливается на их тяжелом положении, но не отделяет при этом люмпен-пролетарские слои, которые, по Либанию, занимались нищенством и воровством, от постоянных ремесленников. Объединение всех люмпенов, ремесленников и мелких торговцев в разряд *ordo plebeius* привело автора к некоторому сгущению красок и передржкам. Так, ссылаясь на Либания (XXXI, 11), автор утверждает, что большинство ремесленников не имело даже «домишка». Но ведь это относится к риторам, которых Либаний уподобляет самому низшему разряду ремесленников — штопальщикам обуви, не имевшим ничего, кроме иглы (стр. 144, о них 46,22). Ссылаясь на Либания (XXXI, 11), автор утверждает, что ремесленники были противниками рабовладельческих отношений. Но в источниках нет никаких данных, позволяющих прийти к заключению, что масса свободных ремесленников выступала против института рабства. Наоборот, судя по гомилиям Златоуста, свободная беднота была настроена против рабов, особенно потому, что рабы из челяди могли жить гораздо лучше, чем свободные бедняки. Отношение ремесленников к рабовладельческому обществу лучше всего определяется отношением горожан к варварам. Почему городские массы отчаянно защищали города против варваров? Очевидно, потому, что ремесленник, не имевший земельного участка, связан был с городской клиентурой. Потерять ее означало лишиться средств существования. К тому же в настроениях ремесленников тон задавала наиболее влиятельная их верхушка, имевшая рабов.

Переходя к вопросу о корпорациях, автор указывает, что большая часть ремесленников была неорганизованной и потому бессильной перед производом властей. Только некоторые профессии имели прочные объединения и потому пользовались определенной влиятельностью.

Курбатов подробно анализирует социальный смысл демагогии Златоуста, лицемерно выступавшего против излишества богачей и стремившегося внушить массе ремесленной бедноты мысль о необходимости примириться с тяжелой участью трудящегося. В то же время через институт простасии осуществлялся рост зависимости большого числа ремесленников от церкви. Автор отмечает развращающее влияние на отдельные прослойки бедноты подкармливания их в политических целях церковью и богачами.

В заключении этой главы Курбатов приходит к важному выводу о том, что если на Западе крупное землевладение полностью овладело слабым городом, то в Византии, где было сильно ремесло и торговля, эксплуатацию горожан можно было проводить только с помощью государственной власти; эксплуататорские слои — крупные землевладельцы и чиновная аристократия, цепляющаяся за должности, вынуждены были сплотиться. Это определило специфику дальнейшего развития Византии. Между двумя прослойками знати стала усиливаться борьба, причем каждая из борющихся сторон старалась опереться на определенные слои широких масс.

В 4-й главе Курбатов разбирает сущность политической борьбы в городах IV в. Автор приписывает Либанию взгляд на Римскую империю, как на союз управляемых местной знатью городов под объединяющей властью императора. Либаний не сомневается в исконном праве курии располагаться в городах (стр. 171). У него нет понятия «гражданин империи», для него родина — это город, о пришлых он говорит так, как бы вовсе не было закона Каракаллы.

Автор соглашается с известным положением о том, что Римская империя была союзом городов. Но едва ли это положение можно считать правильным: никаким суверенитетом города не пользовались. При господстве рабовладельческого класса в целом муниципальное самоуправление было только формой разделения этого господства между отдельными его прослойками, оформленными в виде сословий, и их прав над населением. Лишь в IV в., в эпоху кризиса рабовладельческого строя, сословная власть сменялась военнбюрократической формой господства рабовладельческого класса.

По мнению автора, до середины IV в. существовало единство «народа» и курии. Вряд ли можно согласиться с этой теорией: не единство, а полное господство местной знати над населением города являлось политикой Римской империи. К тому же сам автор критикует идеализацию Либания Розенталем, который рассматривал его как народного трибуна, борца против притеснений народа как со стороны чиновников, так и куриалов. Для курии, интересы которой защищал Либаний, характерно было вы-

ставлять свою родовитость, владение землей, эллинскую культуру, полное презрение к торгово-ремесленным кругам и народным массам. Автор признает, что куриалы грабили народ и что переход к бюрократическому управлению произошел на фоне обострившейся классовой борьбы между куриалами и народными массами (стр. 175).

В главе ярко описываются методы политической борьбы между отходящей сословной властью куриалов и восходящей мощью бюрократии: основной силой, которой пользовались правители при проведении демагогической политики против курии, были люмпен-пролетарские массы, в основном пришлого происхождения. По Либанию, вожди люмпенов фактически подчиняли себе правителя, который без их поддержки не мог проводить свои мероприятия в городе (стр. 179).

Г. А. Курбатов показывает, почему куриалы так ненавидели в IV в. зрелища: вокруг зрелищ создавалась враждебная курии сила. По Курбатову, как правило, зрелища посещали только состоятельные элементы и люмпены; во главе плебейских масс появились профессионалы-политиканы, которые, в основном оказывая поддержку правителю города, подрывали влияние курии. Масса ремесленников, только в моменты особого раздражения выступавшая и против куриалов, и против правителей, не могла присутствовать на зрелищах.

По концепции автора, в борьбу включались интеллигенция и жречество; язычество в IV в. было против централизации, т. е. против господства чиновников, за сохранение сословного правления. При этом автор полагает, что идеологией той части господствующего класса, который стоял за сохранение доконстантиновских порядков, стал неоплатонизм. Эта группировка являлась основной оппозиционной партией в Антиохии IV в.

Идеологией другой партии, в ряды которой стало включаться большинство антиохийских куриалов, являлось никейское христианство. Причины перехода куриалов не к арианству, а к никейской религии автор объясняет тем, что философски сложное никейское богословие более подходило городской и провинциальной аристократии. Но вред ли это так: арианские системы «подобосущия», «подобия» и «неподобия» тоже были достаточно сложны. Дело в другом: арианство в IV в. было официальной религией, и, переходя на сторону никейского вероучения, куриалы проявляли свою оппозиционность и получали мощного покровителя в лице сильной епископской власти. Программой этой части куриалов можно считать самоуправление под эгидой православного епископа и его организации.

Идеологией третьей партии, состоявшей из военнослужащих и чиновников, было, согласно концепции Курбатова, арианство. Можно согласиться с положением автора, что арианство вполне устраивало торгово-ремесленные круги города, но следует заметить, что оно не было монолитным: наиболее радикальное крыло ариан — аномеи — подвергалось гонениям со стороны арианского правительства. Автор часто говорит о «военно-чиновной знати». Однако нельзя считать ее состав однородным. Если военная знать в Византии до 400 г. все более и более становилась варварской, то, наоборот, чиновная прослойка не включала варваров и противоречия между варварской знатью и бюрократическим аппаратом привели к отходу императорской власти от арианства.

В конце главы автор присоединяется к критике теории происхождения цирковых партий — димов от античных демонов: в Антиохии IV в. димы не встречаются ни как территориальные единицы, ни как политические партии (стр. 196). Происхождение этих партий автор видит в распаде политического единства курии и демоса (вернее, в потере курией полной власти над населением города).

Пятая глава посвящена народным движениям. Курбатов обращает внимание на движения «разбойников» и морских пиратов, которые представляли собой выступления обездоленных против общественного гнета. Однако мы считаем, что нельзя идеализировать пиратов и разбойников — их выступления становятся прогрессивными только тогда, когда превращаются в массовые восстания. Разрозненные действия разбойников и пиратов только затрудняли экономическое развитие края. Интересно наблюдение автора: в областях с дифференцированным составом крестьянства, там, где развито было разбойничье движение, не наблюдалось массовых крестьянских выступлений (стр. 200); они развивались только в странах с более или менее монолитным составом крестьянства.

Курбатов останавливается на анализе отдельных городских волнений. Восстание 354 г. автор отказывается приписывать, согласно Аммиану Марцелину, нитригам Галла и люмпен-пролетарским массам. Народ выступил против организаторов дороговизны — и правителя, и куриалов.

Наиболее обстоятельно анализируется восстание 387 г., которому посвящена столь обширная литература. Автор стремится доказать, что это было подлинно народное восстание, направленное против существующего общественного строя в целом (несмотря на определенные интриги куриалов) и носившее прогрессивный характер. Мы не можем согласиться с такой оценкой восстания. При совершенной бесспорности вины куриалов за возбуждение населения, все восстание является своего рода провокацией со стороны реакционных кругов куриалов, которые стремились путем восстания воз-

действовать на правительство и заставить его отменить невыгодный для них налог (очевидно, переложив его на другие слои населения). Не желая себя компрометировать, зачинщики выступления не принимали участия в нем, а выступление масс приняло неорганизованный стихийный характер. Наиболее активная роль перешла к люмпенам, которые, не будучи в состоянии поджечь дворец правителя, стали поджигать центральные кварталы, дома наиболее богатых горожан. Вряд ли в этих погромных действиях участвовали ремесленники и мелкие торговцы: в Антиохии богатые дома были обрамлены портиками, в которых располагались ремесленники. Можно вполне сочувствовать гневу бедноты против угнетателей, но нет никаких признаков, что это восстание носило характер антирабовладельческий, не видно даже, что в нем принимала участие часть рабов. Не можем мы согласиться и с соображениями автора о том, что восстание было прогрессивным благодаря тому, что оно в тяжелый для государства момент ослабляло оборонные силы Византии и тем самым помогало победе варваров. Неужели для победы новых производственных отношений необходимо было, чтобы варвары разрушили государство, чтобы под их ударами погибла греческая народность; неужели при наличии соответствующего развития производительных сил сами византийцы без подталкивания варваров не смогли бы совершить переход к феодальному строю? Поэтому вряд ли восставшие в Антиохии связывали свое выступление с тяжелым положением государства перед лицом варварской опасности.

Гораздо более прогрессивным можно считать повседневное участие народных масс в политической борьбе вокруг зрелищ и куриалы и правители вынуждены были для привлечения на свою сторону масс предпринимать мероприятия демагогического характера, а иногда и делать серьезные уступки. При всей ограниченности подлинного участия широких масс в выступлениях система политической борьбы вокруг зрелищ серьезно активизировала массы, и притом, что очень важно, не в области религиозных споров, а по вопросам политики и материальной заинтересованности.

Глава шестая посвящена идеологической и культурной сторонам жизни города. Курбатов говорит о живучести и значении полисной идеологии, которая, объединяя все свободное население города против рабов, внутренне укрепляла рабовладельческий строй более сильно, чем государство с его римским правом (стр. 238). Автор показывает, как в IV в. под влиянием эволюции рабства и христианства эта идеология единства свободных против рабов стала разлагаться. Однако он слишком увлекается противопоставлением языческой полисной антирабской идеологии христианству, уравнивающему перед богом раба и господина. Безусловно, рабы не допускались к некоторым мистериям языческого культа. Но христианство с еще более строгой последовательностью не допускало рабов в монастыри, к посвящению на священство; даже таинство брака было недоступно рабам. Приведенные автором слова Златоуста о превращении рабов после крещения в «граждан церкви» имели в виду только мистическое их освобождение. Златоуст ведь не стал бы посвящать в священника этих «свободных граждан церкви»! Проповедь рабовладельцев среди христиан не выходила за рамки призывов к терпению, повиновению властям и обещаний загробной награды.

Нельзя согласиться, что антиварварская направленность есть вместе с тем направленность антирабская. В IV в. давно отошло в прошлое то время, когда варвар считался только рабом. Под варваром понимался уже не столько раб, сколько солдат, военный командир, каратель полсных выступлений. Варвары в IV в. — люди, основным занятием которых были военные набеги с их ужасающими разрушениями, уничтожением городской жизни, массовыми убийствами мужского населения, вводом в рабство женщин; это опасные враги античной греческой культуры. Выступление Синезия автор рисует тенденциозно, во враждебном для греков духе (стр. 239). Ведь как-никак завоевателями были готы, почти не скрывавшие своего желания господствовать над греками. Синезий правильно рассматривал обстановку, видя реальную возможность захвата власти паразитическими слоями готского народа — дружинниками Гаины и Трибигильда, последующую германизацию Византии и усиление рабства за счет греческого населения. Понятно, почему горожане отчаянно защищали города против варваров.

Нельзя согласиться с теорией Г. Л. Курбатова о происхождении арианства (стр. 251). По его мнению, торгово-ремесленные круги не принимали аскетических идеалов православия. Но разве сам Арий не представлял собой образец аскета? Нет никаких данных утверждать, что арианство было резко настроено против аскетизма. Причины же неразвитости монашества среди ариан нужно видеть не в наличии особого вероучения, противящегося аскетизму, а в особой обстановке IV в.: монашество развивалось преимущественно в Египте и Сирии, где стремящееся уйти от мира угнетения православное население было особенно сильно проникнуто сепаратистскими настроениями.

Никейская церковь необоснованно обрисована автором как вообще враждебная светской культуре (стр. 252). Нельзя также представлять арианство как дружественно настроенное светской науке учение. Во всяком случае арианские иерархи не были так близко связаны со светскими науками и античной образованностью, как, например, Григорий Нисский.

Курбатов отмечает усиление интереса к римскому праву у торгово-ремесленных кругов в Сирии, в противоположность курiales, которые противились проникновению римского права. Нам думается, что это являлось результатом возросшего товарного обращения Сирии в IV в. Автор показывает, как христианизировались в Антиохии общественный быт, литература, вкусы общества, приходили в упадок театр, скульптура; мировоззрение все более сковывалось церковными догмами, во всем чувствовалось влияние торжествующего бесправия чиновно-военной машины империи.

В заключительной — седьмой — главе автор перечисляет те изменения, которые произошли в городском строе: постепенное усиление принципалес, лишение городов средств, переход строительства общественных зданий от курий к правительству. С лишением городов средств число общественных школ стало сокращаться; лечебное дело, как и благотворительные учреждения, становится привилегией церкви. Административный контроль над сельской округой переходит от курий к сильным лицам, содержащим вооруженных букуллариев на свой счет. Усиливается влияние дефенсора, не являвшегося «ни частью чиновного аппарата, ни представителем курий» (стр. 275). С 387 г. дефенсор становится главным ответственным лицом в городе; город теряет право распределять налоги. Развиваются новые порядки управления городом и окружающей его территорией; особенно подробно автор обрисовывает растущую власть епископа и значение внутренией организации церкви.

Подводя итоги, автор правильно охарактеризовал особенность Сирии: развитие крупной, независимой от города земельной собственности не привело к ослаблению экономических связей города и деревни (стр. 280).

Переходя к выводам, касающимся ранневизантийского города вообще, Курбатов объясняет изменения в городах наличием пробывающихся новых производственных отношений, распространением свободного мелкого ремесла. Однако перестал ли город оставаться рабовладельческим? Город вступал в новую, последнюю фазу развития рабовладельческого строя, разлагалась власть городской земельной знати, а не рабовладельческий город. Совершенно ясно, что с развитием общегосударственных институтов, оформленного гражданского права полисный патриотизм становится анахронизмом. Но вряд ли все явления упадка связаны с падением курии и ее идеологии. Форма римской муниципии и полиса — не единственная в истории античного мира. Падение полисного уклада было следствием перехода рабовладельческой формации на последний этап своего развития, а не являлось показателем феодализации города, хотя, в свою очередь, переход на новый этап рабовладельческого строя вызывался начавшимся разложением рабовладельческих институтов.

Монография написана хорошим слогом, красочно, читается с большим интересом. Однако нужно отметить некоторые недостатки в распределении материала, повторения рассуждений (например, об изменении характера рабства). Особенно обидны встречающиеся иногда опечатки и неточности в ссылках (например, на стр. 148 ссылки на Либания, XXXII, 33; XXVIII, 39; XXXIII, 22 неправильны).

В заключение можно сказать, что советское византиноведение обогатилось серьезным научным исследованием; следует пожелать, чтобы Г. Л. Курбатов продолжал свою работу над проблемой ранневизантийского города.

М. Я. Сюзюмов

A. KHATCHATRIAN. LES BAPTISTÈRES PALEOCHRÉTIENS. PLANS, NOTICES ET BIBLIOGRAPHIE. AVANT-PROPOS DE ANDRÉ GRABAR

(École pratique des hautes études Collection chrétienne et byzantine).
Paris, 1962

Работа Армена Хачатряна о раннехристианских баптистериях является второй в выпускаемой А. Грабаром серии материалов по раннехристианской и византийской археологии. Первой была работа Ж. Юбера о культовой архитектуре раннего средневековья во Франции¹. Большая часть планов для Юбера была исполнена А. Хачатряном, который спустя 10 лет выступил автором самостоятельной работы того же типа. В отличие от Юбера, ограничившего себя территориальными рамками современной Франции, Хачатрян сделал смелую попытку охватить все известные (и предполагаемые) баптистерии, построенные до конца VII в. Обе книги — Юбера и Хачатряна — представляют собой альбомы, сопровождаемые только аннотациями; такая форма не навязывает выводов, но может при известных условиях выявить концепцию и метод автора, а тем самым и подсказать направление дальнейшей работы над материалом. В частности, аннотации Юбера отличаются, при всей краткости, чеканной точностью; они позволяют понять и оценку памятника в предшествующей литературе, и то новое, что вносит автор. Скромный по форме альбом планов отражает свойственный Юберу критический подход к датировке памятников.

¹ J. H u b e r t. L'architecture religieuse du haut Moyen Âge en France. Paris, 1952.

Книге Хачатряна предпослано предисловие А. Грабара, где не только определяется значение проделанного огромного труда по сбору и систематизации материалов, но и намечаются перспективы дальнейшей работы над темой; делаются также попытки предварительных выводов относительно огромного, особенно в раннее время, числа памятников, служивших баптистериями, но не получивших архитектурно-художественной обработки. А. Грабар склонен видеть в баптистериях материальное подтверждение общности всего раннехристианского мира.

Хачатрян проделал гигантскую работу: он собрал материал, когда-либо напечатанный на всех языках Западной Европы, о баптистериях и баптистериальных устройствах, а также о тех сооружениях, которые, возможно, несли баптистериальные функции. Работа доведена до года ее выпуска: в нее дополнительно включены материалы XI Международного конгресса византистов (Мюнхен, 1958 г.); кроме того, уже при правке корректур, добавлены данные о первом и единственном, насколько нам известно, до сих пор открытым раннехристианском баптистерии на Корсике, который раскопан в 1961 г. (стр. 146), уточненные планы баптистериев в Кастельсеприо и Бреше², а также впервые опубликованный в 1961 г. план интереснейшей баптистериальной группы в Скира (Тунис).

Некоторые памятники показаны в их развитии, с заменой одного устройства другим, более сложным (например, Аквилея, Латеран, Келибия), либо, наоборот, упрощенным в связи с массовой христианизацией населения (например, Дидими, возможно, Бин-Бир-Килиссе 15). Устанавливается наличие нескольких баптистериев в одном и том же городе; кроме давно известных (в Равенне, Салоне, Херсонесе), такие случаи выясняются также в Тимгаде, Карфагене и т. д.; тем самым вновь ставится вопрос о том, чтобы связать эту множественность с определенными исторически обусловленными явлениями.

Велико разнообразие решений в рамках, казалось бы, столь ограниченной темы. Давно ставший в наших глазах «классическим» баптистерий октогональной схемы роднит комплексы Италии и Галлии, но проникает вплоть до Софии Константинопольской и до Калат-Семана. Та же схема господствует и в Северной Африке; здесь она диктует уже не план здания, а лишь форму самой piscine, ведущих в нее ступеней или балдахина. Наряду с октогональной схемой выступает и схема гексагональная, сочетающаяся с октогоном, кругом, крестом — возможно, в соответствии со значением этих форм и чисел³ в раннехристианской идеологии: многочисленны триконхи и квадриконхи. Но преобладают все же помещения прямоугольной формы, в которых размещается (или предполагается) устройство для крещения.

Большая часть приводимых баптистериев свидетельствует в пользу идеи Ж. Формиге об ориентации процедуры крещения. Во многих случаях подтверждается также его предположение о том, что баптистериальная группа состоит из нескольких помещений для физической и идеологической подготовки, для фиксации списков и т. д.⁴

Книга состоит из двух частей. В первой — альбоме — даны на 59 страницах приведенные в подавляющем числе случаев в единый масштаб планы трех сотен баптистериев, а также ортогонали сотни купелей, как относящихся к этим баптистериям, так и обнаруженных изолированно. Чертежи сопровождаются, как правило, лишь указанием на местонахождение памятников. Все остальные сведения вынесены (вместе с библиографией) во вторую часть (стр. 61—140), где аннотации расположены в совершенно ином, алфавитном порядке. Вместе с тем крупные по масштабу чертежи купелей оторваны от соответствующих памятников и помещены в конце каждого из пяти крупных разделов, которые составлены по географическому признаку. Поэтому для того, чтобы найти купель, относящуюся к интересующему читателя памятнику, нужно обратиться к аннотации второй части, что усложняет работу.

Вторая часть включает не только аннотации к иллюстрациям первой, но еще и сведения о десятках других баптистериев (около 40) и отдельно найденных купелей (около 30), планы которых не публиковались и не публикуются; об этом не упомянуто ни во введении, ни в предисловии. Между тем данное обстоятельство неизмеримо расширяет и увеличивает значение проделанной работы; она может рассматриваться как сводка данных о всех (или почти всех) археологически известных или только предполагаемых баптистериях и баптистериальных устройствах. Фактически перед нами краткий сборник или подробный словарь, во втиснутый в форму альбома с аннотациями. Из этого противоречия вытекает ряд замечаний, на которых мы позволим себе остановиться

² Уточненный план крестообразного баптистерия в Пола публикуется не впервые, как указано на стр. 145 (ср. M i r a b e l l a - R o b e r t i. *Indagini nel duomo di Pola.* — RAC, Anni XXIII — XXIV, № 1—4, 1947—1948, p. 229, tav. 1).

³ P. A. U n d e r w o o d. *The Fountain of Life.* — DOP, V, 1950, p. 41—138.

⁴ J. F o r m i g é. *Remarques sur les baptistères de Provence.* — *Mélanges Martroye.* Paris, 1941, p. 186—190; i d e m. *Le baptistère de Fréjus.* — In: Fr. B e n o î t e. *Les Villes épiscopales de Provence.* Paris, 1954, p. 30, 31.

ся в расчете, что они помогут автору в планируемой им дальнейшей работе над собранным материалом.

Ни в предисловии А. Грабара, ни во введении автора не определено понятие «баптистерий». Поэтому сразу же возникает целый ряд вопросов: следует ли считать баптистерием, например, огромный нарфик, если в нем могло, между прочим, осуществляться и крещение? Ответ автора уклончиво-утвердителен: так, в Кирбет Рапа'им (рис. 4, стр. 98) нарфик «мог служить для крещения»; в аль Ксефе (рис. 5, стр. 85) «нарфик мог служить баптистерием» (предположительное «мог» объясняется тем, что в обоих случаях найдена не купель, а цистерна).

Далее возникает вопрос, можно ли в этих условиях считать баптистерием самый храм? Тут формулировки ступеваются еще сильнее. Так, в Дидимах II (рис. 121, стр. 82) «баптистерий позднее заменен простой квадратной купелью в нише южной стены» (базилика); в Бин-Бир-Киллесе 15 (рис. 122, стр. 69) «апсида в середине южной стены базилики могла означать баптистериальное устройство». Наконец, в Звартноце (рис. 126, стр. 138) «четырёхлопастная купель находится за главной экседрой». Таким образом, в баптистерии включается множество памятников, в которых обнаружено или только подозревается наличие устройства для крещения, не имеющего особого помещения. Этим объясняется огромное количество проиллюстрированных или только проаннотированных объектов.

Такое расширение понятия «баптистерий» вряд ли помогает выяснению вопроса; мы полагаем бы, что под баптистерием следует скорее понимать помещение, грунгу помещений или здание, специально предназначенные для ритуала крещения. Мы увидим в дальнейшем, что такое уточнение оказалось бы немаловажным, особенно для некоторых районов.

В тех случаях, когда автор сомневается в баптистериальном назначении памятника, под иллюстрациями первой части в лаконичной подписи добавляется («bapt.?»); таких примеров 46. Кроме того, около двух десятков памятников, которые названы в подписях к таблицам как безусловные баптистерии, таковыми не обозначены в аннотациях самим автором⁵. Следовательно, автор сам не уверен в назначении примерно шести с половиной десятков памятников, т. е. более 20% общего числа всех изображенных на таблицах. И это при столь растяжимом понимании термина «баптистерий»! Мы попытаемся показать, что в число устройств и помещений, ошибочно названных баптистериями, придется перенести еще целый ряд объектов.

Учитывая спорность многих датировок и не усматривая развития баптистериев на протяжении III—VII вв., автор прибегает к смешанной системе их показа (стр. XIII). В основу альбома положено географическое деление на пять больших групп, а именно: 1) Египет, Палестина, Сирия; 2) Месопотамия, Кавказ, Крым и Малая Азия; 3) Балканский полуостров; 4) Испания, Галлия, Италия, Германия, Австрия, Далмация, Истрия, Швейцария; 5) Римская Африка. Внутри же этих групп объединение проводится будто бы по типологическому признаку, а фактически — произвольно.

Объединение в одну группу памятников всей Западной Европы от Рейнской области до Южной Италии и от Испании до Далмации (включительно!) нарушает географический принцип. Для рассматриваемого раннего периода не кажется, по нашему мнению, достаточно оправданным отнесение Далмации к западноевропейской группе вместо более естественного — к балканской. Поэтому и не удалось провести это расчленение Балкан: так, Доклеа (рис. 149) попала в «Югославию» (стр. 83), а Киллессура (рис. 148) в «Далмацию» (стр. 99), причём оба памятника включены в балканскую группу. Памятники же Салоны, Зары, Пореча (Паренцо), Пулы попали в ту часть «Далмации», которая искусственно включена в состав огромной западноевропейской группы. Между тем весь район, ныне представляющий югославское Приморье, имел в рассматриваемое раннее время не меньше, если не больше связи с остальным Балканским полуостровом, чем, например, с Галлией или Триром. Не кажется обоснованным объединение Крыма и Кавказа с Месопотамией и Малой Азией, а Сирии и Палестины — с Египтом.

В условиях, когда еще так трудно определить тяготевшие друг к другу районы, осторожнее было бы, по нашему мнению, не укрупнять районы, а показывать отдельно каждую страну или небольшую группу стран. Вместе с тем хотелось бы видеть объединенными памятники каждого пункта и даже каждого церковного комплекса. Допущенная группировка по будто бы типологическому признаку, проводимая внутри огром-

⁵ Мы заметили это расхождение между подписями к таблицам и аннотациями в следующих случаях: Бабиска (рис. 20), мартирий в Русафе (рис. 27), Синхар (рис. 32), Бурдж Хайдар (рис. 33), Саккара (рис. 50), Бин-Бир-Киллесе 15 (рис. 122), Киллесе Тепе (рис. 139), св. Андрей на Лесбосе (рис. 140), Хиссар 2 (рис. 144), Тумба в Салониках (рис. 167), Телепта (рис. 223), Каср ас Сук аль Оти (рис. 225), Б. Лептис 4 (рис. 241), С.-Джованни ин Виа Латина в Риме (рис. 298), базилика в Остии (рис. 307), Конкордия Сагитария (рис. 313), Сен-Мориль в Анже (рис. 319), додекагон в Каносе (рис. 340), древнейший собор в Реймсе (рис. 355).

ных районов, противоречит этому. Так, различные фазы одного и того же Латеранского баптистерия (I — на рис. 292; II — на рис. 349; III — на рис. 326) не только оторваны друг от друга, но и расположены в порядке, обратном историческому; вперемежку с ними расположены не только другие памятники Италии, но и почти все памятники Испании, Галлии, Истрии, Далмации и даже Трирский баптистерий (рис. 310). Другой пример: состояние Аквилейского комплекса в III в. (рис. 294) оторвано от последующего его развития (рис. 303, а — б), хотя типологически они и сходны; более поздний центрический по плану Аквилейский баптистерий конца V в. (рис. 369, а — б) не связан ни с предшествующим развитием данного комплекса, ни с другими центрическими баптистериями. Это относится также к Поречу, Дидимам, Эфесу, Сабрате I и т. д. Как уже указывалось, связи между памятниками какого-либо пункта, а иногда даже между отдельными фазами одного и того же памятника осуществляются только через расположенные по алфавиту аннотации, что не может способствовать наглядности показа.

Аннотации сопровождаются ссылками на предшествующую литературу и не содержат оговорок о собственной точке зрения автора; поэтому читатель имеет право думать, что предлагаемая дата отвечает концепции наиболее современных из упоминаемых сочинений. Но в ряде случаев дело обстоит иначе.

Это несоответствие наиболее ясно для миланского С.-Аквилينو (рис. 327, а — б), который датируется «вероятно первой половиной V в.» (стр. 108). В списке литературы упоминаются как работы, предшествовавшие последним раскопкам, так и представляющие отчет о них (Кьеричи, Чеккелли). Общеизвестно, что при этих раскопках в С.-Аквилино были раскрыты фрагменты росписей и новые мозаики, позволившие авторам, в частности Чеккелли, датировать декор С.-Аквилино 60—70-ми годами IV в.⁶ Эта датировка оспаривалась, правда, и после опубликования монографии такими авторитетами, как Шнейдер, Моннере де Виллар, и особенно обоснованно — А. Грабаром⁷. Но как раз их статьи в соответствующей библиографии не упоминаются, и у читателя неизбежно создается неправильное представление, будто бы датировка V веком вытекает из коллективной монографии и из последовавшей статьи Кьеричи. Мы отмечаем эти мелкие на первый взгляд упущения, так как они имеют немалое значение в книге, которая ляжет в будущем в основу работ как самого автора, так и других исследователей. Именно от собрания материалов, каким является работа Хачатряна, следует требовать большой точности.

При огромном охвате материала не представляется возможным проанализировать его полностью. Поэтому мы остановимся преимущественно на памятниках Советского Союза и Северных Балкан, литература о которых написана главным образом на языках народов Советского Союза, Югославии и Болгарии. В работе Хачатряна наиболее слабо освещены памятники Крыма. Автор использует преимущественно старую литературу, но и она отражена неточно. Так, на плане общеизвестного триконхового баптистерия около Уваровской базилики в Херсонесе главная конха, прорезанная тремя окнами, ошибочно показана глухой; ее piscina изображена (рис. 110) и описана просто круглой, между тем как в нее вписывается крест с тремя ступенями у восточной ветви. В аннотации (стр. 75) ошибочно указано, будто бы баптистерий был «связан с базиликой двумя вспомогательными помещениями»; в действительности баптистерий не только стоял изолированно, но и имел даже свой особый «теменос». Все это указано как в работах Д. В. Айналлова и А. Л. Бертье-Делагарда⁸, на которые автор ссылается, так и в других, о которых он умалчивает⁹.

Приводимые в качестве несомненных баптистериев (без вопросительного знака) помещения у алтарной части крестообразного храма «вне стен Херсонеса» (рис. 104)

⁶ Подробнее см. С. А. Кауфман. Миланский комплекс центрических зданий. — ВВ, XV, 1959, 282—286.

⁷ А. Грабар. *Études critiques*. S. Lorenzo de Milan. — «Cahiers Archéologiques», IX, 1957, p. 345—348.

⁸ Д. В. Айналлов. Памятники христианского Херсонеса, вып. I. М., 1905, рис. 15 (план раскопок 1892 г.), рис. 21—22. На рис. 13 и 17/а, воспроизводящих более старые планы, апсида показана глухой, но Айналлов их опровергает (стр. 13, 19, 21). На рис. 13 и 17/а ошибочно показаны также помещения, будто бы связывавшие баптистерий с базиликой; это опровергается Айналловым на стр. 18. Автор же, не разобравшись в тексте Айналлова, привлекает все три противоречащих друг другу плана (рис. 13, 15, 17/а у Айналлова) и выбирает из них те, которые устарели уже в 1905 г. Подробнее о херсонесском баптистерии, форме его piscina и о теменосе см. А. Л. Бертье-Делагард. О Херсонесе. — ИАК, вып. 21, 1907, стр. 70 и сл., особенно стр. 75, 86 и табл. 1 (план баптистерия, на котором видны и окна, и своеобразная форма piscina). На эту работу тоже имеется ссылка, но сама работа не учтена.

⁹ Например, К. К. Косцюшко-Валюжинич. Отчет... 1904 г. — ИАК, вып. 20, 1906, табл. III; А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. М. — Л., 1959, стр. 203—210, рис. 58 (генеральный план), рис. 105—107 (крещальня).

храма № 19, раскрытого в 1897 г. (рис. 103), таковыми в действительности не являются. Описывая их, Д. В. Айналов называет их «капеллами», «помещениями», даже не употребляя терминов «баптистерий» или «крещальня»¹⁰. А. Л. Бертье-Делагард же, на которого тоже ошибочно ссылается автор, весьма убедительно показал, что эти пристройки, тесно связанные с алтарной частью, служили скорее всего диакониками и что крохотная «писцина» должна была в обоих случаях предназначаться только для омовения рук и утвари¹¹. Поэтому естественно, что в советской литературе оба памятника в качестве баптистериев не рассматриваются¹².

Вместе с тем автором не упомянуты два памятника, несомненно служившие баптистериями. Из них один, что у Западной базилики Херсонеса, известен давно: он опубликован в 1902 г., упомянут в той же работе Бертье-Делагарда¹³ и описан в советской литературе. Многогранное углубление в полу обширной апсиды было выложено мрамором; в эту писцину спускались по двум ступеням¹⁴. Другой интереснейший памятник, раскопанный в 1938 г., опубликован сравнительно недавно¹⁵ — это баптистерий около Мангульской базилики. Он имеет вид небольшой одноапсидной базилики с полукруглой изнутри и снаружи апсидой. В выложенный плитками пол заглублена крестообразная писцина, облицованная кирпичом. Баптистерий современен или даже старше самой базилики, датируемой VI в.

Таким образом, в Крыму мы знаем по крайней мере три несомненных баптистерия¹⁶ довольно значительных размеров с углубленными в их пол писцинами для погружения. Небольшие же помещения у алтарной части крестообразных храмов Херсонеса, вроде изображенных на рис. № 103—104, баптистериями не являются.

Для памятников Закавказья автор привлекает давно устаревшие работы, добавляя лишь данные Мацулевича о Пицунде (1956). Вся огромная советская литература, базирующаяся на новейших детальном обмерах почти всех известных памятников Закавказья, полностью отсутствует. А между тем эти обмеры и литература коренным образом изменили взгляд на характер баптистериальных устройств и на существование баптистериев в Закавказье. Согласно компетентному мнению О. Х. Халпахчяна, в Армении совершенно отсутствуют особые помещения для крещения, т. е. баптистерии в собственном смысле слова: купель для крещения устанавливалась в любой части храма, там, где было удобнее. Отсутствие баптистериев может объясняться ранней христианизацией Армении, в условиях которой издавна отпал сложный ритуал крещения взрослых, а тем самым отпала и необходимость в особых помещениях — баптистериях. Апалогичные условия сложились также в Грузии. Так, баптистериальное назначение северной пристройки к Малому храму Джвари в Мцхете (рис. 105) допущено автором на основании немецких работ более чем 40-летней давности (стр. 111). Между тем археологическое исследование давно установило, что это помещение сначала было открытым портиком, потом самостоятельным приделом, но никогда не служило баптистерием¹⁷, равно как и сам Малый Джвари был не мавзолеем, а первоначальным храмом. Под вопросом остается только так называемый баптистерий в Пицунде, хотя и здесь вряд ли можно допустить наличие особого помещения со специальным назначением. Но если бы его существование и удалось доказать, оно не поколебало бы общего правила, так как пицундские мозаики значительно предшествуют тем другим памятникам культового зодчества в Закавказье, которые ошибочно привлекаются автором в качестве баптистериев (Эрерук — рис. 99; Джвари — рис. 105; Гарни — рис. 124; Аптарак — рис. 125; Звартноц — рис. 126; Текор — только упоминание); пицундский баптистерий во всяком случае перестал функционировать очень рано, не позднее середины VI в., когда он был застроен. Это видно из плана (рис. 123) и из аннотации (стр. 118).

Сходные условия, по-видимому, имели место и в Северной Месопотамии. Не случайно три из приведенных пяти памятников признаются сомнительными самим авто-

¹⁰ Д. В. Айналов. Указ. соч., стр. 75, 78 и рис. 54, 57 (храм № 19); стр. 105, 109 и рис. 108 (храм вне стен). Только в подписи к рис. 42 упоминается «отделение церкви, которое с большей достоверностью может быть принято за крестильницу, нежели за диакоников», но это объяснение принадлежит не Айналову, а Авдееву, работавшему на полвека раньше. Вместе с тем оно относится не к рассматриваемым двум церквям, а к третьей, тоже крестообразной церкви, раскопанной «у нового храма Владимира».

¹¹ А. Л. Бертье-Делагард. Указ. соч., стр. 14—16, 21—24, 69; рис. 3, 5, 19 (а не рис. 9, как указано в аннотации).

¹² А. Л. Якобсон. Указ. соч., стр. 207—211.

¹³ А. Л. Бертье-Делагард. Указ. соч., стр. 24—25.

¹⁴ А. Л. Якобсон. Указ. соч., стр. 164 и рис. 67 (по ИАК, вып. 4, 1902).

¹⁵ М. А. Тиханова. Базилика. Материалы по археологии Юго-Западного Крыма. — МИА, № 34, 1953, стр. 376—383, рис. 4—5, 47—53, 58; А. Л. Якобсон. Указ. соч., стр. 96, и рис. 99/1 (план).

¹⁶ Кроме того, возможны другие, например в Херсонесе (А. Л. Бертье-Делагард. Указ. соч., стр. 25).

¹⁷ Г. Н. Чубинашвили. Памятники типа Джвари. Обмеры и чертежи Н. П. Северова. Тбилиси, 1948, т. I, стр. 8—9; план — т. II, стр. 2.

ром (Мар Тамазгерд в Керкуке — рис. 101; Мар Ибрагим¹ на Тур Абдин — рис. 106; Мар Габриель в Карташине — рис. 112). Ни Моннере де Виллар, ни Белл не считали их баптистериями¹⁸.

Мы позволили бы себе усомниться в точности сведений о четырехлопастном храме в Амиде-Диярбекре. Приводимый план (рис. 118) не отвечает масштабу: если судить по размерам и масштабу на плане С.-Гюйе¹⁹, то сторона большого квадрата составляет около 27 м, а не 13,5 м, как получается у Хачатряна. Сопоставляя в одном масштабе планы Русафы и Амиды, Гюйе подчеркивает их равную величину²⁰. У Хачатряна же святилище Амиды по линейным размерам вдвое меньше, чем получилось бы русафское (рис. 27). В аннотации (стр. 84, со ссылками на Стрзиговского и на Гюйе) говорится о расположенной в триконховом дворе купели под балдахином на шести колоннах, как если бы это было археологически установлено. Однако Гюйе²¹ категорически указывает, что все, кроме частично сохранившегося наружного перибола, реконструировано им по аналогии с мартирием Русафы. Неясно, относится ли надпись на плане «Виппен» к современному колодцу, к древнему устройству или же оно является реконструкцией. Во всяком случае Г. Белл видела там не водоем, а могилу²². Описание же сасо fonte с балдахином на шести колоннах принадлежит не Стрзиговскому, а анониму XVI в., текст которого воспроизводится по изданию конца XVI в.²³ Стрзиговский лишь высказывает предположение, что это описание может относиться к церкви Марии, а не к одной из мечетей Диярбекра²⁴, но он признает, что идентификация сомнительна²⁵. Таким образом, церковь Марии в Амиде следует исключить из числа баптистериальных устройств.

Для Северной Месопотамии остается только общеизвестный Мар Якуб в Нисибисе (рис. 119, а — б, стр. 114), постройка которого как баптистерия заверена надписью 359 г. Приводя планы «баптистерия» в различных его фазах, установленных Херцфельдом, автор забывает указать, что здание было баптистерием только в первой фазе; с разрушением же собора расширенный баптистерий (фаза 2) должен был стать церковью-мартирием Нисибиса, с вероятным перенесением баптистериальных функций в пронаос, где найдена купель²⁶ на высокой ножке, воспроизводимая на рис. 137. Таким образом, в Северной Месопотамии, как и на Кавказе, мы знаем только единственный, и притом также чрезвычайно ранний, баптистерий. По-видимому, в обоих районах уже очень рано особые баптистерии не стали нужны.

Обращаясь к Северной Сирии, в отличие от Кавказа и Северной Месопотамии, столь богатой баптистериями, следует заметить, что автор и здесь отнесся к списку памятников недостаточно критически. В число предполагаемых баптистериев включены не только действительно сомнительные памятники в Бабиске (рис. 20), Ме'еле (рис. 31), Рбей'а (рис. 29), но также церковь Юлиана в Браде (рис. 67), церкви в Бурдж-Хайдаре (рис. 33) и в Синхаре (рис. 32); для Брада и Бурдж-Хайдара автор ссылается на текст и чертежи монографии Лассю. Между тем Лассю дает на своем рис. 77 не приводимый автором старый батлеровский план церкви Юлиана в Браде, а новый план по раскопкам Чаленко и Лассю. В результате этих раскопок с полной несомненностью установлено, что северная пристройка VI в. была не баптистерием, а мартирием²⁷. Тот же вывод следует отнести к Бурдж-Хайдару и Синхаре, в которых добавленные

¹⁸ U. Monneret de Villard. *Le chiese della Mesopotamia*. Roma, 1940, p. 57, fig. 56 (Мар Ибрагим); p. 57, fig. 59 (Карташин). Г. Белл (G. Bell). *The churches and monasteries of the Tur Abdin*. — In: M. v. Bergerhe, J. Strzykowski. «Amida». Heidelberg, 1910, S. 231, Abb. 153) называет откогон в Карташине «могиллой египетских монахов». На стр. 233 она указывает, что Мар Ибрагим целиком перестроен.

¹⁹ S. Guyer. *Rusafa*. — In: Fr. Sarre-E. Herzfeld. *Archäologische Reise*, Bd. II. Berlin, 1920, Abb. 49; idem. *Korykos*. — In: MAMA, vol. II. Manchester, 1930, Abb. 159.

²⁰ S. Guyer. *Rusafa*, S. 32.

²¹ S. Guyer. *Korykos*, S. 148.

²² G. Bell. — In: «Amida», S. 193—195 (el-Hadra, Diarbekr).

²³ J. Strzykowski. *Die altchristlichen Kirchen*. — In: «Amida», S. 188 (ит. по: Gio. Batt. Ramusio. *Secondo volume delle navigazioni e viaggi*. Venezia, 1583, fol. 79).

²⁴ Ibid., S. 189, 208.

²⁵ Ibid., S. 191; тем более, добавим мы, что фонтан, сходный с описываемым, налично в Большой мечети Диярбекра (Abb. 247, 248).

²⁶ H. Herzfeld. *Mär Ja'qub*. In: Fr. Sarre-E. Herzfeld. *Archäologische Reise*, Bd. II, S. 344.

²⁷ J. Lassus. *Sanctuaires chrétiens de Syrie*. Paris, 1944 (1947), p. 168—170; fig. 77; p. 173, 176, 177; G. Tchalenko. *Villages antiques de la Syrie du Nord*, vol. I. Paris, 1953, p. 334, note 2; vol. II, pl. XI, 1.

позднее обширные капеллы-мартирии тоже раскрываются в неф большими арками²⁸. Тем самым установлено, что прямое сообщение баптистерия с головной частью церкви, а тем более с их святилищами отсутствует в Сирии, как оно отсутствует и в Крыму; факт тем более замечательный, что он установлен независимо друг от друга археологами различных стран и в разное время. Это заставляет вычеркнуть из списка баптистериев два крымских памятника и по крайней мере три северосирийских.

Встречаются неточности и в описании баптистериев Малой Азии. Для Эфеса автор приводит два баптистерия: рис. 102 — квадратное помещение у апсиды «базилики со столбами» (без даты) и рис. 117 — общеизвестное центрическое здание, именуемое здесь «баптистерием церкви Богородицы, IV в.» (рис. 26). Можно подумать, что имеются в виду два разных комплекса. Между тем «базилика со столбами» — это не что иное, как одно из более поздних состояний восточной части той же раннехристианской церкви Богородицы, иначе именуемой «базиликой собора» (т. е. вселенского собора). Апсида базилики со столбами, фланкирующая ее лестницы в квадратные помещения (в том числе и изображенное на рис. 102) относятся в своем первоначальном виде к тому же раннему времени, что и центрический баптистерий (середина IV в.?)²⁹; это вытекает из полного сходства их строительной техники. Позднее, около VII в., с предполагаемым обращением древнего баптистерия (рис. 117) в термальную баню³⁰, под баптистерий приспособили сохранившееся вместе со смежной апсидой квадратное помещение (рис. 102) первоначальной базилики с колоннами, часть которой была уже перестроена к тому времени в «базилику со столбами». Это вытекает из внимательного чтения упоминаемой самим автором работы Фазоло; если бы рисунки 102, 117 были даны рядом, а еще лучше — на одном чертеже, то недоразумение было бы легко устранено.

Не вполне отвечает современному состоянию исследований материал по Балканскому полуострову. Так, упущен гексагон монастыря Одигитрии в константинопольском районе Манган, вероятно, восходящий ко второй четверти V в.³¹ Этот гексагон отличается от обычной формы наличием пяти больших лопастей; он относится к тому же типу, что и общеизвестный несколько больший константинопольский памятник — гексагон Евфимии, перестроенный из нимфея. Если манганский гексагон и мог служить не для крещения, а для каких-то торжественных придворных церемоний³², то его все же следовало показать наравне с другими, менее замечательными агизмами (например, в Габиа ла Гранде — рис. 287; в Карфагене — рис. 211).

Ранние константинопольские гексагоны могли послужить образцом для меньших и более поздних памятников югославского Приморья. Один из них, баптистерий в Заре, приводится в рассматриваемом альбоме (рис. 354) и датируется IV веком (рис. 140, по Герберу и Моннере де Виллару). По более новым данным, его следует скорее отнести к IX в.³³ вместе с аналогичными недавно раскопанной церковью Урсуды в той же Заре и с церковью Троицы около Саловы³⁴. Церковь Георгия в Софии в работе не упоминается, и она не может считаться баптистерием бесспорно. Но раз в баптистерий (правда, с вопросительным знаком) попала даже церковь Георгия в Эзре (рис. 56, стр. 88), следовало упомянуть также и церковь софийского Георгия, перестроенную из круглого позднеантичного термального зала³⁵.

Автор включает в число несомненных баптистериев помещения у нарфика в Клисуре (югославское Приморье, рис. 148) и в Клиссе Кьой (Болгария, рис. 146). Однако в новейших работах эти помещения баптистериями не считаются, что в равной мере относится к целому ряду аналогичных памятников (Кон'ух, Ивань'яне, Манастирина, Руйковач, Куршумлия, Царинград С, Д, Е); при отсутствии piscinae все помещения такого рода, расположенные около нарфика, рассматриваются как примеры ранней формы диакона³⁶. Добавим, что рис. 148 отнесен к Клисуре ошибочно; судя по ан-

²⁸ J. L a s s u s. Op. cit., fig. 81 (Bourdj Häidar, «avec martyrien annexe»), p. 176, по отчету Чаленко 1940 г. (Синхар, Бурдж-Хайдар); обобщение на стр. 181; G. T s h a l e n k o. Op. cit., p. 332, note 4 (Синхар).

²⁹ F. F a s o l o. La basilica del Concilio di Efeso.— «Palladio», Anno VI, № 1—2. 1956, p. 3—4, 7, 8; № 17, tav. 1, C; fig. 2—3, 12.

³⁰ Ibid., прим. № 4 к стр. 2, где изложены выводы Рейна и Мильтнера (in: «Forschungen in Ephesos», Bd. IV, Hf. 1. Wien, 1932).

³¹ P. A. U n d e r w o o d. Op. cit., p. 134, fig. 71 (по: M. R. D e m a n g e l et E. M a m b o u r y. Le quartier des Manganes. Paris, 1939, p. 81 sq.).

³² P. A. U n d e r w o o d. Op. cit., p. 135.

³³ Таблица Э. Дигтве, in: C. S e c c h e l l i. Sguardo generale sull'architettura bizantina in Italia.— «Studi bizantini e neoellenici», IV, 1935, p. 53.

³⁴ Ё. Б о ш к о в и ћ. Архитектура Средњег века. Београд, 1957, стр. 180, рис. 236 и прим. 16.

³⁵ С. Н. Б о б ч е в ъ. Сердика. София, 1943, стр. 16—18; табл. 1; А. Л. Я к о б с о н. Указ. соч., стр. 207.

³⁶ Св. Р а д о ј ч и ћ. Црква в Коњуху.—ЗРВИ, књ. 1 (XXI), 1952, стр. 166, рис. 25; G. M a n o - Z i s s i. Les fouilles de Caričingrad, 1949—1952.—«Старинар», књ. III — IV,

нотации (стр. 99), его piscina должна стоять в нише у северной стены; этой ниши на рисунке нет³⁷. Настоящим баптистерием является баптистерий Красной Церкви в Перушице, в полу которого сохранилась piscina. На рис. 143 его стены показаны глуми; в новой же публикации баптистерий реконструируется с двумя окнами³⁸, что придает ему более подобающий назначению характер.

Сведения о базилике № 2 в Хиссаре неверны: план на рис. 144 вдвое крупнее, чем следует³⁹. То, что автор считал за купель (стр. 95), — не что иное, как сток, проходящий под южной стеной и дальше, к юго-западу. Считая, что сток относится к более старой постройке, В. Иванова сомневается в том, что помещение Б (на плане Мятева) было баптистерием⁴⁰.

Наиболее полными по графическому и библиографическому материалу и наиболее благоприятными по четко выраженному характеру самих памятников являются последние разделы (Западная Европа, Римская Африка). Очень полно представлены баптистерии Франции, Северной Италии. Однако и здесь имеются досадные недочеты. Так, данные о баптистерии г. Экса в Провансе (рис. 343, стр. 63) устарели. Как показали раскопки 50-х годов, произведение Формиге, этот баптистерий имел первоначально обычную форму октогона с полукруглыми нишами на диагоналях. Прежнее расположение проемов свидетельствует об ориентации процесса крещения, о входе оглашенных из нартекса и о выходе в самый собор после крещения и т. д.⁴¹ Баптистерий в Фрежюк (рис. 345) показан как грандиозное здание с пролетом в 15 м из-за ошибки в масштабе; в действительности его пролет составляет всего 7,70 м⁴²; он меньше даже изображенного рядом баптистерия в Риец (рис. 346).

Неточны данные об общеизвестном комплексе в Эгара-Таррасе (Испания) (рис. 314, 324). Общая аннотация (стр. 133) гласит: «Первый октогональный баптистерий Таррасы построен вскоре после 450 г. к востоку от первого собора и почти на его оси. Большой квадратный бассейн с парапетом и многими слегка вогнутыми ступенями был устроен в центре. Он, вероятно, венчался киворием на четырех колоннах. Раскопки (рис. 314, 324)». На рис. 324, действительно, изображен этот древний баптистерий Эгары, впервые опубликованный в 1947 г. Но какое отношение имеет к нему рис. 314, на котором показан маленький триконх? Смеем утверждать, что никакого; рис. 314 изображает крипту под главной апсидой церкви Мигуэля, а баптистерии никогда не размещались ниже уровня земли. Вместе с тем отсутствует план самого Сан-Мигуэля, одного из интереснейших центральных зданий раннего средневековья. Хотя ни его баптистериальное назначение, ни датировка VII веком не доказаны археологически, в настоящее время господствует склонность признавать как то, так и другое⁴³. Сан-Мигуэль имеет во всяком случае больше оснований для того, чтобы его включали в работу о баптистериях, чем десятки других памятников, описанных автором. Поэтому нельзя не пожалеть, что Сан-Мигуэль отсутствует в рассматриваемой работе, которую он, несомненно, украсил бы и обогатил.

Оценивая работу Хачатряна в целом, следует признать, что охват такого материала попросту непосилен для одного автора: подобный труд должен был быть коллективным. Поэтому естественно, что отдельные части оказались неравноценными. Требуют полной переработки данные, относящиеся к Советскому Союзу, Северной Месопотамии, Сирии, Северным Балканам. В частности, фактический материал по Кавказу и Северной Месопотамии свидетельствует не столько о постулированном А. Грабаром сходстве всех районов, сколько о принципиальных различиях баптистериальных устройств

1952—1953, стр. 168; Р. Стричевич. Ваконикон и протезис.— «Старинар», кн. IX—X, 1958—1959, стр. 64—66; В. Иванова («Старинные церкви и монастыри»). «Годишник на народния музей», 1922—1925, стр. 443) уже тогда считала помещение в Клиссе Кьой лишь «вероятно, баптистерием». Автор же использовал французскую аннотацию (стр. 561), не отвечающую тексту.

³⁷ Стричевич (указ. соч., стр. 64) тоже упоминает «диаконик» Клиссуры в числе помещений с апсидой.

³⁸ Дора Панайотова. Червената Църква при Перушица. София. 1956, стр. 11, приложение 1 (реконструированный план).

³⁹ В. Иванова. Три новоразкопани базилики в Хисаря.— ИБАИ, т. XI, св. 2, 1937, стр. 215 и обр. 195 (масштаб относится к рис. 196, а не к рис. 195).

⁴⁰ Там же, стр. 217.

⁴¹ J. H u b e r t. Introduction. In: Fr. B e n o î t e. a. Villes épiscopales..., p. 1; J. F o r m i g é. Le baptistère d'Aix.— Ibid., p. 13—14, fig. 10.

⁴² J. F o r m i g é. Remarques sur les baptistères.—Mél. Martroye, p. 172, plan; i d e m. Le baptistère d'Aix..., p. 13.

⁴³ J. P u i g i G a d a f a l c h. L'influence byzantine dans la péninsule ibérique.— «Actes du VI Congrès international d'études byzantines, 1948», II. Paris, 1951, p. 345, fig. 1; G. G a i l l a r d. Les basiliques d'Égara.— «Bulletin de la société nationale des antiquaires de France, 1961», p. 101—108 и прения — p. 108. Но ср. H. S c h l u n k. Arte Asturiana.— In: «Ars Hispaniae». II. Madrid, 1947, p. 389—396.

в восточных районах, по-видимому, отразивших различия в самих процедурах местных церквей.

Весь огромный и ценный материал еще не проанализирован достаточно тщательно. Осталось неясным, по какому признаку все же включались в работу памятники, баптистериальное назначение которых сомнительно для самого автора; в целом ряде случаев поводом для включения послужило даже необоснованное предположение, высказанное в предшествующей литературе. При углубленной работе над материалом многие памятники такого рода должны будут отпасть. Следует также, по нашему мнению, выделить те памятники, баптистериальные устройства которых, не имея особого помещения, располагаются в самой церкви. Все эти сомнительные примеры желательно было бы выделить в особые таблицы, не смешивая с несомненными баптистериями, самостоятельными или включенными в состав культового здания, т. е. с баптистериями в собственном смысле слова.

При переиздании целесообразно было бы изменить расположение материала. Можно придать книге характер алфавитного, частично иллюстрированного корпуса. Если же стремиться сохранить географический принцип, то районы необходимо разукрупнить, учитывая общесторические особенности каждого из них. Тогда для некоторых районов удастся установить и развитие во времени самих баптистериев, подобно тому как это пытался сделать для Палестины Багатти⁴⁴. При всех условиях аннотации необходимо будет теснее связать с рисунками, примером чего может служить уже упоминавшаяся работа Ж. Юбера.

С. А. Кауфман

---

⁴⁴ В. В а г а т т и. I battisteri della Palestina.— «Actes du V Congrès international d'archéologie chrétienne à Aix, 1954». Vatican — Paris, 1957, p. 226—227.

АННОТАЦИИ

A. V. RIASANOVSKY. THE EMBASSY OF 838 REVISITED: SOME COMMENTS IN CONNECTION WITH A «NORMANIST» SOURCE ON EARLY RUSSIAN HISTORY

«Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», 10, 1962, H. 1, S. 1—12

Как известно, важнейшим основанием норманистской теории послужило известие русской летописи («Повесть временных лет») под 862 г. о призвании варягов-руси во главе с Рюриком, Трувором и Синеусом. Впрочем, тезис о призвании варягов натолкнулся на следующую трудность: известия о пребывании руси в Северном Причерноморье относятся ко времени до 862 г. Даже если оставить в стороне упоминания руси у авторов VI — VII вв., можно указать на два факта, свидетельствующих о пребывании руси в Северном Причерноморье до 862 г.: нападение русских на Амастриду около 842 г. и на Константинополь в 860 г.

Чтобы снять возникающее противоречие, ряд норманистов (от А. Шахматова до А. Стендер-Петерсена) выдвинул гипотезу о двух волнах варяжской колонизации Руси. Призвание 862 г. было, согласно этой гипотезе, вторым этапом, тогда как первый приходился на более раннее время (по Шахматову — на VIII в.). Правда, археологические источники не дают никаких оснований для подобных суждений, и даже Т. Арне говорит о первом появлении норманской колонии к югу от Ладожского озера в первой половине IX в., а поселение норманнов у Гнездова датирует уже около 900 г. Однако в распоряжении норманистов был один текст, казалось бы, свидетельствующий о прочности варяжских позиций в Поднепровье первой половины IX в., — сообщение Бертинских анналов. Это сообщение и является предметом анализа американского историка А. Рязановского.

Как известно, Бертинские анналы сообщают, что правитель (chacanus) народа, называющего себя Rhos, отправил послов к византийскому императору Феофилу. А так как прямой путь из Константинополя на родину был затруднителен для русских послов из-за варварских племен (barbaras et nimiae feritatis gentes), Феофил отправил их к франкскому императору Людовику в Ингельгейм. Здесь было установлено, что послы принадлежали к шведскому племени (eos gentis esse Sueonum).

Рязановский обращает внимание на то обстоятельство, что правитель Руси назван в Бертинских анналах хаханом — термином, который никогда не прилагался к скандинавским королям. Он цитирует письмо Людовика II византийскому императору Василию I от 871 г., где прямо сказано, что термин «хахан» не применяется к государю норманнов (Northmannorum), но только к королю болгар (regem vel dominum Vulgarum).

Впрочем, последнее утверждение неточно: как известно, хаханом назывался также правитель Хазарии. Называли этим титулом и киевского правителя: древнейшее свидетельство, указанное Рязановским, содержится в анонимном персидском сочинении «Худūd ал-Алам», написанном в 982 г.

Итак, в хахане народа Rhos естественно видеть киевского правителя. Шведами были только его послы, что вполне понятно, — но его подданными были русские.

Рязановский останавливается и на критике теории Г. Вернадского, по мнению которого к Феофилу прибыли послы не из Киева, а из Тмуторокани, где в IX столетии будто бы существовало варяжское княжество. Рязановский подчеркивает, что теория Вернадского не только не подкрепляется реальными фактами, но и прямо противоречит сообщению Бертинских анналов, ибо путь от Константинополя в Тмуторокани никак не мог проходить через земли опасных варваров — он проходил по морю, где господствовали византийцы. Напротив, в Киев естественно было ехать через Ингельгейм и Краков, поскольку — добавлю от себя — в южнорусских степях в те годы господствовали венгры (с ними, к примеру, столкнулся на пути в Хазарию Константин Философ примерно в то же самое время).

Таким образом, Рязановский показал, что известие Бертинских анналов не может

служить подкреплением норманистской теории: в первой половине IX в. в Киеве правил русский «хакан», и именно его послы были отправлены в Константинополь.

Одно обстоятельство я должен отметить с удивлением: если Рязановский обильно цитирует новую западную и старую русскую литературу вопроса, то ссылаясь на советских авторов он избегает (названы лишь по одной работе Б. Д. Грекова и Б. А. Рыбакова и труды наших востоковедов: А. П. Дьяконова, Н. В. Пигулевской, В. В. Бартольда, относящиеся, собственно говоря, к смежным сюжетам). Рязановский убедительно критикует Вернадского, Стендер-Петерсена, Г. Папкевича, — но нет ни слова о том, что критика норманистских воззрений этих ученых была давно уже дана на страницах советских журналов. Он признает достоверность сообщения о набегах русских на Амастриду — и не упоминает о статье Е. Э. Липшиц в защиту достоверности этого сообщения. Число подобных примеров можно было бы увеличить.

А. К.

S. VRYONIS. THE QUESTION OF THE BYZANTINE MINES

«Speculum», XXXVII, 1962, № 1, p. 1—17

Американский исследователь С. Врионис — по существу, впервые в науке — поставил вопрос о добыче металлов в Византии. Он привлек значительную массу источников — как законодательных памятников, так и нарративных; наряду с греческими текстами используются армянские, арабские, персидские. Автор ссылается также на археологический материал, правда, весьма скудный (стр. 14).

Врионис констатирует прежде всего, что византийские законодательные памятники (Василики и схолии к ним) позволяют сделать вывод, что металлодобыча сохраняла в византийском обществе то же положение (the same position), что и в римском (стр. 3). Правда, позднее и совсем в другой связи Врионис допускает возможность того, что поздние юридические источники (в частности, «Шестикинижие» Арменопула) содержат лишь архаические повторения предписаний кодексов Феодосия и Юстиниана (стр. 9, прим. 42). То же самое с полным правом мы могли бы отнести и к Василикам (и их схолиям): это не оригинальные тексты, а переводы юстиниановских норм. Поэтому первый аргумент Вриониса нельзя считать сколько-нибудь убедительным. Впрочем, он и не ограничивается таким аргументом, а собирает — и в этом ценность статьи — конкретные сведения о рудниках в Византии — отдельно для Малой Азии и Балканского полуострова.

По данным Вриониса, упоминания о рудниках в Малой Азии и на Балканах довольно обильны в позднеимперский период; они сокращаются в эпоху с V по XII в. и становятся вновь многочисленными с XIII столетия. Объяснить это обстоятельство, согласно Врионису, можно двояко: либо мы допустим — вместе с исследователем истории римских рудников О. Дэвисом, — что в результате арабских завоеваний, а также германских и славянских вторжений часть рудников была потеряна империей, часть же пришла в запустение; либо же — и сам Врионис склоняется именно к этой точке зрения — мы будем искать разгадку в характере византийских источников, не уделявших достаточного внимания будничным предметам вообще и металлодобыче в частности (стр. 16 сл.). «Очевидно, — заключает свою статью Врионис, — что золото, серебро, медь, железо и свинец были доступны византийцам на их собственной земле и в соседних (sic!) областях; эти металлы добывались в рудниках, которые, по-видимому, продолжали функционировать от античности до османского господства» (стр. 17).

Итак, несмотря на отсутствие источников, Врионис приходит к весьма определенному выводу о континуитете горного дела в Византии — подобно тому, как в другой статье он отстаивал тезис о континуитете византийских городов¹.

Конечно, нет никаких сомнений, что металлодобыча не исчезла в Византии после IV столетия. Весьма интересны, в частности, собранные Врионисом данные о борьбе империи с персами в VI в. за богатые рудники в пограничных районах (стр. 5 сл.). Он ссылается также на свидетельство Павла Силенциария о серебряных рудниках в Пангее и Сунии (стр. 13) — свидетельство, относящееся опять-таки к VI в.

Зато с VII по XII в. Врионис не знает ни одного упоминания о византийских рудниках, если не считать топонима Халкургия в эпосе о Дигенесе, и ограничивается сведениями восточных писателей о рудниках в Армении и смежных районах. Вполне вероятно, впрочем, что Армения и восточные области Анатолии оставались и в эти столетия центрами добычи металлов, и Врионис с полным основанием поддерживает точку зрения Р. Блейка, считавшего, что упадок арабской чеканки серебряной монеты в X — XIII вв. обусловлен переходом серебряных рудников в руки византийцев (стр. 7).

¹ S. V r y o n i s. An Attic Hoard of Byzantine Gold Coins (668—741) from the Thomas Whittemore Collection and the Numismatic Evidence for the Urban History of Byzantium. — ЗРВИ, 8, 1963, p. 291—300.

Впрочем, мы располагаем кое-какими прямыми, хотя и скудными, данными IX — XII вв. о металлодобыче, оставшимися Врионису неизвестными. В хронике Псевдо-Симеона, например, содержится объяснение названий городов Хрисополь и Халкидон: первое — от золота (*χρυσός*), добываемого там в рудниках (*ἐκ μετάλλων*), второе — от меди (*χαλκός*)². Евстафий Солунский говорит о промывании песка с целью добыть золото и серебро³. Более конкретные данные содержатся в Житии Афанасия Трапезундского: в IX в. в проастии Цампур (Цабур), принадлежавшем трапезундскому монастырю св. Фоки, добывалось железо⁴.

Все подобные, довольно случайные упоминания, собрать которые следовало бы с максимальной полнотой, не могут все же служить материалом для выяснения вопроса о степени развитости горного дела в Византии сравнительно с Римской империей. Поэтому в дополнение желательно было бы обратиться к некоторым материалам иного рода.

Во-первых, многого можно ждать от археологических материалов, известных автору только по общим работам Дэвиса и Иречека. Укажу, например, на существование медного рудника близ Згури-града, в Искырском ущелье (Болгария), функционировавшего, судя по монетным находкам, в XII в.⁵ Химический анализ византийских изделий из бронзы и других металлов также мог бы служить важным средством для изучения средневековых рудников Малой Азии и Балкан⁶.

Во-вторых, следовало бы попытаться поставить вопрос о технике горнорудного дела в Византии. Любопытно, например, что Евстафий Солунский в указанном выше месте применяет термин *μετάλλεια* к открытой разработке металла. И если прямых данных о технике строительства рудников нет или почти нет, то можно было бы обратиться к известиям византийских хронистов о проведении подкопов под стены осажденных городов и выяснить, изменилось ли искусство земляных работ в сравнении с римским временем.

В-третьих, было бы чрезвычайно полезно осветить вопрос о ввозе металлов в Византию. Уже давно было отмечено, что на Левант из Англии вывозилось не только олово, но и медь⁷, что из Дубровника на Левант везли свинец и железо⁸. Попадали эти металлы только на мусульманский Восток или часть их оказывалась в Византии? Сводка данных такого рода позволила бы поставить проблему обеспеченности империи своим металлом.

В-четвертых, данные (в том числе и археологические) о кузнечном деле также должны быть учтены: ведь кузнечное дело в средние века было тесно связано с восстановлением металла из руды. Угольщики, добывавшие древесный уголь, поставляли материал для восстановительного процесса: Константин Манасси упоминает византийских угольщиков, считая их ремеслом одной из самых презираемых профессий⁹.

Очень любопытен источник, затронутый Врионисом, к сожалению, крайне бегло, — византийская топономика (стр. 13 сл.). Разумеется, полная сводка местных названий, связанных с добычей металлов, могла бы пролить кое-какой свет на изучаемую проблему. При этом бросается в глаза, что названия, связанные с железом (Сидерокавсия¹⁰, Сидерокастрон¹¹, Сидериони¹²) или с медью (Халковунос¹³, Халкисса¹⁴, упомянутая

² Theophanes Continuatus. Bonnae, 1838, p. 729. 3—6.

³ Eustathii Thessalonicensis Opuscula. Francof. a. M., 1832, p. 251. 17—22. Ср. С. Д. Пападимитриу. Феодор Продром. Одесса, 1905, стр. 298. 60—61, где упомянуты *μετάλλιοι*, добывающие золото и серебро.

⁴ См. А. П. Каждан. Деревня и город в Византии IX — X вв. М., 1960, стр. 192.

⁵ Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI — XII вв. М., 1960, стр. 21.

⁶ Ср. для более раннего времени: S. Przeworski. Die Metallindustrie Anatoliens in der Zeit von 1500—700 vor Chr. Leiden, 1939, S. 89 f. По мнению С. Пшеворского, именно химический анализ является главным источником для изучения древних медных рудников.

⁷ В. В. Стоклицкая-Терешкович. Борьба между западноевропейскими государствами за преобладание на Средиземном море в эпоху крестовых походов. — ИАН СССР, сер. ист. и филос., 1944, № 5, стр. 217.

⁸ Б. Кречић. Дубровник и Левант (1280—1460). Београд, 1956, стр. 93.

⁹ К. Ногна. Eine unedierte Rede des Konstantin Manasses. — «Wiener Studien», 28, 1906, S. 182. 294—295.

¹⁰ Actes de Zographou. СПб., 1907, № 5.38; Actes d'Esphigmènou. СПб., 1906, № 12.41; Actes du Pantocrator. СПб., 1903, № 8.67—68 и др. Относятся все эти названия к одному селению или к разным?

¹¹ Г. Г. Литаврин. Указ. соч., стр. 22.

¹² Ф. И. Успенский, В. В. Бенешевич. Вазелонские акты. Л., 1927, № 12.3; 45.2 и др.

¹³ Actes de Xenophon. СПб., 1903, № 3.37.

¹⁴ Ibid., № 7.338. Это название, видимо, происходит от имени собственного: так, в описи зографских владений упомянута вдова Халкисса (Actes de Zographou, № 17.56).

выше Халкургия), более часты, нежели топонимы, произведенные от наименований других металлов.

Интересные сведения можно было бы получить, наконец, собрав имена собственные, связанные с добычей металлов (например Феодор Сидерокавст в грамоте XI в.¹⁵).

Очень важно сделанное Врионисом наблюдение о том, что упоминания византийских рудников учащаются с XIII в. К приведенным в статье сведениям я прибавил бы еще многочисленные свидетельства о кварцевых рудниках XIV — XV вв. в Фокее и на Лесбосе. Возникает естественный вопрос, соответствует ли учащение упоминаний о рудниках в XIII — XV вв. действительному расширению горного дела и не стоит ли это в какой-то мере в связи с развитием элементов капитализма в Средиземноморье.

Таким образом, Врионис положил начало большой и важной теме, но его работа далека от всестороннего освещения проблемы; заключение автора о континуитете горного дела в Византии не обосновано, поскольку он не показал уровня развития византийской металлургии в сравнении с римской.

A. K.

KONSTANTIN I METODIJE SOLUNJANI. IZVORI, PRIREDILI F. GRIVEC
I F. TOMIŠIČ

«Radovi Staroslavenskog Instituta», knj. 4. Zagreb, 1960, str. 274

Югославские ученые Ф. Гривец и Ф. Томишич опубликовали сборник источников, касающихся деятельности просветителей славянства — солунских братьев Константина (Кирилла) и Мефодия. Центральное место в томе занимают славянские жития Константина и Мефодия, обычно называемые Паннонской легендой, что, по мнению издателей, неверно: житие Мефодия во всяком случае было составлено не в Паннонии, а паннонское происхождение жития Константина спорно; к тому же и термин «легенда» может вызывать ненужные сомнения в достоверности сообщаемых житиями сведений (стр. 13).

В основу издания жития Константина положена Хиландарская рукопись XVII в., в основу жития Мефодия — рукопись Успенского монастыря в Москве XII в. Текст сопровождается различиями по другим рукописям, а также введениями (к обоим житиям), где рассматривается вопрос о рукописной традиции, и латинским переводом житий с подробным филологическим и реальным комментарием. В Приложении речь идет о некоторых частных (преимущественно терминологических) проблемах.

Помимо двух важнейших славянских источников, Гривец и Томишич включили в сборник латинские памятники [так называемую Итальянскую легенду (по Пражской рукописи), свидетельства Анастасия Библиотекаря, письма римских пап], а также латинский перевод греческого жития Климента Болгарского (в отрывках).

Текстам предпослано большое введение, написанное Гривцом, где дается характеристика всех источников — славянских, греческих и латинских. Автор считает, что славянские рукописи житий передают в общем и целом древнейший текст IX в. (он существовал уже до 885—890 гг.). Нет оснований считать Климента Болгарского автором житий — вопрос об авторстве остается открытым, причем не исключается участие Мефодия в составлении жития Константина (стр. 22).

Специально останавливается Гривец на вопросе о зависимости житий Константина и Мефодия от греческой агиографии: по его мнению, анонимные авторы подражали не агиографам VIII — IX вв., а богослову IV столетия Григорию Назианзину (стр. 24).

Подробно рассмотрены во вводной статье и другие славянские тексты: две похвалы (одна — Кириллу, другая — обоим братьям), три проложные жития, службы, так называемая Хиландарская история и иные, содержащие меньше данных [в том числе Повесть временных лет, которую автор называет: Chronographus Nestor Russus, saec. XI (строго говоря, ее следует датировать началом XII в.)]. Затем Гривец переходит к греческому житию Климента Болгарского и к латинским памятникам. В этой части особенно важно изложение взглядов П. Дево и П. Мейверта о соотношении «Итальянской легенды», на которой стоит имя Льва Остийского (рубеж XI и XII вв.), и книги Гаудериха, писавшего около 880 г. Именно Гаудерихом, т. е. еще в конце XI в., была составлена (или отредактирована?) «Итальянская легенда», а пользовался он для этого как славянскими сочинениями (ex Sclavorum litteris), так и relatio inventorij ejusdem corporis, т. е. донесением Константина, нашедшего «мощи св. Климента». Relatio Константина была, по-видимому, переведена с греческого Анастасием Библиотекарем и переслана Гаудериху (стр. 46 сл.).

Помимо «Итальянской легенды», Гривец анализирует свидетельства Анастасия, папские письма, «Обращение бавар и хорутан» и так называемые Богемские и Моравскую легенды.

¹⁵ Actes de Zographou, № 2.10.

Таким образом, книга Гривеца и Томишича — удобное пособие, содержащее основные источники по истории солунских братьев. Подробные указатели облегчают пользование текстом.

На стр. 184 в прим. 5 Гривец останавливается на вопросе, вызывавшем много споров и для нашего читателя представляющем особый интерес. Речь идет о трактовке жития Константина VIII, 15, где упомянуты «евангелие и псалтирь, росьскы писмень писано» (см. стр. 109 и разночтения на стр. 111). Гривец без аргументации отбрасывает точку зрения русских лингвистов, видевших в «русских письменах» алфавит восточных славян. Труды советских ученых, рассматривавших этот вопрос, не упомянуты вовсе¹. Сам Гривец склоняется к гипотезе Р. Якобсона, предложившего конструкцию «сурекими», т. е. сирийскими. По мнению Гривеца, Константин владел еврейским языком и поэтому легко мог начать говорить по-сирийски.

Однако и эта гипотеза (не подтверждаемая, кстати сказать, ни одной из 32 рукописей) не дает удовлетворительного решения вопроса: ведь, согласно житию, Константин различал «гласная и съгласная» — вправе ли мы говорить о гласных сирийского (арабского?) алфавита?

Вопрос о «русских письменах» пока остается нерешенным. Одновременно с книгой Гривеца и Томишича появилась статья А. С. Львова, вообще считающего этот пассаж поздней вставкой².

А. К.

S. MAZZARINO. SI PUÒ PARLARE DI RIVOLUZIONE SOCIALE ALLA FINE DEL MONDO ANTICO?

«Il passaggio dall'antichità al medioevo in occidente. Settimane di studio del centro italiano di studi sull'alto medioevo», IX. Spoleto, 1962, p. 410—425

В небольшой статье итальянский исследователь С. Маццарино вновь поднимает вопрос о социальной революции в конце истории античного мира. Он обращает внимание на то, что позднеримские и ранневизантийские писатели обычно проходили мимо событий, носивших революционный характер. Так, в маздакитском движении они не увидели ничего, кроме религиозной борьбы, кроме манихейства; социальные требования маздакитов ускользнули от них, кроме попытки Кавада ввести общность жен. «Если бы у нас не было других источников о маздакизме, кроме византийских, — пишет Маццарино (стр. 414), — мы бы ничего не знали ни о коммунистических требованиях в области экономики, ни вообще о социальном содержании маздакитского движения».

Маццарино останавливается на ряде событий, которые он рассматривает как проявления социальной революции. Он выступает против попыток Сомани, Бриссона и Диснера пересмотреть оценку движения циркумцеллионов как формы социального протеста — оценку, восходящую еще к Августину, современнику событий (стр. 418 сл.). Специальное внимание он уделяет движению рабов (стр. 420 сл.).

Согласно *Expositio totius mundi*, указывает Маццарино, в IV столетии особенно много рабов было в Паннонии и Мавритании. И это естественно, ибо Паннония и Мавритания были пограничными провинциями, где постоянные стычки с варварами служили источником поступления новых рабов в империю. Именно в этих областях на рубеже IV и V вв. прокатываются антиримские восстания: в Мавритании в 397 г., в Паннонии в 406 г., причем население Паннонии рассматривало варваров как освободителей.

Итальянский исследователь указывает и некоторые иные проявления народного недовольства и затем замечает: «Все факты, которые мы рассмотрели — деятельность Тотилы в Италии, движение циркумцеллионов в Африке, *hostes Pannonii* в 406 г., — все это подлинные революции низов (*vere e proprii rivoluzioni dal basso*)» (стр. 421).

Но Маццарино не ограничивается тем, что отмечает отдельные факты движений народных масс: он ставит вопрос и о сущности социальной революции, и — если пользоваться нашей терминологией — о гегемоне этой революции. По мнению Маццарино, экономический прогресс в Поздней Римской империи состоял в освобождении деревни от города (он усматривает это, в частности, в появлении сельских *pundinae*). Это порождает странное на первый взгляд явление — установление солидарности интересов колоннов и патронов (стр. 416).

Вместе с тем невыносимое бремя податей приводило к тому, что колонны выступали в большей степени против государства, нежели против своих *domini*. В таких условиях у них оставалось два пути: либо — подобно багаудам — подняться на вос-

¹ См. в последнее время: В. А. И с т р и н. 1100 лет славянской азбуке. М., 1963. Там и литература вопроса.

² А. С. Л ь в о в. Старославянское *книгы* — *боуьзы*. — КСИС, 28, 1960, стр. 69.

стане как против государства, так и против патронов, либо же вступить на стезю васалитета, отдаться под частную власть патронов (стр. 424).

Первый путь окончился поражением. Багауды натолкнулись на солидарность колонов и господ, на сопротивление церкви; патроны использовали против них отряды варваров. «Революция низов, — заключает Маццарино, — не имела успеха. Новую историю творили не багауды, но вассалы» (стр. 424).

Революция, все-таки совершившаяся на Западе, привела к упрощению социальных градаций, сложившихся в Поздней империи: грань между *laeti* и горожанами (*civitates*) исчезает. Но не леты поднимаются до статуса курялов, а курялы лишаются своих преимуществ и сближаются по положению с летами. «Деревня победила город», — так заключает Маццарино (стр. 425).

Можно было бы сделать автору ряд упреков. Его терминология неточна: дело не только в том, что не следует говорить о *movimento comunista* маздакитов (стр. 413), но и основное понятие статьи, «революция», автором не определено. Что он понимает под революцией — социальный переворот или просто вооруженное выступление? Связь между обилием рабов в Паннонии и Мавритании и антиримскими выступлениями в этих провинциях остается весьма проблематичной, ибо об участии рабов в движениях 397 и 406 гг. мы ничего не знаем. В советской историографии — вопреки Маццарино — никто никогда не утверждал, будто в Римской империи совершилась *una rivoluzione proletaria* (стр. 423).

Однако дело не в подобных погрешностях. Ценность статьи Маццарино — в поисках тех экономических и политических сдвигов, которые привели к сокрушению античного мира и созданию средневекового, феодального общества. Интересна мысль Маццарино об экономическом подъеме деревни — за счет города. Любопытна и другая его мысль, хотя и неточно выраженная: накануне краха античного мира старый господствующий класс в состоянии выкачивать прибавочный продукт из непосредственных производителей преимущественно в форме государственных налогов; отсюда и вырастает ненависть колонов к рабовладельческому государству как к коллективному эксплуататору (Маццарино называет это солидарностью колонов и их господ, что, конечно, неудачно). Интересна и тенденция разграничить народные движения III — V вв.; нельзя ли предположить, что специфика восстания багаудов связана с тем, что они действовали в отсталых областях империи, где широкие массы еще только втягивались в эксплуатацию сенаторского землевладения?

Особенно же важна, на мой взгляд, попытка установить, какая социальная группа явилась носителем нового — хотя, к сожалению, Маццарино не дает четкой характеристики тех «вассалов», которых он считает творцами средневекового общества

А. К.

CONCILIORUM OECUMENICORUM DECRETA

Friburgi, 1962, p. XXIII+792+72*

Болонский богословский институт (Istituto per le scienze religiose) издал сборник постановлений вселенских соборов католической церкви — от I Никейского собора 325 г. до Ватиканского собора 1869—1870 гг. Сборник подготовлен редакционной коллегией в составе Дж. Альбериги, П. Иоанну, К. Леонарди и П. Проди при участии Г. Едина. Сборник содержит критический текст постановлений (по новейшим изданиям) на греческом и латинском языках [в некоторых случаях приводятся и тексты на восточных языках — например армянская версия постановления Ферраро-Флорентийского собора об унии с Арменией (стр. 510—535)]. Материалам каждого собора предшествует небольшое введение на латинском языке, содержащее внешнюю характеристику событий, предшествовавших созыву собора, и описание его деятельности, а также краткую библиографию. Литература на русском языке не учитывается. Книга завершается подробными указателями.

К истории Византии относятся, помимо первых семи соборов, также IV Константинопольский 869—870 гг. (антифотианский) и Базельско-Ферраро-Флорентийский 1431—1445 гг. Соборы, не причисленные западными канонистами к вселенским (так называемый Разбойничий собор в Эфесе 449 г. или Фотианский собор 879—880 гг.), по традиции не включаются, хотя по существу они имели вселенское значение. Видимо, страсти, бушевавшие свыше тысячи лет тому назад, еще не улеглись окончательно.

Во введениях, как правило, не затрагивается существо споров, проходивших на соборах. Например, во введении к материалам I Никейского собора ариане даже не упомянуты, словно в центре внимания этого собора не стояла арианская проблема и сформулированный на этом соборе символ веры не был направлен против ариан. Впервые ариане упоминаются в связи с I Константинопольским собором (стр. 17), но определение ариан («те, которые представляли себе божество разьединенным на несколько естеств») не касается ни социальной, ни философской стороны этого движения.

Точно так же и политическая борьба не затрагивается комментаторами — даже в связи с острым спором о первенстве патриархатов, завершившемся изданием 28-го правила Халкидонского собора 451 г. Мы только узнаем, что на 16-м заседании легаты отвергли это правило и что оно не включено во многие рукописи (стр. 58), но какие причины двигали легатами, остается неизвестным.

Во введении к материалам II Никейского собора 787 г. упомянуты «еретики-иконоборцы» (стр. 107). Комментаторы опять-таки не говорят о сущности иконоборчества, хотя II Никейский собор был направлен именно против этого движения, но отсылают к литературе. При этом они не указывают не только советских работ (М. Я. Скюзмова), но и основных трудов, вышедших на Западе (П. Аликсандера, А. Грабара и др.).

Таким образом, перед нами удобный своей компактностью сборник текстов, существенных также для византийцев, но издатели, видимо, даже и не пытались дать комментарий издаваемых материалов по существу.

A. R.

W. WOLSKA. LA TOPOGRAPHIE CHRÉTIENNE DE COSMAS INDICOPLEUSTÈS.
THÉOLOGIE ET SCIENCE AU VIe SIÈCLE.

Paris, 1962, 329 p.

Большая монография В. Вольской посвящена «Христианской топографии» Космы Индикоплова как памятнику философской и богословской мысли¹. За небольшим введением, рассматривающим внешнюю биографию Космы Индикоплова и содержание «Христианской топографии», следуют две основные части: «Косма и Восток» и «Косма и Александрия». Первая из этих частей посвящена, если так можно выразиться, идейным корням философско-богословских взглядов Космы, вторая — его отношению к эллинистскому наследию и отношению к Косме ранневизантийских философов, прежде всего Филопона — его современника.

В основе взглядов Космы лежит мысль о двух состояниях (*καταστάσεις*). Бог стремится сообщить свою мудрость и свое благо сотворенным им существам, но разрыв между творцом и творением столь велик, что непосредственное распространение божественной мудрости на творение невозможно. Поэтому бог и создает два состояния: одно — тленное и конечное, полное противоречий и испытаний, другое — вечное и совершенное.

Этому тезису о двух состояниях подчинено все мировоззрение Космы. Вселенная разделяется на два мира — земной и небесный, история человечества — на два периода: один, начинающийся с Адама, и другой — с Христа. Именно победа Христа над смертью создает для человечества гарантию достижения вечного блаженства (стр. 37 сл.). Тезис о двух состояниях восходит к учению Феодора Мопсуэстийского, богослова IV — V столетий, осужденного на V Вселенском соборе; его сочинения дошли до нас далеко не полностью, и это обстоятельство затрудняет изучение его влияния на Косму (стр. 40 сл.). Тем не менее Вольской удается проследить зависимость Космы от Феодора в вопросах космологии и учении о человеке, в трактовке Ветхого завета как пророческой книги, предвещающей явление Христа.

Помимо Феодора Мопсуэстийского, и может быть, даже в большей степени, Косма испытал влияние нисибийской несторианской школы: одного из ученых этой школы, Мар Абу (Патрикия), он упоминает во введении ко II главе. Вольская проводит тщательное сопоставление «Христианской топографии» с сочинением ученика Мар Абы — Фомы Эдесского («Трактат о рождестве Христа»), показывая сходство этих произведений, принадлежавших к одному кругу идей (стр. 73 сл.). Вольская называет «Христианскую топографию», как и Н. В. Пигулевская, несторианским сочинением, считая, однако, что несторианство Космы проявилось не только и не столько в представлении о земле как о плоском теле, но прежде всего в учении о двух состояниях (стр. 85).

Специально останавливаясь на трактовке Космой христологического вопроса, Вольская приходит к выводу, что V глава «Христианской топографии» рассматривает этот сюжет иначе, чем остальные части книги. Указав, что ряд ранневизантийских памятников (в том числе «Пасхальная хроника») представляет параллели к V главе, исследовательница высказывает гипотезу, что все эти тексты восходят к сочинению Мар Абы или Фомы Эдесского: «Основная часть V главы не принадлежит Косме» (стр. 105).

Если учение о двух состояниях было воспринято Космой от Феодора Мопсуэстийского и школы Мар Абы, если христология V главы вообще прямое заимствование из произведения Мар Абы, то представления Космы о форме вселенной — четырехугольное в плане сооружение, покрытое аркой в виде полуцилиндра — восходит не не-

¹ Посвященная Косме Индикоплову глава в книге Н. В. Пигулевской «Византия на путях в Индию» (М.— Л., 1951, стр. 129—156) неоднократно цитируется Вольской, хотя и отсутствует в общем списке литературы.

посредственно к несторианским взглядам, а к широко распространенной на Востоке иудейской и раннехристианской традиции, опиравшейся, в частности, на Ветхий завет.

Особенный интерес, пожалуй, представляет та часть работы Вольской, где рассмотрена идейная и философская борьба в Александрии VI в. (стр. 149 сл.), выразившаяся, в частности, в противоречиях (или полемике?) между Филоном и Косьмой (стр. 161 сл.). В этом споре Филоном отстаивал античные, аристотелевские взгляды на вселенную, с которыми полемизировал Косьма. Вместе с тем при всем субъективном стремлении Косьмы поврать к «эллинским», «языческим» представлениями ему не удалось этого сделать полностью: исследовательница выясняет его заимствования и из аристотелевской философии, и у стоиков.

Несколько особняком стоит последняя глава книги Вольской — о географических представлениях Косьмы.

В книгу включено также несколько приложений, рассматривающих частные вопросы, и указатель, облегчающий пользование ею.

А. К.

L. VÁRADY. CONTRIBUTIONS TO THE LATE ROMAN MILITARY ECONOMY AND AGRARIAN TAXATION

«Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae», XIV, 1962, № 3-4, p. 403—438

Венгерский ученый Л. Варадь рассматривает некоторые вопросы позднеимперского обложения и военной организации, исходя из представления о кризисе рабовладельческой системы, охватившем империю с III в. н. э. Он считает колонат попыткой усовершенствовать рабовладельческую экономику без революционных сдвигов, а введенное Диоклетианом аграрное обложение называет «типичным для кризиса полуфеодалного сельского хозяйства империи». По мнению Варадь, экономика восточной и западной половины Римского государства оставалась сбалансированной, откуда система рабовладельческих латифундий преобладала на Западе и города переживали известный подъем (а certain boom). Тогда как мелкие хозяйства колонского типа (colonus-type small farms) на Востоке продолжали работать с большой продуктивностью, на Западе переход к колонату вызвал кризис, развитие тенденций к натурализации экономики (to a subsistence economy), к бегству непосредственных производителей и разрыву их с производством. В этих условиях необходимо было стабилизировать обложение, чтобы иметь доход, достаточный для поддержания государственного аппарата (стр. 407 сл.).

Аграрное обложение, введенное Диоклетианом, явилось универсальной системой для всей империи. Его целью было прикрепление колонов к земле. В основе обложения лежал *jugum* — податная единица, согласно Варадь, не тождественная африканской *centuria* или италийской *millena* (стр. 428). Ответственность за уплату податей была коллективной, и в случае сокращения (например бегства) числа налогоплательщиков бремя их налогов распределялось между оставшимися.

Каждое *jugum* разделялось — независимо от реальной численности сидевших на земле людей — на пять *capita*; предполагалось, что семья состоит из пяти человек — главы семейства, его жены, родителей и старшего сына домохозяина (стр. 409). В пользу своей теории Варадь истолковывает ряд документов: надпись из Бриджетто 311 г., постановление Константина от 325 г. (СTh, VII, 20.4), панегирик начала IV в. и др.

Capitatio, по мысли Варадь, составляла денежную часть налога, тогда как *jugatio* была связана с натуральными повинностями. Органическую часть *capitatio* составляли *annonariae pensationes* или *annonae congrua* (стр. 414 сл.). В другом месте (стр. 416) венгерский ученый определяет *jugatio* как основу аграрного обложения, а *capitatio* — как часть *jugatio*, взимающуюся с лиц (ориентировочно с пяти человек), живших в крестьянском хозяйстве. Иными словами, *capitatio* в крупном «поместье» взималась с населенных колонатами наделов (и служила средством прикрепления их к земле), тогда как «свободные *jugae*» не подлежали обложению этим налогом. При этом, разумеется, колонаты обрабатывали не только часть поместья, включенную в *capita*, но и «свободные *jugae*» (стр. 420).

Coemptio — форма обложения, характерная для Востока, где господствовало денежное хозяйство, — была тесно переплетена с *jugatio* — *capitatio*: она устанавливалась в соответствии с числом *jugae* и *capita* [πρός τήν ἀναλογίαν τῶν ζευγῶν ἤτοι ζυγοκαρῶν (СJ, X, 27.2, § 8)] и состояла в периодически устанавливаемой обязанности продавать государству продукты по твердым ценам (стр. 417).

Подводя итог рассмотрению позднеимперской системы обложения, Варадь замечает: «Аграрное обложение, основанное на кадастровых данных, не зависящих от реального урожая, является типичным феноменом для полуфеодалных государств античного мира» (стр. 431 сл.). Оно возникает в условиях спада рабовладельческой экономики и отражает тенденцию к консолидации сил государства.

А. К.

GUILLAUME DE POUILLE. LE GESTE DE ROBERT GUISCARD, ÉDITION,
 TRADUCTION, COMMENTAIRE PAR M. MATHIEU AVEC UNE PRÉFACE DE
 H. GRÉGOIRE

Palermo, 1961, 416 p.

Новое издание поэмы Вильгельма Апулийского «Деяния Роберта Гвискара» состоит из обширного введения, текста поэмы с прозаическим французским переводом и подробного комментария.

Книга М. Матье — первое критическое издание поэмы Вильгельма. Его подготовка потребовала от издателя большого труда. Editio princeps, появившаяся еще в 1582 г., основывалась на ныне утраченной рукописи, причем издатель, предложивший ряд конъектур, не счел нужным указывать рукописное чтение. Последующие издания воспроизводили с некоторыми поправками текст editio princeps, и лишь Р. Вильманс, опубликовавший поэму в IX томе Monumenta Germaniae Historica (Scriptores), бегло сверил текст поэмы с единственной сохранившейся рукописью (библиотека г. Авранша, № 162). За годы переизданий в тексте поэмы накопилось немало ошибок, и каждый, кому приходилось обращаться к произведению Вильгельма, ощущал необходимость его нового издания. Работа Матье удовлетворяет современным требованиям, предъявляемым к изданиям средневековых авторов. Если читатель иногда и не согласится с чтениями, которые принимает Матье, то он всегда найдет в критическом аппарате иные чтения или конъектуры, предлагавшиеся различными издателями.

Введение, занимающее 93 страницы, представляет собой монографическое исследование о поэме Вильгельма. В I главе Матье перечисляет параллельные западные и греческие источники. Во II главе автор останавливается на сюжете, времени создания и тенденциях поэмы. Вполне правдоподобно Матье определяет время написания произведения 1095—1099 гг.¹ К сожалению, о политических тенденциях поэмы говорится весьма кратко, отмечаются лишь преклонение автора перед Рожером Борской и его симпатии к византийскому императору. Политическая позиция Вильгельма Апулийского, с нашей точки зрения, достаточно сложна и заслуживает более подробного рассмотрения.

Третья глава посвящена личности автора поэмы. Никаких сведений о Вильгельме не сохранилось, и Матье, комбинируя различные косвенные данные, приходит к выводу, что автор «Деяний Роберта» был норманном, жившим в Апулии.

Следующая большая глава носит название «Историческая ценность и источники „Gesta Roberti Wiscardi“». Последовательно разбирая историческую ценность сведений Вильгельма, Матье совершенно справедливо дает в целом высокую оценку поэмы как исторического источника. Специальный раздел этой главы посвящен вопросу об общем латинском источнике для поэмы Вильгельма и «Алексиады» Анны Комниной. Матье решительно возражает против гипотезы о существовании такого источника, выдвинутой Вильмансом еще в середине прошлого столетия². Возражения Матье не кажутся нам основательными. Правда, некоторые положения Вильманса оспариваются Матье справедливо, но слабость отдельных доводов немецкого ученого не означает неверности его концепции в целом, тем более что в защиту гипотезы об общем источнике можно привести ряд дополнительных аргументов³.

В V главе автор отмечает легендарные, эпические элементы и анекдоты, нашедшие отражение в поэме.

В VI главе произведение Вильгельма характеризуется как литературный памятник. Отнюдь не переоценивая художественного значения «Деяний Роберта Гвискара», Матье в то же время отмечает определенные достоинства поэмы и, что самое интересное, пытается поставить это произведение в связь с литературой того времени.

В VII главе анализируется язык поэмы и отмечаются многочисленные случаи отступления от норм классической латыни.

В VIII — XI главах дается характеристика рукописей, изданий и переводов «Деяний Роберта Гвискара». В этих последних главах привлекает исчерпывающий характер материала, приведенного автором. Это же качество является и основным достоинством комментария, приложенного к изданию. В комментарии (значительно превосходящем по объему текст поэмы) с максимальной полнотой приводятся данные парал-

¹ Такая датировка была ранее обоснована Матье в статье «Sur la date des Gesta Roberti Wiscardi» («Annuaire de l'Institut de Philologie et d'histoire orientales et slaves», XI, 1951). До того времени в научной литературе была принята датировка Вильманса: 1099—1111 гг.

² См. R. W i l m a n s. Über die Quellen der Gesta Roberti Wiscardi der Guillelmus Apuliensis.—«Archiv der Gesellschaft für älteste deutsche Geschichtskunde», X, 1849.

³ Я. Н. Л ю б а р с к и й. Об источниках «Алексиады» Анны Комниной (см. настоящий том, стр. 99—120).

тельных источников, сообщаются мнения других исследователей и в большинстве случаев высказывается суждение автора. Ряд статей комментария носит не только объяснительный, но и исследовательский характер. Конечно, не все выводы Матье представляются безусловными, однако почти все части комментария могут служить хорошим отправным пунктом для дальнейшего исследования.

К изданию приложены подробные карты, указатель и тщательно подобранный список литературы. В отличие от многих зарубежных работ, Матье широко пользуется трудами русских византистов (В. Васильевского, П. Безобразова, Н. Скабалановича). К сожалению, автору остались неизвестными некоторые (правда, немногочисленные) работы советских ученых, исследовавших события, упомянутые Вильгельмом Апулийским или в параллельных источниках (А. Неусыхин, Н. Соколов и др.).

Впервые поэма Вильгельма стала предметом всестороннего изучения. Автор исследования одинаково владеет как западным, так и греческим материалом. Все три составные части книги М. Матье представляют немалый интерес для историков Италии и Византии XI в.]

Я. Л.

Н. ANTONIADIS-BIBICOU. RECHERCHES SUR LES DOUANES À BYZANCE

Paris, 1963, 293 p.

Книга французской исследовательницы Э. Антониадис-Бибику поднимает вопрос, который, по существу, еще не был предметом монографического исследования, — о византийских таможенных и таможенных сборах. Нет нужды специально говорить о важности этой темы, подчеркнем лишь ее трудность. Антониадис-Бибику приходится привлекать источники разного времени и разных типов: надписи и печати, законодательные памятники и документы, жития и хроники; помимо византийских используются латинские, восточные, древнерусские памятники.

Следует отметить две особенности книги: во-первых, стремление поставить историю таможенных чиновников и таможенных сборов в тесную связь с политической и экономической историей Византии; во-вторых, интенсивная обработка источников. Антониадис-Бибику не ограничивается анализом отдельных свидетельств — она сводит данные памятников в таблицы, составляет схематические карты, облегчающие использование огромного собранного ею материала.

Исследовательница рассматривает прежде всего свидетельства о размере таможенных сборов. В Римской империи они составляли 2,5—5% (стр. 72), и подобные же нормы сохранялись до начала VI в. При Юстиниане I происходят существенные изменения в таможенном деле: разрастается аппарат сборщиков пошлин, сбор их передается из рук откупщиков государственным чиновникам; одновременно возрастает размер обложения — вводится *δελτά*, т. е. пошлина в 10% (стр. 93 и сл.).

Пошлины в 10% существовали при Никифоре I (стр. 97); в 1348 г. Иоанн VI Кантакюзин отменил «старый закон, обязывающий всех торговцев платить в казну десятину (*δελτάς*)», и установил сбор в размере 2% (стр. 102). На основании лаврских актов Антониадис-Бибику доказывает тождество десятины и коммеркия (стр. 103).

Коммеркий встречается в разных значениях: как сбор с ярмарок (стр. 107 и сл.), как пошлина за провоз товаров и за куплю-продажу (стр. 108 и сл.). Как в позднеримской *остава*, в коммеркии сливаются и чисто таможенный сбор, и обложение торговой сделки (стр. 197, 218). Антониадис-Бибику рассматривает судьбу византийского коммеркия: с конца IX в. возрождается сдача на откуп таможенного сбора, первым проявлением чего она считает перевод торговли с болгарями в Солунь (стр. 143); с начала X в. появляется освобождение иноземцев от уплаты таможенных пошлин; сперва его получили русские купцы (стр. 54), позднее — венецианцы.

Исследовательница полемизирует с Г. Милле, доказывая, что коммеркирии с самого начала выполняли таможенные функции (стр. 158 и сл.). Она тщательно анализирует легенды печатей коммеркириев, прослеживая, в частности, аккумуляцию коммеркириями других функций (стр. 174 и сл.) и понижение значения этой должности с IX в. (стр. 181 и сл.), а также локализует на карте таможенные пункты в разные столетия (стр. 197 и сл.). При этом весьма примечателен ее вывод, что до конца VIII в. таможенные округа не совпадают с административным делением империи (стр. 206).

Однако этой узкофискальной стороной не исчерпывается значение рецензируемой книги. Автор, опираясь на полученные материалы, ставит проблему экономического развития империи.

В специальном экскурсе Антониадис-Бибику выступает в защиту тезиса о существовании в Византии элементов денежного и натурального хозяйства (стр. 246 и сл.): в локальном обмене преобладали натуральные элементы, на крупном внутреннем рынке — денежные. Что касается внешнего рынка, то исследовательница различает поло-

жение на Западе и на Востоке и допускает, что обмен с западными соседями мог в раннее средневековье носить натуральный характер (стр. 248).

По ее мнению, известная натурализация византийской экономики приходится на VII столетие (стр. 254 и сл.). VIII век она считает эпохой экономической стабилизации, X в. датирует торговый подъем (стр. 141 и сл.). Тем самым, заключает исследовательница, развитие Византийской империи может быть включено «в общую схему экономических процессов в государствах средневековья» (стр. 221). С XI в. Византия слабеет, переживает своего рода феодализацию, объясняемую тем, что «государство отражает прежде всего интересы господствующего класса» (стр. 223).

Разумеется, как и во всякой книге, в работе Антониадис-Бибику встречаются неточности и обмолвки. Так, на стр. 102 она называет Киннама секретарем Иоанна II. Встречаются здесь и некоторые спорные положения: автор, к примеру, постоянно пользуется поздними юридическими памятниками (как-то Василики и Синописис Василик) не только для изучения юридической теории (что имело бы основания), но и для восстановления реальных отношений, несмотря на то, что она сама удачно вскрывает разрыв юридической теории и практики (стр. 113) и, в частности, убедительно показывает, насколько ограничены возможности привлечения Морского закона в доказательство развитости денежных отношений в VII в. (стр. 252 и сл.).

Некоторые факты не нашли в книге убедительного объяснения. Так, на стр. 210 Антониадис-Бибику отмечает обилие печатей коммеркиариев VII и большей части (*une grande partie*) VIII в. Действительно, на VII и самое начало (а не «большую часть»!) VIII в. приходится 65 печатей из 135 датированных печатей (№ 5—69), тогда как на вторую половину VIII и IX столетие — всего 23 (№ 70—92). При этом печати VII — начала VIII в. принадлежат коммеркиариям большого числа пунктов — преимущественно в Малой Азии; напротив, печати второй половины VIII — IX в. относятся к Солуни (11 штук), Элладе (4 штуки), городам на морских подступах к столице: Хрисополу и Авидосу (2 штуки) и по одной к провинции Азии, Никомидии, Пергаму (?). (Остальные печати не имеют локализации.)

Исследовательница отмечает, что эти перемены отражают отчасти изменение экономического положения (*une situation économique*), но прежде всего — новую политическую ситуацию, вызванную арабскими вторжениями. В другом месте (стр. 199) она говорит, что соотношение печатей выражает превращение Византии VII в. в малоазийское государство. Бесспорно, преобладание малоазийских таможен VII в. над балканскими в какой-то мере связано с потерей контроля над балканскими территориями, которые в VII в. перешли в руки славян. Этот факт адекватен отмеченному Г. Острогорским явлению — исчезновению большей части балканских епископий в VII в.¹

Однако экономический аспект перемены остается невыясненным. Действительно, почему с начала VIII в., несмотря на успехи Исауров и отеснение арабов из Малой Азии, исчезают все малоазийские таможи, кроме самых близких к столице, тогда как в бурное VII столетие они существовали там повсеместно? Ход арабо-византийских войн определенно противоречит попытке объяснить это изменением политической ситуации. Наоборот, если мы допустим, что сокращение товарного обращения в Византии приходится на VIII в. (как я предположил еще в 1954 г.), то уменьшение числа таможенных пунктов в VIII в. окажется совершенно естественным.

Относя к VII, а не к VIII столетию сокращение товарного обращения, Антониадис-Бибику оперирует цифрами Острогорского (стр. 254), не учитывая, однако, что эти цифры отражают не реальное количество сохранившейся золотой монеты, а состав коллекций. Резкое уменьшение находок византийской монеты VIII — IX вв. за пределами империи подтверждает предположение о спаде товарного обращения в эти века.

Не находит объяснения и другой отмеченный Антониадис-Бибику факт: исследовательница полагает (на мой взгляд, вполне основательно), что с X в. начинается подъем византийской торговли. Как же объяснить в таком случае относительно небольшое количество печатей коммеркиариев этого времени (преимущественно сохранились печати коммеркиариев Херсона) и уменьшения значения этой должности?

В этой связи следовало бы обратить внимание на ускользнувшее от исследовательницы житие Афанасия Афонского, где прямо отождествляются термины «практор» и «коммеркиарий»². Не означает ли это, что функции коммеркиария выполнялись — за исключением некоторых наиболее важных торговых центров — обычными сборщиками податей?

Можно было бы затронуть некоторые дополнительные проблемы, например о соотношении ввозных и вывозных пошлин (по хрисовулу 992 г. и по данным Марвази)³.

¹ G. Ostrogorsky. Byzantine Cities in the Early Middle Ages. — DOP, 13, 1959, p. 57 f.

² И. Помяловский. Житие преп. Афанасия Афонского. СПб., 1895, стр. 5.

³ А. П. К а ж д а н. Деревня и город в Византии IX — X вв. М., 1960, стр. 292.

Большого внимания заслуживал и вопрос о привилегиях византийских городов X — XII вв. Автор, основательно подчеркивая, что класс кушцов оказывал влияние на правительство Льва VI (стр. 42)⁴, придерживается тем не менее традиционного взгляда, будто этот император ликвидировал «последние следы» автономии городов (стр. 47)⁵. Но и то, что сделано Антониадис-Бибику, позволяет высоко оценить ее книгу.

А. К.

P. GAUTHIER. LE DISCOURS DE THÉOPHYLACTE DE BULGARIE
À L'AUTOCRATOR ALEXIS I-ER COMNÈNE (6 JANVIER 1088).

«Revue des études byzantines», XX, 1962, p. 93—130

Труд П. Готье состоит из двух частей: исследования речи Феофилакта Болгарского к императору Алексею I Комнину и издания текста речи. Критическое издание речи появляется впервые. До сих пор исследователи были вынуждены обращаться к «Греческой патрологии» Минья (PG, t. 126), который воспроизвел текст старого венецианского издания, основывавшегося на рукописи XVI в. Это издание изобиловало ошибками и пропусками, в ряде случаев делавшими текст Феофилакта плохо понятным. В основу издания Готье легли две флорентийские рукописи XIV в. (Laurentianus LVI, 1 и Laurentianus LIX, 12); оно сделано основательно и добротнo.

Исследование посвящено частному вопросу — уточнению датировки речи. Однако, как это часто бывает, частный вопрос оказывается связанным с более широким кругом проблем, и это придает работе Готье несомненный интерес. Во-первых, уточнение даты речи должно изменить наши представления о биографии Феофилакта. Во-вторых, Готье приходится заниматься хронологией византийско-печенежской войны и событий в Малой Азии 1086—1092 гг. Эти события известны лишь из «Алексиады» Анны Комниной; соответствующие главы ее труда имеют весьма запутанную хронологию, которая неоднократно была предметом ученых дискуссий.

В. Васильевский определил *terminus post quem* (1088 г.) и *terminus ante quem* (1092 г.) речи Феофилакта¹. Эти даты ни у кого, в том числе и у Готье, не вызывают сомнений. Готье оспаривает лишь попытку Васильевского установить для речи точную дату — 6 января 1090 г., дату, которая безоговорочно принимается всеми прочими современными исследователями².

Единственный аргумент В. Васильевского заключается в идентификации мира с печенегами, за который Феофилакт хвалит Алексея (сар. 6), с миром, упомянутым Анной (II, р. 107.17—22)³, который Васильевский датирует концом 1089 г. Готье возражает против такой идентификации и предлагает отождествить упомянутый Феофилактом мир с тем, который, согласно Анне (II, р. 105.30—106.30), несколько ранее заключил Синасий (Готье датирует его началом зимы 1087/88 г.).

Возражения Готье сводятся к следующему: 1) согласно Феофилакту, печенегов к заключению мира вынудил договор Алексея с куманами, а в 1089/90 г., судя по «Алексиаде», куманы уже не участвовали в событиях; 2) согласно Феофилакту, печенеги первыми отправили послов к Алексею с предложением мира, Анна же сообщает, что инициатором мирного договора был Алексей; 3) как сообщает Анна, мир конца 1089 г. оказался недолговечным, в начале зимы печенеги перешли в Тавроком и стали грабить окрестности. Таким образом, в январе, когда произносилась речь, договор был уже нарушен.

Первый довод Готье — *ex silentio*. Относительно роли куманов в заключении мирного договора Анна могла просто умолчать, ведь, по ее собственным словам (II, р. 146), «из многих событий [печенежской войны] она упомянула лишь о немногих».

Что же касается второго и третьего доводов, то они представляются вполне основательными для того, чтобы поколебать датировку Васильевского. Готье, однако, не

⁴ См. об этом также: М. Я. Сю з ю м о в. Экономические воззрения Льва VI. — ВВ, XV, 1959, стр. 34; А. П. К а ж д а н. Из истории политической борьбы в Византии в начале X в. — «Уч. зап. Тульского пед. ин-та», 3, 1952, стр. 194 и сл.

⁵ См. критические замечания: А. П. Р у д а к о в. Византийская культура по данным греческой агиографии. М., 1917, стр. 79, особенно: Н. В. П и г у л е в с к а я, Е. Э. Л и п ш и ц, М. Я. Сю з ю м о в, А. П. К а ж д а н. Город и деревня в Византии в IV — XII вв. Белград — Охрид, 1961, стр. 37 г сл.

¹ В. В а с и л ь е в с к и й. Труды, т. I. СПб., 1908, стр. 134 сл.

² Кроме перечисленных Готье авторов, в самое последнее время за эту датировку высказался Р. Катичич (R. K a t i č i ć. Биография пери Феофилактоу ἁρχιεπισκόπου Ὁυρήδος. — ЕЕВЗ, 30, 1960—1961).

³ Цитируем по изданию: Anne Comnène. Alexiade. Paris, 1937—1945.

замечает, что оба эти довода равным образом опровергают и его собственную идентификацию. Ведь и при заключении первого договора инициатором был Алексей, отправивший к печенегам Синесий. Кроме того, как в первом, так и во втором случаях печенеги немедленно нарушили мир: Синесий, по словам писательницы (II, р. 106), еще не успел вернуться к императору, как печенеги возобновили военные действия и заняли Филиппополь.

Идентифицируя мирный договор, упомянутый Феофилактом, с тем, который, согласно Анне, заключил Синесий, Готье пытается установить его дату на основании данных «Алексиады». До Готье распределить во времени события печенежской войны старались К. Дитер, Ф. Шаладон, В. Васильевский, В. Златарский и др., однако большинство датировок носило гипотетический характер, ибо основывалось лишь на сбивчивых и противоречивых указаниях Анны. Но и Готье распределяет события во времени чисто логическим путем. Следует признать, что текст «Алексиады» в этом разделе не дает оснований для точных датировок.

Отстаивая свою датировку, Готье обращает внимание на слова Феофилакта (сар. 11) о том, что Алексей ввел в свою империю, сделал членами синклита и «сподобил святого крещения» неких пришельцев с Востока. По мнению Готье, речь идет об упомянутых Анной (II, р. 66, 81) Чауше и Илхане, перешедших на службу к Алексею и принявших христианство. Однако хронология этих событий в «Алексиаде» и в данном случае весьма неопределенна, и поэтому датировки, предложенные Готье, носят в ряде случаев произвольный характер. Можно считать вероятной гипотезой предложение Готье датировать мятеж Илхана концом 1086 — началом 1087 г., однако никак нельзя согласиться с датировкой похода полководца Мелик-Шаха Бузана в Малую Азию 1087 г. Ведь, согласно Анне, Бузан передал Алексею предложение Мелик-Шаха выдать дочь за его старшего сына, а посланец императора Татикий, который нес ответное письмо султану, уже не застал в живых Мелик-Шаха. Мелик-Шах же, как известно, умер в 1092 г. Готье приводит два соображения в подкрепление своей датировки: 1) доводы, которые приводит Мелик-Шах в письме, переданном с Бузаном, стремясь склонить к союзу Алексея, соответствуют ситуации 1087 г. В этом письме султан напоминает Алексею о его борьбе с «латинянами», т. е. о кампании против Роберта Гвискара, закончившейся в 1085 г.; 2) Мелик-Шах предлагает Алексею выдать замуж свою дочь за его старшего сына, а старший сын султана Ахмет умер в 1088 г. Эти аргументы не представляются нам убедительными. Во-первых, Мелик-Шах вспоминает вообще о врагах, с которыми встретился Алексей с того момента, как взял власть в свои руки, и, следовательно, доводы Мелик-Шаха не обязательно связывать с ситуацией 1087 г. Во-вторых, под старшим сыном может иметься в виду наследник султана Бэрк-Ярук, ведь называется же Анна по ошибке первенца Роберта Боэмунда младшим сыном Роберта.

Готье приводит еще один аргумент в пользу своей датировки. Феофилакт побуждает Алексея провозгласить соправителем своего сына Иоанна, которого он называет *ὀψιμώτατος θεῶν* — «чудо самого недавнего времени». В 1090 г. Иоанну было уже два года, и, по мнению Готье, оратор не мог именовать его таким образом. Думается, однако, что назвать младенца Иоанна *ὀψιμώτατος θεῶν* Феофилакт мог и в 1090 г., не говоря уже о том, что *ὀψιμώτατος* можно понимать не только в значении «самый недавний», но и «самый последний» (из детей Алексея).

Итак, большинство аргументов Готье вызывает серьезные возражения. И все же если ему, с нашей точки зрения, не удалось убедительно доказать свою мысль, то безусловно удалось показать слабую обоснованность некоторых традиционных датировок, более полувека переходящих из одного исследования в другое.

Я. Л.

С. ЛИШЕВ. ЗА ГЕНЕЗИСА НА ФЕОДАЛИЗМА В БЪЛГАРИЯ

София, 1963, 223 стр.

Книга С. Лешева, в которой впервые в исторической литературе детально исследуется проблема формирования феодальных отношений в Болгарии, представляет собой серьезное научное исследование. Характерной особенностью книги является пересмотр ряда проблем, решение которых стало как бы традиционным. С. Лешев считает необходимым пересмотреть выдвинутый рядом исследователей тезис о том, что у славян еще до их переселения в Нижнюю Мезию знать захватывала общественные земли и превратилась в класс крупных землевладельцев. В VI—VII вв. у славян будто бы уже оформилась феодальная эксплуатация, а в IX—X вв. уже существовала личная зависимость крестьян. Эта концепция раннего развития феодализма у славян излагается, в частности, Д. Ангеловым. Лешев критикует эти взгляды как необоснованные. Он указывает, что Земледельческий закон может быть использован только как источник по истории Болгарии второй половины IX в., когда был сделан перевод Земледельческого закона на славянский язык. В этом вопросе Лешев солидаризируется со Златарским, на высказывание которого он и ссылается. Далее Лешев показал, что и другие

источники, использованные Д. Ангеловым, в частности свидетельства Михаила Сирийского, не дают оснований для вышеизложенных выводов.

Лишев развивает свою концепцию формирования феодальных отношений в Болгарии. Вопреки распространенному мнению о том, что в VII в. у славян родовые отношения уже распались, Лишев считает, что родовые отношения еще в значительной мере сохранялись в VII—VIII вв. В этот период славянская община носила переходный характер. В ней сохранились черты родовой общины и появились уже черты, свойственные общине-марке. Частная собственность аллодиального типа еще не сложилась. Хотя и существовала наследственная государственная власть, но общество этого времени еще не являлось классовым. К этому периоду относится только начало процесса классового образования. Крупная частная собственность на землю, равно как и феодальная эксплуатация, отсутствовали. У протоболгар в период их вторжения на Балканский полуостров также не существовало еще феодальных отношений. К стати, основываясь на данных последних достижений археологии, Лишев считает, что протоболгары составляли отнюдь не малочисленную дружину—точка зрения, получившая значительное распространение в литературе,— а большое количество населения. Сравнительно медленные темпы формирования феодальных отношений в Болгарии Лишев объясняет состоянием производительных сил в стране. В разных районах уровень производительных сил был неодинаков. Если в Нижней Мезии существовала преемственность от античной культуры, то в Северной Болгарии и Добрудже было чрезвычайно редкое население и имелись огромные пространства запущенных земель. Постепенное развитие производительных сил привело в IX—X вв. к прогрессированию процесса обособления частной собственности и разложения общины. К этому времени относится распространение общины-марки. К X в. окончательно формируется аллодиальная собственность. Формирование феодализма в Болгарии отстает от развития феодальных отношений в Византии. В юго-западной Болгарии особенно долго сохраняются черты земледельческой общины. Хотя крупная собственность уже существовала в IX—X вв., однако она не распространялась на всю общину. Термин «властель», как показывает Лишев, не имел в этот период значения «земельный собственник», как это обычно считают, а обозначал государственного чиновника. Для обозначения крупного собственника употреблялись термины «господарь», «господин». Процесс закрепощения начинается, по мнению Лешева, только при Круме, т. е. в начале IX в., но до начала XI в. этот процесс происходил медленными темпами.

Выводы Лешева, полагающего, что темпы развития феодальных отношений в Болгарии были более медленными, чем считают некоторые исследователи, в частности Д. Ангелов, представляются вполне убедительными.

Книга Лешева, бесспорно, представляет собой существенный вклад в развитие марксистской исторической науки.

К. Х.

Н. П. СОКОЛОВ. ОБРАЗОВАНИЕ ВЕНЕЦИАНСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ ИМПЕРИИ

Саратов, 1963, 542 стр.

Обширная монография горьковского историка Н. П. Соколова посвящена экспансии Венеции на Восток в X—XIII вв. и, таким образом, по своей тематике тесно связана с проблемами византиноведения. Это плод многолетнего исследования, результаты которого частично уже известны по большому числу статей, опубликованных в различных журналах¹. Уже обзор источников (стр. 12—51) свидетельствует о колоссальном труде, проделанном автором: он использовал документальные и нарративные памятники, в том числе венецианские, византийские, возникшие в латинских государствах Востока и в далматинских городах, арабские, генуэзские, французские, немецкие...

Естественно, что при таком широком круге источников Соколов не всегда может быть точен в их характеристике. Это относится, в частности, к византийским памятникам. Автор нередко пользуется старыми изданиями, не привлекая, к примеру, издание «Алексиады» Б. Лейба или «Морейской хроники» Шмитта. Говоря об описании Анны Комниной византино-венецианской войны против норманнов (стр. 20), следовало бы указать, что ее сведения об этих событиях восходят к общему источнику с хроникой Вильгельма Апулийского. Из сочинений Евстафия Солунского Соколов упоминает лишь «Взятие Солуни», тогда как знаменитый ритор посвятил одну из речей борьбе Мануила с венецианцами, и в частности осаде Анконы². Говоря на стр. 37 и сл. о

¹ См., например, Н. П. Соколов. Восточная политика венецианской плутократии.—Уч. зап. Горьковского гос. ун-та», V, 1950; о п ж е. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Венеции в последние годы правления Комнинов (1171—1185).—ВВ, V, 1952; о н ж е. Венецианская доля в византийском наследстве.—ВВ, VI, 1953.

² См. особенно: W. R e g e l. Fontes rerum byzantinorum, pars I. Petropoli, 1892, p. 111—114.

хрисулах византийских императоров Алексея I Коломанна (!), Мануила, Алексея III и др., следовало дать ссылки на «Регесты» Ф. Дельгера. Использование «Регест» позволило бы Соколову избежать некоторых неточностей. Так, на стр. 37 он говорит о хрисуле 1199 г. — имеется в виду грамота от ноября 1198 г. (Reg. № 1647), на стр. 447 идет речь о привилегиях 1169 или 1170 г. — надо от октября 1169 г. (Reg. № 1488).

Еще более обширны главы, посвященные необозримой литературе по истории Венеции (стр. 51—143). Соколов начинает с трудов XV в. и доходит до последних лет (Р. Чесси, Дж. Луццатто, Ф. Тирье, А. Вааса). Он разделяет литературу на ряд разрядов: отдельно выделены труды по истории хозяйства, по истории венецианских колоний, отдельно труды русских историков западного средневековья, русских византистов и т. д. Подобный метод при всех его достоинствах имеет существенный недостаток: исчезает, дробится основная линия развития историографии. К тому же Соколов нередко полемизирует в историографических главах по сравнительно частным вопросам (например, о территориальных приобретениях Венеции в результате IV крестового похода — см. стр. 65, 84, 88, 110, 117), что, на мой взгляд, затемняет представление об общем процессе изучения проблемы.

Конечно, невозможно предполагать, что историография такого объема может быть составлена без пропусков. Особенно досадное упущение, на мой взгляд, — работы Ф. Коньяссо и И. Данструпа³, в которых впервые были пересмотрены традиционные представления о византино-венецианских отношениях в 70-е и 80-е годы XII в., что Соколов считает одним из важнейших своих достижений (стр. 493). Соколов подробно останавливается здесь на советских учебниках (стр. 138 и сл.), но не упоминает о трудах М. А. Заборова, где большое внимание уделено IV крестовому походу (см., однако, стр. 456), ни о книге К. Н. Юзбашьяна, ни о статьях М. Я. Сюзюмова и М. М. Фрейденберга.

К сожалению, оценки трудов советских ученых не всегда свободны от субъективизма: так, при изложении интересной работы Е. Ч. Скржинской (стр. 139 и сл.) центр тяжести перенесен на погрешности этой статьи; напротив, «все, что в книге проф. Левченко относится к венецианской истории, стоит обычно, — по утверждению Соколова (стр. 141), — в своей фактической части на высоте современного научного знания». Это не мешает автору через несколько строк «отметить, что те факты, которые относятся к истории взаимоотношений Византии и Венеции, излагаются проф. Левченко с повторением ряда ошибок».

Соколов детально и тщательно прослеживает рост венецианской колониальной державы от первых попыток укрепиться на восточном берегу Адриатики до IV крестового похода и захвата значительной части византийских земель (один из интереснейших выводов автора как раз и посвящен определению венецианской доли «византийского наследия»). Ряд разделов имеет непосредственное отношение к византиноведению, а именно «Борьба Венеции против арабов» (стр. 187—191; здесь надо уточнить некоторые даты: захват Палермо относится к 831, а не к 830 г., захват Тарента — к 839/40, а не к 840 г.⁴); «Защита коммуникаций с Востоком» (стр. 229—236), где идет речь о византино-венецианской войне против норманнов при Алексее I; «Венеция и Византия в их взаимоотношениях в XII в.» (стр. 281—319; отмечу попутно, что на стр. 288 Соколов относит военные действия византийцев против сербов при Иоанне II ко времени *после* венгерского конфликта — в действительности, порядок был обратный⁵); «Роль Венеции в организации и направлении Четвертого крестового похода» (стр. 358—383), где Соколов доказывает, что именно Венеция была душой похода на Константинополь; «Венецианская доля в византийском наследстве» (стр. 383—408).

Книга Соколова содержит много данных также о взаимоотношениях Венеции с южными славянами. Найдет в ней для себя интересный материал и историк Руси: так, Соколов специально останавливается на термине *Ῥωσία* в византийских памятниках XII—XIII вв. (стр. 447—450), склоняясь к мысли, что «Россия» в хрисуле Мануила генуэзцам от 1169 г. — не незначительный географический пункт в Северном Причерноморье, а Киевская Русь. По мысли Соколова, хрисул 1169 г. запрещает генуэзцам торговать во всем Северном Причерноморье. Впрочем, подобное истолкование термина «Россия» не бесспорно: автору следовало бы рассмотреть все известия о термине *Ῥωσία* и учесть относящуюся сюда литературу (А. Соловьев, Н. Банеску и др.).

А. К.

³ F. Cognasso. Partiti politici e lotte dinastiche in Bizancio alla morte di Manuele Comneno. Torino, 1912; I. Danstrup. Recherches critiques sur Andronicos I-er. Lund, 1945 (см. о ней Ф. Дельгер. — ВЗ, 43, 1950, S. 135). По истории византино-венецианской борьбы при Мануиле см. еще Р. Lamma. Comneni e Stauffer, vol. I. Roma, 1957, p. 205—227.

⁴ А. Васильев. Byzance et les arabes, t. I. Bruxelles, 1935, p. 439, 441.

⁵ См. А. П. К а ж д а н. Еще раз о Киннаме и Никите Хониате. — BS, 24, 1963, p. 11 sq.

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ СЛАВЯН. ВЫП. I
Издательство Воронежского гос. университета.
Воронеж, 1963, 205 стр.

Воронежские историки уделяют немалое внимание проблемам славяноведения. Настоящий сборник является вторым изданием, выпущенным Воронежским университетом за последние годы и посвященным проблемам славянской истории¹. Сборник состоит из следующих трех разделов: «Статьи и сообщения», «Библиография», «Хроника». Раздел «Статьи и сообщения», в свою очередь, имеет два подраздела: «Средние века» и «Новое время». Три первые статьи раздела «Средние века» посвящены истории южных славян и Византии. Это статьи С. П. Бобровой «Некоторые вопросы крестьянского землевладения в Сербии XII — первой половине XIV вв.», Н. П. Мананчиковой «Об изучении истории Дубровника», Д. Ангелова «Методы византийской дипломатии в отношениях с Болгарией по данным писем константинопольского патриарха Николая Мистика». В статье С. П. Бобровой подробно рассматривается эволюция прав зависимого крестьянства на землю в Сербии указанного времени. Большая часть крестьян в Сербии попала в феодальную зависимость в результате королевских или царских пожалований населенных земель феодалам. Эволюция прав на землю этой категории крестьян в центре внимания С. П. Бобровой. Вначале крестьяне после перехода под власть феодала сохраняли свои багшинные права. Однако постепенно эти права ограничиваются. Было ограничено право наследования багшин со стороны женщин. Запрещается продажа багшин за пределы поместья. Землевладельческие права крестьян, принадлежащих светским феодалам, были формально более широкими, чем права церковных и монастырских крестьян. Крестьяне светских феодалов могли отчуждать свои багшины за пределы поместий. Однако на практике это право сильно ограничивалось. В XIV в. появилось большое число крестьян, не имевших багшин. Следствием лишения крестьян своих багшин было распространение крестьянской аренды и наделение крестьян землей феодалами. Права на надел практически не отличались от прав на багшину.

В статье Н. П. Мананчиковой дается подробный очерк историографии Дубровника, а также называется ряд вопросов по истории Дубровника, которые, по мнению автора, до сих пор недостаточно исследованы. Это социальный строй Дубровника, классовая борьба в городе, влияние дубровницкой торговли на формирование городского сословия в соседних странах, причины экономического упадка Дубровника. Кроме того, по мнению Мананчиковой, назрела необходимость монографического исследования социально-политического строя Дубровника и истории классовой борьбы. Необходимы также дальнейшие публикации архивных материалов по Дубровнику, а также широкое археологическое изучение города и его окружи.

В статье Д. Ангелова анализируются письма константинопольского патриарха Николая Мистика болгарскому царю Симеону. Константинопольский патриарх был ведущей фигурой в дипломатических переговорах Византии с Симеоном. Целью этих переговоров было склонить могущественного болгарского правителя, претендующего на константинопольский трон, к миру и другим уступкам. Выдвижение Николая Мистика в качестве центральной фигуры энергичной дипломатической деятельности, развиваемой в это тревожное время византийской империей, является, по мнению Д. Ангелова, не случайным. Это объясняется преобладанием в дипломатической переписке с болгарским правителем доводов религиозного характера. Николай Мистик напоминает болгарскому правителю о заслугах римеев в принятии болгарами христианства. Византийского императора патриарх называет духовным отцом болгарского правителя. Нарушение мирных отношений между Болгарией и Византией он объясняет кознями дьявола. Наряду с религиозными аргументами в письмах Николая Мистика используются и исторические примеры. При этом византийская дипломатия рассчитывала на высокую образованность болгарского правителя, хорошо знакомого с историей. Однако хитрые приемы византийской дипломатии, ее видимое миролюбие находились в противоречии с действительными агрессивными замыслами, вынашиваемыми византийским двором. Но эти дипломатические ухищрения не могли обмануть Симеона. Только смерть положила конец его притязаниям в отношении Византии.

В разделе «Библиография» помещены аннотации, составленные В. В. Захаровым и В. М. Поваляевым, изданий Сплитского городского музея и Сплитского исторического архива.

В заключение хочется отметить, что статьи, посвященные средневековому периоду южных славян, составляют более одной трети общего объема сборника. Это свидетельствует о несомненном интересе воронежских славистов к проблемам средневековья в южнославянских странах.

К. Х.

¹ См. также «Славянский сборник». Воронеж, 1958.

ПОВЕСТВОВАНИЕ АРИСТАКЭСА ЛАСТИВЕРТЦИ. ТЕКСТ ПОДГОТОВИЛ
И СНАБДИЛ ПРЕДИСЛОВИЕМ К. Н. ЮЗБАШЯН

Издательство Академии наук Арм. ССР. Ереван, 1963, 158 стр.

«Повествование» армянского историка XI в. Аристакаэса Ластивертци охватывает промежуток времени между 1000—1072 гг., начиная со смерти Давида куропалата Тайка до взятия в плен византийского императора Романа Диогена и смерти Али-Арслана. Оно по существу является трудом очевидца (что часто подчеркивается автором) и современника описываемых событий. Как видно из вышеупомянутых хронологических данных, «Повествование» относится к очень богатому фактами времени не только для армян, но и соседних с ними народов и стран. Это эпоха, когда Армения находилась в тисках двух агрессоров — Византии с запада и турков-сельджуков с востока. Большая часть «Повествования» относится к описанию сельджукских нашествий на Армению и Византию. Аристакаэс Ластивертци самыми темными красками рисует сельджуков и их злодеяния в Армении, а в описании агрессии Византии в Армению мы находим у него такие страницы, повествующие о злодеяниях византийцев, которые напрасно искали бы у византийских хронистов, восхваляющих победы Василия II. Эти победы Византии в Армении, насильственное переселение армян со своей родины в Византию, по существу были пирровыми победами. Ослабление Армении, к чему и стремилась Византия, не пошло на пользу империи, ибо тем самым был ослаблен и уничтожен тот форпост, который защищал Византию от нашествий врагов с востока, и в скором времени эта роковая политика Византии дала себя знать. Читая «Повествование» Аристакаэса Ластивертци, можно правильно понять и оценить многие стороны византийской истории не только XI в., но и многих последующих веков.

«Повествование» Аристакаэса Ластивертци — самый ценный источник по истории последних Багратидов Армении, по истории армянских городов и городской жизни, по истории могучего еретического движения тондракитов, которое было не чем иным, как павликианским движением в условиях армянской действительности. Две главы «Повествования» посвящены именно этому движению; из них видно, что даже Византия участвовала в борьбе против армянских еретиков.

«Повествование» — неопенимый источник для изучения истории Византии. Ни один из армянских историков средневековья так хорошо не осведомлен об истории Византии, об ее административной системе, как Аристакаэс Ластивертци. Ни один армянский историк не уделяет так много места истории Византии, как он, и совершенно прав К. Н. Юзбашян, когда считает его «Повествование» не только историей Армении, но и Византии. Заглавия отдельных глав «Повествования» уже убеждают в этом: «Царствование Константина», «О том, как царствовал Роман», «Смерть Романа», «Царствование Михаила», «Царствование Константина, сына Феодосия, который называется Мономахом», «О великой битве, которая имела место на поле Басен, в котором претерпели поражение Ромей», «Конец царствования Мономаха», «Царствование Феодора», «О царе Ромеев [Романе Диогене], который был взят в плен персами [т. е. сельджуками]» и т. д.

Все это говорит о том, что научное издание критического текста «Повествования» не мог осуществить ученый сугубо арменовед. Он должен был быть одновременно и византиноведом. Глубокое знание истории Армении и Византии дало возможность К. Н. Юзбашяну сделать остроумные коррективы в ряде искаженных писцами мест текста «Повествования», только после чего стал совершенно ясным их смысл¹.

Настоящее издание «Повествования» Аристакаэса Ластивертци является первым научным критическим изданием текста, осуществленным на основании десяти рукописей и первого венецианского издания 1844 г. В конце книги дается полная библиография Аристакаэса Ластивертци, автором которой является А. С. Анасян.

Очень желательно, чтобы К. Н. Юзбашян как можно скорее дал византиноведам и русский перевод этого ценного источника (что он делает отлично и что он обещал сделать еще в 1959 г. — см. ВВ, XVI, стр. 14), ибо вольный французский перевод, осуществленный ровно столетие назад², стал библиографической редкостью и главное не отвечает требованиям настоящего уровня науки. Желательно также, чтобы русское издание «Повествования» Аристакаэса Ластивертци было снабжено примечаниями (которые, к сожалению, полностью отсутствуют в издании оригинала).

Р. Б.

¹ См. К. Н. Юзбашян. «Варяги» и «прония» в сочинении Аристакаэса Ластивертци. — ВВ, XVI, 1959, стр. 14—28; он же. Дейлемиты в «Повествовании» Аристакаэса Ластивертци. — «Палестинский сборник», 7 (70), 1962, стр. 146—151 и др.

² Histoire d'Arménie comprenant la fin du royaume d'Ani et la commencement de l'invasion des seldjoukides, par Arisdaguès de Lasdiverd, traduite pour la première fois de l'arménien sur l'édition des R. R. P. P. Mëkhitaristes de Saint-Lazare et accompagnée de notes par M. Evariste Prud'homme. Paris, 1864.

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ ПО ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЮ
В ИЗДАНИЯХ ПЕРИФЕРИЙНЫХ УНИВЕРСИТЕТОВ**

Предлагаемый указатель охватывает издания университетов и обществ при них. Просмотрены следующие издания:

1. «Варшавские университетские известия». Ростов-на-Дону, 1870—1917.
2. «Записки Общества истории, филологии и права при Варшавском университете». Ростов-на-Дону, 1902—1914.
3. «Ученые записки Казанского университета». Казань, 1834—1963.
4. «Известия Общества археологии, истории, этнографии при Казанском университете». Казань, 1878—1929.
5. «Киевские университетские известия». Киев, 1861—1913.
6. «Записки Новороссийского университета». Одесса, 1867—1913.
7. «Записки историко-филологического факультета Новороссийского университета». Одесса, 1909—1916.
8. «Летопись Историко-филологического общества при Новороссийском университете. Византийское отделение». Одесса, 1892—1910.
9. «Труды Одесского университета». Одесса, 1934—1941, 1947—1949.
10. «Труды Томского университета». Томск, 1889—1963.
11. «Записки Харьковского университета». Харьков, 1864—1918, 1934—1953.
12. «Вестник Историко-филологического общества при Харьковском университете». Харьков, 1911—1914.
13. «Сборник Историко-филологического общества при Харьковском университете». Харьков, 1886—1914.
14. «Ученые записки Юрьевского университета». Юрьев, 1893—1917. Отметим, что издаваемое при историко-филологическом факультете Юрьевского университета «Византийское обозрение» (1915—1917) было нами включено в указатель вместе с «Византийским временником» за 1910—1928 гг.

Материал в предлагаемом указателе расположен по тематическим разделам. В том случае, когда мы считаем, что материал должен быть в нескольких разделах указателя, карточки продублированы. К указателю приложен общий алфавитный список авторов (кроме имен, обозначенных одними только инициалами) и указатель авторов, упомянутых в библиографических отделах журналов.

В указателе приняты следующие сокращения: ЗНУ — «Записки Новороссийского университета», УЗКУ — «Ученые записки Казанского университета».

Указатель составлен З. Д. Титовой при участии Е. Э. Гранстрем.

Социально-экономическая история

- В а с ь к о в Г. Е. Перевод. Византийское общество.— «Записки Харьковского ун-та», 1903, кн. 4, ч. неофициальная, с. 35—47. Ch. D i e h l. La société byzantine, traduit par l'étud.
- У с п е н с к и й Ф. И. Материалы для истории землевладения в XIV в.— ЗНУ, 1883, 38, ч. II, с. 1—56.
- У с п е н с к и й Ф. И. Рецензия на: J. Nicole. Le livre du préfet, ou l'édit de l'empereur Léon le Sage sur les corporations de Constantinople. Genève, 1893. «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1894, IV. Визант. отд. II. Хроника, с. 83—84.
- У с п е н с к и й Ф. И. Типик монастыря св. Маманта в Константинополе.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1892, II. Визант. отд. I, с. 25—84.

Право

Рецензия на: L. Mitteis. Reichsrecht und Volksrecht in den östlichen Provinzen des römischen Kaiserreichs. Leipzig, 1891. «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1892, II. Визант. отд. I, Хроника, с. 115—116.

Тиктин Н. И. Византийское право как источник Уложения 1648 и новоуказанных статей.— ЗНУ, 1898, 73, ч. III, с. 267—786. Историко-сравнительное исследование. Ч. I. Общие замечания о рецессии византийского права в Уложении.

Внутренняя история, политическая история, политическое, государственное и административное устройство, военная история

- А. Е. К. Рецензия на: С. W. Oman. The Byzantine Empire. — «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1894, IV. Визант. отд. II, Хроника, с. 73—77.
- Б. Д. (Беляев Д. Ф.). Рецензия на: Ласкин Г. А. Ираклий. Византийское государство в первой половине седьмого века.— УЗКУ, 1890, кн. 4, критика и библиография, с. 4—8.
- Беляев Д. Ф. Рецензия на: E. A. Stückelberg. Der Constantinische Patriciat. Ein Beitrag zur Geschichte der späteren Kaiserzeit. Basel und Genf, 1891.—«Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1894, IV. Визант. отд. II. Хроника, с. 77—81.
- Васильков Г. Е. Перевод. Введение в Византийскую историю (Вступительная лекция Ш. Дила).— «Записки Харьковского ун-та», 1903, кн. 4, ч. неофициальная, с. 1—16. Ch. Diehl. Introduction à l'histoire de Byzance, traduit par l'étud.
- Васильков Г. Е. Перевод. Византийские учреждения.— «Записки Харьковского ун-та», 1903, кн. 4, ч. неофициальная, с. 19—31. Ch. Diehl. Les institutions byzantines, traduit par l'étud.
- Димитриу А. К. К вопросу о Historia Arcana.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1894, IV. Визант. отд. II, Исследования, с. 258—301.
- Драгоманов М. П. Государственные реформы Диоклециана и Константина Великого.— «Киевские университетские известия», 1865, № 2, отд. II, с. 1—21.
- Кулаковский Ю. А. К вопросу о дате возвращения креста Господня в Иерусалим из персидского плена.— «Сб. Харьковского ист.-фил. об-ва», 1914, т. 24, с. 163—171.
- Надлер В. К. Юстиниан и партии Цирка в Византии.— «Записки Харьковского ун-та», 1876, т. 2, ч. 2, с. 1—113, прил. с. 114—166.
- Пападимитриу С. Д. Иоанн II, митрополит Киевский и Феодор Продром.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1902, X. Визант.-слав. отд. VII, Исследования, с. 1—54.
- Попов Н. Г. К византийской истории X в.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1894, IV. Визант. отд. II, Исследования, с. 302—308.
- Рецензия на: Schwarzlose. Der Bilderstreit, ein Kampf der griechischen Kirche um ihre Eigenart und um ihre Freiheit, Gotha, 1890.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1892, II. Визант. отд. I, Хроника, с. 107—109.
- Успенский Ф. И. Неизданное церковное слово о болгарско-византийских отношениях в первой половине X века.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1894, IV. Визант. отд. II, с. 48—123.
- Успенский Ф. И. Образование второго болгарского царства.— ЗНУ, 1879, 27, ч. II, с. 97—448.
- Успенский Ф. И. Рецензия на: «О военном устройстве Византийской империи». — ЗНУ, 1893, 58, ч. I, с. 19—20.
- Флоринский Т. Д. Новый русский труд по истории Византии.— «Киевские университетские известия», 1884, № 8, с. 182—200.
- Черноусов Е. А. Из византийского заолустья XIII века.— «Сб. Харьковского ист.-фил. об-ва», 1914, т. 24, с. 277—295.
- Черноусов Е. А. Страница из культурной истории Византии XI в.— «Записки Харьковского ун-та», 1913, кн. 1, ч. неофициальная, с. 1—16.

Культура, филология, литература

- А. М. (Малеин А. И.) Рецензия на: Ф. И. Успенский. Очерки по истории византийской образованности. СПб., 1891.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1892, II. Визант. отд. I, Хроника, с. 100—106.
- Барац Г. М. Следы иудейских воззрений в древнерусской письменности.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1894, IV. Визант. отд. II, Хроника, с. 1—52.
- Бильбасов В. А. Рецензия на: Иконников В. С. Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории.— «Киевские университетские известия», 1870, отд. 1, № 3, прилож. к протоколу заседания Совета 19/XII 1869 г., с. 54—69.
- Брун М. И. Византийцы в южной Италии в IX и X вв.— ЗНУ, 1883, 37, ч. II, с. 1—62.

- Вилинский С. Г.** Византийско-славянские сказания о создании храма св. Софии Цареградской.— «Летопись Ист. фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1900, VIII. Визант.-слав. отд. V, Исследования, с. 227—336.
- Гримм Э. Д.** Период византийско-исламской культуры.— УЗКУ, 1896, кн. 11—12, ч. неофициальная, с. 129—152.
- Дестунис Г. С.** Живые остатки византийской терминологии (Опыт дополнения к византийскому словарю).— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1892, II. Визант. отд. I, с. 1—24.
- Завадский-Краснопольский А. К.** Влияние греко-византийской культуры на развитие цивилизации в Европе.— «Киевские университетские известия», 1866, № 6, с. 1—32; № 7, с. 1—12; № 8, с. 1—33; № 12, с. 1—24.
- Иконников В. С.** Возражение на рецензию г. Бильбасова о сочинении: «Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории», напечатанную в «Университетских известиях», 1870, № 3.— «Киевские университетские известия», 1870, № 5, отд. II, с. 1—56; № 6, отд. II, с. 1—46.
- Истрин В. М.** Рецензия на: Отзыв о сочинении на соискание медали на тему «История повести Стефанит и Ихнилат в византийской и славянской литературах», под девизом 'Ο μῆ κινδύνων κατατολμῶν ὀβ τυγχάνει τῶν ἐφετῶν.— ЗНУ, 1902, 82, ч. I, с. 1—6.
- Кирпичников А. И.** Рецензия на: К. Крумбахер. Среднегреческие пословицы. Мюнхен, 1894.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1894, IV. Визант. отд. II, Хроника, с. 92—94.
- Корш Ф. Е.** Заметки к тексту поэмы об Аполлонии Тирском по изданию Вагнера.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1892, II. Визант. отд. I, с. 107—155.
- Корш Ф. Е.** Мысли о происхождении новогреческого языка.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1896, VI. Визант. отд. III, с. 279—294.
- Красносельцев Н. Ф.** «Прение Панагота с Азимитом» по новым греческим спискам.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1896, VI. Визант. отд. III, с. 295—328.
- Кулаковский Ю., Сонни А.** Рецензия на сочинение магистра С. Д. Пападимитриу «Феодор Продром, историко-литературное исследование».— «Киевские университетские известия», 1906, № 8, ч. 1, с. 1—10.
- Лавров П. А.** Дамаскин Студит и сборники его имени «Дамаскины» в югославянской письменности.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1899, VII. Визант. отд. IV, Исследования, с. 305—384.
- Пападимитриу С. Д.** Две народные песни у Анны Комниной.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1892, II. Визант. отд. I, с. 281—287.
- Пападимитриу С. Д.** Об авторе дидактического стихотворения Στανέας.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1900, VIII. Визант.-слав. отд. V, Исследования, с. 337—366.
- Пападимитриу С. Д.** Παρρησία.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1896, VI. Визант. отд. III, с. 257—278.
- Пападимитриу С. Д.** Стефан Сахликис и его стихотворение Ἀφῆρησις παρῆξιμος.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1896, VI. Визант. отд. II, с. 1—256.
- Пападимитриу С. Д.** Феодора Птохопродрома Манганские стихотворения.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1899, VII. Визант. отд. IV, Исследования, с. 1—48.
- Παπαδόπουλος-Κεραιμῆς Ἀ. Ι.** Εἰς καὶ μόνος Θεόδωρος Πρόδρομος.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1899, VII. Визант. отд. IV, Исследования, с. 385—402.
- Петров А. Н.** Спорные вопросы миссионерской деятельности св. Кирилла Философа на востоке.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1894, IV. Визант. отд. II, Хроника, с. 52—64.
- Рыстенко А. В.** К истории повести «Стефанит и Ихнилат» в византийской и славяно-русской литературах.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1902, X. Визант.-слав. отд. VII, Исследования, с. 237—280.
- Рыстенко А. В.** Легенда о св. Георгии и драконе в византийской и славяно-русской литературах.— ЗНУ, 1909, 112, ч. 1, с. 1—542.
- Рыстенко А. В.** Парижские списки «Стефанита и Ихнилата».— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1910, XVI. Визант.-слав. отд. IX, ч. II, с. 1—42.
- Рыстенко А. В.** «Стефанит и Ихнилат» по греческим спискам Мюнхенской Королевской библиотеки.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1910, XVI. Визант.-слав. отд. IX, ч. ученая, с. 1—12.
- Созонович И. П.** Византийская романтическая поэзия.— «Варшавские университетские известия», 1891, № 6, с. 1—14.
- Созонович И. П.** Программа по истории византийской литературы.— «Варшавские университетские известия», 1899, № 5, с. 1—4.

- Ф. Р. Рецензия на: П. В. Безобразов. Византийский писатель и государственный деятель Михаил Иселл. М., 1890.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1892, II. Визант. отд. I, Хроника, с. 84—96.
- Шестаков С. П. Кандид Исаврийский.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1894, IV, Визант. отд. II, с. 124—149.
- Шестаков Д. П. Три поэта византийского ренессанса.— УЗКУ, 1906, кн. 7—8, с. 1—36.

Искусство (архитектура, живопись, мозаика, иконография)

- Беляев Д. Ф. Храм Богородицы Халкопратийской в Константинополе.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1892, II. Визант. отд. I, с. 85—106.
- Вгипп Ph. Constantinople, ses sanctuaires et ses reliques du commencement du XV siècle.— ЗНУ, 1883, 36, ч. II, с. 1—48.
- Кондаков Н. История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей.— ЗНУ, 1877, 21, ч. II, с. 1—276.
- Кондаков Н. П. Мозаики мечети Кахрие-Джамиси (μονή τῆς Ἥρας) в Константинополе.— ЗНУ, 1880, 31, ч. II, с. 293—331.
- Кондаков Н. П. Отчет доцента Н. Кондакова о его занятиях за границей с 1 марта по 1 августа 1876 г.— ЗНУ, 1877, 21, ч. II, с. 277—286.
- Рецензия на: А. А. Павловский. Живопись Палатинской капеллы в Палермо. СПб., 1890.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1892, II, Визант. отд. I, Хроника, с. 116—119.
- А. П. (Павловский А. А.) Рецензия на: Н. В. Покровский. Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских. СПб., 1892.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1892, II, Визант. отд. I, Хроника, с. 133—136.
- А. П. (Павловский А. А.) Рецензия на: Н. В. Покровский. Стенные росписи в древних храмах греческих и русских. М., 1890.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1892, II. Визант. отд. I, Хроника, с. 126—133.
- А. П. (Павловский А. А.) Рецензия на: J. Strzygowski. Das Etschmiadzin — Evangeliar. Beiträge zur Geschichte der armenischen, ravenatischen und syro-ägyptischen Kunst. Wien, 1891.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1892, II. Визант. отд. I, Хроника, с. 122—123.
- Шмит Ф. И. Отзыв о сочинениях на тему: «Деисус в византийском и русском искусстве».— «Записки Харьковского ун-та», 1914, кн. 1, с. 1—6.

Топография

- Беляев Д. Ф. Придворный и церковный уставы о положении Евдома (с планом Константинополя).— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1896, VI. Визант. отд. III, с. 365—379.

Агиография

- Алмазов А. И. Апокрифические молитвы, заклинания и заговоры.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1901, IX. Визант.-слав. отд. VI, Исследования, с. 221—340.
- А. М. (Мален А. И.) Рецензия на: В. Г. Васильевский. Русско-византийские исследования. Вып. II. Жития Св. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. СПб., 1893.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1894, IV. Визант. отд. II, Хроника, с. 104—117.
- Добрюкловский А. П. Преп. Феодор исповедник и игумен Студийский. Ч. I. Его эпоха, жизнь и деятельность.— ЗНУ, 1913, 113, с. 1—972; ч. II. Его творения в I.— ЗНУ, ист.-фил. ф-т, 1914, вып. VIII, с. 1—570.
- Истрин В. М. Апокрифическое мучение Никиты.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1899, VII. Визант. отд. IV, Исследования, с. 211—304.
- Мочульский В. Н. Апокрифическое сказание о создании мира.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1896, VI, Визант. отд. III, с. 345—364.
- Παλαῖοβουλός - Κεραμεύς Α. Ι. Εἰς ὕμνος τοῦ πατριάρχου Φωτίου.— «Летопись Ист.-ф. и л. об-ва при Новоросс. ун-те», 1900, VIII. Визант.-слав. отд. V, Исследования, с. 527—538.
- Успенский Ф. И. Рецензия на: K. Krumbacher. Studien zu den Legenden des H. Theodosios. München, 1892.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1894, IV. Визант. отд. II, Хроника, с. 86—88.
- Успенский Ф. И. Рецензия на: V. Rose. Leben des heiligen David von Thessalonike griechisch nach der einzigen bisher aufgefundenen Handschrift. Berlin, 1877. —

«Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1894, IV. Визант. отд. II, Хроника, с. 81—83.

Х а р л а м о в и ч К. Рецензия на: В. В. Латышев. Жития св. епископов херсонских, исследования и тексты.— УЗКУ, 1903, кн. 2, с. 1—24.

Источниковедение и публикации

- А л м а з о в А. И. Неизданные канонические ответы константинопольского патриарха Луки Хризверга и митрополита Родосского Нила.— ЗНУ, 1903, 91, ч. II с. 375—458.
- А. М. (Малеин А. И.) Рецензия на: В. Г. Васильевский. Русско-византийские исследования. Вып. II. Жития св. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. СПб., 1893.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1894, IV. Визант. отд. II, Хроника, с. 104—117.
- Б а г а л е й Д. И. История Льва Дякона как источник для русской истории.— «Киевские университетские известия», 1878, № 5, приб., с. 1—26.
- Рецензия на: Д. Ф. Беляев. Byzantina. Очерки, материалы и заметки по византийским древностям, кн. 1. СПб., 1891.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1892, II. Визант. отд. I, Хроника, с. 119—120.
- В а с и л ь е в А. А. Ласкарь Канаан, византийский путешественник XV века по Северной Европе и в Исландию.— «Сб. Харьковского ист.-фил. об-ва», 1914, т. 21, с. 397—402.
- В. Две речи Феодора Дафнопата, изданные с введением о жизни и литературной деятельности автора и с русским переводом В. В. Латышева.— «Известия О-ва арх., ист. и этногр. при Казанском ун-те», 1910, т. 26, с. 166—168.
- Д и м и т р и у А. К. К вопросу о Historia Arsana.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1894, IV. Визант. отд. II, Исследования, с. 258—301.
- Д и м и т р и у А. К. Рецензия на: С. П. Шестаков. По вопросу об источниках хроники Георгия Монаха. СПб., 1892.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1894, IV. Визант. отд. II, Хроника, с. 98—104.
- Д о б р о к л о н с к и й А. П. Преп. Феодор исповедник и игумен Студийский. Ч. I. Его эпоха, жизнь и деятельность.— ЗНУ, 1913, 113, с. 1—972. Ч. II. Его творения.— ЗНУ, ист.-фил. фак-т, 1914, вып. VIII, с. 1—570.
- И с т р и н В. М. Греческие списки завещания Соломона.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1899, VII. Визант. отд. IV, Исследования, с. 49—98.
- И с т р и н В. М. История Сербской Александрии в русской литературе. Вып. I.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1910, XVI. Визант.-слав. отд. IX, ч. ученая, с. 1—164.
- К и р п и ч н и к о в А. И. Переписка монаха Иакова с императрицей.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1892, II. Визант. отд. I, с. 255—280.
- К р а с н о с е л ь ц е в Н. Ф. Addenda к изданию А. Васильева «Anecdota graeco-byzantina». М., 1893.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1899, VII. Визант. отд. IV, Исследования, с. 99—206.
- К р а с н о с е л ь ц е в Н. Ф. «Прение Папагиота с Азимитом» по новым греческим спискам.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1896, VI. Визант. отд. III, с. 295—328.
- К р а с н о с е л ь ц е в Н. Ф. Рецензия на: А. А. Дмитриевский. Евхологион IV в. Сарацина, епископа Тмуитского.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1894, IV. Визант. отд. II, Хроника, с. 127—128.
- К р а с н о с е л ь ц е в Н. Ф. Рецензия на: Ph. Meyer. Die Haupturkunden für die Geschichte der Athosklöster grossentheils zum ersten Male herausgegeben und mit Einleitungen versehen. Leipzig, 1894.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1894, IV. Визант. отд. II, Хроника, с. 123—127.
- Рецензия на: K. Krumbacher. Geschichte der Byzantinischen Literatur von Justinian bis zum Ende des oströmischen Reiches. München, 1891.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1892, II. Визант. отд. I, Хроника, с. 109—114.
- Л а в р о в П. А. Сокровище Дамаскина Студита в новом русском переводе.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1901, IX. Визант.-слав. отд. VI, Исследования, с. 373—398.
- П а п а д и м и т р и у С. Д. Иоанн II, митрополит Киевский, и Феодор Продром.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1902, X. Визант.-слав. отд. VII, Исследования, с. 1—54.
- П а п а д и м и т р и у С. Д. Критические этюды к средневековым греческим текстам.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1894, IV. Визант. отд. II, Исследования, с. 150—177.
- П а п а д и м и т р и у С. Д. Феодор Продром.— ЗНУ, 1905, 100, ч. I, с. 1—484.
- П а п а д и м и т р и у С. Д. Феодора Птохопродрома Манганские стихотворения.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1899, VII. Визант. отд. IV, Исследования, с. 1—48.

- Рыстенко А. В.** К истории повести «Стефанит и Ихнилат» в византийской и славяно-русской литературе.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1902, X. Визант.-слав. отд. VII, Исследования, с. 237—280.
- Рыстенко А. В.** Парижские списки «Стефанита и Ихнилата». — «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1910, XVI. Визант.-слав. отд. IX, ч. II, с. 1—42.
- Рыстенко А. В.** «Стефанит и Ихнилат» по греческим спискам Мюнхенской Королевской библиотеки.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1910, XVI. Визант.-слав. отд. IX, ч. ученая, с. 1—12.
- Успенский Ф. И.** Неизданное церковное слово о болгарско-византийских отношениях в первой половине X века.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1894, IV, Визант. отд. II, с. 48—123.
- Успенский Ф. И.** Рецензия на: Д. Ф. Беляев. Byzantina. Очерки, материалы и заметки по византийским древностям, кн. II, СПб., 1893.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1894, IV, Визант. отд. II, Хроника, с. 88—91.
- Успенский Ф. И.** Рецензия на: Спиридон Лампирс. Сочинения Михаила Акомината.— ЗНУ, 1881, 32, ч. II, с. 187—208.
- Успенский Ф. И.** Синодик в неделю православия.— ЗНУ, 1893, 59, ч. I, с. 407—502.
- Шестаков Д. П.** Рукописные собрания Афона (историко-библиографический очерк).— УЗКУ, 1897, кн. 11—12, с. 1—18.
- Шестаков С. П.** Аноним. Cod. Paris, nr. 1712 в пределах хронографии Феодана.— УЗКУ, 1897, кн. 5—6, с. 1—38; кн. 7—8, с. 1—32.

История церкви, богослужение, религиозные споры

- Алмазов А. И.** К истории молитв на разные случаи (заметки и памятники).— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1896, VI. Визант. отд. III, с. 380—432.
- Беляев Д. Ф.** Евктирин св. Константина при порфировой колонне на форе Константина и совершавшиеся там обряды.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1894, IV. Визант. отд. II, с. 1—22.
- Brünn Ph.** Constantinople, ses sanctuaires et ses reliques du commencement du XV siècle.— ЗНУ, 1883, 36, ч. II, с. 1—48.
- Войтковский В. М.** Разбор сочинения «Константин Великий и его отношение к христианской церкви». — ЗНУ, 1877, 22, ч. I, с. 1—11.
- Кирпичников А. И.** Чудесные статуи в Константинополе.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1894, IV. Визант. отд. II, с. 23—47.
- Красносельцев Н. Ф.** Патриарх Фотий и византийское богослужение его времени.— ЗНУ, 1892, 57, ч. III, с. 23—40.
- Красносельцев Н. Ф.** К изучению «Типика Великой Церкви». — «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1896, VI. Визант. отд. III, с. 329—344.
- Красносельцев Н. Ф.** О древних литургических толкованиях.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1894, IV. Визант. отд. II, Исследования, с. 178—257.
- Красносельцев Н. Ф.** Рецензия на: А. А. Дмитриевский. Евхологион IV в. Сарациона, епископа Тмуитского.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1894, IV. Визант. отд. II, Хроника, с. 127—128.
- Н. К.** (Красносельцев Н. Ф.) Рецензия на: Н. Глубоковский. Блаженный Феодорит, епископ Киррский. Его жизнь и литературная деятельность. Церковно-историческое исследование. Т. I — II. М., 1890.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1892, II. Визант. отд. I, Хроника, с. 120—122.
- Красносельцев Н. Ф.** Рецензия на: Ph. Meyer. Die Haupturkunden für die Geschichte der Athosklöster grossentheils zum ersten Male herausgegeben und mit Einleitungen versehen. Leipzig, 1894.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1894, IV. Визант. отд. II, Хроника, с. 123—127.
- Красносельцев Н. Ф.** Типик церкви св. Софии в Константинополе (IX в.).— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1892, II. Визант. отд. I, с. 156—254.
- М. П.** (Попруженко М. Г.) Рецензия на: V. Jagić. Der Erste Cetinjer Kirchendruck vom Jahre 1494.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1894, IV. Визант. отд. II, Хроника, с. 97—98.
- Петров А. Н.** Спорные вопросы миссионерской деятельности св. Кирилла Филозофа на востоке.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1894, IV, Визант. отд. II, Хроника, с. 52—64.
- Попруженко М. Г.** Заметки по кирилло-мефодиевскому вопросу.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1892, II. Визант. отд. I, Хроника, с. 43—64.

- Рецензия на: А. П. Лебедев. Очерки истории византийско-восточной церкви от конца XI до половины XV века. М., 1892.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1892, II. Визант. отд. I, Хроника, с. 106—107.
- Рецензия на: Schwarzklose. Der Bilderstreit ein Kampf der griechischen Kirche um ihre Eigenart und um ihre Freiheit. Gotha, 1890.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1892, II. Визант. отд. I, Хроника, с. 107—109.
- А. М. (Малеин А. И.) Рецензия на: Ф. И. Успенский. Очерки по истории византийской образованности. СПб., 1891.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1892, II. Визант. отд. I, Хроника, с. 100—106.

Заметки

- К о н д а к о в Н. П. Путешествие на Синай в 1881 г.— ЗНУ, 1882, 33, ч. II, с. 1—60. Протоколы заседаний Совета ИНУ. Заседание 7 мая.— ЗНУ, 1880, 29, ч. I, с. 101—105.
- У с п е н с к и й Ф. И. Отчет доцента Новороссийского ун-та Ф. Успенского о занятиях в течение минувшего полугодия (май — октябрь 1876) заграничной командировки.— ЗНУ, 1877, 22, ч. II, с. 157—174.

Византиноведение

- А. М. (Малеин А. И.) Рецензия на: П. А. Сырку. Описание бумаг епископа Порфирия Успенского, пожертвованных им в имп. Академию наук. СПб., 1891 г.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1892, II. Визант. отд. I, Хроника, с. 97—99.
- К р а с н о с е л ь ц е в Н. Ф. Рецензия на: Последние издания имп. Православного Палестинского общества: 1) 'Γερουσιαστικὴ βιβλιοθήκη, συνταχθεῖσα ὑπὸ Ἀ. Παπαδοπούλου-Κεραμῆως, τόμος Β'; 1, II, 1894. 2) Ἀνάλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας, συλλεγόμενα καὶ ἐκδιδομένα ὑπὸ Ἀ. Παπαδοπούλου-Κεραμῆως, τόμος Β'; 1894. 3) Палестинский Патерик, вып. 2—4, 1892—1894; 4) Сообщения имп. Православного Палестинского общества. 1894. — «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1894, IV. Визант. отд. II, Хроника, с. 117—123.
- Р е ж а б е к Ф. В. О разработке некоторых отделов византийской истории.— ЗНУ, 1905, 100, ч. II, с. 1—36.
- Рецензия на: Русский журнал, посвященный изучению Византии.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1894, IV. Визант. отд. II, Хроника, с. 65—73.
- Т е р н о в с к и й Ф. А. Изучение византийской истории и ее тенденциозное приложение в древней Руси.— «Киевские университетские известия», 1874, № 1, ч. II, отд. I, с. 21—34; № 2, ч. II, отд. I, с. 35—54; № 3, ч. II, отд. I, с. 93—112; № 4, ч. II, отд. I, с. 217—233; № 5, ч. II, отд. I, с. 390—409; № 6, ч. II, отд. I, с. 524—543; № 8, ч. II, отд. I, с. 659—680; № 10, ч. II, отд. I, с. 691—717; № 11, ч. II, отд. I, с. 736—745; № 12, ч. II, отд. I, с. 747—788; 1875, № 6, ч. II, отд. I, с. 515—544; № 7, ч. II, отд. I, с. 545—567; № 8, ч. II, отд. I, с. 643—665; № 9, ч. II, отд. I, с. 667—703; № 10, ч. II, отд. I, с. 705—743; № 11, ч. II, отд. I, с. 745—772; № 12, ч. II, отд. I, с. 773—794; 1876, № 1, ч. II, отд. I, с. 35—53; № 2, ч. II, отд. I, с. 93—109; № 3, ч. II, отд. I, с. 150—167; № 4, ч. II, отд. I, с. 270—283.
- У с п е н с к и й Ф. И. Значение византийских занятий в изучении средневековой истории.— ЗНУ, 1875, 16, ч. II, с. 1—20.
- У с п е н с к и й Ф. И. Отзыв о сочинениях, поданных на соискание медалей.— ЗНУ, 1883, 35, ч. I, с. 178—186.
- Ф. Р. Рецензия на: В. Г. Васильевский. Обзорение трудов по византийской истории. СПб., 1890.— «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1892, II. Визант. отд. I, Хроника, с. 65—84.

ОБЩИЙ АЛФАВИТНЫЙ СПИСОК АВТОРОВ

Алмазов А. И.	Гримм Э. Д.
Багалей Д. И.	Дестунис Г. С.
Барац Г. М.	Димитриу А. К.
Беляев Д. Ф.	Доброклонский А. П.
Бильбасов В. А.	Драгоманов М. П.
Брун М. И.	Завадский-Краснопольский А. К.
Васильев А. А.	Иконников В. С.
Васков Г. Е.	Истрин В. М.
Вилинский С. Г.	Кирпичников А. И.
Войтковский В. М.	Кондаков Н. П.

Корш Ф. Е.	Сонни А. И.
Красносельцев Н. Ф.	Терновский Ф. А.
Кулаковский Ю. А.	Тиктин Н. И.
Лавров П. А.	Успенский Ф. И.
Мачульский В. Н.	Лампрос С.
Надлер В. К.	Флоринский Т. Б.
Пападимитриу С. Д.	Харлампович К. В.
Петров А. Н.	Черноусов Е. А.
Погодин М. П.	Шестаков Д. П.
Попов Н. Г.	Шестаков С. П.
Попруженко М. Г.	Шмит Ф. И.
Режабек Ф. В.	Штерн Э. Р.
Рыстенко А. В.	Wright Ph.
Созонович И. П.	Παπαδόπουλος-Κεραμέυς

Указатель авторов, упомянутых в библиографических отделах журналов

- Безобразов П. В. — «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1892, II. Визант. отд. I, Хроника, с. 84—96.
- Беляев Д. Ф. — «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1894, IV. Визант. отд. II, Хроника, с. 88—94; 1892, II, Визант. отд. I, Хроника, с. 119—120.
- Васильевский В. Г. — «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1892, II. Визант. отд. I, Хроника, с. 65—84; 1894, IV. Визант. отд. I, Хроника, с. 104—117.
- Глубоковский Н. Н. — «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1892, II. Визант. отд. I, Хроника, с. 120—122.
- Дмитриевский А. А. — «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1894, IV. Визант. отд. II, Хроника, с. 127—128.
- Иконников В. С. — «Киевские университетские известия», 1870, № 3, с. 54—69.
- Крумбахер К. — «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1894, IV, Визант. отд. II, Хроника, с. 86—88; 92—94, 1892, II. Визант. отд. I, Хроника, с. 109—114.
- Ласкин Г. А. — УЗКУ, 1890, кн. 4, с. 4—8.
- Латышев В. В. — УЗКУ, 1908, кн. 2, с. 1—24.
- Лебедев А. П. — «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1892, II. Визант. отд. I, Хроника, с. 106—107.
- Новакович Ст. — «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1894, IV. Визант. отд. II, Хроника, с. 94—96.
- Павловский А. А. — «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1892, II. Визант. отд. I, Хроника, с. 116—119.
- Пападимитриу С. Д. — «Киевские университетские известия», 1906, отд. I, № 8, ч. I, с. 1—10.
- Покровский Н. В. — «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1892, II. Визант. отд. I, Хроника, с. 126—133, 133—136.
- Сырку П. А. — «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1892, II. Визант. отд. I, Хроника, с. 97—99.
- Успенский Ф. И. — «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1892, II. Визант. отд. I, Хроника, с. 100—106.
- Шестаков С. П. — «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1894, IV. Визант. отд. II, Хроника, с. 98—104.
- Jagić V. — «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1894, IV, Визант. отд. II, Хроника, с. 97—98.
- Nicole J. — «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1894, IV, Визант. отд. II, Хроника, с. 83—86.
- Meuer Ph. — «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1894, IV. Визант. отд. II, Хроника, с. 123—127.
- Mitteis L. — «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1892, II. Визант. отд. I, Хроника, с. 115—116.
- Oman C. W. S. — «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1894, IV. Визант. отд. II, Хроника, с. 73—77.
- Rose V. — «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1894, IV. Визант. отд. II, Хроника, с. 81—83.
- Schwarzlose. — «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1892, II. Визант. отд. I, Хроника, с. 107—109.
- Strzygowski J. — «Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те», 1892, II. Визант. отд. I, Хроника, с. 122—123.

ХРОНИКА

СТУДЕНЧЕСКИЕ РАБОТЫ ПО ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ В УРАЛЬСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

в 1962/63 учебном году

Каждый год история Византии привлекает внимание многих студентов исторического факультета Уральского университета. В 1962/63 учебном году пять дипломных работ были посвящены различным проблемам истории Византийской империи.

Н. Дмитриев, изучая военное дело в период распада рабовладельческого общества на примере Византии, пришел к выводу, что при анализе разложения рабовладельческих отношений очень важно исследовать те изменения, которые сопровождали этот распад в военном деле.

Автор хорошо и критически изучил русскую и немецкую военно-историческую литературу по этому периоду. В работе широко использованы данные Реальной Энциклопедии Паули — Виссова, труды Прокопия, Атафия и военных историков, изданных Кэхля-Рюстовым. Дипломант доказывает, что широко распространенное мнение о варваризации византийской армии не имеет основания. В VI в. армия набиралась преимущественно из крестьян. Именно это и выдвинуло солдатские массы на положение ведущей силы в народных движениях начала VII в. Работа признана отличной.

В работе Э. Хованской «Борьба Византии против западной агрессии с конца XI до начала XIII века» отмечается, что историю крестовых походов следует изучать в свете той непрерывной агрессии, которую вел Запад против Византии в этот период. Агрессия велась в военно-политическом, церковно-догматическом и торгово-экономическом направлениях. Четвертый крестовый поход не был случайностью или результатом интриги; он был завершением всех направлений западной агрессии против Византии.

Л. Бурцева, работая над темой «Товарное производство и обращение в Византии X века», использовала Книгу Эпарха, подготовленный на кафедре перевод Морского закона, новеллы императоров X в., исследования А. П. Каждана и новейшие труды на английском языке (Тиль, Лопеп). Дипломантка отмечает, что для Византии X в. характерно наличие кулли-продажи земли — как динатской, так и крестьянской. Существование широко развитого товарного обращения и производства, по ее мнению, — основная специфика византийского феодализма.

М. Куляшова в работе «Акрополит и его время» использовала труды, имеющиеся в русском переводе, — Акрополита, Пахимера, автобиографии Михаила Палеолога и др. Отмечая чрезвычайную важность исторического труда Акрополита и его политической деятельности, автор указывает, что о нем нет специального исследования, имя Акрополита даже не упоминается в Исторической Энциклопедии. Личность Акрополита в дипломной работе дается на фоне общей истории Никейского государства и политики Михаила VIII.

И. Медведев посвятил дипломную работу изучению борьбы паламитов против гуманизма в Византии XIV в. Автор использовал греческие тексты постановлений соборов (в издании Миклошича и Мюллера), сочинения Григоры, труды Порфирия Успенского, акад. Ф. И. Успенского, еп. Василия (Кривошеина), новейшие сочинения Бекка, выступления Мейендорфа на Охридском конгрессе. В работе церковно-догматическая борьба связывается с происходящей в то время гражданской войной в Византии. По мнению дипломанта, исихазм как наиболее крайнее направление мистики в XI — начале XIV в. был идеей, санкционирующей монастырскую независимость от светской и церковной власти. Во время гражданской войны середины XIV в. он был оружием феодальной реакции против начинающейся активности народных масс. Догматическая же сторона учения Паламы представляла позднее проявление неоплатонизма, особенно в учении о свете фаворском и энергии. Автор объясняет реакционный

смысл проявления интереса к учению Паламы у современных западных историков. Работа получила отличную оценку.

В. Семочкин в работе «Херсонес в VII — первой половине VIII века» исследует историю Херсонеса в связи с общим состоянием Византийской империи этого времени. Работа написана на основании данных Феофана и археологических материалов. Автор принимал участие в раскопках. Им приложены к дипломной работе фотоснимки оборонительных сооружений Херсонеса и др.

Из курсовых работ 1962/63 учебного года, посвященных истории Византии, можно назвать работы Л. Старцевой «Монастырское хозяйство в Византии VIII — IX веков по уставу Феодора Студита» и Э. Ярмола «Ересь монофелитов и социально-политический смысл внутрицерковной борьбы на VI вселенском соборе».

Л. Старцева отмечает, что в условиях преобладания свободной крестьянской общины монастыри не могли еще иметь крепостных и зависимых. Это привело Студита к плану превращения монастыря в трудовой коллектив, замкнутую хозяйственную единицу. Однако идеи трудовой деятельности монахов не были восприняты, но мысль о замкнутости монастыря в уставе Студита стала оправданием хозяйственной независимости монастырей и полного права эксплуатации зависимых трудящихся.

Э. Ярмола рассматривает монофелитство как попытку определенной группы населения в условиях разгрома великодержавной Византии путем компромисса воссоздать внутреннее единство империи. Автором изучена догматика монофелитов по деяниям VI собора и трудам историков церкви (Болотов, Бекк).

Из студенческих исследований прошлых лет приняты к печати работы В. Звиревича «Керамические клейма в Херсонесе по раскопкам, произведенным в 1961 году» и В. Сметанина «Категории византийского крестьянства XIII—XV веков в монастырских актах».

В студенческом кружке по изучению новой литературы по истории средних веков, руководимом профессором М. Я. Сюзюмовым и аспирантом В. В. Кучма, студентами и аспирантами — медиевистами подготавливаются обзоры статей «Византийского временника», «Byzantinische Zeitschrift», «Исторически преглед». В течение учебного года были обсуждены работы Б. Т. Горянова «Поздневизантийский феодализм», Г. Л. Курбатова «Ранневизантийский город» и др. Многие студенты, интересующиеся историей Византийской империи, изучают греческий язык, начиная со второго курса. Занятия древнегреческим языком и языком поздней Византии позволяют студентам обращаться к греческим источникам.

М. А. Поляковская

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВВ — Византийский временник
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВС — Византийский сборник
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
ЗРВИ — Сборник Радова. Византологика институт
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИАН СССР — Известия Академии наук СССР
ИБАИ — Известия на Българския археологически институт
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности
ИП — Исторически преглед
ИРАИК — Известия Русского археологического института в Константинополе
ИРАИМК — Известия Русского археологического института материальной культуры
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИС — Краткие сообщения Института славяноведения
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СИЭ — Советская Историческая Энциклопедия
ЦГИА — Центральный государственный исторический архив
BNJ — Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher
BS — Byzantinoslavica
Byz. — Byzantion
BZ — Byzantinische Zeitschrift
DOP — Dumbarton Oaks Papers
ΕΕΒΣ — Ἐπετηρίς Ἐταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν
MAMA — Monumenta Asiae Minoris Antiqua
MGH — Monumenta Germaniae Historica
MM — F. Miklosich et J. Müller. Acta et diplomata Graeca medii aevi
PG — J. P. Migne. Patrologiae cursus completus. Series Graeca
RAC — Rivista di archeologia cristiana

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

З. В. Удадьцова (Москва). Византиноведение в СССР после Великой Октябрьской социалистической революции (1917—1934 гг.)	3
М. Я. Сюзюмов (Свердловск). Научное наследие Б. А. Лавченко	32
А. П. Каждан (Москва). Загадка Комнинов (опыт историографии)	53
Я. Н. Любарский (Великие Луки). Об источниках «Алексиады» Анны Комниной.	99
М. А. Заборов (Москва). Крестовые походы в работах русских историков начала XX в.	121
Э. Франчес (Бухарест). Народные движения осенью 1354 г. в Константинополе и отречение Иоанна Кантакузина	142
Р. М. Бартикян (Ереван). Заметки о византийском эпосе о Дигенисе Акрите	148
В. Н. Залесская (Ленинград). Часть бронзового креста-складня из Херсонеса	167
К. В. Голенко (Москва). К некоторым вопросам хронологии монет позднего Востора	176
Е. Э. Гранстрем (Ленинград). Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ. Вып. 5. Рукописи XIII в.	184
К. В. Хвостова (Москва). О некоторых особенностях византийской прони	212

Сообщения

Д. П. Наумов (Москва). К истории сербо-византийской границы во второй половине XIV в.	231
Ю. М. Кобищанов (Москва). Кто убил хымьяритского царя Зү-Нуваса?	234

Критика и библиография

Рецензии

М. Я. Сюзюмов (Свердловск). Рецензия на кн.: В. Т. Горянов. Поздне-византийский феодализм	236
М. Я. Сюзюмов (Свердловск). Рецензия на кн.: Г. Л. Курбатов. Ранне-византийский город (Антиохия в IV в.)	243
С. А. Кауфман (Москва). Рецензия на кн.: А. Khatchatrian. Les baptistères paléochrétiens.	249

Аннотации

A. V. Riasanovskiy. The Embassy of 838 Revisited.	258
S. Vryonis. The Question of the Byzantine Mines.	259
Konstantin i Metodije Solunjani. Izvori, priredili F. Grivec i F. Tomišić.	261
S. Mazzarino. Si può parlare di rivoluzione sociale alla fine del mondo antico? Conciliorum oecumenicorum decreta.	262
	263

W. Wolska. La Topographie chrétienne de Cosmas Indicopleustès. †	264
L. Várady. Contributions to the Late Roman Military Economy and Agrarian Taxation. . . . . †	265
Guillaume de Pouille. Le Geste de Robert Guiscard.	266
H. Antoniadis-Bibicou. Recherches sur les douanes à Byzance. †	267
P. Gautier. Le discours de Théophylacte de Bulgarie à l'auocrator Alexis I-er Comnène (6 janvier 1088). . . . . †	269
С. Лишев. За генезиса на феодализма в България. . . . . †	270
Н. П. Соколов. Образование венецианской колониальной империи †	271
Вопросы истории славян, вып. 1. . . . . †	273
Повествование Аристакеса Ластивертци. . . . . †	274
З. Д. Титова (Ленинград). Указатель статей по византиноведению в изданиях периферийных университетов . . . . . †	275

Хроника

М. А. Поляковская (Свердловск). Студенческие работы по истории Византии в Уральском государственном университете в 1962/63 учебном году	283
Список сокращений	285

Византийский временник, т. XXV

Утверждено к печати Институтом истории АН СССР

Редактор Издательства Ф. Н. Арский. Технический редактор Л. А. Кленовская
 Темплан 1964 г. № 52. Сдано в набор 8/VIII 1964 г. Подписано к печати 25/XI 1964 г.
 Формат 70×108¹/₁₆. Печ. л. 18. Усл. печ. л. 24,66 Уч.-изд. л. 26,7+0,1 вкл. Тираж 1200 экз. Т.-45967.
 Изд. № 4122/64. Тип. зак. № 1079

Цена 1 р. 61 к.

Издательство «Наука», Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
 2-я типография издательства «Наука», Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

Готовится к печати 27-й выпуск сборника «Средние века».

В выпуске будут опубликованы статьи: А. Д. Люблинской (Ленинград) «О некоторых особенностях мануфактурного этапа в развитии капитализма (на примере Франции в начале XVI в.)»; Э. Доннерта (ГДР) «Данные источников раннего средневековья о славянах и программа восточной экспансии у Титмара Мерзебургского»; Л. А. Котельниковой «Освобождение крестьян в Тоскане в XII—XIII вв.»; Г. В. Шевкиной «Проблема отношения разума и веры у парижских аверроистов (по трактату Боэция Дакийского «О вечности мира»); А. А. Сванидзе «Многоотраслевое хозяйство бондов в Швеции XIV—XV вв.»; В. Е. Майера (Ижевск) «Виноградарство и его место в аграрной истории Германии XIV—XVI вв.»; сообщения: В. Л. Керова «Народное движение в Южных Нидерландах и Франции в 1320 г.» и В. Н. Малова «Развитие французского письма XVI—XVIII вв. по каллиграфическим трактатам». В отделе «Дискуссии и обсуждения» помещена статья М. Е. Берковича (Одесса) «К вопросу об особенностях формирования немецкой народности». В выпуске будут напечатаны также рецензии на новые советские и зарубежные издания по истории средних веков. В отделе «Медиевистика в высшей школе» будут помещены статьи: Ю. Л. Бессмертного «Опыт проблемного построения курса истории средних веков в Новосибирском государственном университете» и М. М. Фрейденберга «Практикум по истории средних веков в пединституте». В конце сборника печатаются новые публикации: «Неизданные письма Мабильона (XVII — начало XVIII в.)», подготовленные Л. Г. Катупкиной (Ленинград), и «Новые библиографии по истории Англии в средние века» (составитель И. И. Фролова — Ленинград).

Статьи сборника имеют аннотации на иностранных языках. «Содержание» сборника дается в переводе на французский язык.

*Заказы на выпуски сборника принимаются «Академкнигой»
и «Международной книгой».*

Готовится к печати очередной, XXVI том «Византийского временника». В томе будут опубликованы статьи: З. В. Удальцовой (Москва) «Законодательные реформы Юстиниана»; К. В. Хвостовой (Москва) «О некоторых особенностях налогообложения в Византии в XIV в.»; В. П. Мутафчиевой (София) «К вопросу о землевладении в Сирии в XIV—XV вв.»; Л. Н. Гумилева (Ленинград) «Биография тюркского хана в „Истории“ Феофилакта Симокатты и в действительности»; А. П. Каждана (Москва) «Григорий Антиох. Карьера одного чиновника»; И. Н. Лебедевой (Ленинград) «Списки хроники Псевдо-Дорофея в собраниях Советского Союза»; В. В. Кропоткина (Москва) «Новые находки византийских монет на территории СССР»; Н. Н. Воронина (Москва) «Из истории русско-византийской церковной борьбы XII в.»; статьи по истории искусства В. Д. Лихачевой (Ленинград) и Н. К. Голейзовского (Москва). В томе публикуются также рецензии и аннотации на новые работы советских и зарубежных византистов.

Предварительные заказы на XXVI том «Византийского временника» принимаются «Академкнигой» и «Международной книгой».

Имеются в продаже вышедшие тома сборника «Византийский временник»: тома — IV—VI, VIII—XI, XIV—XXIII.

А Д Р Е С А   М А Г А З И Н О В   « А К А Д Е М К Н И Г А »

Москва, Центр, Б. Черкасский пер., 2/10 — кооператив «Академкнига», магазин «Книга — почтой»; Москва, ул. Горького, 8 (магазин № 1); Москва, ул. Вавилова, 55/5 (магазин № 2); Ленинград, Литейный проспект, 57; Свердловск, ул. Белинского, 71-В; Киев, ул. Ленина, 42; Харьков, Уфимский пер., 4/6; Алма-Ата, ул. Фурманова, 129; Ташкент, ул. Карла Маркса, 29; Баку, ул. Джапаридзе, 13; Новосибирск, Красный проспект, 51.

Зарубежные индивидуальные заказчики оформляют заказы через контрагентов В/О «Международная книга» на местах.

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
37	19 св.	построени-	построений
»	20 св.	критический	критические
»	21 св.	общине	общин-
38	25 св.	современным	современным
39	1 св.	Минекийские	Меникейские
49	12—13 св.	землевладения	землевладения»
75	5 св.	уховной	духовной
117	18 св.	Далласине	Далассине
157	25—24 св.	иполине	исполине
162	20 св.	εἰς	εἰς
249	21 св.	Paléochrétiens	Paléochrétiens
260	6 св.	В. В. Бенешевич	В. Н. Бенешевич